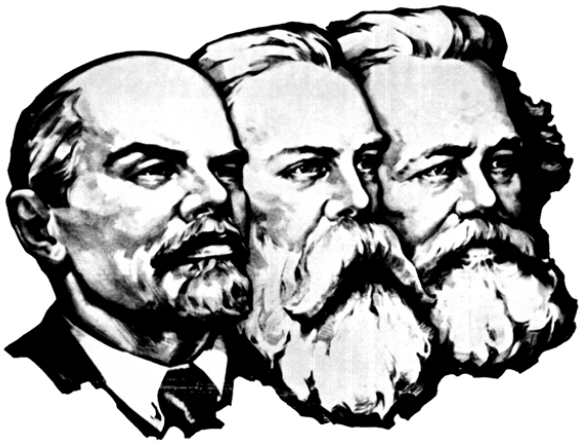
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



МАРКСИЗМ и современность

Международный теоретический и общественно–политический журнал

№1-2 (53-54) 2014-2015

Выходит с 1995 года
Периодичность издания 1 раз в квартал

Учредитель:
Союз коммунистов Украины

Журнал зарегистрирован в Мининформ Украины 22 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство КВ №2861

© Редакционно-издательский совет журнала «МиС»

СОДЕРЖАНИЕ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.В. СТАЛИНА

К выходу пятого тома издания "Сталин. Труды" 3

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕКОЙ ВОЙНЫ

А.В. Легейда — Часть первая. Война против революции, пролетариат против войны 8

Часть вторая. Уроки истории, или на память ура-патриотам 2014 года 22

В.А. Тюлькин — Борьба коммунистов с империализмом как источником войн 30

К 100-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Ж.Л. Салле — Вклад Коммунистического Интернационала в процесс становления и развития Коммунистической партии Франции (КПФ) 36

Б.А. Пугачёв — И вновь угроза фашизма и войны 52

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

И.И. Степанов — Что такое политическая экономия? 63

Л.Л. Васина — О терминах "ценность" и "стоимость" в переводах "Капитала" К. Маркса 80

Навстречу 100-летию выхода в свет работы Ленина "Империализм, как высшая стадия капитализма"

П.А. Покрытан — К вопросу об основных признаках современного империализма 91

Ленинский подход КПГ к империализму и империалистической пирамиде 94

Р.И. Косолапов — Читая Сталина 98

В.А. Сапрыкин — Ценности социализма. Суровая диалектика формационно-цивилизационной смены и преемственности системы общественных ценностей (главы из книги) 113

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Комментарий представителей “Коммунистики Эпитеориси” КПГ в Редколлегии МКО к статье «Борьба коммунистов с империализмом как источником войн», представленной РКРП 147

Редакционно-издательский совет

Багдаш А.
Барышев А.П.
Вазюлин В.А.
Джохадзе Д.В.
Жданов Ю.А.
Китанович Б.
Коларов В.
Косолапов Р.И.
Мартенс Л.
Рубикс А.П.
Сапрыкин В.А.
Тюлькин В.А.

Редакционная коллегия

Васина Л.Л.
Головин В.В.
Матковская И.М.
Минчев М.
Пихорович В.Д.
Попов М.В.
Пугачёв Б.А.
Салле Ж.Л.
Слободкин Ю.М.
Тажуризина З.А.
Углянская Н.Г.
Харламенко А.В.
Харламенко Е.Н.
Яброва Т.И.
(главный редактор)

Иванова И.В.
(перевод и ред. англ.)

Пугачева Р.Б.
(зав. корпунктом в Москве)

Гиотопулу В.В.
(зав. корпунктом в Афинах)

Адрес редакции:

01015 г.Киев-15
а/я 28

В.А. Тюлькин Добрый ответ нашим друзьям-комментаторам статьи В.А. Тюлькина “Борьба коммунистов с империализмом как источником войн” 148

Аммар Багдаш Некоторые замечания по существу проблемы, обсуждаемой в данной дискуссии 151

ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ СВОБОДОМЫСЛИЯ И АТЕИЗМА

З.А. Тажуризина Проблемы истории свободомыслия в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса 152

З.А. Тажуризина Марксистское свободомыслие за рубежом в XX веке 156

КОММУНИСТЫ В СОРЕМЕННОМ МИРЕ

16-я Международная встреча коммунистических и рабочих партий в Гуаякиле, Эквадор, 13-16 ноября 2014 г.

Пресс-релиз Коммунистической партии Греции 160

Выступление Георгиоса Мариноса – члена политбюро ЦК Компартии Греции 162

Рауль Кастро Рус Это будет долгая и трудная борьба 167

ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

А.В. Харламенко Великий социалистический трибун. К 155-летию рождения и 100-летию гибели Жана Жореса 171

ОППОРТУНИЗМ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Дюла Тюрмер Борьба против современных оппортунизма и ревизионизма. Из опыта венгерских коммунистов 191

Вилли Франке Контрреволюция в ГДР и современные коммунистические организации в ФРГ 196

В.В. Головин Доклад голого короля 205

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ БОРЬБЫ ЗА СОЦАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

В.Д. Пихорович К истории политэкономического термидора в СССР. К пятидесятилетию проекта ОГАС. Кибернетика и коммунизм 222

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Материалы научно-практической конференции, посвященной 135-ой годовщине со дня рождения И.В. Сталина: "И.В.Сталин – руководитель государства диктатуры пролетариата" 228

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов опубликованных материалов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы могут подвергаться сокращению без изменения по существу. Ответственность за подбор и правильность цитат, фактических данных и других сведений несут авторы публикаций.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

К 150 ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.В. СТАЛИНА

К выходу пятого тома издания «СТАЛИН. ТРУДЫ»

В конце 2014 года – начале 2015 года в свет выйдет очередной том издания «Сталин. Труды». Книга охватывает период с мая 1910 по сентябрь 1913 года. Его начало застаёт нашего автора под арестом. Что, впрочем, не помешало ему тогда же подготовить к печати свои знаменитые «Письма с Кавказа».

Переписка по делу Джугашвили затягивается, ему грозит пятилетняя высылка в отдалённые районы империи. Однако в итоге завершается водворением в Сольвычегодск, по прежнему месту ссылки, куда арестант прибыл в конце октября 1910 года.

Дерзкий беглец, видный деятель кавказской социал-демократии, теперь он является объектом самого пристального внимания правоохранительных органов. Об этом свидетельствует обширная переписка между Департаментом полиции, Вологодским ГЖУ, Тифлисским ГЖУ, московским и петербургским охранными отделениями, указания сольвычегодскому исправнику ужесточить режим наблюдения за неспокойным политическим ссыльным, протоколы неоднократных (впрочем, безрезультатных) обысков у него на квартире.

Отбыв ссылку и выбрав местом жительства Вологду, Джугашвили 6 июля 1911 года, избранный к тому времени на июньском парижском совещании членов ЦК кандидатом в члены организационной комиссии по созыву партконференции, едет из Сольвычегодска к месту назначения. Он пробыл там недолго и в начале сентября покинул Вологду, стремясь оживить партийные связи и включиться в революционную работу. Однако полиция была настороже, и уже 9 сентября Джугашвили вновь оказался за решеткой. Под новый, 1912 год он был возвращен в Вологду под гласный надзор полиции, по дороге успев принять участие в узком совещании перед отъездом делегатов на VI (Пражскую) общепартийную конференцию.

На этой конференции в январе 1912 года И.В. Джугашвили был ожидаемо (заочно) избран членом Центрального Комитета партии большевиков и членом Русского бюро ЦК. В конце февраля он скрылся из-под надзора полиции и направился в Москву и Петербург.

И вновь многомесячный отрыв от партийного строительства компенсируется утроенной активностью, с которой Джугашвили приступает к работе: участвует в собрании представителей рабочих партийных ячеек Василеостровского района, где были одобрены итоги Пражской конференции, написал листовку «За партию!», широко пошедшую по России от имени ЦК РСДРП; прибыв в марте на Кавказ, активизирует усилия партийных комитетов по осуществлению пражских решений, пишет циркулярное письмо № 1 ЦК РСДРП(б) к партийным организациям с извещением об окончательном конституировании Центрального Комитета партии большевиков.

Вернувшись в середине апреля в Петербург, Джугашвили редактировал большевистскую газету «Звезда», на страницах которой появились его статьи «Новая полоса», «Либеральные фарисеи», «Беспартийные чудаки», «Жизнь побеждает!», «Они хорошо работают…», «Тронулась!..», «Как они готовятся к выборам». Принял самое деятельное участие в основании новой партийной газеты «Правда», первый номер которой вышел 22 апреля с его программной статьей «Наши цели».

В этот же день Джугашвили арестован в очередной раз. Теперь ему назначена ссылка на три года в Нарымский край, куда его препроводили к 18 июля. Спустя 38 дней он вновь бежал и, прибыв в Петербург в середине сентября, тут же включился в подготовку к выборам в IV Государственную думу. В начале октября из-под его пера вышел знаменитый «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», а также ряд статей для «Правды»: «Воля уполномоченных», «К итогам выборов по рабочей курии в Петербурге», «Сегодня выборы».

В конце октября Джугашвили выехал за границу для участия в заседании ЦК РСДРП(б), произошедшем в Кракове в конце ноября – начале декабря. Возвратившись в Петербург, сотрудничал с социал-демократической фракцией Государственной думы. 22 декабря стал представителем ЦК во вновь избранном Петербургском комитете. В конце декабря опять выехал в Краков для участия в совещании ЦК с партийными работниками и членами думской фракции – большевиками, проходившем под руководством Ленина. Оттуда направился в Вену, где в конце 1912 – начале 1913 закончил работу над брошюрой «Марксизм и национальный вопрос» (под названием «Национальный вопрос и социал-демократия» опубликована в №№ 3–5 «Просвещения»). Также написал для «Социал-Демократа» статьи «Выборы в Петербурге (Письмо из Петербурга)», «На пути к национализму (Письмо с Кавказа)», листовку «Годовщина Ленской бойни».

Возвратившись в середине февраля 1913 года в Петербург, активно включился в работу думской фракции и реорганизацию редакции «Правды».

23 февраля по доносу провокатора Малиновского был арестован на благотворительном концерте в зале Калашниковской биржи и 2 июля этапирован в Туруханский край под гласный надзор полиции сроком на 4 года. А уже в августе он прибыл в село Костино Туруханского края. Началась последняя, самая тяжёлая и долгая ссылка.

Так за несколько напряженных, наполненных событиями, тревогами, заботами и трудами лет энергичный кавказский большевик Коба-Джугашвили стал одним из лидеров партии, искушенным публицистом и опытным организатором И.В. Сталиным. И хотя полиции удалось на несколько лет вырвать его из ежедневной практической политики, грядущие события – подъём рабочего движения в России, империалистическая война и, наконец, Февральская революция – увенчали старания борцов за дело народа. Главные бои для туруханского затворника были ещё впереди.

Заказать тома первый, второй, третий, четвертый и пятый, а также подписаться на издание целиком, вне зависимости от того, в каком регионе вы проживаете, можно, написав на электронный адрес sunlabour@yandex.ru или позвонив 8-967-132-48-63.

Редакционный совет издания «Сталин. Труды»

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ»

(после 9 июля 1911 года)

В редакцию «Рабочей Газеты». От Коба (Ивановича). Из № 4–5 «Рабочей Газеты» узнал, что вами послано «Кобе» письмо, ответа на которое требуется от него. Заявляю, что никакого письма от вас не получал, старые адреса провалены, новых у меня нет, и я лишён возможности переписываться с вами. О чём вы могли мне писать? Быть может, не лишне будет, если заранее заявлю, что я хочу работать, но работать я буду только лишь в Питере или в Москве: в других пунктах в данное время моя работа будет – я уверен в этом – слишком мало производительна. Было бы хорошо предварительно побеседовать о плане работы и т.п. с кем-либо из ваших, ну, хотя бы из русской части ЦК. Более того, это, по-моему, необходимо, если, конечно, русская часть ЦК функционирует. Словом, я готов, – остальное ваше дело. Может, я сузил вопрос и забежал вперёд… тогда повторите ваше письмо. Жду ответа.

Коба

P. S. Вы, конечно, догадываетесь, что я уже свободен.

РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 20. Л. 266.

НОВАЯ ПОЛОСА

15 апреля 1912 года

Вслед за экономическими выступлениями рабочих – политические их выступления.

Вслед за стачками за заработную плату – протесты, митинги, политические забастовки по поводу ленских расстрелов.

В Питере и Москве, в Риге и Киеве, в Саратове и Екатеринославе, в Одессе и Харькове, в Баку и Николаеве, – везде, во всех концах России подымают голову рабочие в защиту своих загубленных на Лене товарищей.

«Мы живы, кипит наша алая кровь огнём неистраченных сил»!..[1]

Третью ступень проходит рабочее движение в своём возрастающем оживлении. И это после контрреволюционных вакханалий.

Года два назад рабочие ещё пробовали сопротивляться всё возраставшим нападениям ненасытных хозяев. Стачки обороны, а местами и наступательные забастовки – вот в чём выражалось оживление движения. Это была первая ступенька. Московский район был застрельщиком.

Года полтора назад рабочие переходят к наступательным забастовкам. Выставляются новые экономические требования, добиваются условий 1905–1906 годов, отобранных у рабочих за время контрреволюционного разгула. Это была вторая ступенька. Застрельщиками были западные окраины.

Теперь пошла третья ступень, период политического движения.

Со ступеньки на ступеньку!

И этого надо было ожидать. Подъём в основных отраслях промышленности и рост капиталистических барышей наряду с падением реальной заработной платы; рост профессиональных и политических организаций буржуазии наряду с разрушением рабочих организаций; подъём цен на жизненные продукты и рост помещичьих доходов наряду с голодом 30 миллионов крестьян, когда гонимые нуждой отцы и матери принуждены продавать своих дочерей и сыновей, – всё это не могло не внести политического оживления в ряды рабочего класса.

Ленские выстрелы послужили лишь сигналом.

Очевидно, «на Шипке не совсем спокойно». Это чувствуют и представители власти, спешно готовящиеся к «умиротворению» страны. Это отражается, по-видимому, даже на делах нашей внешней политики…

А известия о политических забастовках-протестах всё продолжают поступать.

Нет сомнения, что подземные силы освободительного движения заработали…

Привет вам, первые ласточки!

К. С.

Петербургская газета «Звезда». 1912. № 30.

ПИСЬМО А.Е. АКСЕЛЬРОДУ

6 декабря 1912 года

Краков, 6 декабря 1912 г. С.-Петербург, Калашниковское отделение Русского для внешней торговли банка, Александру Ефремовичу *Аксельроду*.

Химический текст.

Для Васильева.

Дорогой друг, насчёт 9-го янв. крайне важно обдумать и подготовить дело заранее.

А) Заранее должен быть готов листок с призывом к митингам, однодневной стачке и демонстрациям (сие должно быть решено на месте, на месте виднее). Надо поправить ошибку 15.XI, поправить против оппортунистов, конечно. Лозунги листка должны быть три революционные (республика, 8-часовой рабочий день и конфискация помещичьего землевладения) с особым подчеркиванием 300-летия «позора» Романовской династии.

Б) Ежели нет полной и полнейшей уверенности в возможности иметь листок в Питере, надо заранее, вовремя заготовить его здесь и привезти. Наглость ликвидаторов по вопросу о Як. беспримерна. Если у нас все 6 по рабочей курии, нельзя молча подчиняться каким-то сибирякам. Обязательно шестерке выступить

---

[1] Слова стихотворения «Из Уота Уитмана» (перевод с английского за подписью Тана — В.Г. Богораза), впервые напечатанного в журнале «Начало» в марте 1899 года:

Не скорбным, бессильным, остывшим бойцам,
Усталым от долгих потерь, —
Хочу я отважным и юным сердцам
Пропеть свою песню теперь!

Пусть мертвые мертвым приносят любовь
И плачут у старых могил!
Мы живы: кипит наша алая кровь
Огнем неистраченных сил…

Впоследствии неоднократно помещалось в революционных сборниках. — *Ред.*

с самым резким протестом, ежели её майоризируют[1], напечатать протест в «Дне» и заявить, что они апеллируют к низам, к организациям рабочих. Ликвидаторы хотят вздуть своё большинство и протащить раскол с польской с.-д. Неужели представители рабочих 6-ти рабочих губерний подчинятся Скобелевым и К° или случайному сибиряку. Пишите почаще и побольше, поподробнее. Статьи Луча против стачек – верх низости. Надо резко выступить нелегально. Пишите скорее, на каком из намеченных вами планов такого выступления вы останавливаетесь. Привет.

Верните документ – жить по нему неудобно. Владелец может быть в Питере.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 265. Д. 531. Л. 331–331об.

Примечание. Публикуется по копии, снятой при перлюстрации в департаменте полиции и отложившейся в архиве особого отдела. На бланке имеется помета «Химический текст».

ПОЛОЖЕНИЕ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ

26 февраля 1913 года

В № 44 «Правды» появилось «заявление» семи социал-демократических депутатов, где они враждебно выступают против шести рабочих депутатов.

В том же номере «Правды» шесть рабочих депутатов отвечают им, называя их выступление первым шагом к расколу.

Таким образом, рабочие становятся перед вопросом: быть или не быть единой с.-д. фракции?

До сих пор с.-д. фракция была едина и своим единством сильна, достаточно сильна для того, чтобы заставить считаться с собой недругов пролетариата.

Теперь она, быть может, разобьётся на две части на потеху и радость врагам…

В чём же дело? Из-за чего разошлись так резко члены с.-д. фракции? Что побудило семерых депутатов напасть на своих товарищей на страницах газеты, пред лицом врагов рабочего класса?

Два вопроса выдвигают они в своём «заявлении»: вопрос об участии в «Луче» и «Правде» и вопрос о слиянии этих газет.

Семеро депутатов думают, что с.-д. депутаты обязаны участвовать в обеих газетах, что отказ шести депутатов участвовать в «Луче» является нарушением единства с.-д. фракции.

Но так ли это? Правы ли семь депутатов?

Во-первых, странно, как можно участвовать в газете, направление которой не только не разделяешь, но считаешь вредным? Как можно обязать, например, ортодокса Бебеля участвовать в ревизионистской газете, или ревизиониста Фольмара – в ортодоксальной? В Германии хохотали бы по поводу такого требования, ибо там знают, что единство действий не исключает различия во взглядах. Но у нас… у нас, слава богу, нет ещё культурности.

Во-вторых, у нас имеется прямое указание опыта в России, по которому участие депутатов в двух разных газетах отнюдь не подрывает единства фракции. Мы говорим о третьей фракции[2]. Ни для кого не тайна, что из 13 членов третьедумской с.-д. фракции 9 участвовали только в «Звезде», 2 – только в «Живом Деле», остальные же двое совершенно воздерживались от участия как в той, так и в другой газете… И всё-таки такое положение вещей ни на иоту не подорвало единства третьей фракции! Фракция всё время выступала единой.

Очевидно, семеро депутатов стоят на ложном пути, требуя обязательного участия в «Луче». Они, по-видимому, не вполне ещё разобрались в вопросе.

Далее. Семеро депутатов требуют слияния «Правды» и «Луча» в одну нефракционную газету.

Но как их слить? Возможно ли слить их в одну газету?

Неужели семь депутатов, эти «идейные сторонники» «Луча», не знают, что «Луч» первый же отказывается от такого слияния? Читали ли они № 108 «Луча», где он пишет о том, что «единство не может быть достигнуто простыми механическими мерами, вроде слияния двух органов и т. п.»?

А если читали, то как могут они серьёзно говорить о слиянии?

Во-вторых, известно ли семи депутатам отношение лидеров ликвидаторства к единству вообще и к одному общему органу в частности?

Послушайте вдохновителя «Луча», П. Аксельрода. Вот что он писал в № 6 «Невского Голоса», когда одна часть петербургских рабочих решила издать одну нефракционную газету, в противовес «Звезде» и «Живому Делу»:

«Мысль о нефракционном с.-д. органе является в настоящее время утопией и притом утопией, объективно идущей вразрез с интересами партийно-политического развития и организационного объединения пролетариата под знаменем с.-д. Гони природу в дверь, она влетит в окно… Сможет ли проектируемый рабочий орган занять нейтральную позицию между двумя противоположными лагерями?.. Очевидно, нет» (см. «Невский Голос» № 6).

Итак, по Аксельроду, одна общая газета не только невозможна, но и вредна, ибо «идёт вразрез с интересами политического развития пролетариата».

Послушаем другого вдохновителя «Луча», небезызвестного Дана.

«Крупные политические задачи, – пишет он, – делают неизбежной беспощадную войну с антиликвидаторством… Антиликвидаторство есть вечный тормоз, вечная дезорганизация». Нужно… «всеми силами стараться убить его в зародыше» (см. «Наша Заря» № 6, 1911 г.).

Итак, «беспощадная война с антиликвидаторством», т.е. с «Правдой», «убить антиликвидаторство», т.е. «Правду», – вот что предлагает Дан.

Как могут семеро депутатов после всего этого серьёзно говорить о слиянии двух газет?

Кого же они хотят слить, объединить?

Одно из двух: либо они не усвоили вопроса и не успели ещё разобраться в позиции «Луча», сторонниками которого они себя считают, – и тогда они «сами не ведают, что творят». Либо они являются настоящи-

[1] То есть используют большинство голосов для отклонения предложения меньшинства. — *Ред.*

[2] Речь идёт о социал-демократической фракции в III Государственной Думе. — *Ред.*

ми лучистами, вместе с Даном готовы «убить антиликвидаторство», вместе с Аксельродом не верят в возможность одной газеты, но громогласно говорят об единстве для того, чтобы втихомолку готовить почву для раскола фракции…

Как бы то ни было, одно несомненно: рабочие стоят перед вопросом о целости с.-д. фракции, которой грозит разрыв.

Фракция в опасности!

Кто может спасти фракцию, кто может обеспечить целость фракции?

Рабочие и только рабочие! Никто больше, кроме рабочих!

Поэтому обязанностью сознательных рабочих является возвысить голос против раскольнических попыток внутри фракции, откуда бы они ни исходили.

Обязанностью сознательных рабочих является призвать к порядку семь с.-д. депутатов, выступивших против другой половины с.-д. фракции.

Рабочие должны теперь же вмешаться в дело для того, чтобы оградить единство фракции.

Теперь молчание невозможно. Более того – молчание теперь преступно.

К. Сталин
Правда. 1913. № 47.

Примечание. В декабре 1912 года рабочие депутаты IV Думы дали согласие на включение своих фамилий в список сотрудников «Луча». Одновременно они продолжали сотрудничать в «Правде». Фактически рабочие депутаты в «Луче» не участвовали. После соответствующего указания ЦК они заявили о снятии их фамилий из числа сотрудников «Луча». В связи с этим заявлением между двумя группами социал-демократической фракции (большевистской шестёркой и меньшевистской семёркой) разгорелась ожесточённая борьба.

СВЕДЕНИЯ ВОЛОГОДСКОГО ГЛАВНОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ О ССЫЛЬНОМ И.В. ДЖУГАШВИЛИ

20 августа 1911 года

Фамилия, имя и отчество – Джугашвили Иосиф Виссарионович.

Кличка наблюдения по городу – «Кавказец».

Кружковое прозвище – «Коба», «Сосо» и «Чопур».

Звание – крестьянин Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Аило.

Занятие – определенных занятий не имеет (конторщик-бухгалтер).

Лета, вероисповедание – православного, лет 30–34-х.

Приметы – 30–34 лет, роста среднего, волосы черные, глаза карие, лоб низкий, нос прямой большой, усы темно-русые, бороду бреет.

Имеется ли в отделении (управлении) фотографическая карточка – имеется.

Где ныне проживает – проживал в Вологде, откуда в ночь на 29 февраля 1912 г. скрылся как ссыльный.

Семейные связи – отец умер, мать Екатерина Клиховна в г. Гори.

Революционные связи – в г. Вологде имел связь с ссыльным Абрамом Исаковым Иванянцем, Меером Абрамовым Черновым, Николаем Петровым Татариновым, мещанами Афроимом Бейрахиль и Марией Берковой Гершенович и тесную связь с ссыльными Моисеем Лашевичем Петровым-Заславским и невыясненным «Шилей», а также бывшим ссыльным Петром Алексеевым Чижиковым.

Деятельность по партии – имел непосредственные сношения с заграничным партийным центром и получил в августе 1911 г. предложение приехать за границу для соответствующего инструктирования и исполнения обязанностей разъездного агента ЦК.

Кроме того, находясь в 1911 г. в ссылке в г. Сольвычегодске совместно с ссыльными Иваном Петровым, Иваном Голубевым и др., стремился сорганизовать среди ссыльных социал-демократическую фракцию и устраивал собрания, на которых читались рефераты и обсуждались политические вопросы.

Джугашвили родился в г. Гори Тифлисской губ., воспитывался в Тифлисской духовной семинарии, вышел из 5-го класса. В 1902 г. привлекался при Тифлисском губернском жандармском управлении к дознанию обвиняемым по делу о тайном кружке РСДРП в Тифлисе, за что на основании высочайшего повеления, последовавшего в 9 день июня 1903 г., был сослан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на три года. 5 января 1904 г. из места водворения скрылся и разыскивался циркуляром департамента полиции от 1 мая 1904 г. за № 5500.

По негласным сведениям, имевшимся в Тифлисском губернском жандармском управлении, в 1903 г. Джугашвили состоял во главе Батумского комитета социал-демократической рабочей партии и в организации был известен под кличкой «Чопур». В 1904 и 1905 гг. занимался в г. Тифлисе революционной деятельностью. По вновь полученным сведениям был известен в организации в г. Тифлисе под кличками «Сосо» и «Коба».

С 1902 г. работал в социал-демократических организациях, сначала меньшевиком, а потом большевиком, как пропагандист и руководитель первого района (железнодорожного). В 1905 г. был арестован и бежал из тюрьмы; в 1906 г. и 1907 г. нелегально жил в Батуме, где и был арестован и выслан в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на два года с 29 сентября 1908 г., но из места водворения – г. Сольвычегодска – скрылся 24 июля 1909 г. и разыскивался циркуляром департамента полиции от 19 августа 1909 г. за № 151385/53. 24 марта 1910 г. был задержан в г. Баку и доставлен в г. Сольвычегодск. 7 июля 1911 г. за окончанием срока ссылки был освобожден от надзора и прибыл в г. Вологду. 6 сентября 1911 г. выбыл из г. Вологды под наблюдением в С.-Петербург, где был арестован охранным отделением как перешедший на нелегальное положение. За революционную деятельность вновь выслан в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на три года, с 5 декабря 1911 г. 29 февраля 1912 г. скрылся из г. Вологды неизвестно куда.

Старая Вологда. XII – начало XX в.
Сборник документов и материалов.
Вологда, 2004. С. 267.

ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5255. Л. 52–52об.
РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 645. Л. 15–15об.

НАЧАЛЬНИК ВОЛОГОДСКОГО ГЛАВНОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ — НАЧАЛЬНИКУ МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ

21 августа 1911 года

Совершенно секретно

Указанная в Вашем сообщении от 17 августа за № 260990 кличка «Коба» относится к временно проживающему в г. Вологде бывшему политическому ссыльному Иосифу Виссарионову Джугашвили копия сведений о котором на имя гр-на Директора Департамента полиции от 14 марта с. г. за № 53 была тогда же препровождена Вам Начальником Тифлисского губернского жандармского управления.

Из дел же вверенного мне Управления видно, что Джугашвили 27 февраля 1909 года прибыл по этапу на место определенной ему ссылки в гор. Сольвычегодск, откуда 24 июля того же года скрылся.

Задержанный 24-го марта 1910 года в городе Баку, он был обратно препровожден в тот же город Сольвычегодск, откуда 27 июля 1911 года за окончанием срока ссылки был освобожден и с проходным свидетельством прибыл в город Вологду, где ему, согласно его ходатайства, разрешено временно остаться на 2 месяца по 19 сентября с. г.

По сведениям агентуры Джугашвили совместно с другими ссыльными (Иваном Петровым Петровым, Иваном Михайловым Голубевым, Николаем Матвеевым Ильиным, Александром Янкелевым Шуром, Иродионом Исааковым Хаситовым, Федором Игнатьевым Сяпоновским[1], Михаилом Алексеевым Каландатзе, Георгием Алексеевым Корастылевым и Георгием Ивановым Жайворонковым) стремился сорганизовать в городе Сольвычегодске с.-д. фракцию, устраивал собрания, на которых читались рефераты и обсуждались политические вопросы. Эти собрания имели своей целью выработать опытных пропагандистов. Означенные агентурные сведения и были препровождены моим предместником в район 17 мая с. г. за № 216.

По прибытии в гор. Вологду Джугашвили поселился в доме Бобровой по Мало-Козленской улице, а с 24 июля вошел в сферу наблюдения по кличке «Кавказец».

Назначенным наблюдением установлена его связь: 1) с приказчиком фруктового магазина Ишмемятова Петром Алексеевым Чижовым[2], кличка наблюдения «Кузнец», 23 лет, крестьянином Орловской губернии, Болховского уезда, деревни Близни; 2) с бывшим студентом заграничного политехнического института, техником в Нижегородском самоуправлении Мееровым Абрамовым Черновым, 29 лет (кличка наблюдения «Сосновый»), сосланный в Вологодскую губернию за принадлежность к партии с.-р. на 3 года с 5 ноября 1907 г. С 28 августа 1908 года по 19 марта 1910 года находился в самовольной отлучке; 3) с ссыльным студентом Томского Технологического Института гор. Кубы Абрамом Исааковым Иванянцовым (кличка наблюдения «Темный»), 23-х лет, о причине ссылки и сроке её запрошен Начальник Томского Губернского Жандармского Управления от 31 июля сего года № 4838; 4) с женой ссыльного студента Томского Технологического Института Николая Петрова Татаринова (личность её в политическом отношении ещё не выяснена); 5) с Витебским мещанином Афроимом Левиковым Бейрахом (кличка наблюдения «Косоглазый»), сожителем Марии Берковны Гершенович (проходила по наблюдению с 1908 года по партии с.-р,. а с апреля 1911 года по партии с.-д. по кличке «шляпошница»). Бейрах в 1908 году замечался в сношениях с с.-р., 2 апреля того же года у него был произведен обыск, оказавшийся однако безрезультативным.

Сношения Джугашвили с вышеуказанными лицами выясняются более подробно. Наблюдением установлено, что они с Чижовым видятся несколько раз в день и заходит к нему на квартиру. За корреспонденцией ходят ежедневно на почту Чижов и Джугашвили, но получает её первый. Узнать по какому адресу и откуда она получается не представляется возможным, так как Джугашвили, будучи видимо очень хорошо знаком с техникой наблюдения, ведёт себя крайне осторожно.

До настоящего времени Чижов по делам Управления не проходил. Как можно полагать. Джугашвили в скором времени выедет в С.-Петербург или Москву для свидания с тамошними представителями организаций и при выбытии из Вологды будет сопровождаться наблюдением.

Для настоящего времени принимая во внимание, что Джугашвили очень осторожен и вследствие этого наблюдением легко может быть потерян, являлось бы лучшим производство обыска и ареста его ныне же в Вологде, ввиду чего и прошу сообщить, имеются ли в вашем распоряжении такие данные о Джугашвили, которые могли бы быть предъявлены к нему по возбуждению о нём дела, и не имеется ли препятствий с вашей стороны к обыску теперь же у этого лица.

К изложенному присовокупляю, что на благоприятные результаты обыска у него в Вологде рассчитывать нельзя в виду его крайнего конспиративного образа действий.

Одновременно с обыском у Джугашвили будут произведены и у всех лиц, с коими он находился здесь в сношениях.

Полковник *Конисский*

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 163. Л. 7–9.

---

[1] Правильно — Сятковский. — *Ред*.

[2] Ошибка. Правильно — Чижиков. — *Ред*.

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

I. Война против революции, пролетариат против войны

А.В. Легейда

Война и кровопролития нужны правящим классам – рабочие всех стран требуют мира во что бы то ни стало. И мы, русские рабочие, братски протягиваем руку рабочим всех других стран и сливаемся в общем с ними протесте против позора наших дней – войны.

Из обращения большевиков-депутатов IV Думы к Базельскому конгрессу II Интернационала, ноябрь 1912 г.

1.

Проблема соотношения межгосударственной войны и социальной революции, поставленная трагедией 1914 г. как в практическо-политическом, так и в историко-теоретическом аспекте, до наших дней остается вызовом идейной и политической состоятельности всех, кто называет себя левыми, революционерами и тем более коммунистами. Всесторонне рассмотреть эту проблему в рамках статьи невозможно. Ограничимся пока одним аспектом, первичным исторически и логически: взаимодействием межимпериалистических противоречий и международного предреволюционного кризиса в процессе возникновения войны.

Основы научной концепции Первой мировой войны были заложены пролетарскими революционерами-интернационалистами, прежде всего В.И. Лениным. С тех пор в марксистской исторической науке, в первую очередь советской, первостепенное внимание уделялось межимпериалистическим противоречиям как основной, если не единственно существенной, причине мировой военной катастрофы. Эта концепция раскрыла качественно новое содержание Первой мировой войны как империалистической, обосновала с позиций пролетариата ее несправедливость с обеих сторон, с полным правом возложила ответственность за трагедию народов на монополистическую олигархию и сросшиеся с ней правящие «элиты» всех «великих» держав. Тем самым она сыграла всемирно-историческую роль в победе Великого Октября, создании мирового коммунистического движения. В наши дни, когда ленинская концепция Первой мировой войны вновь подвергается яростным атакам справа, необходимо еще раз подчеркнуть, что она верно отражает объективную историческую реальность и, как всякая объективная истина, не подвластна конъюнктуре.

Но столь же верно и другое положение марксистско-ленинской теории: истина есть процесс. Это в полной мере относится к историческому знанию. По мере развития общественной практики и неразрывно с нею связанной науки, исторические события поворачиваются к нам новыми сторонами. Даже от самых выдающихся современников эти стороны были если не скрыты, то заслонены первоочередной «злобой дня», подобно темной стороне Луны, невидимой землянам до эпохи космических полетов. Рассматривая события с исторической дистанции, мы не только вправе, но и должны обогащать объективную истину, открытую предшественниками, новыми сторонами, которые востребуются развивающейся практикой.

Представляется, что роль межимпериалистических противоречий в возникновении крупных, тем более мировых, войн, будучи неоспоримой, не должна абсолютизироваться. В этом убеждают уже общетеоретические соображения. Как неоднократно подчеркивали классики марксизма-ленинизма, внешняя политика эксплуататорского государства всегда, в конечном счете, подчинена необходимости поддержания классового господства над «внутренним врагом». В еще большей мере это относится к крупным войнам, которые всегда были, по верному выражению одного из деятелей 1914-1918 гг., «*слишком серьезным делом, чтобы доверять его генералам*».

Даже при зрелости всех межгосударственных предпосылок большой войны господствующий *класс* – за которым так или иначе последнее слово – решается на столь рискованное дело, как правило, лишь в тех случаях, когда к его грабительским устремлениям на международной арене добавляется *внутренняя* угроза его господству, достаточно серьезная, чтобы отвести ее не представлялось возможным иначе как внешней войной, но еще не настолько сильная, чтобы связать руки поджигателям войны. Эта закономерность проявлялась уже много столетий (в частности, ее действие убедительно показал Б.Ф. Поршнев, исследуя эпоху Тридцатилетней войны XVII в.). На этапе капитализма, когда экономический базис общества, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, из преимущественно консервативного становится по существу революционным, угроза господству правящего класса тоже приобретает именно революционный характер.

Понятно стремление буржуазных историков обойти борьбу революции и контрреволюции при рассмотрении всех исторических событий, кроме тех, где это попросту невозможно. Труднее понять ту же тенденцию у авторов, считавших себя марксистами. Применительно к революционному XX веку можно утверждать: если война рассматривается *только* как результат межимпериалистических противоречий, без учета борьбы революции и контрреволюции как ключевого фактора политики этой эпохи, смещаются все пропорции исторической картины. Если же рассматривать мировую войну и мировую революцию как диалектическое единство противоположностей, качественные и количественные параметры обоих процессов выявляются существенно

полнее, чем при подходах, метафизически отрывающих противоположности друг от друга.

В эпоху империализма речь идет уже о перспективе социалистической революции при ведущей роли пролетариата. Революционная ситуация, по крайней мере европейского масштаба, сложилась, согласно В.И. Ленину, в ходе Первой мировой войны[1], а перспектива ее пролетарско-социалистического разрешения реально обозначилась в последний год войны и после нее. Однако при внимательном рассмотрении событий выясняется, что *предреволюционная* ситуация складывалась в европейском и потенциально мировом масштабе уже в годы, предшествовавшие войне. Более того: «великий страх» господствующих классов перед обретавшим плоть призраком революции оказывается первостепенным фактором, существенно влиявшим на разрешение международных коллизий. В прозорливом предупреждении Ф. Энгельса: «*Война, если она начнется, будет вестись только с целью помешать революции*»[2], – для эпохи империализма перестает быть уместным категоричное «только», но в целом подчеркнутый им контрреволюционный аспект мировой войны остается столь же, если не более чем раньше, необходимым условием ее возникновения.

2.

Уже возникновение «детонаторов» мировой войны – эльзас-лотарингского и балканского – вряд ли может быть объяснено одними лишь захватническими вожделениями «германской империи прусской нации» (Ф. Энгельс) и других держав. Бисмарку нельзя отказать в умении превращать вчерашних противников в завтрашних союзников, и он отлично знал первую заповедь этого искусства: за столом переговоров считаться с интересами даже стороны, побежденной на поле боя, избегать оскорбления ее национальных чувств. «Железный канцлер» старался не увлекаться аннексиями, предпочитая вместо дорогостоящего и взрывоопасного «кусочка» включить в свою сферу влияния всю страну. Такую позицию он занял в 1866 г. по отношению к побежденной Австрии, аналогичный подход рекомендовал германским политикам в отношении России. Почему же он дважды изменил себе: в 1871 г. – отторгнув Эльзас-Лотарингию у Франции и сделав ее непримиримым врагом, и в 1878 г. – навязав России Берлинский трактат, лишивший ее многих плодов победы над османами и превративший Балканы в пороховой погреб Европы?

Ключ к ответу дает хронология: 1871 г. – Парижская Коммуна; 1874 г. – падение Первой Испанской республики, возникшей после фиаско бисмарковского кандидата на престол, что дало Пруссии повод к войне с Францией; 1877-1878 гг. – война южных славян и России против османов, для Болгарии и Сербии объективно означавшая национально-демократическую революцию; 1878 г. – провал во Франции путча Мак-Магона и утверждение республики; 1879-1881 гг. – вторая революционная ситуация в России, назревавшая с середины 1870-х гг. Понятно, что в сознании Бисмарка и его класса, помнивших «безумный» 1848 год и встревоженных успехами германского рабочего движения (в 1878 г. был принят «исключительный закон против социалистов»), внешнеполитическая стратегия должна была отступить перед охранительным императивом. Францию и Россию требовалось ослабить и даже оскорбить, чтобы уменьшить вероятность революционного исхода, заранее упрочить военную машину юнкерско-буржуазного рейха, разделить народы стенами национальной вражды. Насколько сам Бисмарк и его окружение осознавали объективный классовый императив, а насколько он был затуманен шовинистическими предрассудками и «головокружением от успехов» – вопрос небезынтересный в социально-культурном плане, но исторически не принципиальный.

3.

Обратимся теперь к началу эпохи империализма. Известно, что роковому лету 1914 г. предшествовало несколько острейших военно-политических кризисов, ставивших планету на грань мировой войны. Все они имели причиной и поводом империалистический передел колоний и зависимых стран. Почему же ни один из них не привел к катастрофической развязке?

Датой первого из таких кризисов можно считать 1898-99 годы – рубеж завершения в основном империалистического раздела Азии и Африки, исчерпания резерва «незанятых» земель всей планеты. Сесилу Родсу, одному из авторов термина «империализм», оставалось предвосхищать персонажей «Звездных войн»: «*Как жаль, что мы не можем добраться до звезд. Я бы аннексировал планеты*». Пока же космос был недоступен, в повестку дня встал передел уже поделенного. В 1898 г. США захватывают колонии Испании. В 1899-м Великобритания и Германия, еще не ставшие врагами, едва не поделили колонии Португалии. В начавшейся тогда же войне на юге Африки португальский Мозамбик служил базой поддержки буров державами-соперницами Лондона. Но ближе всего к грани мировой войны подвел «инцидент» в том же Южном Судане, где и в наши дни льются потоки крови, не видимые европейским обывателям. В 1898 г. в селении Фашода на берегу Белого Нила британские каратели Китченера, успевшие испытать на суданцах новое оружие – пулемет, столкнулись с французским отрядом Маршана. Франция была уже связана с Россией договором, направленным против Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии. Еще шаг, еще выстрел – и мировая война началась бы на 16 лет раньше, с иным составом противостоящих коалиций и, вероятно, с иным исходом.

Что предотвратило роковую развязку? Ведь международная ситуация была более чем острой: шла испано-американская война, на грани пожара пребывали Балканы, на сферы влияния делили Китай. Во внутренней политике Великобритании, Германии и Австро-Венгрии не происходило ничего грозившего спутать карты азартным игрокам. Италия видела в 1899 г. социальный взрыв с баррикадными боями в Милане, но не была настолько сильной, чтобы играть на мировой арене самостоятельную роль.

Иное дело – Франция, переживавшая в 1898-1899 гг. пик внутриполитического кризиса, спровоцированного «делом Дрейфуса». К власти рвался «протофашистский» блок монархической военщины, влиятельных клерикалов и фанатизированного антисемитизмом мещанства, опиравшийся на самую реакционную часть финансового капитала. Объективно этот

[1] Ленин В.И. Крах II Интернационала / ПСС. – Т. 26. – С. 219-221.

[2] Энгельс Ф. Политическое положение в Европе / Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд. – Т. 21. – С.327.

блок пытался довести контрреволюцию, начатую разгромом Парижской Коммуны, до логического конца – уничтожения даже буржуазной республики, предоставлявшей рабочему движению легальные возможности. Против угрозы республике выступил прообраз Народного фронта 30-х гг.: радикальные круги буржуазии, влиятельная мелкобуржуазная демократия и большинство организованного пролетариата, шедшее за своим лидером Ж. Жоресом. Этой конфронтации оказалось достаточно, чтобы «*вплотную подвести народ к гражданской войне*»[1]. Применяя ленинские критерии революционной ситуации, невозможно не увидеть ее назревания во Франции конца 1890-х гг.

Полнейшее совпадение угрозы гражданской войны с международным кризисом, грозившим мировой войной, не было случайным.

С одной стороны, сам внутренний конфликт имел международную составляющую: «протофашисты» играли на реваншистских настроениях французов, провокационно изображали своих противников «немецкими шпионами», за кулисами же поддерживали тесные связи с австро-германской реакцией, подводя родину под ее «выстрел» ради уничтожения республики. В этом плане показательны как фигура провокатора – графа Эстергази, перешедшего на французскую службу из габсбургской Австрии и не скрывавшего ненависти к французскому народу, – так и выбор жертвой Дрейфуса – выходца из среды эльзасцев, сохранявших и после германской аннексии верность Франции и потому особо ненавистных именно германским шовинистам.

С другой стороны, правящие круги Берлина и Лондона готовили войну с Францией не из одного колониального соперничества (не помешало же оно Лондону вскоре вступить с Парижем в блок против Германии), но и из страха перед призраком новой Коммуны. Такой вывод подтверждается тем, что военные тучи рассеялись, едва выяснилось, что дело происходит, как подчеркнет Ленин в 1920 г., «*в обстановке, которая и со стороны международной и со стороны внутренней во сто раз менее была революционна, чем теперь*»[2].

Вне Франции и Италии предреволюционного кризиса в 1898-1899 гг. не было. Да и во Франции в итоге сказалась усталость народа, особенно пролетариата, от ряда гражданских войн и самой жестокой из них, сопровождавшей гибель Коммуны. Ни та, ни другая сторона противостояния не перешла Рубикон, и casus belli удалось устранить путем компромисса, включавшего как одно из условий участие социалиста Мильерана в буржуазном правительстве. С учетом угрозы перерастания гражданской войны в мировую, компромисс рабочего движения и мелкобуржуазной демократии с буржуазными республиканцами представлялся единственной альтернативой катастрофе, грозившей участью Коммуны уже всей Франции и не ей одной (предпосылки революционного выхода из подобной войны тогда еще не созрели). Это политически и психологически объясняет согласие большинства рабочего движения Франции на компромисс, не оправдывая, конечно, оппортунизм Мильерана, действовавшего за спиной своей партии и докатившегося до полного ренегатства.

Паллиативное разрешение взрывоопасных противоречий путем компромисса на рубеже XIX-XX веков не было специфически французским явлением. Так в те годы, даже после самых острых столкновений, оборачивалось дело и в международных конфликтах (испано-американском, англо-бурском, греко-турецком), и во внутренних делах ведущих держав. Британские тред-юнионы получили политическую надстройку – Лейбористскую партию. В Италии компромисс, подобный французскому, между лидером либералов Джолитти и социалистической партией Турати позволил отойти от грани гражданской войны и провести некоторые реформы. Хотя империализм уже вступил на историческую арену, еще не были исчерпаны возможности социально-политического маневра на базе реформистского разрешения недоделанных буржуазными революциями задач. Эту временную и относительную тенденцию абсолютизировал ревизионизм Э. Бернштейна, обозначивший начало оппортунистических «подвижек» во II Интернационале.

4.

Вторично мир подошел к грани военной катастрофы в 1904-1905 гг. На Дальнем Востоке полыхала война, которую Япония не могла бы вести без финансовой и военной поддержки Великобритании и США. В последний раз перед Первой мировой англосаксонские державы выступили, хотя и косвенно, против России, что создавало возможность их блока с Тройственным союзом против франко-российского.

Но уже в 1904 г. был подписан англо-французский договор о разделе Северной Африки (Египет – Лондону, Марокко – Парижу), а в середине 1905 г. германский и британский империализм едва не столкнулись на севере Европы – поддержав соответственно Швецию и отделившуюся от нее Норвегию – и на севере Африки, где возник «первый марокканский кризис». В ответ на попытку Франции превратить Марокко в колонию кайзер Вильгельм II нанес сенсационный визит в стратегически важный порт Танжер, а его окружение дало понять, что в ответ на аннексию североафриканского королевства германские войска перейдут границу Франции. Лондон, в свою очередь, подстрекал Париж не уступать немцам, обещая поддержку в войне. Но грозовые тучи снова прошли мимо. Почему?

Ответ был известен уже Энгельсу, и его можно выразить двумя словами: российская революция. И дело не в ослаблении Российской империи как союзника Франции и потенциально – Великобритании, на что упирают буржуазные историки. Такое ослабление само по себе могло только ускорить вспышку войны, развязав руки кайзеровской Германии. Главное состояло в революционизирующем влиянии России на другие страны. Отсюда – приоритет контрреволюционных целей господствующих классов, отнюдь не одних российских, над остальными задачами. Только учет этого обстоятельства позволяет понять поведение «элит», иначе кажущееся подчас проявлением клинического слабоумия.

В самом деле: как Британская империя и США могли поддержать против России Японию – в ближайшей перспективе своего опаснейшего на Тихом океане врага? Да, у Лондона с Петербургом были старые противоречия в Азии. Но уже стало очевидно, что Российская империя, финансово зависимая от иностранного капитала и вползающая в революционный кризис, не может и помышлять о рывке к «теплым морям» (кото-

[1] Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС. – Т. 41. – С. 83.
[2] Там же.

рый и прежде-то существовал больше в зарубежных фальшивках типа «завещания Петра Великого», достойного предтечи «мытья сапог в Индийском океане» в исполнении Владимира Вольфовича). А уж Соединенным Штатам вообще нечего было опасаться со стороны России. Что это – патологическая русофобия «гниющего Запада», как мнится национал-недоумкам всех времен? Но не помешала же она англосаксам несколько лет спустя объединиться с Россией в рядах Антанты. Вероятно, некоторую роль играла ненависть «свободомыслящей» общественности Великобритании и США, особенно ряда эмигрантских общин, к самодержавной России. Но кто же, кроме национал-недоумков, не знает, что в эпоху империализма мелкобуржуазная интеллигенция обретает видимость влияния на государственную политику исключительно в тех случаях, когда ее истерические порывы совпадают с реальными интересами финансовой олигархии?

В данном случае эти интересы были двоякими. Во-первых, *аннексионистскими* в отношении российских земель Дальнего Востока и Сибири; в США уже разрабатывались проекты «покупки» Сибири или, для начала, прокладки стратегической железной дороги от Берингова пролива до города Канска, расположенного почти в центре Сибири. Во-вторых, *интервенционистскими* в отношении набиравшей силу российской революции, имевшими целью либо подчинить ее себе, либо «задушить в колыбели», но не допустить ее действительной победы и влияния ее примера на другие страны. И те и другие интересы в полной мере проявились позднее, в 1918-1922 гг. Но, судя по всему, уже в 1904-1905 гг. они побуждали обе англосаксонские державы к поддержке Японии против России. Это позволяло одновременно отвести самурайский меч от своих колоний, расчистить почву для собственной империалистической экспансии и создать условия для подавления революции, прежде всего в России (а также в Японии, где осенью 1905 г. сложилась революционная ситуация).

5.

Парадоксальные, на первый взгляд, события происходили и по другую сторону фронтов назревавшей мировой войны.

24 июля 1905 г. во время «морской прогулки» состоялась личная встреча Николая II с Вильгельмом II. Два императора подписали секретный договор о союзе, означавший для России внешнеполитический разворот на 180 градусов. Вступить в силу ему не пришлось: большая часть российского правительства, связанная с французским капиталом, оказала решительное сопротивление, грозившее самодержцу в случае упорства либо революционным низложением, либо традиционным для Романовых – Гольштейн-Готторпов «апоплексическим ударом табакеркой в висок». Здесь удивляет не то, что «Договор в Бьерке» остался на бумаге, а то, что оба монарха вообще подписали его вопреки всей логике империалистических интересов.

Еще большего удивления достоин разработанный к концу 1905 г. германским генштабом окончательный вариант «плана Шлиффена», частично осуществленный в 1914 г. С военно-стратегической точки зрения это была авантюра, исключительная даже для прусского милитаризма. Первый и, кажется, последний раз в истории великая держава планировала сама развязать войну на два фронта – против Франции и России. Конечно, разбить их предполагалось по очереди – прежде чем Россия закончит мобилизацию и сосредоточение войск, окружить и принудить к капитуляции Париж, а затем перебросить войска на восток.

Уже первая половина плана явно была «подготовкой к прошедшей войне»: в 1870 г. пруссаки действительно окружили столицу Франции и навязали ей тяжелый мир. Но как можно было не видеть, что в изменившихся условиях взятие Парижа вовсе не означало конца войны? В 1905 г. уже стала фактом англо-французская Антанта, и именно германское вторжение в нейтральную Бельгию, предполагавшееся «планом Шлиффена», обеспечивало Лондону идеальный casus belli. При британском господстве на море союзники могли и на юге Франции держать фронт намного дольше тех недель, на которые рассчитывал германский генштаб. К тому же французский империализм начала XX века, не говоря уже о его британском собрате, располагал обширной колониальной периферией, за счет которой мог продолжать войну даже при оккупации противником всей метрополии. А если бы первая половина «плана Шлиффена» каким-то чудом и осуществилась, война с необъятной Россией все равно грозила кайзеровскому рейху участью наполеоновской империи, о чем предупреждал еще Бисмарк.

Уже к 1905 г. главным соперником германского империализма стал не французский и не российский, а британский империализм, и чтобы рассчитывать на победу, главный удар надо было нанести именно ему. Для этого имелось лишь одно доступное германской сухопутной армии направление – балканско-ближневосточное. Это понимал, при всей своей репутации легкомысленного авантюриста, даже Вильгельм II. Его любимым детищем была Берлинско-Багдадская железная дорога, открывавшая прямой доступ к оплотам британского колониального могущества – Египту, Ирану, Индии. Это во многом объясняет, почему Балканы стали детонатором Первой мировой войны, но никак не объясняет «план Шлиффена», с военной точки зрения способный лишь принести Германии больше вреда, чем мог пожелать злейший враг.

Конечно, любой управленческой структуре эксплуататорского государства, а тем более полуабсолютистского, каким классики марксизма резонно считали кайзеровскую империю, присуща закономерность прогрессирующего снижения компетентности. Чем ближе государство к упадку, тем больше оно облипает «*социальной плесенью и гнилью*», как метко выразился В.И. Ленин по поводу коррупционных скандалов в придворных кругах России и Германии. В деятельности продолжателя покойного Шлиффена – Мольтке-младшего, еще одного «маленького племянника великого дяди», способного лишь старательно имитировать дядин шедевр 1870 г., – трудно не видеть симптомов деградации. Но нельзя и ограничиться этим объяснением. История показала, что «*скорлупа*» военно-полицейского государства, по меткому ленинскому выражению, сделанная в Германии «*из лучшей стали*», даже перед лицом революции оказалась куда крепче романовской империи на распутинской стадии. И если столь первоклассная военная машина сработала на первый взгляд крайне непрофессионально, то, может быть, мы просто видим не все ее действительные цели?

Ключ к обеим загадкам дает не столько соотношение военных сил империалистических коалиций, сколько соотношение классовых сил, определявшееся российской революцией и ее международным влиянием.

Ко времени «договора в Бьерке» уже прогремели выстрелы с «Потемкина» и с рабочих баррикад польской Лодзи, близ самой германской границы. Два императора сговаривались не столько против империалистических соперников, сколько против самого страшного врага – революции. Правда, более искушенные – и теснее связанные с монополистическим капиталом – российские министры и генералы еще надеялись справиться сами, без германских штыков.

Однако к концу 1905 г. события принимали грозный оборот. Москву и другие города охватило вооруженное восстание, исход которого не был ясен. Революционный пример России все ощутимее влиял на пролетариат Западной и Центральной Европы.

Во Франции республиканские круги буржуазии, поддержанные социалистами, одержали важную победу над реакцией, узаконив отделение церкви от государства и светской школы. Возник, хотя и под анархо-синдикалистским руководством, крупный профцентр – Всеобщая конфедерация труда. Объединенная социалистическая партия, созданная в соответствии с решением II Интернационала, заявила о себе в вопросах международной политики: летом 1905 г. её лидер Жорес собирался приехать в Берлин, чтобы совместно с германскими социал-демократами выступить против войны. Самому канцлеру пришлось просить знаменитого оратора не пересекать границу, но это не могло предохранить кайзеровский тыл от заразительного примера.

В соседней с германским Руром небольшой, но индустриально развитой Бельгии тоже набирало силу рабочее движение, путем двух политических забастовок добившееся всеобщего избирательного права, которое еще отсутствовало в Австрии и Пруссии.

Что касается стран Тройственного союза, вести из России не только поставили на грань рабоче-крестьянского восстания полуголодную и вечно неспокойную Италию, но и пошатнули главного германского союзника – дряхлевшую вместе со своим императором габсбургскую монархию. 15 сентября 1905 г. в Венгрии состоялась первая политическая стачка с требованием всеобщего избирательного права. Получив известие о российской октябрьской стачке, съезд Социал-демократической партии объявил политическую забастовку по всей стране. В начале ноября дело дошло до столкновений с полицией и войсками, в Праге – до баррикад. 28 ноября, в день открытия сессии парламента, работа прекратилась повсеместно.

Вот на каком фоне германский генштаб заканчивал разработку «плана Шлиффена». Напрашивается мысль: не был ли этот план, заведомо слабый как стратегия войны против враждебных *государств*, изначально обращен против *революции* в России, а также, возможно, Франции и Бельгии? Тогда сразу получают объяснение все необъяснимые иначе черты плана: и оккупация Бельгии, и окружение Парижа – центра потенциальной новой Коммуны, – и последующая интервенция в России. Не доверялось бумаге, но явно подразумевалось, что жертвы агрессии, охваченные гражданским противостоянием, не успеют скоординировать силы для отпора, а Великобритания не пожелает, как и в 1870 г., вступиться за революционных соседей или сама будет парализована внутренним кризисом. При таких условиях кайзеровский рейх, еще не затронутый брожением, мог при поддержке внутренней контрреволюции соседних стран нанести им упреждающий удар. По мере развертывания европейской революции прусский милитаризм все равно был бы обречен – любой риск поэтому выглядел оправданным.

Это предположение подтверждается тем, что после поражения российского Декабрьского восстания международная конфронтация была спущена на тормозах. Швеция, не получив обещанной поддержки Германии, была вынуждена признать независимость Норвегии и сделать окончательный выбор в пользу нейтралитета. Первый марокканский кризис разрешился международной конференцией в Альхесирасе, где царские дипломаты поддержали Францию.

6.

Не только натиск 1905 г., но и спад революционного движения в 1906-1907 г. на почве сделки либерально-буржуазной оппозиции с правящими режимами носил международный характер. Господствующие классы всех стран занялись наведением «порядка», пользуясь той же рыхлостью мелкобуржуазно-демократических блоков, что проявилась в России.

Весной 1906 г. банки республиканской Франции предоставили Николаю II громадный заем – фактически на подавление революции, причем его получению способствовала российская либерально-буржуазная оппозиция: «*Кадеты помогли правительству получить два миллиарда из Франции на военно-полевые суды и расстрелы, ибо Клемансо прямо заявил кадетам: займа не будет, если партия кадетов официально выступит против займа. Кадеты отказались выступить против займа из боязни потерять свое положение завтрашней правительственной партии! Россию расстреливали не только треповские пулеметы, но и кадетско-французские миллионы*»[1].

Рабочее движение Франции, получившее мощный импульс от революции в России, испытало на себе последствия ее поражения. Той же весной 1906 г. страну потрясла забастовка горняков. На 1 Мая ВКТ назначила всеобщую забастовку с требованием 8-часового рабочего дня. Правительство ввело в Париж 18 полков, арестовало все руководство профцентра. Спустя год были подавлены стачка электриков, выступления пытавшихся присоединиться к ВКТ госслужащих, массовые протесты виноделов. Неповиновение захватило армию: знаменитый 17-й полк, почти как в начале Коммуны, отказался стрелять в народ. Но несогласованность рабочих и крестьянских выступлений, раскол между соцпартией и ВКТ убедили буржуазию, что серьезная опасность ей не угрожает. «Радикальное» правительство с участием социал-ренегатов вполне ее устраивало.

В Германии пробой сил стало отношение к колониальной войне. В конце 1906 г. голосами социал-демократов и мелкобуржуазной оппозиции рейхстаг отклонил дополнительные кредиты на подавление восстания гереро и готтентотов в Юго-Западной Африке (нынешней Намибии). Но внеочередные выборы лишили социал-демократов половины мест и привели к власти правый блок, ехидно прозванный «готтентотским». Юнкерско-буржуазные верхи убедились в действенности шовинистического яда, помогшего им «консолидировать нацию» и изолировать левых даже по вопросу, далекому от повседневных забот обывателя, и тем более могли на это рассчитывать в делах, ощутимее затрагивающих националистические предрассудки. Лидер левых Карл Либкнехт был заключен на полтора года в крепость за

[1] Ленин В.И. Первый важный шаг / ПСС. – Т. 15. – С. 32.

«подготовку государственной измены», молодежи до 18 лет запретили вступать в политические союзы. Социал-демократическая партия, подчинившись правительственному запрету, сама распустила молодежные союзы, лишив себя возможности готовить смену.

Еще более куцей оказалась «весна» в Австро-Венгрии. В январе 1907 г. подданным империи предоставили «всеобщее» избирательное право, ставшее средством разжигания межнациональной розни: чем менее привилегированной была нация, тем большее число избирателей представлял депутат в рейхстаге. Однако социал-демократы, став крупнейшей фракцией, посчитали свою цель достигнутой. Их орган «Арбейтер-Цейтунг» писал в мае 1907 г.: «*Не мощные демонстрации, не нервирующие (!) героические бои составляют ближайшую задачу пролетариата… Позиция врага завоевана, теперь великие бои позади!*»

Ослабление нажима слева на главного кредитора царизма, французскую буржуазию, и главных потенциальных интервентов, Гогенцоллернов и Габсбургов, не могло не способствовать столыпинскому перевороту в России в июне 1907 г.

Революционный подъем продолжался лишь на дальней периферии империалистической системы. «Пробуждение Азии» краешком затронуло Европу: младотурецкая революция в 1908 г. началась в балканских провинциях Османской империи. Австро-Венгрия, выполняя указания из Берлина, поспешила припугнуть младотурок и заодно прощупать позиции России, объявив об аннексии Боснии и Герцеговины, оккупированной ею с 1878 г., но все еще считавшейся частью османской державы. Конъюнктурный расчет оправдал себя.

Царская дипломатия была вынуждена предупредить сербов, что Россия воевать не может. Преждевременная война, утверждал Столыпин на «особом совещании», может вызвать новую революцию. «Благоразумие» проявили и другие державы. В буржуазно-либеральных кругах впервые стали делать попытки наложить на милитаризм международно-правовые ограничения (международный арбитраж, Гаагская конвенция 1907 г. о нормах ведения войны).

Думается, не последнюю роль сыграл тот факт, что жизненно важным вопросом мира и войны впервые попыталось предметно заняться международное рабочее движение. Эта тема была одной из главных на Штутгартском конгрессе II Интернационала (август 1907 г.). Резолюция лидера германской социал-демократии А. Бебеля была принята с ленинской поправкой о необходимости использовать кризис, созданный войной, для революционного свержения капитализма.

В том же году кайзеровский рейх учинил судебную расправу над К. Либкнехтом за его книгу *«Милитаризм и антимилитаризм»*. Решительную поддержку автору выразил В.И. Ленин в статье «*Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии».* Царское посольство, ненавидевшее Либкнехта за его солидарность с российскими революционерами, приветствовало будущих военных противников: «Достойно внимания, с какой энергией германское правительство выступает против малейших попыток привить пагубное движение антимилитаризма в германском народе…»[1].

Господствующие классы империалистических стран, глубоко встревоженные российской революцией и ее отголосками в других странах, не были в состоянии рассчитать заранее, каким окажется ответ европейского пролетариата на большую войну. Эта неуверенность не могла не оказывать на них сдерживающего влияния. Вследствие стечения всех обстоятельств международный кризис на время увял, оставив на Балканах, как предостерегал еще Энгельс, тлеющий очаг, из которого позже суждено было разгореться глобальному пожару.

7.

Генеральная репетиция Первой мировой войны приходится на 1911-1912 гг. Это было время нового подъема классовой борьбы с революционной тенденцией, имевшего, подобно предыдущему, международный размах.

В *России* подъем начался беспрецедентно скоро после поражения предыдущей революции – через 3-4 года. Уже 1910 г. отмечен оживлением стачечного движения и возобновлением политических демонстраций. В 1911 г. бастовало 100 тысяч рабочих, больше половины стачек кончалось победой, чего не знала ни одна европейская страна. Правящие верхи охватила сумятица: убийство Столыпина агентом охранки говорило за себя. Лагерь революционного пролетариата, напротив, набирал силу и сплачивался. В январе 1912 г. Пражская конференция завершила организационное оформление большевистской партии. Негодование, вызванное по всей России Ленским расстрелом, сделало приближение новой революции очевидным. В.И. Ленин внимательно следил за событиями в других странах, прилагая усилия к консолидации революционных сил международного рабочего движения.

В *Англии* (точнее, *Соединенном Королевстве Великобритании и Ирландии*) уже в 1911 г. начался небывалый подъем стачек портовиков, железнодорожников. Забастовка углекопов 1912 г., по оценке В.И. Ленина, «*положительно составила эпоху*»[2]. Права объединяться в тред-юнионы добились неквалифицированные рабочие – профсоюзное движение, прежде привилегия «рабочей аристократии», обретало массовый характер. Наметился кризис верхов: выборы 1910 г. вынудили правивших либералов заключить блок с лейбористами и ирландскими националистами, пойти на ограничение прав палаты лордов, вступив в конфликт с титулованной верхушкой лендлордов и крупной буржуазии.

Такое же обострение противоречий скрывалось за фасадом республиканской демократии *Франции.* Стачечное движение нарастало, раскол между социалистами и анархо-синдикалистами начал изживаться. Буржуазия и примкнувшие к ней социал-ренегаты все чаще применяли против «внутреннего врага» вооруженную силу: мобилизовывали бастующих железнодорожников как военнообязанных, бросали против виноделов Шампани войска. Вместе с тем правящий класс, как и в 1898-1899 гг., раскалывался на два противостоящих блока: крайне правый и реформистский. Ход борьбы за власть во многом зависел от позиции рабочего движения, партии социалистов; большое политическое влияние ее лидера Жореса признавали и друзья, и враги.

[1] Яновская М. Карл Либкнехт. – М.: Молодая гвардия, 1965. – С. 73.

[2] Ленин В.И. Английское рабочее движение в 1912 году / ПСС. – Т. 22. – С. 271.

В *Германии* конфликт по традиционному для имущих классов налоговому вопросу расколол «готтентотский блок». Возникшая трещина дала некоторый выход энергии низов. В 1910 г. развернулась борьба за избирательную реформу в большей части страны – Пруссии. Рабочие требовали от социал-демократии немедленного объявления политической стачки. Левые во главе с Р. Люксембург, опираясь на опыт России, стремились придать всеобщей забастовке революционный характер и выдвигали лозунг республики. Осенью 1910 г. в берлинском районе Моабит дошло до баррикадных сражений стачечников с полицией. Заголовки правых газет кричали, опережая события: «*Моабит – начало революции*!».

В.И. Ленин был убежден, что «*в Германии явно для всех надвигается великая революционная буря*», писал уже о *«своеобразной предреволюционной ситуации».* Магдебургский съезд германской социал-демократии (сентябрь 1910 г.) он воспринимал как *«маленький смотр небольшой частички армии… перед началом кампании*». В принципе это верно: восемь лет – не срок для сдвигов всемирно-исторического масштаба. В то же время он подчеркивал, что германская обстановка *«не похожа на другие предреволюционные эпохи в других странах».* Ее своеобразие Ленин усматривал в той, отмеченной уже Энгельсом, особенности, что «*предреволюционная ситуация отличается наибольшим (по сравнению с прежним) господством законности, ставшей поперек дороги тем, кто ввел эту законность».* Господствующие классы Германии, писал Владимир Ильич, *«самым явственным образом подходят теперь к положению, когда эту законность, их законность приходится сломать, приходится – во имя сохранения господства буржуазии».*

В принципе эта черта предреволюционных ситуаций не уникальна: ранее она проявлялась во Франции, в дальнейшем и в других странах. Но в Германии она осложнялась тем, что «законность», к которой за десятилетия адаптировалось рабочее движение, была атрибутом не буржуазной демократии, а полуабсолютистской политической системы, которую метко охарактеризовал еще Маркс: «Обшитый парламентскими формами, связанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм»[1].

Немецкий обыватель не знал за столетия ни одной победоносной революции и, кроме сомнительной «законности», не видел иной защиты от произвола власти. К тому же, реализовав «сверху» жизненно необходимое Германии национально-государственное объединение, прусско-имперский «порядок» получил в массовом сознании немалый запас «патриотической» легитимности. Это крайне затрудняло разрешение противоречия, выявленного Лениным: *«Эпоха использования созданной буржуазией законности сменяется эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимою законности»*[2].

На поверку монополистический капитал действовал менее «растерянно», чем его классовый противник. Германская социал-демократия, за исключением левого меньшинства, отличалась теми чертами обывательского сознания, которые с тревогой отмечал еще в 1875 г. Маркс, – «*верноподданнической верой в государство или, что ничуть не лучше, верой в демократические чудеса»*[3].

На Магдебургском съезде, по словам Ленина, уже проявились *«два мира идей и две классовые тенденции внутри с.-д. рабочей партии Германии».* Съезд принял положение Р. Люксембург о признании средством борьбы за избирательное право всеобщей политической стачки. В осуждении оппортунистов большую роль сыграл старейший лидер немецких социал-демократов А. Бебель. Многое из сказанного им «попадает не в бровь, а в глаз» (В.И. Ленин) как тогдашним, так и сегодняшним оппортунистам:

«Это – политический закон, что повсюду, где правые и левые вступают в союз, левые теряют, правые выигрывают. Если я вхожу в политический союз с принципиально враждебной мне партией, тогда мне приходится по необходимости приспособлять мою тактику, т.е. мои приемы борьбы, к тому, чтобы не разрывать этого союза. Я уже не смогу тогда критиковать беспощадно, не смогу бороться принципиально, ибо тогда я задену своих союзников; я буду вынужден молчать, прикрывать многое, оправдывать то, чего нельзя оправдать, затушевывать то, чего нельзя затушевывать…

Массам непонятно, что есть социал-демократы, своим вотумом доверия поддерживающие правительство, которое массы всего охотнее совсем бы устранили. У меня часто получается впечатление, что часть наших вождей перестала понимать страдания и бедствия масс (бурное одобрение)*, что им чуждо положение масс…*

У нас в партии немало таких национал-либералов, которые ведут национал-либеральную политику».

Бебель чувствовал приближение взрыва, обращая внимание однопартийцев *«на обострение противоречий, на трудность реформ в Пруссии, на рост озлобления в массах, на усиление экономического гнета в силу дороговизны жизни, объединения капиталистов в тресты и картели». «Мы переживаем такое время, когда особенно непозволительны гнилые компромиссы,* – говорил он в Магдебурге. – Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются. Мы идем навстречу очень, очень серьезным временам… Если дойдет дело до того, что в 1912 году разразится европейская война, тогда вы увидите, что нам придется пережить, на каком посту стоять».

Но старый лидер слишком приучил себя и других не давать повода к репрессиям против партии, избегать решительного столкновения, пока враг не начнет, по выражению Энгельса, *«стрелять первым».* Он слишком привык в острых политических вопросах ограничиваться *«одними наводящими указаниями»: «Ни разу не говорит он прямо о том, что революция надвигается в Германии, хотя мысль его, несомненно, такова».* В то время Ленин разделял убеждение в правильности такой тактики: *«У партии, великолепно использовавшей полувековую законность буржуазии против бур-*

[1] Маркс К. Критика Готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 19. – С. 28.
[2] Ленин В.И. Два мира / ПСС. – Т. 20. – С. 16-17.
[3] Маркс К. Критика Готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 19. – С. 30.

жуазии, нет ни малейших оснований отказываться от тех удобств в борьбе, от того плюса в сражении, что враг запутался в своей собственной законности, что враг вынужден «стрелять первым», вынужден рвать свою собственную законность»[1].

Вместе с тем, устоявшаяся тактика с 1905 г. все больше отставала от международного революционного подъема, стирала видимую грань между революционным марксизмом и оппортунизмом. Минусы и опасности «насильственного столкновения», напротив, могли быть перекрыты политико-психологическими преимуществами, особенно важными для Германии. Как предупреждал еще Энгельс, *«насильственное столкновение, которое ведь может быть навязано народу, имело бы по меньшей мере то преимущество, что вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижения Тридцатилетней войны»*[2].

Ярко выраженный революционный характер приняли события на зависимой периферии империалистической системы. Если восстания в *Иране, Китае, Мексике* казались европейцам далекими (хотя Британская империя и царская Россия в 1911 г. совместно занялись военным усмирением Ирана), то иначе обстояло дело с периферией ближней, южноевропейской.

В июле 1909 г. рабочие Барселоны подняли героическое восстание – прообраз испанской революции 1931-1939 гг. В 1910 г. буржуазная революция низложила монархию в Португалии.

Рядом со странами Иберийского полуострова, на другом берегу узкого Гибралтарского пролива, в 1911 г. разразился опаснейший международный кризис, подведший мир вплотную к глобальной войне. Эпицентром противостояния вторично стало Марокко. Эта страна притягивала империалистические державы не только природными богатствами и дешевой рабочей силой, но и стратегическим положением рядом с базой британского флота в Гибралтаре, с давним сателлитом Великобритании – Португалией – и Испанией, обеспечивавшей спокойствие французских тылов. Обе страны Иберийского полуострова служили мостом в Латинскую Америку.

К «геополитическим», как уже начинали тогда писать, обстоятельствам добавились весомые мотивы классово-охранительного характера. Кайзеровской Германии срочно требовалось отвлечь внимание подданных от движения за избирательную реформу. Кроме того, из Марокко было удобно нанести удар португальской республике и революционному движению Испании. В 1909 г. барселонских пролетариев толкнул на баррикады декрет о мобилизации резервистов на войну в Марокко, а спустя четверть века ударной силой фашистского мятежа против Испанской республики, поддержанного третьим рейхом, станут марокканцы.

1 июля 1911 г., когда захват североафриканской страны Францией близился к завершению, в гавань Агадира вошла германская канонерка «Пантера», вскоре ее сменил мощный крейсер «Берлин». «Прыжок “Пантеры”», расхваленный берлинской шовинистической прессой, обеспокоил Лондон, и его морская мощь склонила баланс в пользу Парижа. Британский кабинет подталкивал Францию к войне. Однако в Петербурге французскому послу дали понять: воевать рано.

Одним из реальных факторов, отсрочивших войну, и на этот раз явилось рабочее движение. Партия большевиков не только энергично протестовала против англо-российской интервенции в Иране, но и помогала революционерам этой страны бойцами и оружием. Осенью 1911 г. по призыву II Интернационала сотни тысяч рабочих всех европейских стран вышли на антивоенные митинги. Бывший коммунар Вайян призвал ответить на угрозу войны всеобщей забастовкой и восстанием. Жорес прибег в разгар кризиса и к дипломатическим шагам, совершив поездку в Португалию, где встретился с министром иностранных дел, а затем в страны Южной Америки.

Противоречиво вела себя германская социал-демократия. Ее представитель в Международном социалистическом бюро на предложение о совместных выступлениях возражал: вопрос о Северной Африке «не представляет интереса», а антивоенные действия могут повредить предвыборной кампании. Р. Люксембург предала позорный факт огласке, за что подверглась на Иенском съезде нападкам со стороны правления партии. К. Либкнехт тогда напомнил, что берлинские рабочие, без призыва руководства и вопреки ему, *«многократно проявили свою активность и показали, что они сумели лучше, чем партийное правление, оценить серьезность положения».* Демонстрации, принявшие небывалый размах, не обошлись без стычек с полицией. В резолюции следующего съезда партии было записано, что *«социал-демократия борется против любых настойчивых империалистических стремлений, где бы они ни проявились»*[3].

Первой страной, где пролетариат попытался ответить непосредственно на империалистическую войну организованным массовым выступлением, стала *Италия.* В день начала ею, с согласия всех держав, войны с Османской империей, а фактически с народом Ливии, профсоюзы и соцпартия объявили всеобщую забастовку. Но руководство социалистов подчеркивало, что стачка не должна *«выйти за рамки легальности»* и *«ослабить Италию перед лицом врага»*. Зачем тогда вообще бастовать? Неудивительно, что политический эффект выступления оказался близок к нулю, а многие его организаторы, вроде главы фракции «непримиримых революционеров» Бенито Муссолини, вскоре переметнулись на другую сторону баррикад.

Второй марокканский кризис закончился в ноябре 1911 г. признанием Германией французского протектората над Марокко в обмен на часть Центральной Африки площадью в две трети Франции. Через год Италия заявила об аннексии Ливии и оккупировала населенные греками острова Додеканес у берегов Малой Азии. Турецкая революция, слабая внутренне, получила жестокий удар извне, и через несколько месяцев национал-экстремисты навязали стране реакционную диктатуру, которая втянет страну в мировую войну на стороне германского блока.

Особой опасностью, даже на фоне других попыток передела мира, отличались Балканские войны 1912-1913 гг. В полном соответствии с предупреждением Энгельса, справедливое стремление народов полуострова к освобождению от османского и австрийского гнета вплелось в кровавый и грязный клубок империалистических интересов. Уже в конце 1912 г. Россия и Австро-Венгрия оказались на грани большой войны, а

[1] Ленин В.И. Два мира / ПСС. – Т. 20. – С. 10-17.

[2] Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 20. – С. 189.

[3] Там же. – С. 95-96.

французское правительство, движимое реваншизмом, буквально толкало царизм за эту грань.

II Интернационалу пришлось ответить на явно нависшую угрозу. 9 ноября, ровно за шесть лет до крушения рейха Гогенцоллернов, было принято решение созвать чрезвычайный форум. Манифест Базельского конгресса, разработанный под преобладающим влиянием левых, стал самым революционным в истории II Интернационала. Он напоминал правительствам, что за франко-прусской войной последовала Коммуна, а за русско-японской – революция в России. Манифест обязывал социалистов всех стран решительно бороться против угрозы войны, если же она разразится – использовать созданный ею кризис для свержения капитализма. *«Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов в среде рабочего класса они не могут развязать войну, не подвергая опасности самих себя… Пролетарии считают преступлением стрелять друг в друга ради увеличения прибылей капиталистов, честолюбия династий или во славу тайных договоров дипломатов»*. Некоторые участники конгресса, например Вайян, ссылаясь на опыт России 1905 г., обосновывали допустимость всеобщей политической стачки против несправедливой войны и даже вооруженного восстания.

Последний предвоенный конгресс Интернационала явился серьезным международным событием, давшим шанс охладить горячие головы милитаристов. Два года спустя, именно в соответствии с Базельским манифестом, российские большевики выступят за поражение всех правительств, ведущих империалистическую войну, и превращение ее в гражданскую войну пролетариата против своих угнетателей. Невыполнение большинством европейских социал-демократов этого долга В.И. Ленин назовет крахом II Интернационала.

К сожалению, предпосылки краха явственно обозначились уже в 1912 г. Идеолог наиболее влиятельной из социал-демократических партий, германской, К. Каутский интерпретировал монополистическую стадию капитализма как «органическую», на которой революция уже не нужна, а война невозможна. В соответствии с этой «теорией» во время агадирского кризиса Бебель назвал иностранные капиталовложения опорой мира, а докладчик на съезде партии Гаазе уверял, что совместная деятельность капиталистов на мировых рынках – лучшее средство преодоления конфликтов. Лидеры, зараженные «парламентским кретинизмом», допускали антиимпериалистические действия рабочего класса лишь как способ «погрозить пальчиком» возмутителям обывательского спокойствия, всерьез веря, что это возымеет эффект даже перед лицом мировой войны, и, по сути, отказываясь что-либо делать, пока не стало слишком поздно.

8.

Почему все-таки Рубикон мировой войны был перейден именно летом 1914-го? Логика развития международных противоречий, порождавшихся империалистическим переделом мира, объясняет это лишь отчасти. Ведь при прежних военно-политических кризисах, возникавших на той же почве, удавалось хотя бы в последний момент отходить от роковой черты.

Есть основания полагать, что чашу весов мог склонить игнорируемый буржуазными историками фактор, до того отсутствовавший, – *международная предреволюционная ситуация*.

Бросим по необходимости беглый взгляд на события, происходившие в те решающие месяцы, недели и дни в странах, решавших во многом судьбы всего человечества.

Обстановка, сходная с французской 1898-1899 гг., сложилась в *Соединенном Королевстве*. Центром противостояния закономерно стала Ирландия, страдавшая от особо жестокого социального и национального гнета. Там сложилась боевая рабочая партия во главе с Джеймсом Конноли, будущим героем и мучеником Дублинского восстания 1916 г. К грани гражданской войны ирландская столица подошла уже в ходе всеобщей забастовки 1913 г., хотя националисты-шинфейнеры не поддержали рабочих. Зато ирландский пример получил отклик в Англии. Впервые после чартизма на съезде тред-юнионов раздавались призывы к всеобщей стачке. Забастовки принимали все более боевой характер. Рабочие отвергали арбитраж буржуазного государства. Против стачечников начали, как за Ла-Маншем, применять войска – сначала в качестве штрейкбрехеров, потом для разгона со стрельбой на поражение; и все же хозяевам и властям приходилось частично уступать.

Подъем активности масс сопровождался классическим кризисом верхов. Поводом и здесь стала Ирландия. В 1912 г. либеральный кабинет, нуждавшийся в голосах ирландских националистов, внес в парламент билль об автономии Зеленого острова (под названием «домашней власти» – Home Rule, гомруль). Несмотря на ограниченность автономии, она стала яблоком раздора между реформистским крылом буржуазии и блоком наиболее реакционной части монополистического капитала с лендлордами, владевшими в Ирландии, особенно в ее северной части – Ольстере, обширными латифундиями. Трижды законопроект о гомруле принимался палатой общин, но отвергался лордами. Исчерпав возможности парламентского саботажа, правые, как сказал бы Энгельс, «*поставили штык в порядок дня*». С осени 1912 г. лидер ольстерских консерваторов Э. Карсон начал формировать для борьбы с ирландскими патриотами полувоенные отряды. Через год это были уже 100-тысячные силы с артиллерией, пулеметами, броневиками. На сторону ольстерских мятежников встала и кайзеровская Германия, начавшая снабжать их оружием. Никто в буржуазной прессе не называл шпионом Карсона, публично заявлявшего, что готов предпочесть кайзера родине, если та «не защищает» Ольстер.

В начале 1914 г. либеральное правительство решило направить в Северную Ирландию несколько полков регулярной армии. Но офицеры, близкие к лендлордам, отказались подчиниться приказу. Мятеж, напоминавший «бунт в защиту рабства» в начале гражданской войны в США, был поддержан британским генералитетом. 21 марта генералы принудили правительство дать письменное обязательство не использовать войска против Ольстера. Правая печать откровенно признавала: «*Армия похоронила законопроект о гомруле*». Документ, ставший известным в парламенте, вызвал бурю. Даже лейбористский депутат Р. Макдональд, по ленинской оценке, «*один из самых умеренных либеральных рабочих политиков*», заговорил почти языком революционера: «*Эти люди всегда готовы стараться и неистовствовать против стачечников. Но, когда дело зашло об Ольстере, они отказываются исполнить свой долг, так как закон об автономии Ирландии затрагивает их классовые предрассудки и интересы*».

События, эхо которых в Ольстере доныне не умолкает, Ленин охарактеризовал как «*общеконституционный кризис в Англии*». Он полагал даже, что «*21-е марта… будет днем всемирно-исторического поворота, когда благородные лорды-помещики Англии, сломав вдребезги… английскую законность, дали великолепный урок классовой борьбы…*». «*Чтобы сломить бунт аристократов-офицеров, либеральное правительство должно было бы обратиться к народу, к массам, к пролетариям, но этого-то господа «просвещенные» либеральные буржуа и боялись больше всего на свете*». Владимир Ильич сделал отсюда общезначимый вывод: «*Действительное классовое господство лежало и лежит вне парламента».* В сложившейся ситуации он видел доказательство «невозможности притупить остроту противоречий между пролетариатом и буржуазией Англии посредством половинчатой, лицемерной, притворно-реформистской политики либералов»[1].

Ирландским националистам и социалистам оставалось только защищаться самим. Летом 1914 г. они приступили к созданию армии волонтеров. Правительство, попустительствуя воинству Карсона, препятствовало доставке оружия волонтерам, и все же остров превратился в лагерь двух противостоявших армий. Любая искра должна была привести к взрыву гражданской войны, которая неминуемо расколола бы и Англию. 26 июля дублинская полиция расстреляла митинг националистов, убив и ранив десятки человек. Это вызвало в Ирландии и Англии взрыв возмущения. Предреволюционная ситуация грозила со дня на день перерасти в революционную.

Объективную направленность ольстерско-генеральского мятежа 1914 г., как и попыток антидрейфусарского мятежа во Франции 1898-1899 гг., последующий опыт истории побуждает считать *протофашистской*. На сей раз, при более высоком уровне развития монополистического капитализма в стране и мире, реформистский выход из кризиса на базе компромисса радикальной буржуазии и народно-демократических сил оказался невозможным.

Политика попустительства мятежникам подвела официальный Лондон к выбору: либо гражданская война, чреватая в преимущественно пролетарской стране социалистической революцией, либо переключение энергии противостоящих сторон на внешнего врага. С другой стороны, ключевую дипломатическую коллизию лета 1914 г. – «опрометчивые» расчеты кайзера нейтрализовать Альбион и «коварную» линию лондонской дипломатии, поддерживавшей в нем эти иллюзии до самого начала войны, – можно убедительно объяснить лишь с учетом фундаментального классового фактора: угрозы революции, от которой верхам обеих империй оставалось одно спасение – мировая война.

По стопам Британии, хотя и медленнее, шел главный резерв мирового капитализма – *США*. Там с 1905 г. набирало силы революционное, хотя и не освободившееся от анархистских пережитков, пролетарское движение – «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) во главе с Ю. Дебсом, У. Хейвудом, Де Леоном. Руководимые ИРМ стачки превращались в настоящие бои с полувоенными формированиями монополий и воспетой бульварной литературой всех стран частной жандармерией – «пинкертонами». В штате Колорадо на рекордно долгую забастовку шахтеров (1912-1913 гг.) монополисты ответили расстрелом рабочих. В штате целый год шла «малая гражданская война», грозившая сделать Колорадо американским Ольстером. Тем же летом 1914 г. США обрели и свой аналог Ирландии, даже более горячий: в соседней Мексике достигла кульминации народная революция, тесно переплетавшаяся с политической борьбой по другую сторону границы.

В американском господствующем классе шел если еще не открытый раскол, как в Британии, то явное размежевание. Поборникам жесткой диктатуры («Железной Пяты», предсказанной в 1907 г. Джеком Лондоном) противостояли реформисты типа вступившего на пост президента в 1913 г. В. Вильсона; апологетам монополий – приверженцы популистских антитрестовских мер; сторонникам заокеанской экспансии – «изоляционисты». Любой неосторожный шаг мог столкнуть Штаты за черту общенационального кризиса. По всему этому позволить себе даже ограниченное военное вмешательство в европейские дела Вашингтон смог нескоро – формально через два с половиной года мировой войны, фактически – почти через четыре. Это обстоятельство явилось одной из предпосылок ее начала.

Во *Франции* центром политической борьбы непосредственно стал вопрос мира и войны. В январе 1913 г. президентом был избран Р. Пуанкаре; фраза его предшественника: «*Я уступаю место войне*» – дала начало хлесткому прозвищу «Пуанкаре-война». Царский посол Извольский, весьма близкий к новому президенту, извещал Петербург о «надежности» Пуанкаре, который не допустит компромиссов типа агадирского. Соучастниками стали социал-ренегаты, которым буржуазная Франция раньше других стран доверила посты вплоть до премьерского.

Законопроект о трех годах обязательной армейской службы, внесенный в марте 1913 г. не кем иным, как Мильераном, расколол Францию не менее глубоко, чем гомруль – Британию. Социалисты и ВКТ, преодолев раскол, развернули широкую агитацию против реформы, в том числе среди солдат и офицеров. Противостоял им правомилитаристский блок, куда наряду с респектабельными буржуазными партиями влились национал-экстремисты вроде «Аксьон Франсэз» – «Французского действия». Сколачивались полувоенные банды – «Королевские парни». В буржуазной прессе нагнеталась кампания ненависти к «предателям», возводился в норму политический террор; суды присяжных неоднократно оправдывали убийц. Ударные отряды реакции позднее составили опору французского фашизма и прогитлеровского коллаборационизма.

Принятие «закона о трех годах» лишь усилило напряженность противостояния. На выборах в апреле 1914 г. социалисты добились небывалого успеха. В полном соответствии с прогнозом Энгельса «*барометр всеобщего избирательного права*» показывал «*точку кипения*», и противостоявшие стороны все более определенно «*знали, что делать*»[2].

Еще более острая ситуация, принимавшая уже черты революционной, создалась в *Италии*, где «рабочая аристократия» в те годы почти отсутствовала. В

[1] Ленин В.И. Конституционный кризис в Англии / ПСС. – Т. 25. – С. 73-74.

[2] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 21. – С. 173.

Итальянской социалистической партии размежевание «максималистов» и соглашателей прошло раньше и глубже, чем в других странах кроме России. На съезде 1912 г. правые были исключены, центристы отстранены от руководства. Это было отражением исключительной остроты классового противоборства. Уже в 1913 г. бастующие рабочие атаковали префектуры и полицию, пытались даже штурмовать парламент. Весной 1914 г. кабинет мастера компромиссов Джолитти пал, расписавшись в бессилии разрядить социальную бомбу.

Взрыв грянул за считанные дни до выстрелов в Сараево. 7 июня полиция расстреляла демонстрацию в городе Анкона. Уже следующим утром бастовала вся страна, а вечером ИСП и Конфедерация труда объявили всеобщую стачку протеста. Вторая неделя июня вошла в историю под именем «Красной»: Турин, Флоренция, Неаполь, Парма покрылись баррикадами, всюду шли кровавые столкновения народа с войсками и боевиками националистов – предшественниками фашистских чернорубашечников. В некоторых провинциях, отрезанных от центра, власть перешла в руки рабочих и крестьян. Однако ни профсоюзы, ни социалисты не представляли себе, как быть дальше. Уже 10 июня КТ объявила стачку оконченной, ИСП не возражала, лишь подчеркнув в обращении к рабочим, что КТ «одна» ответственна за это решение. Забастовщики на митингах резко осуждали «вождей». Буржуазное правительство пребывало в такой панике, что на репрессии решилось лишь к концу месяца.

Только что пережитый итальянской буржуазией «великий страх» перед рабочим движением послужил, очевидно, главным фактором, отсрочившим ее вступление в мировую войну. Но он же дополнительно подтолкнул верхи соседней Австро-Венгрии к лихорадочным маневрам (в прямом и переносном смысле) с целью покрепче привязать к себе соседние с Италией югославянские провинции империи. Эти маневры непосредственно вылились в сараевский теракт и последующую атаку на Сербию.

Ближе всех европейских стран к грани революции уже накануне войны подошла *Россия*. Большевики завоевали всю рабочую курию Государственной Думы и крупнейшие профсоюзы: ¾ организованных рабочих шло за открыто революционной партией.

Набирал силу кризис верхов: в начале 1914 г. под давлением дворянства был уволен в отставку Коковцов, ставший премьером после убийства Столыпина. Несколькими месяцами раньше В.И. Ленин констатировал: «*Политический кризис общенационального масштаба в России налицо, и притом это – кризис такой, который касается именно основ государственного устройства*…»[1].

В первой половине 1914 г. бастовало полтора миллиона человек – больше, чем в начале революции 1905 г. Ровно за месяц до сараевских выстрелов, 28 мая, под руководством большевиков прекратили работу свыше 30 тыс. бакинских нефтяников. Стачечников, подвергшихся террору полиции и хозяйских наемников, поддержала рабочая Россия. 3 июля полиция расстреляла митинг солидарности с бакинцами на Путиловском заводе. Петербургский комитет большевиков призвал ответить трехдневной стачкой. 4 июля бастовало 90 тысяч, 7 июля – 130, 8 июля – 150 тысяч. В столице шли митинги и демонстрации под красными флагами. В заводских районах Питера строили баррикады. Бастовали рабочие Москвы, Риги, Варшавы; в Лодзи начались вооруженные схватки с полицией. Страна стояла перед всеобщей политической стачкой, вполне способной стать началом новой революции.

Окинув взглядом основные события в державах, входивших в блок Антанты еще до войны или примкнувших к нему уже в ее ходе, убеждаешься: все они, без исключения, летом 1914 г. находились на разных стадиях предреволюционной ситуации: формирования (США), развертывания (Великобритания, Франция) или перерастания в революционную (Россия, Италия).

9.

Несколько иначе складывалась обстановка в странах, выступивших инициаторами военных действий. (Назвать их агрессорами значило бы затушевать практически равную ответственность обеих империалистических коалиций за вовлечение человечества в Первую мировую войну.)

В *Германии* «*своеобразная предреволюционная ситуация»* явно пробуксовывала. Правые и центристские лидеры социал-демократии использовали неудачи боевых рабочих выступлений для пропаганды чисто выборного пути к власти. Партия, вопреки усилиям левого меньшинства, не использовала шансы мобилизации или хотя бы политического просвещения масс.

Несмотря на крайний антидемократизм прусского избирательного законодательства, Каутский выдвинул теорию парламентского «изматывания» классового врага вплоть до «решающей» электоральной победы. Выборы 1912 г. принесли социал-демократам крупный успех – 4 млн. голосов, самую большую фракцию. Но до «решающей победы» было далеко: правый блок сохранил в рейхстаге большинство.

Политические события, которые в другой стране могли вызвать общенациональный кризис, в Германии проходили без серьезных последствий. В отличие от Франции не вызвал массовых протестов рост милитаризма. С 1909 по 1914 г. военные расходы выросли на треть, составив половину бюджета. Наиболее серьезный вызов милитаризму бросил К. Либкнехт в апреле 1913 г.– в дни утверждения рейхстагом военного бюджета. Он выступил с разоблачениями концерна Круппа и других военно-промышленных корпораций, огласив данные о монопольном завышении цен, экспорте оружия, шпионаже в государственных ведомствах. Пока существует империализм, не утратят актуальности его слова: *«Через все государственные границы простирается солидарность фабрикантов оружия в деле подстрекательства народов друг против друга; и по своему внутреннему и внешнему бесстыдству военная промышленность превосходит все проявления капитализма. Вместе с тем именно она чрезвычайно заинтересована в определенном влиянии на политику, прежде всего на внешнюю политику, на государственную власть… Всякую плотину смывает эта волна, если только эта плотина не установлена капиталом в собственных интересах»*[2]. Социалистическая пресса Англии и Франции опубликовала выступление Либкнехта, сопровождая его обличением своих «Круппов».

[1] Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата / ПСС. – Т. 23. – С. 300.

[2] Яновская М. Карл Либкнехт. – С. 111.

Разоблачения лжи о «патриотизме» корпораций привлекли внимание народа, усилили антимонополистические настроения. Правительство было вынуждено провести два судебных процесса, а рейхстаг – приступить к проверке военной индустрии, даже поставить вопрос о ее национализации. Однако правление социал-демократической партии, игнорируя требования низовых организаций, упустило и этот шанс. По злободневной теме не было издано ни одной брошюры или листовки. Фракция социал-демократов в рейхстаге послушно вотировала налоги и кредиты на военные цели.

Фатальную роль для пораженной оппортунизмом партии сыграла смена поколений. Уход из жизни в 1912-1913 гг. П. Зингера, а затем А. Бебеля – лидеров «героической эпохи», имевших опыт нелегальной борьбы и в целом революционные убеждения, – оставил зияющую пустоту. Уже через месяц после кончины Бебеля, на Иенском съезде, новое руководство партии по существу отказалось даже от избирательной реформы. Резолюция Либкнехта в защиту главного средства ее достижения – всеобщей стачки – была провалена, его сторонников шельмовали как «фанатиков с большевистским душком».

Неудивительно, что для германских верхов не имел серьезных последствий эльзасский кризис конца 1913 – начала 1914 гг. Ленин, посвятивший ему специальную статью, подчеркивал, что сущность конфликта жителей городка Цаберн, а затем и почти всего Эльзаса, с прусской военщиной не национальная, а социально-политическая: «*Нет, не французская культура против немецкой, а воспитанная на ряде французских революций демократия восстала против абсолютизма».* В эльзасском кризисе он видел наиболее яркое выражение общей тенденции: *«В массах мелкой буржуазии Германии изменилось и изменяется настроение. Изменились условия, изменилась экономическая обстановка, подмыты все устои «спокойного» господства дворянско-прусской сабли. Против воли буржуазии ход вещей влечет ее к глубокому политическому кризису»*[1].

Элементы кризиса верхов действительно проявились. Даже консервативный ландтаг Эльзаса встал на сторону населения. По инициативе социал-демократов рейхстаг принял резолюцию с критикой правительства, но никаких внепарламентских действий партия не предприняла. В итоге гора родила мышь: канцлера Бетман-Гольвега, едва не создавшего второй Ольстер, даже не отправили в отставку. Кайзеровская клика, при жизни Бебеля еще оглядывавшаяся на социал-демократов, не могла не увериться в безнаказанности любых авантюр.

Еще дальше от революционной перспективы отстояла *Австро-Венгрия*. В этом лоскутном государстве роковую роль сыграл раскол всех общественно-политических движений по национальному признаку. Социал-демократия не только не смогла ничего противопоставить национализму, но и сама разделилась по тому же признаку наряду с профсоюзами, кооперативами и другими рабочими организациями. Этот раскол позволял габсбургской монархии, при всей ее дряхлости и крайней непопулярности, бить противников по частям. В 1912 г. была подавлена всеобщая забастовка в Венгрии, отменена конституция и введено военное положение в Хорватии, на следующий год – осадное положение в Праге. Подобные действия властей в других странах вызывали массовый отпор, а в разобщенной национализмом Австро-Венгрии – лишь террористические акты, идеально подходившие для провокаций как на внутреннем, так и на внешнем фронте.

Тем не менее учащавшиеся всплески напряженности свидетельствовали о приближении бури. К лету 1914 г. империя Габсбургов столкнулась с кризисом верхов. Эрцгерцог Фердинанд, наследник престарелого Франца-Иосифа, вынашивал план преобразования дуалистической монархии в триалистическую Австро-Венгерско-Славянскую. Значительная часть австрийской и германской верхушки отвергала проект Фердинанда. Об отношении к наследнику в обществе можно судить по тому, что известие о его убийстве ничуть не опечалило венскую улицу. Семья погибшего была убеждена, что подлинных организаторов теракта надо искать в Вене и Берлине. Так или иначе, столь серьезный раскол верхов грозил стать началом конца империи, а с ней и всего германского блока.

10.

Летом 1914 г. господствующие классы Германии и Австро-Венгрии не могли не сознавать, что пока еще располагают большей внутренней стабильностью, чем державы-соперники, но рискуют лишиться этого преимущества в ближайшее время. Более того, очень скоро они могли столкнуться не с внутренне слабыми, как им казалось, противниками, а с самым грозным врагом – Революцией, готовой перекинуться на их собственные тылы.

Неудивительно, что они не пытались наперед взвесить все шансы – в столь неопределенной ситуации это вряд ли возможно, – а спешили нанести упреждающий удар. Кому? Не Николаю II, Пуанкаре или Ллойд-Джорджу, и даже не столько России, Франции или Британии, сколько призраку Революции, грозившему вот-вот обрести плоть.

Германский генштаб вопреки здравому смыслу выполнял один к одному «план Шлиффена», хотя вторжение в Бельгию делало неизбежным вступление в войну Британской империи. Скорей оккупировать Бельгию, где год назад прошла уже третья всеобщая политическая забастовка за избирательную реформу – то, чего в Германии добивались Либкнехт и Люксембург! Разрушить артиллерией, задушить голодом ненавистный Париж, пока Коммуна не встала из могилы! Потопить в крови уже покрытые баррикадами Лодзь и Домброву – пусть это даже подставит свои войска под удар русских! Лучше английские армии на континенте и британский флот у берегов, чем знамена Революции над Ирландией и, боже упаси, Англией!

Берлин цеплялся за ольстерских мятежников, пока те, добившись от Лондона принятия своих требований, не сделались из антипатриотов-германофилов патриотами-германофобами. Но ирландских националистов, казалось бы естественных союзников, поддерживать не спешил. Ведь поступить иначе значило заключить союз с Революцией, а было ли это мыслимо для буржуа и прусского юнкера?

Германия даже не попыталась, прикрывшись от Франции и России прочной обороной на коротких фронтах, воспользоваться достроенной частью Багдадской дороги – ударить по Суэцу, войти по приглашению меджлиса в Иран и создать угрозу Индии. Это был единственный шанс выиграть неравную битву с

[1] Ленин В.И. Цаберн / ПСС. – Т. 25. – С. 185-187.

Британией. Но и он означал союз с Революцией, пусть не пролетарской, а национально-освободительной, против империи, пусть и неприятельской. Могло ли подобное уместиться в благонамеренной голове кайзеровского чиновника?

Вопреки не только законам и обычаям войны, но и здравому смыслу, германские войска отмечали свой путь массовым террором против мирного населения. Такой характер войны во все времена служит безошибочным признаком ее классового и, как правило, контрреволюционного содержания. С точки зрения военной целесообразности, было безумием отталкивать зверствами Бельгию, не имевшую исторических счетов с Германией, или Польшу, где многие относились к немцам лучше, чем к русским. Подобным «иррациональным» деяниям, воскрешавшим ужасы Тридцатилетней войны и открывавшим подготовительный класс нацизма, есть лишь одно рациональное объяснение – необходимость задушить террором и залить потоками национальной ненависти очаги классовой борьбы пролетариата, грозившие революционизацией самой Германии.

Впрочем, война с Революцией, просвечивающая сквозь крикливо-шовинистическое облачение, не была привилегией Германии. Державы Антанты тоже не раз, особенно накануне и в начале войны, упускали возможность победы малой кровью, боясь, как бы она не оказалась победой *не их класса*.

Париж и Лондон в июле 1914 г. могли воспользоваться предложением Жореса – потребовать от Николая I, получившего германский ультиматум, согласия на британское посредничество в сербском вопросе. Правящие круги Франции и Британии могли тем самым обеспечить свои балканские и ближневосточные интересы без войны. Но это потребовало бы пойти на союз с французским пролетариатом против «Аксьон Франсез», с ирландским и английским – против банд Карсона, а главное – способствовать революции в России. Нет, лучше убийство Жореса и война!

Зеркальным отражением «плана Шлиффена» был прожект некоторых российских генералов прямо из Царства Польского маршировать на Берлин. Французского министра обороны в Петербурге заверили, что германская столица падет через месяц, и он поверил! А ведь Россия могла, даже выполняя требования союзников наступать немедленно, не распылять свои силы, а сосредоточить удар на слабейшем звене – Австро-Венгрии. При этом не ломиться через карпатские перевалы в Венгрию, еще хранившую недобрую память о карателях Николая I, а двигаться через широкий межгорный проход в Моравию и Чехию, где русских ждали как освободителей. Это спасло бы и Сербию, из-за которой, как считалось, разгорелся весь сыр-бор. Главное же – за несколько месяцев развалилась бы Австро-Венгрия, а с ней и весь германский блок; победа Антанты была бы предрешена. Но это означало союз с революционной демократией, притом славянской – опасный пример для подданных Николая II! Нет, уж лучше на радость союзникам класть целые армии в мазурских болотах и карпатских снегах. К тому же там проходили трассы между революционной эмиграцией и подпольем; может, жандармы кого и поймают, а главное, сама война накажет жителей за помощь крамоле.

Сейчас трудно поверить, что в 1914 г. России симпатизировали очень многие из жителей австрийской Галиции. Лишь после того, как по ней четырежды прокатился фронт, а раскрывшая себя прорусская часть населения была изгнана или истреблена австро-германскими карателями, страна превратилась в западноукраинскую Вандею – питомник петлюровщины и бандеровщины.

На кавказском фронте Россия могла с самого начала поддержать восстание западных армян, ассирийцев и части курдов. Открывалась возможность спасти дружественные народы и в кратчайший срок покончить с еще одним союзником Германии. Но и это означало протянуть руку освободительному движению, прежде всего армянскому, имевшему тесные связи с революционерами российского Кавказа. А что сказали бы союзники, имевшие свои виды на Ближний Восток? Да и для православной церкви армяне и ассирийцы были еретиками. Вот российское командование и вело себя примерно так же, как сейчас натовское в войне с «Исламским государством», – как бы приходило на помощь повстанцам и мирному населению, но зачастую после того, как помогать становилось некому.

Зато и царизм, и даже Временное правительство маниакально тянулись к Константинополю, мечтая облегчить своим помещикам и купцам экспорт хлеба из недоедавшей страны. Больше ни для чего этот город не был нужен России, хуже того – достанься он ей, в следующей войне неминуемо превратился бы для ее флота и армии в европейский Порт-Артур. Да и не достался бы он России никогда – об этом заботились «доблестные союзники», как принято было вежливо выражаться в ту войну. А ведь стоило этот город, тогда еще наполовину населенный греками, вернуть Греции – и не было бы у Антанты в этом регионе более надежного союзника. Но это же опять союз с национальной Революцией…

Не утверждаю, что во всех случаях деятели, принимавшие роковые решения, ясно видели их классово-политическую подкладку (хотя Вильгельм II еще до войны говорил солдатам, что может приказать им стрелять в собственных братьев и сестер, отцов и матерей). Многое делалось под влиянием военно-политической косности или примитивного эгоизма. Яркий пример – поспешное снятие германских дивизий с решающего фронта на Марне для отражения наступления российских армий в Восточную Пруссию. Объективно этот аграрный придаток Германии в мировой войне не решал ничего. К тому же русским войскам, не имевшим осадной артиллерии, никогда бы не взять Кенигсберг и другие первоклассные крепости. Но даже ради стратегической победы невозможно ведь пожертвовать родовыми гнездами прусского юнкерства. Если бы эта, с позволения сказать, аристократия уважала свою «честь» и страну, она сама принесла бы на алтарь победы жертву, несравнимую с гибелью и страданиями миллионов соотечественников, и тем упрочила бы свою политическую гегемонию. Она, как и кайзер, и его правительство, либо мыслили и чувствовали на уровне захолустного помещика, либо боялись юнкерской фронды ольстерского типа больше, чем отравленного шовинизмом народа. Все это – лишь другая сторона той же классовой обусловленности войны.

11.

Констатация того, что в большинстве империалистических стран к лету 1914 г. сложилась предреволюционная ситуация, оказавшая непосредственное влияние на возникновение мировой войны и ее ход, ставит

перед марксистской исторической теорией ряд вопросов.

Была ли в то время возможна революция, как альтернатива империалистической войне, и могла ли эта революция победить? Ответ предполагает выяснение объективного *характера* этой революции.

Во II Интернационале господствовало представление, считавшееся ортодоксально-марксистским: «экономически развитые» страны Западной Европы, включая Германию, движутся прямо к социализму (для левых социал-демократов – путем революции, для правых – путем реформ); лишь для «отсталой» России и еще более отсталых стран Латинской Америки, Азии и Африки актуальны буржуазно-демократические революции. Это представление было опровергнуто опытом 1917-1918 г., когда буржуазно-демократические революции произошли как в России, так и в Германии и Австро-Венгрии, причем в последних в отличие от первой не переросли в социалистические.

Видимо, просчет социал-демократических теоретиков обусловливался не только переоценкой уровня капиталистического развития «цивилизованного Запада» и недооценкой российского, но и запозданием теоретического осмысления качественно новой, монополистической стадии всемирного капитализма. В.И. Ленин еще в 1916 г. теоретически доказал, что империализм создает угрозу тотальной диктатуры финансовой олигархии над всем обществом, обусловливает поворот от демократии к реакции. Тем самым актуализируется не только непосредственно классовая борьба пролетариата за социализм, но и общедемократическая борьба широкого блока социальных сил против империализма и реакции. Революционный пролетариат призван возглавить эту борьбу, и только в этом случае имеет шансы привести народ к социализму.

Хотя данные тенденции, безусловно, резко ускорила Первая мировая война, есть основания полагать, что они получили значительное развитие еще в ее канун. Этим, на наш взгляд, объясняется складывание в ряде империалистических стран предреволюционной ситуации. Отсутствие зрелых предпосылок *непосредственно социалистической* революции не означает, что не было предпосылок революции того типа, которую в середине XX века назовут *народно-демократической*, а точнее можно определить как *антиимпериалистическо-демократическую*. В случае восходящего развития революции происходило бы ускоренное формирование предпосылок ее перерастания в социалистическую.

На предотвращение такого развития событий были направлены действия господствующего класса, объективно, а отчасти и субъективно *контрреволюционные*, которые послужили одной из главных причин первой мировой империалистической войны. По объективному содержанию эту войну можно рассматривать в немалой мере как *превентивную контрреволюцию*.

Со стороны организованного пролетариата важным аспектом противодействия контрреволюции была борьба против развязывания империалистической войны. В связи с этим встает вопрос: была ли эта борьба изначально обречена на поражение, а Первая мировая война – *фатально* неизбежна?

Напомним в этой связи, что словцо «фатально» появилось в терминологии коммунистов только начиная с третьей Программы КПСС. По инфицированности оппортунизмом история уже поставила этот документ в ряд с Готской программой германской социал-демократии (1875 г.), заслужившей суровую критику Маркса и Энгельса.

С точки зрения диалектического и исторического материализма, в политической истории нет ничего «фатального», т.е. не проходящего через деятельность людей, заранее запрограммированного судьбой-фатумом или всемогущим богом. Объективные законы истории определяют лишь общие пределы, в которых происходит деятельность преследующих свои цели людей, в эксплуататорском обществе – борьба классов. Необходимость, а затем неизбежность конкретного исторического события сама формируется исторически, во взаимодействии объективного и субъективного, и говорить о ней как о сформировавшейся реальности можно лишь с определенного момента[1].

Представляется поэтому анахронизмом перенесение критических оценок, высказанных Лениным по адресу социал-пацифизма в годы Первой мировой войны, на предшествующий период. Одно дело – империалистическая война с утратой всех легальных возможностей рабочего движения, другое – *угроза* ее в условиях буржуазной демократии. До начала войны пролетариату следовало готовить не столько «ответ» на империалистическую войну (после августа 1914 г. иного не было дано), сколько революционное разрешение социально-политического кризиса, порождавшего войну. Этой задачи западноевропейская социал-демократия не осознала из-за механистической трактовки *«предпосылок социализма»* и переоценки их зрелости в «развитых» странах.

Представляется, что к политической линии, объективно необходимой на тот момент, из лидеров западноевропейской социал-демократии ближе всех подошел Ж. Жорес, нащупавший ее эмпирически. В случае успеха она могла послужить отправным пунктом антимонополистической, народно-демократической революции в ряде империалистических стран и тем самым предотвратить мировую войну (по крайней мере, в том межимпериалистическом варианте, в котором ей суждено было состояться). Убийство Жореса 31 июля 1914 г., выбив решающее звено последнего шанса народно-демократической революции, явилось той исторической случайностью, которая окончательно обусловила неизбежность империалистической бойни народов.

Первая мировая война круто изменила историческую ситуацию, в том числе условия революционной борьбы пролетариата, сняв или ослабив в центрах мирового капитализма возможность народно-демократической революции и выдвинув на первый план непосредственно социалистические задачи, хотя предпосылки их решения находились лишь в стадии формирования. Конкретные факторы этого исторического поворота, его ближайшие и более отдаленные перспективы требуют отдельного исследования.

---

[1] Здесь использована новаторская формулировка Е.Н. Харламенко.

II. Уроки истории, или на память ура-патриотам 2014 года

«Еще плодоносить способно чрево, Которое вынашивало гада».
Бертольт Брехт

«Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, владык земли и капитала»[1].
Второе воззвание Интернационала о франко-прусской войне, 9 сентября 1870 г.

«Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт. И в наши дни, когда кругом нередко можно встретить позорное уныние или даже отчаяние, полезно вспомнить одно оправдавшееся научное пророчество… Сколько почерпнули бы отсюда те, кто предается теперь постыдному маловерию, унынию, отчаянию, если бы… если бы люди, привыкшие лакействовать перед буржуазией или давшие себя запугать ей, были способны мыслить!»[2].
В.И. Ленин

Сто лет назад Европу, а затем почти весь земной шар опалило пламя Первой мировой войны.

1 августа 1914 г. кайзеровская Германия объявила войну царской России, отклонившей ее ультиматум об отмене мобилизации. Впечатляет поведение правящих кругов обеих сторон: как германских, использовавших мобилизационные меры – суверенное право любого государства – в качестве casus belli, так и российских, принявших германский вызов при явной неготовности к войне.

2 августа диктаторский триумвират «младотурок», давно готовивший геноцид нетурецких народов, формально провозгласил нейтралитет Османской империи, втайне же подписал с Германией кабальный договор, обязавшись не только вступить в войну на ее стороне, но и подчинить армию и флот ее командованию. В первый, но далеко не в последний раз в истории, клика национал-экстремистов собственноручно низвела свою страну до уровня полуколонии.

В тот же день 2 августа Германия, еще не объявив войны Франции, потребовала от Бельгии пропустить ее войска к французской границе. Всем было известно, что бельгийский нейтралитет гарантирован могущественной Британской империей и его нарушение превращает европейскую войну в мировую. Чтобы охладить пыл кайзера, Лондону достаточно было шевельнуть пальцем. Но «прославленная» дипломатия Форин-офиса до последних дней обнадеживала союзников обещанием исполнить обязательства, а немцев – посулами посредничества и намеками на сохранение нейтралитета, раскрыв карты только после того, как война стала неизбежной.

3 августа германское правительство объявило войну Франции. Заранее был заготовлен предлог: над территорией рейха будто бы пролетали французские самолеты. Впоследствии Берлину пришлось официально признать, что пресловутых аэропланов *никто* не видел.

За сорок минут до того, как на Гринвичском меридиане третье число августа сменилось четвертым, первый лорд адмиралтейства Уинстон Черчилль сообщил на заседании кабинета, что им *уже разослана* по всем морям и океанам радиограмма, предписывающая английским военным судам открыть военные действия против Германии. Вообще говоря, отправку такой радиограммы *до* объявления правительством войны следует рассматривать как акт государственного переворота и морского пиратства одновременно.

Вглядываясь в схваченные фотографией черты лиц развязавших мировую бойню правителей, и «августейших», и выборных, явственно ощущаешь печать цинизма, почти у всех в сочетании с бьющей в глаза посредственностью. Прав был Авраам Линкольн: с определенного возраста каждый отвечает за свое лицо. Отношение к своим подданным либо электорату как к расходному материалу накладывает неизгладимую, поистине каинову печать.

Разумеется, было бы наивным объяснять исторические трагедии психологическими свойствами индивидов, имущих власть и капитал. Наоборот, их личные свойства – закономерный продукт общественных отношений империализма, так же как, по словам К. Маркса, капиталист есть функция капитала: субъект эксплуатации подчинен безличным законам капиталистического способа производства в той же мере, что и ее объект.

В советские десятилетия название той войны писали со строчной буквы и лишь после победы российской «демократии» над социализмом удостоили прописной. Формальная на первый взгляд перемена обозначила поворот от марксистско-ленинской критики империалистической войны к разным вариантам ее буржуазного истолкования.

В преддверии нынешнего юбилея уже не только желтые СМИ и «корифеи» официальной науки, но и первое лицо РФ дружно принялись внушать согражданам, что та война была для России не империалистической, а отечественной; что только происки большевиков лишили страну возможности вместе с западными союзниками вкусить плоды долгожданной победы; что те же большевики чуть ли не сто лет лишали нас памяти о предках, и лишь теперь торжествуют «правда» и «справедливость».

Такого рода пропаганда рассчитана на нынешних ЕГЭ-абитуриентов. Кто застал советские годы в сознательном возрасте, тот не забудет, что никакого табу на память о той войне у нас не было. Кто хотел, мог найти в

[1] Маркс К., Энгельс Ф. / Соч., 2-е изд. - Т. 17. - С. 281.
[2] Ленин В.И. Пророческие слова / ПСС. - Т. 36. - С. 472-473.

специальной и художественной литературе все, что его интересовало. Мы знали наизусть строки, написанные Константином Симоновым в начале другой войны – действительно Великой, действительно Отечественной – об отце, «пропавшем в карпатских снегах», о мертвых сибирских ротах у стен Перемышля. Видели в самом центре Ленинграда памятник морякам «Стерегущего». Поименно знали своих предков, сражавшихся на фронтах Первой мировой. Хранили в семейных архивах их боевые награды и даже открытки, где знаменосцы трех великих держав Антанты держали рядом три триколора (мы, конечно, не думали, что один из них снова станет развеваться над нашей землей). Если кто-то что-нибудь и скрывал, то либо люди совсем уж робкого десятка, либо карьеристы, всеми неправдами карабкавшиеся наверх не по уму и таланту. Подобная публика во все времена заботится не столько о деле, которым обязана заниматься, сколько о том, «как бы чего не вышло»: то колеблется с генеральной линией, то старается выглядеть правовернее папы римского. Верны они себе и теперь.

Вне всякого сомнения, идеологическая кампания, развернутая в РФ накануне столетия кровавого августа, нацеливалась на окончательное замещение в общественном сознании элементов *советского* патриотизма новой официальной идеологией «просвещенно-консервативного» толка. Первая мировая война должна была встать в один ряд со Второй и тем лишить Великую Отечественную ее действительного содержания – защиты *Советской социалистической* Родины.

Не последнюю роль в кампании играл внешнеполитический аспект – поиск общего знаменателя с «цивилизованным Западом» в лице Соединенных Штатов, для которых та война была и остается истоком их мировой гегемонии, и Евросоюза, нуждающегося в политкорректной трактовке отгремевших битв между европейцами. К столетию Первой мировой приурочили не более и не менее как перекрестный Год культуры России и Великобритании – не нашли лучшего повода скрепить узы «дружбы» с «одной из стран-победительниц», как настойчиво напоминают информагентства. Понятное дело, они «забывают», что именно Лондон был главным провокатором обеих мировых войн, разделяющим ответственность за них с прямыми агрессорами, а также неизменным «правофланговым» антироссийских, антисоветских и снова антироссийских кампаний. Да и на сей раз история не замедлила внести ясность: верные себе британские власти под предлогом украинского кризиса чуть не подвергли «Год культуры» бойкоту.

Но с официальных пропагандистов как с гуся вода. Первая мировая нужна им как повод для очередной попытки восстановить общественное сознание против самой идеи *революции*. С начала нынешнего года в СМИ хлынул поток поделок о Российской империи, якобы близкой к военной победе, но загубленной большевиками и/или предателями-либералами; об инициаторе «женских батальонов смерти» Марии Бочкаревой, «безвинно» расстрелянной большевиками после ее миссии в антантовских столицах по пропаганде антисоветской интервенции; и, уж конечно, в очередной раз – об августейшем семействе «новомучеников российских».

По писаниям «просвещенных консерваторов» можно предположить, что они намеревались сражаться на два фронта – и против левых, и против натовской агрессии, вставшей во весь рост за киевским майданом. Под юбилейный шумок даже «экстремизм» и «международный терроризм» в качестве объекта демонизации подменили «радикализмом» – то ли заботясь о политкорректном названии киевских и прочих фашиствующих погромщиков, то ли заранее осуждая любую попытку *коренного* (перевод латинского термина «радикальный»), а не только «крайнего» или отвечающего на террор террором, преобразования общества. Но войн на два фронта не выигрывал еще никто (это – один из главных уроков Первой мировой), в данном же случае она стала проваливаться, едва начавшись. В те же февральские дни, когда телевидение крутило пропагандистские фильмы о том, как революционная смута помешала «нам» победить, украинские поклонники Бандеры упоенно крушили памятники Ленину, наглядно демонстрируя последствия антикоммунизма для национальной независимости вообще и российской в особенности.

Думалось: может, у правителей РФ хватит благоразумия хотя бы теперь спустить сомнительный юбилей на тормозах, не устраивать очередной пир во время чумы? Где там... В последний день аномально жаркого июля, последний день перед годовщиной вовлечения в ту войну России, и, как уже мало кто помнит, день 100-летия гибели французского социалиста Жана Жореса, убитого за отчаянную попытку помешать мировой бойне, информагенства с пометкой «срочно» сообщали: *«Президент РФ Владимир Путин поприветствовал участников и гостей Международного научно-общественного форума "Великая Война. Уроки истории"».* Как видно, организаторам мероприятия уже мало принятого историками названия «Первая мировая»: они норовят воскресить «Великую Войну» – оба слова с прописных букв! – газетный штамп столетней давности, отторгнутый современниками и давно забытый потомками. Правда, президент по обыкновению уклончив: Первая мировая – *«одновременно и подвиг русского оружия, и национальная катастрофа…Именно в этот нелегкий период обострились противоречия, которые привели страну к революционным потрясениям и братоубийственной гражданской войне».* Кто как хочет, пусть так и понимает. Но сам факт приветствия главы государства, да еще при нынешних обстоятельствах, есть уже участие в антикоммунистической «переоценке ценностей». Особенно учитывая слова о *«подвиге солдат и офицеров, защищавших Отечество»* – ведь многие современники и потомки, отдавая долг воинской доблести павших и живых, категорически отказывались называть данное ее проявление защитой Отечества. Так что трудно надеяться на осуществление заявленной президентом установки: *«Память об этой трагедии должна помочь нам извлечь верные уроки из прошлого. Необходимо дать объективную оценку событиям тех лет, не допуская искажений и предвзятости в их освещении».*

Как г-н президент понимает «объективную оценку», можно судить по речи, произнесенной им на следующий день при открытии памятника на Поклонной горе, рядом с мемориалом Великой Отечественной (нашли же место – ведь Поклонная в военной истории известна лишь тем, что на ней Наполеон ждал ключей от оставленной русской армией Москвы!): *«Однако эта победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы».*

Опять фигура умолчания. Желающие могут под «рвавшимися к власти» понимать буржуазную оппози-

цию Николаю II, готовившую вместо Февральской революции верхушечный переворот. Но в обывательском сознании давно создан стереотип, будто пораженцами были исключительно большевики и призывали они к поражению именно России. Поэтому вся тирада, хотел этого кто-либо или нет, бьет прямо по большевикам, косвенно же по всей советской эпохе, с начала до конца освещенной маяком Октября. Тиражировать антикоммунистические штампы сейчас, когда этим занимаются последыши бандеровцев, рвущиеся к войне с Россией, – не значит ли *именно* призывать к поражению, сеять «распри внутри России», предавать национальные интересы? Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться…

Подготовкой мероприятий, связанных со столетием, занимается специальный комитет, который возглавляет спикер Госдумы С. Нарышкин. Тоже, кстати, явный перебор по части политизации истории. Открывая 31 июля форум, посвященный столетию, Нарышкин заявил, что поддержал просьбу родственников великого князя Николая Николаевича, который в начале войны был Верховным Главнокомандующим, о перезахоронении его праха в России. Напоминая, что останки Н.Н., как прозвали его еще при жизни, находятся в церкви Архангела Михаила во французском городе Канн, информагентства (или сам спикер?) воспроизвели это название как «Канны» – оставшийся с древнеримских времен символ чудовищного военного поражения. Поистине проговорка по Фрейду! И, ничего не скажешь, заслуженная. Это же надо: накануне дня начала «национальной катастрофы» оказать посмертную почесть тому, кто внес в катастрофу чуть не самый большой персональный вклад! Ведь это Н.Н. больше всех отличился, бросая дивизии прямо с колес в штыковые атаки не только без снарядов, но и при нехватке винтовок и патронов, единственно ради западных союзников-кредиторов царствующего дома – за что скоро и перестал быть главкомом, несмотря на свою ярко-голубую кровь…

Весенне-летние месяцы 2014 года, кажется, до мелочей повторили очертания водоворота, сто лет назад втянувшего Россию, Европу и мир в катастрофу. Вопрос лишь в том, где тут объективное сходство, а где провокационная «ролевая игра», намеренно отводящая Украине роль Австро-Венгрии, Донбассу – Боснии заодно с Эльзас-Лотарингией, нынешней РФ – некоего гибрида тогдашних Франции и Сербии, а пассажирам малайзийского «Боинга» – коллективных эрцгерцога Фердинанда с супругой?

Разумеется, сегодняшние угрозы не повторяют угроз 1914-го, как Первая мировая не повторяла предшествующий цикл европейских войн, закончившийся ровно за сто лет до нее. Нельзя дважды вступить в одни и те же воды – так учил еще два с половиной тысячелетия назад Гераклит из Эфеса (кстати, тщетно пытавшийся уберечь сограждан от военной катастрофы своей эпохи – столкновения с Персидской державой). Но это не значит, что настоящее не коренится в прошлом. Между ними нет тождества, но есть объективная преемственность, как воды гераклитовой реки протекают между берегами, сохраняющими в основном (кроме редчайших случаев чудовищных наводнений) прежние очертания. Поэтому не вполне прав Гегель, в принципе отрицавший возможность извлечения уроков из истории. Подобная позиция логична для идеалиста и тем паче для верующего, делегирующего историческую ответственность всевышнему. Марксисту же нет резона ставить человеческой мысли априорные барьеры, равно как и оправдывать тех, кто неспособен внять ее предостережениям в силу корыстных интересов или личностной ограниченности, хотя он и отдает себе отчет, что даже эти субъективные черты, в конечном счете, детерминированы объективно.

Война 1914-1918 гг. была принципиально новым историческим явлением. Новизна имела две стороны – количественную и качественную. Первая определялась *всемирным* масштабом войны, вторая – ее *межимпериалистической* сущностью, прежде небывалой. Правда, начало империалистическому переделу мира положили локальные (используя более поздний термин) войны 1898-1913 гг.: испано-американская, англо-бурская, русско-японская, итало-турецкая и две балканские. Но они еще не были межимпериалистическими до конца, так как велись либо зависимыми сателлитами разных империалистических держав друг против друга, либо отдельной империалистической державой против стран, зависимых от ее соперников. Начавшийся передел мира еще переплетался с национально-освободительными движениями. Лишь в августе 1914-го разразилась первая схватка непосредственно между *ведущими* империалистическими державами, в которой национальный момент, скажем сербский, не мог уже играть сколько-нибудь важной роли. Революционеры-интернационалисты, прежде всего В.И. Ленин, с полным основанием отрицали для пролетариата «защиту отечества» в такой войне.

Вместе с тем история показала, что в начале XX века империализм как высшая, монополистическая, стадия капитализма находился еще на начальном этапе. В.И. Ленин подчеркивал, что в те годы «*раздел мира между международными союзами монополистов*» лишь *начался* (определяющим он становится, как теперь ясно, на более поздних этапах империализма). Напротив, территориальный раздел мира между империалистическими державами уже *завершился*, оставив место только для насильственного передела. Это обстоятельство, как известно, явилось необходимым условием мировой войны. Но из того же соотношения сущностных признаков империализма следует, что «первичный» территориальный раздел мира большей частью *предшествовал* монополистической эпохе, выступая как одна из ее важнейших предпосылок, прежде чем был трансформирован уже сложившимся империализмом в одну из своих характерных черт (говоря языком диалектической философии, «процесс снят в результате»).

Конфликты, прямо обусловленные экономическим соперничеством монополий и завершением колониального раздела Азии и Африки (например, «фашодский» 1898 г., марокканские 1905 и 1911 гг.), свидетельствовали о приближении мировой империалистической войны и несколько раз подводили мир к ней вплотную. Но катастрофа разразилась лишь там и тогда, где и когда эти противоречия были помножены на застарелый груз европейских национально-государственных коллизий, не разрешенных за многие десятилетия и даже века.

Только учитывая, что к числу предпосылок войны, в единстве с глубинными факторами новой эпохи, принадлежало многое из военно-политического и психологического «наследства» эпохи предыдущей, мы можем убедительно объяснить, как К. Маркс и Ф. Энгельс смогли за многие годы до войны дать исключительно точный прогноз ее возникновения, хода и исхода.

Уже осенью 1870 г., едва Бисмарк нацелился на аннексию Эльзаса и Лотарингии с населением хоть частью и германоязычным, но глубоко проникнутым французским национальным самосознанием, К. Маркс и Ф. Энгельс направили германской секции I Интернационала совместное (за подписью Маркса) письмо. По поводу планов аннексии в нем говорилось: *«Военная камарилья, профессура, бюргерство и трактирные политики утверждают, что это – средство навсегда оградить Германию от войны с Францией. Напротив, это – вернейший способ превратить данную войну в европейскую институцию… Это – безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие до тех пор, пока Франция не окрепнет настолько, чтобы потребовать потерянную территорию обратно. Это – безошибочное средство разорить Германию и Францию путем взаимного самоистребления».*

Безукоризненно улавливая объективную логику системы международных отношений, авторы письма предупреждали: *«Тот, кто не совсем еще оглушен теперешней шумихой или не заинтересован в том, чтобы оглушать германский народ, должен понять, что* ***война 1870 г. … неизбежно чревата войной между Германией и Россией...*** *Если они (пруссаки – А.Л.) захватят Эльзас и Лотарингию, то* ***Франция вместе с Россией будет воевать против Германии.*** *Нет надобности указывать на губительные последствия подобной войны».* Неизбежность трагедии ограничивалась еще одним условием: *«если не учитывать того маловероятного случая, что в России до этого времени может вспыхнуть революция».*

Не надеясь на благоразумие правящих классов, авторы письма опасались, что *«негодяи и глупцы будут беспрепятственно продолжать свою безумную игру, если германский рабочий класс en masse [в массе] не поднимет своего голоса»*[1].

Конкретно анализировать опасность по мере ее объективного вызревания пришлось Ф. Энгельсу. С молодых лет товарищи звали его Генералом – за глубокое знание военной теории и практики. Всю жизнь, несмотря на массу других дел, он не переставал систематически исследовать войну как историческое явление: и в плане развития средств вооруженной борьбы, и в плане общественно-политических последствий.

Но, главное, Энгельс в высшей степени обладал чертами, которые через сорок лет Антонио Грамши назовет «пессимизмом разума и оптимизмом воли».

Осенью 1882 г. он шлет письмо Эдуарду Бернштейну. Тот, как почти все будущие ренегаты, в молодости был особенно склонен к революционной фразе. Энгельс опускает его с неба на землю: *«Что касается войны, то Вы, мне кажется, чересчур легко к этому относитесь. Если же Германия и Австрия ввяжутся в войну на Востоке, то надо плохо знать французов, и особенно парижан, чтобы не предвидеть, что тотчас же поднимется шовинистический вой о реванше, перед которым должно будет замолкнуть бесспорно мирно настроенное большинство французского народа».* Напоминая Бернштейну об анархистских покушениях на Вильгельма I, давших повод для закона против социалистов, Энгельс предупреждает, что в случае большой войны дело для них обернется гораздо хуже: *«Можете быть уверены, что и в Германии наши также либо присоединятся к патриотическому вою, либо вызовут против себя такой взрыв ярости, по сравнению с которым взрыв ярости, последовавший за покушениями, показался бы детской игрушкой... Таким образом, все перспективы пока против нас. Но если уж война начнется, то исход такой европейской войны, первой после 1813-1815 гг., совершенно нельзя предвидеть, и я ни в коем случае не желал бы, чтобы это случилось»*[2].

Не разделяя наивных мечтаний предотвратить войну пацифистскими протестами или лобовой атакой революционного меньшинства на власть, Генерал ясно сознавал: при «стабильном» состоянии капитализма силы пролетариата, разъединяемого наемным рабством, несоизмеримы с централизованной силой буржуазного государства, его военно-репрессивной машины. Реально предотвратить войну могла бы только революция в крупной стране, существенно меняющая международное соотношение сил.

Военную катастрофу уже не европейского, а ***«всеобщего»*** масштаба Энгельс прогнозирует за 28 лет до того, как она разразилась. С той же единственной альтернативой: *«Если бы в России вспыхнула революция, она создала бы совокупность самых благоприятных условий».* Но при всемирном господстве капитала гораздо более вероятна противоположная возможность, которую «Генерал» формулирует с чеканной ясностью: «***Война, если она начнется, будет вестись только с целью помешать революции***». И нельзя сказать, что расчеты врага безосновательны. Энгельс продолжает беспощадно разбивать иллюзии*: «Всеобщая же война, наоборот, отбросила бы нас в область непредвиденного. Революция в России и во Франции была бы отсрочена;* ***наша партия в Германии подверглась бы участи Коммуны 1871 года****. Без сомнения, в конце концов события повернулись бы в нашу пользу; но сколько пришлось бы потерять времени, принести жертв и преодолеть новых препятствий!»*[3]

Как известно, история XX века с лихвой подтвердила предостережение об «участи Коммуны», грозившей в годы Первой мировой войны и сразу после неё германским революционерам и не им одним…

К анализу вероятных жертв и препятствий Энгельс обратился годом позже, работая над введением к брошюре Боркхейма – покойного товарища по революции 1848 г. Ориентирами послужили две прошлые военные катастрофы, нанесшие немецкому народу глубокие травмы. Одна из них вынесена в название брошюры Боркхейма: *«На память ура-патриотам 1806-1807 годов»*: это – разгром Пруссии и подчинение всей Германии на ряд лет наполеоновской Империей. Другая, хронологически первая и намного более страшная, – Тридцатилетняя война, унесшая даже при вооружении XVII века не менее трети населения Центральной Европы и продлившая раздробленность Германии на два столетия.

Масштаб катастрофы, которой предстояло превзойти все минувшие, Энгельс осознает уже в полной мере: *«Это была бы* ***всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы».*** Он прогнозирует и общественные последствия такой войны – экономические, социальные, политические: *«Опустошение, при-*

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Письмо комитету социал-демократической рабочей партии / Соч., 2-е изд. - Т. 17. - С. 271-272.

[2] Энгельс Ф. – Э. Бернштейну. 22, 25 февраля 1882 г. http://traditio-ru.org/lib/engels1.htm

[3] Энгельс Ф. Политическое положение в Европе. 25.10.1886. / Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд. - Т. 21. - С. 326-327.

чиненное Тридцатилетней войной, – сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, – крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы»[1].

Тридцать лет спустя В.И. Ленин назовет эти слова пророческими: *«Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистского развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние»*[2].

Применительно к перспективам пролетарского движения Энгельс, похоже, пытается взнуздать пессимизм теоретического разума оптимизмом политической воли. На сей раз не упоминая «участи Коммуны», он выражается более сдержанно: *«Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции… Только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и <u>создание условий для окончательной победы рабочего класса</u>».* (Подчеркнуто мною – А.Л.). Недвусмысленно, но столь же сдержанно предостережение, обращенное к «элитам» старого мира: *«Если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки неизбежна»*[3]. Кем и как завоевана, когда и почему неизбежна – Энгельс не уточняет. Приходилось учитывать цензурные условия, да и вообще не стоило давать лишний повод к репрессиям против товарищей: в бисмарковской Германии еще действовал «Исключительный закон против социалистов», а недавняя расправа над мучениками Чикаго, в большинстве иммигрантами из Германии, могла послужить реакции «вдохновляющим» примером.

Прошло несколько лет. Исключительный закон канул в Лету вместе с канцлерством Бисмарка. Германская социал-демократия надолго стала образцом массовой рабочей партии, казалось, блестяще использующей буржуазную легальность для защиты непосредственных интересов пролетариата, для подготовки к решающим боям. Естественным было стремление воспользоваться этой легальностью и для борьбы против военной угрозы, тем более что европейская социал-демократия, создав II Интернационал, стала первой партийно-политической силой, организовавшейся в международном масштабе.

В начале 1893 г. лидер германских социал-демократов А. Бебель попросил Энгельса высказать мнение о позиции, которую следовало занять социал-демократической фракции рейхстага при обсуждении проекта военного закона. Тогда даже некоторые буржуазные партии выступили против резкого увеличения военных расходов, и в итоге правительству удалось добиться своего только ценой роспуска рейхстага и новых выборов. Энгельс принял активное участие в антимилитаристской кампании, изложив в социал-демократической печати программу-минимум рабочего движения по международной военно-политической безопасности. Но шансы на ее осуществление он не переоценивал.

За двадцать один год до Первой мировой, когда только еще вызревал зародыш Антанты – франко-российский союз, Энгельс дал точнейший прогноз будущей расстановки сил и шансов сторон: *«Не забудем, что исход ближайшей войны будет решать Англия. Тройственный союз, в случае войны с Россией и Францией, равно как и Франция, отделенная от России территорией противника, смогут получать необходимое для них большое количество привозного хлеба только морским путем. А на море Англия господствует безусловно. Если Англия предоставит свой флот в распоряжение одной из воюющих сторон, то другая будет просто взята измором, так как подвоз хлеба окажется отрезанным».*

Энгельсу было ясно: нормы международного и британского права, запрещающие морскую блокаду, в условиях мировой войны не будут стоить бумаги, на которой изложены. Помня о голоде, постигшем в 1871 г. осажденный пруссаками Париж, седой Генерал предупреждал прежде всего своих соотечественников, чем они рискуют в случае мировой войны: *«Это будет повторение парижской голодовки в колоссально увеличенном масштабе, и голодающей стороне придется капитулировать, что несомненно, как дважды два – четыре»*[4]. И оказался совершенно прав! Разве что не предвидел таких подробностей, что капитуляции будет предшествовать «неограниченная подводная война» (при его жизни боевых подводных лодок не было) и она приведет к вступлению в войну США (неполных трех лет не дожил до испано-американской войны, иначе наверняка предвидел бы).

Классики марксизма ясно видели не только перспективу мирового пожара, но и те локальные конфликты, из которых он мог разгореться. Заблаговременно убеждали товарищей по рабочему движению занять правильную позицию в отношении этих конфликтов. Наиболее опасных «детонаторов», действительно сыгравших роковую роль на пути к Первой мировой, было два: эльзас-лотарингский и балканский.

Эльзас и особенно шахтерско-индустриальная Лотарингия до Первой мировой войны отличались переплетением социально-экономических, национальных и международных противоречий, во многом предвосхищавшим межвоенную Силезию и нынешний Донбасс. Насильственная аннексия, как и предупреждали в 1870 г. Маркс и Энгельс, порождала угрозу новой войны с обеих сторон: и как питательная почва для реваншистской демагогии французской военщины, и как *«наилучшее средство увековечить в обновленной Германии военный деспотизм как необходимое усло-*

[1] Энгельс Ф. Введение к работе Боркхейма «На память ура-патриотам 1806-1807 гг.» / Соч., 2-е изд. - Т. 21.
[2] Ленин В.И. Пророческие слова / ПСС. - Т. 36. - С. 473.
[3] Энгельс Ф. Введение к работе Боркхейма…

[4] Энгельс Ф. Может ли Европа разоружиться? http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_22/p56.php

вие господства над Польшей Запада – Эльзасом и Лотарингией»[1].

Выступая против прусско-германского угнетения населения края, признавая его право самому решать свою судьбу, К. Маркс и Ф. Энгельс считали первейшим долгом пролетариев-интернационалистов ни при каких обстоятельствах не способствовать превращению локального конфликта в детонатор мировой катастрофы. Рабочее движение призвано подчинять задачи национального освобождения *интернациональной* цели победы над капиталом. Тем более – в небольшом индустриальном крае, где национальное самоопределение немыслимо без революционных перемен в крупных странах. Убеждаясь в этом и убеждая товарищей, приходилось разгребать завалы абстрактной трактовки национального освобождения. *«Поскольку все мы сперва прошли через либерализм или радикализм, – мы оттуда переняли это сочувствие ко всем "угнетенным" национальностям, и я помню, как много времени и изучения мне понадобилось, пока я отделался от этого, – но зато уж основательно,* – разъяснял Энгельс в 1882 г. Э. Бернштейну. – *Мы должны сообща бороться за освобождение западноевропейского пролетариата и этой цели подчинить все остальное. Эльзасцы тоже угнетены, и я буду рад, когда мы снова сбудем их с рук. Но если накануне явно надвигающейся революции они захотели бы спровоцировать войну между Францией и Германией, снова натравить друг на друга эти два народа и таким образом оттянуть революцию, то я сказал бы: "Остановитесь! Вы можете терпеть столько же, сколько и европейский пролетариат. Когда он освободится, и вы, само собой, станете свободными, а до тех пор мы не позволим вам становиться поперек дороги борющемуся пролетариату"»*[2]. В этом же смысле Энгельс четыре года спустя подчеркивал: *«Для французских и немецких социалистов не существует эльзасского вопроса… Социалисты обеих стран одинаково заинтересованы в сохранении мира, так как именно им придется оплачивать все издержки войны»*[3].

В конце 1913 – начале 1914 гг. события в Эльзасе едва не приняли именно то направление, которого опасался Энгельс. «Инцидент», случайно или намеренно спровоцированный прусским солдафоном, оскорбившим жителей городка Цаберн, подвел и без того накаленную обстановку во всем крае к грани стихийного восстания. Несколько разрядил ситуацию только демарш германских парламентариев, выразивших канцлеру порицание за поддержку правительством провокаторов в мундирах. Возможно, не последнюю роль в этом сыграли многолетние усилия Энгельса по выработке позиции германской социал-демократии по эльзасскому вопросу.

Роль детонатора мировой бойни, обойдя в последний момент Эльзас, перешла к Боснии. Как ни поразительно, но и такое развитие событий точно предвидел в том же 1882 г. Энгельс. Основная тема его письма Бернштейну – как германскому пролетариату следует относиться к вооруженным выступлениям в Боснии и Герцеговине против австрийской оккупации. Энгельс решительно отвергает предложение Бернштейна германским социал-демократам содействовать в антироссийских целях созданию «Великой Сербии». По сути, именно такой план, только под скипетром австрийских Габсбургов, пытался реализовать в 1914 г. злополучный эрцгерцог, упокоенный пулей сербского гимназиста. Энгельс отвечает Бернштейну: *«Вы говорите, что Великая Сербия была бы такой же хорошей плотиной против России, как и Австрия. Я уже сказал, что не ставлю ни во что всю эту теорию "плотины", с тех пор как в России окрепло революционное движение. Я говорил также, что с удовольствием ожидаю распада Австрии».* Возникновение в ходе этого распада многонациональной Югославии не стало бы для него новостью: *«Через 2-4 поколения и после общих европейских переворотов Великая Сербия, безусловно, будет возможна».* Под «общими европейскими переворотами» он понимал эпоху пролетарских революций, которая одна только сможет по-настоящему помочь и южным славянам: *«Победа пролетариата с необходимостью принесет им действительное освобождение, а не мнимое и временное».*

Если бы Энгельс мог узнать о трагической судьбе Югославии в годы Второй мировой войны и в самом конце XX века, он вряд ли сказал бы иначе. Ведь уже в 1882 г. Генерал с полной ясностью видел, какую мину под потенциальное югославское государство подводят застарелые национально-религиозные распри: *«Ни хорваты, ни черногорцы не желают подчиняться верховенству Белграда…Пока здесь не будет культурного прогресса, который сделает возможной хотя бы веротерпимость, создание Великой Сербии приведет лишь к междоусобной войне».*

Но еще задолго до исполнения этого горького пророчества сполна подтвердилось другое, относившееся напрямую к Боснии и Герцеговине: *«Восстание этих молодцов грозит разгореться в мировую войну, которая испортит нам всю революционную ситуацию… Из-за нескольких герцеговинцев зажечь мировую войну, которая унесет в тысячу раз больше жизней, чем все население Герцеговины, – не такой должна быть, по-моему, политика пролетариата»*[4].

Между тем именно такой, с позволения сказать, политике поддались в начале XX в. «австромарксисты», в угоду мелкобуржуазному национализму раздробившие по «суверенным» квартирам и рабочую партию, и профсоюзы, и кооперативы. Историей был преподан наглядный урок: что ждет страну и что угрожает миру, когда рабочее движение перестает быть противовесом националистической ограниченности, а само становится ее носителем и распространителем. В этой обстановке нечего удивляться тому, что готовая к самопожертвованию сербская (и не только сербская) молодежь, не видя шансов организованной массовой борьбы за национальное и социальное освобождение, стала на путь террора, отвечавшего в XX веке только интересам империалистических провокаторов. Ни субъективная честность, ни личный героизм еще не гарантируют, что они принесут народам благо, а не зло. Чтобы быть в этом уверенным, надо знать законы исторического развития и поднимать народные массы до сознательного следования им.

---

[1] Маркс к., Энгельс Ф. Письмо комитету социал-демократической рабочей партии / Соч., 2-е изд. - Т. 17. - С. 271.

[2] Энгельс Ф. – Э. Бернштейну. 22, 25 февраля 1882 г. http://traditio-ru.org/lib/engels1.htm

[3] Энгельс Ф. Политическое положение в Европе. 25.10.1886. / К. Маркс и Ф. Энгельс. - Соч., 2-е изд. - Т. 21. - С. 326-327.

[4] Энгельс Ф. – Э. Бернштейну. 22, 25 февраля 1882 г. http://traditio-ru.org/lib/engels1.htm

Уже в годы Первой мировой В.И. Ленин подчеркивал: *«Национальный элемент в теперешней войне представлен только войной Сербии против Австрии (что отмечено, между прочим, резолюцией Бернского совещания нашей партии). Только в Сербии и среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы «народных масс» охватывающее национально-освободительное движение, «продолжением» которого является война Сербии против Австрии. Будь эта война изолирована, т. е. не связана с общеевропейской войной, с корыстными и грабительскими целями Англии, России и проч., тогда все социалисты обязаны были бы желать успеха сербской буржуазии… Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, то есть однобокое и уродливо искаженное, рассмотрение предмета. Национальный момент сербско-австрийской войны никакого серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь»*[1].

При пожизненном президенте И. Броз Тито на месте гибели эрцгерцога в югославском Сараево был воздвигнут впечатляющий монумент. Нет, не жертвам империалистической войны, а исполнителям теракта, произведенным в национальные герои новой Югославии. С таким же основанием на Дворцовой площади Ленинграда можно было поставить памятник Георгию Гапону – с той разницей, что вдохновитель Кровавого воскресенья подставил под пули карателей десятки тысяч русских рабочих, а боевики «Млада Босны» помогли поджигателям войны перебить десять миллионов людей разных стран. Благими намерениями, ради которых Гаврило Принцип с товарищами пожертвовали жизнью, оказалась вымощена дорога в ад. Увы, уроки истории так и не были усвоены, а ее возмездие беспощадно. Нет уже ни памятника в Сараево, ни страны, где он стоял…

И вот теперь, при открытии другого памятника в другой стране, – путинская «украденная победа». Ее приходится сравнивать даже не с непомерным прославлением боевиков «Млада Босны», а с антикоммунистической легендой «удара ножом в спину», изобретенной для оправдания своего поражения кайзеровским генералом Людендорфом и включенной будущим фюрером в «Майн кампф». Та легенда, по сути, столь же фальшива, как нынешняя, но хотя бы выглядит правдоподобнее: как-никак немецкий фронт в момент Ноябрьской революции находился во Франции и Бельгии, а не на дальних подступах к собственной столице, как российский в 1916-1917 гг. Состояние экономики, близкое к клинической смерти, и «готовность» измученных солдат продолжать войну в обоих случаях сопоставимы. Считать состояние России к весне – или, если кому-то больше хочется, к осени – 1917-го преддверием «победы» не осмеливался, кажется, еще никто. Если это победа, что же тогда поражение?

Никто, конечно, не ждал от президента буржуазной РФ оценки империалистической войны с позиций пролетарского интернационализма. Но кое-что мог бы и он, особенно при нынешних обстоятельствах.

Во-первых, не повторять казенных легенд о вступлении России в мировую войну ради помощи братьям-славянам. Вот как писал великий русский ученый К.А. Тимирязев, бывший в отличие от президентских речеписцев современником трагических событий, об одном из «братьев» – черногорском короле Николае, *«который за несколько лет перед тем чуть не был растерзан своим голодным народом за то, что присвоил себе суммы, полученные из России на прокормление голодающих. И как подумаешь, что о благоденствии этого человека возносились первые наивные молитвы несчастного обманутого русского народа (на Красной площади), которого другой Николай и его клевреты толкнули в безумную авантюру этой проклятой войны!»*. Еще за два года до нее, в начале первой Балканской войны, тот же черногорский «патриот» славянства лично нацеливал пушку на турок, театрально произнося перед журналистами: *«Я хотел, чтобы этот первый выстрел был моим, потому что знаю, что он зажжет пожар всей Европы».* Нельзя отказать в логичности соображениям К.А. Тимирязева: *«Меня всегда поражало, почему в обсуждении вопроса о том, кто начал войну, не обращают внимания на показание этого августейшего свидетеля, в искренности которого нет повода сомневаться. Наконец, мы имеем вполне достоверное свидетельство вдохновителя русской дипломатии П.Н. Милюкова, что Балканский союз был затеян ею именно с целью «зажечь пожар всей Европы» и только вопреки этой дипломатии временно обратился против турок (см. «Вестн. Евр.», январь 1917)»*[2].

Не найдется ли сейчас подобных «вдохновителей» и среди либералов вроде Милюкова, и среди любителей «возвращения к корням» посредством восстановления телесных наказаний, как в черногорской и сербской армиях в канун Первой мировой? Вот кого следовало предостеречь президенту, хотя бы ради собственной безопасности…

Во-вторых, почему бы не показать «ура-патриотам» на печальном примере Первой мировой, чем грозит серьезная война стране с отсталой техникой, уязвимой экономикой, массовой бедностью, разгулом коррупции? Николаевская империя – это вам не сталинский СССР, готовый пробежать за 10 лет расстояние, равное столетию. Тот же, кто к этому не готов, неминуемо будет смят в серьезной войне, а то и без войны. Если только не сумеет до поры уклониться от безнадежного боя, идя, раз нельзя иначе, даже на самые тяжелые условия. Именно так всегда поступали серьезные политики, готовые к действительному обновлению своей страны: от прусского барона Штейна до Ленина и Сталина. Вот о чем надо говорить во весь голос.

Есть, конечно, и иной путь, близкий уму и сердцу руководителей другого пошиба и их специфической социальной базы. Это про нее сказано народом: *«Кому война, а кому мать родна»*. А вот что об этом писал еще один выдающийся современник – В. Гиляровский: *«В магазине Елисеева наблюдательные приказчики примечали, как полнели, добрели и росли их интендантские покупатели. На извозчиках подъезжать стали. Потом на лихачах, а потом в своих экипажах…*

Чтоб прокатиться на лихаче от «Эрмитажа» до «Яра» да там, после эрмитажных деликатесов, поужинать с цыганками, венгерками и хористками Анны Захаровны – ежели кто по рубашечной части, – надо тысячи три солдат полураздеть: нитки гнилые, бухарка, рубаха-недомерок…

А ежели кто по шапочной части – тысячи две папах на вершок поменьше да на старой пакле вместо ватной подкладки надо построить.

---

[1] Ленин В.И. Крах II Интернационала/ ПСС. - Т. 26. – С. 241.

[2] Тимирязев К.А. Красное знамя / Тимирязев К.А. / Наука и демократия. - М., 1963. - С. 391.

А ежели кто по сапожной, так за одну поездку на лихаче десятки солдат в походе ноги потрут да ревматизм навечно приобретут.

И ходили солдаты полураздетые, в протухлых, плешивых полушубках, в то время, как интендантские «вась-сияси» «на шепоте дутом» с крашеными дульцинеями по «Ярам» ездили… За счет полушубков ротонды собольи покупали им и котиковые манто.

И кушали господа интендантские «вась-сияси» деликатесы заграничные, а в армию шла мука с червями»[1].

Это, правда, написано еще про японскую войну, но в Первую мировую творилось то же самое, только масштабы стали куда больше. Воры-интенданты были лишь основанием пирамиды коррупции, вершину же составляли, как везде в эпоху империализма, мощные объединения монополистического капитала. Их органами в деле снабжения фронтов Первой мировой стали частные военно-промышленные комитеты, прокрутившие только до осени 1916 г. свыше полумиллиарда еще не очень инфляционных рублей. Почти половина этой суммы – 242 млн. – пришлась на печально известный «Земгор» – основу тогдашнего «гражданского общества» во главе с будущим главой первого Временного правительства князем Львовым, продукции же им было поставлено на 80 млн.[2] Куда делось остальное – вопрос риторический.

Вот о чем бы г-ну президенту следовало сегодня напомнить всем, и прежде всего своему окружению. Без прочного, внутренне здорового тыла, без уверенности народа в том, что на его беде не наживается мафия дельцов и коррупционеров, никому не удавалось и не удастся успешно противостоять серьезным противникам.

Наверняка от нынешних властей такого разговора – откровенного, во многом горького – не дождаться. Для этого надо прежде всего хотя бы перестать вытирать ноги о память тех, кто это действительно умел.

Так что как бы не пришлось вспомнить старика Энгельса не только в теоретическом плане, но и в самом что ни на есть практическом.

«***Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной,*** *– сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное»…* теперь уже не на один континент, а на весь мир.

«Голод», *«повторение парижской голодовки в колоссально увеличенном масштабе»…* Теперь уже не только голод, но и жажда гарантированы любому крупному городу, попавшему в зону военных действий. Разве не об этом кричат страдания блокированных Донецка и Луганска, сирийского Халеба (всеми СМИ упорно называемого на западный лад Алеппо) и палестинского сектора Газа?

«***Эпидемии***»? Они уже на пороге, и не только в воюющих странах. От смертоносных инфекций непонятного происхождения вроде лихорадки Эбола в сегодняшнем и завтрашнем мире не застрахован никто. «*Революционную диктатуру в завтрашнем мире, – как метко сказано Е.Н. Харламенко, – вполне вероятно будет олицетворять не комиссар в кожанке, а санитарный врач в белом или синем халате»*[3].

«***Всеобщее одичание***» уже теперь налицо во всех очагах конфликтов, и вызывается оно не только острой нуждой, но и многими другими факторами современного империализма.

«***Безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите***»… Можно ли точнее описать нынешнюю траекторию движения всего капиталистического мира с его финансовыми «пузырями», мэдоффами и мавроди? С произвольными санкциями против неугодных стран, с «фондами-стервятниками», нацелившимися на Аргентину с подачи Верховного суда США, с неспособностью из года в год ведущей империалистической державы своевременно принять бюджет из-за саботажа конгрессменов-ультра? Чем все это может кончиться, кроме – вполне по Энгельсу – всеобщего банкротства?

«***Крах старых государств и их рутинной государственной мудрости****… Абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы... Если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной».* Будто написано сегодня, про нынешних бизнес-боссов, топ-менеджеров, государственных мужей и дам всего капиталистического мира!

«***Всеобщее истощение***» – похоже, дело к тому идет.

«***Победа пролетариата будет… все ж таки неизбежна***». Этому поверить сегодня труднее всего, ибо случилось так, что наш мир отброшен назад гораздо дальше, чем мог опасаться Генерал. У пролетариата отняты не некоторые, а очень многие из «ранее завоеванных позиций».

И все же у человечества нет иной альтернативы вырождению и гибели, кроме той, что со всей осторожностью «пессимизма разума» намечена Энгельсом и на практике подтверждена первой победоносной социалистической революцией в России 97 лет тому назад, которая подвела мощный фундамент под «***создание условий для окончательной победы рабочего класса***».

В свое время по решению Коминтерна 1 августа стало для коммунистов всех стран Днем борьбы против империалистической войны. В 1975 году, когда эту революционную традицию успели, к сожалению, забыть, лидеры 35 стран выбрали тот же день для подписания Хельсинкского акта. Призванное, как тогда казалось, обеспечить Европе долгожданную безопасность, это событие на самом деле внесло немалый вклад в подрыв европейского социализма и тем самым, как теперь очевидно, – того равновесия сил, на котором держался хотя бы худой мир.

5 августа – день памяти Фридриха Энгельса. 119 лет минуло с тех пор, как прах Генерала приняли воды Атлантики. Его последняя воля навсегда лишила врагов возможности надругаться над могилой. Им остается разве что бичевать морские волны, как некогда повелел своим воинам персидский царь царей Ксеркс на берегу одного из тех проливов, что краснели от крови еще много раз, вплоть до Первой мировой. Если нынешние агрессоры способны хоть чему-то учиться у истории, пусть они вспомнят судьбу Ксеркса и его многочисленных подражателей. Пусть остановятся у последней черты.

Кто не знает прошлого, обречен пережить – или не пережить – его вновь.

---

[1] Гиляровский В.А. Москва и москвичи / Гиляровский В.А. Сочинения в 4 томах. - Т. IV. - М., 1967. - С. 160-161.

[2] http://kprf.ru/history/date/133465.html

[3] Е.Н. Харламенко – член редколлегии МиС, безвременно ушедший из жизни наш товарищ.

Борьба коммунистов с империализмом как источником войн

В.А. Тюлькин[1]

В 2014 году исполнилось сто лет с начала Первой Мировой войны. А политическая обстановка в современном мире продолжает обостряться настолько, что с полным основанием можно говорить об опасности её «неуправляемого» развития и перерастания региональных конфликтов в полномасштабный мировой катаклизм. Для коммунистов самое время обсудить вопрос об отношении к империалистическим войнам, о нарастающей угрозе новой мировой бойни и о стратегии и тактике коммунистов.

Общеизвестна ленинская формула, что **империализм чреват войнами.** Теория научного коммунизма объясняет, что в периоды общего кризиса капитализма *загнивающий и умирающий капитализм* во всех странах во внутренней политике ищет выход в усилении эксплуатации трудящихся, а во внешней политике – в переделе рынков сырья и сбыта, сфер влияния, эскалации напряжённости в стратегических регионах и развязывании прямой агрессии для разрешения межимпериалистических противоречий.

Известно, что в результате позиции, занятой партиями Второго Интернационала по этому вопросу, и их действий во время развязывания Второй мировой войны левое движение не просто разделилось, а решительно и бесповоротно размежевалось. Оппортунисты предали пролетарский интернационализм, заняли ***социал-патриотические*** позиции, одобрили военные бюджеты своих правительств и стали призывать народные массы к защите интересов ***своих*** *буржуазных отечеств.* Большинство партий Второго Интернационала фактически встало на сторону империализма, неважно, что по разные стороны империалистического фронта. Так история показала, что оппортунизм не просто правый уклон части коммунистического движения, но в определенные периоды может захватывать его большую часть, а порой и движение целиком. Именно так было во времена Первой Мировой войны. Тогда признанные авторитеты теоретической марксистской мысли старых европейских социал-демократических партий перед войной на словах занимали вполне марксистские позиции пролетарского интернационализма, а когда грянули первые орудийные раскаты, они в своих парламентах дружно поднимали руки за выделение военных кредитов правительствам, то есть поддерживали войну. Практически весь Второй Интернационал споткнулся на этом вопросе, скатился на шовинистические позиции. Исключение, как партия в целом, составили только большевики, в итоге шесть депутатов Думы (вся фракция большевиков в полном составе) отправились в Сибирь. Также не стали предателями пролетарского интернационализма болгарские тесняки и один коммунист немецкого рейхстага – Карл Либкнехт. То есть масштабы предательства могут быть поистине громадны, да и предательство хрущевско-горбачевского руководства КПСС это же подтверждает.

Большевики сумели использовать кризис, усугублённый Первой Мировой войной, для перерастания Февральской буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Руководимый большевиками революционный рабочий класс России в Октябре 1917 г. использовал слабости буржуазной системы, вызванные кризисом капитализма и Первой Мировой войной.

После Октябрьской революции Ленин требовал решительного и бесповоротного размежевания с оппортунизмом II Интернационала, выступил инициатором создания **III,** Коммунистического Интернационала. Под его руководством были разработаны теоретические принципы и **организационные** меры размежевания с оппортунизмом, известные как Условия приёма в Коминтерн. Обратим особое внимание именно на **организационное** размежевание, то есть при всей настойчивости Ленина в ведении теоретической борьбы и терпеливой разъяснительной работы он считал, что есть пределы, после которых надо идти на решительные организационные меры, изолирующие предателей коммунистического дела от коммунистов.

Подтвердилось та истина, которую позднее Ленин формулировал так: «***борьба с империализмом, если она не связана неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая лживая фраза***»[2].

И с тех пор коммунисты имели свой, идейно чётко определённый и организационно оформленный полюс в рабочем движении в виде Коминтерна. А социал-демократы фактически превратились в пособников империализма, занимающихся его улучшением, смягчением, очеловечиванием, лечением его язв и спасением во времена кризисов и обострения классовой борьбы.

Третий, Коммунистический интернационал вёл большую теоретическую работу, в том числе предсказал фашизм, дал определение фашизму. Глубоко научным, классическим марксистским определением фашизма явилось определение, представленное в резолюции XIII пленума ИККИ и повторенное на VII Конгрессе Коминтерна Георгием Димитровым, докладчиком по этому вопросу (так называемое «димитровское» определение): ***«Фашизм у власти – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала, особая форма классового господства буржуазии… Фашизм – это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм – это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов»***[3].

Фашисты, действия которых полностью подтверждали данное определение, руководствуясь своими классовыми интересами, создали **Антикоминтерновский пакт с** целью *не допустить дальнейшего распространения коммунистической идеологии в мире* (сначала в 1936 г.

[1] Тюлькин В.А. – Первый секретарь ЦК РКРП - КПСС

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 27. – С. 424.

[3] XIII пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала состоялся в Москве в ноябре-декабре 1933 г. На повестке дня пленума стояли вопросы борьбы коммунистических партий против фашизма и военной опасности // Стенографический отчет. М., 1934. - С. 589.

Германия и Япония, затем в 1937 г. – Италия, а позднее – ещё ряд государств, в которых к власти пришли правительства, разделяющие идеологии гитлеровского и итальянского фашизма, либо правительства, крайне отрицательно относящиеся к СССР и коммунизму в целом: Венгрия и Маньчжоуго, Испания с правительством генерала Франко).

25 ноября 1941 года Антикоминтерновский пакт был продлён на 5 лет, тогда же к нему присоединились Финляндия, Румыния, Болгария, а также существовавшие на оккупированных немцами территориях марионеточные правительства Хорватии, Дании, Словакии и образованное японцами на оккупированной ими части Китая правительство Ван Цзин-вэя.

Коминтерн дал бой фашизму ещё на этапе продвижения *коричневых* к власти в Испании и Германии. Была разработана тактика **народных фронтов** и, по большому счёту, основными противниками Гитлера и его Антикоминтерновского пакта во Второй Мировой войне были Советский Союз и Коминтерн. Коммунисты внесли решающий вклад в разгром фашизма и его германской разновидности – **нацизма**. Одна ВКП(б) отдала для победы над фашизмом жизни более трёх миллионов своих лучших бойцов, а Ленинский комсомол положил на алтарь победы более пяти миллионов жизней молодых героев. Коммунисты большинства стран были во главе партизанской войны и Движений Сопротивления.

Вопрос роспуска Третьего Коминтерна требует отдельного рассмотрения, но ясно одно: **главным результатом его деятельности явился разгром фашизма** и создание мировой социалистической системы с мощнейшим организационным ядром – Союзом Советских Социалистических Республик и странами Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

Социалистический лагерь во главе с СССР в течение 50 лет являлся политическим полюсом, противостоящим мировому империализму. Сам факт его существования обеспечивал, во-первых, возможность становления и укрепления социалистических государств в более-менее мирных условиях после 1945 г., особенно в Европе; а во-вторых, и это главное, капитализм вынужден был, учитывая влияние примера социальных завоеваний социализма, идти на значительные уступки трудящимся своих стран, которые вели борьбу за свои экономические и политические интересы с ориентацией на достижения социалистической системы.

Поражение социализма в СССР и странах Восточной Европы оказало широчайшее воздействие на ситуацию во всём мире. Во-первых, в отсутствии примеров социалистических стран капитал перешёл в наступление на права трудящихся. А, во-вторых, во внешней политике мировой империализм, и прежде всего его ударный отряд в лице империалистов США и стран НАТО, стал действовать более разнузданно, агрессивно, не оглядываясь на нормы международного права, не говоря уже о мнении мирового сообщества. Примером этому служат расправы над Югославией, Афганистаном, Ираком, Ливией, сегодня – Сирией, угрозы в адрес КНДР и Ирана.

Очередной глубочайший мировой экономический кризис капитализма, его обострение с 2008 г. толкали империализм к поиску выходов на путях эскалации внешней агрессии и силового решения вопросов расширения рынков и усиления влияния в стратегически важных регионах, тем более что уже не было противодействующего фактора – мировой социалистической системы. Наша партия в своем анализе текущей политики империализма исходит из определения фашизма, данного Коминтерном.

Некоторые теоретики и партии с данным определением не согласны и высказываются, по сути дела, за отказ от использования этого фундаментального научного определения, которое было дано 80 лет назад в период становления фашизма, противопоставлявшего себя в первую очередь первому в мире социалистическому государству, а также и государствам буржуазной демократии, с которыми фашистские государства намеревались в интересах своего финансового капитала вести войну за рынки сбыта и источники сырья. С тех пор ни сущность империализма, ни сущность финансового капитала не изменились, не исчезли и его намерения при известных обстоятельствах переходить от использования буржуазной демократии для осуществления своих интересов к открытой террористической, то есть фашистской, диктатуре.

Если подходить не схоластически, а творческо-диалектически, необходимо признать, что Коминтерн верно определил фашизм, дав определение фашизма как такового, а не какого-то особого фашизма того времени. Тем более что на международных встречах коммунистических и рабочих партий мы вместе констатировали, что природа империализма и сущность финансового капитала остается той же самой, что и в двадцатом веке, поэтому могут меняться проявления фашизма, но не его сущность, а следовательно, определение фашизма верно и сегодня и позволяет давать правильную оценку самым современным политическим событиям.

Фашизм состоит в отбрасывании демократических форм буржуазного господства и переходе к **открытому** буржуазному террору. В современном мире большинство буржуазных государств во внутренней политике используют различные формы буржуазной демократии, воздерживаясь от осуществления диктатуры в открытой террористической форме. Другое дело – на международной арене, где осуществляется продолжение внутренней политики уже как политики международной. После крушения СССР международный империализм во главе с Соединёнными Штатами Америки не просто усилил свою агрессивность, а стал открыто попирать нормы международного права и игнорировать даже буржуазную законность. Ядром сил империализма сегодня выступает именно финансовый капитал, причем с гораздо большим удельным влиянием, чем в середине двадцатого века. Фашизм – это одна из возможных реакций империализма для спасения капиталистического строя от опасностей социалистических революций, особенно в период кризисов. Поэтому фашизму органически присущи откровенный антикоммунизм и последовательная антирабочая политика. При этом фашизм для оболванивания народа использует инструмент широкой и активной социальной демагогии. Все это на сегодняшний день наглядно присутствует в политике империализма и сплошь и рядом проводится руками современной социал-демократии.

Надо различать фашизм как систему идеологических установок и фашизм как практическую государственную политику.

Идеологические проявления фашизма сегодня видны как по отдельности во всех странах империализма, так и в их общей политике. Достаточно привести примеры антикоммунистических законов в странах Европы (Латвия, Литва, Эстония, Венгрия, Чехия, Молдова и др.), а также попытку ПАСЕ устроить судилище над

коммунизмом, нагло и лживо попытавшись поставить коммунизм на одну чашу весов с фашизмом – мол, это все некий тоталитаризм. В России антикоммунизм проявляется в переписывании истории, официальной антисоветской пропаганде, переименовании городов, улиц, отмене праздников, знаменательных для трудящихся, утверждении в качестве государственного флага того, что несли воевавшие на стороне Гитлера предатели.

Определяющим признаком фашизма как **политики** является отбрасывание демократических институтов и применение **открытых террористических** методов государственной политики. Сегодня в своей внутренней политике США и страны НАТО сохраняют, хотя и в урезанном виде, элементы буржуазной демократии, а вот во внешней политике они попирают все демократические нормы. Говоря словами В.И. Ленина, «***перед нами совершенно нагой империализм, который не находит нужным даже облачить себя во что-нибудь, полагая, что он и так великолепен*»**. Империализм в своей внешней политике, являющейся составной частью буржуазной диктатуры, которую он осуществляет, все чаще прибегает к мерам открытого насилия, кровавого террора. Ряд событий, характеризующих это явление, мы уже называли: Югославия, Ирак, Ливия, Сирия. Международный финансовый капитал сегодня настойчиво пытается поставить в этот ряд и Украину.

Особую опасность искусственной эскалации напряженности на Ближнем Востоке придает проведение со стороны крупнейших империалистических государств в этом регионе политики **фашизма. Эту ситуацию сегодня наиболее точно отражает научно обоснованный и устоявшийся в российской политической публицистике термин** – ***фашизм на экспорт*. Фашизм на экспорт – это неприкрытая, игнорирующая законы и нормы международного права террористическая империалистическая политика насилия и кровавого решения вопросов обеспечения интересов мирового империализма, ядром которого выступает финансовый капитал**. Мы не должны закрывать глаза на эту современную форму фашизма.

К сожалению, некоторые товарищи и внутри России, и в других странах, в том числе и представители некоторых коммунистических партий, пока еще не принимают такого вывода, утверждая, что определение фашизма, на котором этот вывод базируется, якобы не вполне корректно. При этом они совершенно правильно говорят, что не любое насилие империализма является фашизмом, что **факты империалистической агрессии были и во времена существования СССР**. Действительно, и до появления фашизма и после его разгрома во Второй мировой войне империалистические силы совершали интервенции и развязывали войны. Была оккупация Палестины, сирийских, ливанских территорий, было оккупировано 40% территории Кипра, по решению ООН была развязана империалистическая война в Корее, была империалистическая война во Вьетнаме. Империалистами были совершены сотни преступлений в Африке, Латинской Америке, а также в Европе. В Греции было империалистическое военное вмешательство Великобритании, а затем США, и кровавая гражданская война. Почему мы те агрессии не относим к фашизму, а после краха СССР и социалистического лагеря приняли это определение – «фашизм на экспорт»? Нам говорят, мол это доказывает не существование «фашизма на экспорт», а агрессивность империализма, который становится все более реакционным.

Кратко отвечаем – некоторые из этих агрессий мы как раз относим к фашизму (например, в Греции), а другие не относим, потому, что они не подпадают под определение фашизма. Остановимся на этом подробнее.

Повторим, что определяющим признаком фашизма как политики является отбрасывание демократических институтов и применение открытых террористических методов государственной политики. И во времена существования СССР, с точки зрения научного определения, проявления фашизма безусловно были. Например, в Чили государственная власть была у фашистов, то же можно сказать о режиме *черных полковников* в Греции.

Фашизм – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных элементов финансового капитала, но не обязательно своего, местного и совсем не обязательно устанавливаемая надолго. Чаще диктатура буржуазии вскоре вновь скрывается под покровом буржуазно-демократических форм.

В новейшее время в России фашизм проявился в октябре 1993 г., при расстреле парламента. Диктатура финансового капитала, проведя с помощью фашизма нужную империализму операцию, может снова облачиться в одежды буржуазной демократии, поскольку и фашизм, и буржуазная демократия только формы осуществления диктатуры буржуазии.

Во времена СССР буржуазная демократия (диктатура буржуазии) вынуждена была много больше, чем сегодня, ориентироваться на демократические нормы и международное право, гораздо реже использовать фашистскую политику.

Самого тщательного рассмотрения заслуживает вопрос: а не делим ли мы империалистические страны на «плохие» («фашистские», «неофашистские») и «хорошие»? К тому же призыв к формированию «антифашистских фронтов**»,** якобы *в бесклассовом направлении,* со всеми «*прогрессивными и честными людьми»,* по мнению ряда товарищей весьма похож на антиамериканскую пропаганду, которую можно услышать от многих оппортунистов, начиная от адептов Чавеса и кончая пропутинскими агитаторами в России. Не опасна ли такая позиция для коммунистического движения и рабочего класса из-за создания путаницы формированием линии якобы «оздоровления» империализма путем отмежевания от «фашистских сил»? Не звучит ли здесь призыв к объединению с другими силами, не имеющими никакого отношения к делу социализма? Не возникает ли по существу во имя борьбы с фашизмом риск укрепления сил, поддерживающих сотрудничество с оппортунизмом, социал-демократией, с частями буржуазного класса? Не открывает ли это путь для выбора «не самого плохого империалиста»? То есть в случае регионального или тотального военного конфликта коммунистическое движение что, должно будет поддержать конкретные империалистические державы, из-за того, что другие являются «фашистскими»? Ведь В.И. Ленин во многих своих произведениях подчеркивал, что **«рабочий класс, если он сознателен, *ни за одну* группу империалистских хищников стоять не может**» (там же, с. 335–336). Вопросы вполне законные и понятные, хотя и непростые. Требуют ответов по существу.

Отвечаем: коммунистическое движение, не выступая ни за одну империалистическую группировку, должно, исходя из интересов рабочего класса и обеспечения более благоприятных условий для развертывания его классовой борьбы, выступать против фашистских проявлений империализма, как это делали партии, входящие в Ко-

минтерн, и Советский Союз, вступивший во временный союз с антифашистскими державами для скорейшего разгрома фашизма. Игнорировать этот исторический опыт и эту коммунистическую практику, недооценивать ее было бы совершенно недопустимо. Мы не за какую-то группировку, а говорим, что с точки зрения защиты насущных и долговременных интересов рабочего класса надо выступать против фашизма. И если сумеем, то направить какие-то буржуазно-демократические движения против фашизма, причем против фашизма в научном Коминтерновском определении. Кто согласен, тот нам союзник. Антиамериканское и антиимпериалистическое направление нельзя называть бесклассовым в условиях, когда американский финансовый капитал проводит одну за другой операции по уничтожению буржуазно-демократических режимов в других странах путем открытой террористической диктатуры и **отбрасывает народы этих стран на стадии, гораздо менее благоприятные для совершения социалистической революции, чем те, на которых они находились до фашистского вмешательства**.

Мы не делим империализм на **плохой и хороший**, мы говорим, что фашизм – это продукт империализма, форма реализации диктатуры буржуазии, но эта форма совсем не обязательна для всех империалистических государств и во все времена, и мы это должны понимать и видеть. Во Вторую Мировую войну империализм был и в Германии, и в Англии, и в США, но мы же не говорим, что империалистические страны, воевавшие Гитлером, хорошие, но говорим, что они были союзниками СССР в борьбе с фашизмом. Вбивать клин в лагерь империализма по этой линии – против фашизма, как это делал СССР, сегодня тоже возможно и необходимо, а игнорировать соответствующий успешный исторический опыт совершенно недопустимо.

Против фашизма надо поднимать и буржуазную демократию, так как фашизм давит демократию. Сталин говорил, что *втоптанное в грязь знамя демократии больше некому поднять, кроме коммунистов*.

Конечно, надо ответить и на такой несправедливый упрек нам, что при рассмотрении политики империалистических держав мы якобы разрываем ее на внешнюю и внутреннюю. И внутренняя, и внешняя политика любого империалистического государства направлена на осуществление диктатуры империалистической буржуазии, и в этом их единство и неразрывность. Поэтому В.И. Ленин и подчеркивал: "**Нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики. Как раз во время войны чудовищная неправда такого отрывания становится еще чудовищнее. А со стороны буржуазии делается все возможное и все невозможное, чтобы внушить и поддержать эту идею»**[1].

Со всей ответственностью перед товарищами коммунистами отвечаем, что мы ни в коем случае не отрываем внешнюю политику от внутренней. Наоборот, мы подчеркиваем, что фашизм – внутренний продукт империализма, но реакционная сущность империализма может проявляться внутри страны и во внешней политике по-разному. Мы констатируем все более активные попытки американского и западноевропейского финансового капитала обеспечивать свои интересы во внешней сфере фашистскими методами открытого террора. (Если бы немецкие национал-социалисты не проводили внутреннюю террористическую политику, а всю агрессию направляли на внешнюю сторону, то они не перестали бы быть фашистами). Продолжением анализа являются и такие логичные вопросы к нам:

а) будем ли мы соотносить ведение империалистической войны со всеми формами буржуазной диктатуры или с какой-то одной?

б) различаем ли мы войны, которые нарушают международное право, и те, которые не нарушают? Можно ли делить войны по такому признаку?

в) не является ли противоречием призыв в статье: "*сохранить ортодоксальность"* и в то же время обращение: «*зовём всех прогрессивных и честных людей соединяться в антифашистские фронты»?*

Мы на них отвечаем так, как следует из марксистской науки:

А. Мы подчеркиваем, что войнами империализм беремен **всегда,** а фашизм лишь одна из форм реализации диктатуры буржуазии. Буржуазные демократии ведут войны и между собой, и со слабыми странами, и со странами социализма. Совсем не обязательно эти страны являются в своей политике фашистскими.

Б. Мы не делим войны на правовые и нарушающие право. Мы исходим из ленинского определения войны как продукта межимпериалистических противоречий, как вооруженной борьбы классов, наций или государств. Но при этом мы выделяем, что войны для стран и народов могут быть справедливыми и вопросы буржуазного права здесь не при чем.

В. Ортодоксальность не исключает оценки позиции социальных слоев и государств по их отношению к конкретному вопросу, в данном случае к фашизму, более того, фашизму в научном – Коминтерновском определении. Тактика народных фронтов Коминтерна в целом была правильной.

Вопросов много, и это говорит о том, что тема, безусловно, чрезвычайно актуальна. Товарищи, в частности, говорят, что фашизма в его «законченной» форме (подобно гитлеровскому фашизму и т.п.) сегодня в США и у их союзников нет. Опасаются, что политика союзов с буржуазной демократией против неявного фашизма может привести коммунистов к хвостизму в практической политике. Ряд товарищей видят большую опасность фашизма в националистических тенденциях и организациях в России (ДПНИ), Греции («Золотая Заря») и других странах и необоснованно утверждают, что понятие «*фашизм на экспорт»* якобы запутывает дело.

Мы отвечаем, что Коминтерновское определение фашизма и констатация наличия «фашизма на экспорт» никак не отрицает возможностей проявлений фашизма внутри стран. Подпитка греческим капиталом партии «Золотая Заря» и ее практика работы – это есть проявления подготовки фашизма на базе буржуазного национализма в Греции.

Расстрел рабочих в Казахстане в 2011 г. – это проявление фашизма. Расстрел Верховного Совета в России в 1993 г. – это проявления фашизма. Сегодня в направляемых иностранным финансовым капиталом провокационных действиях так называемой новой киевской власти, ее карательных операциях против жителей Юго-востока отчетливо просматриваются классические признаки фашизма. За всеми этими проявлениями террористической диктатуры стоят интересы крупного империалистического, финансового капитала. В этих условиях *прятать голову в песок* и не видеть проявлений фашизма совершенно недопустимо.

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 32. – С. 335.

Мы с благодарностью принимаем все поступившие к нам аргументы и отвечаем на них следующим образом: мы готовы обсуждать вопрос о том, насколько удачен термин ***фашизм на экспорт,*** не на каждый язык легко перевести его русское понимание как **проявление внутреннего качества** во внешнем мире. Мы хотим подчеркнуть, что мы не настаиваем на буквальном применении этого термина, обозначении описанного явления именно этими словами, но настаиваем на признании существования самого явления. А вот по сути ранее не наблюдавшегося явления мы еще раз разъясняем и подчеркиваем, что налицо такие признаки:

- эта политика выражает интересы, прежде всего, международного финансового капитала, имеет целью спасение системы, базирующейся на все большем всевластии ТНК в период кризиса;

- эти проявления, безусловно, **являются внутренним продуктом самого империализма** и лишь все больше реализуются во внешней политике;

- насилие здесь не просто неотъемлемая черта империализма как такового, а империализма, управляемого наиболее реакционным финансовым капиталом с отбрасыванием всех норм международной демократии и законности;

- идеология расизма, присущая фашистам прошлого века, предстает здесь в виде зачисления в разряд *недоразвитых*, *недемократических*, даже *изгоев*, целых стран и народов вместе с их современными правительствами;

- используемый шквал социальной демагогии вещает всему миру, что все делается якобы во имя *демократии* и соблюдения *прав человека* в их западно-буржуазном понимании.

Массовой базой фашизма, как и в двадцатом веке, является мелкая буржуазия в силу двойственности ее природы, неоднократно отмечавшейся Лениным и большевиками. Террористический характер диктатуры наиболее реакционных кругов финансового капитала дополняется экстремистским характером политического «темперамента» класса мелкой буржуазии, бесящейся в периоды кризисов от страха потери своего положения. Этот страх проявляется мелким собственником в любых его союзах – и с рабочим классом, и с буржуазией. Свойственный ему экстремизм, авантюризм также обусловлен двойственностью природы этого класса – неустойчивостью его экономического положения: с одной стороны, какой-то возможностью его выхода в класс эксплуататоров и связанной с этим авантюристичностью, с другой стороны – большой вероятностью в случае неудачи быть вытолкнутыми в ряды лишенных средств производства пролетариев. Эта неустойчивость и порождает авантюрность, преобладание крайностей в темпераменте этого класса. И обсуждая возможность фашизации у нас и в мире, нельзя игнорировать позицию этого класса. Как трудящиеся они – вероятные и желательные союзники эксплуатируемых, но и капитал ведет борьбу за их поддержку – как частных собственников.

Все эти признаки и характеристики в совокупности вполне дают нам достаточно оснований для характеристики политики империализма во главе с США на международной арене по отношению к ряду стран как **фашистской.**

Аргументы некоторых возражающих товарищей говорят, увы, об их нежелании или неумении держаться точного понятия. Авторы вроде бы и соглашаются с определением фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных кругов финансового капитала, то есть признают фашизм как политику, но потом сбиваются на понимание его только как идеологии. Налицо игнорирование того, что это именно **открытая**, то есть не прикрытая демократическими процедурами, террористическая диктатура, и она противостоит не только рабочему и коммунистическому движению, но и буржуазной демократии, как немецкий и итальянский фашизм противостоял американской и английской буржуазной демократии. Мы говорим, что фашизм, зародившийся внутри США и других стран империализма, внутри своих стран не проявляется явно, но он есть в их международной политике, а согласно нашим критикам – если внутри США нет явных фашистских проявлений, то и в их международной политике нет**.** Зато подбрасываются утверждения, что вот в России есть "русский фашизм", в Греции – греческий, за фашизм выдаются националистические течения, имеющие место во многих странах в рамках буржуазной демократии. Но они были и во времена царской России и проявлялись в таких уродливых формах, как, например, черносотенные еврейские погромы, однако фашизмом не являлись. Авторы замечаний не видят, что в том же Ираке американский фашизм уничтожил иракское реакционное, но буржуазно-демократическое государство, не отвлекаясь особенно на уничтожение коммунистического движения.

Еще более странно выглядят опасения, что взаимодействие в борьбе с фашизмом может привязать коммунистов к хвосту социал-демократов. Большевики боролись с Корниловым, стоявшим правее Временного правительства, и к хвосту Временного правительства это их не привязало. Сталин заключил союз с США и Англией против гитлеровского фашизма, и это не привязало Советский Союз к *хвосту* Рузвельта и Черчилля.

Мы еще раз призываем коммунистические и рабочие партии обратиться к теории и к практическому опыту Коминтерна. В сегодняшней борьбе против агрессии в Сирии, против продолжающейся оккупации палестинских и сирийских земель Израилем, против карательных действий Киевской хунты на Юго-Востоке Украины, против угроз в адрес Ирана и КНДР все антифашистские силы, понимающие фашизм по определению Коминтерна, надо объединять на конкретных делах. Всех прогрессивных и честных людей надо нацеливать и объединять для отпора возрождающемуся и наступающему на международной арене фашизму. Этой борьбе коммунисты придают четко выраженный классовый характер. Несколько перефразируя Ленина, мы должны сказать, что **борьба с фашизмом, если она не связана с борьбой против империализма – есть пустая лживая фраза.**

В сегодняшних условиях наступающей реакции с усиливающимися проявлениями фашизма от коммунистов требуется сохранение своей ортодоксальности и непримиримая борьба с империализмом на всех фронтах и во всех странах. А эта борьба, мы уже вспоминали Ленина, должна быть ***«связана неразрывно с борьбой против оппортунизма»*.** Сегодняшняя ситуация в международном коммунистическом движении есть ситуация разброда и шатаний, сильнейшего правого уклона. Поэтому нам абсолютно необходимо посоветоваться с Лениным. Эта необходимость для выработки верного курса диктуется такими обстоятельствами, как появление партий (например, КП США), у которых от теории научного коммунизма остался один *коммунистический выбор* и *историческая традиция*. Другие партии отказываются от символов серп и молот как якобы устаревших (КП Франции). У третьих иссяк *лимит на революции*

(КПРФ). Четвёртые чуть ли не главной программной задачей считают защиту прав сексуальных меньшинств (Партия коммунистического возрождения Италии, КП Франции и другие евролевые). Все вместе они молча уклоняются от признания необходимости Диктатуры Пролетариата, зато выступают за целесообразность улучшения буржуазной системы через участие в различных левоцентристских правительствах «народного доверия». Они приверженцы рыночного социализма. То есть разброд идейный и разброс организационный чрезвычайно велик. Лучшей карикатурой на марксизм является современная политика некогда славной Компартии Франции, ныне гордящейся тем, что в составе Левого фронта способствовала победе на президентских выборах социалиста Оланда. Сегодня этот «левый» президент добивается легализации гомосексуальных браков и немедленной расправы над Сирией. Такой *псевдомарксизм* рабочему классу не нужен. Мы критикуем ФКП за то, что они вместо борьбы с империализмом за интересы рабочего класса занялись борьбой за ЛГБТ, при этом уводя внимание трудящихся от классовой борьбы в сторону отстаивания ложных ценностей. ФКП скатилась до поддержки империалистов, ограничив свою деятельность поддержкой сексуальных меньшинств, это ли не пример деградации, который дискредитирует комдвижение.

Сегодня Коммунистического Интернационала пока нет. Наиболее известной формой взаимодействия коммунистических и рабочих партий являются ежегодные встречи, начатые по инициативе Компартии Греции в 1998 г. В этом году пройдёт шестнадцатая такая встреча. Собираются на эти форумы очень разные партии, которыми обсуждаются две тенденции развития формата этих встреч. Первая – расширить состав участников за счёт приглашения *всех левых*, всех, называющих себя народными и левыми оппозиционными организациями. Вторая тенденция направлена на то, чтобы, наоборот, ввести строгие границы участия именно марксистских коммунистических партий, для чего предлагается разработать определённые четкие критерии приёма. Для помощи в этой работе нам и полезно вспомнить ленинские критерии принятия в Коминтерн. Конечно, условия и рецепты 1919 г. нельзя применять сегодня механически, но, вырабатывая стратегию и тактику сегодня, без ленинского опыта не обойтись. Чтобы почувствовать, насколько актуальны его выводы для наших условий, достаточно упомянуть некоторые из этих требований:

- удаления со сколько-нибудь ответственных постов в рабочем движении (партийная организация, редакция, профессиональный союз, парламентская фракция, кооператив, муниципалитет и т.п.) реформистов и ***сторонников "центра"****;*

- обязанности разоблачать не только откровенный социал-патриотизм, но и фальшь и лицемерие социал-пацифизма;

- необходимости полного и абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой "центра" и пропаганды этого разрыва в самых широких кругах членов партии;

- обязательного ведения упорной борьбы против Амстердамского "Интернационала" желтых профессиональных союзов... обязательства всеми средствами поддерживать зарождающееся международное объединение красных профессиональных союзов, примыкающих к Коммунистическому Интернационалу;

- обязательств пересмотреть личный состав своих парламентских фракций, ***удалить из них ненадежные элементы;***

и другие.

А главное условие – это признание на деле диктатуры пролетариата.

Эти условия должен изучить каждый коммунист, и каждая организация может обсудить, как их применять к сегодняшней ситуации, к оценке идеи *честных парламентских выборов,* борьбы за *левоцентристские правительства народного доверия,* выдвижения на первый план так называемого *национального вопроса* и тому подобное. Но абсолютно ясно, что самый первый принцип – самое основное звено марксизма остается неизменным. Разговор может идти только с теми партиями, которые признают **диктатуру пролетариата.** И не только признают *на губах* (Ленин), а ведут каждодневную пропаганду ее необходимости. Работают на организацию пролетариата в класс ***для себя*** сегодня. Борьба с оппортунизмом и признание ортодоксальными компартиями только тех, кто признаёт неизбежность диктатуры пролетариата, не означает, что партии, выражающие мелкобуржуазные тенденции, категорически автоматически исключаются из числа тех, с которыми возможен союз против фашистской угрозы. Совместная борьба против угрозы фашизма предоставляет возможность союзов классов трудящихся в форме антифашистских народных фронтов и возможность государственных форм, соответствующих этим союзам, типа государств Народной Демократии.

Нас нередко упрекают в том, что мы будто бы слишком много внимания уделяем критике оппортунизма, и вообще, как явления, и международного, и, в частности, отечественного российского – руководства КПРФ, и советуют эту энергию направить на разоблачение империализма в целом, а также Путина и его режима. Однако, исходя из только что приведённого указания Ленина, а также его уточнения о том, что «***бывают моменты, обязывающие поставить вопрос в упор и назвать вещи их настоящим именем, под угрозой причинения непоправимого зла и партии, и революции***»[1] мы признаём сегодняшнюю ситуацию чрезвычайной и даже отмечаем, что, к сожалению, являемся идеологическими противниками некоторых партий, называющих себя коммунистическими. Рассмотрение этих проблем становится неотложным делом.

Мы высоко ценим значение ежегодных международных Встреч коммунистических и рабочих партий (список солиднет) и будем поддерживать их проведение. Эта площадка дает возможность узнать позиции других партий и высказаться самим. Но нам абсолютно ясно, что назрела необходимость говорить прямо и откровенно, называть вещи своими именами в отношениях с оппортунизмом всех разновидностей и проявлений. Необходимо укреплять единство партий, стоящих на позициях ортодоксального марксизма. Издание журнала «Международный коммунистический обзор» может помочь этому делу теоретической борьбы, если внутри самого своего союза одиннадцати партий мы будем говорить прямо, по-ленински, языком научного коммунизма.

[1] Ленин. В.И. Полн. собр. соч. - Т.. 35.- С. 343,

К 100-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Вклад Коммунистического Интернационала в процесс становления и развития Коммунистической партии Франции (ФКП)

Ж.Л. Салле[1]

I. Экономическое и социальное положение французского пролетариата в период 1914 - 1920 гг.

«Священный союз»

Союз революционеров коммунистов Франции (URCF) считает, что соглашательство руководства Французской Социалистической партии (ФСП) и Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКТ) со стратегией класса капиталистов, объективно послуживший развязыванию империалистической войны и противодействовавший назревавшей в то время революции – этот позорный факт в их истории – действительно имел место.

По своим реакционным последствия для рабочего движения Франции он заслуживает название позорного «священного союза» по аналогии со «Свяшенным Союзом»[2] – известным реакционным соглашением европейских монархов в начале XIX. Стремление некоторых историков до сих пор отрицать фактическое существование противоестественного «священного союза» организаций классов-антагонистов, и предпочитающих говорить о «конфликтуальном консенсусе», означает игнорирование глубины и последствий предательства интересов рабочего класса руководством ФСП и ВКТ, его переход на сторону буржуазии.

Ж. Жорес, возглавлявший социалистическую партию, боролся за мир главным образом из пацифистских побуждений и рассчитывал на парламентаризм, как основной способ борьбы: он ратовал, прежде всего, за переговоры с правительством, а не за развертывание антивоенных демонстраций и забастовок. Рабочий класс в основном одобрительно относился к идее поддержания мира, но руководство как ФСП, так и ВКТ, не имело реальной стратегии и подчиняло борьбу против войны... соглашению с германской социал-демократией и идентичному с ней подходу к этому вопросу.

Механизмы, влияющие на руководителей и на рядовых членов партии и профсоюзных организаций, различны. Что касается руководящего состава, то Ленин указал, что на стадии империализма сверхприбыли от эксплуатации колоний и угнетенных стран, позволяют осуществлять подкуп рабочей аристократии и не только во всех империалистических странах в форме материальных благ, различных выгод, государственного финансирования и интеграции в буржуазный государственный аппарат; механизмы же такого подкупа тщательно отработаны.

Этот процесс был облегчен не только отсутствием у рабочей партии революционной стратегии, но и, напротив, принятой вместо неё оппортунистической стратегией «накопления реформ» для перехода от капитализма к социализму. Напомним также, что во Франции, министериализм (мильеранизм)[3], осужденный Социа-

---

[1] Ж.Л. Салле - генеральный секретарь Союза Революционеров Коммунистов Франции (URCF)

[2] "СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ - реакционное объединение европейских монархов, возникшее после падения империи Наполеона. 26. IX 1815 русский император Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих Вильгельм III подписали в Париже т.н. "Акт Священного союза".

Реальная сущность "Акта", выдержанного в высокопарно религиозном стиле, сводилась к тому, что подписавшие его монархи обязывались "во всяком случае и во всяком месте... подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь". Иными словами, С.с. являлся своеобразным договором о взаимопомощи между монархами России, Австрии и Пруссии, носившим чрезвычайно широкий характер.

19. XI 1815 к С.с. присоединился французский король Людовик XVIII; в дальнейшем к нему примкнуло большинство монархов европейского континента. Англия формально не вошла в состав С.с, однако на практике Англия нередко координировала своё поведение с общей линией С.с.

Благочестивые формулы "Акта Священного союза" прикрывали весьма прозаические цели его творцов. Их было две:

1. Поддерживать в неприкосновенности ту перекройку европейских границ, которая в 1815 была произведена на *Венском конгрессе.*

2. Вести непримиримую борьбу против всех проявлений "революционного духа".

Фактически деятельность С.с. почти целиком сосредоточилась на борьбе с революцией. Узловыми пунктами этой борьбы являлись периодически созываемые конгрессы глав трёх руководящих держав С.с, на которых присутствовали также представители Англии и Франции". (*Редколлегия*).

[3] Мильеранизм, «министерский социализм» - форма политического сотрудничества оппортунистических лидеров социалистических партий с буржуазией. Понятие «М.» возникло в связи со вступлением социалиста А. Мильерана в 1899 в состав французского буржуазного правительства П. М. Р. Вальдека-Руссо (См. Вальдек-Руссо). В.И. Ленин, назвав этот поступок Мильерана «практическим бернштейнианством» (см. Полное собрание соч., 5 изд., т. 6, с. 8), отмечал, что «французский мильеранизм — самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно национальном масштабе...» (там же, т. 17, с. 23). Ожесточённая полемика, развернувшаяся вокруг «казуса Мильерана», отражала острую борьбу оппортунистической и революционной тенденций во франц. и международном социалистическом движении. Во Франции гедисты и бланкисты, выступавшие против М., создали в 1901 Социалистическую партию Франции; сторонники М. образовали в 1902 Французскую социалистическую партию, возглавленную Ж. Жоресом. На Парижском конгрессе 2-го Интернационала (1900) большинством голосов была принята «каучуковая» резолюция К. Каутского, фактически не осуждавшая измены Мильерана. Амстердамский конгресс 2-го Интернационала (1904) выска-

листической партией в 1903 году, имел глубокие корни в руководстве. А что касается рядовых ее членов, следует помнить, что в любом капиталистическом государстве, господствующей идеологией является идеология правящего класса, т.е. буржуазии; особенно если оппортунизм руководства партии разрушает иммунную устойчивость сопротивления буржуазной идеологии.

Французская буржуазно-демократическая революция действительно является одной из самых славных страниц в истории нашей страны; но она и ее прогрессивное значение абсолютизируются, в то время как контрреволюция продолжает бушевать в течение всего XIX века. Приверженность Республике была обоснованной, но все более и более отрицался тот неоспоримый факт, что многие социалисты за идеей Республики не увидели господства классовой диктатуры капитала.

Не только буржуазные органы, но и также соцпартия стремились столкнуть Французскую Республику с немецкой монархией. Кроме того, дети в школах Третьей республики подвергались интенсивной «патриотической» обработке, с сильным шовинистическим уклоном, направленным на «отвоевание Эльзас-Лотарингии». Шовинизм, под видом защиты республиканских ценностей без классового содержания затронул также и обширные массы пролетариата.

И наконец, следует упомянуть следующее затрудняющее борьбу объективное обстоятельство: бороться за мир в условиях всеобщей мобилизации с 1 августа 1914 г. всех мужчин от 20 до 40 лет стало делом весьма сложным, особенно без четких инструкций со стороны соцпартии и ВКТ, вот почему отказы участия в войне были очень незначительными.

Убийство Жореса националистической реакцией устранило важное препятствие во Франции для развязывания межимпериалистического конфликта.

URCF считает, что первым показателем наличия т.н. «священного союза» явился тот факт, что 98 парламентариев-социалистов проголосовали за военный бюджет. Это было первое соглашательство со стратегией класса капиталистов, направленной на развязывание империалистической войны. Немецкие социал-демократы, за исключением Карла Либкнехта, поступили абсолютно также. Вторым решающим актом соглашательского «священного союза» было вхождение в правительство ряда лидеров социалистов: Жюля Геда (на пост государственного министра), Марселя Самба – в качестве министра общественных работ и немного позже лидера профсоюзного движения Альберта Томас на пост министра обороны.

Закрепление министериализма – политики, в прошлом осуждаемой, впервые означало участие соцпартии в буржуазном правительстве, единственной целью которого была захватническая война. Увенчалась успехом первая операция капиталистов: удалось «вписать» в буржуазное правительство руководство ФСП и ВКТ и, таким образом, с помощью социалистических лидеров, взять под контроль и направить в нужное (безопасное) русло движение рабочего класса.

Предательство Жюля Геда было тяжелым ударом по рабочему движению. Гед, вместе с Лафаргом, был одним из первых провозвестников марксизма во Франции и считался приверженцем ортодоксального марксизма, выступавшим против реформистского крыла. Его заслуги не могут быть забыты, но мы должны определить политические и идеологические корни, которые привели его к присоединению к правительству империалистической войны во имя т.н. «защиты отечества». Как и у Каутского, знание марксизма у Геда приобрело окостеневший, механический характер. Гед никогда не занимался разработкой революционной стратегии. Узник оппортунистической теории «производительных сил», Гед выступал за ожидание того, чтобы пролетариат явился арифметическим большинством в стране.

Гед и Каутский символизируют крах II Интернационала, крах оппортунизма. *«Защита классового сотрудничества, отказ от идеи социалистической революции и революционных методов борьбы, приспособление к буржуазному национализму, забывая исторически преходящий характер границ национальности и отечества, символическое значение, придаваемое буржуазной законности, отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы из-за опасения оттолкнуть «большие массы населения» (читай мелкой буржуазии) – это, несомненно, идеологические основы оппортунизма»*[1].

Если можно было ожидать измены со стороны правых реформистов, то измена со стороны «левого» крыла (Геда) позволила капиталу проводить политику сверхжесткой экономии, с тем, чтобы заставить народные массы оплатить расходы, связанные с империалистической войной, путем расширения массовой безработицы и обнищания пролетариата. Вот истинное значение «Священного Союза», политики подчинения рабочего класса капиталистическим интересам путем классового сотрудничества, последствия которой будут трагическими.

Мобилизация мужчин 20–40 лет способствовала созданию благоприятных условий становлению этого «священного союза». Рабочие, мобилизованные на фронт, оставленные без четких директив профсоюзов и партии, были предоставлены влиянию милитаристской пропаганды и исключительному подчинению распоряжениям политической власти и буржуазной армии. Пролетариату, таким образом, было суждено стать пушечным мясом, а численный состав ВКТ упал с 350 000 в 1914 году до 50 000 членов в 1915 году, региональные же федерации полностью исчезли в связи с отсутствием рядовых членов.

Буржуазия, укрепившая свои позиции благодаря классовому сотрудничеству с рабочими организациями (конечно, ответственность за это рядовых членов организаций и их руководителей не может быть одинаковой), развивает военную экономику, вводит политику государственно-монополистического капитализма в жизненно важных для войны секторах: металлургии, химической промышленности, транспорте. 1 800 000 человек, работают в этих отраслях, при этом широко используется труд 130 000 подростков в возрасте до 18 лет и 430 000 женщин, а также 170 000 иностранных рабочих (из европейских и колониальных стран). Налицо явление *реструктуризации пролетариата*.

Социальная ситуация была очень сложной, безработица стала массовой, особенно в гражданских отраслях, т. к. исключительный приоритет отдавался во-

---

зался, несмотря на сопротивление оппортунистов, против участия социалистов в буржуазных правительствах. (Большая Советская энциклопедия).
См.: http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/

[1] Ленин. В.И. ПСС. - Т. 21. - С. 29-34.

енной экономике. Буржуазное правительство с участвующими в нем социалистами будет вести очень жесткую политику по отношению к социальным интересам рабочего класса и по вопросам классового сотрудничества и интеграции в государственные учреждения «представителей» рабочего движения. На заводах, производящих оружие, «военные гражданские» теряют право на забастовку, но зато их заработная плата в 2 раза выше, что позволяет формировать определенную рабочую аристократию и раскалывать рабочий класс. На национальном и региональном уровне, а также внутри предприятий идет создание комитетов классового сотрудничества. Профсоюзный реформизм гармонично слился с волей капитала в двух сферах: в сфере производства – в пособничестве как безудержному наращиванию интенсивности производства и сверх эксплуатации пролетариата, так и в насаждении этатизма, выражающегося в поддержке политики государственно-монополистического капитализма. Один из министров цинично заявил: **«Нет больше рабочих законов».**

Таков результат предательства Социалистической партии, ее политики полной поддержки империалистической войны.

Трудящиеся, лишенные прав, ежедневно сталкиваются с непомерными расходами, с огромными трудностями в обеспечении продуктами питания, отопления, жилья. Социал-шовинизм социалистической партии способствует разжиганию национальной вражды против немецких рабочих, иностранцев и колониальных народов.

В 1915 году происходит возрождение забастовочного движения. Женщины, работающие в легкой промышленности (в то время в текстильной промышленности работали молодые девушки) вступают в борьбу и добиваются 8 часового рабочего дня – исторического требования международного рабочего движения.

В 1917 году – 250 000 бастующих, в 1918 – 210 000 (это официальные цифры, вероятно, заниженные). Все эти забастовки происходят вопреки решению руководства ВКТ, погрязшему в «Национальном союзе». Основной их недостаток – местное значение и фактически полное отсутствие координации.

Существует тесная взаимосвязь между военной ситуацией и забастовочным движением. Периоды наступления французской армии совпадают со снижением числа забастовок.

Октябрьская социалистическая революция в России и провозглашенный "Декрет о мире" вызывают волнения в армии. В 1917 году в мятежах (с риском смертной казни) участвует 2% солдат, что равно 40 000 чел. Солдатские мятежи подвергаются жестокому подавлению, в частности, со стороны генерала Петена, возглавившего в будущем фашистское правительство Виши.

После войны, несмотря на обстановку торжествующего национализма, рабочее движение разгорается с новой силой. В мае–июне 1919 года оправдательный приговор Вилену – убийце Жореса, еще более накаляет обстановку. В Париже, 1 мая 1919 года, проходит огромная демонстрация: заводы, многие предприятия, кафе закрываются, городской транспорт остановлен. Во второй половине дня происходит вооруженное столкновение между демонстрантами и полицией, в результате которого два участника демонстрации были убиты. В провинциях также наблюдаются массовые волнения. Премьер-министр Клемансо спешит на помощь реформистским профсоюзным аппаратчикам и вводит 8-часовой рабочий день, хотя на практике он не везде будет соблюдаться.

Май 1920 года: вспыхнула забастовка железнодорожников с требованием национализации железных дорог, вопреки решению лидеров реформистов. Последние утверждают, что они якобы за требование национализации, но на деле яростно отвергает идею забастовки. Солидарность с бастующими рабочих других отраслей, хоть и существует, но очень слабая (20 000 забастовщиков сталеваров, но ни одного в метро, 25% занятых на транспорте). Газовщики проявляют активность, но их движение подавляется армией. 20 000 железнодорожников уволено. Предательство ВКТ отражается в следующих цифрах: 1 600 000 членов в 1919 г., 700 000 – в 1921 г. Участники забастовок, исключенные из ВКТ, создают новый блок: Унитарную Всеобщую Конфедерацию Труда (УВКТ).

II. Различные течения в социалистической партии

Правые

Война вскрыла природу агентов буржуазии, свойственную лидерам правых социалистов. Их вырождение продолжилось: от рабочей аристократии, которая пользуется «объедками» со стола колониального грабежа, до прямого участия в буржуазном государственном аппарате. Деятели типа Жуо, Томаса и другие социал–предатели достигли высших должностей в госаппарате, стали полноправными членами правящего класса, полностью отрекшись от своего классового первородства.

Став контрреволюционной силой, правая социал-демократия была готова утопить в крови любую революционную ситуацию.

Альберт Томас писал: «*Либо Вильсон, либо Ленин, либо демократия, рожденная Французской революцией, усиленная вековой борьбой, либо примитивные, несообразные и грубые формы российского фанатизма. Вы должны выбрать»*[1].

Здесь мы находим обычные приемы оппортунизма во Франции: фетишизируется буржуазно-демократическая революция, дается определение демократии без классового содержания, игнорируется тот факт, что буржуазная демократия является формой диктатуры капитала, наконец, отрицается необходимость социалистической революции в пользу простого продолжения буржуазной революции 1789 года.

Наконец, подчеркнем использование с расистским оттенком определения ***«азиатский деспотизм»*** по отношению к России, как это делали в течение многих десятилетий все антикоммунисты: от ультраправых до троцкистов.

Альберт Томас стал президентом Международной Организации Труда. Он так описал свои истинные цели Гомперсу, руководителю Американской Федерации Труда: *«Задачами МОТ являются отнюдь не развитие и продвижение международного социализма или откровенно говоря большевизма. МОТ, создавая прогрессивное и здоровое трудовое законодательство, способствует развитию отношений между работодателями и работниками, призывая правительства к созданию улучшений условий труда, чем преграждает*

[1] «Юманите». 09.11.1918 г.

дорогу всяким беспорядкам и любой большевистской пропаганде»[1].

Таким образом, политика классового сотрудничества, есть, по сути, незначительные уступки, чтобы сохранить главное: капиталистический способ производства и чтобы предотвратить «большевистскую заразу» и пролетарскую революцию.

Центр

Во время своего пребывания во Франции Ленин обнаружил у социалистов склонность к манипулированию «левыми» фразами в сочетании с реальным оппортунизмом на практике. У центристского течения в социалистической партии были глубокие корни. В 1918 году центристы во главе с Шарлем Лонге, Полем Фор, Марселем Кашен, встали у руководства Социалистической партии.

Несмотря на требования масс центристы уклонялись от присоединения к Коминтерну и оттягивали решение по этому вопросу. Уже Ш. Лонге, который пользовался реальным авторитетом благодаря своим родственным отношениям с Карлом Марксом, говорил о «***французской специфике***», с тем, чтобы отложить вступление в Коминтерн. На Турском съезде (1920 г.), Ш. Лонге заявил о якобы российском вмешательстве во внутренние дела Французской социалистической партии и осудил **«ограничительный»** характер 21 условия вступления в Коминтерн, а также его **«слабый количественный уровень», что не позволяет создать группировку «жизненных сил революционного социализма в мире».**

Это была откровенная ложь, потому что, где как не в Коминтерне были эти самые революционные силы? Склонность к преувеличению значения численности, к количественным характеристикам, является лишь средством, чтобы прикрыть собственный оппортунизм. Попытки противопоставить «Французский социализм» большевизму служили прикрытием отрицания общих закономерностей перехода к социализму.

Партия Геда и Жореса уважала буржуазную законность, к колониальным народам относилась, в лучшем случае «по-отечески» покровительственно, а зачастую проявляла расизм, являлась сторонником постепенной эволюции к социализму, а не революции и, под видом «защиты Республики и демократии», присоединилась к буржуазии во время империалистической войны!

Центристы отвергали необходимость создания «партии нового типа», они продолжали ратовать за многочисленные течения и фракции внутри партии, идейные противоречия которых должны решаться путем общего голосования. Следовательно, они ратовали за партию с правыми, центром и левыми, такую, в которой революционеры сосуществовали бы с защитниками капитализма!

Сторонники вступления в Коминтерн

До Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года антивоенное движение было слабым и полным политической неразберихи. Ее лидеры, такие как Мергейм, были не согласны с ленинским анализом происхождения империалистических войн и выступали против центрального тезиса о превращении империалистской войны в гражданскую войну против буржуазии.

Тем не менее, социалистическая революция в России вызвала огромный энтузиазм среди рабочего класса и привела к радикализации его самой передовой части. Ленин и большевики были восприняты как символ и воплощение победы над капитализмом, и как лидеры в борьбе против империалистической войны, выразившейся принятием на 2-м съезде Советов (8 ноября 1917 г.) "Декрета о мире".

Энтузиазм по поводу Октябрьской революции породил три течения среди сторонников вступления в Коминтерн.

1. Социалисты, разочарованные присоединением их партии к «священному союзу», которое они поддержали в условиях разгулявшегося оголтелого шовинизм, объявляли себя наследниками Жюля Геда (до 1914 г.) и Поля Лафарга, которые «ввели» марксизм во Франции. Марсель Кашен явится олицетворением этого течения, со всей его двусмысленностью и всеми колебаниями центристов. С одной стороны, ими выражалась искренняя симпатия к молодой Советской России, а с другой, высказывалось мнение о необходимости просто вернуться к Социалистической партии до ее открытой измены.

2. Представители профсоюзов и бастующих рабочих, противники классового сотрудничества и компромиссов Жуо и Томаса. Эти активисты вернулись к идее классовой борьбы и возглавили забастовки вопреки мнению профсоюзной бюрократии. Выступая за интересы рабочего движения, в который на тот момент активно включились женщины, в большом количестве вовлеченные в производство во время империалистической войны, они проявляли недоверие к Социалистической партии, были вдохновлены ролью Советов рабочих в России. Но, оставаясь под влиянием анархо-синдикализма, недооценивали или игнорировали необходимость руководящей роли коммунистической партии большевиков,

Ленин в полной мере оценил необходимость завоевать этих борцов, для того, чтобы родился подлинно коммунистический авангард. Эти активисты, среди которых Пьер Семар, Гастон Монмуссо, Бенуа Фрашон вступят в образованную позднее коммунистическую партию и будут играть большую роль в ФКП и Всеобщей конфедерации профсоюзов (Унитарной всеобщей конфедерации труда (УВКТ), а затем вновь объединенной, в 1936 году, Всеобщей конфедерации труда),

3. Солдаты и матросы, прошедшие суровую школу войны, настоящие «осужденные на смерть условно» – по сильному выражению Анри Барбюса. Для них война была неразрывно связана с капитализмом, который использует пролетариат в качестве пушечного мяса исключительно в интересах монополий. Солдаты и матросы с подозрением относились к старой социалистической партии, отвергали «священный союз», они также выразили недоверие социал–шовинистам, вдруг превратившимся в «защитников» Советской революции.

В числе этих солдат и матросов находились писатель Анри Барбюс, Раймонд Лефевр, Поль Вайан Кутюрье и менее известный в то время Жак Дюкло, Они хотели последовать примеру своих братьев большевиков и объявить войну империалистической войне.

Идеи этого течения реализовались в практических действиях во время восстания французских матросов и солдат экспедиционного корпуса на Черном море. В

[1] Письмо от 1 марта 1920 г., цит. по «Гомперс и французское рабочее движение» - Общественное движение - июль / сентябрь 1969 г. - С. 31.

декабре 1918 года (после перемирия) 156-я французская дивизия высадилась в Одессе, захватила город и прилегающую область, с целью восстановить там власть капиталистов и помещиков. Французские монополии: Банк Парижского союза, банк Парижа и Нидерландов, Сосьете Женераль и др. имели цель восстановить и приумножить процентные займы царской России (пресловутые «русские кредиты»). Условием этого должен был стать захват богатств Украины. Крупная сталелитейная компания Шнейдера хотела восстановить свое господство и усмирить пролетариат, который сумел освободиться от наемного рабства.

В 1919 году на своем II Конгрессе, Коммунистический Интернационал так охарактеризовал политику французского империализма: «*Опьяненная шовинизмом и победами, французская буржуазия уже видит себя хозяином Европы. На самом же деле, Франция никогда не была со всех точек зрения в более рабской зависимости от своих самых мощных соперников, Англии и Америки. (...) Могущество Франции (...) является лишь кажущимся и искусственным*»[1].

Французский капиталистический класс и поддерживающие его социал–шовинисты и обуржуазившиеся профсоюзные боссы, сторонники классового сотрудничества, в скором времени к величайшему своему неудовольствию, вынуждены были убедиться в точности анализа Коминтерна: отправленные в Россию и на Украину французские войска, состояли из недемобилизованных солдат.

Между тем, революционные ситуации возникают в нескольких странах: Германии, Венгрии, северной Италии.

Во Франции, несколько факторов объясняют отсутствие революционной ситуации: в стране, вышедшей «победителем» из империалистического конфликта, поднялась националистическая волна, к тому же реформистское течение сохранило свою гегемонию в рабочем движении, даже если оно все более и более ставилось под сомнение.

Тем не менее, нарастающие симпатии к Октябрьской революции вызвали все больший отказ рабочих от поддержки цели, поставленной главой правительства Жоржем Клемансо, заключающейся в «**достижении окружения большевизма и в его падении**».

В ответ на французскую оккупацию была организована подпольная борьба советских партизан. Ежедневные листовки призывали французских солдат и матросов к братанию с украинскими и русскими рабочими. Секретарь французской коммунистической группы в Москве Жанна Лабурб была направлена в Одессу с момента высадки французских империалистических войск. Под ее руководством издавался информационный бюллетень «Коммунист». Жанна Лабурб заявила: «*Мне невыносима мысль о том, что французские солдаты могут утопить в крови социалистическую революцию*»[2]. Андре Марти, один из лидеров восстания французских моряков и будущий лидер ФКП, свидетельствует о следующем: «*руководимые глубоким классовым чувством, солдаты и матросы понимали все лучше и лучше, что их интересы, как представителей рабочего класса, были в прямом противоречии с интересами капиталистов*»[3].

Развернутая пропаганда среди восставших, подхваченная и усиленная большевистскими активистами, дала немедленные результаты. Полки (58-й пехотный, 19-й артиллерийский) взбунтовались и отказались воевать, французская оккупационная армия была вынуждена эвакуироваться из Одессы. Целые армейские подразделения пели Интернационал при виде красных флагов, поднятых над городом. Борьба советских партизан в единстве с активной и героической солидарностью французских солдат и моряков помогли нанести крупное поражение интервентам.

Конечно, репрессии буржуазии были жестокими. Андре Марти, офицер и механик[4], – был закован в кандалы и брошен в тюрьму. Многие из восставших солдат были расстреляны. Жанна Лабурб была арестована белогвардейскими офицерами. Она была жестоко замучена и убита 2 марта 1919 г. В статье «Правды», органа большевистской партии, отдавая дань памяти героине, руководившей первой французской коммунистической группой, говорилось: *«Жанна Лабурб посвятила себя всю, до последней минуты своей жизни, нашему делу. Французский пролетариат увековечит на века имя первой женщины, французского коммуниста, которая сражалась и погибла за Революцию»*[9].

Коммунистический Интернационал высоко оценил значение этих исторических событий: *«Международное революционное движение оказалось достаточно сильным, чтобы не допустить победы империализма над первой Советской республикой, но оказалась слишком слабо, чтобы обеспечить немедленную победу диктатуры пролетариата за границами Российской советской Республики».*

Восстание французских войск на Черном море в Одессе помогло анархо-синдикалистам, социалистам, занять подлинно коммунистические позиции. Без героизма солдат и матросов, рождение ФКП было бы затруднено. В кампании за освобождение заключенных повстанцев, развернутой по всей территории Франции, был слышен голос солидарности с Красным Октябрем.

III. На пути к созданию Французской коммунистической партии

Мы видели как росло число сторонников Коминтерна. Однако эта тенденция не была достаточно сильна, чтобы преодолеть раскол рабочего движения и его предательство социал-шовинистами. Именно поэтому Социалистической партии удалось сорвать крупные забастовки железнодорожников в 1920 г., что привело к увольнению 20 000 бастующих и расколу реформистской ВКТ.

Революционными профсоюзами была образована в 1922 году Унитарная всеобщая конфедерация труда (УВКТ). Были изданы брошюры Ленина, посвященные русской революции, а также резолюции Конгрессов Коминтерна, что способствовало идеологическому вооружению во Франции сторонников Третьего Интернационала, вышедших из левого крыла Социалистической партии, но кроме того и анархо-синдикалистов. Последние отвергали политику классового сотрудничества Жуо, но, как уже отмечалось выше, игнорировали роль партии, и видели в Советах воплощение анархистской идеи. В мае 1919 года появилась первая «Коммунистическая партия» с анархистской тенденцией, которая вскоре перестала существовать.

[1] Манифест Конгресса - Капиталистический мир и Коммунистический Интернационал. - Изд.: Масперо, 1975 - С. 70.
[2] Цит. по Марти А. Восстание на Черном море. – С. 32.
[3] Там же.

[4] Газета «Правда» 25 марта 1919 года.

Задача настоящих сторонников Коминтерна состояла в том, чтобы привлечь на свою сторону рабочие массы, сконцентрированные в Социалистической партии, и вырвать их из-под влияния оппортунистов.

В апреле 1919 года съезд Социалистической партии – Французской секции Рабочего интернационала (ФСП / СФИО) – так называлась тогда социалистическая партия – выдвинул предложение, требующее разрыва с II Интернационалом, которое собрало 230 мандатов. Центристы (Лонге, П. Фор) получили 894 мандата и призвали «временно» остаться во II Интернационале, но без социал-демократической партии Германии (СДПГ), ответственной за разгром восстания спартаковцев. Правое крыло получило 757 мандатов с призывом безусловного пребывания в социал–империалистическом II Интернационале.

В феврале 1920 г. СФИО («Французская секция Рабочего интернационала») вышла из Второго Интернационала, но вместе с тем отказалась присоединиться к Коминтерну. Центристы, окрещенные «реконструкторами», получили большинство (3 031 мандат), правые (732 мандата); в то время как число левых, сторонников немедленного вступления в Коминтерн, выросло до 1 621 депутата. Центристы хотели создать единый Интернационал нового типа. Они послали делегацию в Москву, чтобы выставить свои условия. Фроссар и М. Кашен – представители этого движения – приняли участие в качестве наблюдателей во II Конгрессе Коминтерна (21.07- 6.08 1920 г.).

Кашен с энтузиазмом вспоминал: *«Мы были свидетелями событий, глубоко взволновавших нас, убежденных социалистов. Речь идет о великой стране, крупнейшей в Европе, коренным образом избавившейся от буржуазии, от всяческого капитализма, во главе которой находятся единственно представители рабочего класса и крестьянства»*[1].

Впоследствии во Франции Кашен выступил с отчетом и призвал вступить в Коминтерн, чем содействовал росту его сторонников.

При подготовке Турского съезда партии, ИК Коминтерна направил в ее адрес следующее обращение: *«Мы глубоко убеждены, дорогие товарищи, что большинство сознательных рабочих Франции не позволит губительных компромиссов с реформистами, и что наконец это большинство сумеет создать в Туре настоящую коммунистическую партию, единую и мощную, освобожденную от реформистских и полуреформистских элементов».*

Все вышеописанные события было необходимо пояснить, так как сторонники вступления в Коминтерн были далеки от создания единого и политически устойчивого блока. Некоторые из них, проявляя солидарность с русской революцией, выступали вместе с тем за то, чтобы остаться по-прежнему в составе Социалистической партии. Они не понимали глубины разрыва и не могли оценить ни идеологический вклад ленинизма, ни его международный характер, действенный для всех стран.

Другие хотели построить партию нового типа с центристских позиций.

Сторонники самого передового крыла – Комитет III Интернационала во главе с Полем Вайаном Кутюрье, для того, чтобы получить большинство, вынуждены были сотрудничать с центристскими «диссидентами» Фроссаром и Кашеном, только что примкнувшим к сторонникам вступления в Коминтерн.

Турский съезд Французской социалистической партии

Противостояние между различными течениями достигло апогея на Турском съезде (декабрь 1920 г.).

Леон Блюм возглавил «Комитет Социалистического Сопротивления» – течение правых социал–шовинистов. Правые выступали за полную оппозицию Коммунистическому Интернационалу. Блюм осудил большевизм за «*идеи, ошибочные сами по себе, противоречащие основным и неизменным принципам марксистского социализма*». Он изображал коммунистические партии как «*партии казармы»,* «*без свободы мысли».* Эту ложь в последствие возьмут на вооружение все антикоммунисты: как буржуазные идеологи, так и ревизионисты и троцкисты.

Блюм очернил и дискредитировал русский рабочий класс, представив его как жертву вождей- коммунистов, сторонников Ленина с их якобы тактикой *«бессознательных масс, ведомых авангардом против их воли».* Правые утверждали, что «французские традиции» стоят выше и преобладают над условиями вступления в Коминтерн. Другой представитель правого крыла, Марсель Самба, ссылался на Жореса, мифологизированного после его трагической смерти. "*Правда" по Жоресу, та правда, которой он нас учил, – заявлял Самба – является противоположностью правды, провозглашаемой Москвой»*[2].

Целью правых социалистов было предотвратить рождение коммунистической партии Франции во имя «социалистического единства», – идеи, традиционно имевшей сильное влияние, несмотря на предательство 1914 года, или, по крайней мере, произвести раскол в рядах сторонников вступления в Коминтерн для вступления в него меньшинства.

Для достижения этой цели, дабы обмануть колеблющихся делегатов, правые использовали левую фразеологию, чтобы замаскировать свой явный оппортунизм. В резолюциях социал–предателей говорилось и о «революции», и «диктатуре пролетариата». Это еще раз доказывает, что когда оппортунисты загнаны в угол, они готовы на любую демагогию, лишь бы сохранить свою роль в деле «социальной поддержки буржуазии».

Правые, погрязшие в парламентском кретинизме, провозглашали себя приверженцам «французских традиций», несмотря на их печальный итог – господство в Социалистической партии оппортунизма, абсолютизации легальности, отношения в колониальном духе к порабощенным французским империализмом народам; отказа от любой революционной стратегии, поддержки французской буржуазии и «Священного Союза».

Центр был еще более грозным противником. Каутскианство – это международное течение, целью которого является, основываясь на догматическом книжном знании марксизма, оправдать оппортунизм на практике. Тон центристов из «Комитета по восстановлению Интернационала» во главе с Шарлем Лонге был «революционным», но настоящей их целью являлось проти-

[1] Речь Марселя Кашена. Турский съезд Французской социалистической партии 1920 г. - Социальное Издательство. - С. 364 .

[2] Там же. – С. 358.

водействие растущему желанию партийных масс присоединится к Коммунистическому Интернационалу.

Ш. Лонге на словах признавал солидарность с Советской Россией, но отвергал *«большевистскую русскую модель»* и считал условия вступления в Коминтерн *«слишком ограничительными»*, при этом он также ссылался на предательство *«традиций французского социалистического движения»*.

Что касается принципов организационного построения партии, центристы отвергали принцип очищения партии и исключение из ее рядов оппортунистов, всех нелегальных партийных структур, а также принцип демократического централизма.

Активисты – сторонники вступления в Коминтерн

Коминтерн внес огромный вклад в становление подлинно коммунистической партии Франции. На его II Конгрессе были приняты 21 обязательное условие, определяющие партию рабочих нового типа. Необходимо было всячески избежать ситуации, которая позволила бы французским или итальянским оппортунистическим элементам вступить в Коминтерн, для того, чтобы дестабилизировать его изнутри. В 21 условии отражается степень размежевания с оппортунизмом, необходимого для создания коммунистической партии нового типа.

Мы подчеркиваем важность этих принципов размежевания с оппортунизмом, потому что ленинизм поднялся на решительную борьбу против старых способов мышления, которыми было заражено все французское и международное рабочее и социалистическое движение.

На заключительном этапе строительства коммунистической партии, когда будут разоблачены открытые предательские правые тенденции, главной опасностью становится центризм, оппортунистическое течение, маскирующее свои реальные позиции «революционными» фразами.

Ленин так разоблачил центристов типа Каутского и Лонге: *«Часть старых вождей и старых партий II Интернационала, частью полубессознательно уступая желаниям и напору масс, частью сознательно обманывая их для сохранения за собой прежней роли агентов и помощников буржуазии внутри рабочего движения, заявляют о своем условном или даже безусловном присоединении к III Интернационалу, оставаясь на деле, во всей практике своей партийной и политической работы, на уровне II Интернационала. Такое положение вещей совершенно недопустимо, ибо оно вносит прямое развращение масс, роняет уважение к III Интернационалу, грозя повторением таких же измен, как измена венгерских социал-демократов, наскоро перекрестившихся в коммунисты»*[1].

21 условие приёма в Коммунистический Интернационал и доклад Ленина сыграли значительную роль в победе революционного крыла, сторонников Коминтерна. Это движение, сопротивляясь бюрократическому аппарату Социалистической партии, выражало зачастую спонтанный протест против парламентского кретинизма, предательства 1914 года и запоздалую, но искреннюю враждебность по отношению к участию в империалистической войне. Так делегат от Дордони сказал: *«Мы буквально истощены от военного социализма, социализма всепожирающего, социализма с руками в крови».* Еще резче выступил Поль Вайан Кутюрье: *«Я с сожалением должен сказать, однако, что сотрудничество социалистов упрочнилось во время войны заседаниями в различных министерствах (...), между этой реформистской концепцией и концепцией выхода из войны, была все более растущая пропасть, заполняемая без конца товарищами, падающими при соучастии не только «министериалистов», но и тех, кто до конца голосовали за военные кредиты!»*[2].

Коммунистическое движение, не только осудило «священный Союз», но и призвало к борьбе против правых социалистов. Так делегат от департамента Воклюз сказал: *«Мы за Третий Интернационал, потому что он осуждает реформизм, потому что он осуждает то прошлое, которого мы стыдимся (...). Мы убеждены, что русская революция поведет за собой пролетарские массы и что правые социалисты могут вступить в коалицию с буржуазией. Но они не остановят триумфальное шествие русской революции. Социалистическая партия должна идти по пути, начертанному ей Москвой»*[3].

Клара Цеткин, представитель Коминтерна на Турском съезде, призвала делегатов к решительному разрыву с реформизмом. *«Мы должны порвать с прошлым, с реформистской, оппортунистической политикой «большинства» (правых) и центристов с их оппортунистической и контрреволюционной фразеологией и идеологией, фразеологией социал–империалистов, с одной стороны, и социал–пацифистов с другой (...). Контрреволюционеры всех стран, во главе с французскими империалистами готовят новую серию войн против революционной России. Пролетарии всех стран, всеми имеющимися в их распоряжении средствами, легальными или если понадобится нелегальными методами, должны защищать русскую революцию, тем самым они защищают свою собственную революцию»*[4].

Реформа или Революция

Оппортунисты выступали за «настоящие» реформы, отделив их от конечной цели. Мы имеем здесь постоянный оппортунизм во Франции, отделяющим, вопреки диалектике, промежуточные задачи (вспомогательные способы борьбы согласно справедливой формулировке Ленина) от социалистической революции... кроме того, социалистические активисты не были готовы ни стратегически, ни психологически, ни практически к пролетарской революции. В следствие этого программа и основы революционной партии постепенно разрыхлялись.

Лидер правых Л. Блюм утверждал: *«Мои друзья и я не признаем тактику завоевания политической власти неожиданным переворотом и одновременно насильственным путем»*[5].

Л. Блюм (также как и центристы) намеренно приравнивал большевизм к оппортунистической левацкой тактики бланкизма, которая выступала за захват власти конспиративным активным меньшинством.

Ленин и большевики никогда не разделяли подобный подход, который игнорирует объективные и субъективные условия осуществления пролетарской революции.

---

[1] Ленин В.И. Тезисы об основных задачах II Конгресса Коммунистического Интернационала. - ПСС. - Т. 31. - С. 186-187.

[2] Там же. - С. 360.

[3] Там же. - С. 314.

[4] Там же. - С. 510-515.

[5] Там же. - С. 424-425.

Оппортунисты, как старые, так и современные, чтобы заставить признать их эволюционную и реформистскую теорию «накопления реформ», всегда использовали бланкизм в качестве контрастного эффекта. Ассимиляцией ленинизма с бланкизмом реформисты старались дискредитировать революционную политику, выставляя ее карикатурой «путча» или «теории великого вечера», чтобы лучше служить защитником капиталистической системы.

К вопросу о колониализме

С давних пор в этом вопросе преобладал оппортунизм. Конечно, Ж. Гед и Ж. Жорес осудили «произвольный ход» колониализма, но были далеки от оценки важности колониального вопроса, не говоря уже о признании необходимости союза между угнетенными народами колоний и пролетариатом Франции.

Социалистическая партия по-прежнему оставалась под влиянием теории «производительных сил», вульгарного чисто экономического и механистического понимания революции, которая происходит якобы лишь тогда, когда производительные силы достигнут полной зрелости. По этой схеме, метрополия сначала развивает, а затем освобождает колонии. Что фактически означало – не добиваться союза трудящихся колоний и метрополий в общей борьбе с империализмом, а подчинить национально-освободительное движение стоящим – разумеется выше – интересам развития империалистической метрополии, обеспечивающей якобы прогресс отсталой периферии.

Эта ложная реакционная идея подпитывалась настойчивой идеализацией французской буржуазно-демократической революции и концепцией об **«исторической миссии Франции», «просвещающей мир»**, – тезис, бывший лейтмотивом в трактовке колониального вопроса у Жореса и позже неизжитый в ФКП.

Для появления истинного коммунистического мировоззрения было необходимо радикально порвать с такими явно шовинистическими тезисами.

Молодой делегат от Индокитая Нгуен Ай Куок, более известный под именем Хо Ши Мина, заявил на съезде: *«Мы видим в присоединении к III Интернационалу формальное обещание Социалистической партии, придать, наконец, колониальному вопросу всю важность, которую она заслуживает»*[1].

Интернационал против духа примирения.

У левых, – сторонников вступления в Коминтерн, сохранялось сильное желание примирения и страх перед расколом движения. Так, Марсель Кашен подчеркнул в ответ на антибольшевистскую клевету Блюма, что ленинизм не является *«абсолютным противоречием традициям международного социализма»*[2]. На Турском съезде Социалистической партии в 1920 г. Кашен выдвинул ошибочную идею о преемственности между якобинцами, Ж. Гедем и Лениным. Это привело к недооценке необходимости разрыва коммунистического движения с оппортунизмом, его идейного и организационного обновления на основе ленинизма, его размежевания с теориями и практикой центристов и социал-демократов. С другой стороны, миф о «единстве ради единства» поддерживали многие; правые и центристы, разумеется, сыграли на этой чувствительной струне. Коминтерн направил в адрес съезда телеграмму, предупреждающую об опасности примиренческого отношения к проявлениям оппортунизма в партии.

Следовательно, на съезде левые должны были взять на себя ответственность и, проявив политическое мужество, порвать с центристами во главе с Ш. Лонге и П. Фором, которых Коминтерн охарактеризовал как **«решительных агентов буржуазного влияния»**. В телеграмме в частности говорилось: ***«****Самой худшей услугой, какую можно оказать в нынешних условиях французскому пролетариату является представить неизвестно какой запутанный компромисс, который будет впоследствии реальным препятствием для вашей партии»*[3]. Предупреждение было предельно ясным: при компромиссе с центристами никакой подлинно коммунистической партии не будет!

И действительно, опасность была велика, так как ряды левых были разношерстны; Фроссар, подписавший совместно с Кашеном резолюцию левого блока, счел нужным воскликнуть: *«Как же я могу быть спокоен, когда замечаю в рядах моих сегодняшних противников моих старых друзей?»*[4]. Представитель Коминтерна на съезде Клара Цеткин сыграла решающую роль в разрыве с оппортунистами: *«Нужно начать все с начала (...). Коммунизм обязывает французских пролетариев не просто перевести на бумагу революцию, нам нужны революционные действия»*[5]- говорила она, обращаясь к делегатам с трибуны съезда.

Ее речь вызвала энтузиазм большого числа делегатов, съезд стоя грянул Интернационал... и Клара Цеткин смогла выйти из зала под носом у полиции, пришедшей ее арестовать. Поль Вайан Кутюрье добавил веский довод: *«Все удары, нанесенные одному конкретному империализму – являются ударами, нанесенными капитализму во всех странах (...), то, что абсурдно, – это то, что мы не обращаемся ко всему мировому движению в целом в эпоху, когда все стремится ко всеобщему».*

Тем не менее, до финального голосования, были еще некоторые попытки примирения. Несмотря на 21 условие, требующее исключения центристов типа Ш. Лонге, левый блок заявил, что не будут исключены из партии те, кто подчинится решениям съезда... Ш. Лонге и его сторонники остались членами партии при этом условии, т.е. произошло то, об опасности чего предупреждал Коминтерн.

Фроссар счел нужным добавить: *«Я не согласен с Зиновьевым (подписавшим телеграмму Коминтерна). Для меня, вы (центристы) не являетесь слугами буржуазного влияния»*[6].

29 декабря, текст, предложенный для голосования Кашеном-Фроссаром, призывающий к вступлению в Коминтерн, набрал 3 208 мандатов, текст, предложенный центристским движением 1 022 мандата, правые, оказавшиеся в значительном меньшинстве, воздержались (397 мандатов). Произошел раскол, правый блок решил продолжить «Конгресс Социалистической партии СФИО» в другом зале съезда в Туре.

Турской съезд считается официальным рождением Коммунистической партии Франции.

---

[1] Там же. - С. 328.
[2] Там же. - С. 368.
[3] Турский съезд Французской социалистической партии. 1920 г. - С. 465.
[4] Там же. - С. 482.
[5] Там же. - С. 515.
[6] Там же. - С. 603.

В действительности все оказалось сложнее. Партия в Туре сохранила название «Социалистической партии»; лишь только с января 1922 года она будет официально называться Коммунистической партией, французской секцией Коммунистического Интернационала.

Коммунистический Интернационал, сыгравший ведущую роль в создании партии, сыграет также ключевую роль в борьбе с тенденциями и пережитками оппортунизма.

IV. Рождение ФКП

Преобразование социал-демократической партии в партию коммунистическую

История ФКП первых десяти лет своего существования является историей процесса преобразования партии, вышедшей из Второго Интернационала и глубоко пораженной социал-демократизмом, в настоящую коммунистическую партию. Это происходило с серьезными трудностями и, несомненно, имело свои «лимиты» на преодоление старых болезней соглашательства с оппортунизмом в партии; – доказательством этого впоследствии явилось социал-демократическое перерождение ФКП на 22-ом съезде партии в 1976 году.

Международная обстановка в 1921 году: тактика единого фронта

В 1921 году, с разгромом в марте повстанческой всеобщей забастовки в Германии, международная обстановка существенно изменилась. Мировая пролетарская революция уже не ожидалась в ближайшее время; она стала вопросом среднесрочной или даже долгосрочной перспективы. III Конгресс Коминтерна (22 июня – 12 июля 1921 г.), пришел к следующему выводу: *«Мировая революция, то есть, уничтожение капитализма, концентрация революционной энергии пролетариата и организация пролетариата в наступательную и побеждающую силу, потребует достаточно длительного периода революционной борьбы. (...). Мировая революция не является процессом, развивающимся по прямой линии; она является процессом медленного распада капитализма и ежедневных революционных действий, ведущих к его подрыву, перерастающих время от времени в острые кризисы*[1].

Поражение империалистических интервентов в России явилось фактором, повлиявшим на изменение тактики борьбы большевистской партии за упрочение завоеваний социалистической революции, позволило российскому пролетариату приступить к реализации новой экономической политики (НЭПа), которая допускала, при определенных условиях и ограничениях в рамках диктатуры пролетариата, определенные рыночные отношения, свободу коммерции для буржуазии, т.к. на данном этапе был крайне необходима некоторая передышка с учетом сложной экономической ситуации, вызванной империалистической интервенцией против молодой Советской республики. Это временное отступление было продумано Лениным, того требовали обстоятельства, отступление должно было позволить... начать наступление против капитализма, – когда придет время. История подтвердит правоту ленинской тактики.

Спад революционного подъема обязывал коммунистические партии определить соответствующую тактику, цель которой была обозначена Лениным, а позже Сталиным: достижение главного условия победы пролетарской революции на Западе, а именно – «завоевание большинства рабочего класса» в странах, где социал-демократия сохранила свою гегемонию над пролетариатом.

Под лозунгом «в массы», Коминтерн выступил за новую тактику – тактику Единого Пролетарского фронта.

Эта тактика была нацелена на укрепление позиций компартий в повседневной борьбе за непосредственные требования трудящихся, на привлечение на свою сторону социал-демократических рабочих, христиан, борющихся против капитала, на их отрыв от реакционной политики руководства социал-демократических и клерикальных организаций.

Коммунистическая партия и Единый фронт во Франции

Раскол рабочего движения во Франции, гегемония реформизма и груз социал-демократических традиций в ФКП объясняют, почему впоследствии большинство членов ФКП выступило против тактики единого рабочего фронта. Принятое ими решение было следствием не левого уклона, а являлось скорее проявлением оппортунизма, связанного с непониманием различия между идейным единством и единством в действиях: «как же это понимать – с недоумением вопрошали противники тактики единого рабочего фронта, – мы размежевались с ФСП-СФИО, а через год будем объединяться с его базой?». Только Вайан Кутюрье поддерживает новую международную тактику.

И хотя соотношение сил кажется благоприятным: ФКП насчитывает 110 000 членов, СФИО – 50 000, но ФКП страдает легализмом и оппортунизмом. Основной причиной отказа от единого фронта является боязнь предвыборной конкуренции! ФКП не смогла порвать с традициями партии Геда до 1914 года. Она была организована по избирательным округам, наличие множества течений являлось правилом, политики и журналисты были независимы от органов управления. 21 условие приема в Коминтерн соблюдены не были и в жизнь не претворялись.

Ленин лично следил за «французским вопросом», т.к. прекрасно понимал **трудности становления подлинно коммунистической партии в тех империалистических странах, где активно действуют рабочая аристократия и бюрократия.** *«Превращение европейской партии старого типа, парламентской и реформистской фактически, со слабым оттенком революционного цвета, в партию нового типа, действительно революционную и по-настоящему коммунистическую, – писал он, – является делом чрезвычайно трудным. Пример Франции, вероятно, наиболее четко демонстрирует эту трудность»*[2].

Для того чтобы помочь ФКП исправить ошибки, Коминтерн напомнил французским коммунистам о боевом духе их предшественников – движения пролетариата с его революционными традициями XIX-го века, которое он оценил очень высоко: *«Невозможно поверить, чтобы революционный рабочий класс Франции с его великолепными революционными традициями, высокой культурой, духом жертвенности, прекрасным боевым духом не создал мощную коммунистическую партию в то время, когда начинается агония буржуазного общества».*

[1] Тезисы о тактике. 4 первых съезда Коминтерна, ред. Масперо. - С. 94.

[2] Ленин В.И. Заметки публициста. - ПСС. - Т. 33. - С. 210-211.

Ленин объяснял происхождение трудностей в становлении партии нового типа определенной двойственностью французского рабочего движения, поскольку в нем *«сосуществовали» массы «наиболее опытных, лучше образованных политически, самых сильных и самых чувствительных активистов»* наряду с мощным реформистским течением, потому что *«работа коррупции была выполнена в более полной мере, чем в других странах»*[1].

После Турского съезда необходимо было привлечь в ряды партии рабочих активистов, реструктурировать партию, освободиться от ее социал-демократических традиций в вопросах организации. В самом деле, большинство французских коммунистов остались приверженцами электорализма, не связывали задач партии с необходимостью организации масс и развития их действий в соответствие с выработанной революционной стратегией, так как реформизм критиковался только на бумаге. Аналогичным образом, в профсоюзной борьбе преобладали старые реформистские или анархо-синдикалистские методы.

В июле 1921 года, во время Конгресса Красного Интернационала Профсоюзов (КИП), целью которого было привлечь на свою сторону максимальное число профсоюзов – членов реформистского Интернационала профсоюзов, французская делегация примкнула к КИП, но в тоже время выступила за **«независимость профсоюзов»** по отношению к партиям (и, следовательно, по отношению к коммунистической партии).

Так партия осталась изолированной от профсоюзных масс, а в её руководстве преобладали представители интеллигенции (журналисты, профессиональные политики), так же как и в социалистической партии. Молодому поколению, желающему порвать с прошлым, еще не хватало теоретических знаний и политического опыта.

Ленин констатировал следующий факт: «*В подавляющем большинстве стран, наши партии далеки, очень далеки от того, чем должны быть истинные коммунистические партии, а именно подлинным авангардом единственного действительно революционного класса, где все члены партии, все без исключения, принимают участие в борьбе, в движении повседневной жизни масс. Мы знаем этот наш недостаток (...). И мы его преодолеем»*[2].

Правоту ленинского указания подтверждает весь исторический опыт коммунистического движения: действительно, внесение коммунистических идей в сознание рабочего класса бывает успешным только при непосредственном активном участии коммунистической партии в массовых движениях трудящихся, выполнение в них авангардной роли и только затем на основе этого осуществление политического руководства рабочей борьбой.

V. Процесс большевизации ФКП

Солидарность с Советской Россией остается важным отличительным признаком партии. Многочисленные статьи, опубликованные Кашеном и Вайан-Кутюрье, осуждают военную политику французского империализма. Защищать Октябрь 1917 года во Франции означало в то время подвергнуться судебным преследований со стороны буржуазии.

В августе 1921 года ФКП призвала пролетариат начать политические забастовки против вооружения стран антисоветского блока. *«Тот, кто не встает против вооружения врагов Советов предает свой долг, предает свою Партию, предает своих товарищей, предает свою жену и своих детей»*[3], – писала 10 августа 1921 г. "Юманите". В этих забастовках, хотя она была в меньшинстве, ФКП укрепила свои связи с революционным профсоюзным авангардом.

Этому способствовало и одно важное событие, происшедшее в ноябре 1922 года – беседа Пьера Семар и Гастона Монмуссо с Лениным.

Руководитель большевиков высказал мнение, что гарантией для преобразования ФКП в партию нового типа явится привлечение на свою сторону революционных синдикалистов, и, дал по просьбе французских товарищей,

разъяснения по следующему ряду вопросов.

- Об отношении к войне:

Дело в том, что среди членов ФКП не было единого подхода к этой важнейшей проблеме.

Хотя тезисы первого съезда партии (в Марселе) осудили пацифизм каутскианского типа, который под видом «абсолютного антимилитаризма» выступал за мир, установленный Лигой Наций, что фактически означало проповедь классового сотрудничества. Тем самым это положение тезисов означало разрыв и с подобными идеями Ш. Лонге, сторонники которых еще были в рядах ФКП.

Одновременно в партии имели место анархистские тенденции, проявлявшиеся в призывах к «неповиновению» и, следовательно, в отказе от работы в массах. В данной позиции сохранялись основные пороки теоретических взглядов анархистов: все войны рассматривались как несправедливые, захватнические.

Ленин разъяснил их ошибочность и опасные последствия практической политики, основывающейся на подобных взглядах. Ленинская теория войн в эпоху империализма обосновывает возможность наряду с типичными несправедливыми, захватническими империалистическими войнами, возможность и справедливых: национально-освободительных войн народов колоний, и войн в защиту национальной независимости, и революционных войн и др., которые должны поддерживаться коммунистами.

- По крестьянскому вопросу:

Во Франции очень долго реформисты презрительно относились к основной массе крестьянства. "Мрачное уединение" (по меткому выражению Маркса) пролетариата, привело, однако к поражениям в революциях 1848 и 1871 гг. Война 1914-1918 гг. дорого обошлась крестьянству. Крестьяне – владельцы малоземельных хозяйства, начали осознавать угнетение, которому они были подвержены при капитализме, пробуждаться к активному участию в общественной жизни.

Федерации социалистической партии, в составе которых преобладали сельские активисты, массово проголосовали за присоединение к Коминтерну.

Впервые рабочая партия (ФКП) выступила с требованием «землю тем, кто ее обрабатывает». В своей статье «О тезисах Французской коммунистической партии по аграрному вопросу», Ленин дал положительную оценку этому документу – «*существенные идеи этих тезисов кажутся мне совершенно точными (...) и*

[1] Там же.
[2] Ленин В.И..ПСС.- Т 33. - С. 183.

весьма хорошо сформулированными»[1]. Ленин приветствовал линию ФКП на соблюдение прав крестьян–собственников мелких хозяйств, конфискацию пустовавших пахотных земель и земель крупных землевладельцев, обрабатываемых издольщиками, фермерами и сельскохозяйственными рабочими.

Вместе с тем, критика, с которой выступил Ленин, касалась фундаментальных проблем в сфере аграрных отношений. В частности, он призывал выявлять связь между военной политикой французского империализма и требованиями мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих; возражал против тезиса ФКП, в соответствии с которым капиталистическая аграрная концентрация в Франция якобы не была существенной. Ленин видел в этом проявление наследия гедизма с его механистической концепцией аграрной концентрации, недооценкой развития крупных землевладельческих хозяйств и роли банков. (Энгельс, еще при жизни Геда, высказывал такого же рода критику). Цифры аргументировано подтверждали ленинские взгляды, так как менее 10% хозяйств уже обрабатывали более 30% пахотных земель. Ленин напомнил существование двух возможных путей развития сельского хозяйства: путь капитализма, ведущий к разорению и обнищанию мелких и средних фермерских хозяйств, и путь социализма, единственный, – позволяющий работающему крестьянству воспользоваться преимуществами современной техники, при условии его свободного объединения в производственные кооперативы.

Молодая ФКП и колониальный вопрос

По этому вопросу, как мы видели выше, коммунистам досталось особенно тяжелое наследство. Для формирования настоящей компартии, нужен был радикальный разрыв с традициями социал-шовинистов и социал-империалистов.

Ленин предупреждал: *«Мы не можем допустить того, что некоторые товарищи осуждают империализм на словах, а на деле не ведут революционной борьбы, направленной на освобождение колоний (и зависимых народов) от своей собственной империалистической буржуазии. Это лицемерие. Это политика агентов буржуазии в рабочем движении (...). Английская, французская, голландская, бельгийская и др. партии, враждебно относящиеся к империализму на словах, а в действительности, не ведущие революционной борьбы внутри «своих» колоний, чтобы свергнуть «свою» буржуазию, не всегда помогающие уже повсеместно начавшейся в колониях революционной работе, не снабжающие оружием и литературой революционные партии в колониях, – эти партии являются лишь пассивными зрителями и предателями»*[2]. ФКП еще предстояло это усвоить.

На Турском съезде социалистические федерации из Алжира проголосовали за присоединение к Коминтерну (34 мандата из 41), но сделали оговорки по колониальному вопросу. В частности, коммунисты Алжира утверждали, что они **«не остаются равнодушными к желанию достичь национальной независимости»**, но вместе с тем отмечали **«цивилизаторскую миссию Франции в Алжире»**[3].

Наследие гедизма тем самым и в этом вопросе сохранилось полностью, о чем свидетельствует следующее высказывание: «благодаря колонизации фрагментированные, примитивные общества, населяющие Алжир, были преобразованы в современное общество, в капиталистическую систему. Колонизация, таким образом, представляется нам необходимым, незаменимым условием»[4]. Партийное отделение Сиди-Бель-Аббес, состоящее в основном из французов, требует от ФКП соблюдать политику *«отказа» от колоний, и одновременно предлагает поддерживать «политику антикапиталистического колониального присутствия»*. Это было очень далеко от соблюдения тезисов Коминтерна! Французские коммунисты оставались в плену гедистских иллюзий и не сумели руководствоваться ленинскими выводами в решении колониального вопроса.. *«Ленинизм (...) разрушил стену между белыми и черными, между европейцами и азиатами, между «культурными» и «некультурными» рабами империализма (...). Тем самым национальный вопрос был превращен из вопроса частного и внутригосударственного в вопрос общий и международный, в мировой вопрос об освобождении угнетенных народов зависимых стран и колоний от ига империализма»*[5].

Владение колониями французским империализмом играет ключевую роль в подкупе верхних слоев рабочего класса. Кроме присвоения прибавочной стоимости путем сверхэксплуатации колониальных народов, колониализм, по принципу «разделяй и властвуй», сеет раздор и смуту среди пролетариата путем навязывания шовинизма и расизма. Оппортунизм играет большую роль в распространении таких взглядов.

И лишь IV Конгресс Коммунистического Интернационала (ноябрь 1922 г.), смог дать импульс для реальных перемен. Товарищ Буденга (из Туниса, в то время бывшего французской колонией) призвал ФКП **«отказаться от оппортунизма» и прекратить поддержку «псевдо–коммунистов Алжира»**.

IV Конгресс потребовал от ФКП **«безоговорочно защищать их право** (колонизованных стран – *Авт.*) **на автономию или независимость»**[6].

Коминтерн призвал к борьбе в колониях за выполнение повседневных требований трудового народа в качестве необходимого шага в становлении его революционного сознания; призвал к массовому привлечению коренных жителей в коммунистические партии стран колонизаторов; он потребовал от ФКП создать отдел по «коммунистической работе в колониях».

На парламентских выборах в мае 1924 года ФКП выдвину своим кандидатом в Париже эмира Халеда, который получил 40 000 голосов, но он не смог заседать в Парламенте, поскольку усиленно разыскивался полицией за свою антиимпериалистическую пропаганду.

Но, тем не менее, прогресс в этом вопросе был очень медленным, ФКП продолжала игнорировать необходимость поддержки независимости колоний.

На V Конгресс Коминтерна (июнь–июль 1924 г.), Дмитрий Мануильский (ВКП(б),занимающийся анализом французского вопроса, критиковал ФКП следующим образом: *«я спрашиваю у французских товари-*

---

[1] Там же.- С. 128.

[2] Ленин В.И. - Задачи Третьего Интернационала. - ПСС – Т. 29 - С. 510-511.

[3] «Социальная борьба» - 30.04.1921 г.

[4] Л. Лоренс. Социальная борьба - май 1921.

[5] Сталин И.В. Об основах ленинизма. К вопросам ленинизма. - Изд-во: Пекин, 1977. - С. 70.

[6] Первые четыре конгресса Коминтерна. Издание: Масперо. 1975. - С. 201.

щей, в каких документах они провозгласили право отделения колоний (...). Я приведу вам один характерный факт (...). В ходе Лионского съезда (январь 1924 г.), Коминтерн обратился к французским рабочим и к колониальным народам. Редакция "Юманите", при публикации этого призыва намеренно пропустила выражение «к колониальным народам»[1].

V Конгресс напомнил обязательный характер 8-го условия членства в Коминтерне.

В результате ФКП пересмотрела свои позиции: *«В ожидании максимального нарастания требований независимости колоний, Компартия должна возглавить агитацию в поддержку экономических и политических требований коренного населения (...), было бы ошибкой думать, что мы должны ждать коммунистической революции в Европе, чтобы освободить трудовые массы колониальных стран от империалистического гнета»*[2].

Для нашей партии это принципиальный тезис, – провозгласила ФКП. Империализм может быть разбит в собственном тылу, в колониях, там, где противоречия достигли взрывной степени; и роль компартии метрополии – поддержать всеми средствами антиколониальную революцию, ослабляющую общего империалистического врага. Для этого нужен общий фронт борьбы движения, направленного на социалистическую пролетарскую революцию в метрополии и национально-освободительного движения в колониях.

Но с начала 30-х годов ФКП фактически отказалась от этого тезиса и вновь вернулась к односторонней концепции метрополии, как единственного гаранта решения вопроса освобождения колоний.

Первые международные сражения ФКП против империализма

На протяжении всего 1922 года французский империализм, в то время наиболее агрессивный империализм в Европе, готовил общественное мнение к развязыванию военной интервенции в Руре. Правительство Пуанкаре был полно решимости заставить Германию взять на себя все военные расходы в соответствии с решением Версальского договора, договора по своей природе несправедливого, договора грабительского по отношению к странам, проигравшим войну. Целью французского монополистического капитала было расчленение Германии и захват энергетических ресурсов Рура.

ФКП, ценой отставки капитулировавшего перед волной шовинизма генерального секретаря Фроссара, осталась на высоте своих задач. В январе 1923 года, за несколько дней до оккупации Рура, состоялась международная конференции в Эссене (Германия), на которой присутствовали представители компартий Франции, Бельгии, Голландии, Германии, Италии и Чехословакии, в которой также приняла участие Унитарная Всеобщая конфедерация труда (УВКТ). Братские партии осудили военную политику французского империализма и обратились с «**манифестом к трудящимся народам стран Антанты и побежденных стран».** Французским делегатам, по их возвращению во Францию властями было предъявлено обвинение в «заговоре против безопасности государства» (Семару, Монмуссо, Кашену).

11 января 1923 года французская армия вошла в Рур, – оккупационные войска насчитывали 60 000 чел. Социал-демократы проголосовали за военные кредиты и бывший социалист Мильеран, ставший президентом, приветствовал антикоммунистические настроения в стране.

Коммунистический союз молодежи Франции призвал французских солдат к братанию с рабочим населением Германии. Газета "*Юманите"*, благодаря смелому перу Вайан-Кутюрье, призвала к усилению классовой борьбы против оккупантов. Клара Цеткин и писатель Анри Барбюс возглавили вновь сформированный Международный Комитет Действия, в состав которого вошли транспортные рабочие, металлурги, шахтеры. Задачей ФКП было защитить революционное движение Германии, организовать борьбу за мир. Когда 31 марта французские войска открыли огонь по немцам – участникам демонстрации, в результате чего были убиты 13 человек, в ответ 2 апреля по призыву ФКП были проведены демонстрации в крупных французских городах под лозунгами: **«Долой оккупацию Рура, да здравствует мир с немецкими рабочими»**.

"Юманите" организует сбор средств в поддержку бастующих. ФКП настроена по-боевому, революционно: ее листовки наводнили всю страну, и антимилитаристская пропаганда конкретно претворяется в жизнь. Учащаются сцены братания; в Дуисбурге и в Дортмунде рабочие двух стран прошли маршем бок о бок под звуки Интернационала. ФКП и УВКТ увязывали разоблачение природы войны французского империализма с основными экономическими требованиями рабочих: 8-часовой рабочий день, еженедельный отдых и т.д. Единый рабочий фронт сумел привлечь на свою сторону даже социалистических рабочих (докеров в портах). ФКП грамотно использовала все формы борьбы: как легальные, так и нелегальные. Порвав с традициями социал-демократов, ФКП смогла возглавить авангард пролетариата, смогла противостоять националистической волне и высоко поднять знамя пролетарского интернационализма.

Буржуазия, как французская, так и немецкая, испуганные революционным подъемом, объединились в совместной борьбе против нарастающей германской революции. ЦК ФКП, отражая удар, принимает решение о подготовке всеобщей забастовки в знак солидарности в случае революционного подъема в Германии. Коммунистический Интернационал приветствовал действия ФКП как **«классический пример борьбы против войны».** Действия ФКП способствовали поражению на выборах национального блока, самого реакционного и воинственного крыла французского империализма.

Борьба против Рифской войны[3]

В 1921 году в Марокко на территории, оккупированной Испанией, вспыхивает восстание народов Рифа, под руководством Абдаль-Крима. Объединение левых партий (радикалов и социалистов) принимает решение о воен-

[1] V Конгресс Коммунистического Интернационала. Международная корреспонденция. Монреаль. 1981 г. С.210.

[2] Большевистские тетради, №°7,1925.

[3] Испано-франко-марокканская война 1921—1926 гг. (известна также как *Вторая Марокканская*, *Третья Рифская* или просто *Рифская война*) — колониальная война Испании и (с 1925 г.) Франции против берберского эмирата Риф, созданного в результате восстания в Северном Марокко. Основное событие — битва при Анвале, в которой рифские войска нанесли испанцам тяжёлое поражение, в течение первых лет удерживая военную инициативу. Завершилась ликвидацией эмирата Риф после совместного наступления испанских и французских войск. *(Ред.)*

ном вмешательстве, чтобы спасти поселенцев, проживающих в колонии (1924 г.). Социалистическая партия, верная духу социал-империалистических традиций, ссылаясь на «**феодальный характер»** движения восставших, оправдывает вооруженное вмешательство **«демократической миссией»** колониализма и призывает к миру. И только ФКП и УВКТ призвали **«к признанию Рифской Республики и к освобождению Марокко».**

Сталин показал, что скрывается за выражениями «антифеодализм» социал-демократов: «*Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения. Борьба афганского эмира за независимость Афганистана является объективно революционной борьбой, несмотря на монархический образ взглядов эмира и его сподвижников, ибо она ослабляет, разлагает, подтачивает империализм, между тем как борьба таких «отчаянных» демократов и «социалистов», «революционеров» и республиканцев, как, скажем, Керенский и Церетели, Ренодель и Шейдеман, Чернов и Дан, Гендерсон и Клайнс, во время империалистической войны, была борьбой реакционной, ибо она имела своим результатом подкрашивание, укрепление, победу империализма»*[1].

Французские и испанские войска объединили усилия для подавления восстания. ФКП сформировала «центральный комитет действий против войны» во главе с молодым рабочим Морисом Торезом. В призыве Комитета действий от 30.IX.1925 г. говорится: «*Революционеры Франции и Испании, молодые коммунисты, организовавшие братание в Руре говорят вам, что ваша обязанность, обязанность рабочих и крестьян – побратски отнестись к угнетенным народом Марокко».*

По призыву УВКТ 12 октября 1925 года вспыхивает всеобщая забастовка. Она не имела ожидаемого успеха, однако жестокие репрессии, которым подверглись ее участники, показывают, что буржуазия в полной мере сумела оценить опасность интернационалистского движения. На V-м съезде ФКП (1926 г.) Пьер Семар приводит следующие цифры: 165 активистов брошены в тюрьму, 263 находятся под следствием, общий срок заключения достигает 320 лет тюрьмы и 45 лет ссылки. Коминтерн в основном поддержал борьбу ФКП против Рифской войны, потому что она означала полный разрыв с шовинистскими и проимпериалистическими традициями социал-демократии. Однако, при подведении итогов акции, Коминтерн указал и на ее недостатки: *«В ходе Рифской войны, была полностью заброшена работа среди марокканских рабочих во Франции, мы полностью пренебрегли этим элементом, вместо того, чтобы воспользоваться их присутствием во Франции, чтобы показать позицию партии и разъяснить и укрепить рождающееся классовое сознание, первое представление о котором они начали приобретать под влиянием экономических законов. Во время всеобщей забастовки против войны в Марокко, объявленной Комитетом действий, эти рабочие не ответили, как можно было бы этого ожидать на провозглашенные забастовкой лозунги»*[2].

[1] Сталин И.В. Об основах ленинизма. К вопросам ленинизма - Изд-во: Пекин, 1977. – С. 74.

[2] Исследования и документы № 1 – 1989. – С. 62.

VI. Решающий вклад Коминтерна в большевизацию ФКП

Следует еще раз вспомнить о главных пороках социал-демократического Второго Интернационала:

Вся стратегия его партий была направлена только на парламентскую борьбу, фактически партиями руководили парламентские фракции, во внутрипартийной жизни воспроизводилось своеобразное «капиталистическое разделение труда» – рабочие назначались исключительно для выполнения текущих задач – распространение листовок, расклеивание афиш, служба безопасности, а интеллектуалы и политики разрабатывали направления движения, вели дебаты, писали брошюры.

Существовала путаница в определении статуса сторонников партии и её членов, следствием чего являлся низкий идейный уровень и слабая дисциплина. Практиковалось разделение труда между профсоюзом и партией: борьба на заводах отводилась исключительно профсоюзу, а выборы являлись прерогативой партии.

Использование исключительно легальных методов борьбы, сосредоточение усилий главным образом на участие в избирательных компаниях способствовало интеграции социалистических лидеров в государственный аппарат и подчинение рядовых членов буржуазной демократии.

Коминтерновская политика большевизации

IV Конгресс Коминтерна в принятой резолюции по французскому вопросу пришел к следующему выводу: *«Некоммунистических элементов, имеющих огромное влияние, еще очень много в руководстве партии и, особенно во фракции центра, которая представляет собой наибольшую долю в руководстве партии после Турского съезда»*[3].

В 1925 году Сталин так определил цели большевизации партий: *«1) Необходимо, чтобы партия рассматривала себя не как придаток парламентского избирательного механизма, как по сути дела себя рассматривает социал-демократия, и не как бесплатное приложение профессиональных союзов, как об этом твердят иногда некоторые анархо-синдикалистские элементы, а как* ***высшую*** *форму классового объединения пролетариата, призванную* ***руководить*** *всеми остальными формами пролетарских организаций, от профсоюзов до парламентской фракции.*

2) Необходимо, чтобы партия, особенно её руководящие элементы вполне овладели революционной теорией марксизма, неразрывно связанной с революционной практикой»[4].

В идеологическом плане большевизация означала массовое распространение учения Ленина, изучение его трудов. Необходимо было направить усилия на то, чтобы каждый член партии смог овладеть марксистско-ленинской теорией.

Это предполагало борьбу против троцкизма, которым его сторонники после смерти Ленина пытались подменить ленинизм; влияние Троцкого оставалось значительным в рядах руководства ФКП. Во время

[3] Первые четыре съезда Коминтерна. - С. 195.

[4] Сталин И.В. «О перспективах КПГ и о большевизации. - Москва изд. «Иностранный язык» ,1947, английское издание – Т. 7. - С. 38.

проведения первой Центральной партийной школы, представитель Коминтерна А. Гуральский отметил, что теоретические основы партии составляют *«20% жоресизма, 20% ленинизма, 20% троцкизма и 30% всякой путаницы»*[1].

ФКП учла замечания и приступила к публикации основных трудов Ленина и «Вопросов ленинизма» Сталина. Изучение ленинизма сыграло важнейшую роль в становлении будущих лидеров ФКП, таких как Жак Дюкло, Фернан Гренье, Бенуа Фрашон.

Результатом овладения основной идеей большевизации и радикального разрыва с социал-демократическими традициями явилось изменение подхода к организационному построению партии, формирование ее структур не по избирательным округам, как это было принято раннее, а по заводским ячейкам, что позволило лучше организовать и возглавить классовую борьбу на капиталистических предприятиях. Революционной стратегии должен соответствовать революционный способ организации с тем, чтобы партия стала на деле, а не только на словах, авангардным отрядом пролетариата.

Ленин так охарактеризовал задачи работы партии в рабочем классе ж*ить как можно ближе к рабочей жизни (...), знать ее вдоль и поперек (...), уметь определить любую ошибку по любому вопросу, уметь распознать в любое время настроение массы, ее требования, стремления, реальные мысли (...), суметь завоевать неограниченное доверие массы благодаря братскому к ней отношению и вниманию к удовлетворению ее нужд.*

Большевизация означала для ФКП решительную борьбу против мелкобуржуазных элементов, находящихся под влиянием троцкизма, таких его агентов как Суварин, который говорил о большевизации как о ***«насаждении русских методов».***

В 1924 году железнодорожник Пьер Семар был избран генеральным секретарем ФКП. Но создание партийных ячеек на заводах натолкнулось на противодействие – оппозицию анархо-синдикалистских элементов (таких как Росмер, Монатт), которые видели в них конкуренцию профсоюзам. Они были исключены из ФКП, одновременно с правыми элементами и впоследствии примкнули к троцкистской оппозиции.

Необходимо было также преодолеть существование различных течений в партийной организации, создать в ней железную дисциплину и, т.к. борьба между течениями и различными фракциями приводит объективно к фрагментарности и рыхлости партии, борьба за целостность и единство партии должно было стать главным направлением работы.

Большевизация означала пересмотр требований к членам партии большевистского типа. Членство в коммунистической партии есть почетное звание, но и ко многому обязывающее: член партии обязан принимать участие в выработке партийных решений, их обсуждении и выполнять решения, принятые большинством. *«Ведь нельзя же – писал Ленин – смешивать, в самом деле, партию, как передовой отряд рабочего класса, со всем классом… По какой бы это причине, в силу какой логики из того факта, что мы – партия класса, мог следовать вывод о ненужности различия между входящими в партию и примыкающими к партии? Как раз напротив: именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности необходимо провести различие по степени близости к партии»*[2].

В ФКП в то время преобладали либеральные традиции приема в партийные ряды, в связи с этим многие из вновь вступивших в партию товарищей не осознавали требований, предъявляемых к членам партии и в скором времени уходили из нее. Заводские же ячейки – не дискуссионный клуб по интересам; они являлись революционной нормой, принципом подхода, решения организационных вопросов, и преследовали цель пробуждения классового сознания и проведения акций. Эти же заводские ячейки должны были стать основной кузницей партийных кадров.

Окончательный разрыв с социал-демократическими традициями проходил через утверждение демократического централизма, согласно которому участие в дискуссиях важно, но это не самоцель, а целью является развитие и совершенствование всеми членами партии революционной практики. Ценой больших усилий ФКП удастся утвердить демократический централизм как важнейший организационный принцип партии, (от которого в 90-е годы ФКП вновь откажется и уже окончательно при руководителях-ревизионистах Ж. Марше и Р.Ю).

Принцип демократического централизма, как известно, означает: выборность всех руководящих органов партии снизу доверху; подчинение меньшинства большинству и строжайшее выполнение партийных решений всеми; подчинение низших организаций высшим: ЦК и съезду; дисциплина обязательная для всех, а не болтовня меньшинства. Ленин так писал об этом: «…чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его уменьем связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но **также и с не** пролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы **собственным опытом** убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, не осуществима»[3].

Но во Франции реформистские и анархо-синдикалистские традиции были помехой установлению революционной партийной дисциплины. Ревизионистские партии, сами того не желая, подтверждают верность ленинских выводов о том, что ревизионистская партия не может достигнуть необходимой монолитности действий и воли, революционной дисциплины с того момента, когда она оказывается больше не связанной с рабочим классом, когда ее стратегия и тактика, порвав с марксистско-ленинскими принципами и классовым подходом, направлена на адаптацию и развитие капиталистической системы.

---

[1] Куртуа С. и Лазарь. История ФКП - Puf 1995. - С. 90.

2 Ленин В.И. ПСС. - Т. 7 – С. 27.

[3] В.И. Ленин. ПСС. - Т.7.- С.19.

Борьба с оппортунистическим сопротивлением большевизации партии

Правое крыло ФКП осудило всеобщую забастовку 12 октября 1924 года против Рифской войны, охарактеризовав ее как «провал». Действительно, забастовка не выполнила всех своих задач, но, тем не менее, 300 000 человек приняло в ней участие.

Правые элементы в партии под предлогом якобы отстаивания французской традиции «права на критику», выступали против требования соблюдения железной партийной дисциплины. Истинной целью этих оппортунистов было противодействие большевизации ФКП, а социальной основой их были (и остаются) рабочая аристократия и рабочие, находящиеся под влиянием социал-демократических традиций и пережитков.

В феврале 1925 года, 80 оппозиционеров подготовили письмо Коминтерну, в котором разоблачали якобы «подавление свободы слова». Коминтерн направил Д.З. Мануильского, тайно приехавшего во Францию, для того, чтобы помочь исправить ситуацию в ФКП и способствовать созданию твердого революционного марксистко-ленинского руководящего состава партии.

Уже первое наблюдение дало основание Мануильскому сделать вывод о наличие в ФКП реформистского течения, подпитываемого политической «коррупцией», возникновению которого способствовал колониализм; его сторонники явились выражением правого уклона или линии на примирение с оппортунизмом.

IV Конгресс Коминтерна сделал жесткое, но справедливое замечание: *«Эволюция нашей французской партии от парламентского социализма до революционного коммунизма идет очень медленно, что далеко не объясняется исключительно только объективными условиям»*[1].

Хотя ФКП и осуществила впоследствии значительный сдвиг в деле укрепления революционных позиций и проведения революционных акций, связь с рабочим классом оставалась недостаточной. По оценке Коминтерна в 1925 году, партия должна была укрепить свой пролетарский характер, вырвав из сетей реформизма многих членов профсоюза, что подразумевало более активную работу в рядах УВКТ.

В УВКТ наблюдается на тот момент значительный численный рост: с 371 000 (1922 г.) до 475 000 членов (1926 г.). УВКТ имела крупные организации в промышленности (металлургия, энергетика, строительство, железная дорога и угольные шахты).

Реформистская же ВКТ состояла в основном из служащих и работников, имеющих «статус госслужащих» и превозносила социальное партнерство.

Коминтерн призвал ФКП поддерживать повседневную борьбу трудящихся за установление 8-часового рабочего дня, за медицинское страхование и выплаты по безработице, борьбу с дороговизной жизни.

Необходимо было проводить работу по завоеванию большинства рабочего класса, что является условием осуществления пролетарской революции. Нетерпеливые «леваки», также имевшиеся в ФКП, считали, что борьба за повседневные экономические требования отдаляет революцию.

Следуя рекомендациям Коминтерна о необходимости усиления борьбы за жизненные интересы трудящихся, прежде всего рабочего класса, ФКП, применяя их на практике, значительно активизировало свою деятельность в этом (оно сохранялось до 90-х годов XX века).

Не обошлось и без противоречий и конфликтов между ФКП и УВКТ. В условиях роста безработицы, УВКТ поддержала лозунг «контроля за иммиграцией» и «приоритета рабочих мест для французских рабочих». Для борьбы с тяжким наследием социал-шовинистических пережитков, ФКП создала секцию трудовых мигрантов («Иммигрантская рабочая сила»), чтобы полностью интегрировать рабочих всех национальностей во Франции в борьбу против капитализма. Мы знаем, какую роль впоследствии сыграла ИРС в вооруженном сопротивлении против фашизма.

Но в теоретическом плане – Коминтерн с тревогой отмечал это не раз – наследие Геда продолжало сохранять большое влияние на значительную часть членов партии, а ФКП в целом все еще оставалась узником «механистического», «упрощенного», «экономического» подхода к решению стоящих перед ней задач.

Во время VI-ого пленума Исполкома Коминтерна в феврале-марте 1926 года, «французский вопрос» обсуждался вновь.

Коминтерн высказал свою озабоченность по поводу все еще сохраняющихся в партии оппортунистических и пропарламентских ориентаций.

Сталин, принявший участие в работе пленума ИК, указал на то, что Франция идет к кризису, а руководство ФКП недооценивает это: *«Никогда нельзя изображать развитие кризиса, как восходящую линию нарастающих провалов. (...) Революционный кризис развивается обычно в виде зигзагов. (…) Поэтому я полагаю – подчеркивал Сталин в своем выступлении – что французская коммунистическая партия должна держать курс на постепенное нарастание революционного кризиса. И французская партия должна поставить дело агитации и пропаганды так, чтобы готовить умы и сердца рабочих к этому кризису». Сталин* предупреждал об опасности правых в партии и указал, каким способом необходимо с ними бороться: *«… как около французской компартии, так и внутри партии уже имеется довольно солидная боевая группа правых (…) местами ведущих прямую атаку на революционное крыло компартии. (…) Очередная задача компартии, поскольку она коммунистическая партия Франции, должна ковать новые революционные кадры и готовить массы к кризису. (…) Я считаю, что такая группа должна сформироваться (...) вокруг таких товарищей, как Семар, Креме, Торез, Монмуссо (...) что значит сконцентрировать силы в борьбе против правых».*

Сталин уточнил, что ФКП должна сама принять решение о необходимых изменениях, что опровергает любимую буржуазной и троцкистской историографией версию о ФКП как якобы «ока Москвы».

На VI-м съезде ФКП в Лилле (июнь 1926 г.) сформировалось новое партийное руководство, сплотившееся вокруг Генерального секретаря Пьера Семара. Тактика единого фронта конкретизировалась призывами к членам реформистской ВКТ или Социалистической партии к забастовкам и общей борьбе, а также организацией среднего класса для защиты буржуазных демократических свобод.

[1] Резолюции по французскому вопросу. Первые четыре Конгресса Коминтерна – ред. Масперо, 1975. - С. 195.

Тактика «класс против класса»

Начиная с 1927-1928 гг., мы становимся свидетелями роста экономического кризиса в капиталистических странах, усиления опасности и подготовки к войне против СССР. Социал-демократия все больше скатывается к реакции, *«буржуазия, при поддержке социал-демократии, в критические моменты и в определенных условиях, организовывает фашистскую форму правления»*[1].

В этих условиях борьба Компартии должна была быть направлена против социал-демократии и оппортунизма, на работу по радикализации масс. Поэтому VI и IX расширенные Пленумы Исполнительного Комитета Коминтерна разрабатывают новую тактику «класс против класса».

Эта тактика касалась не только новых подходов к задачам и лозунгам, не только тактики участия в избирательных компаниях, как это могло быть иногда истолковано. Нет, Коминтерн видел дальше и выше.

Курс «класс против класса» определяет и уточняет, каковым должно быть отношение коммунистов к диктатуре капитала и его политическому представительству, отношение к классовой природе социал-демократической политики.

ФКП было рекомендовано, прежде всего, изменить свою обычную тактику в момент выборов, т.е. отказаться от практики т.н. «отказа во имя Республики», при которой ФКП систематически призывала отдавать свои голоса во втором туре голосования за кандидата «левого блока» без предварительной постановки политических условий, лишь бы только «побить реакционный правый блок».

Этот оппортунистический подход к тактике во время выборных компаний являлся наследием идеалистической, мифологизированной трактовки наследия французской буржуазно-демократической революции, отводившей пролетариату (как это было в XIX веке) роль простой дополнительной силы для упрочнения позиций либеральной буржуазии против монархической реакции. Таким образом, буржуазная Республика считалась воплощением «демократии» (вне ее классового содержания).

Оппортунизм Социалистической партии, а также и некоторых членов компартии, мешал осознать, что буржуазная демократия является одной из форм диктатуры капитала, что государственный аппарат, его правовая, вооруженная и административная сферы служат исключительно интересам господствующего класса и для подавления рабочего класса.

Оппортунистический правый уклон в ФКП, сеющий иллюзии по поводу буржуазной демократии и подлинной сути «левого блока», способствовал поддержанию связей с социал-демократическим руководством Соцпартии, дезориентировал пролетариат и его союзников в революционной борьбе за завоевание государственной власти, необходимости уничтожения государства монополий. Это представляло смертельную опасность для ФКП.

Для создания субъективных условий пролетарской революции было необходимо (и по-прежнему остается необходимым) разбить исторически сложившийся блок мелкой буржуазии–пролетариата, в котором **пролетариат находится под руководством мелкой буржуазии,** (как это было в 1848 году; такой подход разделялся и некоторыми коммунарами, а также характерен для позиции Жореса в деле Дрейфуса), с тем, чтобы построить пролетарский (народный) блок **под руководством рабочего класса** с союзниками – средними слоями городского и сельского населения.

Это ленинская теория гегемонии пролетариата, недостаточно усвоенная ФКП. Это – призыв Коминтерна к настоящей идейно-теоретической «революции» в рядах ФКП, к разрыву с многолетними живучими традициями реформизма. Это – важное напоминание о том, что пролетариат является единственным классом, способным под руководством коммунистической партии нового типа, привести к победе нового социалистического/коммунистического способа производства.

Это подтверждало необходимость Единого фронта совместной борьбы с привлечением рабочих социалистов и рабочих другой политической ориентации. Для этого было необходимо отказаться от укоренившейся оппортунистической политики. Возможно ли успешно вести борьбу против капитала и его реформистских союзников, если на каждых выборах мы считаем, что кандидаты – социал-демократы, независимо от конкретных условий, являются в любом случае наименьшим злом? Такая «Республиканская дисциплина» только сбивала с толку рабочих, в т.ч. и социалистов, мешала пониманию губительной политики классового сотрудничества партийного руководства с реформистами.

ФКП решила обратиться к социалистической партии с предложением о принятии совместной программы действий в виде рабоче-крестьянского блока и обуславливало возможный отказ ФКП в пользу другого кандидата во время выборов принятием программы «Единого фронта». В случае отказа ФКП будет проводить свою собственную линию, продолжая участвовать в выборной кампании, (независимо от наличия или отсутствия кандидата от ФКП), и призывает бороться против реакции, а также с организаторами раскола рабочего класса!

Первым политическим результатом тактики «класс против класса» явилось правильное отношение к определению роли выборов как подчиненной формы классовой борьбы, показав, что главной ее формой для коммунистической партии является внепарламентская борьба.

Центральное место во всей многообразной деятельности коммунистической партии заняло разоблачение капитализма во всех его аспектах, его политики обнищания трудящихся и политики войн в ходе организации ежедневной борьбе за основные требования трудящихся масс, с целью подготовки пролетариата для будущих революционных свершений. Это помогло выковать боевой дух ФКП и остановить ее сползание вправо, переломив. *«Политическую линию, которой ранее придерживалась ФКП (до тактики «класс против класса» – Ж.Л. Салле) – суть которой состояла в формировании общих списков с социал-демократией и единого избирательного фронта с ней, погрузившую партию в парламентский кретинизм, ослабившую ее революционное классовое сознание перед опасностью войны, сделав из нее придаток «левых» партий и фактически начала процесс ее ликвидации как революционной партии французского пролетариата»* [2].

---

[1] VI Конгресс Коминтерна - Международная Корреспонденция – Монреаль, декабрь 1980. - С. 138.

[2] Резолюция Президиума Коминтерна о ФКП; принятая на VI съезде Коминтерна - Международная корреспонденция - С. 253.

Другим результатом следования курсу «класс против класса» явился успех партии на парламентских выборах с получением 11% голосов и 14 депутатских мест (меньше чем обычно), но все депутаты были избраны независимо от отказа в их пользу Соцпартии. И самый главный положительный результат – безусловный рост авторитета руководящего состава ФКП, и в частности Мориса Тореза. Сложился прочный руководящий состав партии во главе с М. Торезом, Ж. Дюкло, Б. Фрашоном, возглавлявший партию в течение 30 лет.

После того, как ФКП подвергла критике жоресистские традиции «республиканского отказа на выборах», было необходимо переходить в атаку против механистического материализма Ж. Геда.

Барбе и Селор, а также некоторые другие руководители Союза Коммунистической молодежи, проявляя нетерпение и, исходя из того, что крах капитализма из-за его внутренних противоречий неизбежен, призывали отказаться от ежедневной экономической борьбы, так как она якобы отдаляла революцию.

М. Торез призвал к борьбе так же и с этим левацким сектантством, отрицавшим роль субъективного фактора в революции.

Коммунистический Интернационал сыграл исключительно важную, решающую роль в рождении и становлении подлинной Коммунистической партии Франции. Коминтерн сумел определить, каковы были (и есть) политические и идеологические корни различных форм оппортунизма во Франции.

Большевизация партии способствовала укреплению пролетарского, подлинно коммунистического характера ФКП и отказу от по-сути социал-демократической практики в вопросах организационного строения партии.

В обстановке роста фашизма, ФКП сыграла ведущую роль в разработке новой тактики компартий против фашистской опасности в 30-е годы XIX в., но ее проведение вместе с тем явилось причиной приостановки политики большевизации, в то время как выполнение этой важнейшей задача еще не было завершено в партии, что в дальнейшем привело к негативным последствиям.

Импульсом ревизионистскому перерождению Коммунистической партии Франции и многих других партий международного коммунистического движения стала победа оппортунистических теорий на XX съезде КПСС и дальнейшая кристаллизация «еврокоммунизма», которые привели к возрождению всех старых и подновленных «теорий» социал-демократического происхождения, разоблаченных и осужденных в прошлом Коминтерном.

Фактическая ликвидация ФКП в конце двадцатого века, превратившуюся в типичную социал-демократическую партию, и ныне выступающую в защиту интересов империалистического Европейского Союза, подчеркивает необходимость для нас, членов Союза Революционеров-Коммунистов Франции, знать, изучать и творчески применять на практике огромное наследие, завещанное нам Коминтерном.

И вновь угроза фашизма и войны

Б.А. Пугачёв

«… гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается».

И. Сталин[1]

1. Сила марксистской теории

Крушение мировой социалистической системы на переломе тысячелетий в умах населения породило представление о неадекватности марксизма реальной действительности. Однако реальная действительность сама заявила о себе – небывалая по глубине и продолжительности череда мировых экономических кризисов в этот период породила интерес к марксизму и заставила вспомнить знакомую истину – учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Практика – критерий истинности всякой теории, и в очередной раз это подтвердилось.

Всякая наука имеет практический смысл лишь потому, что позволяет моделировать, осознавать развитие событий, позволяет предвидеть последствия деятельности. И учение о социализме с той поры, когда оно стало наукой, требует, чтобы его изучали – об этом не уставал напоминать Энгельс. О могуществе этого учения вспоминал Ленин в статье, опубликованной в «Правде» от 2 июля 1918 года под названием «Пророческие слова». Речь шла об оправдавшемся прогнозе самого Энгельса, предвидевшего будущую мировую войну как следствие нарастания межимпериалистических противоречий в условиях непреодолимости мирового экономического кризиса. Этот прогноз Энгельс сделал за несколько десятилетий до возникновения этой войны и с большой достоверностью описал ее последствия: одичание масс от ужасов этой войны, масштаба понесенных жертв, от крушения казавшихся до того незыблемыми устоев. Короны будут катиться по булыжным мостовым и некому будет даже их поднять. И Ленин констатировал: действительно, уже Российская монархия пала в результате мировой бойни. Германская и Австро-венгерская монархии через полгода оправдали этот прогноз. Вторая мировая война вновь подтвердила – империализм по-прежнему чреват кризисами, и выход ищет в войне. Сейчас, в период затяжного перманентного кризиса капиталистической экономики аналитиками вновь осознается опасность мировой бойни. К настоящему времени мощь средств уничтожения настолько возросла, что достижение политических целей военными средствами ставит всех участников войны на грань самоуничтожения. Поэтому как межимпериалистические, так и классовые конфликты после Второй мировой войны разрешались в русле стратегии локальных войн. Такими были и войны в Корее, Вьетнаме, Алжире, Анголе, таким был и военный конфликт между Англией и Аргентиной из-за Фолклендских островов. Но показательно мнение аналитиков США о их военных акциях в Ираке: эти локальные войны недостаточно масштабны, чтобы помочь справиться с экономическими кризисами в этой стране. Ну-

[1] «Приказ №55 Наркома обороны СССР» от 23 февраля 1942 года

жен более весомый враг, чтобы оправдать создание рабочих мест в оборонной промышленности. Долгое время испытавшая крах Россия не могла быть таким врагом: классовая зависимость получившей власть новой российской буржуазии от мирового капитала делала ее послушным компрадором. Всякая возможность враждебности с ним просто исключалась, все военные базы Советского союза ликвидировались – и на Кубе, и во Вьетнаме, и на Ближнем Востоке, а у границ России размещали свои военные базы США, как например «Манас» в Средней Азии.

Со временем распродажа богатств недр страны позволила российской буржуазии накопить капиталы, окрепнуть, и почувствовать, что ее интересы в мировой экономике сталкиваются с конкуренцией со стороны других участников мирового производства прибыли. Сначала это касалось ближнего зарубежья – Абхазии, Осетии, Грузии, затем по поводу атомного проекта в Иране, и затем во всех уголках земного шара, где еще оставалось советское наследство от экономических связей. События в Ливии уже показали, что интересы правящего класса России необходимо защищать, что тезис бывшего министра Козырева – «у России нет врагов» – несостоятелен. В последние годы милитаризация страны стала реальностью – растёт военный бюджет, разрушение обороной промышленности приостановлено, армия проходит переоснащение, министром обороны назначен показавший свои деловые качества популярный С. Шойгу. Российский империализм еще не вполне освободился от своей компрадорской зависимости, но достаточно определился уже в конфликте по поводу Сирии: при угрозе вторжения США в эту страну у берегов ее стояли военные корабли не только США. Им противостояли корабли и России, и Китая.

Левым движением глубина империалистических противоречий определенно недооценивалась, да и сейчас недооценивается. Бытует мнение, что общий классовый интерес перевесит, отодвинет эти противоречия в сторону, что перед лицом поднимающихся прогрессивных, антиимпериалистических сил мир капитала проявит единство. События в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, да и последние события на Украине этого мнения пока не подтверждают, а опыт Второй мировой войны показал, что посредством правильной, принципиальной, и в то же время гибкой политической линии можно эти противоречия использовать в интересах социализма, как это завещал Ленин и как это сделал СССР под руководством Сталина.

2. Нарастание темпа перемен

Современная расстановка сил на политической арене в мире быстро меняется, полоса относительно устойчивого развития капитализма сменилась состоянием его крайней неустойчивости. Еще лет десять тому назад события оранжевой революции на Украине представлялись всего лишь эпизодом, неудавшейся попыткой ограничить влияние конкурента, привести его к послушанию в той сфере, которую РФ считала своей вотчиной. Казалось, что на смену этой периферийной, косвенной попытке пришло время прямой, непосредственной атаки на конкурента – в РФ активизировалась компрадорская часть буржуазии, возникла либеральная оппозиция режиму, оранжевой, прозападной окраски, подобная украинской.

Режим в РФ имел плохую наследственность – он продолжал известное время курс «лихих девяностых», но в левых кругах возникло, правда не очень популярное, течение «красных путинистов», полагавшее, что новое руководство страны ведет игру, только притворяясь продолжателем линии ельцинского правления, а фактически оно намерено изменить политическую линию в направлении государственного капитализма и даже чуть ли не социализма. Да, собственно, и партия власти – Единая Россия старалась такое мнение культивировать. На деле, сталкиваясь с кризисными явлениями в экономике, присущими всему миру капитала, вызванными ими классовыми конфликтами в стране, режим ужесточал свою репрессивность. Недовольство положением дел в стране углублялось и ширилось. В движение начал приходить и рабочий класс, (забастовочное движение нарастало), и мелкая буржуазия, то есть трудящиеся, владевшие собственными средствами производства, но не эксплуатирующие наёмный труд. Это недовольство рассчитывали использовать заокеанские конкуренты, чтобы помочь компрадорской прослойке российской буржуазии вернуться к власти под флагом возврата к буржуазной демократии. На эти обстоятельства режим ответил усилением репрессий против оппозиционных т. н. «маршей миллионов».

Проявлялись в его политике очевидные признаки фашизации: репрессии против активистов рабочего, левого движения, массовых протестных выступлений против свертывания социально-экономические гарантий и демократических свобод, все больше приобретавшие характер открытого террора и одновременно социальной демагогии.

По сути, на вооружение принималась фашистская **теория корпоративного государства**, где партнерство рабочих и хозяев обеспечивалось «отеческим» урегулированием посредника, примирителя и «патриарха» – государства. Активизировалась деятельность трехсторонних комиссий на всех уровнях, имитировалась забота о трудовых правах рабочих. Такие «патриархальные» отношения были характерны для бонапартистского режима, описанного в работе Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта». Бонапартистский режим был предшественником фашизма и по другим параметрам: он представлял собой личную диктатуру вождя, «патриарха» общества, усердно эксплуатировал мелкобуржуазную мечту о гармоничном, справедливом обществе без классовых конфликтов, и использовал деклассированные и мелкобуржуазные элементы в своей практике подавления демократических завоеваний народа. Именно такой бонапартистский характер имело руководство РФ при Путине, и, определенно совершало дрейф в направлении фашизма.

В такой политической обстановке был актуален девиз большевиков, повторенный Сталиным на XIX съезде КПСС: «Когда буржуазия выбрасывает знамя буржуазных свобод, рабочий класс поднимает его». Этот девиз перефразировал, по сути, установки 7-го Конгресса Коминтерна на использование противоречий внутри правящего буржуазного класса и межимпериалистических противоречий для борьбы с фашистской опасностью, возродившего ленинский принцип союза всех антифашистских сил общества. Это была политика отказа от проявлений сектантства и левачества, характерных для линии троцкистско-зиновьевской оппозиции в рядах мирового коммунистического движения. Следование курсу Коминтерна требует и в современ-

ных условиях участия коммунистов в массовых протестных движениях, с тем, чтобы вырвать их из-под влияния, камуфлирующих свои реакционные цели, компрадорской буржуазии и объединить силы трудового народа для совместной борьбы против фашистской угрозы в стране и в мире, в борьбе за социализм.

В Украине, однако нарастание кризисных явлений в экономике и острых противоречий во внутренней и внешней политике обернули ситуацию кардинально иным образом. Укажем, на некоторые, как нам представляется, существенные причины этого

Ни одна из республик Советского Союза не выиграла от распада единого народнохозяйственного комплекса, а Украина, наиболее высокоразвитая в промышленном отношении, в особенности. В результате последовавшей деиндустриализации произошло массовое сокращение численности рабочего класса, его депролетаризация. Еще в годы гражданской войны сказывался здесь характер расстановки классовых сил – промышленный пролетариат особенно, в сравнении с Россией, уступал и по численности, и по влиянию на половодье крестьянской массы, что выливалось и в обилие мелкобуржуазных, анархических банд разного рода атаманов, «батек», разгула махновщины и петлюровщины. Индустриализация внесла существенные поправки в эту структуру, хотя республика сохраняла своё положение житницы Союза. Но наследие былой расстановки классовых сил еще чувствовалось и в годы Великой Отечественной войны, фашистская идеология оккупантов находила понимание и поддержку среди последышей петлюровцев и махновцев, пестуемых и западным капитализмом. В результате сформировалось бандеровское движение, рассчитывавшее на поддержку германских оккупантов и запятнавшее себя злодеяниями. Мир не забыл о трагедии Хатыни в Белоруссии, Бабьего яра в Киеве, о рвах, заполненных трупами евреев в Одессе и в Крыму. После войны спонсорами бандеровщины стали империалисты из Европы и США. На их совести длившийся и после Победы террор в Западной Украине, жертвами которого стали и рядовые труженики, и передовая интеллигенция. Убийство Ярослава Галана, писателя и публициста было не одиночным эпизодом. Террор был типичен для этой среды, подпитываемый темнотой, забитостью и одичание крестьянских масс, жестокость которого напоминала зверства антоновщины в дни восстания 1921 года на тамбовщине.

В условиях современного кризиса в Украине в обстановке обострения социальных конфликтов нарастал и социальный протест, и рождалась у империалистов надежда использовать его в своих целях борьбы с конкурентами, использовать для изменения в свою пользу геополитической ситуации, создать непосредственную угрозу на границах РФ, разместить свои ракеты как аргумент, понуждающий империалистического соперника к покорности.

Фактором, обернувшим кардинальным образом ситуацию, явилось использование Западом пестуемых им бандеровцев и их последышей. Факт оживления сил фашизма на мировой политической арене через полвека после их сокрушительного разгрома оказался решающим.

Фронты коренным образом поменялись: поддерживаемая Западом буржуазно-демократическая направленность оппозиции в РФ против фашизации режима сменилась у этой оппозиции поддержкой фашистских сил на Украине. Фашизация режима в РФ сменилась осуждением проявлений фашизма на Украине. Государственная пропаганда порицала разрушение памятников Ленину и поджог штаба компартии Украины в Киеве, зверское избиение и уничтожение антифашистов Одессы в горящем Доме профсоюзов, подобно крематориям Освенцима. Режим Путина всегда старался пользоваться достижениями советской власти для получения выгод буржуазии – он приватизировал Победу в ВОВ, выступал против фашистских проявлений в Прибалтике, против прославления там местных эсэсовцев, но это не шло ни в какое сравнение с той резкостью, с какой режим реагировал на происки конкурента в соседней Украине.

Речь шла о более значимых позициях. Эта решительность антифашистской риторики принесла режиму такие дивиденды, которых он, возможно, и не ожидал. Рейтинги поддержки режима зашкаливали: – до 86 % населения поддерживают антифашистскую позицию, приватизированную режимом.

Ничто на земле не проходит бесследно, утверждает популярная песня. И особенно бедствия и муки, пережитые народом в такой «немилосердной той войне». И этой памяти опасаются все империалисты, учитывают ее, это еще один фактор, порождающий то усердие, с которым они стараются расчленить великую общность, которую создал социализм в нашей стране – советский народ. Без сомнения, опасность со стороны этой общности испытывает и учитывает и империализм российский. И надо было кризису так обострить империалистическую конкуренцию, чтобы он ею временно пренебрёг, и обратился к этой народной памяти, использовал её. При таком рейтинге необходимость в фашизации режима для буржуазии отодвигается, она может позволить себе демонстрировать приверженность ценностям буржуазной демократии. Вот радость-то для «красных путинистов»: они воображают, что были правы – даже национал-большевикам Лимонова впервые разрешают акцию в честь 31 статьи Конституции, традиционно разгоняемую в каждое 31 число месяца. Что уж тут говорить об акциях кургиняновской тусовки – она стройными рядами и единством оформления колон демонстрирует свою приверженность евро-азиатскому патриотизму. Как тут не вспомнить относительную истинность афоризма: «патриотизм – последнее прибежище негодяев». Действительно, чем такой «патриотизм» лучше шовинистического угара фашистов? Для буржуазии, для ее режима он, разумеется, предпочтительнее. Однако в риторике государственной буржуазной пропаганды РФ всё-таки по-прежнему настойчиво доминирует тезис антифашизма. Обращение к нему в настоящий момент приносит большие выгоды властителям.

3. Темперамент мелкой буржуазии

Капиталистический способ производства рождается в недрах феодального общества, как и феодальный в недрах рабовладельческого, вследствие развития производительных сил, и особенно – средств производства. Применение конской упряжи и плуга вместо раба с мотыгой настолько повысило производительность труда, что выгоднее стало на землю – феод, поставить вместо раба – крепостного и заинтересовать его частью урожая, остающейся после оброка помещику, владельцу феода. А появление суппорта токарного станка позволило производство продукции, ранее про-

изводимой искусством ремесленника, сделать доступным рядовому работнику. Произошла промышленная революция и поменялась структура общества – место трех сословий – феодалов, духовенства и третьего сословия – крестьян, ремесленников и торговцев, заняли класс промышленной и торговой буржуазии и рабочий класс, и прослойка интеллигенции, идеологически обслуживающая эти классы. Эволюционные сдвиги накапливались, противоречия обострялись, возникала революционная ситуация и буржуазная революция в конце концов утверждала новый способ производства, производительные силы общества убыстряли темп развития. Но еще долго продолжалась дифференциация остатков прошлых сословий, их преобразование в условиях капитализма. Помещики или разорялись, либо превращались в капиталистов, сливались с буржуазией, и образовывался из крестьян и ремесленников класс мелкой буржуазии, обречённый на дифференциацию – лишиться собственных средств производства и превратиться в рабочих, либо, если проявят предприимчивость и оборотистость, – выбиться в буржуазию, городских хозяев или сельских кулаков. Двойственная природа этого класса – одновременно и собственников средств производства, и трудящихся, порождала и неустойчивое, промежуточное, переходное состояние, порождало и неустойчивость поведения людей из этой среды. Для нее характерны были метания, колебания. Предприимчивость, авантюрность в новых условиях были важным фактором существования и выживания в этой среде, что вырабатывало склонность к крайнему радикализму и к крайней реакционности одновременно. Чтобы устоять против угрозы разорения вырабатывалось стремление сохранить свою частную собственность, то есть быть радикально консервативным, реакционным. А чтобы «выбиться в люди», чтобы не только сохранить, но и приумножить свою собственность, нужна напористость в условиях такого общества, в котором «все люди враги». Эту склонность к крайнему радикализму, как революционному, так и реакционному – отмечали классики марксизма, об этом много писал Ленин, и обязывал коммунистов в своей политике использовать общность таких слоев трудящихся как союзников пролетариата, предупреждая о настоятельной необходимости предотвращать колебания таких союзников.

Быстрые переходы в поведении этой среды обуславливались еще и её малокультурностью, известной темнотой, дикостью, забитостью этой среды. При царизме была известна эпиграмма на роман Льва Толстого «Власть тьмы»: «В России две напасти: внизу власть тьмы, а наверху – тьма власти».

Так писатель Короленко, хорошо эту среду знавший и известный защитой крестьян перед расправами царской юстиции, писал в годы гражданской войны, что не может себе представить, что светлое будущее можно строить с таким союзником. Горький становился в тупик перед непредсказуемостью крестьянства, он испытал разочарование народничества, идеализировавшего эту среду. В «Моих университетах» приводится такое суждение – «Странные люди. Они убивают своих лучших представителей». Алексей Толстой в своем цикле «Заволжье» тоже не может понять крестьянина, у него рождается предположение, что в крестьянине сидит «разбойничек». А Михаила Булгакова мучает впечатление от необъяснимой жестокости этой среды. Во многих произведениях его, начиная с «Белой гвардии», проходит воспоминание: пьяная гармошка на мосту и кровь на затоптанном снегу. Но вот стойкий большевик Фурманов, описавший в повести «Мятеж» пережитый им мятеж мобилизованных в Красную Армию крестьян, и обрётший опыт коммунистического руководства такой средой в дивизии Чапаева – знает как вести эту массу в непростой ситуации гражданской войны, и его не пугает, казалось бы непонятное, поведение этой массы. Взяв ее в союзники, учитывая ее неустойчивый темперамент, большевики помнили завет Ленина – она представляет собой большинство народа, ее не выслать за рубеж, как ее вождей типа Питирима Сорокина на пароходе. С ней надо ужиться, ее надо бережно преобразовать, используя ее специфические интересы. И отвечая писателю Короленко, Ленин утверждает: – эта масса трудового населения не могла быть другой при выходе из их прошлого состояния при царизме. Но в условиях социализма она усвоит культуру, преодолеет науку и в ходе коллективного социалистического производства способна приобрести те качества, которые пролетариат выработал в себе сам и под влиянием революционной пропаганды коммунистов в ходе промышленного производства в условиях капитализма – качества могильщика этого строя и созидателя новой, справедливой жизни. Если этот класс уберечь от демагогии его мнимых «друзей». Неизменной заботой коммунистов постоянно была забота оберегать союз рабочих и крестьян от разрушения, от влияния мелкобуржуазных вождей, от троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев. И те общественные сдвиги в структуре общества, те преобразования, которые намечал Ленин – осуществлялись успешно, происходила культурная революция, рождался новый тип человека – члена социалистического общества. И это обусловило Победу над фашизмом в Великой Отечественной войне.

Но стоило прийти к руководству партией двурушнику Хрущёву и его единомышленникам, понимавшим социализм по мелкобуржуазному – и начался дрейф к капитализму. Началось развитие в обратную сторону. Инерции сталинских пятилеток еще хватило почти на полстолетия, но результат оказался предсказуем. Предупреждение Сталина о том, куда ведет путь, предлагавшийся Бухариным – оправдался на сто процентов. И немудрено – вождь отменно владел методом марксистского анализа.

Почему такое внимание, такая забота о сохранении союза крестьян и рабочих? Да просто потому, что мелкая буржуазия, подпав под влияние крупной буржуазии, становится могучим орудием империалистов, становится массовой социальной опорой фашизма. Об этом предупреждал коммунистов 7-ой Конгресс Коминтерна, и это нельзя забывать.

4. Фашизм и тоталитаризм

Буржуазные государства, в том числе и РФ, не забывая упомянуть о социальном своем характере в своих конституциях, много толкуют о социальном долге предпринимателей. Однако стремление к наживе частного собственника средств производства на деле является более приоритетным в таких государствах, чем декларируемый долг перед обществом. Капитализм порождает дискретизацию общества, устанавливает приоритет частного интереса перед общим. С позиций приоритета индивидуального перед общественным – естественно объединять в единое такие очевидно противоположные и непримиримые движения как комму-

нистическое и фашистское. Буржуазная демократия Запада оба эти движения характеризует как тоталитарные и к ним обоим она сама, действительно, враждебна. Дискретизация капиталистического образа жизни рождает соответствующий менталитет, общество, где все конкурируют, где «все люди враги» в основе своей противоречиво: оно объединяет людей в общество, и разъединяет их на отдельные личности с индивидуальным, частным интересом. В девизе общности «один за всех и все за одного» – эти два неразделимых высказывания – разделяют, и только одному, а именно второму высказыванию, отдают приоритет. Права личности важнее интересов общества. «Спасти рядового О`Брайена», любыми средствами, любой ценой. Не спутайте здесь с заветом «не щади живота своего за други своя», и «сам погибай, а товарища выручай». Здесь превыше всего его величество индивидуум. Так понимается в этом обществе гуманность.

Свойственно ли это природе человека? Казалось бы свойственно – своя шкура себе дороже. Только в действительности всё наоборот. В джунглях – закон джунглей, все друг другу враги, Выживает тот вид, который выдержит борьбу за существование, у кого рога, зубы, копыта. Так происходили виды, утверждают Дарвин и Уоллес. Но становление человечества происходило уже не только по этому пути. Карл Линней поместил гомо сапиенса, человека разумного – в вершине своей классификации как венец творения природы, и он действительно вышел из мира животных. Человечество представляет собой сообщество общественных существ, поднявшихся до сознательного состояния благодаря общему производству средств существования с помощью изготовляемых ими орудий – средств производства. Потребность общаться в таком труде выработала способность к речи, и это выразилось во взаимозависимости в коре головного мозга центров управления органом труда – рукой, и центром речи. Речь – инструмент мышления, без слова нет мысли, речь отражает окружающий мир не только образами, но и позволяет отражать причинно-следственные связи в нем, то есть рождает сознание – высшую степень отражения – всеобщего свойства в материальном мире. Все объекты этого мира находятся в движении, в развитии, во взаимозависимости, возникают формы общие по происхождению, по условиям существования, по закономерностям движения составляющих этих форм. Это значит, что прямые связи отражают материальный объект в окружающей среде и окружающую среду в объекте, обратные связи дают самоотражение и объекта, и среды. Сознание человека представляет собой действующую модель окружающей действительности. Оно дает человеку дар предвидения, несравнимый со способностью предвидеть у иных живых существ.

Возникновение такого биологического вида длилось сотни тысяч лет. Происходили видоизменения в зависимости от изменения среды, рождались расы человечества, виды семьи, рода, племени. Наступало уже время истории человеческого общества, которое было на порядки короче и не шло ни в какое сравнение с длительностью биологического формирования вида гомо. Те неодинаковости развития, которые породили в этот период неодинаковую степень развития различных частей человечества за этот относительно короткий период никакого заметного влияния на главную особенность вида – быть разумным, обладать сознанием – не оказали. Наука о человеке – антропология не позволяет говорить о расовой неполноценности каких-либо народов, о избранности каких-то народов, имеющих право сильного на геноцид неполноценных. Уоллес, соавтор открытия Дарвина, изучал первобытные племена Юго-восточной Азии, русский антрополог Миклухо-Маклай годами жил в племенах Папуа, исследовал их. Выводы антропологии начисто отрицают социальный дарвинизм, отрицают естественность существования расы господ, способной в конкуренции, подобной закону джунглей, отрицают основания для устранения из жизни других народов. Человечество возникло в условиях борьбы за существование, и рудименты этой борьбы еще присутствуют в виде межэтнических и межнациональных войн, но возникло, образовалось оно – вопреки этой борьбе. Причиной выхода его из мира животных было не противоборство, а совместность труда. И общественный характер природы человека определяется его жизнью в обществе. Только общество делает человека человеком. Последние исследования показали, что человек – единственный из живых существ рождается с поверхностью коры головного мозга, составляющей менее 20 % от ее размеров во взрослом состоянии. Для остальных 80 % ее – развитие происходит при жизни в обществе. У остальных существ соотношение обратное.

Обвиняя в тоталитарности и коммунизм, и фашизм, демократы опираются на кажущуюся им общность этих движений – примат общего перед частным, примат общества перед индивидуумом. Но из поля зрения исчезает причина непримиримости этих идеологий. Эти движения отстаивают примат разных общностей. Для фашизма – это примат интересов нации господ. Это принцип антигуманности, геноцида, зверства и жестокости, принцип освобождения «от химеры совести». Для коммунизма – это примат интересов всего человечества. Это принцип гуманизма, добрых отношений между людьми и народами, принцип добра и милосердия.

Фашизм характеризует и полная безответственность его сторонников. Действительно, фюрер берет на себя всю ответственность за освобождение от «химеры совести», но массы мыслящих по мелкобуржуазному, ставши сторонниками фюрера, выбирают для себя ответственность перед нацией, и эту ответственность они рьяно соблюдают, и в этом сила этой верноподданности. Им это представляется патриотизмом, исполнением долга перед Родиной и благородным поведением, достойным члена сильной нации, героя с нордическим характером. Такая аморальная, бесчеловечная мораль лежит в основе их упорного сопротивления антифашистам. И это характерно и для нынешней гражданской войны на Украине. «Героям слава» – все еще звучит их девиз.

Кстати, современная генетика посмеялась над «теориями» белых расистов. Оказалось, что черная раса более «чистая». В её наследственном коде нет тех генов тупиковой ветви человечества, которые присутствуют у белого человека. Впрочем, никаких преимуществ или неудобств этот факт для обеих очень близких рас за собой не влечёт.

5. Нация, национализм, шовинизм, космополитизм

Фашизм в основе своей опирается на идею национального интереса и расового превосходства. Он враждебен коммунизму, руководствующемуся принципами

пролетарского и общечеловеческого интернационализма, которые исповедает всё культурное человечество. Нам памятна мечта Пушкина и Мицкевича о тех временах, «когда народы, распри позабыв, в великую семью объединятся», коммунисты стремятся приблизить эти времена. При капитализме, утверждает марксизм, у рабочих нет Отечества. Что означает это положение? Неужели оно отрицает патриотизм? Нет, оно лишь признает реальность, состоящую в том, что чувство, рожденное до начала настоящей истории человечества, – при капитализме эксплуатируется против человечества, для оправдания империалистических захватов и грабежа, превращается в шовинизм. До торжества коммунизма человечество еще не историю творит, это всего лишь предыстория. А настоящая история человечества впереди, когда человеческое сознание позволит предвидеть ход развития, управлять им. В обращении по поводу создания первого Интернационала Маркс писал о политэкономии рабочего класса – это общественное производство, управляемое общественным предвидением. А в предыстории ещё господствуют силы стихии. Ещё не преодолено наследие внутривидовой борьбы за существование. Отдельные семьи, племена, союзы племён, родовые и соседские общины борются за средства существования, за жизненные пространства, вступают ещё в войны, применяют насилие. Целые этносы проявляют воинственность, известны завоевания норманнов, известны образования обширных империй, подобных империи Александра Македонского, созданных захватническими войнами и рассыпавшихся из-за отсутствия внутренних скреп, отсутствия экономической общности покорителей и покоренных народов. В таких условиях выработалось чувство патриотизма, чувство Родины, общности этноса, чувство самозащиты его от покорения и уничтожения. Здесь действительно нужен был подвиг и самоотверженность Евпатия Коловрата. Другое дело восхваление подвига казака Кузьмы Крючкова в первую мировую войну. Человек убивал человека безотносительно к интересам отечества, только ради интересов империалистов, не поделивших между собой наживу, получаемую ими от эксплуатации трудящихся, одетых в солдатские шинели.

Капиталистический способ производства родился из старого, стихийного, вынужденного разделения труда. Специализация несла с собой преимущества роста эффективности труда и порождала отношения обмена, рыночные отношения на смену отношениям родовой общности в этносе при натуральном хозяйстве. Рождалась новая общность интересов – экономическая. Вместе с нею рождалась новая побудительная причина для производства – частная нажива, рождался класс буржуазии. Производство в пределах национального государства, с его возможностями создания защитных таможенных барьеров было особенно предпочтительно для ещё неокрепшей буржуазии. Условия общности происхождения, территории, истории и менталитета дополняли эти благоприятные условия развития капитализма. Новый строй шёл на смену феодальному, преодолевая сопротивление реакции национальными войнами, создавая национальные государства. Это были прогрессивные войны. Укрупнение капиталистического производства, его укрепление, делало общественное потребление все в большей степени зависимым от общественного производства. Наступала стадия империализма, эра господства монополий и финансового капитала, капиталистической интеграции, эра межимпериалистических противоречий и империалистических войн. Рамки национального государства стали тесны для окрепшей буржуазии, она уже нуждалась не в защитительных мерах, а сама в погоне за наживой стремилась к экспансии в других, колониальных странах. Национальная буржуазия этих стран в сопротивлении грабежу со стороны зарубежных монополий вела национально-освободительные войны, и в таком качестве оказывалась союзником эксплуатируемых масс. Но и она по мере своего развития переходила на позиции космополитизма – капитал, нажива, прибыль не имеют родины, безразличны к месту их обретения. Ещё в Древнем Риме император в ответ на упреки наследника, что безнравственно облагать налогом сортиры, дал ему понюхать эти деньги: «Видишь, они не пахнут».

И буржуазный национализм, и буржуазный космополитизм противостоят пролетарскому интернационализму, и общечеловеческому гуманизму. И в этом противостоянии коммунисты обязаны проявлять чуткость к национальным чувствам – они очень ранимы, поскольку корни их лежат глубоко в предыстории. Пренебрежение этими чувствами ведет к тому, что их использует фашизм, что и произошло в Италии двадцатых годов и в Германии тридцатых годов. Да и в ходе справедливой войны против панской Польши Ленин отмечал, что неудача постигла нас вследствие недооценки национального вопроса. Потому он так резко выступал в «грузинском инциденте» – конфликте Орджоникидзе и Дзержинского с одним из руководителей республики. Ленин указывал, что коммунисты из национальных окраин свой интернационализм автоматически принимают за интернационализм масс. Это категорически недопустимо, предупреждал он. Уже в двадцать третьем году, ещё при жизни Ленина в СССР был издан политический словарь, где давалась классовая оценка недавно возникшему фашистскому движению. Здесь констатировалось, что мелкая буржуазия и мелкобуржуазно мыслящие рабочие и деклассированные элементы реагируют крайне радикально на ужасы капитализма, империалистической войны и послевоенного кризиса. И особенно болезненно воспринимают они чувство унижения национального достоинства в результате поражения собственных правительств. Дальнейший ход событий подтвердил обоснованность предупреждения Ленина.

6. Мелкобуржуазные корни фашизма

Политсловарь 1923 года верно понимал обстоятельства зарождения фашизма, хотя дальнейшая история этого движения заставила дополнить его характеристику. Кстати и родина фашизма, Италия, была в числе победителей в мировой войне, но национальные чувства итальянцев были также оскорблены – плоды победы достались более сильным союзникам, колониями она была обойдена. Да, собственно, и ранее в панской Польше, вырвавшейся благодаря русской революции из «тюрьмы народов», из-под гнёта Российской империи, в проводимой Пилсудским политике санации, оздоровления уже присутствовали идеи фашизма. Нельзя сказать, что большевики совсем не учитывали национальные чувства населения этой страны. И Пилсудскому, побывавшему в составе польских социалистов, и в широких кругах социал-демократии были отлично известны Ленинские принципы самоопре-

деления наций. Он отстаивал их в полемике с польской революционеркой, коммунисткой, «практичной» Розой Люксембург. Известна была и практика реализации этих принципов – Совнарком предоставил Финляндии независимость уже в начале 1918 года. Разумеется, большевики не собирались ущемлять национальные чувства поляков. Вслед за Красной Армией к Варшаве шёл поезд предлагавшегося полякам правительства Дзержинского, правительства Народно-демократической Республики Польши. Как видим, это в какой-то мере учитывало ситуацию, этим обозначалась готовность к широкому союзу прогрессивных политических сил, прообразу будущих антифашистских правительств Народного фронта, родившихся в результате гибкой ленинской тактики коммунистов, возрождённой решениями 7-го Конгресса Коминтерна. Ленин, анализируя относительную неудачу польской кампании, отмечал недостаточное выражение этой политики, недостаточное доведение её до сведения трудящихся масс Польши.

Более четкое и целостное оформление фашистских идей, чем у Пилсудского, принадлежит Муссолини. Он, как и Пилсудский, побывал социалистом, и даже был редактором газеты социалистов Италии – «Аванти». Он даже претендовал на то чтобы считаться марксистом. Но еще в «Манифест Коммунистической партии» перечисляется целый набор различных пониманий социализма – и пролетарский, и буржуазный и феодальный. Мечта иметь общество без классовой борьбы и ее катаклизмов, где эксплуататоры и эксплуатируемые как волки и овцы мирно уживаются, владеет умами с евангельских времён. Миф о рае небесном – ее выражение.

Мелкая буржуазия тешит себя иллюзией именно такого социализма. Фашистская идея корпоративного государства, упомянутая выше – миф именно такого рода. Италия после первой мировой войны бурлила, и политическое брожение, революционная ситуация наблюдалась как и во всей Европе. Это хорошо чувствуется в таких рассказах Горького об Италии, как, например, «Пепе». Но фашистская идеология рождалась в стране еще до войны, когда желание иметь колонии, подобно буржуазии Англии и Франции созрели и у итальянской буржуазии, и распространялись в мелкобуржуазной среде. Возможность поучаствовать в эксплуатации «неполноценных» народов привлекала и мелких собственников, да и для части рабочих классический пример Англии, где рабочую аристократию подкармливали буржуи из своих колониальных доходов, казался заманчивым. Еще до войны «марксист» Муссолини вступил в защиту притязаний на превращение Ливии в колонию Италии. А в двадцатые годы он уже был готов поставить своих сторонников на службу буржуазии. И буржуазия Италии вполне оценила возможности такого союза. Расправы фашистов с революционными рабочими в дни похода фашистов на Рим реалистично показаны в итальянском фильме времен неореализма – «Повесть о бедных влюблённых». Все разговоры о том, что, якобы, итальянский фашизм был более мягок, чем германский – опровергаются кровавой действительностью террористической диктатуры. Ничего марксистского тут и не присутствовало.

Мода на марксизм с его реализмом, срыванием всяческих масок и разоблачением устоявшихся догм буржуазной пропаганды затрагивала многие слои общества. Так будущий российский белогвардеец, идеолог кадетов Струве в годы увлечения легальным марксизмом даже стал автором первой программы РСДРП. Отдавал дань этой моде и глава царского правительства Витте, граф «полусахалинский». Потому неудивительно и «социалистическое» прошлое некоторых фашистских вождей, с которым они в националистическом угаре неизменно рвали. Националистический угар был вообще характерен для мелкобуржуазных леваков. Вспомним, хотя бы, авантюру левых эсеров, когда они захотели возобновить войну до победы и застрелили германского посла в Москве.

Только верная и предусмотрительная линия поведения коммунистов и их вождя позволила сохранить союз пролетариата с крестьянством их взаимное доверие вопреки раскольнической линии верхушки эсеров. Эта же гибкость характерна и для ленинской политики периода кризиса доверия в дни антоновщины и кронштадтского мятежа. Союз мелкой буржуазии с буржуазной контрреволюцией был предотвращен.

Такой гибкостью не обладали в дни Германской ноябрьской революции руководители германского пролетариата. «Детская болезнь левизны» не была выдумкой на ровном месте. Этой болезнью болели, и не все переболели, многие из тех, кого захватила послевоенная революционная волна. Иные из них оказались уязвимы для фашистской идеологии. Ещё и сейчас иным исследователям представляется маловероятным сближение троцкистов с фашистами, инкриминируемое им в материалах процессов 37 года. Как, один из вождей Октября вступал через своего сына Седова в контакт с гитлеровцами в нейтральной Швеции? Не может быть! Но всмотревшись в мелкобуржуазную природу троцкизма и фашизма, видим, что это не только вероятно, но и неотвратимо. Их роднила почти зоологическая ненависть – фюрера к коммунизму и ненависть к большевизму Троцкого, этого потерпевшего фиаско и «хватающего чрезмерно самоуверенностью» претендента в революционные трибуны масштаба деятелей Великой французской революции». «Небольшевизм» Троцкого Ленин в своем письме съезду не ставил ему лично в вину, поскольку тот присущ был представляемой Троцким мелкой буржуазии.

Партия немецких фашистов, также как и фашисты Муссолини, изъявляла претензии на социализм – с самого начала она приняла название национал-социалистской рабочей партии Германии и обращалась к национальным чувствам населения Германии, потерявшей в мировой войне свои колонии. Население страны голодало, помощь от революционной России была невелика – в воспоминаниях Драбкиной «Черные сухари» упоминается об эшелоне чёрных сухарей, собранных голодающими рабочими России братьям по классу в Германии. Повесть Ремарка «Три товарища» рисует обстановку нужды немецкого народа и накал схваток фашистов с коммунистами. И у А. Толстого в «Гиперболоиде инженера Гарина» есть описания голодающих в послевоенной Германии Эта мысль – «если бы у нас не отняли колонии – мы бы не голодали» – внедрялась фашистами в мозги трудового народа еще со времен Мюнхенского путча, и жила еще вплоть до поражения под Сталинградом. К. Симонов вспоминал о беседе с пленным немцем из рабочих. «А что мне дал ваш Тельман? А Гитлер дал мне работу на военном заводе!» Да, конечно, но на время, ведь фашизм – это война за жизненное про-

странство для монополистического капитала, и поражение в такой войне и связанные с этим тяжкие последствия для большинства народа – суровая плата за доверчивость к демагогии фюрера.

Вся соль этой демагогии состояла в том, что она была привлекательна – государство якобы социализма, всеобщего благоденствия, нация сильных духом героев. Нация классовой гармонии. Что противопоставляли этому коммунисты? Отстранение от власти буржуев? Так и правые радикалы, фашисты выступали против еврейских плутократов, «предателей немецкого народа», против плутократов Антанты, дряблых поборников буржуазной демократии. Радикализм был настолько заразителен, что в канун вступления Гитлера в должность канцлера забастовку берлинских транспортников поддерживали и тельмановцы, и гитлеровцы. И временной промежуток между поддержкой коммунистов на выборах шестью миллионами избирателей, и переходом значительной части этого электората на сторону фашистов при повторном голосовании – не превышал четырёх месяцев.

Однако такой переориентации предшествовало важное событие. Крупп, Тиссен и вся верхушка крупного финансово-промышленного капитала собралась на встречу с фюрерами нацистов. Как и итальянские буржуи в Муссолини, они разглядели в фашизме возможность опереться на мелкую буржуазию для спасения капитализма. Их не испугал бунтарский имидж нацистов. За социальной демагогией они разглядели самую суть – словесная шелуха останется шелухой, но партия нацистов своей радикальностью обеспечит терроризм диктатуре самых реакционных кругов капитала. Действительно, вскоре слишком поверившие в бунтарскую природу партии нацистов, рьяно выступавшие против плутократов – испытали на себе силу террора своих более ловких соратников. В «ночь длинных ножей» были осуществлены расправы над руководством штурмовых отрядов партии нацистов, Рэм и его сторонники казнены, отряды распущены. Вся партия стала ударным отрядом террористической диктатуры. Началось движение к восстановлению исторической «справедливости» – подготовка к войне за жизненное пространство. Результат известен.

Но на пути было еще одно важное событие. Кроме фашистских переворотов в Италии и Германии прошли фашистские перевороты и в других странах Европы. Была трагедия Испанской республики, где франкисты с помощью союзной им немецкой и итальянской авиации бомбили мирных своих сограждан в Гернике, подобно тому, как в наши дни украинские фашисты бомбят жителей Юго-востока Украины – как «предателей нации» и сепаратистов. Аналогия напоминает – чем позже оказывать сопротивление фашизму, тем больше будет жертв фашизма и войны. Останавливать фашизм необходимо, не теряя напрасно время.

Классовая солидарность ударного отряда империализма, при всей приверженности фашизма к национальной исключительности, выразилась в заключении антикоминтерновского пакта, который объединил в коалицию против СССР все фашистские режимы. Военная опасность нарастала. Пора было ее осознать. Пора было дать ей отпор. Но еще предстояло определиться с поправками к прежней характеристике фашизма, учесть изменения в его политической роли.

7. Классическое определение фашизма. 7-ой Конгресс Коминтерна

Та характеристика фашизма, что давалась ещё в 1923 году, в основном совпадала с той, что давали решения 5-го Конгресса Коминтерна, прошедшего в год смерти Ленина. Следующий, 6-ой Конгресс состоялся уже в 1928 году, через два года после того, как от руководства Исполкомом Коминтерна был отстранён мелкобуржуазный оппозиционер Г. Зиновьев. Угроза со стороны фашизма и опасность войны еще не осознавались с такой остротой, как позже, борьба против фашизма не выделялась так решительно из борьбы за диктатуру пролетариата. В промежутке времени между 6-ым и 7-ым Конгрессами уже четко определились те поправки, которые следовало сделать в определении фашизма. Если в 1928 году ещё угроза со стороны фашистов и линия поддержки буржуазии со стороны социал-демократии рассматривались Коминтерном как равнозначные и зачастую солидарные, что и определялось термином социал-фашизм, то уже к 13-му пленуму Исполкома Коминтерна, стало ясно, что это недооценка фашизма. Приход его к власти в Германии продемонстрировал всю опасность фашистского террора, обрушившегося не только на коммунистов, но и на социал-демократов и даже на буржуазных демократов. Репрессии не ограничились разгоном демонстраций и забастовок. Инакомыслие искоренялось посредством тюрем, концлагерей и казней. Эти обстоятельства ставили в положение антифашистов не только сторонников диктатуры пролетариата, но и социал-демократию с ее вождями, и слои буржуазно-демократические. Если до того провозглашался единый рабочий фронт, строившийся снизу, вопреки влиянию вождей, то теперь появлялась возможность сплотить все антифашистские силы в единый Народный фронт. Появлялась возможность создания широкой антифашистской коалиции с участием коммунистов для прихода к власти правительства такой коалиции. Возрождалась и ленинская идея создания переходного на пути к диктатуре пролетариата государства – республики Народной Демократии. Разумеется, все опасности мильеранизма, соглашательств в такой коалиции не исчезали, борьба с ними предстояла, но угроза фашизма меняла и поведение потенциальных соглашателей. Обоснованность такого курса была в дальнейшем подтверждена ходом истории. 13-й пленум ИККИ в 1933 году принял новое определение фашизма, однако и здесь не обошлось без перегибов. Фашизм уже не рассматривался как движение обезумевших от ужасов войны и кризиса капитализма люмпенов и мелкой буржуазии, лавочников и завсегдатаев пивных, как это было во времена мюнхенского пивного путча. В определении, принятом пленумом вообще отсутствовало прежнее упоминание о мелкобуржуазной составляющей фашизма. 1933 год прояснил, что реальная классовая суть фашизма – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных кругов крупного финансового капитала, к которой буржуазия прибегла перед лицом неминуемого краха всей капиталистической системы.

Дальнейшая практика развития фашистского движения потребовала дополнения этого определения. Впрочем, и до сих пор зачастую за классическое принимается определение, данное фашизму ещё 13-ым пленумом ИККИ, и даже на недавнем Совещании компартий в Дамаске при обсуждении вопроса об экспорте фашизма фигурировал именно такой, неполный вариант определения фашизма. Незадолго до созыва 7-го

Конгресса Коминтерна Правительство СССР дало советское гражданство Георгию Димитрову, победившему германскую юстицию и фашистских главарей в схватках Лейпцигского процесса о поджоге Рейхстага. Он был оправдан, но из заключения его не хотели освобождать, и решение СССР вырвало его из лап фашистских тюремщиков.

Опыт такого испытанного борца и его анализ фашизма был особенно востребован, и по приезде его в Москву состоялись важные беседы Сталина с Димитровым, выявившее совпадение результатов марксистского анализа, сделанного каждым из них. Решено было Конгресс посвятить главной теме – наступлению фашизма, приходу к власти фашистов в Германии, росту угрозы новой мировой империалистической войны и нападения на СССР. Сделать основной доклад по этой теме поручалось Димитрову. Положения доклада горячо обсуждались, были и возражения, вносились поправки, и была принята Резолюция Конгресса, послужившая этапным документом в истории становления и совершенствования политики коммунистов на период до, во время и после войны, вплоть до создания системы социалистических государств.

Вот как определяет фашизм резолюция 7-го Конгресса Коминтерна: «В этой обстановке господствующая буржуазия все больше ищет спасения в *фашизме,* в установлении *открытой террористической диктатуры* наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала в целях осуществления исключительно грабительских мер против трудящихся, подготовки хищнической империалистической войны, нападения на СССР, порабощения и раздела Китая и на основе всего этого предотвращения революции. Финансовый капитал стремится обуздать возмущение против капитализма мелкобуржуазных масс при посредстве своей фашистской агентуры, демагогически приспособляющей свои лозунги к настроениям этих слоев. Создавая таким путем себе массовую базу и направляя эти слои как реакционную силу против рабочего класса, фашизм приводит к еще большему закабалению всех трудящихся финансовым капиталом».

В этом определении чётко указывается массовая опора фашизма – мелкая буржуазия, что отсутствовало в определении, данном 13-м Пленумом ИККИ. И это очень существенное уточнение.

Возвращаясь к событиям на Украине, обязательно следует обращаться к этому пункту резолюции.

Надо не забывать и положение резолюции о том, что борьба против фашизма является первоочередной задачей, стоящей впереди задачи завоевания диктатуры пролетариата.

И следует учитывать новое явление как фактор возрождения фашизма – упоминавшийся выше экспорт фашизма.

8. Экспорт фашизма, возрождение фашистской угрозы

Небывалый экономический и системный кризис капитализма вновь поставил его перед угрозой краха. Все меры как-то подправить его пороки оказались тщетны. Все спасительные меры оказались несостоятельными, паллиативными, способными лишь отсрочить, отложить развязку. Демпфирование кризисов, кредитование банкротов в острые моменты государством, в надежде, что доверие к возможностям участников обменов на рынках продукции, рабочей силы и рынке капиталов восстановится – не помогли. Это было всего лишь откладывание на «потом» результатов растраты в кризисах всех – и трудовых, и материальных, и финансовых – ресурсов. И поныне, все попытки оздоровить, сделать прозрачными хотя бы операции на рынке капиталов – практически терпят провал. Возвратилась, спустя многие годы, та самая обстановка, которая заставила реакционные круги вспомнить о террористической форме своей диктатуры. История движется, но не по кругу, а по спирали, и повторяется уже на новом уровне. На политическую борьбу Октябрь поднимал неграмотные, темные массы. И Ленину пришлось убеждать скептиков, пугающих революционеров приверженностью трудящихся власти религии, священников, власти тьмы. Народ – реалист. О какой власти религии можно говорить, если об иконах он судит так – «Годится молиться, а годится и горшки покрывать». Да, в век информации, радио, телевидения уже степень влияния убеждений, влияния пропаганды на умы и дела – сильно возросла, эти средства помощнее чем проповеди с амвона. Однако не только духовные, но и непосредственно материальные условия, реализм, пробивают себе дорогу сквозь все препоны. Человечество не может существовать как человечество, не производя средства человеческого существования. И объективная роль в движении общества общностей людей, объединенных общностью положения в процессе производства и распределения – важнее того, что они о себе думают, важнее того, насколько они осознали сами свою роль. Да, без осознания, без формирования классового сознания – не обойтись, революции происходят в умах, и идеи, овладевая массами, становятся материальной силой. Но процесс осознания не простой, это процесс познания, освоения научных знаний. Социализм, с тех пор, как стал наукой, требует, чтобы его изучали. И роль революционной интеллигенции, роль тех, кто должен идеологически обслуживать рабочий класс и остальное трудовое население – несомненно, важна. И процесс это не такой быстрый, особенно после горьких поражений. За поражением следует идейный разброд, анализ, поиски причин поражения. Не всегда разгромленные армии быстрее учатся, как это было от Нарвы до Полтавы для России. После 1905 года в Москве до Октября 1917-го в Петрограде прошло всего 12 лет, но от Парижской Коммуны до Октября, говорил Ленин, долгие годы марксистов мучили сомнения: кризисы идут с неизменной регулярностью, а рабочий класс всё не просыпается, революция задерживается, и верен ли марксистский прогноз? Он оказался верен.

Но вот, после поражающих успехов и побед социализма, после создания мировой системы социализма – происходит ее развал, реставрация капитализма и товарно-рыночных отношений. Снова разброд, снова сомнения и время идёт невыносимо медленно. Идёт мучительный анализ причин. Зреет убеждение, что поражение потерпел не марксизм, а прудонизм, идеология мелкой буржуазии, возрождённая продвижением во власть ее представителей. Вера в прогноз – нельзя лечить социализм возвратом к рынку – не иссякает, и это оправдывается. Наступает это самое «потом», на которое откладывались все растраты капиталистического способа производство, которые накопились, и сделали кризис небывалым по глубине и длительности. Прогноз оказался верен и в другом: кризис призвал к политической жизни широкие массы, и уже не такие, казалось бы, тёмные и безграмотные.

Но в век информатики и коммуникации власть над умами трудящихся господствующий класс не упускает. Духовная жизнь подвергается обработке средств массовой информации, эмоциональная сфера заполнена попискусством, идеологическая – усилением пропаганды клерикалов, дезинформацией новостных каналов, слушателю не позволяют осмыслить события, их преподносят СМИ в стремительном темпе, не излагают, а бормочут. Массы реагируют на обстоятельства непосредственно, на уровне рефлексов, и настоящего осмысления не хватает. В Европе ощущается непосредственно конкуренция с гастарбайтерами за рабочие места, они сбивают цену рабочей силы, национализм и фашизм получают подпитку из реальностей производства. Но растет и интерес к марксизму, растёт движение рабочего класса, восстанавливаются и крепнут коммунистические партии.

Кризис на новом уровне витка истории тоже рождает свои особенности. Неустойчивость капитализма в новой обстановке убыстряет его поворотливость, убыстряет скорость его перехода от буржуазной демократии к фашистскому деспотизму и терроризму. Как двуликий Янус, буржуазия быстро оборачивается с улыбкой фальшивой доброжелательности к населению, рекламируя замену классов трудящихся неким средним классом, которому, якобы, предоставляется режим наибольшего благоприятствования. И также быстро оборачивается другим, зверским лицом с миной угрозы и наказания, грозя и осуществляя репрессии, запреты, разгоны, и тюремные заключения. И не стесняется использовать такие образы и одновременно. Так же быстро меняет свой инструментарий и конкурент – Запад и США. Только что они отставали буржуазную демократию в РФ, пестуя и спонсируя оранжевых, Немцовых и Навальных. И вот они уже оборачиваются фигурой угрожающей, с санкциями, с бомбардировками, с придвижением армий к границам конкурента.

События на Украине подтвердили своевременность предупреждения Совещания компартий в Дамаске об опасности нового явления – «фашизма на экспорт». Здесь именно обращение к обоим вариантам своего инструментария не только одновременно, но и в зависимости от региона. В метрополиях буржуазия использует пока главным образом инструменты буржуазной демократии, а в зависимых станах, в странах развивающихся она использует местную мелкую буржуазию для осуществления террористических методов своего господства. Именно экспорт фашизма осуществлен на Украине. Фашистская угроза застала коммунистическое и рабочее движение неподготовленными, хотя реализация ее и происходила в два этапа, при Ющенко и при Порошенко

9. Приоритеты и осознание их

За четверть века, прошедших после крушения системы социализма, в коммунистическом движении произошла смена поколений. Молодая смена многое из того, что знают и помнят ветераны, просто не представляет себе. Политический опыт им еще предстоит обретать. Как говорил Маяковский в стихотворении «Товарищу Нетте»:

«В коммунизм из книжки верится средне.
Мало ли что можно в книжке намолоть?
А такое – оживит любые бредни,
И покажет коммунизма естество и плоть».

Естественно, что при обострении ситуации иные из товарищей, как образно выразился первый секретарь ЦК РКРП В.А. Тюлькин, поплыли. Иными словам, приоритеты целей борьбы не сразу прояснились для них. Нацеленные на борьбу за диктатуру пролетариата, борьбу с фашизмом они не выделили как первоочередную, поставили ее в общий ряд борьбы с капитализмом. Решения 7-го Конгресса Коминтерна были ужу в далеком прошлом, воспринимались как эпизод чуть ли не древней истории, как говорится у немцев – Plusquamperfekt – давным-давно прошедшее. А на деле эти решения актуальны доныне. Борьба с опасностью распространения фашизма, с угрозой победы этого штурмового отряда империализма является первоочерёдной для рабочего класса, так как фашизм отдаляет перспективы установления диктатуры пролетариата, и требует тем больше жертв, чем позже вступают с ним в борьбу.

Молодые товарищи проявили беспокойство и по поводу расширения рядов антифашистов: как бы не произошло примирение с капиталистами, как бы не поддаться на соглашательство с буржуазной демократией. Но использовать возможности буржуазной демократии против фашизма – это важное дело и обязанность коммунистов. Действительно, еще в работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» Ленин отмечал, что заранее зарекаться от союзов в борьбе – нелепо, большевики вступали в сотрудничество и с буржуазией, не поддаваясь на соглашательство. Пример гибкости сталинской дипломатии, сумевшей расколоть единый империалистический фронт против СССР и образовать антигитлеровскую коалицию, сохраняет свою значимость и ныне. До сих пор приходится слышать мнение, что это не очень важно, что это речь о лингвистических тонкостях. Нет, товарищи, если на митинге выдвигается лозунг – «не выбираем из двух зол меньшее», то есть, принимаем, что наша линия такова: на Украине идёт борьба с бандеровцами, а в России мы боремся с власовцами, – то это значит, что мы не используем возможности Российского государства в антифашистской борьбе. Это не лингвистическое чистоплюйство, это сущностная недоработка и политическая ошибка. Тут не допустимы огульные суждения – вводи войска на Украину, или другие суждения – не вводи, иначе толкнёшь украинцев к еще большему национализму. Обстановка на Юго-востоке и вокруг него такова, что возможен переход от справедливой войны к империалистической, мирового масштаба. Требуется анализ конкретных возможностей, и тут необходимо при принятии решений располагать такой информацией, которая доступна государству, а не обычной общественности, не гражданскому обществу.

Важно понимать, что без подавления фашизма, русский империализм не может противостоять американскому конкуренту. Наша задача – проводить линию принуждения его к использованию всех его возможностей для помощи борющемуся народу Донбасса, особенно материальной и вооружением и боеприпасами. Задача наша – не позволять ему поддаваться на санкции Запада, побуждать его искать поддержки иных стран в противостоянии санкциям, что, он, собственно, и делает пока довольно успешно.

Важным фактором борьбы является и информационная поддержка, политический блеф и манипулирование угрозами. Идёт настоящая информационная война, борьба за умы. Информация буржуазных СМИ изначально тенденциозна, даёт искаженное представление

о ситуации и исключает любое инакомыслие. Об отстреле журналистов, обслуживающих Запад и хунту, осуществившую переворот, ни в каких источниках информации нет, а отражающие антифашистскую тенденцию журналисты отстреливаются несомненно, против этого не способна возразить и западная пресса. Сегодня, когда фашисты бомбят мирные города, когда одесский Дом профсоюзов был использован как крематорий Освенцима, когда депутатская фракция КПУ изгоняется из Верховной Рады, когда партии угрожают судебной расправой и новым запретом, когда преследуются и физически уничтожаются сторонники коммунистической и вообще левой идеологии – в фашистском характере переворота на Украине сомнений не должно оставаться. Но важен вопрос – в какой степени тенденциозность ура-патриотической, ультранационалистической, антисоветской пропаганды киевского профашистского режима запутывает сознание масс.

И вновь подтверждается обоснованность линии 7-го Конгресса Коминтерна. Еще не осознав истинных причин реставрации капитализма в СССР, еще не осознав всех пружин фашистского переворота в Киеве, просто на уровне рефлекторной защиты от злодеяний фашизма, рабочий класс Украины встаёт и ведет борьбу, пренебрегая второстепенными, привходящими обстоятельствами.

В рядах ополчения, в рядах антифашистов – коммунисты и беспартийные, рабочие и интеллигенты, и мелкие предприниматели, верующие, анархисты, и даже монархисты. Самый широкий антифашистский Народный фронт. Но для нас наиболее важной представляется весть о том, что на Юго-востоке Украины сформирована шахтерская дивизия. В рядах ополчения, в рядах антифашистов – коммунисты и беспартийные, рабочие и интеллигенты, и мелкие предприниматели, и верующие, и анархисты, и даже монархисты. Самый широкий антифашистский Народный фронт.

Но для нас наиболее важной представляется весть о том, что на Юго-востоке Украины сформирована шахтерская дивизия, что основную силу ополчения составляют рабочие – т.е. рабочий класс вооружается. Значит наступило время острой необходимости помочь рабочему классу осознать свой классовый интерес и собственные цели в идущей борьбе, уяснить, почему была утрачена Советская власть, и как не повторить такого хода событий. Тогда будет успех. И в борьбе с ударным отрядом капитала – фашизмом, и в борьбе с самим капиталом.

Сейчас и Запад, и Россия хотят и боятся войны. Для России это пока преждевременно, она ещё не довооружилась. А для США – из-за того, что Россия сможет довооружиться, надо бы ее опередить.

И тем, и другим нужно свою экономику подстегнуть военными заказами и обоим нужен враг. И оба конкурента готовы использовать по мере нужды и буржуазную демократию с ее правами человека, и фашизм – без этих прав. Пока – приоритет у США в применении фашизма, и до тех пор у нас, коммунистов, положение как перед второй мировой – против фашизма нужно применение военного кулака – (угроза от России и вооруженное восстание в Донбассе и Луганске). Надо заранее форсировать крах фашизма на Украине, надо поддерживать силовое подавление фашизма, не сваливаясь в мировую войну.

Что сам фашистский режим хочет втянуть Запад в войну, и провоцирует такую войну между Западом и Востоком в своих непосредственных интересах – своего укрепления и господства – сейчас просматривается всё нагляднее. И эпизод с крушением «Боинга» под Шахтёрском и др. это отражает. Иные из левых переживая, что там люди гибнут, призывают добиваться мира на любых условиях, любой ценой, даже на условиях сдачи ЛНР и ДНР «на милость» киевской хунты. Но нельзя пренебрегать тем, что если ситуация разовьётся в мировую войну – жертвы будут **несравнимы**.

Сейчас надо ратовать, ***бороться не за примирение с фашистами, а за предотвращение провоцирования мировой войны фашистами***.

То есть, обстановка требует сочетать усилия по сокрушению фашизма, и вовремя начать агитацию против мировой войны. Бороться за мир. Вот в чем тонкость и сложность ситуации. Наша классовая позиция сейчас должна соблюдать и человечность, гуманизм, и в то же время классовую направленность – против острия опасности, против ударного штурмового отряда империализма. Вся задача – во время перестроить острие борьбы в том направлении, где будет нарастать фашизм. Сейчас он – это украинская хунта и Запад. Дальше надо быть бдительными, фашизм может быть востребован и режимом в России. Но самое оптимальное было бы осознание опасности мировой бойни и ее предотвращение народами, но для этого нужна революционная пропаганда, революционная ситуация, и революция, упреждающая мировую войну. А иначе – кровавое месиво небывалого масштаба.

От редакции:

13-15 мая 2015 году в Москве состоялся Второй Политэкономический Конгресс стран СНГ и Балтии «Возвращение политэкономии» (к 400-летию рождения имени). Обозначенная цель проведения конгресса – «реактуализация фундаментальных политико-экономических исследований как основы для разработки социально-, экологически-, гуманитарно-ориентированных стратегий экономического развитии как важнейшего слагаемого научных и учебных процессов».

В программе конгресса – рассмотрение эволюции политической экономии на протяжении всей длительной истории ее существования, смена экономических теорий в пространстве и времени, вплоть до наших дней. Важнейшей задачей этой конференции, как утверждают ее организаторы, является восстановление в правах политической экономии как теоретической науки, которую вот уже длительное время вытеснила и из теории, и из учебной практики – так называемая «экономикс».

Признавая важность данного международного конгресса, мы, вместе с тем обращаем внимание на то, что в перечне его основных вопросов отсутствует обозначение коренного водораздела между буржуазной политэкономией, превратившейся с момента выхода на арену открытой политической борьбы рабочего класса в вульгарную «науку» различных направлений и школ, служащей защите и увековечиванию буржуазного строя, – и подлинной наукой «политическая экономия», созданной основоположниками марксизма. Гениальное творение К. Маркса «Капитал. Критика политической экономии», первому тому которого в 2017 году исполнится 150 лет со времени создания, является основополагающим произведением подлинно научной политической экономией, выводы которой подтверждены всем ходом исторического развития. Но это коренное отличие марксистской политической экономии от вульгарных описательных экономических теорий всех мастей, ни хронологически, ни теоретически не обозначены в программе конгресса. Видимо, одной из причин этого является робость многих нынешних академических ученых (в том числе и относящих себя к сторонникам левых взглядов), которые в условиях наступившей реакции опасаются открыто признать значение марксистской политической экономии, и в первую очередь, великого произведения – «Капитал» К. Маркса, как самого глубокого философско-исторического обоснования вывода о преходящем характере капитализма, неизбежности победы пролетарской социалистической революции.

*Сам автор «Капитала» выразил его значение в чеканных строках: «…**это,** безусловно, **самый страшный снаряд,** который когда-либо был **пущенный** в **голову буржуа** (в том числе и земельных собственников)» и нанес «**буржуазии** в области теории такой удар, от **которого она** никогда не **оправится**».*

Ниже мы публикуем малоизвестную широкой читательской аудитории статью переводчика «Капитала» на русский язык (чей перевод лег в основу многих других переводов, в т.ч. и наиболее полного (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1983), которая поможет глубже разобраться в значении теоретического, методологического и политического содержания марксистской политической экономии, а также дать отпор новоявленным «борцам за аутентичный марксизм», пытающихся под видом исправления ошибок перевода на русский язык важнейших политэкономических категорий, исследуемых Марксом в «Капитале», исказить суть его учения.

Что такое политическая экономия?[1]

И.И. Степанов[2]

I.

В чем задача политической экономии?

Мы, марксисты, не поддаемся иллюзиям «чистой» науки, мы никогда не забываем, что во всякую историческую эпоху теория получает свои задания от практики. Поэтому мы без всяких колебаний и, вероятно, с полным единодушием ответим, не огорчаясь некоторой элементарностью предварительного ответа: задача **современной** политической экономии, или, – что то же самое, так как только марксистская экономия и является для настоящей эпохи наукой, – задача **марксистской** политической экономии заключается в познании **экономики современного общества**.

[1] Журнал "Под знаменем марксизма". Ежемесячный философский и общественно-политический журнал. – М., 1925. - № 1-2 (январь-февраль). – С. 156-190.

[2] СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ Иван Иванович (наст. – Скворцов, лит. псевд. – И. Степанов) [24.2.1870 — 8.10.1928), советский гос. и парт. деятель, экономист, историк, литератор. Чл. Ленинской партии с 1896 г. В 1890 окончил Моск. учительский ин-т, работал школьный учителем в Москве. В революц. движении с 1891, подвергался арестам и ссылкам. В 1905 чл. литературно-лекторской группы Моск. к-та РСДРП. Делегат 4-го съезда РСДРП от моск. организации. На съезде занимал ленинские позиции. В 1907 и 1911 выдвигался кандидатом в депутаты Гос. думы от большевиков. В 1914–17 вёл парт. работу в Москве. После Февр. революции 1917 гл. редактор газ. «Известия Моск. Совета рабочих и солдатских депутатов», чл. редколлегии большевистской газ. «Социал-демократ», чл. Моск. к-та РСДРП (б), пред. большевистской фракции Моск. гор. думы. Активный участник Великой Окт. социалистич. революции, чл. Моск. Военно-революционного к-та. В первом составе Сов. пр-ва – нар. комиссар финансов. В 1919–25 зам. пред. Всеросс. совета рабочей кооперации, чл. правления Центросоюза, зам. пред. редколлегии Госиздата. В 1925–27 ответств. редактор газ. «Известия» ЦИК СССР и ВЦИК. С 1926 директор Ин-та В. И. Ленина при ЦК ВКП(б). одновременно с 1927 зам. ответств. редактора газ. «Правда», чл. Гл. редакции 1-го издания Боль-

Под каким углом революционный марксист изучает современную экономику?

«Для **практического** материалиста, т.-е. для **коммуниста**, дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их, и изменить их»[1].

Или, как выражается Маркс в другом месте: «Коммунизм для нас не **состояние**, которое должно быть установлено, не **идеал**, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом **реальное движение**, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющихся теперь налицо в действительности предпосылок («Архив», стр. 223).

Итак, наша политическая экономия изучает вещи (конечно, не «вещи» вообще, а «экономические вещи»), как она застает их, и тем самым раскрывает имеющиеся теперь в действительности предпосылки того **реального движения**, которое уничтожает современную экономику.

Почти через 25 лет, в 1868 г., когда I том «Капитала» уже вышел из печати и когда была подготовлена значительная часть рукописей следующих томов, Маркс писал Энгельсу:

«Случайно я нашел в одной маленькой антикварной лавочке Report and Evidence of Irish tenant right 1867. Это – замечательная находка. В то время как господа экономисты видят чисто теоретический спор (Dogmenstreit, спор догм) в вопросе о том, представляет ли земельная рента плату за природные различия почвы или же просто процент за вложенный в землю капитал, мы имеем здесь перед собою практическую борьбу не на живот, а на смерть между арендатором и лэндлордом: в **какой мере** рента **кроме** платы за различия почвы должна заключать и проценты на капитал, вложенный в землю не лэндлордом, а арендатором. **Только таким способом, что на место conflicting dogmans** (спора, столкновения догм, теорий) мы поставим **conflicting facts** (спор, столкновения фактов, «вещей», действительных отношений) и **реальные противоположности, которые составляют их скрытую подоплеку, можно превратить политическую экономию в положительную науку**» («Briefwechsel», IV. B., стр. 99).

Это – то же самое, что Маркс писал в половине 40-х годов: предмет политической экономии, как положительной науки (а не положительная наука вообще не наука), – реальные экономические отношения, «как она застает их», т.-е. экономика, **существующая в действительности, современная экономика**.[1]

Но что такое «вещи, как мы застаем их», что такое «современная экономика»?

В марте 1868 г. Маркс занялся «между прочим» работами «старика Маурера» о древнегерманских учреждениях (строй марки, деревни и т.д.). В связи с этим он писал Энгельсу:

«В человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии. Вещей, которые лежат под самым носом, принципиально, вследствие ослепления известной предвзятостью, не видят даже самые крупные головы. Позже, когда придет время, удивляются, повсюду открывая следы того, чего не замечали раньше. Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна: стали все видеть по средневековому, в романтическом освещении. Вторая реакция – и **она соответствует социалистическому направлению**, хотя те ученые (как Маурер) и не подозревают, что она тесно связана с ним, – состоит в том, чтобы за средневековьем увидать первобытную эпоху каждого народа... Вот пример, насколько все мы ослеплены этой предвзятостью: как раз на **моей** родине, на Гунсрюккене, древнегерманская система сохранялась до **последних** годов» и т.д. («Briefwechsel», IV B., стр. 29. См. также стр. 24: Маурер убедил Маркса, что, вопреки русским народникам, наша община ни в малейшей мере не может претендовать на оригинальность).

Вы думаете, что, сказав «капитализм», вы исчерпали всю современную экономику? Нет, в ней до сих пор живет еще и средневековье, а если приглядитесь к ней

шой Советской Энциклопедия, чл. Президиума Коммунистич. академии. В 1926–28 ответственный редактор газ. «Ленинградская правда». Делегат 10–15-го съездов партии; на 3-м съездах избирался чл. Центр, ревизион.-комиссии РКП(б), на 14–15-м съездах – чл. ЦК ВКП(б), был чл. ВЦИК и ЦИК СССР. Занимался также вопросами философии, атеизма, междунар. рабочего движения, естествознания. Наибольшее внимание уделял экономич. теории. В период первой рус. революции, совместно с В. А. Базаровым (Рудневым), перевёл на рус. язык три тома «Капитала» и ряд др. работ К. Маркса и Ф. Энгельса, а позднее «Финансовый капитал» Р. Гильфердинга. В соавторстве с А. А. Богдановым написал 4-томный «Курс политической экономии» (т. 1, 1910, последующие тома вышли после Окт. революции), где впервые была сделана попытки систематически изложить политич. экономию в широком смысле слова. В 1913—14 в большевистском журн. «Просвещение» опубликованы его статьи «Империализм» и «Экономика и политика в рабочем движении», в к-рых даётся анализ отд. сторон монополистич. капитализма и его воздействия на рабочее движение. Автор исследует политику протекционизма и ее влияние на развитие национальной пром-сти, вопросы экспорта ссудного капитала и его формы, проблемы колониальной политики, борьбы за рынки сбыта, влияние финансового капитала на идеологию классов. В первые годы Сов. власти С.-С. по поручению В. И. Ленина написал труд о плане ГОЭЛРО – «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» (1922). С.-С. последовательно боролся с идеологами буржуазии, мелкой буржуазии, троцкистами и «новой оппозицией» за ген. линию партии, опираясь на марксистско-ленинскую экономич. теорию. Его науч. труды были посвящены вопросам планирования, экономическим вопросам технич. политики, тяжёлой пром-сти, в особенности машиностроению, и их значению в создании материально-технич. базы социализма. Тематика его науч. и публицистич. деятельности: режим экономии, цена, хозрасчёт, внеш. торговля, реконструкция транспорта, подготовка ИТР, профессионально-технич. обучение рабочих, вопросы организации произ-ва и повышения производительности труда, капиталовложения и темпы роста пром. произ-ва. В 1925 С.-С. первым из сов. экономистов в докладе «Что такое политическая экономия?» восстановил марксистско-ленинское понимание историч. границ предмета политич. экономии, подвергнув решительной критике взгляды Н. И. Бухарина и его сторонников…

Соч.: Избр. произведения, т. 1–2, [М.-- Л.], 1930–31; Избр. атеистич. произведения, М., 1959; Избранное, М., 1970.

Лит.: Ленин В. И., Поли. собр. соч., 5 изд. (см. Справочный том, ч. 2, с. 473); Амиантов Ю., Устинов В., Верный сын партии, М., 1960; Подлящук П., Иван Иванович [Скворцов-Степанов], М.. 1973.

В.В. Орешкин (Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т.3. С.561–562 (М.: Советская энциклопедия. 1972))

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, стр. 217. Д.Б. Рязанову принадлежит великая заслуга, что он раскопал и напечатал эту замечательнейшую работу, которая дает поразительно много для марксистской методологии.

повнимательнее, то за средневековьем откроете и первобытные времена. И, во всяком случае, «вещи» в современном мире, как их застает революция, получат не полную, искаженную характеристику, если вы увидите в них «чистый капитализм» и вследствие ослепления предвзятостью запросто сбросите со счетов, что на ряду с ним сохраняется еще – и в каких громадных размерах! – и «средневековщина», и «феодализм». Перешагнуть через «средневековщину» вы можете только в абстракции, а если попробуете попросту игнорировать в революционной борьбе, в «реальном движении», то будете наказаны «вещами, как вы застаете их», но как вы их не познали по своему ослеплению предвзятостью. Эти вещи активны. Это вам не какая-нибудь палеонтология!

Внимательнейший и строгий теоретический учет всего сложного переплета об'ективных[1] отношений, лежащий в основе принципиально, классово выдержанной и в то же время гибкой революционной практики, – в этом суть марксизма и ленинизма, в этом прежде всего суть их политической экономии.

Задачами политической экономии, ее соотношением с практикой, само собой разумеется, определяется и ее **охват**, а вместе с том, как увидим ниже, и ее **метод**.

Прежде всего, что касается охвата, на этот счет четверть века тому назад среди нас не существовало никаких разногласий.

Ленин признавал политическую экономию «наукой, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии». Он находил, что эту науку «надо излагать не догматически (как это принято в большинстве учебников), а в форме характеристики последовательных периодов развития: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма». Он добавляет к этому: «именно так и следует излагать политическую экономию». Но при такой системе изложения приходится дробить один и тот же отдел и впадать в повторения. «Но этот чисто формальный недостаток вполне искупается основными достоинствами исторического изложения. Да и недостаток ли это? Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, напр., исторических функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает учащемуся, что **теоретический анализ функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что происходило в историческом развитии человечества** (подчеркнуто, как и ниже, мною – *И.С.*). Представление об отдельных, исторически-определенных укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о **различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы**; вся задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с **вопросами экономической науки связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни**» («Мир Божий» 1898 г., № 4, стр. 98 – 99. Рецензия Ленина на первое издание «Краткого курса экономической науки» А. Богданова).

Последние подчеркнутые мною слова – приспособительное к тогдашней беспощадной цензуре выражение той мысли, что в экономической науке мы найдем **теоретическое обоснование революционной борьбы**.

Решительное, принципиальное ограничение политической экономии рамками капиталистических отношений принадлежит в русской литературе прежде всего Туган-Барановскому, который тогда все дальше и дальше шел от марксизма и в своих «Очерках по истории политической экономии», печатавшихся в «Мире Божьем» 1901-1903 годов, окончательно расстался с ним. Он дал, действительно, принципиальное обоснование своей позиции. Всякая наука должна раскрывать закономерность, причинную необходимость изучаемых ею явлений. А так как, по уверению Туган-Барановского, воля и сознание людей перестают направлять экономические отношения только с того времени, когда все производство подпадает под власть стихийных сил рынка, который действует с неумолимостью законов природы, то собственно экономической науке нечего делать с докапиталистическими системами хозяйства. И при всем том Туган-Барановский продолжал ссылаться на Маркса.

Читатели, вероятно, уже заметили, что некоторые новейшие руководства политэкономии просто повторяют, – возможно, без ведома авторов, – изложенную аргументацию Туган-Барановского, нисколько не заботясь о ее подновлении.

По выходе «Очерков» отдельным изданием, я посвятил им большую статью в московском журнале «Правда» (1904 г., февраль), в редакции которого в то предреволюционное время значительную роль играли большевики, – впрочем, очень быстро вышибленные меньшевиками. Я показал в своей статье, что Туган-Барановский ушел от Маркса к Бюхеру и что он вместе с тем превратился в апологета капитализма. Я показал в то же время, что марксистская политическая экономия не замыкала и не замыкает своего кругозора пределами развитого капитализма, а двигает их в ту и другую сторону.

Товарищи, с которыми я говорил тогда об этом предмете, вполне соглашались со мною. Никто не возражал против моих доводов и моей точки зрения.

Я согласен, что отсутствие возражений со стороны товарищей – вовсе не довод. Я охотно допускаю, что они могли не досмотреть моих «уклонов» от Маркса и Энгельса или, в виду важности решительного размежевания с разными Туган-Барановскими, могли просто промолчать.

В виду этого постараемся найти у самого Маркса и Энгельса более или менее систематическое изложение их взглядов на предмет и метод политической экономии. То, что приведено в начале главы – отдельные мысли, может быть, «случайные» высказывания, не связанные с существом их воззрений.

II.

Прежде всего – «Нищета философии».

Эта работа переиздается у нас сравнительно редко. Изучают ее очень мало. Она нисколько не отразилась на большинстве новейших «марксистских» курсов политической экономии и на статьях, посвященных выяснению предмета и метода этой науки.

[1] Примечание редакции МиС: Здесь и далее в тексте слова с «ъ» печатаются так, как это было принято в 1925 г. со знаком «'». Знаки препинания также расставлены в том виде, как они приведены в первоисточнике.

По-видимому, по отношению к этой работе установился предрассудок, будто она не способна дать ничего «нового», так как написана около 80 лет тому назад; поэтому, определяя предмет и метод политической экономии, будет куда поучительнее адресоваться к «современникам», хотя бы к Гильфердингу.

Однако «Нищета философии», как и относящиеся к тем же годам «Коммунистический манифест» и «Немецкая идеология», представляют в известном смысле **программные работы**. В них то широкими мазками, то краткими замечаниями, которые в сороковых годах не могли остановить внимания читателей, то чисто мнемоническими отметками, смысл которых становится нам ясным только в свете позднейших работ, дан своего рода «план» всей будущей колоссальной теоретической работы Маркса и Энгельса. Таким образом в «Нищете философии» дано уже многое из того, что впоследствии было развито в «Капитале», а в «Немецкой идеологии» и в «Святом семействе» мы находим многие элементы «Антидюринга», «Л. Фейербаха» и «Происхождения семьи, частной собственности и государства».

Только что названные работы – такие же **программные работы** для Маркса и Энгельса, как «Что такое друзья народа»... – **программная работа для Ленина**.

Но Марксу и Энгельсу впоследствии удалось осуществить только некоторую часть своей грандиозной программы научных работ. К некоторым вопросам, поставленным в ранние годы, они вообще не возвращались впоследствии, – или возвращались лишь мимоходом, напр., в переписке. Гениальные мысли, которые они с такой расточительностью разбрасывали в своих почти юношеских произведениях, – являющихся, действительно, «программными» и с этой стороны, со стороны «тезисной» сжатости, – так и не получили у них дальнейшего развития. Многие из них до сих пор ждут разработки.

«Нищета философии» дает наиболее систематическое и обработанное изложение воззрений Маркса на предмет и метод политической экономии. Методология «Капитала» – методология «Нищеты философии». Если бы еще оставались на этот счет какие-нибудь сомнения, мы найдем ряд убедительнейших доказательств, что Маркс и Энгельс до конца своей жизни не видали никаких оснований подвергать пересмотру методологию «Нищеты философии». Да мы отчасти уже и видели эти доказательства, потому что «Нищета философии» делает как нельзя более понятным отношение Маркса к работе Маурера.

Все это – достаточные основания для того, чтобы, рискуя показаться старомодным, обратиться за разрешением некоторых спорных вопросов не к Шумпетеру и даже не к Кунову, а к Марксу сороковых годов прошлого века.

«Экономисты, – пишет Маркс, – представляют отношения буржуазного производства – разделение труда, кредит, деньги и т.д. – в виде неподвижных, неизменных, вечных категорий... Экономисты об'ясняют нам, как производят при этих данных отношениях; но они не об'ясняют, как производятся сами эти отношения, т.-е. **не об'ясняют исторического движения, вызвавшего их к жизни**... Но раз не проследили **исторического развития производственных отношений**, а категории суть только их теоретическое выражение», – то неизбежно перевертывают действительные отношения и начинают видеть в этих категориях самовозникшие идеи (**К. Магх**. Das Elend der Philosophie Stuttgart 1895, стр. 85–86. Отдельные места, как и в дальнейшем, подчеркнуты мною).

В работах сороковых годов под «экономистами» Маркс и Энгельс разумели исключительно буржуазных экономистов и обычно противопоставляли им коммунистов (и социалистов).

Следовательно, буржуазные экономисты берут сложившиеся отношения капиталистического общества и только ими и ограничивают своё изучение. В противоположность этому, задача коммунистов заключается в том, чтобы выявить, как эти отношения возникли в истории, проследить их историческое развитие. Они должны раздвинуть свой кругозор **за пределы капитализма**.

«Экономические категории, – продолжает Маркс несколькими страницами ниже, – суть теоретические выражения, абстракции общественно-производственных отношений... Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. С приобретением новых производительных сил люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, – способа добывать средства существования, – они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает общество с феодалами, паровая мельница – общество с промышленными капиталистами.

Но те самые люди, которые складывают общественные отношения сообразно своему способу материального производства, формулируют также и принципы, идеи, категории сообразно своим общественным отношениям. Таким образом эти идеи, эти категории столь же не вечны, как и отношения, которые они выражают. Они суть **исторические, преходящие продукты** (стр. 90-91. Подчеркнуто у Маркса).

Коммунист должен понять исторический, преходящий характер этих идей и принципов и, конечно, и даже прежде всего, **выражаемых ими производственных отношений**. Такова в глазах Маркса одна из первых задач той экономической науки, которая противопоставляется буржуазной политэкономии.

«**Рабство** (чернокожих) есть экономическая категория, как всякая другая... Прямое рабство – ось буржуазной промышленности точно так же, как машина и т.д. Без рабства нет хлопка; без хлопка нет современной промышленности. Только рабство придало колониям их ценность; колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля – условие крупной промышленности. Таким образом **рабство – экономическая категория самой высокой важности**» (93 стр.).

Буржуазная экономия говорит об **абстрактном капитализме**, который знает только такие категории, как наемный рабочий, формально свободные договорные отношения, заработная плата и т.д. Маркс напоминает здесь, что для **реального капитализма** сороковых годов XIX века осью оставалось прямое, ничем не прикрытое рабство и что крупная промышленность тесно связывается своим развитием с колониальным рабством, создавшим необходимые для нее предпосылки. Буржуазная экономия со своими категориями, представляющими абстрактные выражения отношений крупного капиталистического производства, может в своих абстракциях попросту перемахнуть через рабство, – как современная буржуазная экономия отводит глаза и от едва прикрытого колониального рабства, и от перманентного разграбления колоний, которым сильно подкармливается современный капитализм. Но коммунисты не последуют за буржуазной экономией. Они прямо скажут, что рабство и колониальный грабёж – в такой же мере правомерные экономические категории реального, а не «умопостигаемого» капитализма,

как «свободный наемный рабочий» и просвещенный биржевик, имеющий дела только с «бумагами».

Критически излагая Прудона, Маркс пишет: «Все, что существует, все, что живет на земле и в воде, существует только, живет только посредством какого-либо движения. Таким образом, движение истории порождает социальные отношения, промышленное движение дает нам промышленные продукты и т.д.

«Точно так же, как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, – **стоит только абстрагироваться от всех отличительных свойств различных движений, и мы придем к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической форме движения**. И раз только в логических категориях видят существо всех вещей, то воображают себе, будто в логической форме движения нашли **абсолютный метод, который не только об'ясняет все вещи, но и охватывает движение вещей**» (стр. 88)[1].

Вот именно! Абстрагируются от исторически развившегося и существующего теперь капитала, построят чисто логические формы капиталистических отношений – и воображают, будто уже получили об'яснение всех вещей, как они существуют в действительности, и будто вместе с тем уже охватили экономику и Египта, и Индии, и Китая. И воображают, будто этот абстрактный капитализм сам из себя порождает все движение, будто все его «категории порождают одна другую, переплетаются и соподчиняются друг с другом исключительно в силу диалектического движения» (90).

Это – саморазвитие капитализма без исторических предпосылок, капитализма в абстракции: разумеется, мнимое саморазвитие, саморазвитие, совершающееся в «чистом эфире» абстракции.

Как подходит к делу коммунист?

По Прудону, говорит Маркс, «у каждого принципа был свой век, в котором этот принцип раскрывался. Для принципа власти, напр., был XI век, как для принципа индивидуализма XVIII век... Другими словами: принцип делал историю, а не история принцип». Но если мы поставим перед собою вопрос, – продолжает Маркс, – почему же такой-то принцип проявился как раз в XI или XVIII веке, то мы должны будем подробно исследовать, «каковы были люди XI и XVIII столетия, каковы были их потребности в каждом веке, их производительные силы, их способ производства, сырые материалы их производства, каковы, наконец, отношения человека к человеку, вытекавшие из всех этих условий существования. **Выяснить все эти вопросы, не значит ли исследовать действительную, обыкновенную** («profane» можно перевести «греховную», в противоположность заоблачной истории, совершающейся в «чистом эфире разума») **историю людей каждого столетия, изобразить этих людей в том самом виде, как они являются одновременно авторами и исполнителями своей собственной драмы** (97 стр.).

Вы хотите знать современный капитализм? Учтите современную технику, учтите мощные монополистические тенденции, учтите получение сырых материалов из колоний и общие отношения к колониям: коротко говоря, внимательнейшим образом изучите весь тот сложный переплет реальных отношений, который мы охватываем словом «империализм», – и вы тогда, только тогда, поймете действительную, «греховную» экономику, в которой русский и китаец, англичанин и индус, американец и негр являются одновременно и авторами и исполнителями – да, и исполнителями своей собственной драмы. Не так ли?

Но как же должны отнестись абстрактные экономисты к тем вещам, которые не укладываются в их нормальные категории и которых они все же не могут не замечать?

«Экономисты оперируют диковинным образом. Для них существует только два вида учреждений, искусственные и естественные. Учреждения феодализма суть искусственные учреждения, учреждения буржуазии – естественные. В этом случае экономисты уподобляются теологам, которые тоже различают два вида религий. Каждая религия, которая не является их собственной, есть изобретение людей, в то время как их собственная – откровение бога» (104 стр.).

Разумеется, современные абстрактные экономисты не говорят о «естественности» и «искусственности». Но не говорят ли они, что впредь возможна только чисто пролетарская революция, и что час для нее пробьет лишь с того времени, когда вся мировая экономика уложится в строгие нормы их абстрактного, нормального, развитого, чистого и чистенького капитализма?

Они, продолжая рассуждения следующих страниц «Нищеты философии», видят в сохраняющихся до настоящего времени колоссальных напластованиях феодальной эпохи только «дурную сторону», только «из'ян» современной экономики, и не хотят понять, что на известной ступени развития, при известных предпосылках, эти «из'яны», порочащие чистый лик абстрактного капитализма, могут послужить моментами, толкающими к революционной борьбе и колоссально увеличивающими ее глубину и размах.

Это – то самое, что Ленин называл «условной революционностью мелкого производителя» (см. «Ленинский сборник», II, стр. 82).

Надо ли еще особо пояснять, какая бездонная пропасть пролегает здесь между современными коммунистами и абстрактными экономистами II Интернационала, – Куновыми, Реннерами, Гильфердингами?

Пропуская целый ряд чрезвычайно ценных для революционной теории и революционной практики методологических указаний: нельзя же перепечатывать всю вторую главу «Нищета философии»,- я остановлюсь еще только на одном пункте. Он лишний раз напомнит, что, употребляя выражение Маркса (стр. 121): «формулами еще не создашь никакой истории», – из абстрактных формул абстрактных экономистов не выведешь ни реальной действительности, ни реального движения.

«Рента в смысле Рикардо, – писал Маркс в 1847 году, – есть земельная собственность в её буржуазной форме: т.-е. феодальная собственность, подчиненная условиям буржуазного производства» (стр. 144).

Эту мысль, конечно, в развитой форме, мы встречаем и в позднейших работах Маркса. «Где не существует земельной собственности, фактически или юридически, там не может существовать и абсолютной земельной ренты. Эта последняя, а не дифференциальная рента является адекватным выражением земельной собственности» («Theorien üden Mehrwert», II B., 2 Th., стр. 108). Поставив вопрос, почему цены земледельческих продуктов не выравниваются по ценам

[1] Буквально так «воображают себе» и некоторые критики, которые в последнее время занялись моей брошюрой «Исторический материализм и современное естествознание». После моих возражений они стали искать спасения в повороте от Маркса «назад к Гегелю». Впрочем, ими придется заняться в другой раз.

производства, Маркс отвечает: это выравнивание вообще может происходить постольку, «поскольку **все условия производства созданы самим капиталом**». Что касается **земледелия**, то здесь существует земельная собственность, «и капиталистическое производство начинает свой жизненный путь при наличности возникшей не из него, сложившейся уже до него земельной собственности» (там же, стр. 14). «Английские отношения единственные, в которых адекватно развилась современная земельная собственность, т.-е. собственность, **модифицированная** капиталистическим производством» (стр. 7). И здесь, и во многих других местах Маркс настойчиво раз'ясняет, что предпосылки для ренты Рикардо существуют только там и постольку, где и поскольку капитализм успел модифицировать феодальную собственность, и что в частности для нее нет места ни в хозяйстве ирландского арендатора, ни в крестьянском хозяйстве (сравн. «Das Elend der Philosophie», стр. 145–150: они даже теперь очень полезны **наряду**, с «Theorien» и III т. «Капитала»).

Получается все тот же вывод: из внутренних отношений самого капитала, – того капитала, как он существует для абстрактных построений абстрактных экономистов, – нельзя об'яснить того сложного комплекса отношений современного реального капитализма, который связан с земельной собственностью. Теория реального капитализма должна сделать громадный прорыв в феодальную эпоху, потому что до сих пор сохраняется колоссальный прорыв феодальной эпохи в современный капитализм: до сих пор сохраняется частная земельная собственность, которой капитал не создавал, которую он нашел в качестве своей **исторической предпосылки**.

Правда, буржуазные экономисты, начиная с классиков и кончая новейшими «земельными реформистами» (Bodenreformer), от Генри Джорджа до какого-нибудь Дамашко, заметили, что частная земельная собственность – нечто побочное, постороннее, инородное для буржуазных отношений, искажающее грязным пятном «готического варварства» чистый лик дорогого им капитализма: нечто «искусственное» по сравнению с «естественностью» капитализма.

Коммунисты не остановились на полдороге. Они, проследив развитие капитала – не в абстракциях, кое-где опирающихся на «робинзонады», а в действительной истории, – показали, что капиталистическая собственность и эксплоатация[1] вообще развилась из феодальной собственности и эксплоатации (в частности, уже «Нищета философии» дает в общих очертаниях знаменитые страницы «Капитала» о первоначальном накоплении и исторических тенденциях капиталистического способа производства). Они показали, что развитие капиталистических отношений было **отрицанием** отношений феодализма (различные формы и способы экспроприации непосредственных производителей средневековья), а для земельной собственности оно было всего лишь **приспособлением** к потребностям капитала. Но они показали также, что это приспособление проведено лишь в тех довольно исключительных случаях, где капитал овладел земледелием, подойдя к нему, как к какой-нибудь отрасли промышленности. А наряду с этими островками капиталистического земледелия существует безбрежный океан некапиталистических арендаторов и крестьянских хозяйств, этого наследия тоже **феодальной эпохи**. Коммунисты открыли, что феодализм продолжает существовать и в форме **абсолютной ренты**, которой не знает абстрактная буржуазная экономия, и в виде постоянного урезывания «предпринимательской прибыли» и «заработной платы» мелкого производителя, и во всевозможных способах «внеэкономического» гнета и принуждения.

Надо ли говорить, какое гигантское практическое, революционное значение для коммунистов – здесь прежде всего вспоминается Ленин – приобрело это изучение **реальной** экономики капитализма: того капитализма, как он существует в действительности, а не в «чистом эфире разума»? И надо ли напоминать, что только это теоретическое познание действительного капитализма и сделало возможной принципиальную выдержанность и революционный размах нашей тактики, которая, об'единив крестьянство в боевом союзе с пролетариатом, низвержении феодальных пережитков в политическом строе, продолжив низвержением феодальной собственности, а ликвидацию феодальной собственности связала с революционным отрицанием капиталистической собственности и социалистическим строительством?

Конечно, без «экономических категорий, представляющих только теоретические выражения, абстракции капиталистических производственных отношений», невозможно было бы то теоретическое познание реального капитализма, которым мы обязаны Марксу и Ленину. Но экономические категории абстрактного капитализма послужили для них только **ключом**, необходимым для расшифрования фактических отношений.

Экономические категории чистого капитализма составляют орудие, но отнюдь не все содержание марксистской политической экономии.

Не скажут ли нам, что задача экономической науки, или теоретической экономии, целиком исчерпывается отысканием ключа и кончается, как только этот ключ начинают применять к экономическому познанию действительности? И не скажут ли нам, что самое выковывание этого ключа идет в кузнице, в которой обрабатывают действительность, вышелушенную от всякого реального содержания, превращенную в пустые бесплотные, но и бесплодные абстракции? Но уж не придется ли в таком случае признать, что в настоящее время попытки построить политическую экономию, не роняющую достоинства теоретической науки, мы находим только у рыцарей предельной полезности, этой прекрасной дамы, которая, обитая в «чистом эфире разума», остается незапятнанной соприкосновением с шумом и грохотом, грязью и кровью, грандиозными преступлениями империалистических войн и повседневным грабежом и мошенничеством на всех «цветных» континентах и островах? Однако тот ключ, с которым красуются рыцари этой дамы, не ключ к расшифровке этой действительности, а всего лишь ключ, который, не пригодный ни для какого практического употребления, имеет одно предназначение: служить украшением для камердинеров буржуазии, когда они с расширением ее придворных штатов переименовываются в камергеров.

III.

«Антидюринг» Энгельса, в известном смысле является подведением общих итогов почти сорокалетней совместной революционной борьбы и работы Маркса и Энгельса. Эти итоги подводились Энгельсом в постоянном контакте с Марксом, о чем теперь свидетельствует их переписка (Briefwechsel», B. IV). Тем большую цен-

[1] Примечание редакции МиС: Здесь и далее в тексте слово «эксплуатация» печатаются так, как это было принято в 1925 г., т.е «эксплоатация».

ность имеют в наших глазах страницы, посвященные Энгельсом задачам и методологии политической экономии. Нас нисколько не удручает ни тот факт, что эти страницы написаны почти сорок лет тому назад, ни тот факт, что они как будто совершенно игнорируются в большинстве новейших руководств политической экономии, хотя это не мешает их авторам упорно рекомендовать свои руководства, как выдержанно марксистские.

В самом деле, для меня представляется загадкой, каким образом авторы-марксисты, недавно выступившие с очень претенциозными статьями по методологии политэкономии, обошли полным молчанием книгу Энгельса. Разгадка может быть только одна: или они просто «забыли» об этой книге, что было бы очень странно для марксистских теоретиков, – или же с самого начала поняли, что им пришлось бы направить свои критические замечания непосредственно и почти полностью против Энгельса. А на это они, по понятным причинам, не могли пойти.

Второй отдел «Аптидюринга» носит название «**Политическая экономия**» и открывается главой «Предмет и метод». Первые же шесть страничек (F. Engels. «Dührings Umwälzung der Wissenchart», Stuttgart 1904, стр. 149–154) дают по этим вопросам ясный, простой, отчетливый ответ, не оставляющий, казалось бы, возможности никаких вывертов, увиливаний и лицемерных истолкований. Хотя, впрочем, как показывает практика, при известном желании от Энгельса можно уйти к Гегелю, – и мало ли еще куда можно уйти.

«Политическая экономия, в широком смысле, – начинает Энгельс, – есть наука о законах, подчиняющих производство и обмен материальных средств существования в человеческом обществе».

«Условия, при которых люди производят и обмениваются, – продолжает Энгельс, – изменяются от страны к стране, и в каждой стране – из поколения в поколение. Следовательно, политическая экономия не может оставаться одной и той же для всех стран и для всех исторических эпох».

Нам настойчиво повторяют в последнее время, что политическая экономия может возвыситься до уровня науки лишь постольку, поскольку она ограничивается выяснением экономических закономерностей капиталистического общества. Нет, – говорит Энгельс, – эта наука, оставаясь наукой, изучает законы, управляющие производством и обменом и в других странах, и в другие эпохи, кроме капиталистических. Он поясняет свою мысль следующим образом:

«От лука и стрелы, от каменного ножа и наблюдающегося только в виде исключения обмена у дикаря до паровой машины в тысячу лошадиных сил, до механического ткацкого станка, железных дорог и Английского банка – чудовищное расстояние. Огнеземельцы далеки от массового производства и мировой торговли, как далеки от бронзовых векселей и биржевых крахов». Но значит ли это, что экономической науке нечего делать с огнеземельцами? Нет, из этого получается более сложный вывод:

«Кто захотел бы подвести экономику Огненной земли под одни и те же законы с современной Англией, тот, очевидно, не мог бы преподнести ничего иного, кроме самого банального общего места. Таким образом политическая экономия есть существенно **историческая** (подчеркнуто у Энгельса) наука. Она **изучает историческую, т.-е. постоянно меняющуюся материю** (подчеркнуто мною, как и в дальнейшем, где нет особых оговорок. – *И. С.*). Она исследует сначала особенные законы каждой отдельной ступени в развитии производства и обмена, и лишь завершив это исследование, может указать немногие, совсем общие законы, относящиеся к производству и обмену вообще. Однако при этом само собой разумеется, что законы, относящиеся к определенным способам производства и формам обмена, остаются в силе и для всех периодов истории, которым общи эти способы производства и формы обмена. Так, напр., с введением металлических денег вступает в действие ряд законов, относящихся ко всем странам и отделам истории, где обмен обслуживается металлическими деньгами».

Итак, политическая экономия – **историческая** наука, которая, далекая от ограничения себя эпохой и странами капитализма, изучает «историческую материю» и, исследуя особые законы отдельных периодов развития, не отказывается и от выяснения некоторых общих экономических закономерностей.

Кто не вспомнит в связи с этой страничкой известного замечания Маркса (в I т. «Капитала»), что каждая историческая эпоха имеет свой особый закон населения? Не следует ли теперь вставить к этому месту такое примечание: но было бы умалением теоретического достоинства политической экономии, если бы она увидала свою задачу в установлении закона (или законов) населения для докапиталистических эпох.

Энгельс показывает, как применяются эти общие методологические указания.

«Вместе со способом производства и обмена определенного исторического общества и с **историческими предпосылками** этого общества дан в то же время и способ распределения продуктов».

Я преднамеренно подчеркнул слова: «**историческими предпосылками**». Для абстрактного экономиста, который принципиально не хочет ничего знать и видеть, кроме капиталистических отношений, распределительные отношения капиталистической эпохи целиком определяются капиталистическим способом производства и обмена. Неправда! говорит Энгельс. Вы проглядели чрезвычайно важный **соопределяющий** момент распределения в капиталистическом обществе. Вы забыли, что капиталистическое общество вышло из **феодализма**. И этот прыжок через исторические предпосылки отрезывает путь к познанию не только деревенских отношений, но и исторического развития рабочего класса и его современного положения. А после работ Ленина мы еще добавим, что это забвение «исторических предпосылок» современного капитализма сделало бы нас слепыми к тому, насколько естественным, насколько экономически обоснованным является революционный союз пролетариата и крестьянства. Феодализм давит рабочего не только политически, но и экономически. Через остатки феодальных отношений – и какие громадные остатки! – «мертвый хватает живого» не только в земледелии, но и в промышленности.

«В родовой или деревенской общине, – продолжает Энгельс, – с общей земельной собственностью, с которой – или с весьма заметными остатками которой – все культурные народы вступают в историю, довольно равномерное распределение продуктов разумеется само собою; там, где выступает значительное неравенство в распределении между членами, оно является уже симптомом начавшегося разложения общины. Крупное, как и мелкое, земледелие, в зависимости от исторических предпосылок (опять эти «исторические

предпосылки»! – *И.С.*), из которых они развились, допускают очень различные формы распределения. Но ясно, что крупное земледелие всегда обусловливает совершенно иное распределение, чем мелкое; что крупное предполагает или порождает классовую противоположность: рабовладельцев и рабов, сеньоров и барщинных крестьян, капиталистов и наемных рабочих, между тем как мелкое земледелие отнюдь не обусловливает классовых различий среди лиц, занятых в земледельческом производстве, и, наоборот, простая наличность этих различий свидетельствует о начавшемся разложении парцеллярного хозяйства... Введение и распространение металлических денег в стране, в которой до того времени существовало исключительно или преобладающе натуральное хозяйство, всегда связано с более или менее медленным или быстрым переворотом в существовавшем до того времени распределении, а именно, с все усиливающимся ростом неравенства распределения между отдельными лицами, противоположности богатых и бедных. Локальное, цеховое ремесленное производство средних веков делало невозможным появление крупных капиталистов и пожизненных наемных рабочих» и т.д.

Мы видим, что Энгельс бегло наметил целый ряд экономических законов, устанавливаемых изучением самых разнообразных общественно-экономических формаций. И он прямо указывает, что выяснение этих законов входит в задачи политической экономии.

Конечно, если бы это изучение прошлой экономики, «доисторической» по отношению к капитализму, имело только одно окончательное предназначение: раскрыть те немногие, совершенно всеобщие законы, действие которых можно наблюдать во всех общественно-экономических формациях, можно было бы по справедливости усомниться в плодотворности такой науки, которая хочет сочетать абстрактность с историчностью. Здесь с исследователем случилось бы одно из двух: или вместо общих закономерностей, – раскрытие которых можно отнести к задачам исторического материализма, который таким образом диалектически переплетается с политической экономией, – он начал бы преподносить пустые общие места; или же от отчаянности он стер бы, отбросил бы то особенное, конкретное, качественно-отличное, что отделяет прошлые экономические эпохи от капиталистической эпохи, и пошел бы по тропинке, давно проторенной буржуазными исследователями: открыл бы частную собственность у обезьяноподобного предка человека, нашел бы «мировую торговлю» в древнем Перу, разукрасил бы древний Рим всеми красками капиталистического общества.

Абстрактные экономисты органически не в состоянии понять, что для марксистской политической экономии ценно не только то, что общо всем экономическим эпохам, но и то, что отличает одну эпоху от другой. Теоретическое познание ремесленной эпохи промышленности, раскрытие условий, при которых существовало ремесло, уже само по себе делает понятными судьбы ремесла в эпохи торгового и промышленного капитала и вместе с том бросает яркий свет на многие явления в мелком земледельческом производстве капиталистической эпохи. Изучение родовой и деревенской общины средневековья и установление хотя бы тех закономерностей, на которые так кратко намекает Энгельс в только что приведенной цитате, делает возможным освобождение от народнических иллюзий.

Марксистская экономическая теория стремится, в противоположность буржуазной, не консервировать существующее, а видит свою задачу в том, чтобы в самой действительности раскрыть условия движения, переворота. Не ясно ли, что, если мы найдем только определения, общие для современной и древнейшей эпохи, мы тем самым абстрагируемся от всякого движения? Через конкретное, через то, что отличает одну эпоху от другой, мы познаем движение и железную необходимость движения. «Определения, относящиеся к производству вообще, должны быть расчленены, чтобы из-за единства не были забыты существенные различия. И, напр., в забвении этого заключается вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений»[1].

Впрочем, все это с такой исчерпывающей полнотой и отчетливостью выражено в «Аптидюринге», что, если бы это предположение не было таким чудовищным, пришлось бы спросить, уж нет ли «заговора молчания» против старого Энгельса[2].

«Однако политическая экономия, – пишет Энгельс, – как наука об условиях и формах, в которых различные человеческие общества производили и обменивались, и в которых сообразно этому распределяли продукты, – политическая экономия в таком об'еме **еще только должна быть создана**. То, чем мы до сих пор обладаем из экономической науки, **ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства: она начинается критикой остатков феодальных форм производства и обмена, раскрывает необходимость их замены капиталистическими формами**, затем развивает законы капиталистического способа производства и соответствующих ему форм обмена с положительной стороны, т.-е. с той стороны, с которой они содействуют общим целям общества, и заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства, т.-е. изложением его законов с отрицательной стороны, раскрытием того, что этот способ производства своим собственным развитием толкается к тому пункту, где он сам делает себя невозможным».

Итак, чем была и остается до настоящего времени политическая экономия?

Была она теорией развития капитализма из феодализма, теорией «радостей и горестей» капитализма: его возникновения, развития и неминуемого крушения.

Чем **должна** быть политическая экономия, что она **должна** дать?

Она должна дать теорию не какой-либо отдельной эпохи экономического развития, а теорию движения и смены **различных** общественно-экономических форма-

---

[1] K. Marx. Zur Kritik der Politischen Oekonomie. Einleitung, Stuttgart 1907. стр. XV-XV1.

2 "Но мы не считаем ни рабочих (хотя бы и слабо развитых), ни учащихся „небогими" (убогими, калеками), мы не думаем, что им „не по зубам" те орехи, которые разгрызают даже беззубые старцы, мы не считаем нужным кормить их всякою завалью, всем тем, что было "почти свежим" лет 30 – 40 назад. Мы полагаем, наоборот, что им надо сообщать то, что составляет последнее достояние науки" (подчеркнуто мною. - И.С.). Л. Любимов, Азбука политической экономии. Гиз, 1924. стр. 4. Это заодно может служить примером той невыносимой болтовни, банальщины и претенциозности, которой характеризуются "Азбука" и в особенности "Курс" этого автора. Очень хорош он, когда преподносит свои "открытия" якобы "в развитие Маркса". От этих "открытий" он не пощадил даже злополучных читателей "Азбуки".

ций; их возникновения, развития и причинно-необходимого замещения другими экономическими формациями: развития одних экономических форм из других.

Внимательнее вчитаемся в только что приведенную цитату и сопоставим ее с предыдущими и последующими замечаниями Энгельса, которых я не привожу потому, что 1) нельзя же переписывать всю главу и 2) читатели-марксисты и без того сумеют раскрыть в дальнейшем обычный для Энгельса и Маркса ход мыслей. Мы видим, что Энгельс бросает здесь поразительно яркий свет на **историю политической экономии, как науки**.

Вы говорите, что политическая экономия становится и остается наукой лишь постольку, поскольку она ограничивает себя изучением внутренних закономерностей и внутренней логики абстрактного капитализма? Пустяки! Сущая метафизика! Для **своего времени** наукой была классическая политическая экономия, которая, действительно, исчерпывала свои задачи тем, что развивала исключительно законы капиталистического способа производства и соответствующих форм обмена, да и в этих-то законах видела единственно их положительную сторону, – именно ту сторону, что они согласуются с общими интересами общества. Эта политическая экономия замечала остатки феодализма, но рассматривала их, как какой-то посторонний нарост, препятствующий капитализму, этой единственно «естественной» для человечества форме экономических отношений, излить на человечество все свои благословения.

Когда капиталистический способ производства оставил позади себя значительную часть своей восходящей линии, и когда в ворота уже постучал его преемник и могильщик, политическая экономия, как наука, сделалась невозможной для буржуазии. Экономисты-классики вымерли и сменились вульгарными экономистами.

В то же время развертывалась критика капитализма в двух направлениях. С одной стороны, появляются социалисты, которые, видя в нищете, порождаемой капитализмом, только нищету, взывают к чувству, к морали и справедливости. А с другой стороны, складывается **научный социализм, или коммунизм,** который видит в тех же страданиях, сопровождающих капиталистическое развитие, симптом приближающегося освобождения, раскрывает, что капиталистический способ производства своим собственным развитием порождает силы, которые ведут к его гибели и к смене социалистическим способом производства и соответствующими формами распределения.

Таким образом политическая экономия, бывшая в свой классический период идеологическим оружием буржуазии, превращается научным социализмом опять в науку, – но уже в теоретическое обоснование революционной борьбы рабочего класса. Сообразно новой эпохе и новым задачам, изменился исторический охват политической экономии. Она – уже не теория только капитализма: она кроме того 1) теория генезиса и развития капиталистического способа производства из феодального; и 2) она – теоретическое исследование того, каким образом среди разлагающейся формы экономического движения складываются элементы будущей, новой организации производства и распределения.

Значит, расширение поля зрения и в ту, и другую сторону: и вперед и назад, – и к социализму, и к феодализму. Но и это последнее расширение, теоретический охват средневековой экономии, еще недостаточно. Мы помним, как Маркс писал, что надо шагнуть дальше: надо «за средневековьем увидать первобытную эпоху каждого народа», т.-е. ввести в кругозор политической экономии теоретическое познание и первобытной экономики. И мы видим, что Маркс очень выразительно добавляет к этому: такое расширение, освобождающее нас от ослепления известной предвзятостью, «**соответствует социалистическому направлению**». Значит, коммунист, если он хочет научно познать экономическую действительность, должен идти в таком направлении. Мы скоро увидим, что то же самое повторяет и Энгельс.

Для **метафизика** политическая экономия, как наука, превращается в некую застывшую «сущность». Только та политическая экономия, – говорит он, – является наукой, которая дает теорию абстрактного чистого капитализма.

Для **диалектика** определение (или определения) всякой науки не выводится из какой-то «идеи» этой науки, не творится произвольно в голове, в «чистом эфире разума»: оно неотделимо от ее исторического развития, от ее связи с конкретными особенностями различных эпох и с теми историческими задачами, которые выдвигает и разрешает каждая эпоха. Рикардо мог определять политическую экономию, как науку об абстрактных законах капитализма: в такой ее разработке была великая сила Рикардо, это дает ему право на одно из почетнейших мест в истории нашей науки. Но классической политической экономии не оживить и не возродить. То, чем для своего времени была политическая экономия, в настоящую эпоху сделался **научный социализм**.

Обрисовав, каким образом капиталистическое развитие подготовляет «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы», Энгельс продолжает: «Совершить это освобождающее мир дело, – в этом историческое призвание пролетариата. Открыть **исторические условия** этого дела и вместе с тем самую его природу, и таким образом привести призванный к действию, ныне угнетенный класс к сознанию условий и природы своих собственных действий, – в этом задача **теоретического выражения пролетарского движения**, **научного социализма**» («Dührings Umwilzung» стр. 306).

Вот чем для настоящей исторической эпохи сменилась, не переставая быть теоретической наукой, политическая экономия классиков.

А теперь возвратимся к прерванному изложению начала первой главы второго отдела «Антидюринга» (стр. 149-154): каков исторический охват политической экономии, как науки.

Итак, развитие капиталистических отношений в реальной действительности начинает упираться в отрицание капиталистических отношений. И вместе с тем теоретическое утверждение капиталистических отношений сменяется в политической экономии, поскольку она остается наукой, отрицанием этих отношений, критикой буржуазной экономики.

Но – продолжает Энгельс – «чтобы с необходимой полнотой провести эту критику буржуазной экономики, **недостаточно было** знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Предшествующие ей – или еще и теперь существующие в менее развитых странах рядом с нею – формы точно так же, хотя бы в главных чертах, должны были быть (здесь я сознательно приношу чистоту русского

языка в жертву точности перевода. – *И.С.*) исследованы и привлечены к сравнению».

Но кто же и когда это делал? – с недоумением спросят «абстрактные» теоретики, которые видят основное содержание «Капитала» Маркса в его наиболее абстрактных отделах, относящихся к выяснению законов капиталистического способа производства?[1]. Но спросят только потому, что они, абстрагировавшись от работ Маркса и Энгельса и подгоняя их под свое собственное естество, хотят выхолостить из них все реальное содержание.

«Такое исследование и сравнение, – говорит Энгельс, – до сих пор в общем и целом производилось только Марксом (а мы добавим: и Энгельсом), и потому его (их) исследованиям мы почти исключительно обязаны тем, что до сих пор установлено теорией относительно докапиталистической экономики».

А затем, чтобы с еще большею выпуклостью показать, насколько важен этот прорыв экономической наукой исторических рамок капитализма, Энгельс коротенько характеризует экономистов-классиков и определяет их место в развитии философии и науки:

«Возникнув в гениальных головах к концу XVII века, политическая экономия в **узком смысле, в ее положительной формулировке** у физиократов Адама Смита, тем не менее – в существенном дитя XVIII века и примыкает к завоеваниям современных ей великих французских просветителей со всеми достоинствами и недостатками той эпохи. Что мы сказали о просветителях, относится и к тогдашним экономистам. Новая науки была для них не выражением отношений и потребностей их эпохи, а выражением вечного разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы этих видов деятельности, а вечными естественными законами; их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении этот человек оказывается тогдашним средним бюргером, проделывающим свой переход в буржуа, и природа его сводилась к тому, чтобы фабриковать и вести торговлю при тогдашних, исторически определенных условиях».

Как мы видели в начале этой главы, Энгельс говорит прежде всего, что такое политэкономия **в широком смысле**, от ее возникновения и до научного коммунизма. Это – «наука о законах, подчиняющих производство и обмен материальных средств существования в человеческом обществе».

Теперь он выясняет, чем была политическая экономия **в узком смысле**, т.е. чем она сделалась в XVIII веке, в этот исторически определенный период своего развития, когда она получила **положительную формулировку**, т.-е. когда в раскрываемых законах капиталистического производства видела только одну сторону: их соответствие с тогдашними интересами общества. Дитя своего века, политическая экономия у физиократов и Смита воображала, что она раскрывает законы не человеческой экономики на определенном уровне ее развития, а общие внеисторические законы, определяемые природою человека, вечно пребывающей неизменною. У этой политической экономии не было глаза к развитию, к движению, к истории, – и не нужна была ей история, если внеисторична «природа» человека, и если чисто рационалистическим путем можно построить те экономические формы, которые единственно способны во все времена обеспечить благополучие этого «внеисторического» человека, человека «вообще». Одного только не замечала эта политическая экономия: что предполагаемая ею «общая природа человека» есть в действительности «природа», сложившаяся «в тогдашних исторически определенных условиях».

Таким образом, становится ясным, что воззрения экономистов XVIII века на предмет и метод их науки определились историческими задачами, которые стояли перед буржуазией XVIII столетия, и связанным с ними общим характером науки и философии того времени, просветительской, рационалистической по преимуществу.

IV.

Переписка Маркса и Энгельса могла бы дать дополнительное подтверждение, что «Капитал» и все его отделы писались в полном соответствии с этими воззрениями на соотношение «абстрактной теории» и «конкретной истории»[2]. Но пора подвести некоторые предварительные итоги.

Мы уже упоминали об одной недоконченной работе Маркса, перепечатываемой теперь в качестве «Введения» к «Критике политической экономии». Это «Введение», несомненно, набросано в 1857 г., т.-е. в то время, когда писалась и «Критика политической экономии». Третий параграф «Введения» говорит о «методе политической экономии». «Христианская религия, пишет Маркс, – только тогда оказалась способной подняться до об'ективного понимания прежних мифологий, когда ее самокритика до известной степени, так сказать dynamei (потенциально), была готова. Точно так же и буржуазная экономия только тогда пришла к пониманию феодального, античного, восточного общества, когда началась самокритика буржуазного общества» («Zur Kritik», стр. XLII). Или, – как выражается Маркс на той же страничке, – «анатомия человека –

[1] «Если уже оценивать Маркса со стороны изложения, то следует сказать, что более всего силен он там, где наименее конкретизирует, где он более абстрактен" (Н. Петров, в №5-6 "Большевика" за 1924 г. стр. 97). Уж не доживем ли мы до того времени когда с нескрываемым состраданием начнут говорить о тех отделах "Капитала", где Маркс ослабел настолько, что, опустившись с высот абстракций, унизился до изложения развития реальной техники, реального фабричного законодательства, реального первоначального накопления и т. д.? В этих глубокомысленных – в действительности до отчаяния безграмотных попытках построения двух Марксов: "абстрактного" и "конкретного", воскресают измененные сообразно новым условиям, убогонькие соображеньица приснопамятного народничества об "экономической теории" Маркса, за которую они снисходительно его поощряли, и об его "исторической" или историко-философской теории", над которою их, разумеется, возвышала эклектическая окрошка из самых несовместимых воззрений. По полному непониманию единого и целостного метода Маркса оба эти разграничения стоят одно другого.

[2] См. в частности очень выразительные места в письме Маркса к Энгельсу от 2 апреля 1858 г., где Маркс намечает общий план "Капитала". Например, "Переход капитала на земельную собственность является в то же время историческим, так как современная форма земельной собственности есть продукт действия капитала на феодальную и т.д. земельную собственность. Точно так же переход земельной собственности в наемный труд не только диалектический, но и исторический, так как последним продуктом современной земельной собственности является всеобщее утверждение наемного труда, который затем выступает базисом всей похлебки" ("Briefwechsel" II B., стр 265. Сравн. также стр. 266, и III B., стр. 380, 383).

ключ к анатомии обезьяны. Намеки на высшее у низших видов животных могут быть понятны только в том случае, если само это высшее уже известно. Буржуазная экономия – ключ к античной и т.д.».

Без понимания капиталистических отношений невозможно прийти к пониманию ни феодальных отношений, ни тех форм, которые буржуазное общество получило от феодализма. «Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал можно понять без земельной ренты. Капитал – все подчиняющая экономическая сила буржуазного общества. Он должен составить исходный и конечный пункт и развит» (при изучении, при исследовании) «раньше земельной собственности. После того, как то и другое рассмотрено в отдельности, необходимо перейти к их взаимоотношению».

Это – общие указания, каким образом политическая экономия, являющаяся исторической наукой[1], от познания развитых отношений буржуазного общества приходила к познанию прошлых общественно-экономических формаций, и с каким теоретическим вооружением должен подходить исследователь к изучению как современной, так и прошлой экономики.

В начале той же главы (стр. XXXV и след.) Маркс показывает, каким путем **исторически** шла политическая экономия в изучении действительности, и какой метод является правильным в научном отношении. «Конкретное конкретно, потому что оно представляет совокупность многих определений, единство многообразия. Поэтому для мышления оно является процессом соединения, результатом, а не исходным пунктом, хотя оно – действительный исходный пункт, а вместе с тем и исходный пункт созерцания (Anschauung) и представления... Абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления».

Что это значит?

Политическая экономия, – конечно, исходя из реальной действительности, наиболее общим, основным и решающим определением которой является господство капитала, – раскрывает категории капиталистической экономики в их чистом, абстрактном виде. Но таким образом она еще не приходит к завершению своей задачи, к познанию действительной экономики. Это – только ключ к познанию экономической действительности. Эти категории абстрактного капитализма надо применить к изучению буржуазного общества, как оно существует, со всеми его историческими предпосылками: надо посредством мышления **воспроизвести это конкретное, дать его картину**. В этом и заключается задача той политической экономии, которая хочет быть наукой в современную историческую эпоху[2].

В последнее время мы переживаем любопытную полосу «ослепления известной предвзятостью», которая мешает понять метод «Капитала» и вместе с тем метод Ленина.

Начиная с элементарных кружков политграмоты и кончая коммунистическими университетами, у нас уже около четырех лет повторяют, как прочно установленную, стоящую выше всех сомнений истину, будто марксистская – и прежде всего Марксова – политическая экономия есть «теория т**олько** (подчеркнуто у автора. – *И.С.*) менового общества», «наука о законах товарно-капиталистического общества»; будто преступно «обязывать экономическую науку быть исторической в своем целом» и т.д. (Н. Петров, в «Большевике» 1924 г., № 5–6, стр. 92). Поистине с трогательной убежденностью вещают, будто «**абстрактно-аналитический** метод Маркса тем и характеризуется, что он адекватен тому предмету, который исследуется при его помощи, капитализму» (там же, стр. 94 и др.). И, наконец, с самым серьезным видом уверяют нас, будто Маркс «более всего силен там, где наименее конкретизирует, где он более абстрактен» (стр. 97).

Мы уже видели, каким образом Маркс и Энгельс обрисовывают действительные предмет и метод своей политической экономии. Поэтому мы сразу убеждаемся, что тов. Петров, воображая, будто он толкует о марксистской политической экономии, в действительности очень удачно характеризует, чем была политическая экономия по своему охвату и методу у классиков, прежде всего у Рикардо. Тов. Петрова я привожу просто в качестве примера. Такая полоса у нас выдалась, что имя тов. Петровым – легион. Надо быть очень старомодным человеком, – и надо хоть на время не думать о тех скорпионах, которые обрушатся на тебя за выступления против «ослепления известными предрассудками», – чтобы самым смиренным образом возразить: вы боретесь за прямо противоположное тому, за что боролись Маркс и Энгельс.

Метод Маркса – **диалектическое единство абстрактно–аналитического и конкретно-исторического метода.** Расщепление, раздвоение, раскол этого метода дает в одну сторону классиков (а для настоящей эпохи – Grenznützler'ов, сторонников предельной полезности, которые, впрочем, при выведении своих «абстрактных определений» совершенно игнорируют капитализм и берут за исходный пункт абстрактнейшего «человека вообще»; зато от своих абстракций они так и не доходят до «процесса соединения», до воссоздания реального капитализма посредством мышления). А с другой стороны, путем такого расщепления мы получаем беспринципный и абсолютно бесплодный историзм так называемой «исторической школы» в политической экономии (в действительности она стоит вне политической экономии, как науки).

А вот рассуждение первой же страницы одного из самоновейших учебников политической экономии, **типичное** для всех многочисленных произведений этого рода, появляющихся в последнее время: «Политическая экономия является наукой, изучающей капиталистическое хозяйство. Предшествующие докапиталистические стадии хозяйственного развития ею не изучаются. Изучение этих форм хозяйства составляет предмет другой науки – истории хозяйства».

Невыразимая методологическая нелепость подобных разграничений не бьет в глаза ни авторам, ни чи-

---

[1] „Как во всякой исторической науке, по отношению к ходу экономических категорий следует постоянно иметь в виду"... и т.д. («Zur Kritik», стр. XLIII)

[2] Сравн. "Послесловие" Маркса ко 2 изд. т. "Капитала": "Способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось, и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция" ("Капитал", т. I., рус. изд., 1923 г., стр. XLVII). Вот и говорите после этих прямых заявлений Маркса о его „абстрактно-аналитическом методе".

тателям: установившаяся у нас «предвзятость» делает и авторов и читателей слепыми к подобной чепухе.

Казалось бы, чего естественнее вопрос: а неужели невозможна **история капитализма**? Или вы, возвратившись в своих определениях и методах к классикам, неосознанно идете еще дальше и склонны сказать, что у **капитализма нет истории**? Что он, следовательно, единственно нормальная форма экономических отношений, вытекающая из самой природы «человека вообще»? В таком случае вы абсолютно правы: такая политическая экономия должна разрабатываться исключительно абстрактно-аналитическим методом. Вот жаль только, что она перестанет быть **современной наукой**.

Будем ждать, что с такой убийственной методологией доберутся до биологии. Тогда с самым невозмутимым видом станут угощать нас таким глубокомыслием: биология – наука об общих закономерностях органической жизни в современную геологическую эпоху. Изучение прошлых стадий и развития органических форм одних в другие составляет задачу другой, «идеографической», чисто описательной науки (которая, говоря по правде, между нами, недостойна называться наукой). И при таком-то богатстве истинно мольеровских сюжетов у нас все еще нет Мольера!

Уже много раз повторяли, что Маркс сделал для обществознания то же, что Дарвин для биологии. Маркс не случайно и в своих работах и в переписке с Энгельсом и другими снова и снова возвращается к Дарвину. Выше мы видели между прочим, как поражен был Маркс, когда он лишний раз убедился, что в «человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии». И Маркс, и Энгельс, отмечая кое-что слабое и недостаточное у Дарвина, тем не менее не могли не радоваться, так как Дарвин применил к биологии тот же метод, который оба они стали применять к обществознанию еще полутора десятками лет раньше.

В самом деле, какой метод применяется Дарвином в его «Происхождении видов»? «Индуктивный» или «дедуктивный»? Нет, ни тот, ни другой, – или, вернее, и тот, и другой. Дарвин, сам не подозревая этого, дал блестящий пример того, как плодотворно для биологии применение того метода, который представляет **диалектическое единство индукции и дедукции**. Только область-то Дарвина относительно проще и только нет в нем той титанической силы, которая превратила «Капитал» в такое целостное произведение.

Небольшой нюанс разделения «абстрактного» Маркса и, к его вреду, «конкретизирующего» Маркса представляет такое воззрение: все-таки **суть** «Капитала» – в его абстрактнейших отделах, напр., в главах I–VII, XIV–XVI первого тома, во втором томе, за малыми пятнающими его исключениями, и т.д. А остальное, презренное «конкретное», – это почти внешний придаток, механически связанный с существенным содержанием «Капитала», ну, «иллюстрации», своего рода картинки, которыми завлекают малых ребят от политической экономии. Одно слово, «история» в противоположность чистой «теории», которая строится «абстрактно-аналитическим методом».

Но странный человек был этот Маркс. Он не понимал, в чем он «более всего силен», и, не особенно огорчаясь тем, что в сущности попортил I том «Капитала» своими «историческими экскурсами», уводящими от чистой теории, хотел сделать то же самое и с III томом. По крайней мере, так рассказывает Энгельс в предисловии к этому тому:

«Для отдела о земельной ренте Маркс в семидесятых годах предпринял совершенно новые специальные изучения. В продолжение нескольких лет он изучал в подлинниках... русские статистические исследования и другие издания о земледелии, доставлявшиеся ему русскими друзьями с желательной полнотой, делал из них выписки и намеревался воспользоваться ими при новой переработке этого отдела. При разнообразии форм землевладения и эксплоатации земледельческих производителей в России в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в первой книге, при исследовании промышленного наемного труда. К сожалению, ему не удалось осуществление этого плана».

Что же, эти материалы требовались Марксу для «иллюстраций» общих законов капитализма? Нет, после того, что мы слышали от самого Маркса о соотношении конкретного и абстрактного, об использовании «абстрактных определений» для «воспроизведения конкретного посредством мышления», мы скажем, что он считал их необходимыми для общетеоретического познания современного ему капитализма.

И здесь же я могу сообщить великую новость: тот план, который, к сожалению, не был осуществлен самим Марксом, осуществил через четыре-пять лет по выходе III тома достойный продолжатель Маркса. Это сделано **Лениным** в «Развитии капитализма в России».

И вот тут-то я позволил бы себе почтительнейше обратиться с одним вопросом к «абстрактным экономистам». Итак, политическая экономия остается наукой до тех пор, пока, она изучает «капиталистическую форму общества» и пока применяет для ее изучения абстрактно-аналитический метод. Неужели же вам невдомек, что вы таким образом выбрасываете из области вашей науки значительную часть работ Ленина, одного из величайших экономистов? Куда вы приткнете его «Развитие капитализма в России», его изумительные по теоретической глубине работы о ваших аграрных отношениях? Недостаточно гладко острижен для нашей чистой науки даже его «Империализм», не говоря уже о такой книге, как «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Что вы тут будете делать? Сунете где-нибудь к «описательной» или к «прикладной» экономии?

Такая-то путаница и такие-то конфузы получаются для тех, кто политическую экономию, какой она была **в одном** из периодов своего развития, выдает за политическую экономию вообще, за всю экономическую науку, и методы, вытекавшие из конкретных, из исторических условий того периода, отождествляет с методами этой «абсолютной экономической науки», не видя ее связи ни с общим движением общества, ни с общим развитием науки. Одна наука и одни методы, когда капитализм поднимался по восходящей линии развития, и совсем иные, несмотря на связь преемственности с классической экономней, когда капитализм так ярко выявляется в своем «загнивании». Одна наука и одни методы в XVIII веке, чуждом идее развития, – и другая наука, другие методы в век Маркса и Дарвина.

С точки зрения **марксистской** политической экономии вопрос о месте Ленина в развитии этой науки решается просто и быстро, без всяких натяжек. Конечно же, Ленин становится **рядом** с Марксом, как **теоретик**, заслуги которого в выяснении современной мировой экономики мы начали глубже оценивать после его смерти, но все еще не оценили в достаточной мере. И Ленин представляет для нас пример такого же органического соединения аб-

страктно-аналитического метода с конкретно-историческим методом, какое мы открываем в работах Маркса, если не хотим обкарнать его под Рикардо.

Ну, а как же быть все-таки с «абстрактной теорией» и с экономической «историей»? Не смазывается ли всякая разграничительная черта между ними? Совершенно пустой вопрос! Все зависит от конкретных обстоятельств: не только от характера работы, но и от особых задач исследователя, и от того места, какое та или иная работа занимает «в пространстве и времени». Если рассматривать некоторые главы I тома «Капитала» вне их связи с целым, они окажутся изумительно написанными очерками **по истории** техники, применения женского и детского труда, по истории первоначального накопления, фабричного законодательства и т.д. Но в то же время они так глубоко, органически спаяны со всем содержанием капитала, что **вместе** с абстрактнейшими главами ведут к основной цели: к познанию законов развития капитализма, как он возник и вырастал в реальной действительности со всеми его историческими предпосылками.

Или возьмем из III тома «Капитала» главу 47: «Генезис капиталистической земельной ренты». Она **завершает** отдел о земельной ренте и дает пример применения абстрактных определений, полученных посредством «абстрактного анализа» основных форм ренты в капиталистическом обществе. При всей своей краткости эти замечания бесценны для познания того, каким способом капитал овладевал – только еще овладевал и **овладевает** – деревенскими отношениями. Они устанавливают целый ряд законов, относящихся не только к промышленно-капиталистической, но и к торгово-капиталистической и даже к еще более ранним эпохам. Они заставляют повторить за Энгельсом, что, действительно, мы бесконечно обязаны Марксу (и Энгельсу) за то, что до сих пор установлено **теорией** относительно добуржуазной экономики. И всякий, кто перечитает эту главу, а затем вспомнит «Развитие капитализма в России» и ряд других работ Ленина об аграрных отношениях, глубже поймет, чем обязана Марксу и Ленину **наука политической экономии**.

Если политическая экономия, действительно, наука о законах развитых капиталистических отношений, и если только то составляет ее действительное приобретение, что добыто абстрактно-аналитическим методом, то надо будет признать, что этой наукой Ленин занимался только в 90-х годах прошлого века, а с эпохи «Искры» совершенно ушел в область «прикладной» или «описательной» экономии. Не так ли?

Профессорского глубокомыслия и профессорских колпаков надо искать не только в германских университетах, и ученейшие бонзы водятся не только в Китае.

V.

Всякий непредубежденный читатель согласится, что вопрос о задачах, предмете и методе марксистской политической экономии не должен был бы возбуждать никаких споров: так ясно он решается и общим характером работы Маркса и Энгельса и их прямыми заявлениями. Что касается предубежденных читателей, которые, действительно, «известной предвзятостью» ослепили себя, для них все будет недостаточно доказательно.

Тем не менее небесполезно будет произвести дополнительную проверку: посмотреть, в каком виде представлялось это дело Ленину.

Правда, работ, посвященных специально методологии политической экономии, мы у него не найдем. Он не разглагольствовал о методе: он с несравненным блеском применял метод Маркса к раскрытию и выяснению условий революции в современной экономике.

Тем не менее мы найдем у него многочисленные замечания по интересующему нас вопросу. Нисколько не претендуя на полноту, приведем некоторые из них.

В 1913 г. Владимир Ильич написал для словаря Граната статью о К. Марксе. При словарной сжатости этой статьи она поражает ясностью, отчетливостью, глубокой продуманностью буквально всякой строки, всякого выражения. Когда мы дойдем до издания собственной «Энциклопедии», мы не сумеем сделать ничего лучшего, как просто **перепечатать** эту статью, дополнив ее, может быть, некоторыми биографическими данными, появившимися после 1913 года.

Излагая содержание первых, абстрактнейших глав I тома «Капитала», переходя в частности к тому анализу **формы стоимости и денег**, который дан Марксом, Ленин пишет:

«Главной задачей Маркса является при этом изучение **происхождения** денежной формы стоимости, изучение **исторического процесса** (подчеркнуто, как и выше, Лениным) развертывания обмена, начиная с отдельных случайных актов его... вплоть до всеобщей формы стоимости».

Начинающие изучать «Капитал» обычно и не подозревают, что простая форма стоимости, с анализа которой начинается первая глава, характеризует целую эпоху экономического развития, и что ее господство можно еще и теперь наблюдать в некоторых областях земного шара. Их окончательно запутывают и сбивают с правильного пути те конкретные товары, которые у Маркса обмениваются один на другой в случайном акте обмена: **20 арш. холста = 1 сюртуку**. Мысль читателя успокаивается: ясно, что это чисто «воображаемый», измышленный, насквозь «фиктивный» пример, который Маркс «выдумал», «абстрагировавшись» от реальной действительности. И вся единичная форма стоимости – не выражение громадного куска исторической действительности, которая еще не окончательно ушла в прошлое, а вольная выдумка, которая просто «иллюстрирует» один несомненнейший факт: я отдаю в акте обмена вещь, которая не представляет для меня потребительной стоимости и т.д.

И те экономисты, которые не пускают политическую экономию за пределы капитализма, по-своему совершенно последовательны, если они запросто выбрасывают все формы стоимости, кроме денежной: ведь и простая и развернутая и отчасти даже всеобщая формы стоимости выводят нас в такие исторические эпохи, когда не было не только «сюртука», но и «холста», когда люди ходили голыми или в невыделанных звериных шкурах, – и когда не пахло не только капитализмом, но и простым товарным производством.

Эти формы сами по себе, независимо от всего остального, опрокидывают утверждение, будто политическая экономия исследует только законы капиталистических отношений, и что ее метод только абстрактно-аналитический. А между тем Маркс ясно сказал, какое значение придавал он именно этим примитивным формам обмена. Подходя к их анализу, он пишет: «Нам предстоит здесь исследовать вопрос, который **буржуазная политическая экономия** даже не пыталась поставить, – именно **показать возникновение**

денежной формы, т.-е. проследить развитие того выражения стоимости, каким является отношение стоимостей товаров, от его простейшей, наиболее скромной формы и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег» (отдельные места подчеркнуты мною).

Выходит таким образом, что, оставаясь в пределах капиталистических отношений, мы не можем раскрыть загадку денежной формы, что за ее об'яснением нам приходится спуститься к **экономике дикарей**, что **без истории денег** нет их **понимания**. А ведь если какая-нибудь форма обмена адекватна капитализму, так именно денежная. И если даже ее нельзя об'яснить исключительно из самих капиталистических отношений, что же можно об'яснить, не покидая почвы этих отношений?

Некоторые «абстрактные» экономисты милостиво включают в свои руководства развитие форм стоимости в виде «исторических экскурсов», насильственно вдвинутых в основное содержание. Но этим они только показывают, что не умеют свести концов с концами и что у марксистской экономической науки есть своя логика.

Возвращаемся к статье Ленина о Марксе.

Сжато изложив, каким образом Маркс изучает **исторический процесс развертывания обмена** от простой до денежной формы, Ленин продолжает:

«Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, при чем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») **в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства»** (подчеркнуто мною. – *И.С.*).

Форма изложения абстрактна и **кажется** иногда чисто дедуктивной. Но в действительности она воспроизводит гигантский исторический материал. И материал этот относится не только к капиталистической эпохе: он охватывает и возникновение обмена, и дальнейшие его ступени, между прочим и **простое** товарное производство, которое еще не вводит нас в развитые капиталистические отношения. Всякий согласится, что это – точная характеристика действительного содержания первых трех глав «Капитала». И всякий разом увидит, что Ленин утверждает здесь то же самое, что Маркс в «Послесловии» ко 2 изд. I т. «Капитала».

Конечно, все это необходимо для понимания современного капитализма, потому что господство капитала – основная характеристика современной экономики. Но это бесконечно далеко отстоит от об'яснения капитализма из него самого, или, употребляя слишком неосторожные выражения тов. Петрова («Большевик» 1924 г., № 5–6, стр. 96), от «политической экономии, как теории капитализма, изучающей капитализм на основе им самим создаваемых отношений». Маркс и Ленин никогда не опрокидывали элементарнейших требований диалектического метода, что было бы неизбежно, если бы они трактовали экономические вопросы так, как требует тов. Петров.

Едва ли есть необходимость доказывать, что коммунисты строят свою программу на научном фундаменте. **Научное обоснование нашей программы** – в нашей политической экономии[1].

Марксистским соотношением нашей программы и нашей науки в сущности уже предопределяется, что такое наша политическая экономия, каковы ее задачи, предмет и метод. В этой связи материалы к выработке нашей программы 1903 года, впервые опубликованные в «Ленинском сборнике», т. II, приобретают громадный **теоретический** интерес.

При выработке программы, главным образом именно ее вводной, теоретической части, наметились существенные разногласия между Лениным и Плехановым. Вдумываясь в них, мы раскрываем, что именно эти разногласия развернулись впоследствии в **противоречия между Коминтерном и II Интернационалом.**

Приведем некоторые замечания Ленина на плехановский проект программы.

Ленин возражает против того, будто в современном обществе «рост неравенства порождается только «ростом эксплоатации наемного рабочего». В действительности, говорит Ленин, «он порождается: 1) **экспроприацией мелкого производителя** + 2) **обнищанием мелкого производителя** + 3) ростом эксплоатации + 4) ростом резервной армии» (стр. 26).

Подчеркнутыми у меня пунктами Ленин говорит: вы забываете, что в реальной жизни еще происходит первоначальное накопление, и еще сохранились мелкие производители, нищающие под ударами капитала, но еще не превратившиеся в наемных рабочих.

Поэтому в своем проекте программы Ленин пишет следующие слова: «Ближайшие цели русской социал-демократии значительно видоизменяются однако тем, что многочисленные остатки **докапиталистического, крепостного** (подчеркнуто мною. – *И.С.*) общественного порядка задерживают в сильнейшей степени развитие производительных сил, делают невозможным полное и всестороннее развитие классовой борьбы пролетариата, принижают жизненный уровень трудящегося населения, обусловливают азиатски-варварские формы эксплоатации и мучительное вымирание многомиллионного крестьянства» (стр. 45, 51).

Плеханов составил второй проект программы, – и Ленин начинает свои замечания на него следующими словами: «Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект неприемлемым, я считаю **весь** тип программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а Prinzipiener klärung» (провозглашение принципов), «это скорее программа для учащихся (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма), и притом учащихся первого курса, котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме» (стр. 65).

Запомним: говорить **о капитализме вообще** – это достаточно для учащихся **первого курса**. На следующем курсе экономист должен говорить о реально существующем капитализме, использовав для его понимания крайне важные знания, полученные на первом курсе.

Резюмируя свои возражения, Ленин еще раз указывает на такие недостатки проекта Плеханова:

«Крайняя **абстрактност**ь многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций».

«Отстранение и затемнение вопроса о специально русском капитализме – особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым объявлением войны именно русскому капитализму» (стр. 66).

[1] Сравн. заключительное слово Ленина к прениям о программе на VIII с'езде РКП (Стенографический отчет, стр. 88-89).

Затем Ленин повторно резюмировал, что именно делает для него проект Плеханова неприемлемым. Он отмечает следующие недостатки:

«По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект даст не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического **учебника,** посвященного капитализму вообще».

«В особенности непригодна программа для партии **русского** пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще. Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма. Необходимо это тем более, что русская программа не может быть в этом отношении одинакова с европейскими; эти последние говорят о капитализме и буржуазном обществе, не указывая, что эти понятия приложимы и к Австрии, и к Германии и т.п., ибо это подразумевается само собою. По отношению к России этого подразумевать нельзя».

«Отделаться же тем, что капитализм «в развитом своем виде» отличается **вообще** такими-то свойствами, – а в России капитализм «становится преобладающим», значит **уклониться** от того конкретного обвинения и об'явления войны, которое для практически борющейся партии всего важнее.

«Проект не достигает поэтому одной из главных целей программы: дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма» (стр. 88–89).

«В высокой степени знаменательны возражения Плеханова. Он полагает, что если исполнить пожелания Ленина, то придется, чего доброго, «дать **неверную** (подчеркнуто у Плеханова) характеристику капитализма, так как русские экономические отношения далеко не обладают еще всеми типическими чертами развитого капитализма» (стр. 94).

Вот это – вполне последовательное применение «абстрактно-аналитического» метода, вот это – полное его торжество. Но вместе с тем – и непреднамеренное доведение до абсурда.

Теперь, когда мы – секция Коминтерна, мы говорим: как передовой отряд борющегося пролетариата, ведущего за собою крестьянство и колониальных рабов капитала, должны самым недвусмысленным образом изложить обвинение **современного капитализма**, об'явление войны современному капитализму, всему его разрушительному хозяйничанью в метрополии и колониях. Наша теория, – как прекрасно выразился Ленин, – «прежде всего и больше всего **руководство** к действию» (стр. 353. Так подчеркнуто у Ленина). Мы не студенты первого курса. Не с «капитализмом вообще», не с абстракциями об'ективно мы должны иметь дело, какое бы колоссальное познавательное значение они ни имели. Наша задача теперь – и все изучение реальной экономики показывает, что это именно задача, поставленная историей к осуществлению – в том, чтобы мобилизовать массы на борьбу «против весьма реальных проявлений, весьма определенного капитализма»[1].

Нет, – отвечает в настоящее время II Интернационал, – обрисовав капитал в эпоху его гниения, т.-е. обрисовав мировой капитал, каким мы его знаем и каким он сложился, вы даете **неверную** характеристику капитализма, так как "современные экономические отношения далеко не обладают еще всеми типическими чертами развитого капитализма». Вы – азиаты, вы – восточные социалисты. И первая задача вашей партии – сделаться европейцами по своим воззрениям и тактике.

Не случайность, что для всех теоретиков II Интернационала (может быть, за исключением только Каутского, бессильного свести свое жалкое настоящее со многими элементами своего прошлого) политическая экономия – наука о законах развитого капитализма и что ее метод – абстрактно-аналитический.

Они скажут, что и их политическая экономия обосновывает их «программу», и что программа – тоже их «руководство к действию». И это руководство – наиболее совершенное, так как оно точно фиксирует момент, когда должна наступить пора действий. Это – тот момент, когда реальная экономика «верно» воспроизведет все типические черты «умопостигаемого» развитого капитализма.

Подождать надо, пока реальные капиталистические отношения не дозреют до того уровня, который предусмотрен нашими учебниками первого курса «о капитализме вообще».

VI.

В последние годы у нас признано аксиомой, будто марксистская теоретическая политическая экономия изучает чисто экономические закономерности товарно-капиталистического общества, или, в еще более суженной формулировке, «слепые законы рынка». И обычно принимают на веру, что Маркс обосновал такой взгляд на политическую экономию в конце II главы I тома «Капитала» на страницах, раскрывающих «товарный фетишизм и его тайну».

Между тем из содержания этого параграфа с непререкаемой несомненностью следует, что фетишизм – то явление, что общественные отношения выступают в вещной оболочке, приобретают видимость физических, природных свойств вещей – порождается именно в сфере рыночных отношений, и что для его раскрытия надо опуститься к докапиталистическим формам производства. Это Маркс и делает, обращаясь 1) к построению «робинзонады», 2) к европейскому средневековью, 3) к патриархальной промышленности крестьянской семьи, 4) к союзу свободных людей.

Но курьезнее всего, что новейшие абстрактные экономисты проглядели совершенно недвусмысленные заявления Маркса. Он прямо говорит, что это буржуазная экономия ограничивает свой кругозор «внутренними зависимостями буржуазных отношений, производства». Он **об'ясняет** такое сужение ее исторического захвата ее буржуазной ограниченностью: «формулы, на лбу которых

[1] Ударная формула Ленина: "руководство к действию" поразительно напоминает уже известные нам слова Маркса, которых Ленин в 1917 году не знал, так как тов. Рязанов только летом 1924 г. опубликовал отрывок из "Немецкой идеологии": „Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом реальное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющиеся теперь на лицо предпосылок". Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к речам Владимира Ильича на VIII с'езде, – да и ко многим другим его речам. См. также первый тезис Маркса о Фейербахе.

написано, что они принадлежат такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, – эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собою разумеющимся, настолько же естественным и необходимым, как сам производительный труд». Наконец, он **отвергает и осмеивает** такое сужение экономического кругозора: «добуржуазные формы общественно-производственного организма третируются ею поэтому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви»[1]. И здесь же он приводит уже знакомую нам цитату из «Нищеты философии» об учреждениях «естественных» и «искусственных»...

Что же, в самом деле, мы должны сделаться христианскими святыми отцами или хотя бы елейными благочестивейшими попами в политической экономии? Но останется ли она после того марксистской политической экономией и вместе с тем останется ли наукой?

Чуждо было Марксу и намерение ограничивать политическую экономию изучением «слепых законов рынка». Он прямо указывает, что экономические категории, которые знает рынок, «тоже носят на себе следы своей истории». («Капитал», т. I, рус. изд. 1923 г. стр. 139). С несравненным сарказмом он говорит: «сфера обращения, или товарообмена, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы (и которою, заметим, склонна ограничить сферу своего изучения буржуазная политическая экономия, в особенности когда она становится вульгарной экономией), – сфера обращения есть истинный эдем прирожденных прав человека. Здесь господствует только свобода, равенство, собственность и Бентам» (стр. 146. См. также стр. 147).

В плане всего «Капитала» мы знаем, что означают эти бичующие слова. Вы, мелочные торговцы идеями свободной торговли, хотите представить буржуазную экономику в чистеньком виде? И поэтому вы хотите остаться в пределах рыночных отношений с их формальными свободой и равенством? А я приглашаю вас спуститься в ту сферу, **где производится сам капитал**, и вы тогда увидите, что вашими свободой и равенством прикрываются отношения беспощадного экономического принуждения. А затем мы посмотрим, как **возник** капитал, как он «первоначально» накоплялся, и тогда убедимся, что самое его образование было **отрицанием** собственности, – экспроприацией непосредственных производителей. И в конце концов у нас получится вывод, что «свобода, равенство, собственность и всеобщая гармония личных интересов» – просто прикрытие новых форм эксплоатации, которые развились из столь осуждаемого вами феодального принуждения.

В самом деле, не таков ли общий план I тома «Капитала»? И не следует ли сказать, что тот, кто не понял этого плана, ничего не понял в «Капитале», – и прежде всего не понял того громадного шага, который представляет «Капитал» по сравнению с классиками, не высовывавшими своего носа из «чистых» отношений «чистого» капитализма. Между прочим для него остается загадочным, почему в подзаголовке своей основной работы Маркс сохранил название: «**Критика политической экономии**». Он не поймет всей глубины, всего колоссального значения этого подзаголовка; не поймет, что им определяется действительное историческое соотношение между классиками и Марксом. Маркс, действительно, не только продолжатель, но и **критик** классиков. И это – и со стороны исторического охвата, и со стороны метода.

Не знаю, отмечали ли до настоящего времени несомненнейшую аналогию между отношением Маркса к «чисто экономическим» категориям «чистого» капитализма, к тем формальным свободе и равенству, которые господствуют в сфере товарообмена, и отношением Маркса к политической демократии, к порождаемым ею фетишам и иллюзиям. Но в то время, как Маркс (при содействии Энгельса) успел заложить прочный фундамент критики политической экономии, он (и Энгельс) дали только гениальные зачатки критики буржуазной демократии и еще меньше могли дать для выяснения тех политических форм, которые создаст пролетариат в своих окончательных битвах с буржуазией. Эта задача нашла блестящее завершение в «Государстве и революции» Ленина, который сделал для разрушения политических фетишей то самое, что Маркс – для разрушения товарного экономического фетишизма. Маркс показал, что капиталистическая эксплоатация – прямая наследница и продолжательница феодального угнетения, что изменилась только форма последнего. Ленин раскрыл, что политическая демократия – только капиталистическая маскировка фактического рабства наемного рабочего, вуалирующая власть собственности над трудом.

Как это ни грустно, а все же приходится признать, что у нас до сих пор часто не охватывают общего построения I тома «Капитала» и **потому** разделяют в своих фантазиях «абстрактного Маркса и «конкретного» Маркса. Между тем так легко заметить, что абстрактнейшие I и II главы настойчиво отсылают к очень «конкретной» XXIV главе «Так называемое первоначальное накопление», постоянно подчеркивают, что чистые экономические категории капитализма «носят на себе следы своей истории», и таким образом для полной разгадки тайны стоимости и прибавочной стоимости адресуют к «историческим предпосылкам капитализма».

I и II главы указывают, что от внешней видимости явлений, от тех экономических категорий, которые мы наблюдаем в товарообмене, надо спуститься к области производства. Только тогда мы разгадаем тайну капиталистического производства: присвоение неоплаченного труда, которое, вопреки краснобайству буржуазных экономистов («свобода, равенство, собственность и Бентам»), роднит его и с рабовладельческой и с феодальной системой.

Но в то же время I и II главы раз'ясняют, что полную разгадку капитала мы получим, если обратимся **к истории его возникновения**, что и составляет предмет упомянутой XXIV главы. Эта глава **углубляет** ту критику буржуазной экономии с ее чистенькими экономическими категориями абстрактного капитализма, которая общими штрихами намечена уже в I и II главах.

Здесь что ни слово, то удар бича по буржуазной экономии, которая в лице вульгарных экономистов преднамеренно закрывает глаза на реальный капитализм и на его исторические предпосылки.

«Первоначальное накопление, – говорит Маркс, – играет в политической экономии приблизительно такую же роль, как первородный грех в теологии. Адам вкусил от яблока и вместе с тем в род человеческий вошел грех. Возникновение известного явления об'ясняют, рассказывая о нем, как об историческом анекдоте, случившемся в глубокой древности». Эти представления, – говорит Маркс всем содержанием главы, – отвод глаз от того реального исторического факта, что капиталистическое общество построено на эксплоатации, и что ка-

[1] "Капитал", т. I., рус. изд. 1923 г., стр. 39– 8, 17–49.

питалистическая форма последней есть продукт превращения феодальной эксплоатации.

Маркс отмечает дальше, что буржуазная экономия снова и снова пережевывает эти детские побасенки. Но что тут поделаешь? «Раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря, как единственно правильную для всех возрастов и ступеней развития». Но Маркс, именно **как критик политической экономии**, сейчас же продолжает: «как известно, в действительной истории крупнейшую роль играет завоевание, порабощение, разбой, – одним словом, насилие. Но в чистенькой (sanfte – кроткой, опрятненькой) политической экономии искони царствовала идиллия. Право и «труд» были искони единственными средствами обогащения – всегдашнее исключение составлял, разумеется, «нынешний год» (стр. 706–707).

Действительно, в реальном капиталистическом мире каждый «данный год» был исключением: потому что каждый год были в силе какие-нибудь законы, закрепощавшие сельскохозяйственных рабочих помещикам, каждый год посылались военные экспедиции для «открытия» новых рынков и каждый же год вызывалась вооруженная сила для расправ со стачечниками.

Ну, а в нашу, в марксистскую теоретическую политическую экономию укладывается ли эта реальная действительность капитализма и эта его реальная история? Маркс блестяще показал, что не только укладывается, но и составляет необходимейший элемент действительно **научной теории капитализма**. Не понимать этого, значит вообще не понимать «Капитала», как **критики буржуазной политической экономии**.

Еще раз повторим: чрезвычайно поучительно было бы изучить работы и речи Владимира Ильича именно с точки зрения **методологии политической экономии**. Спор этот не может решаться в «чистом эфире рассудка»: решение должно исходить и из того, чем является теоретическая политическая экономия в работах гениального продолжателя Маркса и Энгельса.

Но это могло бы составить предмет особой статьи.

А на этот раз просто отметим, что с той же точки зрения очень ценный материал дают прения VIII с'езда РКП, предшествовавшие принятию нашей теперешней программы. Владимир Ильич защищал ту же позицию, что и в 1902 г., в своих возражениях Плеханову. Надо исходить из того, «что есть», из «учета действительности», а не из схематических чертежей. «Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, мы много набьем себе шишек». «В тот переходный период, который мы переживаем, мы из этой мозаичной действительности не выскочим. Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она неизящна ни была».

Благодаря строжайшему учету реальных условий, Ленин уже на VIII с'езде предостерегал против того, чтобы мы в своих планах исходили из веры в близость западных революций. «Это может случиться в ближайшие месяцы, но мы не знаем, **когда** это случится». И по той же причине нет никакого разрыва между Лениным 1919 года, боровшимся против товарищей, готовых в абстракции перешагнуть через все реальные препятствия, и Лениным 1921 года, который докладом о продразверстке и продналоге призвал к строительству социализма в реальных русских условиях.

В настоящее время нельзя без улыбки читать те наивности, с которыми оппоненты выступили против Ленина. Они исходили именно из абстракций: из развитого капитализма, из развитого империализма. Конечно, они тоже весело рассмеются, если вспомнят о своих «левых ребячествах»[1].

Можно ли отрицать, что споры о том, какова должна быть теоретическая часть нашей программы, на что она опирается, являются в то же время спорами и о том, какова должна быть марксистская политическая экономия. Это не мертвый профессорский учебник, устанавливающий законы абстрактного «развитого» или «чистого» капитализма, которому **никогда** не суждено реализоваться, несмотря на всю помощь вождей II Интернационала. Это – научное обоснование программы борющегося пролетариата, его «руководства к действию»: к перевороту не в том капитализме, которого никогда не будет в действительности, а в современном империалистическом капитализме, как он уже существует и господствует над земным шаром.

У Маркса, Энгельса и Ленина вопрос ставится так ясно, что на первый взгляд кажется положительно загадочным, каким образом он мог быть до такой степени извращен и затемнен.

«Политическая экономия есть наука о законах капиталистического общества», «политическая экономия – абстрактно-дедуктивная наука»: мы можем установить годы, когда эти положения приняли у нас характер **боевых лозунгов** и очень быстро завоевали господствующее положение в наших университетах и большинстве руководств политэкономии. Это, вне всякого сомнения, **годы военного коммунизма**. Такие воззрения на предмет и метод политической экономии – всего лишь «теоретические выражения, абстракции» характернейших, типичнейших черт военного коммунизма с его «волевыми нажимами», которые должны были перенести через «пеструю мозаику действительности» и которые знают только строительный материал, предполагаемый развитыми капиталистическими отношениями.

Если экономическое развитие еще не создало чистых форм **капитализма (пролетариат – буржуазия),** то мы должны восполнить из'яны действительности «волевыми нажимами».

На первый взгляд «внеэкономическое» насилие очень революционно. Но в качестве метода социалистического **строительства** оно революционно только как фраза.

Мы – ленинцы по своей программе[2]. Мы все более и все сознательнее становимся ленинцами и в своей практике.

Но нам надо **быть ленинцами и в теории**.

Возврат в политической экономии к Рикардо, это – **неосознанный троцкизм в теории**.

Последовательный ленинизм требует, чтобы наша политическая экономия опять сделалась тем, чем она была у Маркса, Энгельса и Ленина.

Наша политическая экономия должна раскрывать **исторические условия** освобождения пролетариата, служить теоретическим выражением его борьбы не в каком-то «умопостигаемом», а **в том реальном капиталистическом мире, который существует в настоящее время.**

---

[1] См. „VIII с'езд РКП. Стенографический отчет", М. 1919, стр. 4–50, 67–68, 70, 75, 86-90, 92–96. См. там же доклад Ленина о работе в деревне, стр. 294-306.

[2] …"борясь с его (среднего крестьянства) отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления"...

О терминах «ценность» и «стоимость» в переводах «Капитала» К. Маркса

Л.Л. Васина

В последние 25 лет в разных аудиториях приходится слышать утверждение о том, что переводы «Капитала» на русский язык, изданные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС до 1991 г., содержат ошибки. Одной ключевых ошибок называют использование при переводе немецкого термина «Wert» слова «стоимость» вместо «ценность». Напомним, последний термин доминировал в российской экономической науке до 1917 г. Данную точку зрения активно отстаивает в своих публикациях наш бывший соотечественник, проживающий ныне в ФРГ В.Я. Чеховский[1], завершивший работу над новым переводом первого тома «Капитала» на русский язык, в котором предлагается версия перевода на основе термина «ценность». При этом утверждается, что из-за перевода «Wert» как «стоимости» «русскоязычные читатели «Капитала» не по своей воле вынуждены размышлять над искаженными мыслями Маркса». Как свидетельствует «Предисловие редактора и переводчика» к данному переводу, мнение об ошибочности термина «стоимость» при переводе «Wert» имеет определенное распространение и в Германии. Так, например, Чеховский упоминает работу Й. Цвайнерта «История экономической мысли в России в 1805–1905 гг.»[2], где использование термина «стоимость» в переводах «Капитала» называется «серьезной ошибкой», «невероятным переводческим ляпсусом» и т.п.

В сущности, проблема касается не только текста первого тома, но и переводов на русский язык остальных томов «Капитала», а также большого массива экономических рукописей Маркса, значительная часть которых была впервые опубликована именно на русском языке. Она затрагивает и существующие переводы на русский язык работ Адама Смита, Давида Рикардо и других авторов, где также выдержана утвердившаяся в советской экономической науке традиция использования термина «стоимость» при переводе терминов «value», «valeur» и т.д. Под сомнение ставится также содержание огромного количества работ не только отечественных марксоведов, но и широкого круга экономистов, обращавшихся к экономической теории Маркса. Более того, после публикации работ некоторых известных российских экономистов XIX – начала XX в., использовавших термин «ценность», он фактически уже вошел в современную экономическую лексику. Один из таких примеров приводит В.Я. Чеховский в своей статье в журнале «Вопросы экономики»[3]. Поэтому проблема выходит за рамки чисто марксистской терминологии и имеет более широкое значение.

Противопоставление терминов «стоимость» и «ценность» применительно к «Капиталу» Маркса возникло в конце XIX в., после того, как в качестве альтернативы первому переводу на русский язык I тома «Капитала» (1872 г.), в котором немецкий термин «Wert» был переведен как «стоимость», в 1898–1899 гг. вышел новый перевод под редакцией П.Б. Струве, использовавшего термин «ценность». При этом, как показывает изучение истории этих и последующих переводов, **для выбора «конкурирующих» терминов «стоимость» или «ценность» принципиальное значение имело то или иное понимание теории стоимости Маркса** (*выделено – гл. ред. МиС - Т.Я.*)**.**

Как показал в свое время (1885 г.) Энгельс в своей статье «Как не следует переводить Маркса»[4], перевод «Капитала» на любой иностранный язык представляет особую трудность. «Для перевода такой книги, – писал Энгельс, – недостаточно хорошо знать литературный немецкий язык. Маркс свободно пользуется выражениями из повседневной жизни и идиомами провинциальных диалектов; он создает новые слова, он заимствует свои примеры из всех областей науки, а свои ссылки – из литератур целой дюжины языков; чтобы понимать его, нужно в совершенстве владеть немецким языком, разговорным также, как и литературным, и кроме того знать кое-что и о немецкой жизни. … Маркс принадлежит к числу тех современных авторов, которые обладают наиболее энергичным и сжатым стилем. Чтобы точно передать этот стиль, надо в совершенстве знать не только немецкий, но и английский язык» [5].

Энгельс также подчеркивал, что переводчик «Капитала» сталкивается не только с чисто лингвистическими трудностями. Не менее сложно терминологически передать нетривиальное теоретическое содержание работы Маркса. «*Один из тончайших анализов у Маркса – это анализ, вскрывающий двойственный характер труда*»[6]. «*Наибольшие трудности представляет понимание первой главы, – в особенности того ее раздела, который заключает в себе анализ товара*», – писал Маркс в Предисловии к первому изданию первого тома «Капитала»[7]. Обращая особое внимание именно на перевод на английский язык этой главы,

---

[1] См.: Чеховский В.Я. О переводе Марксова понятия «Wert» на русский язык // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Сборник. Вып. 5. Москва 1989. - С. 218–233; он же. О переводе Марксова «Wert» на русский язык // Вопросы экономики. Москва. 2008. № 1. - С. 154–157; Tschechowski V. Zur Übersetzung des Marxschen Begriffs Wert ins Russische // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Neue Folge. 2007. Hamburg: Argument Verlag. - S. 165–177.

[2] Zweinert J. Eine Geschichte des ökonomischen Denkens in Russland 1805–1905. Marburg: Metropolis-Verlag, 2002. - S. 260.

[3] См.: Чеховский В.Я. О переводе Марксова «Wert» на русский язык // Вопросы экономики. 2008. № 1. - С. 154. Чеховский обращает внимание на опубликованные в одном и том же номере журнала статьи П. Клюкина «Ревизия неорикардианской теории ценности и распределения: новые свидетельства и новые горизонты» и - М. Бодрикова «Критика неорикардианской теории стоимости и распределения» (Вопросы экономики. 2007. № 5. - С. 117–137 и 138–154).

[4] Энгельс Ф. Как не следует переводить Маркса // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. - Т. 21. - С. 237–245.

[5] Там же. - С. 237.

[6] Там же. - С. 243. О методологическом значении анализа двойственного характера труда как инструмента экономического исследования см.: Афанасьев В.С. Великое открытие Карла Маркса: Методологическая роль учения о двойственном характере труда. - М.: Мысль, 1980; он же. Первые системы политической экономии (метод экономической двойственности). 2-е изд., доп. и перераб. - М.: ИНФРА, 2014. - С. 197–307. С. М. также: Афанасьев В.С., Канке В.А.: Марксова концепция двойственности рабочего времени // Вопросы экономики. 1985. № 12. - С. 58–68.

[7] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. - Т. 23. - С. 5.

Энгельс показывает, что для адекватного перевода требуется ясное понимание мысли Маркса, содержания его теории. «У Маркса характерным для менового отношения товаров является тот факт, что совершается полное абстрагирование от их потребительных стоимостей, что товары рассматриваются как совершенно не имеющие потребительных стоимостей»[1]. «"Капитал", – резюмировал Энгельс, – не такая книга, перевод которой может быть сделан по договору»[2].

В своем Предисловии к новому переводу В.Я. Чеховский утверждает, что употребление терминов «стоимость» и «меновая стоимость» является тавтологией, простым повторением, ссылаясь на подстрочное примечание № 9 в первом издании первого тома, где Маркс действительно отмечает, что «всегда при употреблении слова *«стоимость»*, если это не оговаривается специально, речь идет о *«меновой стоимости»»*[3]. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что, различие между терминами «стоимость» («Wert») и «меновая стоимость» («Tauschwert»), как специально подчеркивал Маркс, определяется тем, что первый выражает сущность, а второй – форму проявления данной сущности. И в основном тексте «Капитала», к которому сделано приведенное примечание, Маркс подчеркивает необходимость различать форму стоимости и «самую стоимость»: «Независимо от их менового отношения, или формы, в которой товары появляются как меновые стоимости [*Tausch*-Werthe], должны быть, следовательно, сначала рассмотрены *стоимости* [*Werthe*] как таковые»[4]. Во втором немецком издании первого тома Маркс несколько изменил формулировку этого места, и в этой редакции она сохранялась в последующих изданиях: «Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость. Дальнейший ход исследований приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или форме проявления стоимости; тем не менее стоимость должна быть сначала рассмотрена независимо от этой формы»[5].

В своих критических замечаниях на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии»[6], которые оказались одной из его последних экономических работ, Маркс обращает внимание на пояснение, которое он дал во втором издании первого тома «Капитала»: «Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления, и «стоимость». Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда *его стоимость* получает собственную, *отличную* от его натуральной, форму проявления, а именно форму меновой стоимости и т.д.». «Стало быть, – подчеркивает Маркс, – я не подразделяю *стоимость* на потребительную стоимость и меновую стоимость, как противоположности, на которые распадается абстракция «стоимости», – а конкретная общественная форма продукта труда, «*товар*», есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны – «стоимость», – а не меновая стоимость, так как одна только *форма* проявления не составляет ее собственного *содержания* … для меня «стоимость» товара не есть ни потребительная, ни ее меновая стоимость»[7].

Таким образом, дискуссия по поводу выбора терминов «стоимость» или «ценность» при переводе «Капитала» на русский и любой другой язык напрямую зависит от знания и понимания переводчиком теории стоимости Маркса, которая имеет фундаментальное значение в его экономической теории. При этом не менее важное значение имеет знание примененного Марксом диалектического метода исследования экономических процессов, ибо рассматриваемые в «Капитале» категории являются не описанием фактических исторических явлений и процессов, а результатом исследования с помощью разработанного Марксом особого метода восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому особенно рискованно судить о содержании этих категорий с позиций обыденного мировосприятия.

Термин «стоимость» в первых русских переводах «Капитала»

Терминологический ряд «стоимость», «потребительная стоимость», «меновая стоимость» и, наконец, «прибавочная стоимость» появился в первом русском переводе первого тома «Капитала» 1872 г., выполненном Г.А. Лопатиным, Н.Ф. Даниельсоном и Н.Н. Любавиным, при этом имена переводчиков стали известны лишь много лет спустя[8]. В силу сложившихся обстоятельств первая глава (в первом немецком издании 1867 г. «Товар и деньги») была переведена в последнюю очередь общим другом Даниельсона и Лопатина Николаем Николаевичем Любавиным, когда перевод остальной части текста уже был готов.

В своем (анонимном) Предисловии к первому русскому изданию первого тома Н.Ф. Даниельсон отмечал: «Главная трудность заключалась в передаче вновь созданной автором экономической терминологии: относительная неподвижность русского языка, сравнительно с немецким, не позволяла во многих случаях передавать немецкие термины наиболее подходящим русским выражением, чему примером может служить слово Mehrwerth…; кроме того в иных местах передачу подлинника затрудняла сжатая абстрактная диалектика автора»[9].

Как известно из рассказов самого Лопатина, он начал работать над переводом с первых глав, столкнувшись сразу же с трудностями перевода «метафизической терминологии». Именно для консультаций с Марксом по поводу содержания «Капитала» и изучения в Британском музее в подлинниках цитируемых Марксом

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. - Т. 21. - С. 241.

[2] Там же. - С. 245.

[3] Marx K. Das Kapital. Bd. 1. Hamburg 1867 // Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA). Bd. II/5. Berlin, 1983. - S. 19. В последующих изданиях первого тома это подстрочное примечание не воспроизводилось.

[4] Ebenda. Немецкая орфография XIX в.

[5] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. - Т. 23. - С. 47.

[6] Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» (2 издание) том I (1879) // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. - Т. 19. - С. 369–399. Название редакционное. Впервые замечания Маркса были опубликованы Д.Б. Рязановым в 1930 г. см.: Рязанов Д. Критические замечания о книге Адольфа Вагнера. Предисловие // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. V. - М.-Л., 1930. - С. 377–379. Текст Марксовых замечаний см.: там же. - С. 380–408.

[7] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. - Т. 19. - С. 384.

[8] См.: Лопатин Г.А. Каждому свое // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 2-е, исправл. и доп. изд. Ч. 2. - М., 1983. - С. 17–19. Подробнее об этом см.: Уроева А.В. Книга, живущая в веках. - М.: Мысль, 1967. - С. 70–88; Саралиева З.Х. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России. (1895–1917 гг.) Распространение и пропаганда. - М., 1975. С. 28–30.

[9] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. - Т. 1. С.-Петербург, 1872. - С. VII. Орфография современная.

источников Лопатин специально приехал в Лондон, где был тепло принят в семье Маркса. О содержании своих бесед с Марксом и своей работе над переводом «Капитала» Лопатин оставил воспоминания[1].

«*Wert» – ключевой термин первой главы I тома, который определяет весь терминологический ряд от анализа товара до перехода к изложению теории прибавочной стоимости. В этой главе «Товар и деньги», которую Лопатин оценил как наиболее трудную для понимания и требовавшую переработки*[2], переводчик стоял перед необходимостью передать по-русски термины „Wert“, «Gebrauchswert» и „Tauschwert“. Но непосредственную работу над переводом Лопатин, по совету Маркса, начал со второй главы, которая в первом издании называлась «Превращение денег в капитал». Лопатин перевел примерно 1/3 книги (помимо второй главы он перевел главу 3 «Производство абсолютной прибавочной стоимости» и частично главу 4 «Производство относительной прибавочной стоимости»). Однако в тексте переводимых им глав Лопатин должен был последовательно использовать переводы терминов первой главы – «Gebrauchswert», „Tauschwert“ и „Wert“, русские эквиваленты которых должны были быть подобраны ранее. К названным терминам во второй главе первого издания (4-ой главе в последующих изданиях I-го тома) добавлялся принципиально важный Марксов термин «Mehrwert», который как «прибавочная стоимость» перевел именно Лопатин. Объясняя свой выбор в специальном подстрочном примечании[3], Лопатин показывает, как непросто было найти подходящий эквивалент и для первой части немецкого слова «Mehr» (излишек, избыток и пр.), чтобы он сочетался с переводом приставки «Mehr» в других сложных немецких словах, как, например, «прибавочный труд» («Mehrarbeit»). Ибо с самого первого перевода «Капитала» стояла задача унификации терминологии, невозможность одни и те же слова переводить разными русскими значениями. Таким образом, выбор Лопатиным термина «прибавочная стоимость» означал, что термины первой главы, в которых использовалось немецкое „Wert“, – «Gebrauchswert», «Wert», «Tauschwert», которые Маркс использует для анализа двойственного характера товара, – также должны быть переведены как «стоимость», «потребительная стоимость» и «меновая стоимость». Такова была логика перевода Лопатина, которой следовали продолжившие работу над переводом Н.Ф. Даниельсон и Н.Н. Любавин.

В предисловии «Ко второму русскому изданию» первого тома (январь 1898 г.), которое также было опубликовано анонимно, Даниельсон называет три основных соображения, которые побудили переводчиков сделать выбор в пользу термина «стоимость». Во-первых, «стоимость» показывает, во что обходится обществу производство того или иного товара, чего он *стоит* обществу. Ведь, с точки зрения теории Маркса, в капиталистическом обществе определение *общественной* потребности в том или ином продукте труда, произведенном «отдельными, друг от друга совершенно независимыми, производителями», происходит косвенно, на рынке, в процессе конкуренции, это – *объективный* процесс, а не индивидуальная оценка непосредственных производителей товара. «На рынке определяется, какое количество данного продукта может поглотить данное общество, при данных общественных условиях, и в каком меновом соотношении данный продукт находится к другим продуктам. Или, – если посмотреть с иной точки зрения, – какое количество труда, из всей суммы труда, находящегося в распоряжении данного общества, оно может и должно уделить на изготовление данного продукта; какого количества труда данный продукт стоит обществу. … С точки зрения теории, определяющей меновые отношения продуктов количеством труда, которое стоило их производство для общества, то нечто, чем обусловливаются эти отношения, что лежит в их основании, – именно количества стоившего их обществу труда, или потраченного на них рабочего времени, – нельзя назвать иначе как стоимостью, которая в капиталистическом обществе получает внешнее выражение в денежной стоимости продуктов, в их ценности или в их цене, хотя последняя более или менее и отклоняется от действительной их стоимости»[4].

В качестве второго фактора, определившего выбор термина «стоимость», Даниельсон высказывает следующее соображение: «Сам автор указывает на то, что немецкое – прибавим[,] довольно неуклюжее – слово «Werthsein (стòить) выражает менее ясно и отчетливо чем романский глагол valere, valer, французский valoir, что приравнение товара B к товару A есть лишь способ товара A выражать свою стоимость». … И далее Даниельсон приводит аналогию Маркса (появившуюся, заметим, во втором издании первого тома «Капитала») для пояснения данного предложения: «"Paris vaut bien une messe"[5] (Париж стоит обедни). Так вот именно в этом смысле русский глагол стòить более соответствует романскому выражению понятия, чем немецкому»[6].

«На основании, главным образом, этих соображений, – пишет далее Даниельсон, – экономический термин Werth, value, valeur передан в настоящем переводе не словом ценность, а словом стоимость, как более соответствующим тому понятию, которое по учению, излагаемому в этой книге, должно быть им выражено. Выражения ценность, цена принята для обозначения стоимости, насколько она выражается в деньгах. А так как при капиталистическом способе производства выражение в деньгах есть обычное выражение стоимости, между тем как в действительности вследствие множе-

[1] Г.А. Лопатин о своих встречах с Марксом // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 2-е, исправл. и доп. изд. Ч. 2. - М., 1983. - С. 11–15.

[2] Маркс осуществил эту переработку во втором издании первого тома. см.: Marx K. Das Kapital. Bd. 1. Hamburg 1872 // Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA). Bd. II/6. Berlin, 1987. - S. 69–112.

[3] «Выражение «Mehrwerth» мы сначала думали перевести словом «сверхстоимость», построение которого вполне согласно с духом русского языка, и которое также представляет все выгоды одного сложного слова по сравнению с двумя простыми. Но потом мы вынуждены были перевести его словами «прибавочная стоимость», для того, чтобы сохранить этимологическую аналогию со словами «прибавочный труд» (Mehrarbeit), соответствующую той аналогии, которая существует между этими двумя названиями в сфере экономической. – Конечно, было бы лучше перевести Mehrarbeit каким-нибудь одним словом, но, к сожалению, такие слова, как Mehrarbeit, Mehrproduct и т.п., не имеют соответствующих им русских выражений. (Перев.)» см.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. - Т. 1. - С.-Петербург, 1872. - С. 92. Немецкая орфография XIX в. Орфография русского текста современная.

[4] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. - Т. 1. Изд. 2-е, исправ. и дополн. по четвертому немецкому изданию. - С.-Петербург, 1898. - С. XVII–XVIII. Орфография современная.

[5] Ср. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. - Т. 23. - С. 62.

[6] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. - Т. 1. Изд. 2-е …- С.-Петербург, 1898. - С. XVIII.

ства условий, изложение которых читатель найдет в III-м томе «Капитала», ценность никогда не совпадает со стоимостью, или если и совпадает, то лишь в исключительных случаях, – то вот еще третья причина, почему ценность не следует употреблять для выражения понятия Werth, value, valeur; так как при этом два различных понятия выражались бы одним и тем же термином, и это могло бы вызвать путаницу представлений»[1].

Перевод второго русского издания первого тома «Капитала» Даниельсон сделал на основе четвертого немецкого издания, выпущенного Энгельсом в 1890 году. Первая глава в этом издании, что существенно для рассматриваемой темы, значительно отличалась от изложения в первом немецком издании 1867 г. (Маркс переработал этот раздел уже во втором немецком издании 1872 г.). Кроме того, Даниельсон провел сверку немецкого подлинника с французским изданием первого тома, на редактирование которого Маркс, как хорошо известно, потратил более трех лет (французский перевод выходил отдельными выпусками в 1872–1875 гг.) и который он рассматривал как отдельное оригинальное издание первого тома, имеющее самостоятельную научную ценность. Было проведено сопоставление также с текстом английского издания первого тома, выполненного в основном Самюэлем Муром при участии Эдуарда Эвелинга и младшей дочери Маркса Элеоноры, а также Ф. Энгельса, который взял на себя перевод наиболее сложных мест и терминов, а также унификацию перевода всего текста. И хотя Даниельсон говорил об огромном объеме исправлений в переводе во втором русском издании, термина «стоимость» эти изменения не коснулись.

Второе издание русского перевода первого тома «Капитала» вышло 16 марта 1898 г., а спустя полгода этот перевод вышел третьим изданием, идентичным второму. В обоих изданиях давались только предисловия Энгельса к третьему и в сокращенном виде к четвертому изданиям I тома.

Практически одновременно с изданием Даниельсона в издательстве Н.С. Аскарханова вышел из печати еще один перевод первого тома «Капитала», обозначенный под редакцией доктора математики В.Д. Любимова, который на деле оказался плагиатом, что после более чем пятилетнего судебного разбирательства по иску Даниельсона было в апреле 1905 г. признано в судебном порядке[2]. Единственным отличием от издания Даниельсона была публикация в сокращенном виде предисловия Маркса к первому и послесловия ко второму изданиям I тома, а также набор текста в виде двух столбцов. Вскоре вслед за I томом Аскарханов издал и II том. Хотя впоследствии, при подготовке нового издания «Капитала» во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке, был сделан вывод о том, что этот перевод II тома в ряде случаев был ближе к оригиналу, чем перевод Даниельсона[3], для нас важно прежде всего отметить, что в этом издании полностью воспроизводилась терминология изданий Даниельсона «стоимость», «потребительная стоимость», «меновая стоимость», «прибавочная стоимость» и т.д.

Термин «ценность»

Изменение термина «стоимость» на «ценность» предпринял в 1897–1899 гг. П.Б. Струве, оказавшийся, по **воле** случая, причастным к новому переводу первого тома, сделанному членами социал-демократических кружков в Минске Е.А. Гурвич и Л.М. Зак. Сначала планировалось нелегально переиздать во Львове первое издание первого тома, единственным переводчиком которого считался Г.А. Лопатин. Но из-за невозможности получить его разрешение на переиздание (Лопатин в это время находился в Шлиссельбургской крепости) решили самостоятельно сделать новый перевод на основе четвертого немецкого издания, подготовленного Энгельсом, с использованием и французского перевода первого тома. Перевод I и IV отделов сделал Л.М. Зак, но бóльшую часть тома перевела Е.А. Гурвич. Затем они провели тщательную перекрестную проверку переводов друг друга. Впоследствии Е.А. Гурвич, которая работала в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве, оставила воспоминания о своей работе над переводом «Капитала»[4].

Работа над ним была завершена к осени 1896 г., и на протяжении почти года Гурвич пыталась найти возможность опубликовать перевод. Летом 1897 г. она получила через своего приятеля А.О. Бонч-Осмоловского, встретившегося с П.Б. Струве за границей, предложение издать их перевод в издательстве О.Н. Поповой под его редакцией. К этому времени Зака уже не было в живых. Поскольку других возможностей издать перевод «Капитала» у Гурвич не было и он «был сделан без всякого расчета на вознаграждение», а исключительно с целью распространения, Е.А. Гурвич согласилась на «нищенский», по ее словам, гонорар и выслала рукопись перевода П.Б. Струве. По словам Гурвич, «наиболее существенное изменение, сделанное редактором, это – замена слова «стоимость» словом «ценность», на котором Струве особенно настаивал». Е.А. Гурвич считала при этом, что термин «стоимость» больше соответствует значению слова «Wert», и замечала, что ей «трудно было привыкнуть к этой замене»[5].

Данное издание первого тома «Капитала» вышло осенью 1898 г. сначала двумя отдельными выпусками без какого-либо предисловия, а год спустя отдельной книгой с предисловием Струве[6]. В данном издании воспроизводились, правда не полностью, предисловие Маркса к первому и послесловие ко второму изданиям первого тома, а также предисловия Энгельса к третьему и четвертому изданиям. При этом в примечании к упоминанию Марксом в Послесловии ко второму изданию рецензии на «Капитал» в петербургском «Вестнике Европы» Струве, с согласия автора, впервые сообщал, что автором этой рецензии был И.И. Кауфман. Издание под редакцией Струве содержало также впервые составленные указатели кратких названий цитируемых работ и

---

[1] Там же. - С. XIX.

[2] История издания Аскарханова была впервые изложена в статье Н.К. Каратаева «К библиографии русских изданий «Капитала»» (Труды библиотеки АН СССР. - М.-Л., 1948. - Т. 1. - С. 131–132). С- М. также: Саралиева З.Х. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России. (1895–1917 гг.) … С. 29–30.

[3] СМ.: Харитонов Ю.Т. Из истории предшествующих изданий и о новом издании II тома «Капитала» на русском языке – 24 тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса // Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. № 14. - М., 1966. - С. 195.

[4] Гурвич Е.А. Из воспоминаний. (Мой перевод «Капитала») // Летописи марксизма. № 1. - М.–Л., 1926. - С. 91–93.

[5] Там же. - С. 92–93.

[6] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. - Т. 1. Пер. с 4-го не М. изд., провер. Ф. Энгельсом, под ред. П. Струве. Спб., 1899. см.. также: Саралиева З.Х. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России… С. 33.

имен, составленные И.Н. и Е.К. Леонтьевыми, которые воспроизводились в последующих изданиях.

В Предисловии редактора русского перевода, датированном сентябрем 1899 г., Струве следующим образом обосновал использование термина «ценность» при переводе Марксова «Wert»: «Исходной точкой экономической системы Маркса, изложенной в «Капитале», является понятие ценности. Этим словом мы пользуемся для передачи немецкого Werth, так как смысл русского слова в точности соответствует смыслу немецкого слова. То обстоятельство, что Маркс субстанцией и мерилом стоимости считает трудовую затрату, вовсе не означает, чтобы он сознательно отождествлял явление ценности с трудовой затратой, с издержками или стоимостью. … В ценности выражается индивидуальная или общественная оценка хозяйственных благ, руководящим принципом и необходимым мерилом которой является трудовая затрата, подобно тому, как в потребительной ценности или полезности выражается та индивидуальная или общественная оценка, принципом и мерилом которой является настоятельность потребности. Момент оценки объединяет оба эти столь различные явления, и это объединение обнаруживается в общем наименовании «ценность». … Кроме того, ценность, выражающая общественную оценку с точки зрения трудовой затраты, по идее Маркса является категорией, общей всем общественно-экономическим формациям, в которых добывание благ определяется преимущественно затратой труда, тогда как русское слово «стоимость», по своему обычному смыслу, т.е. по принятому в обыкновенной речи словоупотреблению, обозначает затрату на производство или издержки производства в хозяйстве, основанном на обмене, т.е. в денежном, или даже еще уже, в капиталистическом хозяйстве. Обычный смысл этого русского слова таким образом не шире, если не уже, чем английского Cost или немецкого Kosten. Научная же терминология никогда не должна без особой надобности уклоняться от обычного словоупотребления. Если последнее прочно связывает со «стоимостью» значение выраженных в деньгах издержек производства, то, очевидно, что с точки зрения такого словоупотребления, от которого нет никакой надобности отказываться и науке, словосочетание «потребительная стоимость» явно нелепо. Момент оценки одинаково присущ как трудовой, так и потребительной ценности, но последней, как таковой, совершенно чужд момент затраты или издержек, составляющий существенное содержание понятия «стоимости» – одинаково и в обычном словоупотреблении, и в глазах тех, кто слово Werth передает через слово «стоимость». Поэтому, можно говорить о потребительной ценности, но нельзя, не нарушая логики, как обычного словоупотребления, так и установившейся научной терминологии, говорить о потребительной стоимости.

Русское слово «ценность» тем еще удобно, что его этимология указывает на реально существующую и красной нитью проходящую через всю историю экономической теории связь между понятиями «ценность» и «цена». Этимологически и по существу ценность есть абстрактное, цена же конкретное выражение одного и того же явления – хозяйственной оценки»[1].

Интересно заметить, что некоторые аргументы Струве буквально дословно совпадали с опубликованными ранее, в начале 1899 г., критическими замечаниями М.И. Туган-Барановского. В своей рецензии на вышедшие почти одновременно три русских перевода I тома «Капитала» – второе и третье издания перевода Даниельсона, переводов под редакцией Любимова и под редакцией Струве – Туган-Барановский обосновывает, почему терминология в издании под редакцией Струве, с его точки зрения, была «вполне правильной», а терминология первого перевода 1872 г. «не только не удачной, но и прямо неверной, вводящей читателя в заблуждение и затемняющей смысл излагаемых учений»[2].

«Оба выражения «ценность» и «стоимость», – пишет Туган-Барановский, – не изобретены наукой, а заимствованы из обыденной речи. … С понятием *стоимости* всегда соединяется представление о некоторой затрате, пожертвовании. … Напротив, понятие *ценности* имеет в виду отнюдь не элемент затраты. Оценить что-либо – это значит установить значение, важность оцениваемого. … И с точки зрения экономической науки «стоимость» и «ценность» представляются нам различными категориями. Но чему же соответствует в системе Маркса термин Werth – понятию ценности или понятию стоимости?

Ответ будет нам ясен, если мы вспомним, что Маркс различает двоякого рода Werth – Gebrauchswerth и Tauschwerth. Предметы, как созданные, так и не созданные трудом (воздух, вода и т.д.), обладают Gebrauchswerth. Что же такое Gebrauchswerth – есть ли это потребительная *ценность*, или потребительная *стоимость*? Так как воздух ничего мне не *стоит*, то он не может и иметь потребительной *стоимости.* Но так как воздух необходим для моей жизни, имеет для меня величайшее значение, величайшую важность – то он имеет и величайшую потребительную *ценность*.

Точно также Tauschwerth или просто Werth у Маркса означает собой не меновую *стоимость* или просто *стоимость*, а меновую *ценность* или просто *ценность*. Ценность, по учению Маркса, создается только трудом. Но тем не менее, *ценность* отнюдь не тождественна с трудовой затратой, иначе говоря с трудовой *стоимостью*. … Продукты труда приобретают ценность лишь в товарном хозяйстве: «непосредственное общественное производство, как и непосредственное распределение продукта, исключают товарный обмен, исключают превращение продуктов в товары (по крайней мере, внутри общины) и тем самым превращение их в ценности (Werthe)»…

Мыслим ли такой хозяйственный строй, в котором трудовые продукты не будут иметь никакой трудовой *стоимости*? Очевидно, нет. Продукт труда всегда eo ipso имел, имеет и будет иметь трудовую стоимость. Но лишь в *товарном хозяйстве* трудовой продукт приобретает *ценность*.

Итак, «ценность» и «стоимость» – два понятия, по учению Маркса совершенно различные, и под понятием Werth Маркс разумел именно ценность. Переводить Werth словом «стоимость» – это значит затемнять учение Маркса и даже делать некоторые, весьма важные особенности этого учения совершенно непонятными для читателя. … Но если не путать «стоимости» с «цен-

[1] Струве П. Предисловие редактора русского перевода // К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. - Т. 1. Пер. с 4-го не М. изд., провер. Ф. Энгельсом, под ред. П. Струве. Спб., О.Н. Попова, 1899. - С. XXVIII–XIX. Русская орфография современная. Орфография немецких терминов XIX в. оставлена без изменения.

[2] Туган-Барановский М. Русские переводы I тома «Капитала» Маркса. (Заметка) // Міръ Божій. Февраль 1899. - С. 10–16. Русская орфография современная. Орфография немецких терминов XIX в. оставлена без изменения.

ностью», то легко понять, что в обществе, где нет обмена, нет и цены, где нет цены, нет и ценности, как внешнего выражения факта трудовой затраты»[1].

«Итак, – подводит итог Туган-Барановский, – терминология г. Струве представляется нам не только правильной, но и единственно правильной. Терминология первого перевода Маркса, несмотря на то, что она имеет за себя право 25-летней давности и до известной степени стала общепринятой, вводит читателя в заблуждение, не передает смысла подлинника, и потому подлежит изменению, как бы ни было такое изменение неудобно для читателя, привыкшего к неправильным терминам первого перевода.

Неправильную передачу немецкого понятия Werth мы считаем самым крупным недостатком первого перевода…»[2].

Приведенные выдержки из предисловия Струве и рецензии Туган-Барановского показывают преемственность сегодняшних критиков термина «стоимость» с аргументацией более чем столетней давности. При этом Туган-Барановский отождествляет термины «меновая стоимость» и «стоимость», и его примеру следует В.Я. Чеховский.

Издание русского перевода первого тома «Капитала» под редакцией Струве было опубликовано достаточно большим тиражом в 5000 экз., в то время как второе и третье издания перевода Даниельсона имели тираж соответственно 3020 и 3530 экземпляров. В годы первой русской революции 1905–1907 гг., когда были сняты цензурные ограничения, издатель Попова выпустила в марте 1906 г. тиражом в 5200 экз. второе, полное издание перевода Гурвич и Зака под редакцией Струве без пропусков, сделанных в прошлых изданиях (речь шла о воспроизведении полного текста предисловия Маркса к первому немецкому изданию первого тома «Капитала» 1867 г., а также предисловия Энгельса к четвертому изданию; текст же самого перевода остался без изменений). Третье издание, вышедшее в 1907 г. тиражом в 5000 экз., представляло собой перепечатку предыдущего издания[3]. В последний раз, уже без предисловия Струве, этот перевод был дважды издан в Петрограде в 1918 г.

С точки зрения рассматриваемой темы имеет смысл принять во внимание также статью «Ценность» А. Мануилова в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, отражающую трактовку этого термина в российской академической науке конца XIX – начала XX века. «Ценность» определяется как «продукт человеческого сознания, психологический факт; она зависит не от естественных свойств предмета, а от того, как эти свойства сознаются человеком. … Полезность, а не труд служит основанием ценности. … трудовое начало никогда не было обосновано и почти никто из сторонников трудовой ценности, за исключением Маркса, даже и не пытался серьезно обосновать его. … ошибочно … совершенно устранять трудовое начало из теории ценности: нужно только подвести под него психологическое основание. Таким основанием является принцип полезности. Психологический анализ трудового начала сводит все явления оценки хозяйственных благ к одному источнику и тем ведет к устранению двойственности учения классической оценки, признававшей две причины ценности: редкость и труд (Рикардо). В действительности существует единый знак оценки и трудовая ценность представляет только одну из форм его обнаружения». Далее Мануилов констатирует, что «меновая ценность приобретает господствующее значение и проявляется в форме *цены*, т.е. определенном количестве денег, получаемых в обмен на продукт». Карл Маркс, в понимании Мануилова, начав с «отождествления понятия ценности с понятием труда … приходит к тому, что в действительности товары не обмениваются пропорционально количествам труда, затраченного на их производство»[4]. Отсюда – противоречие между I и III томами «Капитала».

Возвращение к термину «стоимость»

Понятно, что при данной выше интерпретации в российском академическом сообществе конца XIX – начала XX века категории «ценности» и теории Маркса в целом использование термина «ценность» в русском переводе «Капитала», особенно если принять во внимание острую идейную борьбу с «легальным марксизмом» в те годы, не могло устраивать социал-демократическую аудиторию. Поэтому, как только позволили политические условия, в 1905–1907 гг. новый перевод всех трех томов «Капитала» был предпринят в рядах российских социал-демократов (большевиков). Идея исходила от бежавшего весной 1906 г. из Омской тюрьмы и нелегально приехавшего в Москву члена Харьковского большевистского комитета Н.С. Ангарского, которому удалось договориться об издании «Капитала» с купцом Г.А. Блюменбергом, представителем бумажных фабрик Паллизен. Блюменберг рассчитывал нажиться на издании революционной литературы и поручил подыскать переводчика и редактора. С этим предложением Ангарский обратился к И.И. Скворцову-Степанову, который провел большую работу не только непосредственно по переводу, но по организации издания в целом[5].

Поскольку I том в редакции Струве имелся в продаже, в первую очередь были переведены и изданы II и III тома (помимо И.И. Скворцова-Степанова в переводе этих томов участвовали М.А. Сильвин и М.Г. Лунц, в работе по редактированию текста приняли участие В.И. Ленин (2-й том) и И.И. Скворцов-Степанов). Затем, в 1909 г., тиражом в 6000 экз. вышел I том «Капитала». Основным переводчиком этого тома был В. Базаров (литературный псевдоним В.А. Руднева). Редакторами перевода на титульном листе этого издания значились В. Базаров и И. Степанов (литературный псевдоним И.И. Скворцова), общую редакцию осуществил А. Богданов. В основу этого перевода первого тома «Капитала» было положено пятое немецкое издание (1903 г.), являвшееся переизданием последнего прижизненного четвертого издания первого тома, подготовленного Ф. Энгельсом. В приложении были опубликованы письмо Энгельса В. Адлеру об изучении II и III томов «Капитала», указатели авторов и работ, цитируемых в I–III томах, а также стран, упоминаемых в I–III томах. Последний должен был показать, что «Капитал» Маркса

[1] Там же. - С. 11–12.
[2] Там же.
[3] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. - Т. 1. Полный пер. с 4-го, провер. Ф. Энгельсом, изд., под ред. П. Струве. Изд. 3-е. Спб., О.Н. Попова, 1907. см. также: Саралиева З.Х. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России… С. 35.
[4] Мануилов А. Ценность // Энциклопедический словарь. [изд.] Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Эфрон (Санкт-Петербург). - Т. XXXVIII. С.-Петербург 1903. - С. 326-330.
[5] Подробно см.: Саралиева З.Х. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России… С. 36–40.

опирается не только на материалы, связанные с Англией, но и содержит данные о развитии Северной и Южной Америки, Франции, Германии, Бельгии, России, Индостана, Китая и даже Японии.

Предисловие к русскому переводу I–III томов «Капитала» в основном было посвящено отстаиванию правильности термина «стоимость», к которому редакция возвращала читателя[1]. «Как известно, – писали редакторы, – первый русский переводчик I тома «Капитала» передал «Werth» словом «стоимость», отступив от обычного в русской политической экономии термина «ценность». Это нововведение не оказало влияния на академическую науку, но привилось в нашей марксистской литературе 80-х и 90-х годов, вошло, так сказать, в марксистскую традицию. В конце 90-х годов, в период борьбы русского ревизионизма против «окаменелых догм» ортодоксальных марксистов, не было забыто и об этой терминологической «догме»; были приняты меры к тому, чтобы вернуть заблудшую терминологию ложной, ненаучной, марксистской ортодоксии в лоно истинной, научной, академической ортодоксии. В предпринятом тогда новом переводе «Капитала», под редакцией г. Струве, «стоимость» была замещена «ценностью» и научная необходимость этой реформы пространно изъяснена в предисловии редактора и в некоторых журнальных статьях того времени.

Мы решили восстановить историческое право русской «стоимости» на немецкую «Werth», – по крайней мере на ту Werth, о которой говорит Маркс. И вот этот-то контр-реформаторский шаг мы считаем необходимым здесь мотивировать»[2]. Рассматривая аргументацию Струве о трактовке категории «издержек или стоимости» как аналога термина «Cost» в английском языке и «Kosten» – в немецком, редакторы нового перевода поясняли: «Немецкое слово Kosten, когда оно употребляется без всякого дальнейшего пояснения, означает у Маркса не «стоимость», не затрату труда или затрату «вообще», а затрату капитала, авансированного на производство продукта…; на русском языке вошло в обычай выражать это понятие термином «издержки производства». … Что касается англицизма Kost, употребляемого Марксом крайне редко[3], то в цитированном г. Струве месте он действительно имеет «смысл, обычно присваиваемый русскому слову стоимость». Но следует ли из этого, что «Werth» нельзя передавать словом «стоимость»? Такое заключение было бы верно лишь в том случае, если бы термину Kost Маркс придавал существенно иное значение, чем термину Werth, если бы Kost являлась у Маркса особой, отличной от Werth, экономической категорией. Но стоит лишь продолжить вышеприведенную выдержку из III тома «Капитала», чтобы убедиться в противном. …Kost – не особая экономическая категория, а синоним, подчеркивающий определенную сторону в понятии «Werth», но по своему содержанию отнюдь не выходящий из рамок последнего. А так как синоним этот встречается у Маркса, как мы уже сказали, чрезвычайно редко, то не представляет существенной надобности изобретать для него особый термин, – и уж во всяком случае недопустимо в интересах выражения Kost специальным словом отказаться от передачи Werth тем термином, который ближе всего подходит к значению этого основного понятия.

Но, как мы видели, г. Струве утверждает, что не «стоимость», а «ценность» лучше всего выражает немецкое Werth: «смысл русского слова «ценность» в точности соответствует смыслу немецкого слова Werth». Это фактически не верно. «Werth» значительно шире «ценности». Наряду с субъективно-психологическим ему присущ и строго объективный смысл: Werth – не только «предмет нашей оценки», «то, что мы ценим» или «ценность», но также «объективное значение» данного предмета в данной области. В этом последнем смысле слово Werth обычно употребляется в физико-математических науках…

В русском языке нет слова, «в точности» передающего смысл немецкого «Werth». «Ценность», как она употребляется в обыденной речи, а также в психологии и философии, соответствует исключительно субъективно-психологическому смыслу слова Werth. «Стоимость» передает только объективный смысл немецкого термина, и притом далеко не во всем его универсальном объеме; стоимость применима лишь к тем сферам, где объективное значение исследуемого предмета качественно определяется и количественно измеряется какими-либо затратами, где «иметь значение» равносильно «чего-нибудь стоить». Таким образом, ни ценность, ни стоимость – даже сложенные вместе – не выражают всех оттенков слова Werth.

Но ведь в рассматриваемом случае вовсе и не требуется, чтобы русский термин был эквивалентен слову Werth во всех возможных областях его применения. Дело идет лишь о наиболее целесообразной передаче Werth в данной специфической области, в политической экономии Маркса. Следовательно, вопрос ставится так: что более соответствует духу экономического учения Маркса, – психологическое истолкование Werth (Werth = «ценность», объект субъективной «оценки») или его объективное истолкование (Werth = «стоимость», результат определенных затрат)»[4].

«В товарном мире основным явлением, подлежащим объяснению всякой теории стоимости, является, как это прекрасно известно и самому г. Струве, «цена». Но только для сторонников одной определенной, а именно психологической теории стоимости, во всех их модификациях …, априори очевидно, что цены включают в себя момент ценности, т.е. слагаются как результат тех или других оценок хозяйственных благ. По Марксу цены товара формируются в процессе, протекающем «за спиною производителей», вне сферы их сознательных целей и ценностей, их индивидуальных или общественных оценок. Цена как «явление», как непосредственный факт опыта, представляется человеку капиталистического общества не ценностью, не чем-то таким, что сознательно и намеренно приписывается данной вещи или вкладывается в нее людьми, а объективным, самою природою созданным свойством вещи-товара. То отме-

[1] Предисловие к русскому переводу I–III томов «Капитала» // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. - Т. 1. Полный пер. с 5-го, провер. Ф. Энгельсом, - М. изд. под ред. В. Базарова и И. Степанова. Общая ред. А. Богданова. Москва: Московское книгоиздательство, 1909. - С. III–XII.

[2] Там же. - С. III–IV.

[3] К данному месту редакторы дают принципиально важную сноску: *) Точнее говоря, употребляемого Энгельсом, а не Марксо- М. Каутский, на которого было возложено издание рукописей так называемой четвертой книги «Капитала», оставшихся после Маркса, замечает по этому поводу: «Энгельс в третьем томе обыкновенно пишет «Kostpreis». Маркс в рукописи «К критике» обыкновенно пользуется английской формой costprice. Но один раз, на стр. 753 рукописи, он говорит о «Kostenpreisen». (K. Marx, Theorien über den Mehrwerth. Herausgegeben von K. Kautsky. Stuttgart 1908. Vorrede, p. XVI.).

[4] Там же. - С. IV–VI.

ченное г. Струве «удобство», что русское слово «ценность» одного корня с «ценой», с точки зрения системы Маркса есть величайшее неудобство, лишний аргумент против перевода Werth словом ценность»[1].

«… Во всех трех томах «Капитала», – резюмируется в предисловии, – нет и намека на феномен «оценки» как проблему политической экономии. Но зато в первой же главе первого тома с ясностью, не допускающей никаких сомнений, устанавливается тот основной тезис, что от всякого рода оценок необходимо отвлечься для того, чтобы правильно приступить к экономическому анализу товара. Таким образом методологическое устранение категории «ценность», отвлечение от нее, является по Марксу необходимым условием верной постановки проблемы. Плохо это или хорошо, но факт тот, что «проблема» политической экономии не только решается, но и ставится Марксом совершенно не так, как сторонниками психологического направления во всех его разновидностях. И поскольку слово «ценность» способно затемнить отправной пункт учения Маркса – а предисловие г. Струве блестяще доказало, что эту роль оно может выполнить очень недурно, – постольку оно не пригодно для передачи термина «Werth» в учении Маркса.

В «Капитале» нет «ценности», как родового понятия, видами которого являлись бы меновая и потребительная ценность. Тому, что в русском языке выражается словом «ценность», вполне соответствует Gebrauchswerth в употреблении Маркса. Поэтому всего логичнее было бы переводить «Werth» и «Tauschwerth» – «стоимость» и «меновая стоимость»; «Gebrauchswerth» – «ценность» или «потребительная ценность». Но от этого пришлось отказаться по техническим соображениям. При употреблении различных слов для выражения меновой и потребительной стоимости пришлось бы не переводить, а излагать многие места, в которых Маркс устанавливает отношение между Werth и Gebrauchswerth, так как в этих случаях самое построение фраз подлинника зачастую определяется наличностью одного термина для обоих понятий. Такие места встречаются преимущественно в 1-ой главе I тома, возможно более близкая передача которой особенно важна для понимания духа и метода политической экономии Маркса. Вот почему мы предпочли пользоваться не совсем удобным термином «потребительная стоимость». Нам это казалось тем более позволительным, что «потребительная стоимость = Gebrauchswerth», несмотря на всю свою физиологическую уязвимость, не способна породить никаких недоразумений по существу, тогда как «ценность = Werth» влечет за собою, как мы только что видели, целую теорию, в корне чуждую Марксу»[2].

Таковы соображения, по которым переводчики и редакторы перевода издания трех томов «Капитала» 1907–1909 гг. В. Базаров, И. Степанов и А. Богданов восстановили терминологию, построенную на переводе немецкого Werth в первом томе «Капитала» словом «стоимость» и постарались «возможно строже, единообразнее и последовательнее применять вошедшую во всеобщее употребление терминологию на протяжении всех трех томов «Капитала»»[3]. Тиражи второго и третьего томов составили по 8000 экземпляров, первый том этого издания имел тираж 6000 экземпляров. Данное издание послужило отправным пунктом для новых редакций русских переводов «Капитала», осуществленных уже после 1917 года.

В 1913 г. П.Б. Струве выпустил книгу «Хозяйство и цена», в которой использовался термин «ценность». В.И. Ленин по этому поводу заметил: «… г-н Струве упорно употребляет неправильную терминологию, говоря «ценность» вместо «стоимость», хотя неправильность эта давно была ему доказана»[4].

Издания первого тома «Капитала» после 1917 г.

На протяжении всего советского периода русский перевод всех трех томов «Капитала» неоднократно перепроверялся, корректировался, и каждая новая редакция занимает в истории издания «Капитала» в нашей стране свое место. В рамках нашей темы ограничимся лишь изданиями первого тома. Принципиальными были новые редакции перевода первого тома «Капитала», осуществленные в 1920, 1933–1934, 1937 и 1960 годах.

В 1920 г. в четвертом томе запланированного Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в 28 томах, из которых вышли в свет только четыре тома, был опубликован новый перевод первого тома «Капитала» под редакцией В. Базарова и И. Степанова, переработанный Степановым. Этот перевод существенно отличался от издания 1909 г., поскольку в основу его было положено так называемое «Народное издание» первого тома под редакцией К. Каутского[5]. Текст этого «популярного издания» базировался на втором издании первого тома «Капитала» 1872 года, вышедшем при жизни Маркса, в которое Каутский внес изменения, главным образом на основе французского издания первого тома (1872–1875 гг.). В частности, Каутский упростил изложение тех мест, которые в немецком оригинале были, с его точки зрения, слишком сложными для читателя. Он внес и другие изменения, по сравнению с текстом третьего и четвертого изданий I тома «Капитала» в редакции Энгельса. О характере изменений, которые были предприняты в «народном издании», Каутский сообщал в своем редакционном предисловии, которое, наряду с предисловием Степанова к русскому изданию, было полностью опубликовано в томе IV Сочинений Маркса и Энгельса 1920 г.

Это издание I тома ИМЭ выпустил повторно в виде отдельной книги в 1923 г. (в том же году книга вышла и в Харькове). Затем оно многократно с незначительными расхождениями переиздавалось (в 1925, 1928, 1929, дважды в 1930 и 1931 годах, 1932, 1935 и 1936 годах), всего вышло восемь изданий данного перевода. Предисловие Каутского в последних изданиях не воспроизводилось.

В 1920-е годы, когда происходило становление советской экономической науки, большую роль в теоретических дискуссиях вокруг экономической теории Маркса, особенно теории стоимости, играл И.И. Рубин, который с 1926 г. работал в ИМЭ и участвовал в подготовке русских изданий экономических работ Маркса, в том числе «Капитала». Совместно с А.Л. Реуэлем и Е.А. Гурвич Рубин подготовил к печати новое издание работы Маркса «К критике политической экономии», в которой Маркс впервые изложил свое учение о товаре и где, соответственно, фигурируют термины первой главы первого тома «Капи-

[1] Там же. - С. VII–VIII.
[2] Там же. - С. X–XI.
[3] Там же. - С. III.

[4] Ленин В.И. Еще одно уничтожение социализма // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. - Т. 25. - С. 35. С- М. также: Саралиева З.Х. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России… С. 41.
[5] Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Volksausgabe. Hrsg. von Karl Kautsky. Bd. I. Stuttgart, 1914.

тала». При этом был заново отредактирован сам перевод, отработана терминология, построенная на использовании термина «стоимость». В своих «Очерках по теории стоимости Маркса» (1-е изд. 1923 г., 4-е изд. 1929–1930 гг.), получивших широкое распространение, как и в других работах, Рубин также всегда использовал термины «стоимость», «меновая стоимость» и «потребительная стоимость»[1]. Таким образом, терминология «Капитала» в переводе Скворцова-Степанова не подвергалась сомнению уже в 1920-е годы.

В 1933–1934 гг. Институт Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) выпустил принципиально новое издание I тома «Капитала» на русском языке. К этому времени И.И. Скворцова-Степанова (1870–1928) уже не было в живых. Редакторами этого тома являлись Б. Раскин (отделы I–V) и А. Леонтьев (литературный псевдоним известного в будущем экономиста Л.А. Леонтьева, отделы V–VII), общая редакция была проведена В.В. Адоратским. Книга была сдана в печать в конце 1932 г., первые экземпляры тиража вышли в 1933 г., остальная часть – в 1934 г. В основу перевода был положен текст 4-го немецкого издания первого тома в последней, прижизненной редакции Энгельса. При этом использовался перевод Скворцова-Степанова, но он подвергся тщательному пересмотру. В особо трудных случаях подготовители обращались к первому русскому переводу 1872 г.

Подготовка нового издания стала возможной после того, как в процессе работы над томами Второго отдела Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA) – первом издании МЭГА, выходившем в 1927–1935 гг., – для публикации на языке оригинала трех томов «Капитала» и основных черновых рукописей Маркса первой, второй и третьей книг «Капитала»[2] была проведена уникальная работа по выявлению *всех* разночтений между вторым (вышедшим при жизни Маркса в 1872 г.) и четвертым (опубликованным Энгельсом в 1890 г.) изданиями первого тома «Капитала», а также между четвертым немецким и французским изданиями[3]. Наиболее важные из этих разночтений, в том числе часть которых была опубликована в издании под редакцией Струве и в «народном» издании Каутского, воспроизводились в виде подстрочных примечаний. В процессе работы над новой редакцией перевода первого тома была проделана тщательная работа по сличению текстов всех четырех немецких изданий первого тома, проведено сопоставление немецкого оригинала с английским изданием, изучены пометки и корректуры Маркса на его собственных экземплярах первых двух немецких изданий, сверка цитат с текстом цитируемых книг в подлинниках. Богатейший к этому времени книжный фонд библиотеки ИМЭЛ позволял проделать эту кропотливую работу.

В результате было выявлено немало ошибок, небрежностей и погрешностей в издании Каутского, о наиболее значимых из них сообщалось в предисловии от редакции[4]. Обнаружились как произвольно включенные в текст места из французского издания, так и исключенные из текста отдельные места из немецкого издания.

Большая работа была проведена по унификации терминологии. При этом учитывалось, что в советской экономической литературе к этому времени уже утвердилась определенная экономическая терминология, поэтому введение каждого нового термина должно было быть очень продумано. Серьезное нововведение в области терминологии касалось серии сложных немецких слов, преимущественно в первой главе первого тома, образованных путем присоединения слова «Wert» к целому ряду существительных. Речь шла о терминах Wertverhältniss, Wertgegenständlichkeit, Wertding, Wertcharakter которые переводились как стоимостное отношение, стоимостная предметность, стоимостная вещь и стоимостной характер. Интересно, что в предыдущих переводах, начиная с редакции Богданова 1909 г., слово «Wertgegenständlichkeit» переводилось как «субстанция стоимости»; во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса оба последних термина будут переведены как «стоимость», при этом в каждом случае в квадратных скобках будет сообщаться немецкий оригинал[5].

Впервые в издании 1933–1934 гг. места, цитированные в работах Ленина в его собственных переводах «Капитала», приводились в переводе Ленина. Если существовало несколько вариантов перевода одних и тех же мест, то принимался последний вариант. Была проведена новая литературная редакция всего текста. Таким образом, поиск адекватной терминологии в переводах «Капитала» и совершенствование перевода текста в целом осуществлялись в каждом новом издании как первого, так второго и третьего томов «Капитала». Отсюда видно, что выбор между терминами «стоимость» и «ценность» имеет значение не только для перевода таких категорий, как Wert, Gebrauchswert и Tauschwert.

Новшеством в издании 1933–1934 гг. был и научно-справочный аппарат. Если ранее в отдельных изданиях первого тома давались указатели важнейших имен и литературных и мифологических персонажей, иногда географических названий, то в этом издании имелись полный указатель имен, указатель литературных и мифологических имен, транскрипция географических названий и обширный указатель цитированных произведений. Последний был вообще сделан впервые, а только в первом томе «Капитала» цитируется и упоминается более 700 произведений и периодических изданий на английском, немецком, французском, итальянском, латинском и русском языках. Отдельным изданием должен был быть издан предметный указатель.

Издание 1933–1934 гг. стало отправным пунктом для последующих публикаций I тома «Капитала» на русском языке. Оно легло в основу следующей редакции I тома в составе XVII тома первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Подготовителем тома был А.Ф. Кон. Эта новая редакция перевода вышла под редакцией В. Адоратского, М. Савельева (заведующего Сектором произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в то время) и

---

[1] См.: Васина Л.Л. И.И. Рубин и его рукопись «Очерки по теории денег Маркса» // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. - М., 2011. - С. 479–487.

[2] Об истории и значении МЭГА см.: Васина Л.Л. Публикация литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса в международном издании МЭГА (история, современное состояние, значение) // Экономическая история России: Проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Выпуск 4. Волгоград, 2002. - С. 119–152.

[3] Составленные в 1930-х гг. подготовителями томов Второго отдела первой МЭГА, ни один из которых так и не вышел в свет, указатели этих разночтений, насчитывающих сотни и тысячи вариантов, сохранились и использовались для всех последующих изданий «Капитала» и черновых экономических рукописей Маркса как на русском языке, так и на языках оригинала в новом издании МЭГА, начавшем выходить в 1975 г.

[4] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. - Т. I. Кн. 1. Процесс производства капитала. - М.: Партиздат, 1933. - С. III–V.

[5] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. - Т. 23. - С. 56.

А. Стецкого в августе 1937 г. и была тут же переиздана Партиздатом в виде специально оформленного издания, приуроченного к 70-летию выхода в свет первого тома «Капитала» Маркса. В конце 1937 г. издание I тома было выпущено Партиздатом повторно, уже без юбилейного оформления. Отметим, что во всех изданиях, вышедших в 1937 г., отсутствовали указатели географических названий и цитированных произведений.

В 1949 г. текст XVII тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса с предисловием ИМЭЛ 1937 г. был переиздан вновь в виде отдельного издания I тома, которое без изменений печаталось в 1950, 1951, 1952, 1953 и 1955 годах.

Следующий важный этап в совершенствовании русского перевода I тома «Капитала» связан с подготовкой его издания в томе 23 второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Этот перевод был подготовлен А.И. Малышем под редакцией Я.Б. Турчинса[1]. По свидетельству Малыша, при подготовке нового издания «Капитала» «большой и безусловно необходимой проверке подвергся распространенный перевод всех томов «Капитала», особенно первого … Число всевозможных исправлений в старом переводе под редакцией И.И. Скворцова-Степанова только по первому тому достигает 9 тысяч. В сложных и ответственных случаях обращались к текстам на других языках – французскому авторизованному переводу и английскому переводу, отредактированному Энгельсом. Сличение оригинала с этими именно переводами подсказывало то русское слово или словосочетание, которое полнее и правильнее всего выражало мысль Маркса. В ряде случаев было решено в отдельные формулировки оригинала внести целесообразные исправления на основе французского варианта»[2].

В издании 1960 г. был сделан существенный шаг вперед в создании научно-справочного аппарата к тексту I тома «Капитала»: впервые к тексту давались редакционные примечания, в первом из них кратко излагалась история работы Маркса над «Капиталом». (Такого рода примечания делались ко всем публикуемым во втором издании произведениям Маркса и Энгельса.) Впервые в томе были даны *аннотированные* указатели имен и литературных и мифологических персонажей, полный указатель цитируемой и упоминаемой литературы с русским переводом иностранных названий, внутри которого были выделены парламентские отчеты и другие официальные публикации, а также периодические издания, произведения художественной литературы и библия. Был сделан указатель русских переводов цитируемых книг и, наконец, – предметный указатель. При этом следует отметить, что работа над научно-справочным аппаратом была тесно увязана с работой над текстом: унифицировалась транскрипция имен, проверялись по первоисточникам цитируемые в тексте места и, соответственно, их переводы и т.д.

Новая редакция перевода первого тома 1960 г. воспроизводилась в отдельных изданиях Политиздата в 1963, 1967, 1969, 1973, 1978, 1983 и 1988 годах. Некоторые незначительные уточнения в издание всех трех томов «Капитала» были внесены в их публикацию в составе томов 7–9 Избранных сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в девяти томах, вышедших в 1987–1988 годах.

Таким образом, существующее на сегодняшний день последнее издание «Капитала» на русском языке, в основу которого был положен текст 7-го, 8-го и 9-го томов Избранных сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса[3], аккумулировало огромную, многолетнюю, разностороннюю, кропотливую и трудоемкую работу нескольких поколений переводчиков, подготовителей и редакторов переводов всех томов «Капитала». Но при этом терминология, построенная на последовательном использовании термина «стоимость», не подвергалась изменениям, поскольку вытекала из соответствующего понимания теории стоимости Маркса.

Подводя итог, хотелось бы сказать следующее: Современному читателю, особенно молодому, может быть не понятна принципиальная сторона спора вокруг терминов «стоимость» и «ценность». Однако, ставя вопрос о правомерности или об ошибочности термина «стоимость», необходимо, на мой взгляд, хорошо представлять себе всю историю издания «Капитала» на русском языке, особенно первого тома, показывающую, что вопрос о правильности перевода лежит не в области филологии, а напрямую связан с соответствующей интерпретацией теории Маркса.

Вопрос о качестве перевода «Капитала» на русский язык не может сводиться к выбору между двумя терминами. «Капитал» – это сложнейший теоретический труд, так и оставшийся автором, к сожалению, не завершенным. Однако главные его идеи Маркс опубликовал в первом томе, и не случайно именно вокруг этого тома в первую очередь идут дискуссии до сих пор. Думается, что отношение к терминологии «Капитала» и сегодня должно вытекать именно из отношения к теории стоимости Маркса.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что в настоящее время в Полном собрании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала (МЭГА) изданы все издания «Капитала», вышедшие при жизни Маркса и Энгельса, включая французское и английское издания[4]. Во втором отделе МЭГА, завершенном в 2012 г., опубликованы черновые рукописи всех томов «Капитала». Поэтому читатель, не удовлетворенный существующими переводами, имеет сегодня возможность ознакомиться с интересующими его текстами «Капитала» и его черновыми вариантами в оригинале.

---

[1] Тщательный анализ новой редакции текста I тома «Капитала» в томе 23 второго издания содержится в статье В.П. Касаткина «Перевод «Капитала» Маркса (т. I) в новой редакции». СМ.: Ученые записки (Ульяновский гос. пед. ин-т и- М. И.Н. Ульянова). - Т. XVIII. Вып. 2. - Ульяновск, 1963. - С. 65–105.

[2] Малыш А.И. Второе издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса // Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. № 14. - М., 1966. - С. 25–26.

[3] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. - Т. I. [Введ. О.И. Ананьина; предисл. Л.Л. Васиной, В.С. Афанасьева.] Т. II. [Предисл. Л.Л. Васиной, В.С. Афанасьева; послесл. В.И. Маевского.] Т. III. [Предисл. Л.Л. Васиной; послесл. П.Н. Клюкина, К.В. Сорвина.] - М.: Эксмо, 2011. Данное издание неоднократно перепечатывалось в последующие годы.

[4] Первое немецкое издание см.: Marx K. Das Kapital. Bd. 1. Hamburg 1867 // Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA). Bd. II/5. Berlin, 1983; второе издание – Marx K. Das Kapital. Bd. 1. Hamburg 1872 // MEGA. Bd. II/6. Berlin, 1987; третье издание – Marx K. Das Kapital. Bd. 1. Hamburg 1883 // MEGA. Bd. II/8. Berlin, 1989; четвертое издание – Marx K. Das Kapital. Bd. 1. Hamburg 1890 // MEGA. Bd. II/10. Berlin, 1991; французское издание – Marx K. Le Capital. Paris 1872–1875 // MEGA. Bd. II/7. Berlin, 1989.; английское издание – Marx K. Capital. A Critical Analysis of Capitalist Production. London 1887 // MEGA. Bd. II/9. Berlin, 1990. Русское издание не попало в издание МЭГА, так как к этому переводу ни Маркс, ни Энгельс не имели отношения.

Навстречу 100-летию создания В.И. Лениным работы «Империализм, как высшая стадия капитализма»

***От редакции. В** 2016 г. исполнится 100 лет со времени создания Лениным произведения, конгениального «Капиталу» К.Маркса – «Империализм, как высшая стадия капитализма». Ленинская теория империализма осветила могучим прожектором марксистской науки процессы, происшедшие в капиталистическом мире со времени создания Марксом «Капитала». Ленин создал теорию империализма на незыблемом фундаменте марксистской теории и методологии. Вместе с тем, в результате его исследования и обобщения новых фактов действительности марксистская теория в целом, и политическая экономия в частности получили всестороннее развитие, были подняты на новую, высшую ступень. Из теоретических положений и выводов ленинской теории империализма, обогатившим новым содержанием марксистское учение, считаем необходимым обратить внимание в предисловии от редакции на важнейшую из них, имеющую принципиальное значение для продолжения подлинно научного исследования современного империализма. Речь идет об открытие Лениным экономической сущности империализма, вне которой невозможно понять всей системы взаимосвязанных основных экономических, т. е. базисных отношений качественно новой стадии развития капитализма; а также ленинское обоснование изменений в надстройке и исторического места империализма как производных в первую очередь от его экономической сущности. Ниже кратко остановимся на этом тезисе. Ленин во многих своих работах подчеркивал, что марксистская диалектика требует, в том числе, конкретного анализа каждой особой исторической ситуации и всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии, к сведению внешнего, т.е. кажущегося, к коренным движущим силам: к развитию производительных сил и к классовой борьбе. Именно этот важнейший методологический принцип марксистской теории Ленин положил в основу своего исследования империализма. Путем конкретного анализа новой исторической ситуации, сложившейся к концу Х1Х – началу ХХ вв., он пришел к выводу о том, что капитализм вступил в качественно новую стадию своего развития. Обоснование этого вывода он усматривал в развитии производительных сил капитализма с характерным для него ростом товарного производства и обмена, усилением концентрации и централизации производства и капитала, доходящих до такой степени, что приводят к появлению монополий и их господству.*

В предисловии к работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин писал: «ее целью является помочь разобраться в основном экономическом вопросе, без изучения которого ничего нельзя понять в оценке войны и приведшей к ней политики, а именно: в вопросе об экономической сущности империализма».[1] *Ленин отрыл, что экономической сущностью империализма является господство монополий, возникающих на определенной, достаточно высокой ступени концентрации производства и капитала. Порождение монополии концентрацией производства и ее господство – общий и основной закон империализма, именно поэтому его следует характеризовать как монополистическую стадию капитализма, а особенности отдельных стран вызывают лишь несущественные различия в форме как самих монополий, так и в форме проявления их господства не только в сфере производства, но и во всех других сферах экономики как внутри стран, так и в мировом капиталистическом хозяйстве и международных экономических отношениях. Господство монополий определяет не только экономику, но и политику и все другие явления и отношения надстройки: «монополия – писал Ленин,- раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни , независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других «частностей»*2

Ленинское определение экономической сущности империализма имеет основополагающее методологическое значение и в настоящее время. Взятое как исходный пункт теоретического анализа, только оно позволяет понять и научно объяснить значительные сдвиги, происходящие в современной экономике, внутренней и внешней политике империалистических государств, их характерные черты и особенности, противоречия и тенденции развития. Но поскольку сущность империализма остается прежней, то, следовательно, сохраняются присущие ему коренные черты и противоречия, действуют присущие ему законы.

Буржуазные идеологи и теоретики социал-демократического оппортунизма II интернационала, как и их современные идейные наследники, отрицали и продолжают отрицать наступление последней стадии развития капитализма – эпохи монополистического капитализма-империализма. Игнорируя существенные изменения в экономике капитализма, они пытаются представить империализм как некое случайное свойство внешней политики держав, которое вполне устранимо при сохранении капитализма. Выдвинутая в свое время К.Каутским фактически апологетическая теория ультраимпериализма и ее современные модификации утверждают, что империалисты вполне могут договориться между собой о мирном разделе мира и ликвидировать раздирающие капиталистический мир противоречия, которые в действительности с вступлением капитализма в монополистическую стадию обострились до крайней степени и многие из них приобрели, по определению Ленина, безысходный характер. Причины ожесточенных нападок на ленинскую теорию империализма в прошлом и особенно в настоящем буржуазных идеологов и их эпигонов из лагеря социал-демократов, троцкистов и леваков всех мастей, как и попытки применить к ней «заговор молчания » или опровергнуть путем противопоставления марксизму как якобы его антиподу, ясны: это прежде всего теоретически обоснованный В.И Лениным вывод о том, что империализм есть канун социалистической революции пролетариата, – вывод, четко определивший историческое место империализма и тенденции его развития. Опыт истории подтверждает великую жизненную силу ленинской теории империализма и демонстрирует теоретическое бессилие ее современных буржуазных и реформистских критиков.

Н.К. Крупская в своих «Воспоминаниях о Ленине» писала: «Изучение экономики империализма, разбор всех составных частей этого «ящика скоростей», охват всей мировой картины идущего к гибели империализма – этой последней ступени капитализма – дали возможность Ильичу по-новому поставить целый ряд политических вопро-

---

[1] Ленин. В.И. ПСС – Т.27.– С. 303.
[2] Там же. – С.355

сов, гораздо глубже подойти к вопросу о том, в каких формах будет протекать борьба за социализм вообще, и в России в частности» [1].

Будучи подтвержденной всем ходом последующего исторического развития в XX в. и нынешнем XXI в., она остается единственно подлинно научным ориентиром для познания сложных противоречивых процессов современности и имеет непреходящее значение для борьбы рабочего класса, всех трудящихся за социалистическое переустройство общества.

К вопросу об основных признаках современного империализма

П.А. Покрытан [2]

В новейшей истории России работа Ленина, как ни странно, не была изъята из учебного процесса по аналогии с курсом политической экономии, научного коммунизма и т.п. В курсе истории экономических учений теория империализма основана почти целиком на работе Ленина. В определенной степени это обстоятельство связано, видимо, с тем, что ленинский труд «Империализм, как высшая стадия капитализма» является классическим научным произведением, благодаря которому был создан, в том числе, и новый раздел политической экономии – политэкономии империализма.

Обращает на себя внимание огромная библиография данной работы: 148 использованных книг (106 на немецком языке, 23 на французском, 17 на английском и 2 на русском); из 232 статей (206 немецких, 13 французских, 13 английских), которые были размещены в 49 периодических изданиях (34 немецких, 7 французских и 8 английских).

Таким образом, работа объемом 126 страниц опиралась на 380 источников, или 3 источника на одну страницу текста. Но главное не в количестве источников. Главное состоит в качестве привлекаемой литературы: львиная доля – иностранные источники и всего два на русском языке: книга О. Бауэра «Национальный вопрос и социал-демократия» и книга Р. Гильфердинга «Финансовый капитал»[3]. Если перевести объем научного труда Ленина на современные аналоги, то 126 страниц, по сути, это минимальный объем кандидатской диссертации или небольшой монографии[4]. Возникает вопрос: можно ли сегодня найти аналоги в отечественной и не только научной литературе, будь то магистерская диссертация, кандидатская, докторская диссертация, монография, где привлекалась бы литература на четырех языках в таких объемах и центральное место отводилось бы именно иностранной литературе. В лучшем случае в диссертации приводится десяток-другой источников на одном иностранном языке, часть из которых носит формальный характер. Чтобы прикрыть это положение. в кандидатской диссертации, например, в разделе «степень разработанности проблемы», приводится обширный список авторов (до восьмидесяти), среди которых фигурируют и иностранные фамилии, естественно переведенные на русский язык, но ссылки на работы которых, собственно в диссертации, в списке использованной литературы по большей части отсутствуют. Этим списком, который в таком формате напоминает мартиролог, делается попытка повысить значимость проделанной работы.

Вместе с тем привлечение иностранных источников для научной работы в ряде случаев не только желательно, но и необходимо. Такой императив задается темой исследования и источниковой базой. Что мог бы написать Ленин об империализме, если бы опирался исключительно на русскоязычные источники информации того времени? В объемном труде (530 стр.) И.М. Гольдштейна «Синдикаты и тресты и современная экономическая политика», выпущенном в Москве в 1907 году, приводится на 10 страницах библиография по теме, из 183 источников которой на русском языке оказалось всего 12, причём пять из них – статьи самого автора. Собственно работ по империализму на русском языке за период с 1900 по 1916 гг. автору вместе с библиографом в предметном каталоге фундаментальной библиотеки МГУ обнаружить не удалось. Так, известная работа Дж. А. Гобсона «Империализм», на которую Ленин опирался в своём произведении, была издана на русском языке только в 1918 году. А вот в фондах Ленинской библиотеки из 1890 единиц, написанных по империализму до нашего времени, было обнаружено всего пять книг, изданных в период 1900 по 1916 гг. на русском языке. Среди них: Клейнборт Л.М. Русский империализм в Азии // Л. Клейнборт. – Санкт-Петербург: Знание, 1906 – 47 с.; Бицилли П.М. Тацит и римский империализм // П.М. Бицилли. – Одесса: "Славян." тип. Е. Хрисогелос, 1912 – 13 с.; Каутский К. Империализм // К. Каутский. – [Харьков]: Наша мысль, [191-?] – 20 с.; Павлович М.П. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. / Экономические основы внешней политики современных государств. – Санкт-Петербург: тип. Б.М. Вольфа, 1913. – 234с.; Фриче В.М. Германский империализм в литературе // В. Фриче – Москва: Задруга, 1916 – 120 с. И это несмотря на то что, если судить по статье с аналогичным названием в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, понятие «империализм» в русском языке уже было введено в оборот, под ним понималась политическая система, «будто бы представляющая собой сочетание принципа народовластия с учреждениями единичного правления»[5]. Конечно, оно еще не было устоявшимся и подверглось серьезной эволюции, как свидетельствует сравнение. Так, если

---

[1] Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. – Госполитиздат, 1957. – С. 239.

[2] Покрытан П.А. – профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

[3] Характерно, что обе работы немецких авторов, переведенные на русский язык. Труды собственно русских авторов задействованы не были.

[4] Здесь мы отвлекаемся от сравнения сроков написания работы Ленина и современной диссертации, которые тоже не в пользу современных работ: 3 года аспирантуры – и 6 месяцев, время написания работы «Империализм…»

[5] Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Т.XIII (т.25, ч.1). СПб, 1894. – С. 14.

энциклопедический словарь трактует империализм как форму политического устройства, то у Ленина империализм – это господство, власть монополистического капитала; если в словаре Брокгауза и Ефрона монополии существовали и во времена Аристотеля и Страбона, т.е. фактически носят внеисторический характер, то у Ленина капиталистические монополии складываются в последней трети XIX века. Эти различия позволяют понять новизну работы Ленина и указать на крайне скудную литературу по монополиям на русском языке в начале XX столетия в России, а также на крайне ничтожное количество работ по империализму. Разумеется труд Ленина не основывался только на работах, в названии которых было представлено слово «империализм». Например, использованная Лениным работа Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» была переведена на русский язык в 1912 году и вполне могла быть задействована[1]. Но обширнейшая библиография к статье «Империализм» в первом издании Большой Советской энциклопедии, убедительно показывает, что количество изданных по смежным статьям к данной теме работ на русском языке за период с 1900 по 1916 гг. было также ничтожно.[2] Всё это свидетельствует о наличии серьезных ограничений для написания работы на базе русскоязычных источников в тот период.

Конечно, оппоненты могли бы возразить, что Ленину в Женеве гораздо легче было достать литературу на иностранном языке, чем на русском. Здесь можно ответить, что и возможностей интернета в то время не было, а ведь с его помощью, современным исследователям можно привлекать литературу на иностранных языках не выезжая из страны. Но этого почему-то не происходит.

Слабая работа с иностранными источниками, фиксирующими дальнейшую эволюцию империализма на современном этапе, по всей видимости, явилась одной, но не единственной причин, не позволившей КПРФ, несмотря на предпринятые ею попытки, убедительно, доказательно сформулировать основные признаки империализма «эпохи глобализации»[3].

Необходимость такой работы давно назрела. Дело в том, что актуальность разработки признаков империализма продиктована рядом обстоятельств. Во-первых, со времени опубликования работы Ленина прошло почти 100 лет. За это время произошли гигантские изменения и в развитии производительных сил, и в формах производства. Так, изменилась главная производительная сила, её основа – численность человечества – за этот короткий исторический период выросла в четыре раза (!). Технические возможности позволили в массовом масштабе добиться прогресса во всех отраслях деятельности. Вместе с тем и формы производства не стояли на месте. Если Ленин создавал свою работу, когда социализм еще нигде представлен не был, то в настоящее время он не только успел заявить о себе всему миру блестящими достижениями, но и существенно сдать позиции, что указывает на актуальность вопроса «кто-кого». Освобождение от колониализма, последующий неоколониализм и «цунами революций», произошедших на наших глазах, показывает, насколько остро стоит вопрос о разработке основных признаков империализма на современном этапе. Обращают на себя внимание особая агрессивность отдельных стран, войны в Европе, Африке, Азии. Картина мира за столь короткий исторический период несколько раз менялась. Все эти явления должны быть объяснены теорией, объяснены с точки зрения базовых, сущностных законов движения современного общества. Это во-первых.

Во-вторых, как известно, книга А. Смита была издана в 1773 году, а Риккардо – в 1817, почти полвека спустя. За этот период появилась книга Мальтуса, которая вызвала общественный резонанс своими пессимистическими прогнозами. Через 50 лет после Риккардо вышел I том «Капитала» Маркса. Еще спустя почти полвека появилась работа Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». В каждой из них определялись сущностные черты капитализма. Итак, 1773, 1817, 1867, 1916. После издания работы Ленина прошло почти 100 лет. Мы, разумеется, не хотим сказать, что этот период в теоретическом плане остался белым пятном. Это было бы грубым искажением действительности. Но того, что потребность в описании черт современного империализма настоятельно диктуется всем ходом общественного развития, не заметить невозможно.

Не вдаваясь в детальный анализ, легко заметить, что, во-первых, многие «новации», предложенные КПРФ, фактически повторяют признаки империализма, сформулированные Лениным в 1916 году, и, во-вторых, существенно нового, в большинстве предложенных ею признаков, обнаружить не удалось, несмотря на то что их количество по сравнению с ленинскими увеличилось на два. В некоторых случаях допускаются неточности. Так, в первом признаке «окончательное порабощение капитала производственного, промышленного капиталом финансовым, спекулятивным» недоучитывается то обстоятельство, что понятие «финансовый капитал» уже фиксирует закрепление производственного, промышленного капитала в качестве элемента финансового капитала. Возникает путаница. В данном случае необходимо говорить об окончательном подчинении банковским капиталом капитала промышленного. Но если формулировать этот признак так, то это не новость, поскольку Ленин в свой работе неоднократно подчёркивал существующее «господство финансового капитала» (См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. 343)[4]. Что же означает «господство финансового капитала», если не подчинение – в редакции КПРФ «порабощение», что, в общем-то, по сути, одно и то же, если не учитывать оттенок слова, его эмоциональное наполнение. А если его учитывать, тогда вопрос новизны признака сводится к оттенку, чего, на наш взгляд, совершенно недостаточно. Кроме того, вопрос «окончательности» требует доказательств, которые в силу формата работы – выступление на пленуме – нет. Но доказательства здесь, безусловно, нужны.

Представляется, что требует доказательной базы и второй признак «превращение рыночных отношений в искусственный механизм внеэкономического принуждения, неэквивалентного обмена и ограбления целых

[1] См. Леонтьев Л. Предисловие к книге Гильфердинга Р. Финансовый капитал. – М., 1959. – С. 39.

[2] Империализм // Большая Советская Энциклопедия. Гл.ред О.Ю.Шмидт [1-е изд.]. – М., «Сов. энциклопедия», 1933. Т. 27. – С. 956-960.

[3] См. газету «Правда» №119 от 30-31 октября 2012.

[4] «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала…» (Ленин В.И. ПСС. – Т. 27. – С. 387).

стран и народов». В части «ограбления» этот признак не вызывает возражений, но, если рассматривать неэквивалентный обмен как всеобщие для глобализма отношения, тогда придётся от марксизма отказаться, поскольку Маркс предполагал возможности неэквивалентного обмена при капитализме на первых стадиях его развития, пока он еще не встал на собственные ноги (по выражению Броделя, «был в гостях», а не «у себя дома»). В этих условиях прибыль рассматривалась как результат надувательства, неэквивалентного обмена. Но заслуга Маркса в том, что при рассмотрении собственно капиталистического производства, где действует производительная форма промышленного капитала, он вслед за Смитом в принципе исключил обман или неэквивалентный обмен[1]. Если бы он исходил из последнего как всеобщего отношения, тогда никакой «тайны» прибавочной стоимости не существовало бы. Поэтому, если во втором признаке не указать границ неэквивалентного обмена, то это будет неточно, это будет сводить капитализм эпохи глобализма к домануфактурным временам, в которые ему также были присущи внеэкономическое принуждение и неэквивалентный обмен.

Из третьего признака «установление глобальной модели "международного разделения труда", закрепляющей вопиющее социальное неравенство в планетарных масштабах», необходимо удалить слово «глобальной», поскольку возникает тавтология: империализм эпохи глобализации устанавливает… глобальную модель.

4-й и 5-й признаки очень сильно напоминают высказывание Ленина начала XX века о том, что ни одно серьёзное решение не принимается правительством, парламентом. Они все принимаются на биржах, в советах директоров. 5-й признак «утрата национальными правительствами контроля над процессами в мировой экономике…» сразу вызывает вопрос: а что, национальные правительства в период капитализма когда-то контролировали процессы в мировой экономике? На наш взгляд, это прерогатива наднациональных, международных структур, так называемого мирового правительства. Более того, если обратиться к значению слова «контроль», то в русском языке оно обозначает проверку, а также наблюдение с целью проверки. Что имеется в виду под «проверкой процессов в мировой экономике» национальными правительствами, совершенно непонятно. Или этот признак предлагает правительству России проверить, происходит ли кризис в мировой экономике? Если да, то для этого у него в арсенале существуют статистическое ведомство, министерства и т.п. Если предположения неверны, тогда нужно объяснить, что имеется в виду.

Что касается 6-го признака «информационно-культурная экспансия как форма агрессии. Духовная унификация на самом примитивном уровне. Искоренение национальной самобытности стран и народов», то фактически о ней говорилось еще в Манифесте Коммунистической партии. «Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию» [2].

Ничего нового нельзя обнаружить и в 7-м признаке «паразитизм транснационального капитала. Присвоение им выгод от внедрения высоких технологий при нищете остального мира. Загнивание и качественное торможение научно-технического прогресса», если учитывать существование восьмой главы «Паразитизм и загнивание капитализма» в работе Ленина, понимая при этом, что речь идёт о капитализме периода империализма, а транснациональные корпорации, оперирующие транснациональным капиталом, это всего лишь современная форма монополий, кстати сказать, не единственная. Вся «новизна» данного признака состоит в том, что капитализм сводится к одной из форм движения капитала – транснационального. Не отрицая того, что это форма действительно важная, нельзя игнорировать и другие.

В общем и целом новизна признаков империализма периода глобализма вызывает сомнения. Они едва ли войдут в историю как развитие экономической мысли. Последнее, разумеется, не означает, что развитие империализма в XX веке не привнесло ничего нового. Со времени написания работы Ленина прошло почти 100 лет, а ведь в его работе подытоживался исторический период продолжительностью 50 лет: с момента выхода в свет первого тома Капитала (1867 г.), когда монополий еще не было, до 1916 года, когда они определяли экономическую жизнь мира. И пять основных экономических признаков империализма действительно определяли новизну этого этапа капитализма, его противоречивый переходный характер. Что же действительно нового произошло за последнее столетие с капитализмом в процессе его эволюции? Какие новые признаки появились? Почему из ленинского определения основных экономических признаков империализма выпали такие как вывоз капитала и империалистические войны за передел поделенного мира? А ведь Ленин, раскрывая теоретические ошибки Гильфердинга, одной из наиболее важных считал «почти полное игнорирование раздела мира» [3]. Неужели они остались в том же формате, что и почти сто лет назад? Или «холодная» война не является особой формой войны? Разрушение СССР и глубокие противоречия в нынешнего Российского государства служат яркой иллюстрацией к исследованию данного вопроса. Все эти вопросы ждут серьезного теоретического анализа, успешность которого может быть достигнута лишь на основе труда Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

[1] Это, конечно, не исключает хищнической природы капитализма, который при всяком удобном случае не прочь пограбить тех, кто слабее.

[2] Маркс К.и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М., 1980. – С. 29.

[3] Леонтьев Л. Предисловие к книге Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. – М., 1959. – С. 7.

Ленинский подход КПГ к империализму и империалистической пирамиде[1]

Коммунистическая партия Греции имеет богатый опыт, абсолютно подтверждающий ленинское положение о связи, существующей между империализмом - как высшей стадии капитализма - и оппортунизмом в рабочем движении. Этот вопрос, конечно, касается не только Греции, но и всех капиталистических стран. Не случайно, что экономической сутью империализма является монополия с ее чертами, которые недооценены или игнорируются даже коммунистическими партиями, перешедшими на позиции оппортунизма до, и особенно после победы контрреволюции в социалистических странах.

В нашем докладе постараемся представить некоторые основные положения ленинского подхода Коммунистической партии Греции к вопросам империализма, представляющих особую ценность в борьбе с оппортунизмом.

1. Термин «империализм» стал очень модным в последнее время. В Европе и в Греции его стали использовать силы, которые в предыдущие годы не делали это так часто или с такой легкостью. Проблема состоит в том, что они представляют империализм как нечто иное и отличное от капитализма, как политическую концепцию, оторванную от экономической базы. Такой тезис поддерживал настоятельно отец оппортунизма – Каутский. Оппортунизм, в частности, показывает, что не в состоянии модернизироваться, повторяет Каутского, в буквальном смысле умышленно погружается в антинаучные аргументы, подходя к вопросу поверхностно, не вникая в суть вопроса. Ему не выгодно и, следовательно, он не может увидеть всю картину мирового капиталистического хозяйства, его международных взаимных отношений. Тот, кто не хочет понять экономическую сущность империализма и на этой основе рассмотреть идеологическую и политическую надстройку, в конечном счете, оправдывает, поддерживает его, распространяет иллюзии среди рабочих, народных масс, что есть хороший и плохой капитализм, хороший и неэффективный способ буржуазного правления. В конце концов, оппортунизм является сторонником капиталистического общества, но без «крайностей», называет «крайностями» законы капиталистической экономики и их последствия. Он скрывает от народов классовую сущность войны, которую он осуждает с моральной точки зрения в связи с ее трагическими последствиями, культивирует иллюзии, что капитализм сможет сохранить мир, если будут установлены принципы равенства и свободы, политические договоренности между воюющими капиталистическими странами, если будут установлены правила в межкапиталистической конкуренции.

2. Оппортунизм, реформизм с видом новатора повторяет самую старую, устаревшую концепцию, что империализм отождествляется с военным нападением на другую страну, с политикой военной интервенции, блокады, с попыткой возродить старую колониальную политику. В Европе для оппортунистов империализм отождествляется с Германией и, как они говорят, с догматическим авторитарно-либеральным правлением. Политика США при президентстве Обамы является для них прогрессивной, в связи с тем, что существуют некоторые различия в управлении кризисом по сравнению с конкурирующей Германией. США считается империалистической страной только по отношению к Латинской Америке. Прогрессивной считается любая попытка буржуазного класса, например Франции, Италии, конкурировать с немецким капитализмом. Основная позиция оппортунизма в Греции состоит в том, что страна находится под немецкой оккупацией, превращается или уже превратилась в колонию атамана разбойников – г. Меркель и кредиторов. Главным противником, кроме самой Германии, ими была провозглашена тройка из представителей ЕС, Европейского центрального банка и Международного валютного фонда, которая контролирует и вмешивается в управление внешним и внутренним долгом, бюджетным дефицитом. Они предъявляют обвинение буржуазному классу страны и правительственным партиям в предательстве, антипатриотизме, в подчинении, раболепстве перед Германией, кредиторами или банкирами. Конечно, теперь, когда партия СИРИЗА, новая сила социал-демократии, взяла в свои руки государственное управление, не стесняется вести переговоры с тройкой, Германией и подписывать новые антинародные соглашения.

3. Некоторые произвольно трактуют фразу В. И. Ленина в его известной работе «Империализм как высшая стадия капитализма», что одна горстка, очень небольшое число государств грабит подавляющее большинство государств в мире. Значит, империализм отождествляется с очень небольшим числом стран, которые можно пересчитать по пальцам одной руки, а все остальные являются подчиненными, угнетенными, колониями, оккупированными вследствие подчинения либеральной концепции.

И сегодня стран, находящихся на вершине, в первых рядах международной империалистической системы (представленной в форме пирамиды, чтобы иллюстрировать различные ступени, которые занимают капиталистические страны) мало, даже можно сказать, используя ленинское выражение, их всего лишь горстка. Но это не означает, что все другие капиталистические страны являются жертвами сильных капиталистических государств, что буржуазия в большинстве стран поддалась давлению, несмотря на ее общий интерес, что она развращена. Это не означает, что борьба народов должна иметь антинемецкое направление в Европе, а в Америке быть направленной только против США. Не случайно, что оппортунисты в Греции в качестве положительного примера преодоления кризиса приводят Бразилию и Аргентину, восхваляют политику Обамы.

Их настойчивое утверждение, что нет империалистической пирамиды, т.е. нет международной империалистической системы, (а есть только очень небольшое число стран, которые могут быть классифицированы как империалистические, в основном за счет их господствующего положения и возможности принимать решения о развязывании локальной и мировой войны), для некоторых не является случайным или результатом ошибочного мнения, а сознательным. Отсюда – демонстрация их готовности взять на себя ответственность за формирование правительств буржуазного управления. Иногда во имя "выхода страны из кризиса", или "спасения народа от гуманитарного кризиса", или «восстановления суверенитета страны", или даже ... «развития производительных сил, с помощью государственного капитализма».

[1]Письменный доклад КПГ на IX Международную научно-практическую конференцию “В.И. Ленин в современном мире».

Таким образом, на деле утверждают, что существует стадия между капитализмом и социализмом, они преследуют четкую цель, с одной стороны, обеспечить отказ рабочего класса от борьбы за рабочую власть, а, с другой, обещают, что в далеком и неопределенном будущем капитализм, путем реформ превратится мирно и без жертв в социализм, в их «социализм», который часто предполагает сосуществование капиталистической собственности наряду с некоторыми формами самоуправления.

4. История показывает, что монополия как результат концентрации капитала, как основной закон современной стадии развития капитализма, является общей тенденцией во всем мире и может сосуществовать рядом с докапиталистическими формами хозяйства и собственности. Появление монополий и их рост, расширение и внедрение не происходит одновременно во всех странах, пусть даже в соседних, но уж точно происходит одним и тем же способом. Вывоз капитала преобладает над вывозом товаров. Появление и укрепление монополий, даже если они ограничены определенными отраслями на национальном уровне, в конечном итоге вызывает полную анархию капиталистического производства, основной чертой которого в 20ом веке и по сей день является несоответствие между развитием промышленности и сельскохозяйственного производства, несоответствие между ростом разных отраслей промышленности. Политика ограбления, аннексии, превращения государств в протектораты, политика расчленения стран – это не результат политической безнравственности со стороны мощного империалиста, даже не вопрос трусости и подчинения буржуазии страны, которая попадает под зависимость, а это вопрос вывоза капиталов и присущей капитализму неравномерности на национальном и международном уровне.

5. Греция является одним из характерных примеров, который, безусловно, имеет универсальное значение, потому что это явление не греческое. Наша страна обладает значительными производительными возможностями, но они были развиты выборочно в ходе капиталистического развития, в то время как вступление страны в ЕС и в целом ее связь с мировым капиталистическим рынком привели к еще более ограничительному использованию внутренних источников. Вкратце отметим, что Греция имеет значительные внутренние источники энергии, ценные минеральные ресурсы, промышленное, ремесленное и сельскохозяйственное производство, которые способны удовлетворить большую часть народных потребностей. Сельскохозяйственное производство может поддержать промышленность в различных отраслях. Однако Греция, не только в результате кризиса, но и в связи со всеобщим процессом включения в империалистическую пирамиду, еще больше деградирует, зависит от импорта, в то время как греческие продукты остаются непроданными и закапываются в землю.

Как Каутский, так и современный оппортунизм, разделяет капитал на отдельные части, и концентрирует свою критику на одной из его форм.

Напомним, что для Каутского врагом является одна часть капитала – промышленный, который своей империалистической политикой наступает в первую очередь на аграрные области, и таким образом, создает дисбаланс между ростом промышленности и сельскохозяйственного производства. Приблизительно то же самое утверждают и современные оппортунисты, которые концентрируют свой огонь на банковской системе, банкирах, банковском капитале. Причем, хотя они считают себя марксистами, в то же время игнорируют связь банковского капитала с промышленным. Дисбалансы, появляющиеся между различными секторами и отраслями даже в сильнейших капиталистических развитых странах, приписываются иррациональности или аморальной спекуляции. Поэтому они ставят различие между прибыльностью и спекуляцией.

Оппортунисты и националистические партии в Греции кричат, что буржуазия, греческое государство и буржуазные партии являются непатриотичными, предательскими. На самом деле буржуазия нашей страны, как и ее партии, прекрасно понимают, что даже в условиях неравенства им желательнее вступить в империалистический союз, так как они только так могут претендовать на часть распределяемого пирога, только так у них сохранится надежда на внешнюю военно-политическую поддержку на тот случай, если будет бушевать классовая борьба. Чтобы с помощью военных структур ЕС и НАТО сокрушить народное движение. Патриотизм буржуазного класса отождествляется с защитой гнилой капиталистической системы.

В условиях, когда межимпериалистические противоречия приведут к военной конфронтации, буржуазия Греции должна будет выбрать сторону самого мощного империалиста, того империалистического союза, на стороне которого она будет бороться за распределение рынков, надеясь урвать хотя бы небольшую часть.

Буржуазия не в силах защитить суверенные права и интересы народа. Но если понадобится, она проигнорирует и собственные интересы, чтобы не потерять свою власть, сохранить ее как можно дольше.

6. Когда Ленин говорит о горстке стран, которые грабят большое число стран, он на множестве примеров и в подробностях показывает различные формы грабежа колониальных, полуколониальных или не колониальных стран. На вершине пирамиды находится небольшое число стран, так как финансовый капитал (один из пяти ключевых признаков капитализма в его империалистической фазе – это слияние банковского капитала с промышленным) распространяет свои сети во все страны мира.

Положение о “горстке стран” определяет различные формы отношений между капиталистическими странами, характеризующимися неравномерностью, в этом и заключается смысл пирамиды, чтобы образно показать глобальную капиталистическую экономику.

Прежде всего, Ленин дает понять, что империализм – это монополистический капитализм, глобальная капиталистическая экономика, пролог социалистической революции в каждой стране.

Ленин уточняет признаки империализма: концентрация производства и капитала, слияние банковского и промышленного капитала и создание финансовой олигархии, вывоз капиталов, формирование международных монополистических союзов. В международных отношениях империализм непосредственно связан с появлением финансового капитала на империалистической стадии капитализма, и с его острой необходимостью постоянно расширять экономическую почву и за пределами национальных границ, с целью вытеснения конкурентов. Вытеснение конкурентов можно было бы сделать легче путем колонизации, а также путем превращения колонии в независимое политическое государство, чтобы ушла в прошлое капиталистическая страна – метрополия, а на ее место пришла другая капиталистическая сила, растущая за счет экспорта капиталов, непосредственных иностранных инвестиций. Важным и абсолютно доказанным является различное положение

колониальной Англии и восходящей Германии как империалистической державы.

7. Передел мира в конце 19-го и начале 20-го века, о котором упоминает Ленин, происходит между самыми мощными капиталистическими странами, но в этой игре, не оставались безучастными, пассивными все остальные капиталистические государства. Мощные капиталистические страны делили не только колонии, но и не колониальные страны, в то время как рядом с крупными колониальными странами существовали и небольшие колониальные, через которые начинается новая колониальная экспансия. При этом упоминается, что существуют небольшие страны, имеющие колонии, когда крупные колониальные страны не могут прийти к консенсусу в дележе.

Ленин подчеркивает, что колониальная политика существовала и в докапиталистических обществах, но капиталистическую колониальную политику отличает то, что она опирается на монополию. Он подчеркивает, что многообразие отношений между капиталистическими государствами в период империализма преобразуются во всеобщую систему, являются частью отношений передела мира, становятся звеньями в цепи действий всемирного финансового капитала. И в период, указанный Лениным, а тем более сегодня, отношения зависимости и расхищения сырья направлены против и не колониальных стран, т.е. государств с политической независимостью.

После Второй мировой войны и создания международной социалистической системы было осуществлено вынужденное максимальное объединение империализма против сил социализма-коммунизма, и усилилась его агрессия. Под влиянием нового баланса сил начался быстрый демонтаж колониальных империй, французской и английской. Самые мощные капиталистические государства были вынуждены признать независимость национальных государств под ударами движений, борющихся за национальную независимость, которым оказывали всестороннюю поддержку и выражали солидарность социалистические страны, рабочее и коммунистическое движение.

В послевоенный период ряд стран не полностью вступили в военно-политические и экономические союзы империализма, так как у них была возможность развивать свои экономические отношения с социалистическими странами, несмотря на то, что соотношение сил оставалось в пользу капитализма. Это еще раз подтверждает многообразие отношений взаимозависимости и обязательств в рамках глобального капиталистического рынка.

За последнее десятилетие XX века ситуация начинает меняться. Уже зрелые и наиболее сильные капиталистические страны, находящиеся на вершине пирамиды проводят различную промонополистическую политику под влиянием экономического капиталистического кризиса 1973 года. Современная стратегия поддержки капиталистической прибыльности в условиях растущей конкуренции и быстрой интернационализации отказывается от нео-кейнсианских рецептов, которые были особенно полезны для тех стран, которые пострадали от ущерба, причиненного войной. Проводится широкая приватизация, растёт вывоз капиталов, реже делаются уступки трудящимися, а постепенно они отменяются, особенно в социальной сфере. Они были предоставлены трудящимся в прошлом, для того чтобы обуздать рабочее движение, на которое оказывали влияние завоевания социализма, а в основном для подкупа части рабочего класса и промежуточных социальных слоев.

Об этом свидетельствует тот факт, что современная промонополистическая политика носит глобальный характер, не является случайной формой управления, а стратегическим выбором, так как принимаются антирабочие, антинародные меры для того чтобы препятствовать тенденции нормы прибыли к понижению, почти во всех странах, не только в ЕС, но и за его рамками, как, например, в Латинской Америке. Меры, направленные на ликвидацию рабочих завоеваний, принимаются как либеральными, так и социал-демократическими правительствами, а также левоцентристскими, правоцентристскими.

8. Капиталистическая реставрация предоставила возможность империализму начать новую волну нападок при помощи окрепшего оппортунизма, встречая меньшее сопротивление, в то время как сформировались новые рынки в бывших социалистических странах. В результате разладилось взаимопонимание лидирующих капиталистических сил, которые в прошлом сплачивались против социализма, оставляя на второй план свои противоречия. Начался новый виток межимпериалистического противостояния за раздел новых рынков, в результате чего имели место военные операции на Балканах, в Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В этой войне приняли участие и государства, которые не были интегрированными в империалистические межгосударственные союзы. Это является доказательством того, что империалистическая система существует как мировая система, и в ней участвуют все капиталистические страны, даже те, которые отстают в развитии и сохраняют остатки докапиталистических форм хозяйства. Ведущие силы занимают вершину этой системы, между ними есть жесткая конкуренция, и любые, заключенные между ними соглашения носят временный характер.

В конце 20-го века существовали три центра империализма, в основном сформированные после Второй мировой войны – это Европейское Экономическое Сообщество, которое впоследствии стало Европейским Союзом, США и Япония. Сегодня количество империалистических центров возросло, и появились новые формы союзов, как например: ШОС, БРИКС, Меркосур и т.д.

Империалистическую политику проводят не только капиталистические страны, находящиеся на вершине империалистической пирамиды, но и те, которые занимают более низкие ступени, даже те, которые имеют сильную зависимость от более крупных сил, считающихся региональными державами. Например, такой державой в нашем регионе сегодня является Турция, а также Израиль, арабские государства и такие силы, посредством которых монополистический капитал захватывает новые территории в Африке, Азии, Латинской Америке, следовательно существует явная зависимость и взаимозависимость.

9. Зависимость и взаимозависимость экономик, конечно, не является равноправной, определяется экономической силой каждой страны, а также некоторыми другими военно-политическими элементами, в зависимости от особых связей союзов.

И даже если несколько стран возглавляют процесс капиталистической интернационализации, передела сфер, они не перестают жить в условиях взаимозависимости с другими странами. В Европе, например, Германия является лидером, но вывоз капитала и промышленных товаров зависит от способности европейских стран. Развитие американской экономики во многом зависит от Китая и проти-

воборствующих интересов ЕС, битва между долларом, евро и иеной очевидна.

Возрастает количество государств-сателлитов крупнейших империалистических держав. Возрастает количество региональных капиталистических стран, играющих особую роль в политике союзов и в привлечении той или иной силы пирамиды. Межимпериалистические противоречия существуют в альянсах любого рода, и все эти разнообразные отношения, которые охватывают все капиталистические страны мира без исключения, составляют империалистическую пирамиду.

10. Наша позиция о существовании империалистической пирамиды ни в коем случае не означает, что мы согласны с позициями «сверхимпериализма», в чем нас ошибочно обвиняют некоторые. Наоборот! Мы всегда указываем, что внутри этой империалистической системы, которую мы сравниваем со схемой пирамиды, продолжают развиваться и проявляться сильные противоречия между империалистическими государствами, монополиями, за контроль над источниками сырья, над транзитными энергетическими маршрутами, долями рынков и т.д. Буржуазия может сформировать единый фронт для наиболее эффективной эксплуатации трудящихся, но она всегда начинает точить ножи, когда речь заходит о дележе империалистической "добычи".

Ленин, как известно, использовал схему "цепи". Схема, которую мы используем каждый раз, дается для того, чтобы помочь трудящимся осознать реальность империализма как монополистического капитализма, как капитализма, который гниет и умирает, и в который встраивается каждая капиталистическая страна на основе своей силы (экономической, политической, военной и т.д.). Конечно, эта наша позиция находится в очевидном противостоянии с так называемым "культурным подходом" к империализму, который как и Каутский, отрывает политику империализма от экономики. Как говорил Ленин, такой подход привел бы нас к ошибочной оценке, что монополии в экономике могут быть совместимы с не монополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике.

11. Неравномерность развития становится еще более очевидной не только среди мощных капиталистических стран, по сравнению с менее мощными, но и среди стран, являющихся твердым ядром самых мощных держав. Это характерно для Европы, в которой усиливается разрыв между Германией, с одной стороны, и Францией - Италией, с другой. Однако наиболее важной особенностью является заметное снижение доли США, ЕС, Японии в мировом валовом продукте. Еврозоне не удалось сохранить второе место, она скатилась на третье, в то время как на второе место вышел Китай. Отмечается увеличение доли Китая, Индии в мировом ВВП, в то время как остаются стабильными доли БРИКС в мировом ВВП.

В Тезисах к 19ому съезду КПГ подчеркивается, что изменения в соотношении сил между капиталистическими государствами повышает вероятность всеобщего изменения роли Германии в вопросе евроатлантических отношений и изменений в империалистических союзах. Определяющими факторами для такого процесса являются, с одной стороны, связи взаимозависимости экономик США и ЕС, а с другой – конкуренция евро и доллара в качестве международных резервных валют и укрепление сотрудничества России с Китаем.

12. Все эти перечисленные данные подтверждают, что современная борьба должна иметь антимонополистическое, антикапиталистическое направление и ни в коем случае в том понимании, в котором оппортунисты используют понятие империализм. Согласно их утверждениям, империализм отождествляется с агрессивной внешней политикой, с неравенством в отношениях, с войной, с так называемым национальным вопросом, оторванным от классовой эксплуатации, от отношений власти и собственности.

13. Когда современные оппортунисты хотят предостеречь собственную буржуазию от попадания в положение бедного родственника при дележе рынков, вспоминают о национальном вопросе, но когда дело доходит до вопроса о борьбе за социализм, тогда заявляют, что социализм или станет глобальным, или, не может быть построен в одной стране и исключают национальный уровень борьбы, т.е. отрицают необходимость обострения классовой борьбы, необходимость готовности субъективного фактора в условиях революционной ситуации.

14. Борьба за освобождение человека от всех форм эксплуатации, борьба против империалистической войны, не будет иметь положительного результата, если не будет сочетаться с борьбой против оппортунизма. Независимо от политической силы оппортунизма в каждой стране, не следует его недооценивать или оценивать, исходя из парламентских критериев, так как корни оппортунизма – в той же империалистической системе. Когда буржуазия видит, что начинает испытывать трудности в управлении своими делами, она опирается на оппортунизм, как широко распространенную концепцию, как политическую партию, для того, чтобы выиграть время, перегруппировать буржуазную политическую систему, подорвать устойчивый рост рабочего революционного движения.

15. Концентрация сил, союз рабочего класса с беднейшими слоями самозанятых, должны развиваться в постоянном антимонополистическом антикапиталистическом направлении, в сторону завоевания рабочей власти. Антимонополистическое антикапиталистическое направление выражает необходимый, способствующий прогрессу компромисс между интересами рабочего класса – отменить все формы капиталистической собственности: крупной, средней, мелкой, и колеблющимися слоями (в силу их положения в капиталистической экономике), заинтересованными в упразднении монополий, обобществлении концентрированных средств производства, но в то же время питающими иллюзии по поводу пользы небольшой частной собственности, и не способными понять, что не только долгосрочные, но и их среднесрочные интересы могут быть удовлетворены при социалистической власти.

КПГ в условиях, когда еще не сложилась революционная ситуация, старается не только предотвратить отток, не только добиться у буржуазии некоторых временных уступок, но и подготовить субъективный фактор, т.е. партию рабочего класса и его союзников для достижения стратегических задач в условиях революционной ситуации. В этих условиях, когда невозможно предсказать все заранее, должно приниматься во внимание углубление экономического кризиса, усиление межимпериалистических противоречий, которые доходят до боевого противоборства, возможность создания таких предпосылок и развития событий в Греции. В условиях революционной ситуации роль организованного и политического авангарда рабочего движения – Коммунистической партии, ее готовность, является определяющим для сплочения и революционной ориентации большинства рабочего класса, особенно промышленного пролетариата, для привлечения авангардных частей народных слоев.

ОТДЕЛ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЦК КПГ

Читая Сталина[1]

Р.И. Косолапов

Последние[1] работы и высказывания Сталина показывают, что – в зависимости от хода послевоенных восстановительных работ, решения насущных проблем обеспечения трудящихся продовольствием, жильём, предметами повседневного спроса, в целом роста благосостояния – всё больше давала о себе знать недостаточная осмысленность закономерностей дальнейшего становления нового общества. Сталин, естественно, понимал *и* всю громадность задач и необходимых решений в области теории, которые содержались в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, *и* то, что они часто представлены там лишь в качестве емких, но не исчерпывающих подсказок и намёков, *и* слабость соответствующих наличных кадров. Как показали последующие десятилетия, смешно было ожидать полноценной отдачи от «академиков» типа Федосеева, Митина, Ильичёва, Островитянова и т.п., в то время как эти «мужи науки» вместо заботливого выращивания пытливой творческой молодёжи с завидной настойчивостью вбивали в нее комплекс неполноценности. Сознавая, насколько мы *запоздали* – из-за империалистической блокады и агрессии – с разработкой вопросов социальной теории и полнейшую зависимость – при переходе в ноосферную эпоху – практики от развития науки, Сталин в конце своей жизни сосредоточил сугубое внимание именно на этом участке работы. Тому свидетельства – учреждение при ЦК КПСС Академии общественных наук, форсирование составления учебника политической экономии, выдвижение в ЦК таких способных обществоведов, как Д.И. Чесноков (философ), Д.Т. Шепилов (экономист), Ю.А. Жданов (философ и химик), и, наконец, собственное участие в дискуссиях по вопросам языкознания и политэкономии, отражённое в двух брошюрах.

Как рассказывал Чесноков (в то время член Президиума ЦК КПСС), за день-два до своей кончины ему позвонил Сталин. (Разговор с Дмитрием Ивановичем был в начале 70-х. Передаем его содержание по памяти. – *Авт.)* «В ближайшее время Вам надо заняться вопросами теории, – сказал он. – Ошибок у нас много. Мы можем напутать что-то в хозяйстве, но всё-таки выйдем из положения. Но если мы напутаем в теории, это может оказаться неисправимо. *Без теории нам – смерть, смерть, смерть...»* Последние слова Сталин произнёс с каким-то драматическим нажимом и, не прощаясь, положил трубку. С уходом из жизни Сталина «ушли» и Чеснокова. С постов заведующего отделом ЦК и главного редактора «Коммуниста» он был «переброшен» в Горьковский обком КПСС заведующим отделом пропаганды, как пояснил Хрущёв, «набираться опыта». Соловья «командировали» на птичий двор учиться пению у Петуха. «Завещание» Сталина свели на нет.

Судя по работам Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) и «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952), он мыслил их, как начало обширного *плана* исследований условий развития обеих фаз коммунистической формации, их базиса и надстройки, переходных, ещё незрелых, форм и форм, уже сложившихся. Первая из работ задавала резко антидогматический и антикультовый настрой в научной среде, вторая являла собой россыпь идей, подчас не находивших пока строгого категориального выражения, но дававших простор для проб и исканий. К сожалению, ни та, ни другая не была современниками адекватно усвоена. Ленин ещё в 1914 году, конспектируя «Науку логики» Гегеля и имея в виду влияние его методологии на автора «Капитала», не без горечи отметил, что «никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!»[2]. Что говорить о Сталине, последнем в советском руководстве, всерьёз творчески относившемся к марксистскому наследию, лично писавшем (без помощников и безгласно-безымянных «заавторов») собственные работы и запрещённом через три года после смерти на добрые 40 лет? Замалчивание, а то и фальсификация его выводов и постановок вопросов, а также устранение с влиятельных позиций немногих подготовленных им марксистов, «организация» вакуума в идеологии советского общества крайне пагубно повлияли на теорию и практику построения социализма. Этот процесс был замедлен и, в конце концов, прерван, что привело к подмене, особенно в области политэкономии, научного подхода либеральными версиями, охотно спаривающимися, при благосклонности другой стороны, с проповедью церковников.

Длительный период, вплоть до конца 1980-х годов, орудием борьбы с памятью о Сталине, лучшем систематизаторе и пропагандисте ленинизма, демагогически использовался... Ленин. Поскольку издание сталинских работ было прекращено, а изданные тексты из библиотек изымались, наша научная, педагогическая, писательская и журналистская общественность делала вид, что не замечает внутренней фальши такой политики. Главной целью этой, часто не сознающей себя таковой, *реакции*, было навязать обществу вместо *якобы* сталинской, «административно-командной» (позднейший термин Г.Х. Попова) модели социализма, задержавшейся уже после Сталина из-за невнимания к темпам реального обобществления труда и производства, якобы ленинскую модель, сочетающую плановые методы и рычаги управления с рынком, на первых порах *«нэпизацию»* экономической концепции социализма, хотя сам Ленин видел в нэпе лишь преходящую *деталь* «развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т.п.»[3]. Тем самым обеспечивалась медленная эволюция к возврату капитализма. Подобная тенденция прослеживалась в литературе с конца 50-х годов, причём даже малейший намёк на её опасный реставраторский потенциал уже тогда решительно пресекался. Пишем об этом не «с потолка», а потому, что опираемся на слова тех, кто лично был свидетелем и участником, даже жертвой ряда упомянутых коллизий.

Всякий, кто более или менее добросовестно учился в советские годы, наверняка помнит, что зарождение товарного производства связывалось марксизмом ещё с рабовладельческой системой, – осудительные высказывания о причудах уже тогда ростовщического капитала Маркс находил у Аристотеля, – а его высший расцвет обусловливался промышленной революцией и развитием монополистического капитала, перерастающего в финансовый и транснациональный, то есть паразитарное

[1] Фрагменты из книги: Косолапов Р., Рыченков С и. др. Когда забудут Сталина? – М., 2014. -128 с.

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 29. - С. 162.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 45. - С. 381.

всевластие денег. Исторической альтернативой товарно-капиталистическому производству в его высшей, империалистической стадии, в силу действия закона общесоциологического (теперь бы сказали: глобального) *обобществления труда,* в развитых регионах планеты со второй половины XIX века отчётливо проступал уже *не* эксплуататорский, основанный на консервировании антагонизма «труд-капитал», *а* «более высокий, *товарищеский* способ производства», как в 1875 году определил *социализм* Маркс. И вопросом, который при этом возникал, было не отыскание альтернативы (от чего к чему должен произойти переход), – *она была уже известна,* – а то, «каким образом в конце концов реализуется упомянутый высокий результат? Ведь хотя дальнейшее развитие капиталистического производства ускоренным шагом как бы устремляется к этому, однако спелый плод не упадёт человечеству в рот сам собой; более того, таковой надо вовремя *сорвать».* Мы свидетели того, каким многотрудными, порой кровавыми, трагико-оптимистическими попытками народов «сорвать этот плод» был наполнен весь XX век. «Окажется ли желательным *постепенное* устранение обществом капиталистической собственности, – излагал Маркса И. Мост, известный как один из первых популяризаторов «Капитала» среди рабочих, – или же капитал будет изъят *одним ударом,* или надо будет как-то иначе произвести переворот и осуществить открытие новой культурной эпохи – покажет будущее, это зависит от обстоятельств, которые невозможно предвидеть». В чём не приходится сомневаться, так это в том, *«что в любом случае народ должен овладеть политической властью во всей её полноте,* прежде чем он сможет совершить своё социалистическое возрождение». Последнее станет возможным и необходимым, когда ненужным и невозможным будет общепризнано классовое господство тех, кто богатеет за счёт чужого труда, которое (господство) «может существовать только до тех пор, пока одна часть народа позволяет другой части преступно использовать себя для порабощения, т.е. пока господствует *массовая глупость»*[1]. Неслучайно избытком этого «добра», то есть фактами массового оглупления и поглупения, отличаются периоды попятных движений в истории, тиражирующих безвкусие, безнравственность, мистику и мракобесие, чему образцом могут послужить «лихие 90-е».

Что понимали в марксизме Ленин и Сталин и чего не поняли их единомышленники, перечислять пришлось бы долго, но мы коснемся лишь одной сущей «мелочи», которая, тем не менее, представляется весьма и весьма значимой. Речь идёт о связи судьбы товарного производства и социализма. О связи, либо длительной, но временной, либо органически присущей социализму и потому неустранимой. Если некто выбирает первый вариант ответа, он несомненный марксист; если мнётся и теряется, таковым считать его пока нельзя; если выбирает второй ответ – он противник марксизма. Но именно в сторону этого выбора толкала вся обстановка в среде профессионалов-экономистов, созданная с конца 50-х и поддерживавшаяся до конца 80-х годов, когда последовал провал. Попадались среди них исключения, такие, как профессора МГУ И.И. Козодоев и Н.А. Цаголов, ЛГУ – В.Я. Ельмеев, госплановцы В.П. Воробьёв и Г.Т. Павлов, но и они на практике принуждались к эклектичным компромиссам, а продолжение компромисса без чёткого определения меры и продолжительности его всегда чревато поражением.

В замечаниях на первый (плехановский) проект Программы РСДРП ещё в начале прошлого века Ленин ёмко определил задачу: «*Замена* товарного производства социалистическим»[2]. Это было точное научное определение, не допускающее двусмысленных толкований. Дело касалось всякого товарного производства, а не какой-то его разновидности. Формула выражала *стратегическую* установку, а не тактические приёмы и извороты, а вот в ней-то наши партийцы далеко не всегда были тверды. Виновата была тут и теория. Профессионалы в этой области (или же слывшие таковыми) не всегда чётко заявляли, а то и не понимали, что социализм *не есть ещё одна* форма товарного производства, следующая за капитализмом, – товарный фетишизм довёл тот до совершенства, – что социализм есть, напротив, период изживания такового, пользующийся традиционными товарно-денежными инструментами лишь из-за временной нехватки иных и в течение процесса их выработки, но вот насчёт последних, «иных» робели. Следовало вводить теперь уже нестоимостные, внеэкономические критерии и показатели, но на это экономисты не шли. Их не отпускал рынок, прикидывавшийся «демократией», а на деле деспотически попирающий все ценности, пышно именуемые «общечеловеческими», кроме голого денежного расчёта. Легкий перескок профессионалов с «Капитала» и «Критики Готской программы» Маркса на «Экономику» Самуэльсона всего через десятилетие после появления «Экономических проблем» уже свидетельствовал о неблагополучии с их подготовкой. Собственно человеческие и человечные соображения, диктовавшиеся безупречной логикой и декларировавшиеся в программных и других официальных документах, оставались не переведёнными на «язык родных осин», не конкретизировались для деловой эмпирии и поэтому вырождались в демагогию. Требовалось гуманизировать политическую экономию социализма, и именно к этой работе приступил Сталин.

Употреблённое здесь слово «приступил» отнюдь не означает, что речь идёт об абсолютном новаторстве и что никто за решение этой задачи прежде не принимался. Напротив, *весь* марксизм (а до этого его утопические предтечи) *пронизан* нацеленностью на возвращение к прозорливому античному принципу Протагора «Человек есть мера всех вещей», разумеется, на совершенно изменившейся научно-производственной и нравственно-политической основе. Что капитализм утверждает постулат «производство ради производства», скрывая за ним безудержное стремление правящего класса к прибыли, то есть к присвоению чужого неоплаченного (прибавочного) труда, об этом Марксом, Энгельсом, Лениным и их приверженцами говорено многие тысячи раз. То же самое касается противопоставления этому порядку вещей социалистического способа производства, преследующего совсем другое – утверждая в единстве всеобщее *право* на труд и всеобщую *обязанность* трудиться, и тем самым исключая эксплуатацию человека человеком, подчинять всё производство делу покрытия растущих и «возвышаемых» потребностей самих трудящихся, то есть основной массы народа. Сталин заново воспроизвёл такое противопоставление в «Экономических проблемах», имея за собой несравненно более солидные, чем его предшественники, практические основания, а

[1] Мост И. Капитал и труд. - М., 2010. - С. 130-132.

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 6.-С.199.

именно 35-летний опыт социалистических преобразований, Победу в Отечественной войне, завершение послевоенного восстановительного периода. Явно рассчитывая на завоёванный таким образом стратегический резерв исторического *времени*, а также расширение *пространственных* возможностей новой мировой системы, он сформулировал основные экономические законы капитализма и социализма. «Цель социалистического производства не прибыль, – подчёркивал Сталин, – а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей». И жёстко поправлял Л.Д. Ярошенко с его «приматом» производства перед потреблением, видя в том «что-то вроде «примата» буржуазной идеологии перед идеологией марксистской»[1].

Мы не располагаем достоверными сведениями о том, намеревался ли Сталин продолжить «Проблемы». Прямой повод для этого: написание учебника политэкономии и дебаты вокруг него – был, как кажется, исчерпан. Но возбуждённые ими дискуссии так разворошили поле естественных и общественных наук, выявили такой сноп спорных и нерешённых вопросов, обнаружили столько живых корешков и точек роста, что следовало эту работу и активизировать, и поощрять. В первую очередь требовалась конкретизация – и теоретическая, и практическая – основного экономического закона социализма, более подробное и чёткое выражение его содержания во взаимодействии с другими экономическими законами, в частности с законом планомерно-пропорционального развития, и с повседневной практикой планового хозяйствования.

Марксизм, как, впрочем, и любое другое, более или менее популярное и жизнеспособное учение, содержит в себе и основательные, по сути завершённые разделы, и не до конца проработанные заделы, и отдельные плодотворные идеи, не получившие надлежащего развития, так сказать, искры-озарения (назовём их «искрозы»), либо не замеченные дилетантами, либо забытые и затёртые невеждами, либо задвинутые пока в дальний угол из-за повседневных горячих забот и страстей. Одним из таких идейных проблесков, пожалуй, уместно назвать не развитое впоследствии положение молодого Энгельса о *потребительной* силе общества и об его *производительной* силе, их соотношении, которое, будучи осмыслено и измерено рационально, позволило бы «производить сознательно, как люди, а не как рассеянные атомы, не имеющие сознания своей родовой сущности», добиваться их соответствия друг другу и регулировать тем самым базисные общественные отношения, научно *оптимизировать* их[2]. Сталин, как никто другой, был близок к переходу этого Рубикона, разделяющего социально-трудовую солидарность людей и их животно-коммерческую разобщённость, вернее – к повороту мельничного колеса истории от абстрактной ориентации на стоимость-чистоган к ориентации на конкретно-многообразную потребительную стоимость (ценность), к утверждению её приоритета и главенства, глубинно предопределяющего переход от предыстории «человейника» (термин А.А. Зиновьева), наконец, к его подлинной истории.

Марксисты были всегда сильны в теоретическом фиксировании наличных общественных форм и общих черт тех форм, к которым совершается сдвиг, в их развитом состоянии. Но гораздо менее им удавалось нечто *третье* – осмысление и описание *переходов,* малых и больших, в их неизбежной пестроте и противоречивости. Как правило, решение этой задачи обеспечивалось не теоретическим путём, то есть продуманным применением диалектико-материалистической методологии или же действием талантливой интуиции, следствием чего становилось опережающее отражение действительности, а по диктовке подчас беспощадной жизненной практики, по сигналам «снизу», из толщи народных масс, которые многое видят лучше, чем «верхи». Сталин это знал и признавал, и при этом сам, выдав немало «искрозов», оставил начатый анализ советского социализма незавершённым. Главное же, в чём его нельзя не упрекнуть, состоит в том, что он, по-видимому, не посвятил в свои размышления, выводы и полурешения ближайших соратников, а те, в свою очередь, судя по последующему ходу событий, очевидно, недопонимали его. Взять хотя бы формальный, совершенно неаналитический раздельчик Отчётного доклада Г.М. Маленкова, посвящённый «Экономическим проблемам социализма в СССР», на XIX съезде КПСС и позднейшие высказывания В.М. Молотова о спорах со Сталиным. Возможно, теоретическими соображениями последних лет жизни он делился с выдвинувшейся группой молодых партийцев, с которыми в это время предпочитал работать. Эти люди, получившие советское воспитание и образование, овеянные порохом Отечественной и готовые принять эстафету сталинской мысли, были из «верхнего эшелона» власти под надуманными предлогами удалены. Заменой им стали либо непишущие конформисты, либо «хромающие на правую ножку» (типа А.Е. Бовина) спичрайтеры. Так перерыв в понимании оказался предвестием поворота истории вспять.

Задача, к которой подошёл Сталин и которую решить не позволила ему смерть, была не менее грандиозна, чем задача, решённая Марксом. Общественная система, постройке которой он посвятил свою жизнь, несмотря на её, по сути, ещё незрелое состояние (Сталин умер на 36-м году Советской власти), сумела проявить и исключительные жизнестойкость и сопротивляемость, и колоссальный взлётный потенциал. С младенческого, можно сказать, «грудного» возраста её пытались убить обе группировки империалистических держав, хотя они и вели между собой мировую войну. Без провокации интервентов, питавших у белой реакции иллюзию возможного реванша, в России не было бы братоубийственной схватки 1918-1922 годов. Против народа использовалась инерция многотысячелетнего господства частного присвоения, которую миллионы людей поддерживали большей частью бессознательно. Эта инерция была надломлена, но не сломлена Советской властью. При выработанной веками изощрённости, гибкости, многоликости и переменчивости подслужников частной собственности, особенно охотно кутающих свою любимицу в наряды «прав человека», добиться подлинного торжества над нею до крутого поворота в психологии и нравах общества в течение даже нескольких десятилетий было почти невозможно.

«Ну вот, – скажут нам оппоненты, – вы, наконец, признали, что Ленин, главный вдохновитель Октябрьского переворота, был утопистом, а Сталин, главный исполнитель ленинской утопии, – преступным авантюристом, погубившим стольких людей во имя осуществления неосуществимого...». – А вот и нет, ответим мы. Шанс кардинальной наконец замены своекорыстно-паразитарного

[1] Сталин И.В. Сочинения. – Т.16, ч. 2 - М.: 2012. - С. 543-544.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 1. - С. 560-562.

алгоритма исторического процесса на альтруистически-трудовой большевикам в 1917 году выпал уникальный. Если одновременно принять во внимание национальные особенности русского и других славянских народов, издревле союзных с ними народностей и племён, их всемирную отзывчивость и незлобивость, терпеливость и упорство, самоиронию и жертвенность, масштабы и возможности просторов Северной Евразии, на которой они обитали, – большевики брались за дело с реалистическим сознанием своей миссии. И условием успеха была не только верность Марксову научному социализму, стремление претворить в жизнь его предвидение, но и нечто иное. Этим иным служила, выражаясь предельно широко, новая форма материализма, о которой писал Энгельс, впоследствии поддержанный Лениным, – способность идеи, усвоенной массами, особенно при быстром совершенствовании средств её «доведения», а значит все большей оперативности и широте охвата выступать, по Марксу, как материальная сила[1]. Пока такой идеей выступала *истина* освобождения труда от гнета капитала, и коммунисты выступали её монопольными и динамично-самоотверженными проводниками, их деяния воспринимались как чудо. Но не следовало в этой монополии консервироваться в одном образе и застревать. Запаздывание творческой мысли, отставание от исторического процесса, а значит *нерациональная трата* (если не сказать – расточительство) социального времени, проявляемые в последующем их обюрократившейся частью и послевоенным поколением, продемонстрировали свою полную несовместимость с подвижным характером марксизма.

Немного отвлекаясь в историю, заметим, что Маркс и Энгельс, провозвестившие новое мировоззрение, по вполне понятным причинам много внимания уделяли (в разительном отличии от чего «трудились» тщетные ельцинские «изобретатели» новейшей российской идеологии) его истокам и предшественникам. Аттестуя предыдущий, XVIII век как «век объединения, собирания человечества из состояния раздробленности и разъединения, в которое оно было ввергнуто христианством», как «предпоследний шаг на пути к самопознанию и самоосвобождению человечества», Энгельс писал, что «именно как предпоследний он был еще односторонним, не мог выйти из рамок противоречия... Венцом науки восемнадцатого века, – продолжал Энгельс, – был материализм – первая система натурфилософии и результат... процесса завершения естественных наук. Борьба против абстрактной субъективности христианства привела философию восемнадцатого века к противоположной односторонности; субъективности была противопоставлена объективность, духу – природа, спиритуализму – материализм, абстрактно-единичному – абстрактно-всеобщее, субстанция. Восемнадцатый век был возрождением античного духа в противовес христианству; материализм и республика – философия и политика древнего мира – вновь возродились, и французы, представители античного принципа *внутри* христианства, завладели на некоторое время исторической инициативой». Этот век, по Энгельсу, «не разрешил великой противоположности, издавна занимавшей историю и заполнявшей ее своим развитием, а именно: противоположности субстанции и субъекта, природы и духа, необходимости и свободы; но он противопоставил друг другу обе стороны противоположности во всей их остроте и полноте развития и тем самым сделал необходимым уничтожение этой противоположности».

Энгельс прозорливо указывает, что названное *уничтожение* производится через «всеобщую революцию», которая осуществляется «*по частям различными национальностями* и предстоящее завершение которой будет вместе с тем разрешением противоположности, характеризующей всю прошедшую историю»[2] (Курсив наш. – *Авт.).* Энгельс размышляет, наблюдая за «тремя ведущими странами современной истории» – Германией, Францией и Англией, и не упоминает Россию. Это легко объяснимо для 1848 года, когда был опубликован данный анализ.

Историческая инициатива оставалась пока что в руках французов. Им предстояло пережить (совершить!) еще *две* революции – буржуазно-демократическую 1848 и пролетарскую 1871 года, прежде чем красную эстафету перенял подросший к концу XIX века русский пролетариат. Русская революция оказалась стоящей «на плечах» Великой французской и Парижской коммуны, благодарно восприняв их опыт и лексикон, впитав их страсти и решимость, воспроизводя аналогичные ситуации и типажи, избежав многих ошибок, раскалив это богатство тремя пламенеющими накатами за 12 лет, дав широко потешиться русской душе и вынеся к руководству обществом людей современной науки.

Последний факт был уже *революцией в революции.* Он позволял воспринимать Октябрь в качестве не предпоследнего, как писал Энгельс о XVIII веке, *а последнего* шага «на пути к самопознанию и самоосвобождению человечества...». На это было тем больше оснований, что Ленин и Вернадский – один из сферы социально-политической мысли, другой из естествоиспытательской среды – объективно пришли к сходному выводу о роли человеческого разума, опирающегося на весь мир труда и способного организовать этот мир по-новому, причем первый питал свои силы напрямую из рабочего движения, второй – сложно и опосредованно оттуда же и изданных своей науки. Предпосылки уничтожения (вновь цитируем Энгельса) «противоположности субстанции и субъекта, природы и духа, необходимости и свободы» были налицо. Но последний шаг в формате решения этих проблем, при недооценке зигзагов и ухабов классовой борьбы, оказался чрезвычайно долгим. «Только знающий свободен», – говорил афинский греко-римский стоик Эпиктет. «Свобода есть познанная необходимость», – повторяли вслед за Гегелем Энгельс и все последующие марксисты. Теперь, когда постмодернисты позволили себе выкинуть из философии Ее Величество Истину, а значит подлинное знание, тем самым присягая невежеству, как своему Богу, в самый раз категорически заявить: *«Свободен только знающий и, согласно знанию, творящий».*

Капиталу и власть при нем имущим веками верно служило такое оружие, как беспринципно-многоликая *ложь.* Они энергично пустили в ход это оружие после Сталина и на фоне дискредитации его *собственной* партией, не встречая заслонов, подобных прозорливости и бдительности кадров ленинской школы, перешли в контрнаступление с опорой на мелкобуржуазное состояние бытовой психологии, на революционные новшества в технологии массовой информации, кино и, особенно, телевидение, на гигантские капиталовложения, а также на... глуповатость, или, выражаясь вежливо – недальновид-

[1] Там же. - С. 422.

[2] Там же. - С. 598-600.

ность «вождей» типа Хрущёва и Горбачёва. Именно при этих условиях наши соотечественники оказались в положении, когда «народ может при случае не понять своего призвания»[1], или временно понимание своего призвания утратить. Наблюдаемое нами сегодня переливание схватки истины с ложью в Интернет открывает в этой области ещё один этап. Оно устраняет самую возможность чьей-либо монополии и сулит истине новые необозримые перспективы. Но, увы, с понесёнными уже потерями, как правило, невосполнимыми, и необходимостью усилий, которых можно было бы избежать, «если бы мы, большевики, – как выразился Сталин ещё в беседе с Г.Д. Уэллсом 23 июля 1934 года, – были поумнее»[2].

Разумеется, об упомянутых потерях надо сказать подробнее. Что «помогло» советскому народу перестать дорожить своим адекватным самосознанием? Почему с высоты авторитета спасителя народов от фашизма, передовой и богатейшей страны мы в короткие десятилетия скатились до состояния расчленяемой незадачливой империи, объекта раздела и передела территорий «цивилизованными» державами, несчастного компонента «третьего мира»? На это редко указывают, но одной из кардинальных причин тут выступают длящиеся последствия Отечественной войны и хитрые игры на них наших конкурентов.

Решающим фактором грандиозного трагического провала Советского Союза во второй половине XX века, на наш взгляд, явилась утрата в войне 1/7 населения страны, в большинстве своем молодого, которая по своему интеллектуальному и нравственному, культурному и профессиональному потенциалу представляла собой цвет советского общества. О людях, будь это индивид или личность, социальный слой или нация, класс или народ, в обществоведческой литературе у нас было принято судить как о субъективном факторе истории. Что людские массы могут выступать, особенно когда их движение совершается в согласии с общественно-историческими законами, и как могучий объективный фактор, говорилось как-то глуше, скромнее, менее определенно, даже стыдливо. Однако именно эта сторона дела на рубеже XIX-XX веков требовала существенно повышенного внимания. Фундаментальной опорой здесь, понятно, служило развитие крупнопромышленного производства, его концентрация и централизация управления им, свойственная империализму, но требовался учет, по меньшей мере, ещё двух факторов. Это наличие уже *марксизма как науки* об обществе, которая выбралась из мифологических и религиозных пеленок и принялась упорно *«изгонять всех торгующих из храма».* Это начало революции не только в универсальном социальном смысле, но, мы бы сказали, революции и в специальном проявлении – в *«производительных силах средств массовой информации»,* которая на наших глазах дошла до образования «всемирной паутины», способной, – разумеется, при надлежащей работе сторонников *истины,* – потеснить и «обесточить» активистов «безумных дней» (и ночей) телевещания.

Возвращаясь к жертвам войны в свете ещё довоенного лозунга «кадры решают всё», следует четко констатировать понижение после неё качества всего политического резерва страны. Не может быть и речи, конечно, о принижении роли и достоинства живых победителей, героев мирного возрождения и их смены. Но пепел павших в Отечественную не может не стучать в наше сердце. Говоря на XIX съезде о росте партийных рядов, Маленков напомнил, что к предвоенному XVIII съезду (1939) в ВКП(б) состояло около 2,5 миллиона членов и кандидатов в члены партии. В годы войны она выросла на 1,6 миллиона, но потери ее, естественно, в боевой обстановке плохо учитываемые и во многом не учтенные, были чудовищны. На полях сражений пало и было казнено фашистами свыше трёх миллионов коммунистов, два членских состава партии. Образно итожа, оба её захоронения тоже явились ценой Победы. Гуманистический смысл, моральная высота такого самопожертвования, не говоря уже о гибели десятков миллионов непартийных граждан – от стариков до младенцев, не доходят до наших мещан; те самозабвенно заигрываются цифрами «сталинских» репрессий, но не вникают, почему и как в бушующем пламени сражений непрестанно воссоздавалась, буквально поднималась из пепла, казалось бы, гибнущая правящая партия, почему и как она восполняла и наращивала собственную массу, сознавая и доказывая тем самым свою кровную нужность народу.

«После окончания войны, – отмечалось в Отчетном докладе XIX съезду, – ЦК партии решил прием в партию несколько затормозить, но всё же он продолжал идти усиленным темпом. Партия не могла не заметить, что быстрый рост её рядов имеет и свои минусы, ведёт к некоторому снижению уровня политической сознательности партийных рядов, к известному ухудшению качественного состава партии. Создавалось известное несоответствие между количественным ростом рядов партии и уровнем политического просвещения членов и кандидатов в члены партии. В целях ликвидации этого несоответствия и дальнейшего улучшения качественного состава партии Центральный Комитет признал необходимым не форсировать дальнейший рост рядов партии и сосредоточить внимание партийных организаций на задачах повышения политического уровня членов и кандидатов в члены партии»[3]. Констатировалось ли подобное несоответствие, ввиду его все большей разительности при ненормальном разбухании КПСС, в докладах Л.И. Брежнева? Не явилось ли угасание *просвещенческой* динамики партии – в то время, когда требовался стремительный искусно-многообразный подъем, – важнейшей составляющей её краха?

Обозначение основных экономических законов капитализма и социализма в дискуссии 1951–1952 годов свидетельствовало о необходимости более крутого отмежевания строя главенства человека *в многомерности* его живых потребностей и способностей от строя товарного фетишизма с его бездушным одномерным культом денег и прибыли – рывка от мертвящей расчётливости нисходящего класса с его системой к душевности и духовности восходящего. В начале прошлого века М. Горький вылепил художественно выразительную модель кумира, которому всецело посвящают себя коммунисты, – прочтите хотя бы эссе «Человек» (1903) и сказку «Товарищ!» (1906)[4]. Однако общепризнанное целостное научное изображение главного объекта их забот нам неизвестно. Нельзя сказать, что попытки такого рода не предпринимались. Более того, они были активными и оставили обширную литературу. Но с выработкой адекватной то-

[1] Соловьёв В.С. Соч. в 2тт. - М., 1989. - Т. 2. - С. 224.
[2] Сталин И.В. Сочинения. - Тверь, 2007. - Т. 14. - С. 29.
[3] Маленков Г.М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). - М., 1952. - С. 46.
[4] Горький М. Собр. соч. в 18 тт. - М., 1960. - Т.4. - С. 5-10, 126-130.

гдашней нашей системе концепции генеральной цели социализма и её подробнейшего перевода в терминах народнохозяйственной практики долго не получалось.

Имела место путаница и при Сталине, в чём он не раз откровенно и публично признавался. Этого не могло не быть при той разрухе, которую оставили после себя царское и Временное правительства, при том неумении управлять, которое следовало учиться изживать пришедшему к власти советскому «простонародью». Дело усугублялось тем, что и новая надстройка, и новый базис формировались отнюдь не в парниковых или в лабораторных условиях. Буржуазный Запад делал всё, чтобы помешать нашему народу войти в новую формацию, толкал его вспять, вновь и вновь «окунал» в «прелести» старой формации военной интервенцией и экономической блокадой, политической изоляцией и голодом, идейно-психологической травлей и оклеветыванием, созданием шпионской сети и подкармливанием внутренней эмиграции, разного рода провокациями. В силу неизбежной смены поколений среди наших современников осталось мало граждан, способных свидетельствовать об этом на опыте 20-50-х годов, но судить о чём-либо подобном можно на теперешних примерах не угодивших США и НАТО Саддама Хусейна и Ким Чен Ира, Каддафи и Ахмадинежада, Башара Асада и Лукашенко, Милошевича и Чавеса, многих других. Казалось бы, для СССР–России после провала гитлеровской авантюры 1941–1945 годов «минула чаша сия», но кто скажет, какою ценой и что ещё впереди?..

Не оставляя тему, считаем долгом заметить, что основным недостатком наших политэкономов явилось то, что они боялись впустить в свою науку человека. Экономисты без конца талдычили о том, что человек есть главная производительная сила общества, но поёживались, когда им напоминали, что это и главная потребительная сила. Боролись против «потребительства», путая между собой, с одной стороны, необходимость устранения дефицита в потреблении самого необходимого (ещё пережиток военного лихолетья), покрытия, так сказать, витальных потребностей, с другой – погоню за избытком и роскошью (часто признак буржуазности), вещи различные, порой несовместимые по своей социальной природе и моральной сущности. Плохо понималось также то, что потребление есть не что иное, как тоже производство и воспроизводство его (общественного производства и воспроизводства) *личного* фактора, рабочей (то есть вместе и производительной, и потребительной) силы.

Спецы по политэкономии социализма и по научному коммунизму нередко упоминали о закономерном превращении труда в первую жизненную потребность в новой формации, но не находили ей места в ряду прочих потребностей человека и больше относились к этой формуле, как к образному выражению некоей мечты, нежели как к научному положению, уже имеющему фактическое подтверждение. Сталин писал об этом превращении в «Экономических проблемах» применительно к будущему как о важнейшем из итогов выполнения намеченных им «основных предварительных условий» «действительного, а не декларативного перехода к коммунизму»[1]. В стратегической постановке вопроса он был совершенно прав, но тут же делал тактическую ошибку, поскольку давал повод догматикам не рассматривать труд–потребность как *феномен настоящего,* а тех, кто указывал на его наглядные проявления уже сегодня, – записывать в «утописты» и «беспочвенные» романтики.

Леность и мещанская склонность к комфортному покою позволили политэкономам в течение десятилетий игнорировать огромный массив бескорыстного вдохновенного труда, революционная ширь которого не умещалась в узкую конторку («в офис») расчётливого, «бухгалтерского» мышления. Наука оказалась наглухо запертой для осмысления и категориального оформления реальностей не опосредованного коммерческими соображениями творческого самоутверждения личности – от обычных и всеохватных коммунистических субботников до индивидуально-группового проникновения в тайны атома и глубины недр Земли, в просторы Космоса и в волшебство человеческого духа. Труд как первую жизненную потребность, а значит и его потребительную стоимость (ценность), в советские годы ощущали и признавали тысячи наших сограждан, но для науки он был скорее мифом, чем предметом для изучения. Между тем, её внимания упорно домогалось это явление, и старое, как мир людской, и новое, утверждаемое социализмом, – старое потому, что потребность в творчестве «гомо сапиенс» испытывал еще с первобытного состояния, несмотря на удушающее ее влияние отчуждение труда; новое – потому, что, снимая отчуждение, социализм санкционирует сию потребность как массовый факт. Внимания исследователей требовала демонстрация потребительной силы в качестве силы прямо производительной и, наоборот, производительной силы как силы потребительной. «Смысл жизни – вижу в творчестве, – писал Горький, – а творчество самодовлеет и безгранично!»[2]. Но подобные высоты не бралась осваивать общественная наука. Главное, что было ею недооценено при социализме в плановом хозяйстве, – *приоритет* потребительной стоимости перед стоимостью – при невнимании и пренебрежении к нему сыграло в судьбе страны роковую роль.

Переход к такому социально новому, которое не подносится обществу в готовом уже виде, которое должно быть выработано через пробу и отбор своих эффективных форм и принято населением, всегда труден. Он труден вдвойне и ещё более, если означает наступление иной эпохи и покушается на всю прежнюю корневую систему жизнеуклада людей. Конечно, говоря о былом, о делах дедов и отцов, в том числе о Сталине, с дистанции полустолетия, легко заметить, что они успели совершить, а что – нет, в чём ошиблись и погрешили, в чём преступили закон и мораль. В то же время нельзя забывать, что вся эта перечнёвка имеет не тот смысл, что они-де плохие, мы же, дескать, лучше, а означает определение и постановку перед собой не решённых до нас или уже нами задач. В этом отношении ближайшие преемники Сталина оказались дальше, чем он, от истины и не исправили свой недостаток. Это был урок для послевоенного поколения, получившего воспитание и образование в более благоприятных мирных условиях. Однако его часть, «припущенная» к власти, в своем значительном проценте и вовсе перестала ощущать практическую и креативную мощь марксизма-ленинизма и потянулась за болотными огнями позитивизма, модернизма (в том числе «пост»), «экономикс» и рынка, то есть перелицованного старья. За «готовеньким» с импортным глянцем, не ощущая при этом запаха тлена.

[1] Сталин И.В. Сочинения. - Т.16, ч. 2. – М.: 2012. - С. 533-535.

[2] Горький М. Собр. соч. - Т. 4. - С. 9

Как правильно утверждает Т.М. Хабарова, «сталинская конструкция социалистического народнохозяйственного процесса непрерывного снижения затрат и цен, это была не какая-то «мобилизационная экономика», – как написано в программных документах практически всех (однако не всех. Документы надо читать внимательно. – *Авт.*) наших нынешних компартий, – а это была социалистическая экономика как таковая, в ее аутентичном виде, впервые в истории «схваченная» в своих принципиальных очертаниях и в объективно присущей ей системности»[1]. Данная, не вызывающая сомнений констатация вместе с тем не исключает того, что наш, советский социализм был во многом «не доделан». Он переживал пока что свою раннюю стадию, ещё не вышел за границы переходного периода от частнособственнической формации к формации коллективистской. Это не было бы большим недостатком, если бы общество мыслило адекватно. За такое качество общественного сознания брала на себя ответственность КПСС, и у неё был для этого разветвленный идеологический аппарат, но не справилась со своей миссией.

Более того, данный аппарат, в функции которого входило пополнение теоретического арсенала партии новыми обобщениями, доведение наличных «некрозов» до статуса научных концепций, политическое просвещение масс, динамизация мысли партийного актива, стимулирование постоянной товарищеской дискуссии с обязательным периодическим подведением итогов и инвентаризацией достигнутых результатов, как правило, занимался не своим делом. Вместо перечисленных вещей, он по большей части готовил *для и «за»* персон из Политбюро и Секретариата ЦК доклады, речи, статьи, призванные выказать эрудицию и компетентность названных лиц. Никто из них индивидуально (включая и «главного теоретика» М.А. Суслова), как правило, не корпел над «собственными» текстами. В лучшем случае с «автором» согласовывались набор вопросов и структура опуса. Аналогично поступали функционеры менее высокого, республиканского, краевого и областного уровня. Фактически реализовывался формат «зазнавшейся партии», об опасности которого предостерегал ещё Ленин[2]. Юбилейно теша себя прославлением былых (уже не своих) подвигов советского народа, стареющая верхушка опиралась то на миф об «окончательной победе социализма» (XXI съезд, 1959), то на восхваление «великого (хрущёвского) десятилетия» (1963), то на тезис о «развитом» социализме, продавленный Ф.М. Бурлацким в 1966 году на страницы «Правды» и использовавшийся, по инициативе того же Суслова, для характеристики брежневской действительности. Удивляло при этом то, что сама эта действительность рассматривалась сквозь «магический кристалл» канцелярщины, вне реальной игры жизненных сил, а главное – без ориентации на выращивание, выделение лучшего и насаждение здоровых ростков коммунизма с одновременной выбраковкой, примариванием, подавлением и искоренением стяжательства, буржуазности и мелкобуржуазности.

Конечно, партия не утрачивала способности время от времени контролировать себя и себя поправлять, но подобная активность не отличалась настойчивостью и непрерывностью.

После октябрьского (1964 года) Пленума ЦК КПСС никто, очевидно, не мог повторять шедевральный афоризм «нашего» Никиты Сергеевича: «Нет на свете краше птицы, чем свиная колбаса». Но и от «свиноколбасизма» (просим у читателей прошения за этот вульгарный образ), несмотря на усилия честных и чистых партийцев, КПСС в последующие десятилетия полностью отмыться не смогла. У этой кишечнополостной «идеологии» был не только деревенский, «калиновский» вариант, но и вариант городской, даже столичный и вроде бы изящный – «дети Арбата». Сладить с этими обывательскими урчаниями можно было, только предлагая и вливая в политику новые теоретические решения. Фактический отказ от «Экономических проблем социализма в СССР», принятие ряда прямо отрицающих их идеи мер и неспособность выработать сколько-нибудь убедительную и действенную им замену сулили поражения в будущем. В ныне уходящем поколении многие это понимали. Понимали и «арбатовцы», понимали и большевики.

Приведем только *два* примера.

1. В полемике с Ярошенко, делавшим ударение на «рациональной организации производительных сил»,

Сталин вполне резонно акцентировал внимание на развитии производственных отношений. Заявляя о неприемлемости для социализма принципа «производство ради производства», по сути прикрывающего от эксплуатируемого наёмного пролетария эгоистический мотив нанимателя-буржуа «производство ради моей наживы», он в формуле основного экономического закона социализма указал место потребностей и тем самым подтвердил роль человека-творца, к которому те принадлежат.

Принимая в этом споре сторону Сталина, надо, однако, заметить, что в аргументации обоих оппонентов была недоговорённость, а значит и недодуманность, которая в дальнейшем помешала достижению соответственного прочтения и усвоения Марксова экономического учения, теории формаций и перехода к социализму и коммунизму. Спорящие как бы ухватывались за *один* и тот же предмет с двух концов, а связывающего их звена не находилось. Ярошенко настаивал на совершенствовании *организации* производства, – и возражать тут было трудно,- но, упираясь только в него, мельтеша вокруг определения в этом духе основного экономического закона социализма, вызывая в свой адрес упрёк, что «вместо полнокровного общественного производства у него получается однобокая и тощая технология производства»[3], он уводил спор в холодный «технарский» тупик. Сталин возвращал спор на арену живого яркого общения, реальных человеческих страстей, однако, будучи непревзойдённым мастером революционных преобразований, допускал теоретический просчёт. Он включал в состав производственных отношений: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающее из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен деятельностью**»;** в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов»[4], но то были отношения не столько по собственно производству, сколько по пользованию, владению и распоряжению *уже произведённым,* готовым общественным продуктом, отношения вторичные, имущественно-присвоительные, а не исходные, *созидательно-изготовительные.* С последними, фундаментально-базовыми, технико-технологическими отно-

[1] Социалистическая экономика как система. - Хабаровск, 2011. - С. 14-15.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 40. - С. 326-327.
[3] Сталин И.В. Сочинения. - Т.16, ч.2 – М.: 2012. - С. 531.
[4] Там же. - С. 538-539.

шениями и вырастающими из них отношениями организационно-техническими, первичными для имущественных отношений, – и это – правда, скупо – фиксировал ещё Маркс, – политэкономии вроде бы нечего было делать, и Сталин относил их на счёт «хозяйственной политики руководящих органов»[1]. С конъюнктурной точки зрения это было полу-решение, с научной – неточность и неполнота, с политической – ошибка, серьёзно затормозившая самопознание социализма.

Ленин уже весной 1918 года, наблюдая первые опыты создания коллективных, претендующих на социалистичность, хозяйств, обращал внимание на качество, или организационно-технологический уровень обобществляемого. По аналогии с Марксовыми формальным и реальным подчинением труда капиталу было выдвинуто положение о формальном (юридическом) и реальном («наделе») обобществлении труда и производства. Имелось в виду состояние преобразуемого хозяйства, прежде всего его технологии либо ремесленно-кустарного, «точечного» типа, основанной на ручном труде, либо технологии, налаживаемой или уже налаженной на машинной основе, на новейшей энергетике с чертами индустриализма (а ныне постиндустриализма), при наличии соответственно подготовленных кадров.

Вспоминая свой визит в Горки летом 1920 года, Горький пишет, что он жил «в то время вне политики, по уши в «быту», и жаловался В.И. (Ленину. – *Авт.)* на засилие мелочей жизни. Говорил, между прочим, о том, что, разбирая деревянные дома на топливо, ленинградские рабочие ломают рамы, бьют стёкла, зря портят кровельное железо, а у них в домах – крыши текут, окна забиты фанерой и т.д. Возмущала меня низкая оценка рабочим продуктов своего же труда. «Вы, В.И., думаете широкими планами, до Вас эти мелочи не доходят». Он – промолчал, расхаживая по террасе, а я – упрекнул себя: напрасно надоедаю пустяками. А после чаю пошли мы с ним гулять, и он сказал мне: «Напрасно думаете, что я не придаю значения мелочам, да и не мелочь это – отмеченная Вами недооценка труда, нет, конечно, не мелочь: мы – бедные люди и должны понимать цену каждого полена и гроша. Разрушено – много, надобно очень беречь всё то, что осталось, это необходимо для восстановления хозяйства. Но – как обвинишь рабочего за то, что он ещё не осознал, что он уже хозяин всего, что есть? Сознание это явится – нескоро, и может явиться только у социалиста»»[2]. Сознание это как непременный компонент реального овладения всем национальным богатством явилось усилиями Советской власти. Оно было обусловлено технологией и организацией крупнопромышленной индустрии, концентрацией растущего рабочего класса, составлявшего перед «перестройкой» 3/5 населения СССР, уподоблением ему по образованию, психологии и интересам колхозного крестьянства – явилось, но и ушло... Ушло как следствие волевой эрозии КПСС, развала Советского Союза, обрушения промышленности, деконцентрации рабочей массы, распыла её в малом бизнесе, разгона колхозов. Сыграло здесь свою негативную роль и то, что советский человек в своей массе плохо усвоил азы обобществления.

Фундаментальное значение технологических и организационных факторов при наращивании потенциала новой формации эмпирически, прежде всего индивидуально, обычно менее ощутимо, чем изменение, к примеру, форм собственности и способов и размеров распределения. Жалоб на невысокий уровень оплаты по труду, а тем более ее понижение, конечно же, больше, чем критики промедления с вводом новой техники. Во всяком случае, для констатации чего-либо подобного требуется более длительный срок. Если Вас спросят, что погубило советскую общественную систему, ответов можно услышать множество, и немалая их часть будет неопровержима. Но вот факт, который носит, можно сказать, *сквозной* характер, однако держится в тени. За 30 лет – от июльского (1955) Пленума ЦК по техническому прогрессу до июньского (1985) Совещания на ту же тему – *доля ручного труда* в народном хозяйстве СССР, при гигантском росте – удвоении его общего объёма, осталась *той же самой* – более 40%. Не означает ли сие *несоразмерно долгую консервацию* значительного элемента низших, формальных вариаций обобществления, что, между прочим, позволило «демократам», не утруждая себя грамотным социально-экономическим анализом, разглагольствовать об «административно-командной системе»? Не погубила ли советскую плановую систему хозяйствования «передержка», запредельная эксплуатация – без своевременной замены – её отсталых форм? И? несомненно, сыграла здесь свою негативную роль недооценка освоения развитых и высоких технологий, их распространения, внедрения и обороны, о чем, кстати, трубила западная печать. Прямую линию от процента ручного труда до рыночных фокусов Шаталина-Гайдара протянуть тут вряд ли удастся, но причудливая цепочка причинно-следственных связей и опосредствований тут явно простукивается.

Очень наглядно зависимость коллективистских, социалистических начал в экономике от правильной (то есть научной) политики просматривается на судьбе машинно-тракторных станций. Предоставляя свои квалифицированные услуги сельхозкооперативам за натуроплату произведённой ими продукцией, эти государственные предприятия уже в 20-х годах являли собой удачный *симбиоз* обоих видов общественной собственности. Они осуществляли прямую производственную смычку общенародного и групповых хозяйств в базовом слое производственных отношений, приобщали колхозы к *индустриальной технологии*, внедряя в аграрные отрасли экономики сектор обобществления «на деле». Сталин прекрасно видел перспективы этой практики и пагубные последствия вероятного отказа от неё и изложил свою точку зрения в письме А.В. Саниной и В.Г. Венжеру 28 сентября 1952 года[3]. Велико было удивление партийного актива (не говоря уже о сельских тружениках), который через каких-нибудь 5-6 лет стал свидетелем линии Хрущёва «с точностью до наоборот».

Когда нынче толкуют о «вечном» отставании нашего сельского хозяйства, то, как правило, следуя моде, ссылаются на «насильственную» коллективизацию, совершенно обходя тот факт, что она была, как многое на этом свете, *двуликой*: носила действительно насильственный характер в отношении обуржуазившегося, кулацкого слоя крестьянства и вместе с тем представляла собой подлинно *народное* движение его преобладающей, бедняцко-середняцкой массы, кстати и осуществлявшей большинство акций по ликвидации кулачества как класса. Спора нет, крестьянство пережило немало травм, и весьма болезненных, из-за левацкой торопливости, бю-

[1] Там же. - С. 538.

[2] Ленин В.И. и Горький А.М. Письма, воспоминания, документы. - М., 1958. - С. 277.

[3] Сталин И.В. Сочинения. - Т.16, ч.2. М.: 2012. - С. 548-557.

рократической манеры «рапортовать первым», мужицкой «темноты», саботажа (было и это) и вредительства. Но к середине 30-х годов в стране уже сложился и быстро креп колхозно-совхозный строй, который блестяще справился с продовольственно-сырьевым обеспечением державы, в первую очередь армии и индустрии, в суровую годину Отечественной войны. Не будь индустриализации с коллективизацией, да ещё культурной революции с образцовой постановкой *школьного* дела, о Победе 45-го можно было бы лишь мечтать. Уж если кто и нанёс колхозному крестьянству удары «под самый дых», так это был тот же «наш» Никита Сергеевич, который якобы «разбирался» в сельском хозяйстве. Перечислить все право-левацкие зигзаги этого «кукурузника», мешавшие стабильной организаторской работе, создававшие нервозность в данной отрасли (и не только в ней), пожалуй, мы не в силах. Но главное назвать удастся. Это была затеянная из Центра *деградация* производительных сил, ликвидация МТС как всё более мощных индустриальных моторов в сельских местностях, демонстрировавших слияние промышленной и земледельческой технологии, единые организационные формы их применения и нераздельность аграрного отряда рабочего класса и крестьянства. (Чем не предшественник знаменитой ельцинской «загогулины»!?).

А что потом? – спросите Вы. Ведь техника передавалась (или продавалась?) колхозам. Неужели они не могли управиться, по-хозяйски распорядиться получаемым оборудованием? Не управились и не могли. Упразднение МТС как растущих промышленных и агротехнических узлов на селе, их неизбежное разорение и разбегание инженерно-технического персонала, да и механизаторских кадров, при нехватке в колхозах даже сараев для элементарного сохранения машин, означало нечто вроде рывка вспять, научно-технической *контрреволюции,* изжить которую на коммерческих началах, на которых действовали вновь созданные «Сельхозтехника» и «Сельхозхимия», было уже невозможно. По Сталину, «требовать продажи техники МТС в собственность колхозам» значило бы «вогнать в большие убытки и разорить колхозы, подорвать механизацию сельского хозяйства, снизить темпы колхозного производства»; те, кто предлагает такое, подчёркивал он, «делают шаг назад в сторону отсталости и пытаются повернуть назад колесо истории»[1]. И оказался прав. Был, правда, момент, когда партия попыталась вытащить агропромышленный комплекс из трясины, – мы имеем в виду решения июльского (1978 года) Пленума ЦК КПСС, – но внезапная смерть Ф.Д. Кулакова, отвечавшего за отрасль в ЦК, и приход ему на смену Горбачёва, исповедовавшего «культ» личного подсобного хозяйства, имели следствием только появление через несколько лет бумажного изделия – «несъедобной» Продовольственной программы...

2. Если оптимизация общественных отношений, которую мы связываем с социализмом, в *экономическом* измерении упирается в реальное обобществление труда и производства, то в *социальном* – в формирование бесклассового общества. Забвение этой задачи в послесталинском СССР–России – главный грех и партгосаппарата, и учёных-обществоведов, и партии в целом. Это другая крупнейшая проблема, промедление в решении которой *погубило* советский (и не только этот) социализм. Ленин ещё в начале 20-х годов предупреждал партию об опасности подобной задержки. «Если взамен старого класса пришел новый, – говорил он на IX съезде РКП(б), – то только в бешеной борьбе с другими классами он удержит себя, и только в том случае он победит до конца, *если сумеет* привести к уничтожению классов вообще. Гигантский, сложный процесс классовой борьбы ставит дело так, иначе вы погрязнете в болоте *путаницы»*[2] (Курсив наш. – *Авт.).* Сталин действовал в русле этого предупреждения. «Наше советское общество, – говорил он американскому газетному издателю Р. Говарду 1 марта 1936 года, – является социалистическим, потому что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной. Та общественная организация, которую мы создали, может быть названа организацией советской, социалистической, ещё не вполне достроенной, но в корне своём социалистической организацией общества». Вероятно, не без гордости Сталин констатировал, что «у нас нет противопоставляющих себя друг другу класса капиталистов и класса эксплуатируемых капиталистами рабочих», то есть изжит классовый антагонизм. В этом смысле не виделось большой разницы между его заявлениями «нет классов» и «грани между классами стираются», но «некоренная разница между различными прослойками социалистического общества»[3], которые, к примеру, Чесноков в докладе начала 60-х годов назвал *«полуклассами»,* всё же требовала внимания.

В обществе трудящихся уже не было антагонистических классов, но существовали некоторые межклассовые различия, причём сохранялась возможность возвратного перерастания их – главным образом вследствие незаконного перераспределения собственности – из несущественных вновь в существенные, да и образования (или восстановления) под *«дреманным оком»* власти (как и случилось при брежневском «застое») иных социальных группировок. Вполне естественно необходимость перехода к бесклассовой социальной структуре подтвердил XVIII съезд ВКП(б) (март 1939 года), однако *«ещё не вполне достроенной»* (слова Сталина из интервью Говарду) советская система оставалась до своего конца. Если, может быть, без специального акцента на этом мог обойтись XIX съезд (октябрь 1952), поскольку стратегией ему служили «Экономические проблемы социализма в СССР» и особенно сталинские «три основных предварительных условия» *действительного, а не декларативного* перехода к коммунизму[4], то дальнейшее выглядело и сложнее, и *драматичнее.*

«Нельзя себе представить переход ко второй фазе коммунизма по-обывательски, – говорил Сталин перед съездом. – Никакого особого «вступления» в коммунизм не будет. Постепенно, сами того не замечая, мы будем въезжать в коммунизм. Это не «вступление в город» – «ворота открыты – вступай»»[5]. Но иначе думал и поступал Хрущёв и добился-таки своего. Торопливостью, декларациями, несбывающимися обещаниями «скорого» коммунизма он *захватал, измызгал, опошлил, износил* это гигантское понятие со всеми его составляющими. Та же участь (правда, менее заметная) постигла и идею перехода к бесклассовому обществу трудящихся, альтернативой чему могла быть только реставрация классового антагонизма. Огромного труда, с непростительным опо-

[1] Там же. - С. 554.

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 40. - С. 251.

[3] Сталин В.И. Сочинения. - Т. 14. – М.: 1997. - С. 121-123.

[4] Сталин В.И. Сочинения. - Т.16, ч.2. – М.: 2012. - С. 533-535.

[5] Сталин В.И. Сочинения. - Т. 18. - Тверь: - 2006. - С. 571.

зданием стоило вернуть её, эту идею, в начале 80-х годов в наш партийный арсенал как признак действительно развитого социализма[1] (При этом надо отдать должное участникам составления документов А.М. Александрову-Агентову и В.А. Печеневу), но *ненадолго.* Даже продвинутая в новую (1986 года) редакцию Программы КПСС[2], она была тут же затоптана Горбачёвым. Подлинные реставраторские намерения этой лидера-подделки, кем-то подсунутой Компартии, выявились позже.

Уже с момента своего прихода к власти большевики проявили заинтересованность в обновлении условий жизни граждан в становящемся бесклассовом обществе. В известной статье «Очередные задачи Советской власти» (1918) Ленин представил будущую социальную структуру как *сеть* трудовых, производительно-потребительских *коммун* (общин, артелей, коллективных хозяйств, товариществ), организующих производственный процесс, осуществляющих контроль за мерой труда и мерой потребления, добивающихся высшей производительности и роста культурно-технического уровня трудящихся, обустраивающих их содержательный досуг и воспитание молодого поколения[3]. Большая озабоченность была проявлена, так сказать, на микроуровне: в области социализации быта, который теперь не признавался «частным делом» и плотнее, чем прежде, смыкался с работой на производстве. До наших дней дошли проектировавшиеся в 20–30-х «дома-коммуны», фабрики-кухни, стадионы, клубы, кинотеатры. Специфические черты политики своего времени, отношения к человеку и его нравственно-эстетическому облику несут на себе жилые дома – «сталинки» и «хрущёвки»... Говорят, что архитектура – это застывшая музыка, но если приглядеться, она окажется окаменелой красотой и моралью, до которой сумели дорасти – правда, очень по-разному – её творцы и их поклонники и которая доносит до нас информацию об их менталитете. «Сталинские» дома идут за первый сорт на рынке недвижимости – «хрущёбы» на снос...

Теперь в «новой» (а вернее – в по-новому опрокинутой в прошлое) России, восстановившей противостояние труда и капитала и уже претендующей на первое место в мире по числу миллиардеров, проблема классового противоборства представляется в ином социальном оформлении. Разговоры о растущем бесправии и обнищании трудящихся «новорусской» буржуазии удалось пригасить организованным в СМИ осуждением зависти к чужому богатству, «болезни красных глаз» и т.п., созданием культа «эффективного собственника» в противовес прославлению мастера-творца социалистической поры. В то время как рядовые труженики – при всех тяготах, выпадающих на их долю, – индивидуально еще находятся под влиянием этой буржуазной пропаганды, правящий «олигархат» не может не понимать, что идея социального равенства, положенная в основу построения бесклассового общества, вновь неотвратимо пробьет себе дорогу. На это у правящего класса и его камергеров есть уже готовый «рецепт» – обещание перехода все большего числа граждан в некий «средний класс», по сути неопределенный социальный слой, характеризуемый несколькими атрибутами комфорта, без гарантий стабильности. Эта скользкая полуутопия, эта посула «равенства в гламуре» – конкурент ли она идеалу и научному проекту бесклассового общества трудящихся?!

* * *

На встрече президента РФ с лидерами парламентских партий 12 июля 2011 года Г.А. Зюганов «отметил, что по ООНовскому Индексу развития человеческого потенциала Россия откатилась с 15-го места в 2004 году на 54-е. Сейчас мы ещё ниже провалились»[4]. Подобная «подвижка», говоря по-русски, изумляет, а по-«новорусски» – «пассует в шок», если напомнить, что речь идёт о стране, признанной уже в середине прошлого века самой читающей во всём мире, построившей к тому моменту лучшую (в мире) систему народного образования и смело приступившей к изучению и освоению внеземного пространства. Конечно, публицисту А. Минкину не запретишь осмеивать «учение Ленина–Сталина (тупое до безобразия...)»[5], но, спрашивается, знаком ли он с тем, над чем «подпускает» иронию, и каким другим, вероятно, «острым до восторга» учением его коллеги «обустроили» указанную *личностную деградацию* России? Отвечать на данный вопрос можно долго и нудно, а можно сделать это одним махом. Чтобы добиться упомянутого эффекта, требуется очень немногое – упростить, унасекомить, «обытовить» цели, ставимые и достигаемые индивидом, лишить их исторического смысла, – и задача будет решена. Если ты намерен прыгать, опираясь на шест достоверной теории, планку имей выше головы. Если прыгаешь в калошах и с авоськами в руках, постарайся выбрать плетень пониже. Именно последний вариант доступен ныне россиянину, который под влиянием «демократских» СМИ согласился заменить притязания на «имперское мессианство» психологией уединённого «выживания», а право *социалистического первородства* – чечевичной похлёбкой рынка.

Определяя приоритеты послевоенной политики партии на предвыборном собрании 9 февраля 1946 года, Сталин назвал *два её* направления, на которые в недалёкой перспективе будет обращено особое внимание:

• «расширенное производство предметов широкого потребления», «поднятие жизненного уровня трудящихся путём последовательного снижения цен на все товары»;

• «широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы.

Я не сомневаюсь, – добавлял он, – что если окажем должную помощь нашим учёным, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны»[6].

Очевидно, Сталин не мог не придавать значения выходу человечества в Космос. Решение этой грандиозной задачи означало невиданную концентрацию и такое напряжение интеллектуальных и физических сил народа, которое ставило его в авангард мировой цивилизации. Документально подтверждено, что он не только знал, но и высоко ценил работы таких основоположников идеи космических полетов и освоения космического пространства, какими были Циолковский и Вернадский.

Отвечая на письмо Циолковского, в котором тот выражал уверенность в том, что партия большевиков и Советская власть продолжат его труды по авиации, ракетостроению и межпланетным сообщениям, Сталин назвал Константина Эдуардовича «знаменитым деятелем нау-

[1] См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. - С. 52-54.
[2] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1987. - С. 155-156
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 36. - С. 195 и др.
[4] Правда. 14.07.2011.
[5] Московский комсомолец. 16.07.2011.
[6] Сталин И.В. Сочинения. - Т. 16, ч. I. – М.: 2011. - С. 209.

ки» и выразил благодарность за доверие[1]. Вернадский в 1943 году удостоился Сталинской премии первой степени «за многолетние выдающиеся работы в области науки и техники». По мнению ученого, которое он сформулировал в письме Сталину, «наше дело правое, и сейчас стихийно совпадает с наступлением ноосферы – нового состояния области жизни... – основа исторического процесса, когда ум человека становится огромной геологической, планетной силой». В 1944 году в журнале «Успехи современной биологии» публикуется его программная статья «Несколько слов о Ноосфере» (по некоторым сведениям, Вернадский за несколько месяцев до этого направил её Сталину с предложением опубликовать в «Правде»), «В будущем, – говорилось в статье, – нам рисуется как возможные сказочные мечтания: человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет»[2]. То, что Владимир Иванович в 1943 году охарактеризовал как «возможные сказочные мечтания», обрело черты научной реальности уже спустя три года.

Изучение трофейных документов и образцов, касающихся разработки снаряда «Фау-2», подвигло советских ученых М.К. Тихонравова и Н.Г. Чернышева обратиться в июне 1946 года к Сталину с собственным проектом высотной ракеты, способной обеспечить подъем двух человек и необходимой аппаратуры на высоту 100-150 км. Предлагалась оригинальная конструкция, лишь отчасти наследовавшая немецкому прототипу. Срок разработки опытного образца определялся в один год[3].

Ознакомившись с запиской, Сталин поручил министру авиационной промышленности М.В. Хруничеву создать комиссию для осуществления научной экспертизы представляемого проекта. Итоги этой работы содержались в докладной Хруничева на имя Сталина, поданной 20 июня 1946 года. Комиссия под председательством заместителя начальника ЦАГИ академика С.А. Христиановича оценила проект в целом положительно. Указав на ряд принципиальных трудностей (например, обеспечение спуска капсулы с экипажем), комиссия (а независимо от нее и привлеченные для этой цели Хруничевым специалисты министерств авиапромышленности, вооружения и электропромышленности) признала полет такой ракеты технически возможным. Для её производственного проектирования предлагалось создать специализированное КБ, обеспечив его всеми необходимыми ресурсами, остальные задания (разработку капсулы, подготовку испытательных стендов и т.д.) – распределить между профильными ведомствами. К докладной прилагался соответствующий проект постановления Совета Министров СССР.

Наряду с этим обращалось внимание на то, что фактически, кроме Тихонравова, специалистов должного уровня в области реактивной техники в СССР нет, а также утверждалось, что срок в один год нереален (да и сами Тихонравов и Чернышев выдвинули к тому моменту новый срок – два года).

Летом 1946 года документ Совмина о разработке высотной ракеты постановлением так и не стал. По-видимому, ознакомившись с докладной министра, Сталин, несмотря на положительные заключения Академии наук и специалистов промышленности, не нашел возможным в ту пору затевать столь масштабное дело. Указаний на конкретные причины такого решения мы не имеем. Со своей стороны можем лишь обратить внимание читателя на беспрецедентный по объему затрат размах деятельности под эгидой Госкомитета № 1 (атомного), развивавшейся в то же самое время. На возможную связь между этими работами указывает то, что к идее разработки сверхдальних ракет Сталин все же вернулся, но уже после создания в СССР атомного оружия и восполнения тем самым обороноспособности страны. В феврале 1953 года он подписал документ, определивший развития ракет «сверхдальнего действия» (Р-7), которые стали затем основной «рабочей лошадкой» советской и российской космонавтики.

Сослаться на другие, более подробные свидетельства сталинского внимания к идее освоения Космоса на данный момент в научном обороте мы пока не можем. К сожалению, известные документы и воспоминания таких сведений не содержат (что, впрочем, не означает, что они не могут быть обнаружены в дальнейшем). Однако не подлежит сомнению, что Сталин отдавал себе отчет в стратегическом значении будущего проникновения в космическое пространство. Очевидно и то, что этот прорыв, совершенный СССР спустя всего несколько лет после его смерти, являлся прямым итогом последовательно проводившейся Сталиным в послевоенные годы политики подъема советской науки и форсированного развития передовых наукоемких отраслей индустрии. Конечно, прежде всего это было обусловлено острой жизненной необходимостью для Советского Союза обезопасить себя перед лицом новой, атомной угрозы. Но практический подтекст ни в коей мере не противоречит внесиюминутному, безусловному содержанию этого формационного достижения. В конце 30-х годов десятки мировых рекордов, поставленных советскими летчиками (фактически – в процессе испытания новой техники и накопления бесценного опыта в передовой на тот момент военно-промышленной сфере), стали мощнейшим морально-психологическим и политическим фактором и внутри Союза, и для его международного статуса. Равно подобным же образом запуск первого спутника Земли и полет Гагарина, наглядно демонстрировавшие потенциал советской науки и техники в разработке ракет-носителей военного назначения, явились уже внеземной вехой в истории народов, убедительным доказательством перспективности социалистического строя.

Известное время после Сталина советское общество ещё держалось на высотах опережающего отражения действительности и относительной свободы в просторах ноосферы, но уход «штучных» сталинцев из высшего руководства и занятие первых постов лицами хрущёвского толка привёл через волюнтаристские метания к стагнации. Об одном из этих «штучных» товарищей, Д.И. Чеснокове, мы уже писали. Другой, Ю.А. Жданов, еще в 1947 году опубликовал статью «Влияние человека на природные процессы»4. На обширном естественнонаучном и философском материале в ней доказывалась несостоятельность созерцательного и вульгарного материализма в противовес материализму диалектическому, «работающему» и *на прямой, и на обратной* связи материи и духа, утверждающему активность человека-творца, становящегося «соавтором» общего «дела» материприроды. Публицист ссылался на Вернадского, выдвинувшего идею ноосферы, организационным воплощени-

[1] Сталин И.В. Сочинения. - Т. 14. -2007. - С. 73.

[2] Впервые опубликовано в журнале "Успехи современной биологии" (1944 год, No. 18, вып. 2, стр. 113-120). Электронную версию статьи см.: http://vernadsky.lib.ru

[3] См. Новости космонавтики. 2003. № 9 (248).

[4] Жданов Ю.А. Избранное. - Ростов-на-Дону, 1999. - Т. 1. - С. 289-314.

ем которой он считал Советскую власть. По Вернадскому, «в биосфере существует великая геологическая сила, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного. С появлением на нашей планете одаренного разумом живого существа планета переходит на новую стадию истории»[1]. Эту свою концепцию, как мы уже отметили, сам ученый считал созвучной и смыкающейся с научным социализмом Маркса. Сталин прочел статью Ю.А. Жданова и на одном из заседаний Политбюро спросил его участников, знакомы ли они с этим материалом, однако в высшем ареопаге страны таковых не оказалось. Это маленькая, но, кажется, многозначительная иллюстрация к в общем верному заключению, что «в начале марта 1953 года убили ведь не человека – к тому времени уже очень уставшего, изработавшегося и быстро терявшего жизненные силы. *Убили тенденцию, убили перспективу, убили державный подход...*»[2] (Курсив наш. – Авт.). «У Сталина была одна шинель и вся страна», – цитирует некоего анонима Н.Б. Биккенин и добавляет: «Действительно, зачем человеку вторая шинель, если у него вся страна. Другой масштаб измерения и другая шкала ценностей»[3]. И хотя голос этого автора звучит из лагеря Яковлева–Горбачева и приписывает нам (вообще-то без оснований) «консервативную апологию» Сталина в пику «либеральному нигилизму» Волкогонова4, природный ум не позволяет ему совсем уж скатиться в помойку своих наставников и коллег.

Очень даже похоже, что – благодаря присущим ему радикализму и неутомимости, работоспособности и всепроникновенности, неустрашимости и выдержке, аскетизму и бессребреничеству – Сталин останется вечным жгучим *раздражителем* для мещанства и буржуазии, для паразитов и захребетников всех мастей. Их цель – добиться забвения Сталина, либо обыкновенного, путём замалчивания, а если не получается, то через оговоры или же доказывание его «незначительности». Минули десятилетия как эта кампания, уже ведшаяся за рубежом, заколыхала и Россию. Она велась в разные периоды с переменной страстностью и интенсивностью. Ну, и что? А в конечном счёте ничего.

«Сделайте лучше Сталина, и о нём забудут», – вот простой совет его внука, имя которого не называют5. В самом деле, заставьте шевелиться и развёртываться «искрозы», рассыпанные в его (и других ленинцев) творчестве, не препятствуйте воссоединению растерзанной России, то есть Руси Киевской, Руси Белой и Руси Московской, поднимите мировое значение этой целостности хотя бы на уровень середины 50-х годов, и тогда можно дискутировать на равных. Иначе ничего, кроме надменно-издевательской иронии народа, ждать вам нечего.

На редкость откровенные, горькие по глубинному смыслу признания Сталина 7 ноября 1940 года нынче приобрели почти шекспировское звучание. Сталин констатирует то, что многие вопросы государственного значения, включая технические, в том числе связанные с делом обороны, оставляются в небрежении. «С этим я сейчас каждый день занимаюсь, принимаю конструкторов и других специалистов.

Но я один занимаюсь со всеми этими вопросами, – обращается он к ближайшему окружению. – Никто из вас об этом и не думает. Я стою один»[6].

Что значило стоять одному «у самой бездны на краю» в тот драматический период, пусть читатель опять-таки додумает сам. «Ведь я могу учиться, читать, следить каждый день; почему вы это не можете делать? – спрашивает Сталин. И констатирует: – Не любите учиться, самодовольно живете себе. Растрачиваете наследство Ленина»[7]. Столь взыскательное обращение к соратникам – это и упрек им лично, жесткое напоминание о необходимости расти до уровня эпохи, соответствовать взятой на себя ответственности, это и указание на то, что выпавшая на долю большевиков удача, завоеванные ими позиции, наконец, выигранное ими историческое время есть конечные величины и богатство, тратить которое следует лишь во всеоружии знания.

Обращаясь к завершающему этапу деятельности Сталина, мы делаем опять-таки неутешительные выводы о состоянии сознания советского общества, понимании своего долга его руководством. Восторженный прием Сталина XIX съездом КПСС (октябрь 1952 года) и горечь утраты, которая охватила массы населения после его скорой кончины, говорят о настроениях народа. От них резко отличаются настроения «верхов». Прежде всего это касается восприятия ими прижизненного идейного «завещания» Сталина – «Экономических проблем социализма в СССР», аттестация которого, весьма неглубокая, была по сути механически пристегнута к Отчетному докладу ЦК (с ним на съезде выступал Г.М. Маленков) и которое с содержательной точки зрения (я, разумеется, говорю здесь не о похвалах и эпитетах – их было предостаточно) не служило предметом дискуссии на съезде.

Высказывания и поведение ближайших сотрудников Сталина в последующий период показали, что он был прав, под горячую руку обзывая их «слепыми котятами». Прав в отношении всех своих соратников, даже проницательного В.М. Молотова, который четко сознавал судьбоносное значение для социализма такой задачи, как преодоление классовых различий, связывая его зрелость со становлением бесклассовой социальной структуры, но, как и коллеги, туманно представлял ведущие к этому экономические процессы. Естественно, речь здесь не о тех молодых кадрах, которые были подобраны самим Сталиным и которым не дали «дозреть» в верхнем эшелоне руководства, убрав их после его кончины (Ю.А. Жданов, Д.И. Чесноков, Д.Т. Шепилов...), но картина его «одиночества» от этого не становится менее трагичной. Он ушел из жизни, не понятый и не поддержанный однопартийцами-современниками, в зените беспримерной победной славы и всего за три года до беспримерного оклеветания и поношения. … Еще несколько раньше академик В.И. Вернадский резко выделил *одного* Сталина из числа власть имущих. А если мы вспомним, что этот геолог создал концепцию ноосферы – сферы научной мысли, венчающей совокупное развитие земных литосферы, гидросферы, атмосферы, биосферы и социосферы, и считал ее полностью созвучной с основной идеей, проникающей в научный социализм, что он видел в утверждении Советской власти «начало перехода к государственному строю сознательного воплощения ноо-

[1] Там же. - С. 307.
[2] Кремлев С. Зачем убили Сталина. Преступление века. - М., 2009. - С. 414.
[3] Биккенин Н.Б. Как это было на самом деле. - М., 2003. - С. 53.
[4] Там же. - С. 50.
[5] Грачёва Т.В. Когда власть не от Бога. - Рязань, 2010. - С. 160.
[6] Сталин И.В. Сочинения. - Т. 18. - С. 208.
[7] Там же.

сферы»[1], то это выделение приобретает значимость высочайшей оценки. *«Наше дело правое,* – писал Вернадский Сталину в 1943 году, – *и сейчас стихийно совпадает с наступлением ноосферы – основы исторического процесса, когда ум человека становится огромной геологической, планетарной силой»*[2]. Сталин, как и Ленин, во всей его многогранности дорастал до ноосферного уровня; однако после него этот рост был приостановлен. Человечество в лице ведомой ими партии, советского рабочего класса, народа совершило *прорыв-переход* в ноосферу, но закрепить его и расширить мог своим натиском только мощный кадровый «второй эшелон», подготовить который Сталин и не сумел и не успел. При колоссальном размахе во второй половине XX века научно-технической революции, качественно сказавшейся особенно заметно в развитии и совершенствовании массовых *информационных* технологий, то есть инструментария мыслящего мозга, – будто в насмешку над ним, – произошел пугающий интеллектуальный социально-нравственный *спад.* Задачу полноценного выхода в ноосферу не ведающая жалости ирония истории сдвинула на два-три поколения вперед.

Дарование Сталина-геополитика ярко проявилось в определении, укреплении и возвышении той социальной и национальной массовой силы, которая действовала таким образом, «что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, признавая в нем единственное свое отечество, – писал Сталин Д. Бедному в декабре 1930 года. – Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, русскому рабочему классу, авангарду советских рабочих как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран... Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса»[3]. Сталин резко обрушился на приписывание русским, их рабочему классу в том числе, в качестве национальной черты «лени» и привычки «сидеть на печке», попытки выдавать подобные суждения за «большевистскую критику» и категорически заявил, что это «*клевета на наш народ,* развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата»[4].

Спустя девять лет в разговоре с А.М. Коллонтай, за полтора года до начала Великой Отечественной войны советского народа, предсказывая предстоящие величайшие испытание, Сталин выразил близкую позицию. «Все это ляжет на плечи русского народа, – сказал он. – Ибо русский народ – великий народ. Русский народ – это добрый народ. У русского народа – ясный ум. Он как бы рожден помогать другим народа. Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него – стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель. Поэтому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду. Русский народ – неодолим, неисчерпаем»[5]. Это же обобщение – на базе богатейшего военного опыта – Сталин подтвердит пятилетие спустя в знаменитом победном тосте 24 мая 1945 года[6]. Не случайно буржуазно-бюрократическая контрреволюция 1985-1993 годов била по указанным здесь чертам. Своими мишенями оппортунисты всех мастей, теневики-капитализаторы и компрадоры избрали сплоченность рабочего класса; интернационализм как национальную черту русского народа, передаваемую другим народам-братьям; устремленность советских людей к высоким целям, к утверждению социального равенства, жизни, достойной человека; наши исторические, патриотические, революционные и культурные святыни. Получив благодаря горбачевскому предательству главенство в средствах массовой информации, они многого добились. Но от исчерпывающего осуществления своих планов эти «граждане мира» пока далеки. Самокритичность и самоирония, в высшей степени свойственные нашим соотечественникам, отнюдь не означают их готовности поступиться собственным достоинством. А проявляемая ими уважительность по отношению к западноевропейцам и американцам не требует рептильных поз и не лишает их возможности и права проявлять «кураж». Реакция стремилась во что бы то ни стало выбить из гражданина России чувство социалистического первородства, сознание принадлежности к особой евразийской цивилизации, но вполне преуспеть пока не смогла. Борьба на этом поприще развертывается на наших глазах.

Из материалов 18-го тома мы знаем об озабоченности Сталина проблемой необратимости победы в Отечественной войне. Ее гарантии он понимал и как восстановление экономики и культуры нашего Отечества, их развитие до высших мировых образцов, и как создание союза славянских государств «новыми славянофилами-ленинцами», не навязывая кому-либо советский строй и вместе с тем оказывая друг другу хозяйственную, военную и иную помощь[7]. Судя по всему, Сталин не форсировал социальные перемены в послевоенной Восточной Европе, но твердо рассчитывал на создание дружной семьи славянских народов, являющих миру многообразный пример эволюции социалистического уклада жизни. Внимание влиятельных империалистических кругов к этому региону известно и легко объяснимо. Еще во время войны британский империализм блокировал и задушил героическое народно-демократическое движение в Греции, способствовал националистической дезориентации титовской Югославии. На нашей памяти инспирированные НАТО мятежи в ГДР и Венгрии, Польше и Чехословакии. Отравление «экономизмом» докеров Гданьска в сочетании с давней, глубоко эшелонированной активностью римской католической церкви, особенно с избранием папой Войтылы, дало не один только польский, далеко не польский резонанс. В штабах империализма отлично поняли, какое будущее мировому капитализму сулит идея и практика объединенного социалистического славянства и приняли все меры, чтобы предотвратить ее воплощение на деле.

Очень внимательно и осторожно Сталин относился к специфике Китайской революции, отвергал методы диктата и протестовал против просьб деятелей КПК и КНР, обращенных к нашей партии, давать им «указания» по

[1] Философские мысли натуралиста. - М., 1988. - С. 94, 501-502.
[2] Цит. по: Бояринцев В.И. Русские и нерусские ученые: мифы и реальность. - М., 2005. - С. 250.
[3] Сталин И.В. Сочинения. - Т. 18. - С. 33.
[4] Сталин И.В. Сочинения. - Т. 18. - С. 34.
[5] Диалог. - 1998. №8. - С. 94.
[6] Сталин И.В. Сочинения. - Т. 15. С. 228.
[7] Сталин И.В. Сочинения. - Т. 18. - С. 359-360.

принципиальным и текущим вопросам[1]. Невозможно и помыслить, чтобы при таком подходе, даже в случае вероятного временного ухудшения отношений СССР с Китаем, Сталин довел бы дело до скандального разрыва с юной народной республикой, как Н.С. Хрущев, до военной кампании – как Л.И. Брежнев, Цена этих огрехов во внешней политике оказалась невыносимо тяжелой. Удары наносились *социализмом по социализму.* Нарушался сложившийся уже баланс двух мировых систем. Такова правда, которую нельзя не признать. В империалистическом лагере сие действо встречалось овацией. Это была прямая «работа» на него – истина, как и вообще диалектика, туго доходившая до многих наших «кофереев».

Известно, что Сталин не согласился с предложением Б. Берута о вхождении народной Польши в Советский Союз. Он хорошо усвоил уроки польско-советской войны 1920 года, в которой сам участвовал, учитывал сложность внутренней обстановки в ПНР, ряд застарелых национальных комплексов. Существенным фактором было и то, что Сталин искал модель перехода к социализму для стран Западной Европы и Польша представлялась ему для этого подходящим полигоном. Следы подобных раздумий встречаются и в настоящем томе. Их мы видим, в частности, в реагировании на заявление лейбориста Моррисона[2] и, особенно, в Программе Компартии Великобритании[3].

О причастности Сталина к этому документу как автора много говорили после его появления в «Большевике» в 1951 году. Составителям пока не удалось найти архивное подтверждение этому. Тем не менее, участие Сталина в составлении «Британского пути к социализму» хотя бы в качестве критика и редактора представляется бесспорным. «Британия придет к социализму своим собственным путем, – гласит Программа. – Подобно тому, как русский народ пришел к политической власти советским путем, который был продиктован сложившимися историческими условиями и существованием царского режима, подобно тому, как трудящиеся стран народной демократии и Китая завоевали политическую власть своим путем и в своих исторических условиях, так и британские коммунисты заявляют, что народ Британии может *превратить капиталистическую демократию в подлинно народную демократию* (курсив наш. – *Ред.),* преобразовав парламент, возникший в результате исторической борьбы за демократию, в орудие демократии, в орудие воли огромного большинства британского народа». Это была необычная, новаторская установка на мирный, ненасильственный переход к новому строю, важнейшим условием которого признавалось «создание широкой народной коалиции или союза всех слоев трудящихся: организованного рабочего класса, всех работников физического и умственного труда, лиц свободных профессий и технической интеллигенции, всех низших и средних слоев населения в городах и фермеров в сельских местностях»[4]. В дальнейшем, после XXI съезда КПСС (1959) эту мысль припишут исключительно Хрущеву, создавая фальшивый образ «светлого демократа» в противовес «мрачному тирану», но вырубить уже сказанное живое слово топором лжи не сумеют.

Пагубное забвение сталинского наследия (а тем самым и марксизма) хорошо просматривается на примере игнорирования динамики и диалектики социальных отношений в процессе строительства социализма. В то время как Сталин постоянно подчеркивал, что новая, социалистическая интеллигенция, приходящая на смену интеллигенции капиталистического общества, не может не быть *интеллигенцией рабочего класса*, то есть его *классовым* отрядом работников умственного труда, литература 60-80-х годов, самосознание и поведение самих реальных интеллигентов все больше «косили» к трактовке этого растущего слоя населения как некоей внеклассовой категории, а это в условиях непрекращающейся идейно-психологической борьбы труда и капитала, двух мировых систем естественно несло в себе – и не могло не нести – червоточину мелкобуржуазности и буржуазности.

Равным образом недооценивались тенденции *интеллектуализации,* «обынтеллигенчивания» (прошу простить меня за это неуклюжее, но довольно точное по смыслу слово) рабочего класса. На эту тему Сталин высказывался не один раз. В томе публикуется его выступление в октябре 1938 года в связи с изданием Краткого курса истории ВКП(б), в котором Сталин, между прочим, сказал: «Ни один класс не может удержать власть и руководство государством, если не сумеет создать своей собственной интеллигенции, то есть людей, которые отошли от физического труда и живут умственным трудом. Товарищ Хрущев думает, – пошутил оратор, – что он до сих пор остается рабочим, а между тем он интеллигент... Он перестал быть рабочим, потому что живет интеллектом, работает головой, отошел от физического труда... У нас часто бывает так: работал рабочий у станка, потом пошел учиться, стал образованным человеком и к нему сразу пропало всякое уважение. Я считаю, что это дикость. При таких взглядах мы можем действительно загубить государство, загубить социализм»[5]. Кто мог знать, что эти слова окажутся пророческими, что и спустя 40 лет рецидивы «диких» взглядов, высмеянных Сталиным, будет высказывать, к примеру, вице-президент Академии наук СССР П.Н. Федосеев, что они получат поддержку М.А. Суслова. Повышение уже в ближайшие годы образованности молодежи до уровня восьмилетки Сталин определил как «некоторый фундамент для того, чтобы сделать через некоторое время всех рабочих и крестьян интеллигентами. Но мы на этом не остановимся, – подчеркнул он, – мы пойдем дальше, будем толкать рабочих и крестьян, чтобы все они стали интеллигентами. Тогда мы будем непобедимы»[6]. Допущение «полумахаевских ошибок» в этом вопросе, сворачивание с магистрали социализма на проселок формирования в 60-70-х годах не пролетарской, а буржуазной интеллигенции пока что **без** буржуазии, забвение об опасности «прозевать» «людей рассудочных, которые слепо за нами не пойдут»[7] – одна из предпосылок реставрации капитализма в 80-90-х.

Содержание18 тома ярко иллюстрирует последовательность и преемственность в развитии теории и практики социализма. Это относится, в частности, к материалам, которые разделяет солидный срок – без малого 18 лет, к речи об отмене карточной системы 1934 года и беседе по вопросам политической экономии 1952-го.

Перед нами два этапа решения одной задачи: «для того, чтобы производимое промышленностью и произво-

[1] Там же. - С. 531.
[2] Там же. - С. 558.
[3] Там же. - С. 650.
[4] Там же. - С. 664-665.
[5] Там же. - С. 164.
[6] Там же. - С. 166.
[7] Там же. - С. 168.

димое сельским хозяйством не пропадало втуне, а доходило до потребителя», было «нужно развернуть во всю товарооборот во всей хозяйственной деятельности, во всей своей сфере через денежное хозяйство»[1]. Так стоял вопрос в начале 30-х годов.

Трезво отмечая, что «денежное хозяйство – это один из тех немногих буржуазных аппаратов экономики, который мы, социалисты, должны использовать до дна» с тем, «чтобы он лил воду на нашу мельницу, а не на мельницу капитализма», Сталин пояснял, что это означает с точки зрения наших программных целей. «...По части смычки, торговой смычки между городом и деревней, – говорил он, – механическому, слепому, канцелярскому распределению, пайковому распределению продуктов кладется конец. Вкусы, потребности, пожелания отдельных районов, отдельных потребителей должны учитываться нашими торгующими организациями как в смысле получения известного количества товаров, так и, особенно, в отношении КПСС (октябрь 1952) и горечь утраты, которая охватила массы качества этих товаров. Это значит, что торговые организации имеют дело не с абстрактным потребителем, а с конкретным, в зависимости от района, от области, от отрасли промышленности, от отрасли торговли. Только после того, как наши торговые организации научатся учитывать все и всяческие специфические особенности каждого района и каждой области и наладят богатейшую товаропроводящую сеть, – только после этого можно будет попытаться поставить вопрос о переходе от товарооборота к продуктообмену без денег. Пока мы этого не сделали, пока и третьей доли этого товарооборота не использовали, говорить об уничтожении денежного хозяйства, о замене товарооборота продуктообменом – значит говорить глупости, вещи абсолютно антиленинские, антимарксистские, ничего общего с марксизмом не имеющие»[2].

Вопрос о замене товарооборота с его денежным хозяйством продуктообменом, с точки зрения Сталина, стал актуален и поэтапно фактически разрешим лишь в результате накопления опыта социалистического строительства и восстановления разрушений военной поры, в начале 50-х годов. К этому времени была вновь поставлена и фактически решена другая проблема, тоже выдвинутая в 1934 году. Надо было «поставить на реальную базу, на настоящую реальную базу политику снижения цен по всем товарам и по всем продуктам»[3]. Эту политику советские люди ощутили на себе с 1947 года и резонно связывали ее с отменой другой карточной системы – карточной системы военных лет и проведенной одновременно денежной реформой[4]. Снижение цен проводилось все последние годы жизни Сталина.

Судя по высказываниям тех, кто общался со Сталиным, и видных экономистов той поры, он не делился ни с кем конкретными соображениями о введении продуктообмена и постепенном вытеснении им товарооборота, не оставил хотя бы эскизных набросков механизма таких переходных мер, но отдельные моменты, свидетельства стратегического устремления в этом направлении можно фиксировать несомненно.

Сталин считал социализм (первую фазу коммунизма) антиподом производства товарного, его инобытием и альтернативой, а не его развидностью. Большинство послесталинских экономистов, наоборот, исходило из того, что социалистическое товарное производство только сменяет капиталистическое товарное производство в качестве товарного же, не давая побегов принципиально другого порядка, не рождая через ряд переходных форм, сочетающих в себе и новое и старое, других форм, представляющих не виданное ранее качество. Эти экономисты как будто не замечали, что при такой трактовке они лишают смысла сам переход к социализму, ибо в рамках товарного производства
более совершенного строя, чем капитализм (разумеется, проходящий разные стадии своей эволюции, модернизируемый, «демократизируемый» и «гуманизируемый»), создать невозможно.

Топчась десятилетиями в двух соснах «план и рынок – рынок и план», они не выдумали пороха и в конце концов облегчили себе жизнь, отказавшись, по доброхотной рекомендации «из-за бугра», от плана и возвратившись на рыночную стезю. Сталин, как и Ленин, не был понят его незадачливыми продолжателями, которые не смекнули того, что социалистическое товарное производство мыслилось им не в покое, а в движении, в состоянии беременности чем-то отличным от себя, самоотрицания, «переставания» быть товарным во имя марксовой экономики реального гуманизма, на первых порах – социализма как товарищеского способа производства.

Сталин не оставил теоретических разработок перехода к продуктообмену, но дал, как когда-то говорили, «тонкие намеки на толстые обстоятельства». Мы видим, что уже в 1934 году он ориентировал советскую торговлю на потребности людей. Это первое. Второе – он намечал политику снижения цен, то есть повышения благосостояния населения без роста денежной массы. Первое, понятно, было рассчитано на рост способности промышленного аграрного производства поставлять торговле все более широкий набор потребительских благ, второе сулило минимизацию расходов трудящихся и переход в перспективе к бесплатному распределению хотя бы части основных потребляемых продуктов и услуг. Есть свидетельства о том, что Сталин связывал практическое начало коммунизма с тем моментом, «когда мы начнем раздавать населению хлеб задаром»[5]. Это мыслилось им примерно с начала 60-х годов. В то же время он предупреждал против попыток «представить переход ко второй фазе коммунизма по-обывательски. Никакого особого «вступления» в коммунизм не будет. Постепенно, сами не замечая, мы будем въезжать в коммунизм»[6]. Хрущев с его «третьей» Программой КПСС и авантюрными обещаниями на 1980 год поступал «с точностью до наоборот». Видать, не случайно, не только по анекдоту, запланированный им и, естественно, не состоявшийся «въезд в коммунизм» в этом году Брежнев заменил Московской олимпиадой. Как говорил еще Ленин, «с обывательскими понятиями нельзя браться за теоретические вопросы»[7].

[1] Там же. - С. 75.
[2] Там же. - С. 75-76.
[3] Там же. - С. 76.
[4] Там же. - С. 631.
[5] Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. - М., 2002. - С. 122.
[6] Сталин И.В. Сочинения. - Т. 18. - С. 571.
[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 30. - С. 94.

Ценности социализма. Суровая диалектика формационно-цивилизационной смены и преемственности системы общественных ценностей [1]

В.А. Сапрыкин

Социалистические ценности на фронте классовой борьбы [2]

Ещё четверть века назад вопрос об общественных ценностях был предметом лишь академической элиты, саму же аксиологию (науку о ценностях) называли «скучным» разделом философии. Сегодня эта проблема буквально ворвалась в широкое массовое сознание. К ней прикованы взоры не только учёных из всех областей науки, но и деятелей литературы, искусства, журналистов, представителей церковных кругов, контрреволюционного предпринимательского класса, буржуазных чиновников различных звеньев государственного и общественного управления. Но самое примечательное в этом феномене, вопрос о ценностях, ценностно-смысловых ориентирах стал главным для «простых» людей «из толпы»… Произошло очевидное: ценностное восприятие окружающей действительности, оценочные суждения широких народных масс приобретают характер определённой, социально детерминированной закономерности. Хорошо видно: в российском и украинском обществе возникла и развивается новая идейно-политическая, социокультурная, духовно-нравственная ситуация, требующая от учёных-марксистов, всех коммунистов соответствующих ответов и решений. Свой ответ даёт доктор философских наук, профессор, член редсовета журнала «Марксизм и современность» Владимир Александрович Сапрыкин в книге «Ценности социализма. Суровая диалектика формационно-цивилизационной смены и преемственности системы общественных ценностей». Аксиологизация общественного сознания, говорит автор, это субъективное выражение объективного процесса отрицания и самоотрицания капитализма, системы буржуазных ценностей, среди которых на первом месте агрессивный бизнес, коммерческий успех любой ценой, прибыль, деньги, богатство, власть, сила, культ удовольствий, секс и т.п.

Процесс отрицания капитализма и его ценностно-смыслового конструкта носит не локальный, ограниченный, а всеобщий, планетарный характер. В самом бастионе этой цивилизации – Европе и США – давно бьют тревогу в связи с девальвацией буржуазных ценностей. Сегодня в тревожном хоре апологетов капитализма звучит новый мотив: «необходимо возродить коллективные ценности, защитить их от индивидуализма», «коммунитарные ценности могут служить основой» успеха (Ханс Йоас, ФРГ). Перед нами, с одной стороны, проявление концепции альтернативизма как формы отрицания капитализма (хотя и закамуфлированной), а с другой, – прямое признание приоритета ценностей социалистических. В России этот процесс носит широкомасштабный и чётко фиксируемый характер. По данным всероссийских социсследований 2013 г. (Институт социологии РАН), только 17 % населения страны приняли капиталистический уклад, 22% выступают за социализм, 56% – за сочетание социалистических принципов с элементами рыночных отношений. А это значит: капитализм в России не стал всенародным делом. В общественном сознании присутствуют огромный массив ценностей, которые определяют социалистический образ жизни.

Советский социализм, пишет автор, это – ранний социализм, новая историческая ценность, рождённая на путях раскрепощённого творчества самого многонационального народа. Короткая история первого в мировой человеческой практике социализма складывалась под воздействием множества факторов, объективных и субъективных, внутренних и внешних, часто суровых и жестоких, порой безысходных обстоятельств, а нередко под влиянием серьёзных ошибок, просчётов власти. Он не был и не мог быть «царством молочных рек и кисельных берегов»… Советский социализм был таким, каким был его исторический субъект – пролетариат, трудовое крестьянство, интеллигенция, весь народ. При всём несовершенстве и проблемности социализм в СССР, доказывает В.А. Сапрыкин, смог воплотить многие сущностные черты именно социалистического мироустройства: власть, собственность, труд и культура не отчуждались и принадлежали трудящимся – главным производителям материальных и духовных ценностей. Никто не может отрицать исторически новый характер производительных сил и производственных (и других общественных) отношений, на основе которых рождался иной характер труда, превращавшегося в ведущую естественно-историческую и социальную ценность; социально-классовое, национальное и культурное равенство; утверждение социалистической ценностно-гуманистической коллективности (трудовластия). Именно от этих ценностей не желают отказываться народы России, Украины, как, впрочем, всего бывшего Советского Союза. В этом, кстати, надо видеть одну из главных причин нового «похода на Восток» империализма во главе с фашиствующими США.

Антисоветизм был и остаётся сердцевиной многоликого антикоммунистического фронта. Как и прежде, водораздел между коммунизмом и всеми колоннами, отрядами антикоммунизма (либерализмом, троцкизмом, оппортунизмом, ревизионизмом, социал-реформизмом, клерикализмом и др.) лежит в отношении ***к СОВЕТСКОМУ СОЦИАЛИЗМУ****. Это отношение также решительно разводит революционный,*

---

[1] Сапрыкин В.А. Ценности социализма. Суровая диалектика формационно-цивилизационной смены и преемственности системы общественных ценностей / В.А. Сапрыкин. - М.: ООО «Изд-во Алгоритм», 2014. - 480 с.

[2] Предисловие к публикации раздела из пятой и двенадцатой главы книги «Ценности социализма» в журнале «Марксизм и современность.

созидательный марксизм-ленинизм и его показное, схоластическое, демагогическое подобие. Четверть века буржуазно-криминальной контрреволюции псевдомарксисты, увы, вместе с либералами словно состязаются в том, кто сильнее обличит советский социализм в его пороках, пригвоздит «тоталитарный» СССР к позорному столбу истории. Эти теоретические «друзья народа» хлёстко и бездоказательно в научном смысле слова навешивают ярлыки: «полусоциализм», «недосоциализм», «квазисоциализм», «тоталитаризм», который, якобы, «не соответствовал природе человека»… И вообще-то был «госкапитализм».

Философствующие схоласты от марксизма беззастенчиво попирают главный научный императив: выявляя суть феномена ***РАЗВИТИЯ, ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЁД,*** *т.е.* ***СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА****, он требует вначале обнаружить, что сделало то или иное общественное устройство, и только потом, что оно не сделало и почему… Они полностью игнорируют конкретно-исторические (внутренние и внешние) условия возникновения и функционирования советской цивилизации, мимо их высокомерного внимания ускользает фактор исторического времени, у них нет позыва и желания анализировать советское общество как сложный, многообразный «продукт взаимодействия людей» (К. Маркс). В компартиях России, Украины и дальше – за их рубежами получили хождение ревизионистские, мелкобуржуазные, клерикально-националистические трактовки советского социалистического мироустройства. На этой оппортунистической почве был рождён внешне привлекательный постулат о «социализме XXI века», который, по мнению нынешних зюдекумовцев, должен помочь избавиться от советского наследия, начать всё с «с чистого листа». Поистине, невежественные, ревизионистские «друзья народа» опаснее многих классовых врагов пролетариата.*

В развёрнутом, всесторонне аргументированном исследовании профессор В.А. Сапрыкин делает вывод, что в XXI веке опыт советского социализма будет обязательно востребован, ибо он носит непреходящий, во многом универсальный характер. А сам феномен строительства первого в мире государства рабочих и крестьян – беспрецедентное историческое деяние – в будущем пантеоне революции народов мира за своё освобождение будет находиться на самом почётном месте.

Редколлегия

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО – ИММАНЕНТНАЯ, НЕПРЕХОДЯЩАЯ ЦЕННОСТЬ СОЦИАЛИЗМА [1]

Организаторы антисоветской криминально-буржуазной контрреволюции и реставрации капитализма в России, на Украине и на всем постсоветском пространстве, либеральные чиновники от науки и образования в союзе с правыми оппортунистами возносят хвалу частной собственности и ее субъекту – новому классу эксплуататоров. Разумеется, сегодня его именуют иначе: это – *«креативный класс».* Маскировочный эвфемизм придуман для того, чтобы скрывать от народа воровскую, паразитическую природу новоявленных капиталистов, внушить людям мысль, что без *«креативщиков»* общество ну никак не сможет жить, дескать, они мозг и энергия, движитель всего социального организма. Увы, в этой придумке ничего нового нет. Перед нами, в сущности, современное переложение буржуазной социально-философской концепции элиты, давным-давно утверждающей: а) общество состоит из элиты – высшей, привилегированной верхушки, обладающей особым талантом и осуществляющей функции управления, развития экономики, науки, техники, культуры и т.д., и остальной массы людей – исполнителей воли и указаний «креативной» верхушки; б) политическая власть, где царит воля элиты, рассматривается в качестве основной части социально-классовых отношений, наиболее значимыми в которых являются отношения *господства и подчинения.*

Буржуазные теоретики элитарного подхода к общественным отношениям В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс, Ч.Р. Миллс, Р. Миллибанд, Дж. Скотт, Дж. Пери, Д. Белл и другие считали, в частности, что общество, как система, находится в равновесии, поскольку антагонистические интересы социальных слоев и классов парализуют друг друга. Общество в их представлении – это своего рода пирамида, наверху которой находятся немногие одаренные люди – вожди, лидеры. История, утверждал Парето, это арена постоянной борьбы элит за власть. Миллс особую роль отводил интеллигенции, которая обладает «социологическим воображением». Белл обосновывал претензии буржуазной интеллектуальной элиты на особую роль в управлении обществом. По его мнению, научно-техническая революция, в которой интеллигенция выполняет особые профессиональные функции, делает излишней социальную революцию. Вся теория элит, несмотря на различие во взглядах ее представителей, направлена против марксистского учения о классах и классовой борьбе, против требования социального равенства всех членов общества.

Теория элит – не безобидные академические упражнения в абстрактном конструировании классовой структуры общества. *В социальном отношении* – это откровенная апологетика капиталистических общественных отношений; *в гносеологическом* – сознательное игнорирование объективной диалектики общественного развития; *в аксиологическом* – попытка объявить капитализм «вечной» ценностью. *Идеологическое острие* элитарной концепции направлено против марксистско-ленинского учения о закономерности общественного развития, прогрессе человеческой истории как смене общественно-экономических формаций, неизбежности социалистического переустройства общества. И для западных, и для современных российских либеральных и оппортунистических теоретиков характерна главная, определяющая черта их мировоззрения и наукообразных построений: *полный отказ от диалектики и даже страх перед нею.* Маркс хорошо объяснил природу такого поведения борцов с коммунизмом. «В *своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же*

[1] Там же. Глава пятая. – С. 130-155.

время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»[1] (выделено мной – *В. С.).*

Но не все так просто в этом принципиальном вопросе. Современные российские апологеты капитализма (философы, социологи, историки, политологи, психологи, культурологи и др.), чтобы отказать социализму в объективной исторической закономерности как необходимому результату диалектики общественного прогресса, но особенно доказать историческую неправомерность советского социализма, пускаются во все тяжкие. Публично отречься от диалектики – это было бы слишком, «перебор» им не нужен: важно сохранить научную респектабельность. Поэтому в ход идет целый набор фальсификаторских приемов, главный из которых заключается в том, чтобы *субъективизировать диалектику, вогнать ее в русло философского идеализма.* Марксизм исходит из первичности диалектики материального бытия. Объективная диалектика есть саморазвитие материи. По сути, диалектика – не некая вторичная инстанция или заданная мыслительная схема, а имманентный способ существования природной и социальной действительности. В.И. Ленин подчеркивал, что тождество противоположностей (то есть ядро диалектики) предстает как «закон объективного мира»[2]. Философствующие антимарксисты и антиленинцы делают диалектику «рабочей гипотезой», «одной из многих метафор», «особой, отличной от дедукции и индукции, формой аргументации» и т.п. Особенно модным стало бегство от мира социального в мир антропологического, психологического, символического. Все исходные диалектические понятия: *«противоречие», «борьба противоположностей», «скачок», «отрицание»* – рассматриваются только в контексте субъективных человеческих контактов, в сфере мышления.

Что же касается диалектики социальных процессов и объективной реальности в целом, представлений о добре и зле, лежащих в основе ценностного отношения к жизни во всех сферах ее проявления, о классовых противоречиях, особенно антагонистических, то такого подхода даже «днем с огнем» не найдешь в сочинениях либеральных теоретиков. Интеллектуальная «элита» – составная органическая часть капитализируемой России: каков капитализм – такова и его «элита», а какова «элита» – такова и ее продукция. *«Я утверждаю, что рыночную экономику мы уже построили. Никакой централизованно-плановой экономики у нас больше нет. <...> Говоря о приватизации, к ней часто добавляют эпитеты "грабительская, несправедливая". Я к этим вещам отношусь спокойно. Разве с помощью приватизации мы собирались устанавливать справедливость? <...> На мой взгляд, само по себе расслоение – явление нормальное»*[3], – заявил публично директор Института народно-хозяйственного прогнозирования Российской академии наук, академик В. Ивантер.

Перед нами грубая, циничная апологетика социального неравенства и несправедливости. Такие или подобные заявления можно приводить до бесконечности. Все они, с одной стороны, клеймят советскую уравниловку (которой в действительности не было), а с другой – противопоставляют ей либеральное представление о равенстве. Оно в концентрированном виде проявляется в социально-классовой политике контрреволюционного режима. Для массы («электората», «подчиненных», «работников») введен так называемый *«прожиточный минимум»,* для элиты, «креативщиков» – капитал по максимуму, богатства без ограничений. Всем, кто недоволен таким распределением общественного продукта, либеральные СМИ отвечают в духе академика Ивантера: *«Человек пришел в этот мир, чтобы реализовать себя, а не жаловаться на несправедливость. Сильный – прав, не надо жить ради другого человека и не надо заставлять другого жить ради тебя»* (журнал «Tatler», декабрь 2012). И другого представления о справедливости от либералов не нужно ждать. В лучшем случае они могут спекулятивно произнести: *«делиться надо».* В обществе, разделенном на антагонистические классы эксплуататоров и эксплуатируемых, не может быть и речи о социальном равенстве и социальной справедливости. Этот исходный рубеж яростно защищают все прямые или косвенные апологеты капитализма. Как и во времена К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина, вокруг этого центрального вопроса идет ожесточенная классовая война, как и раньше *«борьба ведется во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практическом – экономическом»*[4].

Как это уже не раз бывало в истории рабочего и коммунистического движения, на стороне эксплуататоров «вдруг» оказываются те, кто вроде бы против капитализма, кто осуждает его реставрацию в СССР. Таким объективно оказался давний, многолетний ниспровергатель и пересмешник марксизма философ и логик А.А. Зиновьев. В 2003 году он выпускает сочинение под весьма символическим названием «Идеология партии будущего» с грифом «Дискуссионный клуб КПРФ» и рекомендательным послесловием заместителя председателя ЦК КПРФ И. Мельникова. *«Новая идеология должна выступить как преодоление марксизма и советской идеологии. Причем преодоление не как дальнейшее их развитие (модернизация), что исключено, а как отрицание»*[5], – категорически выносит приговор великому учению А. Зиновьев. Ничто не может убедить ниспровергателя марксизма: ни глубина его научной теории и методологии, ни сама социальная действительность, которая развивается в соответствии с законами, открытыми основоположниками этой науки. А. Зиновьев идет дальше, что называется, напролом: *«Беспрецедентный исторический успех марксизма объясняется не какой-то высочайшей научностью, как это было многими принято думать, а идеологичностью. Если бы марксизм был учением, действительно соответствовавшим принципам научности, то он должен был бы считаться с тем, что материальное и социальное неравенство людей неустранимо, что оно лишь меняет формы, и другими явлениями любой социальной реальности. Но в таком случае марксизм не имел бы серьезного успеха»*[6]. В марксизме, далее утверждает А. Зиновьев, *«все его основные понятия и утверждения не соответствуют критериям логики и методологии науки»*[7].

Как видим, эпатажный критик не только отказывает марксизму в научности, он приписывает ему качество спекулятивной идеологии, которая якобы в погоне за успехом обманывала народные массы: «социальное неравенство людей неустранимо», а марксизм «дурил»

головы идеей социального равенства. Такую картину можно было бы назвать просто кощунственной, но она хуже и подлее, ибо работает на капитализм, в том числе тот, дикий и страшный, который утверждается в России. Ведь имя Зиновьева безмерно прославляют в российской академической среде, в левом движении и даже среди коммунистов, его «откровениям» рады либералы. Его называют «великим мыслителем», «бесстрашным и бескомпромиссным бойцом», «логиком, которому нет равных в XX веке». Обыватель глотает эту эпатажную, восторженную «пыль», а вместе с ней и яд антимарксизма, антикоммунизма. Сочинения Зиновьева в сотню раз опаснее поделок либералов: физиономия последних столь очевидна, что на них уже мало кто клюет, а зиновьевщина потребляется, усваивается и разлагает ряды коммунистов.

Публикации ушедшего из жизни логика продолжают его разрушительную работу. «*В* результате Октябрьской революции 1917 года сравнительно небольшая группа людей, возглавлявшихся большевиками, захватила высшую власть в стране. Социальную сущность этого политического переворота не понимал никто, включая Ленина»[8], – без всякого смущения делает вывод Зиновьев. Ну а коль скоро так, то «долой» ленинские концептуальные идеи о роли народных масс в «исторических действиях», о необходимости «убедить новые и новые миллионы и десятки миллионов» в социалистических преобразованиях[9], «идти впереди стихийного движения масс», «воспитывать весь класс наемных рабочих к роли борцов за освобождение всего человечества от всякого угнетения, постоянно обучать новые и новые слои этого класса, надо уметь подойти к самым серым, неразвитым, наименее затронутым и нашей наукой, и наукой жизни представителям этого класса, чтобы суметь заговорить с ними, суметь сблизиться с ними, суметь выдержанно, терпеливо поднять их до социал-демократического сознания, не превращая наше учение в сухую догму, уча ему не одной книжкой, а и участием в повседневной жизненной борьбе этих самых серых и самых неразвитых слоев пролетариата»[10].

Но рабочий класс совсем не привлекателен для антимарксиста Зиновьева, он считает, что «приверженцами новой идеологии могут стать *не представители низших слоев населения,* а люди со сравнительно высоким уровнем образования, культуры, нравственности, интеллектуальных интересов и т.д., короче говоря – **часть интеллектуальной, творческой и деловой элиты** населения, склонная к индивидуальной оппозиции к существующему строю»[11] (выделено мной – *В. С.).* Как видим, перед нами еще одна, современная версия элитарной концепции, которая: а) ставит «крест» на «низших слоях населения» и в пренебрежительной форме отказывает им в способности решать самим свою судьбу; б) противопоставляет «элиту» всему населению, иначе говоря, народу, наделяет ее не только особым интеллектом, но и нравственностью; в) игнорирует классовую борьбу трудящихся за свои права и сводит все дело к индивидуальной оппозиции.

Коммунисты не могут мириться с распространением подобной антимарксистской, идеалистической, мелкобуржуазной по своей сути теории, она враждебна интересам рабочего класса и всех эксплуатируемых трудящихся, ибо она обрекает их на вечное рабство у эксплуататоров, утверждает незыблемость капиталистических устоев. Только марксизм-ленинизм указывает реальные пути и средства освобождения рабочих и крестьян, всех закабаленных народов от ига последнего эксплуататорского строя – капитализма. **Проблема преодоления общественного неравенства, утверждения справедливых отношений между классами, нациями, людьми может быть решена только в условиях социализма, а в наиболее полной форме – при коммунизме. Главным и первым условием на пути решения этой исторической задачи является устранение частной собственности и ее субъекта – класса эксплуататоров.** 137 лет тому назад, летом 1877 года, Ф. Энгельс сделал вывод: «Лишь теперь стал излишним всякий господствующий и эксплуатирующий класс, более того: он стал прямым препятствием для общественного развития». Он должен быть *«неумолимо устранен»*[12]. Но устранить его можно, только устранив частную собственность. *«Частная собственность,* – писал К. Маркс, – *представляет собой не простое отношение и уж совсем не абстрактное понятие или принцип, а всю совокупность буржуазных производственных отношений»* (выделено мной – *В. С.).* А «буржуазные производственные отношения являются **классовыми отношениями.** <…> Изменение или вообще уничтожение этих отношений может, конечно, произойти лишь в результате изменения самих классов и их взаимных отношений; **изменение же отношений между классами есть историческое изменение, продукт всей общественной деятельности в целом, одним словом, продукт определенного «исторического движения»**[13].

Само представление о равенстве и справедливости является историческим продуктом. Это представление не существует испокон веков как вечная истина (Ф. Энгельс). На разных этапах истории оно получает конкретно-историческое преломление в сознании людей и практическое воплощение в социальной практике. «Равенство – справедливость, – писал Ф. Энгельс. – Представление о том, что равенство есть выражение справедливости, принцип совершенного политического и социального строя, возникло вполне исторически». Но только в условиях буржуазного общества «пролетарии из политического равенства стали выводить равенство социальное». Вообще «для выработки положения "равенство = справедливости" понадобилась почти вся предшествующая история, и сформулировать его удалось лишь тогда, когда уже существовали буржуазия и пролетариат»[14].

Его не могло быть в принципе в рабовладельческой системе, где рабы считались «говорящим орудием». В эпоху феодализма в сословном обществе крестьянство, зависевшее от феодалов, было наиболее бесправным классом. Будучи самым ясным, простым и понятным массам, лозунг борьбы против неравенства служил вдохновенным стимулом восстаний рабов и крестьянских войн. Буржуазные революции, приведшие к утверждению капиталистического строя, создали условия значительных изменений в общественных отношениях. Впервые были отменены сословия и сословные привилегии, провозглашен принцип равенства граждан перед законом. Однако вся дальнейшая общественная практика обнаружила ограниченный и во многом иллюзорный характер равенства в условиях капитализма. **Буржуазное равноправие действительно лишь постольку, поскольку условием существования частного предпринимательства является наличие на рынке свободной рабочей силы и право продавать**

и покупать ее. Не может быть и речи о социальном равенстве в обществе, где господствует частная собственность, главной ценностью является капитал, а само общество разделено на антагонистические классы эксплуататоров и эксплуатируемых.

Эксплуататоры – помещики и капиталисты – всегда зорко стояли и стоят на защите своих классовых интересов, и как только подневольные – эксплуатируемые рабочие и крестьяне – ставят вопрос о социальном равенстве и справедливости, им отвечают войной, террором, всяческим насилием. «Цивилизация и справедливость буржуазного строя выступают в своем истинном, зловещем свете, когда его рабы и угнетенные восстают против своих господ. Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются ничем не прикрытым варварством и беззаконной местью. Каждый новый кризис в классовой борьбе производящих богатств против присваивающих его показывает этот факт с большей яркостью». К. Маркс приводит примеры из действий французских контрреволюционеров 1848 и 1871 гг. «Гнусности и зверства буржуазии» того времени дали основание ученому и революционеру сделать единственно справедливый и точный вывод: «Эта преступная цивилизация, основанная на порабощении труда, при каждом кровавом триумфе заглушает крики своих жертв, самоотверженных борцов за новое, лучшее общество, воем травли и клеветы, который отдается эхом во всех концах света»[15].

Такой же была и вся российская буржуазно-помещичья цивилизация, построенная на крепостническом рабстве крестьян и дикой эксплуатации рабочих. Сегодня либералы рассказывают, как зажиточно и счастливо жил русский народ при царе-батюшке, и одновременно рисуют зверский облик тех, кто восставал против угнетателей. От И.И. Болотникова (руководителя первой крестьянской войны в России), Е.И. Пугачева (предводителя второй крестьянской войны) до П.И. Пестеля, М.П. Бестужева-Рюмина, К.Ф. Рылеева (революционеров-декабристов), от В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского (революционных демократов) и до В.И. Ленина (руководителя Великой Октябрьской социалистической революции) – всех изображают либо злодеями, либо нравственными и интеллектуальными уродами. Великого русского писателя и мыслителя Л.Н. Толстого в литературных СМИ, глумясь, называют «зеркалом сексуальной революции». Но у истории хорошая память и неподкупные свидетели: они доносят до нас, чем был царизм и, следовательно, его нынешние апологеты.

Выдающиеся русские мыслители о вопиющем социальном неравенстве и несправедливости в буржуазно-помещичьей России

Александр Николаевич **Радищев (1749-1802)**	*«Самодержавие есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину оставляем? То, что отнять не можем – воздух. Да, один воздух...»*
Александр Сергеевич **Пушкин** (1799-1837)	*«…Здесь барство дикое, без чувства, без закона, присвоило себе насильственной лозой, и труд и собственность, и время земледельца…»*
Михаил Юрьевич **Лермонтов** (1814-1841)	*«Прощай, немытая Россия, Страна рабов, страна господ И вы, мундиры голубые, И ты, им преданный народ»*
Александр Иванович **Герцен** (1812-1870)	*«Крестьянин... – все в том же положении, в каком застигли его кочующие полчища Чингисхана... Цивилизованный человек, которого он знает, – это или его помещик, или чиновник. И крестьянин чувствует к нему недоверие, смотрит на него угрюмым взглядом, низко ему кланяется и отходит подальше; но он его не уважает...»*
Николай Алексеевич **Некрасов** (1821-1877)	*«Надрывается сердце от муки. Плохо верится в силу добра. Внемля в мире царящие звуки Барабанов, цепей, топора»*
Лев Николаевич **Толстой** (1828-1910)	*«...100 миллионов, на которых зиждется могущество России – ...нищает с каждым годом, так что голод стал нормальным явлением... Народ голоден оттого, что мы слишком сыты... Все эти дворцы, театры, музеи, вся эта утварь, все эти богатства, – все это выработано этим самым голодающим неродам. Между нами, господами, и мужиками лежит пропасть... Одних, пускают в чистые места и вперед в соборы, других не пускают и толкают в шею; одних секут, других не секут. Это две различные касты ...»*
Николай Александрович **Бердяев** (1847-1948)	*«...В императорской России не было единой целостной культуры, <...> был разрыв между культурным слоем и народам, <...> старый режим не имеет моральной опоры. …Все мечтали о преодолении раскола и разрыва в той или иной форме коллективизма. Все шло к реватюции ...»*

На рубеже XIX–XX вв. В.И. Ленин, характеризуя социально-классовый состав населения царской России, одновременно вскрыл состояние глубокого социального неравенства и потрясающей культурной и бытовой отсталости рабочих и крестьян.

Социально-классовый состав дореволюционного российского общества (по работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России»)[16]

Состав населения России по сферам разделения труда	**Численность населения**
1. Сельскохозяйственное население	97,0 млн чел.
2. Торгово-промышленное население	21,7 млн чел.
3. Непроизводительное население	6,9 млн чел.
Всего	**125,6 млн чел.**
Состав населения России по классовому положению	**Численность населения**
1. Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочее	ок. 3,0 млн чел.
2. Зажиточные мелкие хозяева	23,1 млн чел.
3. Беднейшие мелкие хозяева	35,8 млн чел.
4. Пролетарии и полупролетарии	63,7 млн чел.
Всего	**125,6 млн чел.**

В.И. Ленин дает расшифровку приведенных данных: пролетарское население – не менее 22 млн; крестьянское и земледельческое – 80 млн; хозяев и служащих в торговле, промышленности – около 12 млн; непромысловое население – около 12 млн. Пролетарское и полупролетарское население составляло половину крестьянства, а вне земледельческого населения – процент пролетарских и полупролетарских

слоев был еще выше. К зажиточным мелким хозяевам необходимо было отнести значительную часть торгово-промышленной администрации, служащих, буржуазной интеллигенции, чиновничества и так далее. С укоренением капитализма в России развивался закономерный для него процесс: *богатые становились богаче, бедные – еще беднее.* Быстро рос класс буржуазии, включавший в себя различные категории в зависимости от источников и размеров капитала. Выделялись две основные группы буржуазии: а) поместное дворянство, владевшее гигантскими средствами в виде земельной собственности (в 1905 г. она оценивалась в 4 триллиона рублей, что на 60% превышало общую массу акционерных капиталов в стране); б) новый слой финансовой олигархии – директора и члены правлений акционерных предприятий и банков (Рябушинские, Морозовы, Гучковы, Мамонтовы, Кнопы, Поляковы); в) иностранцы, которые составляли особую группу предпринимателей: к 1900 г. Им принадлежала треть акционерного капитала в России. С поворотом России на капиталистический путь развития в страну буквально хлынул иностранный капитал. «Громадный успех некоторых фирм привел в замешательство весь деловой мир. Все теперь стремятся в Россию», – так сообщал из Одессы в 1894 г. бельгийский консул[17].

Развитие капитализма в России вело к формированию наемного рабочего нового типа – *потомственного пролетария и класса пролетариата.* Это – класс наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу. Проникновение капитализма в сельское хозяйство сопровождалось *расслоением крестьянства.* Из него выделялись: а) буржуазия – крупное крестьянство; б) среднее крестьянство; в) полупролетарии, или парцеллярное крестьянство (то есть то, которое лишь частично обеспечивало себя продовольствием с собственного или арендуемого участка земли); г) пролетарии (наемные сельскохозяйственные рабочие). В деревне стал формироваться и расширяться социальный слой людей, главным источником богатства которых был не сам труд в сельском хозяйстве, а торгово-ростовщическая эксплуатация односельчан. Их в деревне стали звать *«кулаками»,* они в начале XX в. составляли до 3% сельского населения. К ним примыкали 7-8% зажиточных крестьян *(«середняки»),* имевших как правило, 4 лошади и 4 коровы. 25% хозяйств России были «безлошадными», а примерно 10% – не имели и коровы. К началу XX в. у 28 тысяч наиболее крупных помещиков имелось почти столько же земли, сколько было ее у 10 миллионов крестьянских дворов. Удел огромного числа беднейших крестьян – батрачество или занятие отхожим промыслом. В российской деревне с развитием капитализма стало увеличиваться *избыточное* население, численность которого в начале XX в. составила 23 миллиона человек. В стране быстро рос социальный слой *маргинального* населения: нищих, бродяг, заключенных.

Особенно тяжелым было положение женщин, а также нерусских народов (в России проживало свыше 100 различных национальностей). Их царские чиновники называли *«инородцами»,* к ним царизм относился как к людям низшей расы. Так, к народам Дальнего Востока, Крайнего Севера, Сибири отношение было как к дикарям, а их национальная культура подвергалась гонению. Но так было не только в этих регионах, а во многом и во всех национальных «окраинах» России того времени. Немногим лучше было положение крестьян и рабочих в центральных областях самой России. Все это дало основание В.И. Ленину назвать царскую Россию *«тюрьмой народов»,* что вызывает у нынешних реставраторов капитализма бешеное негодование. Но им не по силам опровергнуть очевидное: общий социальный гнет переплетался и усугублялся национальным. «Инородцы» ограничивались в правах, их лишали возможности получать образование на родном языке, иметь свою литературу, открывать национальные театры. Без принятия православия невозможно было продвинуться по службе. Вот почему народные восстания и бунты в России никогда не были мононациональными. К примеру, в отрядах Е. Пугачева плечом к плечу сражались русские, башкиры, калмыки, татары, чуваши, мари, мордва и представители других народов.

В силу этого социалистическая революция, скорое начало которой предсказывал В.И. Ленин в феврале 1916 года, должна была решить по крайней мере две взаимосвязанные задачи: освободить все народы России как от социального, так и национального гнета и неравенства. Уничтожение социального гнета, *«эксплуатации одного индивидуума другим»* означает, что *«уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой»*[18]. Великая Октябрьская Социалистическая революция, коренные социально-экономические, политические, культурные преобразования в ходе строительства социализма в СССР привели к качественным изменениям классовой структуры советского общества. Была ликвидирована частная собственность, а вместе с ней и все эксплуататорские классы. Буржуазия, помещики, торговцы, кулаки, составлявшие 16,3% дореволюционного российского общества, как класс сошли с исторической арены. Социальную структуру советского общества стали составлять дружественные классы – рабочий класс и крестьянство, а также народная интеллигенция. Рабочий класс становился самым многочисленным в СССР: его удельный вес возрос с 14,6% в 1913 г. до 33,7% в 1939 г. *«Особенность советского общества нынешнего времени,* – сделал вывод И.В. Сталин на XVIII съезде ВКП(б), – *в отличие от любого капиталистического общества, состоит в том, что в нем нет больше антагонистических классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества»*[19].

Этот вывод руководителя Советского государства фиксировал великое историческое преобразование, аналога которому не было и нет до сих пор во всей мировой истории. На планете появилось общество, в котором была ликвидирована эксплуатация человека человеком, присущая всем общественно-экономическим формациям, основанным на частной собственности на средства производства: рабовладельческому строю, феодализму и капитализму. Коренные изменения произошли в социальной структуре общества: рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, чьи классовые интересы не только не противоре-

чили друг другу, а во многом были близки, составляли основную часть советского общественного организма.

Социальный состав населения СССР (%)

Годы:	1913	1928	1939	1987
Все население, в том числе:	***100***	***100***	***100***	***100***
рабочие	14,6	12,4	33,7	61,8
служащие	2,4	5,2	16,5	26,2
колхозное крестьянство и кооперированные кустари	-	2,9	47,2	12,0
крестьяне-единоличники и некооперированные кустари	66,7	74,9	2,6	-
буржуазия, помещики, торговцы, кулаки	16,3	4,6	-	-

Да, во многих своих жизненно важных сферах советское общество было далеко не совершенным, ибо находилось в состоянии *переходного периода развития,* но оно твердо выбрало путь исторической перспективы, качественно отличавшийся и прямо противоположный капиталистическому, буржуазному пути. То был путь упора на гуманистическую социальность, на совместную коллективность, на приоритет общих ценностей народных масс и следование общецивилизационному прогрессу с ясно выраженными идеями и целью. **Такой стратегической, гуманистической целью стало обеспечение социально-классового и национального равенства, превращение его в непреходящую, имманентную ценность строящегося социализма как первой фазы коммунистического общества.**

Социальная диалектика позволяет вскрыть внутреннюю связь *СОЦИАЛИЗМА – СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА – СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.* Социальное равенство и социальная справедливость не являются тождественными понятиями. Полное социальное равенство, как и социальная справедливость, на стадии социализма еще не достижимо. Поясним это подробнее. Социалистическая социальная справедливость складывается из следующих важнейших сторон:

а)равенства всех членов общества в отношении к основной массе средств производства, являющейся общенародной собственностью;

б)обеспеченности работой каждого трудоспособного члена общества и участия всех трудоспособных в распределении общественного продукта в зависимости от трудового вклада;

в)гарантированной обществом возможности материального обеспечения в случае нетрудоспособности и удовлетворения потребностей в отдыхе, охране здоровья и культурном развитии;

г)практически реализуемой возможности для членов общества участвовать в управлении делами и других отвечающих интересам общества и личности прав и свобод, а также гарантии их соблюдения.

Но социальная справедливость не сводится к тем ее элементам, которые выражают отношение общества к индивиду, общественную заботу о нем, соблюдение и реализацию его интересов. Она включает и другую сторону: отношение индивида к обществу, предполагает реализацию всех способностей человека на благо общества, вклад каждого в удовлетворение общественных интересов, сочетание использования человеком его прав с выполнением его обязанностей перед обществом.

И еще один принципиальный момент. Речь идет именно о социальном, или общественном, равенстве, иначе говоря, не о тождественности всех людей, не об унификации их индивидуальных личностных качеств, не о стандартизации удовлетворения их потребностей. Под социальным равенством понимается одинаковое положение людей как членов общества, их равенство в том смысле, что все они трудятся (если трудоспособны), удовлетворяют свои потребности (даже если не трудоспособны), принимают участие в управлении общественными делами, имеют равные гражданские права и несут равные обязанности перед обществом. Социализм не в состоянии устранить то, что еще не позволяет сделать общественное развитие, уровень социальной практики: *люди заняты разным по содержанию и степени сложности, тяжести трудом; различны условия труда и его оплаты; неодинаковы способности, знания и умения людей; различаются условия жизни в городе и деревне и т.д. и т.п. Все это объективно означает сохранение существенных элементов социального неравенства при социализме.* Однако это совсем не означает отсутствия социальной справедливости и равенства вообще. Они проявляются в главном, сущностном характере социалистического жизнеустройства: а) *отсутствии деления общества на эксплуататоров и эксплуатируемых;* б) *равном отношении членов общества к общенародной собственности****; в) едином критерии для всех в распределении произведенных благ – по количеству, качеству и конечным результатам затраченного труда; г) возможности каждого человека участвовать в управлении общественными делами; д) развивать свои способности и таланты; е) давать детям самое лучшее образование и воспитание; ж) пользоваться всеми благами культуры.***

Социальное равенство и социальная справедливость явились историческим движущим механизмом нового общественного строя. Чем полнее, глубже развивается процесс социального – классового и национального равенства, сотрудничества и освоения массами *«товарищеского способа производства»* (Маркс) тем динамичнее проявляется жизнедеятельность социализма. И наоборот, отход от этой фундаментальной ценности, подрыв социально-классового и национального равенства и единства отдаляет от социализма, а при определенных условиях ведет к оживлению частнособственнических, мелкобуржуазных настроений и даже возврату на позиции капитализма. Тонкий аналитик и проницательный диалектик Р.И. Косолапов справедливо писал, что в 50-70-х годах в советском обществе протекали взаимно противоречащие процессы. **С одной стороны,** происходило стирание классовых различий, превращение всех ассоциированных в работников единого, социалистического типа. **С другой стороны,** стихийно усиливалось профессионально-имущественная дифференциация, шло *«возвратное»* классообразование. Закономерный для социализма процесс формирования бесклассового общества, в котором заинтересованы все трудящиеся и на основе которого утверждается социально-классовое и национальное равенство, был отягощен, а затем и приторможен разрастанием «теневой» экономики, которая неизбежно порождает неравенство, ча-

стнопредпринимательские, буржуазные, капиталистические элементы[20]. Этот процесс получил свое окончательное оформление в годы контрреволюционной *«перестройки»* и реставрационно-буржуазных «реформ».

До тех пор, пока советское государство сохраняло свой классовый, пролетарский характер, пока не была принята ошибочная концепция *«общенародности»*[21], маскировавшая скольжение в сторону буржуазности, фундамент социализма успешно закладывался, товарищеский способ производства пробивал себе дорогу. Происходило органическое слияние *собственности на средства производства и общественного труда, объединение работников, исключающее эксплуатацию человека человеком и социальный паразитизм, утверждалось неуклонное движение к социальному равенству через обеспечение равноправия и равного вознаграждения за равный труд.*

Рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, весь многонациональный советский народ делали все, что от них зависело, для построения общества социального равенства и социальной справедливости, в котором главным историческим субъектом выступал человек труда. За годы Советской власти возросла ведущая роль рабочего класса. На рубеже 80-90-х годов рабочий класс составлял около 60% населения СССР, а вместе с семьями – почти две трети населения страны. Он сильно вырос профессионально (свыше 60% рабочих были заняты индустриальным трудом), культурно и интеллектуально. Тогда это воспринималось как обычное явление, сегодня, когда разгромлены самые технологичные отрасли промышленности, когда состарились или вообще ушли из жизни миллионы рабочих, оказалось, что даже в ракетно-космических производствах нет квалифицированных специалистов. (На весь мир прогремела катастрофа российской ракеты «Протон»: оказалось, что при монтаже были неправильно установлены датчики – *«вверх ногами»).*

За годы строительства социализма изменился характер труда и образ жизни крестьянства, они становились все более сходными с образом жизни и характером труда рабочего класса. Уже во время коллективизации при простой кооперации крестьяне на одну и ту же работу стали затрачивать на 30% меньше трудовых усилий, чем раньше. Создание МТС с тракторами и грузовиками, взявших на себя самые трудоемкие работы по вспашке, уборке и перевозке урожая, привело к высвобождению больших трудовых ресурсов. К 1940 г. мощность тракторного парка выросла в десятки раз, к концу 40-х годов МТС обслуживали 90% колхозов. Переход к крупному механизированному сельскому хозяйству привел к росту производства и производительности труд. Прямые затраты на производство 1 центнера зерна (без кукурузы) составляли в 1985 г. всего 1,2 человеко-часа в колхозах и 1,1 человеко-часа в совхозах. А на производство 1 центнера молока прямые затраты труда составили 9 человеко-часов в колхозах и 7 часов в совхозах[22].

Советское сельское хозяйство превратилось в мощную системообразующую отрасль социалистической экономики и нового гуманистического жизнеустройства людей на основе социального равенства и свободного труда в интересах всего общества и каждого человека в отдельности. Еще раз вспомним о великом историческом факте: в 1989 г. в СССР действовало 23,5 тысячи совхозов и 27,9 тысячи колхозов. В совхозах работало 11 миллионов и в колхозах 11,8 миллиона человек. Это напоминание тем фальсификаторам и лжецам, которые запустили «утку» о том, что Советская власть якобы уничтожила крестьянство. Это они, контрреволюционные реставраторы капитализма, уничтожают сельхозпроизводство и его субъекта – крестьян. В СССР посевная площадь совхозов составляла 107,9 миллиона гектаров, а посевные площади колхозов – 91,6 миллиона гектаров. В 1986–1987 гг. советские колхозы и совхозы довели производство зерна до 210–211 миллионов тонн, то есть увеличили его более чем в 3 раза, а молока, яиц, технических культур – в 8–10 раз. *Советский Агропром, основанный на технологиях индустриального типа, был исключительно эффективным и обеспечивал страну сырьем и продовольствием. Аграрно-кооперативный строй СССР на всех этапах демонстрировал свою жизнестойкость и приверженность ценностям коллективизма и социального равенства. Даже сегодня, после погрома, учиненного реставраторами капитализма, аграрий-кооператор сохраняет верность коллективистскому способу производства, а значит, отдает предпочтение социалистическим ценностям.*

В такой многонациональной стране, каким был СССР, одним из самых жизненно важных и настоятельных был национальный вопрос, без решения которого даже помышлять не стоило о социально-классовом и национальном равенстве, о социализме как таковом. Великая Октябрьская социалистическая революция создала историческую предпосылку решения национального вопроса в интересах трудящихся всех многочисленных народов бывшей царской империи. Она объединила революционное движение рабочего класса за диктатуру пролетариата и национально-освободительное движение угнетенных национальностей царской империи, против буржуазии. Советское государство, КПСС нашли единственно верный ключ к решению на деле сложнейшего вопроса – это путь укрепления интернационального братства трудящихся всех национальностей, национальное равноправие и сотрудничество в сплоченном федеративном союзе, ведущее к преодолению всех видов фактического неравенства.

Еще шла Гражданская война, решался вопрос *«кто кого»,* а В.И. Ленин обратился с письмом к рабочим и крестьянам Украины, в котором сформулировал основы национальной политики в едином социалистическом Отечестве. **Назовем главные положения этого исторического документа:**

- «сторонники помещиков и капиталистов, буржуазии, стараются разъединить рабочих, усилить национальную рознь и вражду, чтобы обессилить рабочих, чтобы укрепить власть капитала. Интересы труда требуют самого полного доверия, самого тесного союза между трудящимися разных стран, разных наций»;
- «мы – **противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности.** Мы – международники, интернационалисты. Мы стремимся к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую Республику»;
- «мы **хотим добровольного союза наций, – такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,** – такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном соз-

нании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов»;

-«неуклонно стремясь к единству наций, беспощадно преследуя все, что разъединяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия. Неуступчивы, непримиримы мы должны быть ко всему тому, что касается основных интересов труда в борьбе за его освобождение от ига капитала»;

- «среди большевиков есть сторонники полной независимости Украины, есть сторонники более или менее тесной федеративной связи, есть сторонники полного слияния Украины с Россией. **Из-за этих вопросов расхождение недопустимо. Эти вопросы будет решать Всеукраинский съезд Советов»;**

- «мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами – большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса. Неуступчивы и непримиримы мы все, и великорусские, и украинские, и какой угодно другой нации коммунисты, должны быть по отношению к основным, коренным, одинаковым для всех наций вопросам пролетарской борьбы, вопросам пролетарской диктатуры, недопущения соглашательства с буржуазией, недопущения раздробления сил...»;

- «пусть же коммунистам России и Украины удастся терпеливой, настойчивой, упорной совместной работой победить националистические происки всякой буржуазии, националистические предрассудки всякого рода и показать трудящимся всего мира пример действительно прочного союза рабочих и крестьян разных наций в борьбе за Советскую власть, за уничтожение гнета помещиков и капиталисто**в»**[23]**.**

Трудящиеся различных наций и народностей, одержав победу в Октябре 1917 года, в одном строю боролись за утверждение Советской власти, за построение основ социализма и создание индустриально-аграрной мощи Союзного Рабоче-крестьянского государства, защищали свое Отечество от посягательств внутренней и внешней контрреволюции, от фашистского порабощения, умножали его экономическое и оборонное могущество, вместе поднимали культуру и общее благосостояние. До тех пор, пока КПСС утверждала и развивала идущую от Ленина традицию, связанную с проявлением особой чуткости и осмотрительности во всем, что касается развития национальных отношений, что затрагивает интересы каждой нации и народности, национальные чувства людей, крепло интернациональное единство и сплоченность СССР. **Многонациональность была фактором силы, а не слабости советского общества, шло формирование единого СОВЕТСКОГО НАРОДА как новой исторической общности людей.**

Рождалась новая система нормативных ценностей, основанных на ценностных предпосылках национального и социально-классового равенства. Их ученые называют **«ценностными завоеваниями»,** или **«ценностями-приобретениями», «ценностями-гарантиями».** К ним относятся прежде всего ликвидация эксплуатации человека человеком, национальной вражды и снятие отчуждения, утверждение равенства и свободы. **К основным нормативным ценностям, созданным трудящимися разных национальностей, относятся:** 1) забота общества о человеке, его социальном обеспечении, здоровье, жилище, разностороннем развитии; 2) труд человека на благо всех и каждого; 3) ответственность каждого человека за развитие общества; 4) чувство коллективизма и товарищеской взаимопомощи, дружба членов общества; 5) постоянное стремление личности к высотам знания и культуры; 6) общественно-политическая активность; 7) глубокий патриотизм и интернационализм.

Диалектика социального развития советского многонационального общества, как строгий и объективный судья, вскрывала и *противоречия* реальной действительности. По мере того, как социализм превращался в реальность, стали обозначаться его *собственные проблемы.* Ускоренное развитие многих национально-государственных образований воплощалось не только в укреплении социалистического строя. Оно нередко вело к гипертрофированному стремлению части интеллигенции выразить национальную особость. Принявший со временем антисоветскую направленность национализм стал оборотной стороной достижений советского строя, поднявшего национальную культуру большинства народов до мирового уровня.

Исторический парадокс состоит в том, что успехи советских народов и порождаемые ими всевозрастающие потребности, запросы оказались подходящей почвой для целенаправленного внесения Западом в массовое сознание буржуазной идеологии национализма. Эту ситуацию усугубляли необоснованные репрессии, депортации. Определенный диктат центра в отношении национальных республик по мелким, второстепенным вопросам экономической и культурной жизни затрагивал самолюбие национальной интеллигенции и кадров. Надо признать, что в центре порой забывали о предупреждении В.И. Ленина: *«Ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки "обиженные" националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки»*[24].

Нарастало негативное воздействие на социальную жизнь советского общества, на саму идею равенства и справедливости, постоянное завышение донорских возможностей РСФСР, за счет которой в определенной мере датировались бюджеты ряда союзных республик. В конце 80-х годов до 6% произведенного в Российской Федерации национального дохода перераспределялось в пользу других республик. Значительные донорские функции выполняла Белоруссия, отдававшая другим братским республикам до 4% произведенного ею национального дохода. Определенную донорскую нагрузку, хотя и небольшую, несли Азербайджан, Туркмения. Армения, Грузия, Молдавия и республики Прибалтики имели сбалансированные экономические отношения, то есть произведенный ими национальный доход практически полностью использовался внутри соответствующей республики. Основную поддержку в процессе межреспубликанского перераспределения национального дохода получали республики Средней Азии и Казахстан. Здесь

величина поддержки достигала до 1/4 используемого этими республиками национального дохода. Даже Украина около 7% используемого ею национального дохода получала в порядке межреспубликанского перераспределения[25].

Серьезные проблемы в межнациональных отношениях порой возникали из-за сложностей в национально-государственном устройстве страны. Противоречиво развивался и советский федерализм. **С одной стороны,** он стимулировал формирование национальных высококвалифицированных кадров. В сфере государственного и политического управления проводилась даже особая политика коренизации аппарата. Это не только позволило успешно решать кадровые проблемы национально-государственных образований СССР, но и привело к формированию этнократии. **С другой стороны,** федерализм государственного устройства не смог полностью противостоять унитарным тенденциям в управлении страной, в силу чего не способствовал повышению ответственности союзных республик и автономий.

Справедливо увязывая разрешение проблем межнациональных отношений с результатами в социально-экономическом развитии советского общества, руководство КПСС и государства порой относилось достаточно легковесно к специфически национальным проблемам. Это нередко порождало ошибки в подборе кадров, в знании и понимании общественного сознания, в завышенных оценках интернационализации, социальном единстве и идейной сплоченности советского общества.

Вытекает ли из этого вывод, который делают либералы и все антисоветчики, что советское общество фатально шло к своему закату и гибели? Нет, не вытекает! Не считая возможным заниматься здесь развернутым доказательством полной несостоятельности данного умозаключения, скажем кратко о самом главном. **Во-первых,** наличие противоречий в каждом социальном организме и неизбежно, и необходимо: ибо всякое развитие есть возникновение противоречий, их разрешение и в то же время возникновение новых противоречий. *«Сосуществование двух взаимно противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения»*[26]. Обладая всеобщим характером, противоречия *по-разному* проявляются в различных социально-экономических и политических системах. В условиях капитализма действуют антагонистические *(непримиримые)* противоречия, характеризующиеся острой борьбой враждующих сил, тенденций (между пролетариатом и буржуазией, производительными силами и производственными отношениями, между колониями и метрополиями и т.д.). В условиях социализма существуют противоречия, носящие неантагонистический характер. Однако при определенных условиях (вследствие крупных и долгое время накапливающихся недостатков в организации хозяйственного и культурного строительства, в управлении общественными делами, в хроническом игнорировании возрастающих потребностей населения и т.д.) неантагонистические противоречия могут приобрести характер антагонистических. Особенно, если в социалистическом обществе к власти, системе управления придут люди либо явно некомпетентные, либо скрытые «диссиденты» (иначе говоря, враги социализма). Как это и случилось в 80-90-е годы в СССР. **Председатель Венгерской рабочей партии Дьюла Тюрмер говорит сегодня:** *«При социализме действует самокоррекция. Ошибки и заблуждения, совершенные от имени социализма, могут быть исправлены, так как исходят они не из сути социализма, а из ошибок отдельных людей. Кадар сказал это и Горбачеву в сентябре 1985 года. Горбачев точно понял слова Кадара, да только внимать им не стал»*[27].

Во-вторых, процесс интернационализации, протекавший в СССР, выступал отражением исторического объективного процесса интернационализации ценностей материальной и духовной культуры: а) процесс интернационализации в советском обществе не противоречил тенденции развития наций, а *«обслуживал»,* точнее, обогащал ее; интернационализация усиливала приток инонациональных ценностей, способствовала сближению, взаимопониманию и сотрудничеству наций; б) интернационализация в сфере духовной и материальной жизни делала этот процесс более емким, содержательным, способствовала ускорению развития обоих видов производства (материального и духовного), обогащала межнациональное общение. Жизнь подтвердила предвидение В.И. Ленина о том, что *«при социализме трудящиеся сами не согласятся на замкнутость... всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми нациями»*[28].

В-третьих, советский социализм – это такое общественное устройство, которое своими корнями, достоинствами (и недостатками!) связано с общинным укладом жизни большинства народов, образовавших единое отечество. Общинность, артельность, коллективизм – генетически присущая всем народам черта национального самосознания народов СССР, их общая историческая ценность. Этно-ценностная доминанта советского интернационального сознания была ориентирована не на борьбу с другими этническими общностями, а на сотрудничество, взаимодействие, активный обмен хозяйственным опытом и культурными ценностями. Общинный, коллективистский уклад жизни, свойственный большинству народов СССР, – сложное, исторически развивавшееся явление. Община для народов России, а затем и СССР не была навязана «сверху», а стала результатом многовекового свободного, творческого выбора. Она представляла соединение самоуправляющейся социальной системы и окружающей природной среды. Советские коллективизм и интернационализм вырастали из этого общинного уклада и в специфических условиях развивали общие для народов черты самобытного, жизнестойкого культурного архетипа: социальное и национальное равенство, справедливость, сотрудничество, взаимопомощь и взаимоподдержка в трудную минуту (жители Ашхабада, Ташкента, Спитака, Ленинакана до сих пор помнят эту помощь. Народы Южной Осетии, Абхазии в дни смертельной опасности совсем не случайно обратились именно к России, а не какому-то другому государству). В условиях советской общинно-коллективистской системы, с одной стороны, проявилась преемственность традиционных национальных ценностей всех народов, а с другой – родились *новые духовные ценности,* которые стали стержнем, фундаментом многонационального государства. *«Советская Россия* (СССР), – писал Б.С. Ерасов, крупный исследователь

цивилизаций Востока, – *отнюдь не сводилась к "тоталитарной госпартсистеме". Она была еще и "становящейся цивилизацией нового типа". Глубокий телеологический смысл коммунистической системы состоял в том, что она давала крупномасштабное разрешение как раз тех противоречий, которые не в состоянии были разрешить ни царская Россия, ни вошедшие в ее состав сопредельные азиатские культуры»*[29].

В СССР впервые в мировой истории оказались тесно переплетенными и органично взаимосвязанными ярко выраженный патриотизм и осознанный интернационализм. Это уникальное единство патриотизма и интернационализма выдержало испытание самой жестокой в истории войной с фашизмом. **Общую Родину на западных ее рубежах защищали не только русские, белорусы, украинцы, но и грузины, казахи, киргизы, узбеки, туркмены, татары, башкиры – все народы многонациональной страны.** Победа в Великой Отечественной войне явилась не только апофеозом сплоченности народов в едином многонациональном Отечестве, она наглядно продемонстрировала всему миру пути решения национального вопроса в будущем.

Наконец, подчеркнем еще один принципиальнейший момент: у народов СССР в той или иной степени были свои *«претензии»* к КПСС, Советскому правительству, в том числе к конкретным лидерам и «вождям», но **многонациональный народ при этом никогда не давал своего согласия на «роспуск» Союза, тем более – не выступал против своего общего дома. Это наглядно продемонстрировал Всесоюзный референдум 17 марта 1991 года, который всячески замалчивается, либо фальсифицируется. Тогда, на референдуме, проводившимся в условиях невиданной антисоветской кампании** *(миллионы советских людей были умело сбиты, что называется, с панталыку, обмануты и запуганы),* **свыше 76,4% населения многонациональной страны проголосовали за сохранение СССР. Факт более чем красноречивый в политическом, социально-экономическом, социокультурном, идеологическом и нравственном отношении.** Сегодня граждане России, Украины, всех других независимых республик живут в государствах, образ которых для большинства из них 23 года назад был совершенно иным. Изменилось многое: государственное устройство, система политических и экономических отношений, этнический состав, даже сами пространственные «очертания». По истечении этого времени и самих изменений интересен ответ об отношении людей к некогда единому государству под именем «Советский Союз». Социологи фиксируют: когда у респондентов спрашивают, как они относятся к тому, что «в 1991 году СССР прекратил свое существование», и в 2001 г., и в 2011 г. 14% отвечают, что это *«катастрофа мирового значения»,* более трети (44% в 2001 г., и 36% в 2011 г.), что это *«беда для многих людей, живущих в республиках бывшего СССР»,* а 30% видят в этом *«и хорошие, и плохие стороны»*[30]. Даже эти своеобразно ориентированные исследования выявляют главное: либералам, всем антикоммунистам и националистам не удалось стереть память о великом многонациональном государстве, которое было единым Отечеством – родным и близким – для почти 200 народов СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Маркс К. Послесловие ко второму изданию I тома «Капитала» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 23. - С. 22.
[2] Ленин В. И. К вопросу о диалектике. Полн. собр. соч. - Т. 29. - С. 316.
[3] См.: Ивантер В. Эффективный капитализм // «Литературная газета», № 24 (6027), 8-14 июня 2005. - С. 4.
[4] Энгельс Ф. Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 18. - С. 499.
[5] См.: Зиновьев Александр. Идеология партии будущего. - М., 2003. - С. 222-223.
[6] Зиновьев Александр. Идеология партии будущего. - М., 2003. - С. 60.
[7] Там же. - С. 84.
[8] Там же. - С. 136.
[9] Ленин В. И. Доклад Всероссийского исполнительного комитета и Совета народных комиссаров о внешней и внутренней политике на VIII Всероссийском съезде Советов. Полн. собр. соч. - Т. 42. - С. 140.
[10] Ленин В. И. О смешении политики с педагогикой. Полн. собр. соч. - Т. 10. - С. 357.
[11] Зиновьев Александр. Идеология партии будущего. - М., 2003. - С. 237.
[12] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 20. - С. 187.
[13] Маркс К. Морализирующая критика и критикующая мораль. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 4. - С. 318.
[14] Энгельс Ф. Подготовительные материалы к «Анти-Дюрингу». // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 20. - С. 636-638.
[15] Маркс К. Гражданская война во Франции. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 17. - С. 361.
[16] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. - Т. 3. - С. 502, 505.
[17] Цит. по: Кузьмичев А. Д., Шапкин И. В. Отечественное предпринимательство. Очерк истории. - М., 1995. - С. 122.
[18] Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. - М., 2007. - С. 70.
[19] Сталин И. В. Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б). // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. - М., 1939. - С. 26.
[20] Косолапов Р. И. Идеи разума и сердца. - М., 1996. - С. 47.
[21] Там же.
[22] См.: Кара-Мурза С. Г. Народное хозяйство СССР. - М., 2012. - С. 365.
[23] См.: Ленин В. И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным. Полн. собр. соч. - Т. 40. - С. 41-47.
[24] Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономиза- ции». Полн. собр. соч. - Т. 45. - С. 360.
[25] См.: Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. - М., 2005. - С. 72-73.
[26] Маркс К. Нищета философии. Ответ на «философию нищеты» г-на Прудона. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 4. - С. 136.
[27] Тюрмер Дьюла. Победы и поражения Яноша Кадара. // «Литературная газета», № 32-33 (6380), 8-14 августа 2012. - С. 9.
[28] Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. Полн. собр. соч. - Т. 30. - С. 36.
[29] Ерасов Б. С. Антиномии Российской цивилизации. // «Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты». - М., 1998. - С. 48.
[30] См.: Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. - М., 2011. - С. 213.

УНИЧТОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА – ВАРВАРСТВО XX СТОЛЕТИЯ. РЕСТАВРАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА – ВОЗВРАТНО-ТУПИКОВАЯ ВЕТВЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

"С исторической точки зрения исследование и изложение причин как революционного потрясения, так и подавления революции представляет исключительную важность..."[1]

"В революции всякий, кто занимая решающую позицию, сдает ее, вместо того, чтобы заставить врага отважиться на приступ, всегда заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику..."[2]

"Нельзя отрицать, что если революционная партия начинает упускать решающие поворотные моменты в революционном развитии, оставаясь в стороне, или если она вмешивается, но не одерживает победы, то ее можно с полной уверенностью считать на некоторое время похороненной"[3].

Ф. Энгельс

97 лет назад победа Великой Октябрьской социалистической революции впервые в мировой истории поставила у руля государства людей труда, открыла путь к цивилизации нового типа – без эксплуатации человека человеком, без политического, социального и национального неравенства, без войн, террора и прочих проявлений организованного насилия, – к обществу, удовлетворяющему жизненно значимые и духовные запросы граждан, мироустройству гуманного коллективизма и социальной справедливости.

На рубеже XX-XXI столетий в СССР буржуазно-криминальная контрреволюция уничтожила первое в человеческой цивилизации государство рабочих и крестьян, втоптала в грязь капитала все социальные и культурные свершения социализма, ввергла страну в насильственный, тупиковый путь реставрации капитализма. Идет третье десятилетие реакционного, без всякой гиперболизации варварского процесса. За эти годы написаны горы статей, брошюр, книг, произнесены миллионы, а может быть, и миллиарды речей, в которых с разных сторон, на различном уровне компетенции дана весьма объемная характеристика контрреволюционного феномена 1985–2014 гг. Но пусть читатели не сочтут за самомнение мысль автора этих строк о том, что настоящего научного, марксистско-ленинского анализа контрреволюционного переворота в СССР и в лагере социализма еще не дано. Видимо, нужны новые факты, должны быть раскрыты секретные документы, получены «репрезентативные» свидетельские показания, осмыслены с дистанции времени причинно-следственные связи и субъекты, организовавшие и возглавившие уничтожение советского социалистического жизнеустройства. Не претендуя на **«истину в последней инстанции»,** автор пытается дать свой ответ на несколько исходных вопросов, так или иначе остающихся в «тени» не только массового (обыденного), но и теоретического сознания.

Прежде всего контрреволюционные деяния врагов Советской власти в 1985–2014 гг. следует рассматривать не изолированно, а в контексте всей революционной эпохи XX столетия. Сам термин *«эпоха»* обозначает, как известно, длительный промежуток исторического времени, выделяемый по какому-нибудь характерному, то есть важнейшему историческому явлению, событию, процессу. При определении характера эпохи марксизм исходит из материалистического понимания истории как закономерного процесса развития и смены общественно-экономических формаций, выявляет, какие классы определяют главное содержание и вектор развития данной эпохи, ее отличительные признаки и особенности. Отсюда, например, выделяют рабовладельческую, феодальную, капиталистическую (буржуазную) эпохи. В XX столетии самое выдающееся событие – победа Великой Октябрьской социалистической революции: она положила начало современной эпохе, основным содержанием которой является переход человечества от капитализма к социализму и коммунизму. *«Российская революция указала всему миру пути к социализму...»*[4]. *«Этот опыт не забудется... Этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание»*[5].

Но поскольку господствующий класс никогда добровольно не отдает власти, постольку **контрреволюция в той или иной форме** сопровождает всякую революцию. Самим своим развитием, отмечал К. Маркс, революция порождает контрреволюцию[6]. Эта борьба может продолжаться многими десятилетиями и носить весьма ожесточенный характер. Не случайно основоположники марксизма ввели понятие *«эпоха социальной революции».* Такой эпохой, отмечал Ф. Энгельс, была социальная революция в Англии в XVI–XVII веках. **«Эта социальная революция в Англии,** – писал он, – **совершается уже в течение семидесяти или восьмидесяти лет»**[7]. По оценке В.И. Ленина, **«социальная революция не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем направлениям и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований»**[8]**.**

Сегодня стало окончательно ясно, что эти фундаментальные марксистско-ленинские выводы, имеющие непреходящее теоретическое, политическое и практическое значение, со временем либо были плохо поняты и искажены, либо попросту забыты и проигнорированы. **«Самым крупным теоретическим и политическим заблуждением,** – считает профессор Р.И. Косолапов, – **в течение многих лет явилось нереалистическое преувеличение зрелости нового общественного строя»,** а также вывод Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС (1959 г.) «о **полной** и **окончательной победе социализма, то есть о наличии гарантий от реставрации капитализма извне»**[9]**.** Тем более такое поверхностное представление о расстановке классовых сил никак не соотносилось с тем, что **внутри** советского общества **могут** появиться такие носители буржуазной идеологии и морали, которые в подходящий момент попытаются толкнуть страну на путь реставрации капитализма. Забыты были предупреждения В.И. Ленина о страшной силе привычек, предрассудков, частнособственнических устремлений,

[1] Там же. Глава двенадцатая. – С. 371-430.

доставшихся в наследство новому строю от капитализма, о том, что отказ от этих привычек, борьба с ними – дело десятилетий, требующее огромных усилий поколений. **«Пока существует капитализм – существует и опасность реставрации капитализма... Не может быть успешной революции без подавления сопротивления эксплуататоров. Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться»**[10] – учил великий В.И. Ленин. Политическая и теоретическая «забывчивость» ленинских и сталинских предупреждений со временем дорого обойдется Советской стране и ее народам.

Советское государство и все социалистическое общественное жизнеустройство просуществовали всего 70 лет. Это примерно столько же, сколько длился революционный переход от феодализма к капитализму в Англии в XVI–XVII вв. Но там происходил переход от одной классово-антагонистической формации к другой, от феодальной к буржуазной, построенной на тех же основаниях: частной собственности, классовом неравенстве, угнетении, эксплуатации и т.д. и т.п. К тому же в тех исторических условиях Англии не грозила тотальная угроза извне – в виде контрреволюционной интервенции. И тем не менее борьба длилась 80 лет.

Переход от капитализма к социализму, начало которому положила Октябрьская революция, – процесс исторически, социально, политически, идейно и культурно куда более сложный, масштабный и острый. Как только в Европе обозначился **«призрак коммунизма, все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские»**[11]**.** На революционную Россию точно так же обрушились все реакционные силы после 1917 года, только еще более могущественные, организованные и полные решительности задушить в колыбели дитя социализма. **Период с 1917 по 1991 год – это, с одной стороны, единый революционный процесс, эпоха целого ряда битв по всем направлениям: военным, экономическим, политическим, идеологическим, культурным. С другой стороны, нашей революции противостояла контрреволюция, которая продолжалась все 70 с лишним лет, как, впрочем, продолжается она и сегодня.**

Эта контрреволюция проявилась в самых различных формах: вооруженная борьба против пролетариата и трудового крестьянства, гражданская бойня, заговоры, мятежи, акты саботажа и диверсий, иностранные интервенции, блокады, потоки лжи и клеветы, информационная война. Антисоветская контрреволюция никогда не прекращалась: в условиях решительной победы социалистического строя в СССР она, не имея сил для открытого фронтального наступления, принимала скрытые, замаскированные, «тихие» формы.

Контрреволюция против СССР – явление во многом необычное, многослойное, многосубъектное, многоэтапное, втянувшее в себя десятки стран и сотни народов. Во-первых, она длительна по времени – ей почти 100 лет – и она не собирается сворачивать свои наступательные действия: борьба против призрака коммунизма только нарастает. Это мы видим сегодня: перед нами предстает широкая панорама войны империализма и его многочисленных отмобилизованных отрядов с социализмом по всей территории уничтоженного СССР, а также за его пределами, словом, везде, где империалистам мерещится призрак коммунизма. Известные события на «майдане» в Киеве (конец 2013 **–** начало 2014 гг.), быстро распространившиеся по всей Украине, изначально приобрели ярко выраженную антисоветскую, антикоммунистическую направленность. С невиданным остервенением, лютой зоологической злобой бандеровские нацистские молодчики уничтожали памятники В.И. Ленину, символы Советского общества, громили учреждения Компартии Украины, поджигали дома лидеров партии, с особым сладострастием творили физическое и нравственное насилие над «Беркутом». Мир в очередной раз увидел страшный, человеконенавистнический облик фашизма. США и «цивилизованная» Европа рукоплескали ему – своему детищу.

Во-вторых, народы вновь увидели, что контрреволюция носит организованный, интернациональный характер, в ней задействованы как внутренние антикоммунистические силы, так и внешние – международные. Между ними установлены тесные связи, их усилия скоординированы и опираются на мощную материальную базу.

В-третьих, контрреволюция против СССР всегда носила исключительно ожесточенный и злобный характер, она не выбирала средств и способов ведения борьбы со своим классовым противником, прибегая к самым изощренным методам его уничтожения. Здесь и прямые интервенции, и войны – «горячая» и «холодная», и экономические блокады, и санитарные кордоны, и тотальная шпионско-диверсионная деятельность, и разлагающая идеологическая обработка населения, и дипломатический нажим. Словом, все, чем располагал мир капитала, было брошено на уничтожение СССР. Таков в действительности был первоначальный – советский – переход от капитализма к социализму. Сегодня, с позиции исторической дистанции, приходится только удивляться прочности и живучести советской политической и экономической систем, стойкости и героизму советского народа, которые, выдержав столько ударов, нашествий классовых врагов, смогли не просто продержаться, а построить великую державу – с передовой экономикой, наукой, техникой, культурой.

70-летняя антисоветская, антикоммунистическая контрреволюция явственно распадается на ряд периодов, этапов, отличающихся набором средств, форм, тактических приемов в рамках единой стратегической линии – уничтожение СССР. Эти этапы видны невооруженным взглядом. **1917–1922 гг. – первый этап, в котором главной ударной силой против рабоче-крестьянской революции стали свергнутые эксплуататорские классы – помещики и капиталисты, высшее царское чиновничество, генералитет, духовенство, буржуазная интеллигенция.** На окраинах страны и в национальных районах в антисоветский лагерь входили, кроме общероссийских сил, разнородные буржуазные, мелкобуржуазные, а нередко и феодального типа автономистские, националистические партии и организации. Это были Центральная Рада на Украине, Белорусская Рада в Белоруссии, курултай в Крыму и Башкирии, «национальные советы» в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, «Алаш-Орда» в Казахстане и др. Внутренняя контрреволюция, не имея в народе широкой социальной базы, немедленно вступила в союз с международными империалистическими силами. Буржуазные правительства государств англо-французской коалиции и США, а

также Германии, повели борьбу против Республики Советов. Произошло, таким образом, соединение обеих сил контрреволюции – внутренней и внешней. И как покажет вся дальнейшая история, это объединение будет долгим – в течение всего XX столетия, то есть вплоть до уничтожения СССР. Впрочем, продолжается оно и сегодня, когда добивают останки Советской Цивилизации, а империализм во главе с США превращает советские республики в колониальную зону мирового капитала. События конца 2013 года – начала 2014 года в Киеве **(«майданная революция»)** особенно ярко высветили этот контрреволюционный процесс.

Второй этап антисоветской буржуазно-капиталистической контрреволюции, относительно «мирной» по своим внешним проявлениям, охватывает период с 1922 по 1940 год. Победа молодой Республики Советов в Гражданской войне означала стратегическое поражение внутренней и внешней контрреволюции в открытом вооруженном противостоянии. Однако поражение объединенного лагеря контрреволюции на том этапе не заставило эти силы отказаться от идеи уничтожения СССР, войны против него – не на жизнь, а на смерть. Они переходят к долговременной, широко разветвленной борьбе против Советов с использованием всех ресурсов империализма: материальных, научно-технических, военных, диверсионно-подрывных, политических, идеологических. Как все же далеко смотрел в те годы И.В. Сталин, когда предупреждал партию и народ о том, что по мере укрепления социализма классовая борьба против него будет нарастать. И как, откровенно скажем, наивны и глупы оказались академические и университетские «мыслители», потешавшиеся и высмеивающие этот вывод революционера, видевшего дальше, знавшего больше, мыслящего глубже.

Контрреволюционный лагерь, потерпев поражение в войне с СССР, без передышки, без какой-либо паузы, тем более без раздумья сразу перешел к разветвленным диверсионно-подрывным формам борьбы против СССР. Это будет длительный 20-летний период изматывающей борьбы вплоть до начала фашистской агрессии. С 1921 г. и по 22 июня 1941 г. одних только нарушителей границ было задержано свыше 932 тысяч человек (практически 10 армий!), то есть по 46 000 человек в год, или примерно по 128 человек в день, или 5,5 нарушителей в час. Кроме того, за этот же период было поймано свыше 30 тысяч шпионов, диверсантов и террористов, свыше 40 тысяч вооруженных бандитов, составивших 1319 ликвидированных вооруженных банд. **В рассекреченных ныне документах органов госбезопасности называются эти бандитские контрреволюционные фигуранты, которые боролись с Советской властью:**

- «в Западном округе отмечается оживление деятельности уголовных бандитских шаек, численно за отчетный период (1922-1934 гг.) увеличивающихся. Наиболее активно бандиты действуют в Витебской губернии; в северной части Борисовского уезда Минской губернии появились зарубежные агитаторы, подготовляющие местное население к восстанию. Появились украинские банды: савинковская под командованием Дергачева–Грозного и анархическая – банда Медведева;

- в Волынской, Киевской, Подольской и некоторых других губерниях оперируют главным образом банды Петлюры;

- в Крыму среди белого офицерства заметно оживление, они распускают провокационные слухи о готовящемся восстании и падении Советской власти, формируют банды;

- в Северо-Кавказском округе бандитизм продолжает развиваться; в районе Махошевской появился штаб Кубанской повстанческой армии; в состав штаба входят генералы Марченко, Лукоянов, хорунжий Лихбата, сотник Захарченко;

- в Шатоевском районе Горской республики ведется усиленная подготовка населения к восстанию, в этой работе принимают участие главари прошлогодних восстаний шейх Аксалтинский и князь Дашинский. В Чечне белыми офицерами и турецкими агентами ведется усиленная антисоветская агитация;

- в Сибири бандитизм стоит на одном уровне с прошлым месяцем; за счет мелких банд формируются более значительные. В центре бандитских группировок Якутской губернии бандитизм принимает монархический характер, а на Алтае движением руководят белые офицеры и эсеры. Нередки случаи нападения банд на отдельно стоящие роты красных частей;

- туркестанские басмачи имеют своими руководителями Энвер-пашу и других турецких офицеров; в Хиве обращает на себя внимание шайка Джунаид-хана.

В общей картине бандитизма по РСФСР приходится констатировать рост повстанческого движения, – говорится в обзоре, – особенно в Сибири, Крыму, Туркестане и на Северном Кавказе. Близость весны грозит усилением и развитием бандитизма и требует крайней зоркости и напряжения сил для борьбы с ними»[12].

Социальной базой для бандитских контрреволюционных формирований были все те же представители свергнутых классов: кулаки, помещики, буржуазия, монархическое чиновничество и белое офицерство, антисоветское духовенство, а также часть необразованного, невежественного и обманутого крестьянства и неквалифицированных рабочих. Документальная картина контрреволюционного подполья была бы крайне неполной без упоминания различных антисоветских, антисоциалистических «блоков» 30-х годов XX столетия. Это – «объединенный троцкистско-зиновьевский центр»; «параллельный антисоветской троцкистский центр»; «антисоветский право-троцкистский блок» и др.

Третий этап антисоветской буржуазно-капиталистической контрреволюции, еще более кровавый, варварский, относится к 1941–1945 гг., когда в качестве ударной силы империализма выступил германский фашизм, подталкиваемый всем миром капитализма в надежде, что на этот раз СССР наверняка не устоит. Великая Отечественная война стала крупнейшим военным столкновением развивающегося социализма с наиболее агрессивной, реакционной и отмобилизованной силой империализма. То была в действительности невиданная в мировой истории схватка революции и контрреволюции, мира ТРУДА и мира КАПИТАЛА. Это была всенародная битва против невероятно злобного классового врага, посягнувшего на самое дорогое, что только было у советских людей, – на завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, на Советскую Родину, на Власть рабочих и крестьян, на саму ЖИЗНЬ мужчин и женщин, детей и стариков, десятков миллионов советских людей разных национальностей. На стороне фашистских орд, собранных со всей завоеванной ими

Европы, против СССР сражались и различные контрреволюционные недобитки: белоэмигранты, бандеровцы, власовцы, иностранный легион, составленный из кавказцев, литовские, латышские, эстонские фашисты и т.д. и т.п. Предательская масса была весьма многочисленной – об этом говорят документы и факты, дошедшие до нас. В России издан восьмитомный сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». От имени редколлегии уникального издания (руководитель генерал армии Н.П. Патрушев – директор ФСБ РФ, а ныне секретарь Совета Безопасности Российской Федерации) говорится: «*Органы НКВД располагали обширной и достоверной информацией об активной деятельности противника по созданию из числа изменников Родины, участников антисоветских белоэмигрантских организаций и советских военнопленных различного рода воинских, так называемых «добровольческих» отрядов и националистических формирований*»[13].

Итак, обратимся к конкретным документам 1942 года, когда Красная Армия, напрягая все свои возможные и невозможные силы, пытались сдержать агрессора в районе Кавказа, не допустить падения Сталинграда и выхода фашистов к Волге. Вот документ № 771 «Докладная записка Особого отдела НКВД Калининского фронта № 49/6 в НКВД СССР об итогах борьбы со шпионажем в частях фронта. 4 января 1942 года».

«ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ

Немецкая разведка продолжает линию массовых вербовок и засылок к нам своей агентуры, преимущественно из числа военнослужащих – перебежчиков на сторону противника, находившихся в окружении или в плену у них.

Контингенты вербуемых.

В основном немецкая разведка использует для вербовки военнослужащих, изменивших Родине, перебежавших на сторону противника, сдавшихся в плен или находившихся в окружении. Особенно активно вербуются шпионы из числа изменников Родины и добровольно сдавшихся в плен»[14].

В другой докладной записке УНКВД по Ленинградской области № 10041 в обком ВКП(б) и НКВД СССР говорится, что «в большинстве случаев административное деление занятой территории происходит по принципу бывших уездов, во главе которых назначаются земские начальники из местного населения, главным образом национал-кулаков и антисоветски настроенных русских, репрессировавшихся при Советской власти или имеющих репрессированных родственников.

Из этого же элемента назначены старшины на группу деревень и старосты в каждой деревне. В г. Шлиссельбурге городской головой назначен бывший купец Амосов. В г. Кингисеппе назначен Сарафанников, неоднократно судимый при Советской власти за различные преступления.

Старшиной нескольких деревень Ораниенбаумского района назначена Локштейн Ирина, немка, работавшая буфетчицей столовой в дер. Лопухинка.

Староста дер. Нижено Ораниенбаумского района – Фигурнов, бывший кулак.

Предатели, перешедшие на службу к немцам, наиболее жестоко проводят в жизнь немецкие мероприятия, грабят население, активно разыскивают и предают советский актив и партизан»[15]. ***(А разве Горбачев, Яковлев, Ельцин, Шеварднадзе, Кравчук и К°, перейдя на сторону классового противника, не сделали то же самое с населением собственной страны, ограбив его, расстреляв Верховный Совет РСФСР, отдав на поругание и унижение советских людей, прежде всего коммунистов?!)***.

«Житель дер. Готобужи Ораниенбаумского района Федоров Ефим выдал (фашистам – **В. С.)** 23 человека советского актива. Староста дер. Курицко Новгородского района Школьников вывел в расположение немцев 300 красноармейцев, оказавшихся в тылу противника.

Бывший заведующий райпланом Полавского района Карклин передал немцам списки партийного и советского актива и получил разрешение на выезд в Ригу.

Бывший секретарь первичной организации ВЛКСМ дер. Манулово Полавского района Горячева Анна выдала немцам коммунистов и семьи партизан.

Такого рода предателей и агентуры гестапо установлено в оккупированных районах несколько сот человек. Особенно зверствуют среди местного населения карательные отряды из латышей, эстонцев и финнов. Последние обычно заявляют: "Мы мстим за 1939 год".

В Ораниенбаумском районе, дер. Совольщино, размещен карательный отряд из эстонцев, 150 человек. В Волосовском районе такой же карательный отряд находится в совхозе им. Кирова.

В Волосовском районе созданы карательные отряды из сыновей кулаков. Состоящим в отрядах платится зарплата по 300 рублей в месяц, они вооружены русскими винтовками. Отряды эти осуществляют исключительный террор по отношению к бедняцкой части деревни. Наряду с этим занимаются повальным грабежом»[16].

Из указания НКВД СССР № 117 об усилении борьбы с агентурой немецкой разведки, антисоветскими формированиями и группами из белогвардейско-монархического элемента

18 марта 1942 г.

«После нападения фашистской Германии на Советский Союз часть бывшего офицерства и белоказачества заняла патриотическую позицию, что нашло свое выражение в честной службе в Красной Армии, участии в партизанском движении и патриотической пропаганде.

Наряду с этим наиболее непримиримые из этих элементов с началом войны перешли к активным формам антисоветской работы. ...Белогвардейско-монархические элементы пытаются создать антисоветские формирования и свою деятельность направляют к совершению диверсионных и террористических актов, повстанчеству, распространению антисоветских листовок и пораженческой, фашистской агитации»[17].

Из доклада Крымского обкома партии в ЦК ВКП(б) и Центральный штаб партизанского движения о борьбе крымских партизан в тылу немцев и предательской роли татарских националистов

7 июля 1942 г.

«Нужно особо отметить как отрицательное явление отношение известной части татарского населения к партизанскому движению, особенно в деревнях Коуш, Стиля, Хорбик, Куру-Узень, Ускут, Ени-Сала и др. (южнобережной части). Эти населенные пункты не только не оказывают помощь партизанам в их борьбе с немецко-румынскими захватчиками, а, наоборот, активно помогают немецко-румынским захватчикам бороться с партизанами. Как правило, сочувствующая партизанам часть (населения) или выехала из этих деревень, или уничтожена.

Во всех горных татарских деревнях немецким командованием созданы из татар "добровольческие" отряды по борьбе с партизанами во главе с немецкими или румынскими инструкторами. Все состоящие в этих отрядах обмундированы в румынскую или немецкую форму, вооружены оружием, захваченным немцами при отходе Красной Армии, а также пулеметами и минометами. Все лица, входящие в отряды, получают зарплату, продовольствие, освобождены от налогов, получили лучшие наделы садов, виноградников, табачных плантаций. Эти "добровольческие" отряды несут дозорную службу и при появлении партизан сейчас же подается сигнал тревоги. Особенно враждебно проявило себя население деревень Ени-Сала, Улу-Узень, Ускут, Баксан, Кучук-Узень, Шелень, Ворон, Коуш, Бешуй, Арпат, Орталан и др. (В сноске издания отмечается, что "враждебно проявили себя татарские националисты по отношению к партизанам и в ряде других деревень: Азек, Айсерез, Баши, Биэли, Биюк-Яшлаев, Бия-Сала, Камашлык, Казанлы, Карасу-Баши, Капсихор, Кишлав, Кутлак, Куртлук, Молбай, Отузы, Стиля, Султан-Сарай, Тома").

Например, в селе Коуш насчитывается в "добровольческом" отряде 345 человек из татар-дезертиров и местных жителей. Коуш является местом формирования контрреволюционных отрядов из татар. Это село с первых дней боевых действий партизан в Крыму являлось для немецко-румынских оккупантов поставщиком проводников, предателей и провокаторов.

...По данным разведки партизан, в апреле в Симферополе закончено обучение 15 000 "добровольцев" – татар, обмундированных в немецкую форму и подготовленных к оправке на фронт»[18].

Сообщение НКВД СССО № 1552/Б в ГКО, ЦК ВКП(б) и СНК СССР о привлечении к уголовной ответственности военнослужащих за измену Родине

29 августа 1942 г.

«По сообщениям особых отделом фронтов, с начала войны по 1 августа с. г. за попытку изменить Родине и изменнические намерения в частях Действующей Армии арестовано 20 794 военнослужащих, в том числе вскрыто 550 изменнических групп с участием в них 2 562 чел.

Наибольшее число изменнических проявлений выявлено в частях Западного, Южного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов. Следствием установлено, что арестованные за попытку изменить Родине и изменнические намерения военнослужащие в большинстве своем относятся к антисоветскому и политически неустойчивому элементу, в прошлом судившимся, вышедшим из окружения противника, призванным с территории, освобожденной от противника, и имеющим родственников на временно занятой немцами территории.

По Западному фронту из числа арестованных с 1 мая по 25 июня с. г. за попытку к переходу на сторону противника 668 человек учтено: антисоветского элемента и репрессированных ранее как кулаки – 61 человек, судимых за разные преступления – 112 чел., лиц, имеющих родственников на временно оккупированной территории противника, – 193 чел., агентуры противника – 7 чел.

В большинстве случаев изменнические группы создавались и возглавлялись антисоветски настроенными лицами, ущемленными в прошлом теми или иными мероприятиями Советской власти.

Особым отделом НКВД 49-й армии Западного фронта в конце июня с. г. в 30-й стрелковой дивизии выявлено 4 изменнические группы, существовавшие в 3 полках и дорожно-строительном батальоне дивизии: в 837-м стр. полку изменническую группу в количестве 22 человек возглавлял санинструктор Сапелкин, родственники которого репрессированы за антисоветскую деятельность; в 843-м стр. полку такую же группу в количестве 9 чел. возглавлял красноармеец Дюмин, в прошлом судимый за уголовные преступления; в 830-м стр. полку аналогичную группу в количестве 7 человек возглавлял мл. командир Чалей, сын кулака; в 709-м дорожно-строительном батальоне группу в составе 5 человек возглавлял командир Бояркин.

Из числа арестованных Особым отделом Действующей Красной Армии с 1 июля 1941 года по 1 августа 1942 года 20 794 человек за попытки к измене Родине и изменнические намерения осуждено к расстрелу 16 287 человек»[19].

Спецсообщение УНКВД по Калининской области во 2-е Управление НКВД СССР о положении в освобожденных от немецких войск населенных пунктах Ржевского района

1 октября 1942 г.

«Немецкие оккупанты среди населения широко проводили агитацию о ликвидации колхозов.

В десяти освобожденных в августе сельских советах функционировали две церкви: "Ильи пророка" в дер. Горчаново и "Успенье" в дер. Озерецкое. Церковь "Успенье" после первой службы была закрыта и немцы превратили ее в огневую точку. Назначенный немцами священник церкви "Ильи пророка" (фамилия не установлена, бежал в немцами), ходил по окрестным деревням и проводил контрреволюционную агитацию. В дер. Голышкино поп на собрании возводил клевету на Советскую власть и восхвалял фашистский строй, немецкую армию и обещал народу хорошую жизнь при немцах»[20].

Указание начальника 4-го Управления НКВД СССР П.А. Судоплатова № 7/8513 УНКВД по Сталинградской области о сборе материалов по использованию немцами эмигрантов на оккупированной территории СССР.

23 декабря 1942 г.

Из комментария к «Указанию»: «Белая эмиграция по своему составу, программам, платформе, целям, задачам была далеко неоднородной. В многочисленных "союзах", "партиях", "комитетах" встречались и

разочаровавшиеся в "белом движении", отошедшие от политики идеологических диверсий, террора, которую проводили руководители эмигрантских кругов в отношении Советского Союза, приветствовавшие происходящие на Родине перемены. Но было и большое число рассеянных по всему миру представителей российского капитала, бывших царских генералов, офицеров, остатков контрреволюционных и казачьих формирований (основные места их сосредоточения находились в Китае, Финляндии, Польше, Чехословакии, Франции, Германии и Балканских странах). Они продолжали вести активную подрывную работу в отношении Советского Союза. Вооруженная агрессия фашистской Германии против СССР значительно оживила эту часть "белого движения", которая всячески содействовала гитлеровцам, открыто помогала им в осуществлении оккупации своей Родины, установлении так называемого нового мирового порядка»[21].

Опубликованные документальные факты (а их в восьми томах намного больше!) говорят о следующем:

а) **социально-классовый состав соучастников контрреволюционной бойни со своим народом со времен гражданской войны не поменялся.** Это все те же бывшие царские генералы, офицеры, остатки казачьих и иных воинских формирований, кулаки, лавочники, попы, феодально-байские националисты, пополнившиеся перебежчиками, предателями, воровским и бандитским контингентом. Этот контрреволюционный сброд, находясь под управлением эсэсовских главарей, выполнял самую грязную, палаческую «работу»: они выявляли коммунистов, комсомольцев, командиров и комиссаров, всех патриотов Советской Родины, мучили, истязали, сжигали, убивали. Ореол славы, которым окружали себя белые режимы в годы Гражданской войны, во время Великой Отечественной (1941–1945) превратился окончательно в символ грязной измены, предательства, антипатриотизма, жестокости и античеловечности;

б) **Великая Отечественная война стала классовым продолжением Великой Октябрьской социалистической революции, а красноармейцы, командиры и политработники были революционерами, патриотами, героями, защищавшими Рабоче-крестьянское Социалистическое Отечество.** Они боролись за правое дело: независимость своей Родины, против фашистов и их пособников, грозивших физически истребить славянские и другие народы, а оставшихся превратить в рабов. Красная Армия и весь многонациональный Советский Народ в 1941–1945 гг. великой своей Победой подтвердили ленинскую гениальную мысль: **«Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться**...»[22]. В те суровые и смертельно опасные годы Революция нашла в себе такое умение и силы.

Однако с разгромом фашистской Германии и всех ее сателлитов эпоха тотального контрреволюционного наступления на СССР не завершилась, она приобрела иные, еще более масштабные формы. Начинается новый, *четвертый этап антикоммунистической буржуазно-капиталистической контрреволюции: 1946–1985 гг.* С середины 40-х и до середины 80-х годов XX столетия мировая контрреволюция в лице объединенного империалистического лагеря, поставив себе на службу все достижения научно-технического прогресса, ведет тотальную «холодную» войну против СССР. То, что не сумел осуществить Гитлер и его коалиция, решили попытаться сделать США, используя силы и ресурсы по меньшей мере половины планеты, находившейся под их военным и финансовым контролем. С лета 1945 г. в США постоянно разрабатывались конкретные планы уничтожения СССР:

в 1948–1949 гг. предполагалось сбросить атомные бомбы на 70 городов и ведущих индустриальных центров нашей страны;

в марте 1947 г. командование стратегических ВВС бралось обрушить со всех сторон света на СССР 750 бомб и в течение двух часов превратить его в «дымящиеся радиоактивные руины»;

в 1956 г. это же командование уже намечало 2 997 целей на территории нашей страны; в 1957 г. – их было уже более 3-х тысяч, а в конце 1959 г. – 20 тысяч[23]. Советский Союз со всех сторон был обложен военными базами США. Классовый контрреволюционный противник шел до конца к поставленной стратегической цели.

И только невероятное напряжение сил советского народа не позволило агрессору решиться на смертельную для всего человечества авантюру: был создан военно-стратегический паритет со всем блоком НАТО, и завоевания революции и социализма были сохранены. Надо подчеркнуть особо, что СССР, вопреки распускаемым политическим сплетням и фальсификациям, не проиграл «холодной» войны! Несмотря на многие проблемы в экономической и социальной жизни, его мощь была колоссальной и страшила любого классового противника. Вот ее-то и пытались подорвать со всех сторон различные контрреволюционные силы, в том числе и внутренние, которые с течением времени никуда не исчезли, а, наоборот, мимикрировав, замаскировавшись, проникли во все поры и структуры политической и экономической системы, заняли руководящие посты в КПСС, в советских и хозяйственных органах, в армии, средствах массовой информации. *«Коллективный крот», затаившись, ждал благоприятного исторического момента.*

В 60-е годы в СССР с помощью и на деньги западных спецслужб возникает новое контрреволюционное движение интеллигенции, известное под названием «диссидентства». 5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади г. Москвы состоялась открытая демонстрация диссидентов – антисоветчиков. Возглавили это движение А. Сахаров, Ю. Галансков, А. Гинзбург, В. Буковский, А. Амальрик, Л. Богораз, Н. Горбаневская, А. Вольпин. Диссидентство проникало за пределы столицы, возникают украинское, армянское, грузинское, литовское, эстонское националистско-диссидентские, антисоветские движения. Все они получают хорошую финансовую поддержку из-за рубежа: империализм в ходе своих подрывных акций поддерживал и взращивал внутри СССР свое контрреволюционное дитя.

Ударным отрядом контрреволюционного антисоветизма стали либералы, гордо именовавшие себя «шестидесятниками». Это весьма разношерстное антисоветское течение захватило в основном некоторые круги научной, художественной, журналистской интеллигенции, недовольной своим материальным и социальным статусом; немало среди них было выходцев из прежних «промежуточных слоев», а также тех, кто имел тесные связи с зарубежными антисоветскими подрывными центрами, сионистскими кругами в ряде стран. «Диссиденты» распускают самые невероятные

слухи о советском обществе, сочиняют грязные анекдоты, порочащие образ жизни, деятельность, героев многонационального народа, высмеивают идеалы и ценности поколения, свершившего Октябрьскую революцию, победившего фашизм, построившего социалистическое государство рабочих и крестьян. Ведется активный «самиздат», направленный на дискредитацию основополагающих социалистических ценностей, на подрыв **изнутри** фундамента советского общественного строя. В их числе, например, опус эмигрантов П. Вайля и А. Гениса **«60-е. Мир советского человека».** Как сообщают читателям сами авторы, они использовали два источника для антисоветского сочинения: а) «свидетельства массовой культуры того времени – прессу, книги, фильмы, телепередачи, песни, анекдоты»; б) «обстоятельные интервью», которые дали другие антисоветчики: «М. Азбель, А. Аксенов, И. Бродский, В. Войнович. - С. Волков, А. Гла-дилин. - С. Довлатов, В. Комар, А. Меламид, Л. Копелев, Р. Орлова, К. Кузьминский, Л. Лосев, Ю. Любимов, Ф. Нез-нанский, Э. Неизвестный, В. Паперный, А. Синявский, Б. Спасский, И. Суслов, Б. Фрумин, О. Целков, М. Шемякин, Б. Шрагин».

Что же касается других источников для изображения мира советского человека, то Вайль и Генис откровенно заявляют, что они относились «критически к таким источникам, как советские журналы и газеты того времени», поскольку «официальные источники информации не только искажают реальность, но и модифицируют ее»[24]. Такая, с позволения сказать, **«источниковедческая база»** двух эмигрантов-антисоветчиков, а также их безудержная волюнтаристская фантазия родили немало «открытий» из ценностного мира русского советского человека:

«Ушедшее коллективное сознание (в России – В. С.) основывалось на двух главных символах: войне и храме» (*труд и терпение, а также доброту, бескорыстие, патриотизм, героизм русских людей они не видят в упор*);

«И в советской России XX века священная народная война стала не просто образом в песне Александрова, но важнейшим аргументом в борьбе до победного конца (???)»;

«Магнитка и Днепрогэс варили обыденный металл и перекачивали банальную воду»;

«Космонавт № 1 Юрий Гагарин, не одаренный ничем, кроме улыбки – шире, чем у американских президентов – стал теперь уже вечным символом и принял божественные почести еще при жизни»;

«Целое поколение советских людей твердило, как заклинание:

Ты спрашивала шепотом:
"А что потом? А что потом?"
Постель была расстелена,
И ты была растерянна».

«До 60-х страна как-то обходилась без соседей. Во всяком случае, они существовали ирреально – как тени за запотевшим окном, волнуя и тревожа»;

«Дело не в том, что у Хемингуэя пьют – в России всегда пили»;

«И пьянка превращалась в акт служения… идеалу»;

«В брежневские времена партия пыталась оживить сибирскую легенду Байкало-Амурской магистралью, народ не отозвался»;

«Российская муза откликнулась меланхолической частушкой:

Приезжай ко мне на БАМ,
Я тебе на рельсах дам»[25] и т.д. и т.п.

Со свойственной всем антисоветчикам наглостью и бесстыдством Вайль и Генис заявляют: **«Нравственное совершенство диссидентов было очевидно и незыблемо»** в противовес всему советскому народу, который, по их утверждению, неизвестно вообще, **«существует ли в Советском Союзе»,** ибо такая общность **«лишилась духовного стержня»**[26]. Заметим, подобный либеральный «диагноз» пронизывает все без исключения либеральное мировоззрение, политику, науку, образование, публицистику и т.д. Это либеральные социал-дарвинисты за 25 лет родили перлы: **«Пока не вымрет это поколение – реформы не пойдут»; «Агрессивное большинство»; «Креативный класс»; «Слишком много бедных, которые тормозят модернизацию».**

В этом же ряду стоит и антисоветизм «шестидесятника» А. Зиновьева, которого в некоторых кругах именуют «гениальным», «великим» и даже «защитником коммунизма». Между тем именно А. Зиновьев многое сделал, чтобы представить советского человека в жутком обличье. Чего стоит его памфлет **«Гомо советикус»,** немедленно изданный в Москве в 1991 году – в разгар антисоветской контрреволюции. В нем для советских людей он придумал кличку – «гомосос», которая позорящим рефреном проходит через все его сочинение. Вот что пишет, в частности, сей «гений»:

«Практическое положение с сексом в Союзе не такое уж плохое. Во всяком случае, проблему совокупления в трудных погодных и жилищных условиях, а также при наличии отсутствия приличной еды, приличных туалетов, косметики и противозачаточных средств мы решили блестяще»[27];

«Нытику я посоветовал высчитать, сколько совокуплений приходится в среднем на население в Советском Союзе и со сколькими бабами в среднем вступает в половые отношения советский мужчина. И сравнить это с соответствующими показателями на Западе. Лучшей агитации против коммунизма не придумаешь»[28];

«На Западе умные и образованные люди называют нас гомо советикус. Они гордятся тем, что открыли существование этого типа человека и придумали ему такое красивое название. Причем они употребляют это название в унизительном и презрительном для нас смысле. Им невдомек, что мы сделали нечто большее – мы первыми вывели этот новый тип человека. Я только пойду в этом направлении еще дальше и утру Западу нос. Я введу более удобное сокращение... гомосос… **Гомосос – существо довольно гнусное»**[29] и т.д. и т.п.

Но это далеко не все, что сказал о советском народе «великий» и «гениальный» философ-писатель Зиновьев. **В романе «Искушение» в главе «О русском народе» он обвинил его в самых смертных грехах:**

а) «русский народ не оказывал поддержку своим наиболее талантливым соплеменникам, а, наоборот, всячески препятствовал их выявлению, продвижению и признанию» (явный намек на себя);

б) «русский народ не смог воспользоваться плодами своей великой революции и плодами победы в войне над Германией»;

в) русский народ «стал народом-предателем» в годы «перестройки» и «реформ». «Он предал свое прошлое, предал тех, кто принес ради него неслыханные

жертвы, предал своих потомков, предал сотни миллионов людей на планете, смотревших на него как на образец, опору и защиту»[30].

Все, что предъявил Зиновьев своему народу, все – чудовищная ложь! Это не народ, а диссидентствующие интеллигенты предали его и свою Советскую Родину, втоптали в грязь плоды Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года и Великой Победы в войне против фашизма в 1941–1945 гг. И продолжают предавать до сегодняшнего дня.

Философствующие «шестидесятники» и «диссидентствующие» антисоветчики многие годы подготавливали горбачевско-яковлевскую контрреволюционную «перестройку», ельцинские «реформы» по утверждению бандитского капитализма. С.Г. Кара-Мурза в книге **«Антисоветский проект»** вспоминает: «*Я с 1960 г. работал в Академии наук и прекрасно помню все разговоры, которые непрерывно велись в лаборатории, на домашних вечеринках или в походе у костра – оттачивались аргументы против* ***всех существенных черт советского строя*****».** Такие аргументы оттачивались, например, в Московском методологическом кружке, работавшем с 1952 г. под руководством кандидата философских наук Г. Щедровицкого. Среди основателей кружка – А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили, Б.А. Грушин. «*Все обсуждения записывались на магнитофон и затем распечатывались на пишущих машинках. За 40 лет в методологических кружках скопились сотни томов машинописных материалов. Методологическое движение, проводило подспудную кропотливую работу, готовя перемены* **(то есть контрреволюцию** – В. С.). *Не случайно его представители оказались в первых рядах, когда эти перемены начались*»[31] (выделено мной – В. С.).

Демонтаж советского социалистического общественного строя произошел в конце 80-х – начале 90-х годов, на пятом этапе антикоммунистической буржуазно-криминальной контрреволюции мировая история, все революционные повороты и контрреволюционные перевороты, когда либо происходившие на планете, не знали подобного феномена по многим своим проявлениям и характеристикам. В середине 80-х годов происходит, казалось бы, совершенно невероятное: с избранием «шестидесятника» Горбачева на высший пост в КПСС Политбюро ЦК превращается в «штаб контрреволюции». **Но это происходит не сразу, не одномоментно, а в результате многолетней, тайной и многоходовой операции заговорщиков-антикоммунистов. Как они признавались позже, идея «перестройки» родилась давно, а окончательно сформировалась в 1984 году во время встречи Горбачева с Яковлевым в Канаде, где последний занимал пост посла СССР в этой стране. Став генсеком, Горбачев немедленно «выписывает» Яковлева из-за границы и делает его** «правой рукой» **в штабе контрреволюции. Приближает к себе тайных единомышленников Шеварднадзе, Медведева, целую свору антимарксистски настроенных помощников: Черняева, Шахназарова, Фролова и др. «Штаб» контрреволюции осуществляет целую программу демонтажа советской общественной системы.**

В политической сфере происходит максимальное ослабление и разложение изнутри КПСС, всех ее структур – сверху и донизу. Чудовищно, но именно Горбачев вбросил в массовое сознание клич: «Вы **их бейте снизу, а мы – сверху!»,** имея в виду партийные организации и комитеты. Под его личным руководством началась кампания по **«раскассированию»** структур КПСС и удалению с политической арены самых опытных и преданных делу социализма кадров. К середине лета 1987 года от брежневского Политбюро в его составе остались только два человека, а две трети членов ПБ и более трех четвертей секретарей ЦК КПСС были назначены Горбачевым. В результате в самом высшем звене партии потенциальные противники Горбачева перестали быть фигурами, способными ограничить его власть и повлиять на ход «перестройки». Горбачев удалял с активной политической сцены самых опытных и намного превосходящих его по уму и государственным знаниям людей: **В.В. Гришина, Г.В. Романова, Д.А. Кунаева, Г.А. Алиева.** Как отмечал в те годы американский советолог Тимоти Колтон, Горбачев с помощью своего протеже – Георгия Разумовского – руководителя отдела партийных кадров, начал крупнейшую «холодную чистку» со времен Сталина. К открытию XXVII съезда скатилось так много голов, что съезду пришлось избрать 41% новых членов ЦК. Ко времени второй годовщины пребывания Горбачева у власти, в марте 1987 года, он устранил 38% членов и кандидатов в члены Политбюро, заменив их другими. За два года сменилось 76% секретарей Центрального Комитета и заведующих отделами, 64% состава Совета Министров (73% членов его Президиума), 39% секретарей обкомов партии. В начале 1987 года в ряде городов и районов страны первые секретари сменились по несколько раз. Если разбить сменяемость кадров на периоды по 6 месяцев каждый, заканчивающийся в сентябре 1985 года, марте и сентябре 1986 года и марте 1987 года, то получим поразительную картину. В политбюро темпы сменяемости (по годам) в эти подпериоды составляют 13%, 47%, 0 и 11%; в аппарате Центрального Комитета – 62%, 85%, 7 и 14%; в Совете Министров – 28%, 63%, 32 и 28%; среди региональных партийных лидеров – 26%, 30%, 10 и 13%. Эти невероятно быстрые кадровые смены начались со второй половины уже первого года пребывания Горбачева у власти[32]. **Проводя кадровую чистку, генсек-контрреволюционер на местах делает систематические замены не только старых, но и новых секретарей, обращая особое внимание на политическую ориентацию и лояльность его курсу вновь назначаемых лиц. Ему очень нужны сообщники, много сообщников, и постепенно он их находит.**

Он устанавливает отношения с политическими деятелями, как правило, из какой-либо провинциальной партийной организации. Новые руководители, приглашенные с Урала и Западной Сибири, составляют одну такую группу, начиная с Николая Рыжкова, наследника Тихонова на посту главы правительства, секретаря ЦК и человека № 2 Егора Лигачева, новых партийных руководителей Казахстана (Г.В. Колбина) и кончая злополучным главой московских коммунистов Борисом Ельциным. Его ближайшим соратником становится Яковлев[33]. При режиме Горбачева, отмечал другой американский советолог Северин Бялер, Яковлев занял не менее важное место, чем при Брежневе Михаил Суслов – главный идеолог и «серый кардинал»[34]. Он сделал все, чтобы разложить и уничтожить всю систему массово-политической работы партийных организаций (агитаторов, политинформаторов, докладчиков), устную партийную пропаганду: деятельность домов и

кабинетов политпросвещения, университетов марксизма-ленинизма, кружков и семинаров, которые исторически были в партии средством товарищеского идейного общения и выработки зрелого политического мышления и сознания коммунистов.

В экономической сфере осуществляется контрреволюционерами-заговорщиками не менее широкомасштабная многоходовая операция. С одной стороны, провокаторы стараются максимально дискредитировать советскую социально-экономическую систему, стремятся представить ее в массовом, обыденном сознании никуда негодной, никудышной, никчемной. С этой целью применяется испытанный контрреволюционный прием (как, например, в Чили против Альенде; в Польше во времена «Солидарности» и др.) – эффект «шума пустых кастрюль» домохозяек. В стране провокаторы создают ситуацию острейшего дефицита продуктов питания, ширпотреба, вина и водки, табачных изделий. Заодно с провокаторами действуют и политические невежды, придумавшие, например, **«безалкогольные свадьбы».**

С другой стороны, идет прямое разрушение социалистической экономики СССР. На это направлена целая группа контрреволюционных законов, призванных ликвидировать государственную – общенародную собственность на средства производства и возродить **«тихой сапой»** частную собственность – основу и движущий механизм капитализма. 30 июня 1987 года был принят закон **«О государственном предприятии (объединении)».** В этом документе уже были заложены меры, подрывающие устои социализма. Так, **в статье 2** было записано, что трудовой коллектив, **«являясь полноправным хозяином на предприятии, самостоятельно решает все вопросы производственного и социального развития».** Тем самым социалистическое государство отстранялось от руководства предприятиями и не имело право вмешиваться в дела трудового коллектива. В **статье** [4] формулировалось, что предприятия наделяются правами «владения, пользования и распоряжения» всеми средствами производства. Но известно, что такими правами наделяется только собственник. Иными словами, государство переставало быть собственником средств производства; названные выше права изымались у государства и передавались предприятиям, их трудовым коллективам. Эта же статья закрепляла за предприятием право **«передавать другим предприятиям и организациям, продавать, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять бесплатно во временное пользование, либо взаймы здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, инвентарь, сырье и другие материальные ценности».**

Таким образом, во-первых, закон подрывал основы централизованного планового руководства предприятиями – величайшего преимущества социализма (установление предприятию директивных плановых заданий новым законом не предусматривалось!). Во-вторых, закон открывал дорогу любым злоупотреблениям, так как на практике руководители предприятия получали возможность по своему усмотрению распоряжаться имуществом предприятия. Для характеристики закона очень важным является еще одно положение, содержащееся в ст. 23. Статья предусматривала прекращение деятельности предприятия **«при длительной убыточности и неплатежеспособности предприятия, отсутствии спроса на его продукцию и в случае, когда принятые предприятием и вышестоящим органом меры по обеспечению рентабельности работы не дали результатов».** Речь, по существу, шла о введении в хозяйственную практику процедуры банкротства, хорошо известной капиталистической экономике, хозяйствующими субъектами которой являются частные предприятия.

В мае 1988 года был принят Закон СССР о кооперации. Кооператив мог привлекать наемную рабочую силу по трудовым договорам. При этом наемные работники могли и не быть членами кооператива. Закон не содержал каких-либо количественных ограничений численности наемных работников, привлекаемых кооперативом. (Соотношение членов кооператива и наемных работников должно было устанавливаться исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов «с учетом общественной потребности и вида деятельности»). Иными словами, могли функционировать (и действительно появились) такие «кооперативы», в которых было несколько членов кооператива и сотни наемных работников. Все решения принимали эти несколько членов кооператива (решения о распределении полученного дохода и т.д. и т.п.). Наемные же работники не принимали участие в принятии решений. Они получали только заработную плату, средства на которую выделялись членами кооператива. В результате доход, получаемый членом кооператива (не принимающим участие в производственной деятельности этой организации!), намного превосходил заработную плату наемного работника, трудом которого создавался доход. Нельзя не упомянуть еще о двух обстоятельствах. **Во-первых,** кооперативу представлялось право самостоятельно устанавливать цены на реализуемую им продукцию, тогда как государственные предприятия могли продавать только по государственным ценам. В результате открывалась такая возможность: кооператив скупал по низкой (установленной государством) цене дефицитную продукцию, выпущенную государственным предприятием, и тут же продавал ее по рыночной (гораздо более высокой) цене. Эта спекулятивная деятельность кооперативов вызывала возмущение трудящихся. **Во-вторых,** налог, который должны были уплачивать государству кооперативы, ни в какое сравнение не шел с той частью прибыли (налогом, уплачиваемым государственными предприятиями), и так называемым «свободным остатком прибыли», перечисляемым ими в бюджет. Таким образом, государство изымало часть стоимости, созданной трудящимися государственных предприятий, и передавало ее кооперативам. Кооперативы ставились в более привилегированное положение, и ни о какой конкуренции между ними и государственными предприятиями не могло быть и речи. А поскольку средний доход члена кооператива намного превосходил среднюю заработную плату рабочего государственного предприятия, квалифицированные рабочие государственных предприятий часто переходили в кооперативы, где выполняли примитивные операции, но получали более высокую плату. Такая ситуация положила начало тотальному разрушению государственной промышленности.

Огромный удар по общенародной собственности был нанесен законами «О собственности в СССР» (6 марта 1990 г.), «Об общих началах предпринимательства граждан СССР» (2 апреля 1991 г.), «Об основных началах разгосударствления и предпринимательства»

(1 июля 1991 г.). Последний закон предусматривал «приобретение в собственность граждан и созданных ими юридических лиц предприятий, находящихся в государственной собственности» (без каких-либо ограничений объема такой собственности). Данный закон был подписан Президентом Союза Советских Социалистических Республик М.С. Горбачевым. В тот же день за подписью Председателя Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова было издано Постановление этого органа власти о введении в действие названного выше закона. На основании этих законов (еще до контрреволюционного уничтожения Советского Союза!) была сформирована правовая база функционирования предприятий, основанных на частной собственности, правовые основы передачи государственной – общественной собственности в частные руки. Все это означает главный и бесспорный факт: в СССР на рубеже 80-х–90-х годов контрреволюционерами была создана правовая база ликвидации социализма и создания капиталистической экономики. Если учесть, что никто из трудящихся Советского Союза – рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции – не обладал даже минимальными средствами, чтобы получить в частное владение заводы, фабрики, электростанции, нефтепромыслы, аэропорты и т.д. и т.п., то становится ясно: высшие государственно-партийные деятели изначально делали ставку на обладателей подпольного капитала, то есть на криминал. К январю 1989 года в стране возникло 40 коммерческих банков, в 1990 г. их насчитывалось уже свыше 300, в том числе около 100 – «кооперативных». Откуда они так стремительно появились на общественной арене? Да все оттуда же, из криминального мира: уже к январю 1989 г. специалисты говорили о наличии 100 000 пока еще подпольных миллионеров, которые получили возможность легализовать огромные денежные средства. Теневой капитал тогда оценивался в 500 млрд советских рублей, что составляло сумму, близкую к годовому доходу государственного бюджета СССР35. **Совершенно прав доктор философских наук В.В. Трушков, сделавший вывод о том, что** «именно банковский капитал стал в России лидером реставрации и контрреволюции»36 **(выделено автором). Таковым он остается и сегодня: нет преступления, на которое он не пойдет ради сохранения своего общественного положения.**

Эти экономические отношения, частнособственнические, буржуазные по своей сути, ведут и к изменению социальной структуры общества: из социалистических, коллективистских **они превращаются в капиталистические, классово-антагонисти-ческие.** На селе идет распад колхозов и колхозных отношений советского типа, принятие новых законов о землепользовании и возможности приобретения земли в частную собственность открывает дорогу так называемому **«фермерству»,** явлению неизвестному даже в дореволюционной России. Возникает новый слой **«управленцев-менеджеров».** Тотальный процесс «приватизации» приводит к стремительному возникновению нового класса капиталистов – криминального и паразитического по своей сути, численность которого уже на том этапе, по некоторым данным, составляла свыше одного миллиона человек. Одновременно формируется и новый класс пролетариев, лишенных не только какой-либо собственности, но и прав распоряжаться своим трудом и его результатами. В стране произошло катастрофическое социальное расслоение народа, причем как в городе, так и в деревне. Сегодня этот процесс получил свое полное завершение. Поэтому с какой стороны не посмотри на контрреволюцию и реставрацию капитализма в СССР, на насильственное установление буржуазного жизнеустройства народов, этот процесс во всех своих проявлениях носил и носит преступный характер, а деяния людей, вершивших и продолжающих это исторически и социально реакционное дело должно рассматриваться и преследоваться в уголовном порядке.

Погромщики советского социализма Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе и вся преступная клика понимали, что делают, а потому страшно боялись разоблачения и привлечения к суду. **«Начиная с 1986 года, постепенно» они вводили в «идеологический оборот новые, совсем не марксистские истины».** И делали это хитро, тонко, шулерски. Они **«правильно делали, когда избегали резких перемен и в идеологии, и во внутренней политике.** *Резко и сразу могли уйти от марксизма ученые. Но не политики, тем более руководители страны. Им надо было в максимально возможной мере выиграть время, чтобы до возможного, по сути, неизбежного восстания консерваторов сделать перемены в идеологии, в политическом поведении необратимыми*»[37] (выделено мной – **В. С.).** Эти циничные откровения содержатся в книге Яковлева «Предисловие. Обвал. Послесловие»: заговорщики решили, что «дело сделано» и им больше ничего не угрожает от «консерваторов».

Такая уверенность тоже была не случайной: за 6 лет Горбачев нанес не менее ощутимые удары по всей системе безопасности страны: армии, КГБ, МВД. Во главе Министерства обороны не было человека, равного Г.К. Жукову, а во главе КГБ – Ю.В. Андропову, – будь иначе, банда Горбачева–Яковлева–Шеварднадзе из состава Политбюро получила бы свое: революция смогла бы защититься. Ведь смогли же в свое время отстранить авантюриста Хрущева, которого нынешние контрреволюционеры чтят как предтечу «перестройки» и «реформ». На Горбачева не нашлось даже Семичастного. Горбачев, будучи Верховным Главнокомандующим, затеял и осуществил погромные **«перемены»** в армии. Так, воспользовавшись «странным» приземлением на Красной площади самолета «Сессна» западногерманского немца, он начал перетряску всего Министерства обороны. Командующий дальневосточным военным округом генерал армии Д. Язов, годом раньше привлекший внимание Горбачева во время визита последнего в Хабаровск, получил беспрецедентное повышение: в обход четырех десятков старших по званию он был назначен министром обороны и введен в Политбюро ЦК КПСС на правах кандидата. Начальником Главного политического управления стал генерал А.Д. Лизичев – давний друг Горбачева. Около 200 офицеров вплоть до генерал-лейтенантов были отправлены на пенсию или уволены со службы. **После хрущевских времен политическое влияние Вооруженных сил, их престиж и доверие к ним как в кругах «элиты», так и со стороны населения не бывали столь низкими, как сейчас,** с удовольствием констатировали американские эксперты. Поставив во главе Минобороны и КГБ СССР людей в государственном отношении слабых и безвольных, он обрек эти важнейшие структуры политической системы на бездействие в период, когда ре-

шался вопрос, быть социализму или нет, сможет ли выжить СССР перед натиском коварного контрреволюционного врага. Итог оказался самым трагическим: в результате так называемый «путч» 1991 года явился по сути «опереточной постановкой», а сам маршал Язов и генерал армии Крючков были арестованы погромщиками Советской власти и заключены в тюрьму.

Подрывая и уничтожая все звенья советской государственной и политической системы, горбачевисты, а вместе с ними и ельцинисты консолидируют все контрреволюционные силы и на их базе создают, можно сказать, единый фронт войны против СССР.

Особую ставку горбачевисты сделали на бурное размножение различных общественных образований, в том числе и в первую очередь политизированного характера. То был не стихийный, самодеятельный процесс, а точно и четко направляемая как сверху, так и снизу «инкубаторская» работа по созданию разветвленной сети антисоветских организаций. «Сверху» инициатива шла от самих Горбачева и Яковлева, а их инструкции проводил в жизнь созданный Отдел ЦК КПСС по связям с общественно-политическими организациями. «Снизу» эти организации подкармливали кооператоры, арендаторы, подпольные цеховики и миллионеры. Финансовая помощь к ним шла и из-за рубежа. Уже к концу 80-х годов в стране насчитывалось более 60 тысяч (!) различного рода «неформальных» объединений и образований.

Затем начался процесс формирования широких движений типа **«народных фронтов»,** прежде всего на националистической и антисоветской почве. Они тоже находили поддержку в Кремле. Горбачев и Яковлев «догматикам» и «консерваторам», вскрывавшим их антикоммунистическую направленность, раздраженно говорили: **«Вы ничего не понимаете. Идет нормальный демократический процесс».** С каждым месяцем и даже днем эти движения набирали значительный политический вес и влияние в массах, они все больше забирали себе властных функций и теснили КПСС на обочину политической жизни. **На базе этих «неформальных» объединений и движений формировались протопартии, затем в условиях контрреволюционного процесса переросшие в самостоятельные партии либерально-буржуазного или национал-патриотического толка, но в любом случае – антикоммунистической, антисоветской направленности.** Примечательно, что некоторые из них сразу же пошли в услужение к капиталу, выражая и защищая его интересы. Таковыми были «Демократический Конгресс», «Демократическая Россия», «Республиканская партия России», «Демократическая партия России», «Социал-демократическая партия Российской Федерации» и др. За всеми этими организациями стояли функционеры «Межрегиональной депутатской группы», составлявшие ядро оппозиции КПСС и Советской власти. В начале 1991 года один из ее лидеров Г.Х. Попов прямо призвал к замене Советской власти «нормальной демократической республикой», в основе власти которой – парламент, а дальше властные функции осуществляются через губернаторов, мэров, муниципалитеты[38].

Антикоммунистическая, антисоветская направленность подобных «партий» и организаций больше не скрывалась и открыто, эпатажно пропагандировалась. Так, на съезде «Республиканской партии Российской Федерации» (16–17 июня 1990 г.) в докладах **В.Н. Лысенко, И.Б. Чубайса, В.Н. Шостаковского (бывший инструктор орготдела ЦК КПСС)** говорилось о прямой оппозиции к КПСС и КП РСФСР, «другим консервативным организациям». В «Декларации» съезда были записаны требования: 1) роспуск Верховного Совета СССР; 2) замена Союзного правительства на межреспубликанский комитет; 3) департизация Вооруженных сил, КГБ, МВД, деидеологизация учреждений науки, культуры, образования[39]. На съезде «Социал-демократической партии Российской Федерации» (4–6 мая 1990 г.) было объявлено: «мы считаем себя наследниками лучших черт российского либерализма, народничества и социал-демократии (меньшевизма), антитоталитарного движения»[40].

«Демократическая партия России» (председатель **Н.И. Травкин)** провозгласила, что «является партией людей, сознательно отказывающихся от так называемого социалистического выбора»[41].

Контрреволюционный процесс формирования антисоветских национал-патриотических протопартий усиливался, набирал силу. 26–27 января 1991 г. в г. Харькове (Украина) состоялся **«Конгресс демократических сил суверенных республик».** В учредительной конференции этого конгресса участвовали представители более 40 «партий и движений» из 11 союзных республик, в том числе «Демократическая Россия», «Рух» – движение Украины, народный фронт Белоруссии, «Саюдис», партия демократического возрождения Украины (ПДВУ) и ряд других. 34 из них обладали правом голоса. Основные цели конгресса – «консолидация усилий демократических сил мирной ликвидации тоталитарного режима, создание суверенных демократических государств, демонтаж имперских, унитарных структур в цивилизованной форме»[42]. В принятых Заявлениях участников Конгресса прямо утверждалось: **«Государство, известное под названием "СССР" ("Советский Союз"), было не добровольным союзом суверенных Республик, а насильственным объединением территорий и народов бывшей Российской империи, ее наследником»; «Сохранять СССР как федеративное социалистическое государство, то есть таким, как оно есть сейчас, – значит гарантировать людям сохранение нынешней нищеты и бесправия»[43]** и т.д. и т.п. Интересно было бы узнать у представителей различных партий России, Украины, Таджикистана, Казахстана, Армении, Литвы, Латвии, Азербайджана, подписавших тогда эти заявлении, а как сегодня живется народам этих стран, обеспечили ли им борцы с СССР материальное и культурное процветание, гарантированы ли все жителям демократические права и свободы. Вопрос, что называется, для наивных!

Особую ставку «штаб контрреволюции» во главе с Горбачевым и Яковлевым делают на антисоветски настроенную часть интеллигенции. На политическую арену выводятся старые, уже закаленные фигуры антисоветчиков. Из Горького возвращают А. Сахарова вместе с Е. Боннэр, которые тут же вступают в схватку с Советской властью. Академик Д. Лихачев – давний и затаившийся антикоммунист – был «задействован» в 1985 году самой Раисой Горбачевой. 80-летие Лихачева, отмечавшееся в 1986 году, было так раздуто, что даже затмило юбилей великого **Михаила Васильевича Ломоносова.** В своей ненависти к Советской власти Лихачев договорится до то-

го, что заявит публично: **«Октябрьский переворот совершили пьяные матросы, обкурившиеся наркотиками».** Но этого Горбачеву и Яковлеву было явно недостаточно, чтобы антикоммунизм и антисоветизм возобладали в советском обществе, а без этого нечего было и думать о победе контрреволюции. Нужны были не **«точечные»** укусы отдельных злобных фигурантов, а единый антисоветский фронт. И он создавался прежде всего в средствах массовой информации и культуре. Горбачевисты осуществляют переворот и захват власти в союзе кинематографистов: были отстранены от руководства союзом первый секретарь Лев Кулиджанов и великий режиссер и актер С.Ф. Бондарчук. **«Мятеж в Союзе был подготовлен до съезда этой организации, состоявшегося в мае 1986 года. Несомненно, например, то, что в результате предварительного сговора Бондарчук даже не был избран делегатом съезда»,** – заметит советолог из Бременского университета (ФРГ) Леонид Лукс[44]. Был отстранен и председатель Госкино Филипп Ермаш, занимавший эту должность с 1972 года. Первым секретарем Союза кинематографистов Яковлев назначил Э. Климова, приверженного идеям Горбачева. «Революция» в кинематографе была энергично экспортирована в союзные республики.

Горбачевисты производят переворот и в советском театре. Уже в апреле-мае 1986 года в 437 советских театрах были проведены **«перевыборы»,** в которых участвовало 4 500 человек. Было сменено 10% театрального руководства. Чистка шла дальше, расширяющимися кругами, захватывая новые сферы. Либеральные писатели – сторонники Горбачева постепенно забирают власть в Союзе писателей, редакторские кресла издательств и авторитетных журналов. Г. Бакланов стал главным редактором журнала «Знамя», а С. Залыгин – «Нового мира». Сторонники Горбачева завладели такими массовыми изданиями, как «Литературная газета», «Советская культура», «Огонек», «Московские новости». Они начали печатать и выпускать огромными тиражами антисоветские, антикоммунистические материалы под видом критики «сталинизма». Так, в журнале «Дружба народов» появился роман А. Рыбакова «Дети Арбата», а в журнале «Знамя» – повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» и т.п.

Консолидация антисоветской части интеллигенции происходила с одновременным укреплением ее связей с зарубежными антикоммунистическими центрами. На Запад совершаются многочисленные поездки доморощенных либералов, проводятся различные международные конференции, «круглые столы», «симпозиумы» и т.д. Уже 2–4 марта 1988 года в небольшом местечке Хумлебэк, севернее Копенгагена (подальше от одиозных центров русской эмиграции) состоялась антисоветская конференция на весьма определенную тему: **«Роль творческой интеллигенции в осуществлении реформ в Советском Союзе и перспективы на будущее».** Участники конференции – это, за малым исключением, либерально настроенные сторонники Горбачева с Востока и с Запада. Докладчиками были: Галина Белая, Ефим Эткинд, Василий Аксенов, Фазиль Искандер, Кронид Любарский, Клаус Рифбьергер, Андрей Синявский, Юрий Афанасьев, Алексей Герман, Владимир Дудинцев, Борис Вейль, Нильс Барфед, Наталья Иванова, Олег Попцов. В жаркой полемике участники конференции сошлись в главном: **все «прибывшие в Хумлебэк желают перестройке успеха, ибо в противном случае их присутствие здесь было бы едва понятным»[45].** Данная конференция – лишь один из эпизодов в непрерывном процессе консолидации внутренних и внешних контрреволюционных сил.

Ударным отрядом в контрреволюционном уничтожении советского социализма стала значительная прослойка интеллектуальной элиты – академические и университетские профессора и доценты, научные сотрудники разных рангов. Они выполнили ту часть горбачевско-яковлевской операции, которая получила в их штабе «кодовое» название – *«Новое прочтение Ленина».* Смысл этой коварной и подлой во всех отношениях акции, имевшей далеко идущие цели, состоял в следующем: **«прочитать заново Ленина»** и через это «новое прочтение» нанести сокрушительный удар по Сталину, всему сталинскому периоду строительства социализма, а дальше – по самому Ленину и по марксизму в целом. «Сегодня, – требовал на коллегии Минвуза СССР 27 ноября 1987 г. Яковлев, – особенно важно неконъюнктурно осмыслить идейное наследие Ленина, *прочитать не только ретроспективно через призму полного, квалифицированного представления о нашей истории, но и через призму задач времени и перестройки,* **через призму необходимости углубления наших представлений о социализме»[46]** (выделено мной – **В. С.)** «Надо прочесть заново подлинного и полного Маркса, – требовал 12 февраля 1990 года Яковлев на встрече с коллективом МГУ, – творчески оценить наследие Ленина»[47].

И перестройщики-контрреволюционеры начали «читать заново» ленинское наследие. Демонтаж социализма получил «идеологическое прикрытие, – сообщает нам оруженосец "генсека" А.С. Черняев, – в том числе авторитетом Ленина – для большей "проходимости" в народе, и особенно в партии»[48]. Из ленинского наследия контрреволюционеры стали выхватывать отдельные положения, даже фразы, придавая им вневременной, внесоциальный, конъюнктурный смысл, и с помощью авторитета Ленина обеспечивать «проходимость» антисоциалистической программы, именуемой то «перестройкой», то «реформами».

Назовем эти ленинские положения, которые фальсифицировали «новопрочтенцы». **Первое из них,** относящееся к периоду НЭПа, было сформулировано В.И. Лениным в декабре 1921 года на IX Всероссийском съезде Советов. **«Эту политику,** – говорил Ленин, – **мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда»**[49]. Как по команде (а она, несомненно, была!), в демпечати упор стали делать на двух словах – «всерьез и надолго», выбрасывая *«не навсегда».* И уж совсем обходили вниманием мысль о том, что *«НЭП – вынужденная мера, вызванная в конкретное время «нашим состоянием нищеты и разорения и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности»[50].*

Это, по существу, стало теоретико-жульническим прологом к горбачевско-ельцинской грабительской «приватизации», воровскому лишению народа средств производства и средств существования. **«Новопрочтенцы»** буквально стали вбивать в массовое сознание лживый миф о том, что «разгосударствление» – самый верный, самый надежный путь к эффективной

экономике и процветающей жизни всех без исключения «россиян».

Второе положение, в полной мере использованное «новопрочтенцами», было вырвано из контекста ленинской работы «О кооперации»: «*Теперь мы вправе сказать,* – писал Ленин, – *что простой рост кооперации для нас тожественен (с указанным выше "небольшим" исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»*[51] (выделено мной – В. С.).

Это ленинское положение вообще стало подаваться как некое открытие, как счастливое возвращение того, что «выпало из нашей памяти и практики или же было прочно и неузнаваемо искажено»[52]. Так вещая на всю страну, врал главный «новопрочтенец» Яковлев, фигура идейно, политически и нравственно омерзительная и грязная.

И, наконец, в политический контрреволюционный оборот было вброшено *третье положение* из той же работы «О кооперации»: о том, что Ленин якобы признал: *«Мы пошли не тем путем»* (!). А это, разъясняли провокаторы-контрреволюционеры, означало, что сам Ленин якобы отказывался от планов строительства социализма. Горбачев в марте 1999 года в интервью «Новой газете» объяснял: **«Корни моей решимости во многом связаны с деятельностью Ленина, его жизненной драмой. ...Ленина упрекали, что он пошел на службу капитализму, продался буржуям, некоторые люди из его окружения покончили с собой. Тем не менее это не остановило его. Ленин понял, что надо коренным образом пересматривать точку зрения на социализм.** Помните: *"Мы допустили главную ошибку, что пошли не тем путем". Сначала он говорил, что это временное отступление, но потом понял: "НЭП – это всерьез и надолго". А дальше мысли об изменении политического строя».* (См.: «Новая газета», 15-21 марта, 1999, № 9 (532)).

Вот, оказывается, где зарыта собака! Горбачеву и его контрреволюционным сообщникам надо было во что бы то ни стало оправдать «изменение политического строя», т.е. осуществленную в стране криминально-капитализаторскую контрреволюцию! И оправдание этого чудовищного по своей реакционной сути они ищут у Ленина! И «находят» – в том числе в виде сфальсифицированного тезиса о том, что Ленин якобы к концу своей жизни признался: *«Мы начали не с того конца, мы пошли не тем путем».* Лжец, клеветник и коммунопредатель Горбачев и сегодня продолжает брать Ленина в свои союзники, дабы в глазах невежд и обывателей выглядеть не уголовником, а революционером. В своем опусе **«Наедине с собой»** он пишет: **«Я стал заново просматривать ленинские тома, особенно относящиеся к послеоктябрьскому периоду. ...Еще и еще раз я обдумывал последние работы Ленина, особенно статьи, выступления, в которых, оценивая целый этап истории советской власти, он открыто заявляет, что большевики "совершили ошибку". Публичное признание ошибочности курса, считал он, имеет важное значение, ибо прошлые ошибки должны исправляться новой политикой. Без анализа ошибочности старого курса новой политики выработать невозможн***о»*[53] *(курсив мой – В. С.).*

Чтобы оценить всю степень политического и морального разложения Горбачева, надо обратиться с первоисточнику – самому Ленину. В статье «О кооперации» он пишет: **«Нам наши противники** (!!!) **не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они** (!!!) **ошиблись** (!!!) **в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов).** *Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной…»*[54]. Напомним читателю, что статья «О кооперации» В.И. Лениным написана 6 января 1923 года. Впервые она была напечатана 26 и 27 мая 1923 года в газете «Правда» (№№ 115 и 116). Жить вождю Октябрьской революции оставалось меньше года. А это значит, что незадолго до своей кончины он не колебался и не «впадал в глубокое сомнение по поводу верности большевистских действий», как облыжно утверждал Яковлев. И он не заявлял, что «мы пошли не тем путем», как много лет нагло лжет Горбачев.

С помощью подобных проституированных трюков Горбачев и его клика старались обмануть партию, оболванить народ и «осчастливить» его «царством» капитализма. Позже горбачевский «прораб перестройки» признается в том, что Горбачев «*обвел партию вокруг пальца. Потому что все время выступал за укрепление партии, а на самом деле делал все для того, чтобы ее разрушить. И ему верили, он умел убеждать. Когда предлагал провести альтернативные выборы в партии, он же без конца говорил, что это делает во имя авторитета, во имя укрепления партии. Но стоило провести выборы, как 32 первых секретаря обкома сразу потеряли должность. Потом у них челюсть отвалилась: как же так, что произошло?!!»*[55].

Но сам Горбачев даже при опоре на монстра контрреволюции Яковлева не смог бы осуществить тотальную акцию фальсифицированного прикрытия своих действий. Ему в этом помогал немалый отряд добровольных и платных «новопрочтенцев». Одним из первых стал научный сотрудник Института философии АН СССР В.С. Семенов. Это он в течение ряда лет упражняется в «новом прочтении» Ленина, приписывая ему, что **«по его словам, "мы начали не с того конца"»**[56]**.** А рядом с философом-«новопрочтенцем» целое сонмище ловкачей, разъясняющих народу теоретические и политические премудрости. На заре «перестройки» много шума наделала книга **«Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущем**у». Об этом сборнике статей, претендовавшем на своеобразный **«Манифест перестройки»,** заговорили много и громко не только в столицах, но и в провинции. Книга разошлась широко. Только допечатанный тираж составил 100 000 экземпляров. 34 автора, создавших сей «манифест», враз стали «властителями дум». Адамович и Афанасьев, Баткин и Бовин, Гефтер и Гинзбург, Гранин и Залыгин, Нуйкин и Попов, Сахаров и Черниченко, а также многие другие звали вперед – по пути «перестройки». Но звали как-то своеобразно, примерно так, как козел-провокатор на бойне ведет за собой стадо баранов. Под «фантиками», «бантиками» и «рюшечками» словес о «ленинском пути социализма» они создали почти 700-страничную «энциклопедию» антикоммунистической, антисоветской клеветы на КПСС, Советский Со-

юз, на весь исторический путь, пройденный народом в борьбе за социализм. Итак, перед нами **«Манифест перестройки», и вот они, «рюшечки»:**

• «Перестройка проводится в интересах основной массы населения, прежде всего рабочего класса и крестьянства» **(Заславская);**

• «Унаследованная от Сталина концепция **партии-монолита** устарела, да и, строго говоря, столь же лишена смысла, как и сравнение советских людей с винтиками. Сейчас, очевидно, пора вернуться к смыслу и духу подхода Ленина к этим вопросам» **(Амбарцумов);**

• «Сейчас в СССР идет процесс решительной десталинизации, возвращения к ленинским идеям, на базе которых рождается новая модель социализма, отвечающая реальным условиям и избавленная от утопизма и доктринерства» **(Киселев);**

• «Все делать по Ленину, не отступая от него ни на шаг и не допуская трактовки его положений, зависящей от желаний и умонастроений отдельных, даже очень высоких личностей» **(В. Фролов);**

• «Вступление на путь радикальных преобразований, совпавшее с 70-летним юбилеем Октября, заставляет всех нас задуматься, осмыслить пройденное и достигнутое. Несмотря на все пережитое обществом до сегодняшнего дня, в нем сохраняется присущее нашим людям духовное единство, питаемое импульсами, которые исходят из Октября 1917 года» **(Афанасьев);**

• «Наш путь – возвращение к идеалу, вторая – после Октября 1917 года – попытка создать общество, где человеку во всех отношениях жилось бы лучше, чем при капитализме» **(Бовин)**[57] и т.д. и т.п.

Все сказанное звучит красиво, но беспредметно и совершенно оторвано от жизни страны, прошедшей 70-летний путь после Великой Октябрьской социалистической революции. Как они относятся, эти «властители дум», к тому, что уже сделано, совершено, создано? Как оценивают они беспримерный подвиг народа – коммунистов и беспартийных, рабочих и крестьян, инженеров и учителей, красноармейцев и командиров, живых и мертвых, отдавших жизни свои за страну советов? А вот как:

• «Советское обществоведение не вынесло проверки перестройкой. Традиционные его догмы оказались разрушены» **(Заславская);**

• «Нужно настаивать на бесспорном праве создания вольных, самодеятельных, гибких, совершенно не унифицированных общественных организаций, кооперативных издательств и типографий, независимых хозрасчетных исследовательских лабораторий» **(Баткин);**

• «Неформальная солидарность в противовес всевозможным разновидностям "официального идиотизма" очень быстро стала действенным оружием, а соответствующие объединения – настоящей костью в бюрократической глотке» **(Малютин);**

• «Коллективизация по-сталински стала первым наиболее крупномасштабным преступлением сталинского режима» **(Афанасьев);**

• «Д. Волкогонов обращает внимание на то, что Сталин был, может быть, не вполне психически здоровым человеком, у него были отклонения от нормы. Если сформулировать четко: многие хотели бы пожертвовать Сталиным во имя спасения сталинизма. А это и значит обойти самую суть проблемы, уйти от вопроса: в какой мере Сталин был творцом и в то же время продуктом системы» **(Афанасьев);**

• «Кричащая немота была не страшным сном, а страшной явью. Десятилетия торжествующей лжи, краснобайства, духовной неподвижности обрекали правду на косноязычие, невнятицу» **(Бовин);**

• «Наиболее характерные черты той модели социализма, которая подлежит перестройке:

— максимальная, жесткая централизация политической и экономической власти;

— унификация социальной практики;

— административные, командно-приказные методы управления экономикой;

— формализация демократических норм партийной и государственной жизни, отстранение "низов", основной массы коммунистов от принятия важнейших решений; физическое устранение подозреваемых;

— обеднение культуры, паралич общественных наук, атрофия исторического самосознания» **(Бовин);**

• «Это был социализм, построенный по-сталински, а вовсе не по-ленински, т.е. государственно-административный, государственно-бюрократический, казарменный социализм» **(Бутенко);**

• «Самое опасное сегодня – если существующей Административной Системе удастся – как это бывало в 50-е и в 60-е годы – превратить перестройку в очередной капитальный ремонт» **(Попов)**[58]**.**

Вот так откровенно и ясно: никакого «капитального ремонта» социалистической системы – только слом, уничтожение всего, что было создано за годы советской власти. Так за «бантиками» и «фантиками» возвращения к ленинской модели социализма резко обозначился контрреволюционный вектор интеллектуальной «элиты». **«Идиотизм», «сталинизм», «отклонение от нормы», «торжествующая ложь», «страшная явь», «административная система», «казарменный социализм»** – вот далеко не самые откровенные оценки всего, что было создано народом во главе с КПСС за 70 лет, создано в непрерывной борьбе с такими же, как они, антикоммунистами. Здесь они еще сдерживали себя: ведь на дворе был 1988 год, неизвестно, как дело обернется. Но пройдет совсем немного времени, и они перестанут «стесняться». Академик **В. Гинзбург,** один из самых маститых авторов манифеста «Иного не дано», заявит: «Я сыт по горло коммунистическим гуманизмом», «тоталитаризм един», **«в своих конечных проявлениях фашизм и коммунизм – фактически одно и то же»**[59] (выделено мной – **В. С.).**

В свое время В.И. Ленин, давая оценку сборнику статей контрреволюционной интеллигенции под названием **«Вехи»,** назвал его «энциклопедией либерального ренегатства», «сутью кадетизма», «обливанием помоями» революционного движения в России в начале XX века. Эти исторические оценки полностью относятся и к современному либеральному сочинению нынешних контрреволюционеров – **«Иного не дано». По своей социально-классовой направленности – идейной, политической, научной и нравственной – это классическое нововеховское издание конца XX столетия, периода криминально-компрадорской контрреволюции.** Его авторы, предавшие трудовой народ и вставшие в ряды самых злобных антикоммунистов и антисоветчиков, по накалу их классовой ненависти, по степени откровенного обливания грязью

советского периода истории, ее примитивизации и фальсификации вполне могут претендовать на первое место в книге – нет, конечно, не рекордов Гиннесса, – а в грязной книге мирового антикоммунизма и антисоветизма. Уверен: пройдет время, закончится контрреволюционная реставрация капитализма, социализм выйдет на широкие просторы социального прогресса, и такая книга будет издана.

Конечно, основоположниками современного российского антикоммунизма были и остаются Горбачев, Яковлев и К° из высшего руководства КПСС. Но вслед за ними, а затем и рядом с ними, вместе, в едином строю крушить СССР шли многие и многие «властители дум человеческих», в том числе Ю. Афанасьев, Г. Попов, А. Сахаров, А. Адамович, Ю. Черниченко, Г. Лисичкин, И. Клямкин, Ф. Искандер, Г. Шахназаров, А. Ципко и др. Сегодня некоторые из них откровенно гордятся своей подлой ролью в уничтожении СССР, другие же, прикидываясь непричастными к диверсии, спрашивают: **«Кто же это развалил Советский Союз?!».** И глумливо отвечают: **«Он развалился сам, ведь не мог же один человек – Горбачев сделать это!».** Полноте, «господа» антисоветчики: державу уничтожили все вы – многотысячная аморальная, преступная рать антикоммунистов и антисоветчиков, сумевшая обмануть народы и обрушить их в чрево его препохабия капитализма. **Если Горбачев с Яковлевым создавали политико-правовые условия и формировали организационно-кадровые структуры антисоветизма в СССР, то интеллектуальная «элита» создавала разветвленную «науку» антикоммунизма и антисоветизма,** подводила **теоретико-идеологическую базу** под погром социализма и реставрацию капитализма в нашей стране, зомбировала массовое сознание дешевым популизмом. И когда разномастные антисоветчики открещиваются от учиненного погрома державы – одни от «болтливого» горбачевизма, другие – от дикого ельцинизма, третьи – от «просвещенного» путинизма, и говорят: «мы **к этому не причастны»,** – так и хочется воскликнуть: «*Вы* **настолько заврались, граждане-погромщики, что потеряли память. Ваши злобные антисоветские сочинения вырублены не топором, а пером: они разошлись по всему миру и стали грозными свидетелями вашей преступной работы. Они еще скажут о своих авторах нужное слово там, где это потребуется».** Ничего нет тайного, чтобы со временем не стало явным. Вся история преступного уничтожения СССР будет описана со всеми событиями – большими и малыми, со всеми персонажами реакционнейшего в мировой цивилизации деяния.

Одни уничтожали СССР *«воем травли и клеветы»*[60], а другие – наукообразными, академическими сочинениями, подводившими теоретическую базу под ликвидацию социалистического государства. **Вот, например, «теоретические» перлы мэтров экономической науки[61]:**

- «*наша экономика возникла в* **нарушение законов развития,** *требовавших движения к социализму*»;
- «*весь исторический путь нашей страны и других социалистических стран подтверждает, что базисная, неустранимая основа всех трудностей экономики, несопоставимый с ее масштабами, низкий уровень ее* **эффективности связаны именно с обобществлением всех средств производства»;**
- «*капитализм с нашим устройством не имеет ничего общего. Разве* что **гитлеровские ограничения** *юридических свобод рабочих и расправы (которые, в отличие от нас, в основном касались не своего народа, а народов оккупированных стран*»);
- «*не* **рабовладение** *ли мы построили*?»;
- «*наша система больше напоминает* **феодализм»;**
- «*до сих пор используется* **принудительный труд** *школьников, студентов, ученых, инженеров, рабочих, убирающих урожай, обслуживающих овощные базы, ремонтирующих дороги и т.д.*»;
- «*все нации и народности превращаются в* **безликий народ,** *именуемый "новой исторической общностью людей"*» (курсив мой – В. С.).

Коллективный сборник самых видных на то время экономистов был полон подобных оценок и выводов стратегического характера, но по лексике, тональности больше похожих не на профессиональные умозаключения ученых, а на эскапады записных «писателей-сатириков» в духе злобного «одессита» – антисоветчика М. Жванецкого. Злобы – пруд пруди, а дела, толку – никакого.

Впрочем, нет, «толк» был: **они своими наукообразными заклинаниями подводили теоретико-идеологическую базу под контрреволюцию по имени «перестройка» и «реформы».** Экономисты-книжники, высидевшие свои диссертации в читальных залах библиотек, знавшие переводы западных авторов, были страшно далеки от реальной жизни великой страны, они не понимали, **что** в действительности происходило в ней за годы Советской власти, а потому высокомерно пренебрегали конкретно-историческими **(политическими, социальными, экономическими, национальными, культурными, внутренними и внешними)** условиями жизни народа и его борьбы за выживание, не понимали и глубинной сути экономических процессов. Не тех процессов, которые они вычитали на книжных страницах либеральных авторов, а тех, что протекали в самой жизни огромной державы, занимавшей 1/6 часть суши и являвшей собой сложнейшую социоэкономическую систему. Если бы понимали, то не родилась бы шарлатанская «программа 500 дней» Явлинского–Шаталина, которая была встречена на ура.

Не обременяя себя долгим поиском настоящих и ответственных рецептов обновления советского общественного устройства, книжные экономисты извлекли на свет и предложили горбачевистам-контрреволюционерам «истины», от которых исходил устойчивый запах реставрационно-капиталистического нафталина:

- нужна **«денационализация –** *это переход из рук государства (т.е. народа в целом* – В. С.) *в руки других (!!!) владельцев значительной части средств производства, приватизация собственности, передача ее группе лиц (кооперативу) или одному лицу (семье)»;*
- нужна **«децентрализация –** *это формирование самостоятельных негосударственных предприятий и самостоятельных государственных арендных предприятий, главным следствием чего станет рынок*»;
- нужна **«демонополизация –** *это структурная перестройка экономики, преодоление бюрократических объединений предприятий-гигантов, вместо*

них выделять самостоятельные предприятия-конкуренты»[62] (курсив мой – В. С.).

На основе этих **«академических рекомендаций»** в стране была осуществлена криминально-капиталистическая контрреволюция: 24 февраля 1994 года Ельцин в «Послании Федеральному Собранию» объявил, что **«тотальное разрушение прежней системы завершается».** Разрушена была прежде всего вся политическая система СССР и на ее месте насильственно был установлен реставрационно-буржуазный политический строй и новый экономический уклад, образующие в своей совокупности криминально-капиталистическую, авторитарно-олигархическую систему новобуржуазного правления, господства и эксплуатации основной массы населения страны. Экономический строй социализма полностью уничтожен: заводы, фабрики, другие предприятия по бросовым ценам, за мешки разукрашенных бумажек, именуемых «ваучерами», были отданы в руки нуворишей, у государства их осталось менее 9%. Свыше 80% населения было опущено в нищету, народ стал стремительно вымирать (со скоростью до 1 миллиона человек в год). Россия превратилась в полуколониальный сырьевой придаток мирового империализма, что в полной мере выявил нынешний финансово-экономический кризис этой системы. **В стране продолжает развиваться процесс деиндустриализации, десоциализации, деинтеллектуализации.**

Такова, говоря чрезвычайно лапидарно, подлинная цена **«научных»** умозаключений и рекомендаций докторов наук и академиков от экономики. Впрочем, никто из них до сих пор не признал собственного личного вклада в погром страны **(за исключением Г.Х. Попова!),** всю вину валят на Ельцина и К° и рефреном произносят: **«Мы не того хотели». Нет, господа отказники, именно того: вы все хотели его препохабия капитализма. А когда он явился во всем своем мерзком обличье, вы испугались и не признали родное дитя. А академик Абалкин дотеоретизировался до того, что в родном академическом учреждении всерьез предлагал больше не пользоваться словами «социализм» и «капитализм», они-де нынче «устарели» и не отражают реалий сегодняшнего дня. Уж не в детство ли впал знаменитый реформатор-теоретик**? Явно растеряны и другие вдохновители «перестройки» и «реформ». Академик РАН О. Богомолов что-то невразумительное говорит о *«приданию капитализму неких моральных основ»* (???). А Н. Петраков решился наконец признать: **«Мировую капиталистическую систему надо менять кардинально»** («Литературная газета», 18–24 марта 2009 г., № 11 (6215). - С. 2). Печально и горько, что для такого «умозаключения» нужны были 20 с лишним лет варварских разрушений и миллионных жертв в СССР.

Итак, буржуазная контрреволюция, длившаяся свыше 70 лет, на рубеже XX–XXI века сумела одержать победу и начать реставрацию капитализма, которая происходит уже почти четверть века. Почему же опытнейшая политическая партия – КПСС и могущественная держава – Советский Союз дали победить себя замаскированным врагам социализма? **Причин поражения КПСС и СССР немало, и все они лежат далеко не в очевидной плоскости.** Нас победили потому, что мы (КПСС) как правящая партия зазнались, обленились и забыли фундаментальные положения, советы, рекомендации и предупреждения наших великих теоретиков и учителей. **«До какой степени мы дьявольски неповоротливы, мешковаты, сколько еще у нас обломовщины, за которую нас еще неминуемо будут бить»[63],** – говорил В.И. Ленин. Без него, без ленинского ума, его прозорливости и невероятной энергии мы, коммунисты в КПСС, напрочь забыли:

1) **что** «*социальная революция не одна битва, а эпоха целого ряда битв*» **(Ленин);**

2) **что** «*не может быть успешной революции без подавления сопротивления эксплуататоров*» **(Ленин);**

3) **что** «*революция лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться*» **(Ленин);**

4) **что** «*труп буржуазного общества... нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю. Убитый капитализм гниет, разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь*» **(Ленин);**

5) **что** «*партию необходимо держать всегда готовой к борьбе с врагом, не усыплять ее, не прятать ее знамя, не убаюкивать ее тем, что враг, если ему не дать повода, прекратит борьбу, прекратит организовывать свои силы в легальной и нелегальной форме*» **(Сталин);**

6) **что** «*мы сделали много такого, чего лучше бы не делать, и не сделали многого, что следовало бы сделать, поэтому дело и шло скверно*» **(Энгельс);**

7) **что** «*не бояться признавать своих ошибок, не бояться многократного, повторного труда исправления их – и мы будем на вершине*» **(Ленин);**

8) **что** «*коммунистов суды обязаны карать строже, чем некоммунистов*» **(Ленин);**

9) **что** *надо уметь «управлять партией», иначе «это приведет нас к гибели»* **(Ленин);**

10) **что** *высший госаппарат должен «состоять из специалистов-коммунистов» и специалистов, стоящих на «точке зрения социализма»* **(Ленин)** и т.д. и т.п.

Пока мы это помнили, более или менее выполняли классовые принципы нашего бытия, мы были непобедимы. Наша партия, рабоче-крестьянская Красная Армия, пролетарская ВЧК, весь советский народ могли распознать, разглядеть физиономию классового противника, в какие бы одежды он не рядился, и дать ему отпор. Мы, еще очень слабые в материальном и техническом отношении, но очень сильные и закаленные в идейно-политическом, духовно-нравственном, смогли разгромить Антанту и все белогвардейские армии; мы смогли победить фашистскую коалицию во главе с нацистской Германией и милитаристской Японией – самую могучую военную машину первой половины XX века; мы сорвали планы американского и британского объединенного империализма сжечь нас в атомном костре в 50-70-е годы XX столетия, а затем сделали невероятное – обеспечили военно-стратегический паритет с мировым империализмом. **Это было – и это правда!**

А это означает, что пока антикоммунизм и его сердцевина – антисоветизм – **были явлением, главным образом исходящим извне,** пока мы видели его «заграничное лицо», мы могли с ним сражаться на равных, нет, – мы могли побеждать его и быть непобедимыми. Да, конечно, он беспокоил, уязвлял, ранил и даже воевал против нас, но он был беспомощен в стратегическом отношении. **Наша страна стояла как утес, неприступная крепость, в которой бойцы не спят и не покупаются на подношения вражеских**

лазутчиков. Но как только со временем антикоммунизм с антисоветской отравленной начинкой стал незаметно, исподволь растекаться по телу общества изнутри, как метастазы раковой опухоли, он поразил нас насмерть.

Почти четверть века длится реставрация капитализма в России и других республиках уничтоженного СССР. Общий итог этого реакционного процесса известен: происходит деградация всех сфер общественной жизни, многие слои населения выбиты из колеи бытия и буквально деморализованы. Состояние как после пожара: одни бродят по пепелищу, как неприкаянные; другие находятся в состоянии прострации и близки к суициду; третьи, пользуясь всеобщим хаосом, нагло и цинично мародерствуют. Такова морально-психологическая обстановка на всем постсоветском пространстве, в том числе и в России, которая имеет многоуровневое, многосферное выражение.

Любое общество, все его системы и подсистемы могут нормально существовать и тем более эффективно развиваться, когда в его социальном организме представлены оба вида производства – материальное и духовное, соответственно воплощающие материальные и духовные ценности человека и социума. Народное хозяйство – и его материальная структура, многообразные общественные отношения: экономические (производственные), политические, правовые, нравственные, эстетические – основа, ключевой элемент культурного ядра любого народа, соответствующей цивилизации. Это важнейшая часть матрицы, на которой собирается и воспроизводится народ, нация. В Советском обществе при всех исторических проблемах роста и недостатках управления оба вида производства – материальное и духовное – развивались в интересах народа, трудящихся, а общественные отношения помогали ценить, беречь и развивать ценностный мир многообразной коллективной и личной жизни.

Контрреволюция, насильственная реставрация капитализма в России (1985–2014) вначале подточила, а затем обрушила материальное и духовное производство, поставив тем самым жизнь человека и всего социализма в критическое положение. Общеизвестно, что решающее значение для поддержания общественного, социокультурного процесса имеет производственная практика, выступающая своеобразной обработкой природы людьми. Именно она обеспечивает получение материальных благ и, следовательно, физиологическое развитие людей. В результате перехода к капитализму сфера материального производства подверглась такому «разгосударствлению», что буквально рухнула. **Начался тотальный процесс деиндустриализации страны.** Разгрому подверглись самые технологичные и перспективные отрасли промышленности: производство машин и оборудования; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; производство аппаратуры для радио, телевидения и связи; производство транспортных средств и оборудования; производство судов и летательных аппаратов и т.д.

Произошло резкое снижение численности специалистов, занятых наукоемкими видами производственной деятельности, падение качества трудовых ресурсов в ущерб инновационному развитию и, как следствие, понижению научно-технического потенциала страны. Более привлекательными для молодежи стали сферы торговли, ресторанного и гостиничного дела, бизнес-туризма, финансов и кредитов, юриспруденции. Специальности машиностроения, металлургии и металлообработки, приборостроения, электронной техники и ракетно-космической техники не пользуются спросом на рынке образовательных услуг. Россия постепенно превращается из державы умельцев, изобретателей, инженеров, ученых, авиаторов, флотоводцев и космонавтов в страну поваров, кондитеров, барменов, менеджеров, охранников. Число работников ЧОПов в России приближается к миллиону. По неофициальным данным, с 2005 года объем рынка охранных услуг увеличился с четырех до семи миллиардов долларов! По сути, при наличии МВД и ВОХР в стране создана и функционирует еще одна параллельная армия. Сегодня престижно не трудиться в сфере производства материальных благ, а быть около них, «охранять», а параллельно **«оттягиваться по полной».** Это тотальное разрушение советской ценностно-трудовой системы и есть движение вспять – к невежеству, деградации, паразитарному образу жизни.

В критическом положении находится сельскохозяйственное производство страны. Россия впервые в своей истории утратила продовольственную безопасность. По меньшей мере 52% продовольственных товаров, потребляемых населением, ввозится из-за рубежа. И это прямой результат разгрома советского сельхозпроизводства, ставка на так называемых фермеров. В стране, по различным данным, не обрабатывается до 40 миллионов гектаров сельхозугодий, на 60% сократилось поголовье крупного рогатого скота, в том числе на 56% поголовье коров, на 55% – свиней, на 62% – овец и коз. Резко упало производство сельхозмашин: тракторов – на 63%, комбайнов – на 44%[64].

Буржуазное государство не обеспечивает развитие сельского хозяйства, а многие фермеры еле сводят концы с концами. В 2011 году, по официальным данным, в России на поддержку сельского хозяйства из бюджета было выделено 125 млрд рублей. В валютном эквиваленте – это около 4 млрд долларов. В Европейском союзе, например, объем государственной поддержки сельского хозяйства составил 60 млрд долларов, или был в 15 раз выше, чем в России. Доля государственной помощи в стоимости сельхозпродукции составляет: в США – 18%; в Канаде – 21%; в Европейском союзе – 32%; в Японии – 58%; в Южной Корее – 62%; в Норвегии – 70%. В РФ этот показатель равен лишь 1,6%. На 1 гектар пашни в России выделяется в 20 раз меньше средств, чем в Евросоюзе, и в 12–15 раз меньше, чем в США и Канаде[65].

Деградация сферы материального производства ведет к дегенеративным процессам в физическом, духовно-нравственном и психическом состоянии российского социума. За годы реставрации капитализма жизнь значительной части населения резко ухудшилась. По данным профессора Ф.Н. Клоцвога – заведующего лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, уровень жизни народа снизился в 2,5–3 раза. Произошло невиданное социальное расслоение и утвердилось чудовищное социальное неравенство в буржуазной, капитализируемой России. За годы контрреволюционной реставрации паразитической, эксплуататорской системы жизнеустройства в России сформирована

социальная структура, характерная для стран периферийных, то есть стран «третьего мира», «развивающихся», «полуколониальных», – отличающаяся резкой, по сути, крайне антагонистической социальной, имущественной и культурной поляризацией общества. 10 лет назад, по данным профессора Ю.И. Семенова, социальная структура российского общества выглядела так:

а) **класс богатых людей (богачи, сверхбогачи, многоимущие):** в 2001 году их число составляло 17 млн человек (11,8%), они сосредоточили в своих руках 858 млрд рублей и были богаче бедняков в 56 раз;

б) **класс бедных (бедняков) людей, составляющих гигантский имущественный слой – от 80 до 85% населения России.** Он, в свою очередь, делится на две основные группы населения: неимущие люди с доходами ниже официального (российского) прожиточного минимума; нищие (социальное дно) – люди, выброшенные обществом и государством; в 2000 г. в стране число нищих достигло 3,4 млн человек, бомжей – от 2,5 млн (данные МВД) до 4 млн (данные независимых экспертов)[66].

К 2014 году положение с отверженными диким капитализмом людьми не изменилось. В 2013 году в Петербурге было проведено масштабное исследование проблемы бездомности. **Было вновь подтверждено, что бездомные – это в большинстве своем мужчины трудоспособного возраста, их около 80% и большинство из них имеют профессию. Причем преобладают среди них представители весьма востребованных рабочих профессий – слесари, механики, строители, механизаторы, мотористы, сварщики, электрики и другие специалисты.** Но сотни тысяч людей трудоспособного возраста потеряны как для экономики, так и для нормальной социальной и культурной жизни страны, семьи, самого человека. Объективное изучение исследователями этой страшной социальной язвы показывает, что только 3% бездомных оказались в таком положении в силу их личного выбора. 97% – это жертвы сложившейся в России капиталистической государственной, социальной и правовой системы. Капитализм возродил целый ряд факторов системного характера, воспроизводящих бездомность, социальную отверженность людей[67]. Перед нами ярко выраженный процесс обрушения социума в полудикость и самую настоящую дикость. На наших глазах возник чудовищный феномен варварства XXI века.

Россия в результате контрреволюции и реставрации капитализма вошла в число государств планеты, где царит самое вопиющее, дикое социальное неравенство. По официальным данным Росстата, соотношение доходов 10% наиболее и наименее обеспеченного населения РФ в 1992 г. было восьмикратным, в 2000 г. достигло 13,9, в 2009 – поднялось до 16,7. По оценке же ученых Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, оно в полтора раза выше и достигает 23-24-кратного размера. В 2013 году швейцарский институт **«Credit Suisse Research Institut»** провел исследование, в котором выяснил: **Россия наряду с некоторыми карибскими государствами, куда в поисках земного рая съехались со всей планеты миллионеры, лидирует в мире по имущественному неравенству среди населения.** 130 миллиардеров России контролируют свыше 35% богатств всех домохозяйств, а всего в стране – 84 тысячи долларовых миллионеров («Правда», 15–18 ноября 2013 г.. - С. 4). Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта (ФРГ) в Российской Федерации выпустили аналитический доклад **«Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя»** (М., 2013 г.). В нем вывод: **«В современной России широко распространена бедность работающих. Иначе говоря, в наши дни наличие работы не гарантирует россиянам защиту от бедности. Не случайно собственные доходы работающих бедных существенно отстают от доходов работающих небедных, а у пятой части работающих бедных даже не превышают 7 тыс. рублей. Это говорит о неизбежности нахождения последних, в случае если им не помогут другие члены семьи, в абсолютной бедности, денежным критерием которой выступает прожиточный минимум»**[68].

Но прожиточный минимум, установленный правительством РФ на 2012 год, составлял всего 7 371 рубль. При этом денежные доходы 14 миллионов человек – граждан России не достигают даже этой нищенской цифры. Около одной трети занятых в реальном секторе экономики получают заработную плату менее 7 000 рублей в месяц. Вот как выглядит уровень зарплаты работающего населения в современной России по данным Росстата РФ.

Структура населения РФ по уровню заработной платы[69]

Уровень заработной платы в месяц (в рублях)	% численности получателей
до 4500	10,0
от 4500 до 8500	24,7
от 8500 до 12 500	19,9
от 12 500 до 16 500	14,2
от 16 500 до 20 500	8,3
от 20 500 до 24 500	5,9
от 24 500 до 28 500	4,9
свыше 28 500	12,1

Более половины занятых (59,6%) получают зарплату, не превышающую 12 000 рублей. Социальное неблагополучие жизни огромной части граждан России выражается не только в нищенской оплате труда, но и усиливается постоянным, непомерным ростом платежей за коммунально-бытовые услуги, внедрением платы в образовании, здравоохранении, непрерывным повышением цен на лекарства, продукты питания.

Люди сами подсчитывают, каков в действительности их прожиточный минимум, и сравнивают цены на элементарные источники жизни в Советском Союзе и нынешней капиталистической России. **Нелли Евгеньевна Цапурина** из поселка «Лесная Поляна» в Ярославской области сделала такой подсчет и прислала его в газету «Советская Россия». Вот как он выглядит в документе, составленном пенсионеркой, получающей пенсию в размере 8 900 рублей[70].

Продукт или тариф	1988 г.	2013 г.	Выросло в
Спички	1 коп.	1 руб.	100 раз
Киловатт/час	4 коп.	2 руб. 60 коп.	65 раз
Бензин	14 коп.	26-30 руб.	200 раз
Водка	4 руб. 12 коп и 3 руб. 62 коп.	250-350 руб.	примерно в 100 раз
Автобус	5 коп.	16 руб.	320 раз
Молоко 1 л	26-28 коп.	32 руб.	115 раз

Хлеб буханка 1 кг	14 коп.	21,2 руб. (800 г) = 27,87 руб. за 1 кг	190 раз
Колбаса вареная	2,2 руб. (при 80% мяса)	220 руб. при 40% мяса в пересчете на 80% мяса – 440 руб.	200 раз
Яйца десяток	90 коп. – 1 руб. 30 коп.	40 руб.	примерно в 40 раз
Сахарный песок	90 коп.	30-40 (цена 2012 г.)	примерно в 42 раза
1000 штук кирпича красного	80 руб.	12 000	150 раз
Строительство кооперативной квартиры 64 кв. м	4000 руб. с использ. кредита с 3% годов.	2 400 000 (стоимость 2-х комн. кв. площадью 64 кв. м), а если кредит, то минимальный процент по ипотеке – 12%	600 раз
Коммунальные платежи за 1-комн. квартиру в пос. Лесная Поляна Яросл. обл.	6 руб. 52 коп. в эту сумму входит и газ, счетчиков тогда не было	Январь-декабрь 2012 г. Средний показатель за год с газом 2200 руб.	350 раз **больше Советского периода**

Подсчет, сделанный Н.И. Цапуриной столь красноречив, что никаких дополнительных комментариев к нему не требуется.

Такое социально-экономическое положение не могло не сказаться на развитии человека. Давняя научная аксиома гласит: человек, прежде чем заниматься образованием, наукой, искусством, находить себя в любой сфере деятельности, должен есть, пить, одеваться, иметь жилище и другие материальные условия жизни. Уже в рамках древней философской мысли человек традиционно рассматривался **в единстве таких важнейших его модусов, как тело, душа и дух.** Современная наука говорит: **человек – это живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социально-культурного, наследственного и прижизненно приобретенного (воспитанного, сформированного в социальной и культурной среде).** Поставленный же в критическое положение, часто на грань выживания, в современном российском обществе человек перестает быть деятельным субъектом, развивающим мир своей культуры и деятельности: он становится лишь производителем собственной физиологии – все остальное подчинено идее выживания. Ученые давно бьют тревогу: в России может произойти необратимое изменение генофонда нации. Повальное увлечение алкоголем привело к тому, что школьники начинают пить спиртное с 12–13 лет. Численность детей и молодежи в возрасте 11–12 лет, с различной частотой потребляющих наркотики, достигла 4–4,5 млн человек. Число больных СПИДом в России составляет 230–240 тысяч человек, из них около 4 тысяч – дети в возрасте до 18 лет. По сравнению с 1990 г. выросло число заболеваний туберкулезом в 1,7 раза, сифилисом в 40 раз (среди подростков – в 51 раз), алкогольным психозом – в 5–6 раз.

Социальная незащищенность, атмосфера многолетней эмоционально-психологической напряженности, отчуждение от родной культуры и ее фундаментальных ценностей, разрыв привычных социальных связей, непрерывное осмеяние всего, что было создано и сохранено предыдущими поколениями, формирует **новый генотип человека.** Это индивид, лишенный прочного идейного и социального «стержня», духовно и нравственно опустошенный. Иначе говоря, человек, который **«потерял»** себя, он **отчужден** от общества, родной культуры, собственной истории, от самого себя как личности. Это и есть в реальном проявлении тотальный процесс расчеловечивания. У человека отчужденного формируется катастрофический склад мышления, чувство исторической и социальной обреченности; **пусть все летит к чертям – все равно выхода нет**! Состояние тревоги и откровенного страха присутствует в огромных слоях российского общества, которое тащат в капитализм. Не случайно в России растет число самоубийств – это трагическое «бегство» от нынешней буржуазной действительности. Но есть еще и массовое «бегство в болезнь» **(Фрейд):** непрерывно увеличивается число психических заболеваний. Сегодня в стране, по данным Института им. Сербского, 1,5 млн человек находятся в излечении в психиатрических больницах. Еще 4 млн с подобными заболеваниями нуждаются в госпитализации. Около 30 млн россиян страдают фрустрациями, ноогенными неврозами и др.

Капитализм, построенный в России, глубоко аморален, ибо враждебен любым нормам нравственности. Ценности морали, которые лежали в основе советского общественного мироустройства, – совесть, честь, долг, товарищеская взаимопомощь и солидарность, – уничтожены вместе с погромом советского социализма. Облик человека эпохи «перестройки» и «реформ» формирует не мораль, а инфорномия[71], одним из видов которой выступает реклама: от нее все вкусы, образ поведения, стиль жизни, смысл всего бытия человека. Инфорномия не просто отлична от морали – она противостоит ей и способствует ее уничтожению. Это выражается во многом, но в особенности в пропаганде насилия и беспредела. Сегодняшняя Россия – одно из наиболее социально жестоких и индивидуализированных обществ современного мира[72]. Насилие над человеком пропагандируется как особое удовольствие, не сравнимое ни с какими другими «радостями» жизни.

За годы реставрации капитализма организаторы этого реакционного процесса преуспели не только в разрушении советской политической и экономической системы, но и в расчеловечивании, то есть уничтожении человеческого в человеке. **В новом субъекте буржуазных, частнособственнических отношений сформированы иные ценностно-смысловые ориентации, отличные не только от сугубо советских, но и традиционно русских, российских: соборных, общинных, коллективистских. Этот новый субъект капитализма, проникнутый крайним индивидуализмом, эгоцентризмом и вещизмом, являет следующие характерные черты:**

- он признает ценность труда, но как **средства обретения** материального благосостояния и богатства;
- он признает значение демократических свобод, но только в рамках буржуазного права и морали, когда обеспечиваются **его личные и классовые интересы;**
- он признает значимость общепринятых моральных норм, но если их выполнение не противоречит **его личной выгоде;**
- он признает ценность семьи, которая в иерархии современных ценностных отношений находится на первом месте. Но при этом он прежде всего ценит то удовольствие, которое дает **физическое обладание** представителем другого пола, однако **во имя материальной**

выгоды готов пожертвовать радостями, которые доставляет секс;

- он признает ценность образования, общей культуры, но постольку, поскольку это позволяет подняться вверх по социальной лестнице, **сделать карьеру;**
- он не испытывает практически никаких нравственных угрызений, **«мук совести»** при виде нищих, больных, людей, выброшенных капитализмом из жизни. Они для него «неудачники», «просто лентяи», «бездельники», не умеющие делать дело, не сумевшие найти свое место в жизни;
- асоциальное поведение (проституция, наркомания, порнобизнес, гомосексуализм и т.д.) не вызывает у него каких-либо отрицательных эмоций. Он готов их даже **оправдать,** мотивируя тем, что **каждый зарабатывает на жизнь как умеет,** человек вправе распоряжаться собой так, как считает нужным[73].

Это система ценностей – обобщенная характеристика не только индивида – нового субъекта частнособственнических отношений, но и всего мироустройства, возникшего в результате буржуазной контрреволюции и реставрации капитализма. Эти «ценностные» представления не только не скрываются, а, наоборот, всячески выставляются напоказ, ими гордятся и даже бравируют. «*Так было и так будет всегда. Кто-то сильнее, кто-то ловчее, кто-то умнее, кто-то талантливее, а кто-то просто удачливее. Я понимаю, смириться с этой мыслью очень тяжело, но никакой справедливости тут нет и быть не может. Из миллионов сперматозоидов только один достигает цели – самый сильный и ловкий. И если, ты не смог устроиться так, чтобы жизнь твоя проистекала хотя бы в самом относительном комфорте, значит, виноват в этом ты и только ты. Помогать бедным, уважать немощных, любить хворых – это, конечно, хорошо, но золотой миллиард благополучия на земле не может превратиться в шесть миллиардов – земля взорвется от скорости потребления ресурсов. Если в шлюпке всего сорок мест, сорок первого пассажира спасать нельзя.*

Как бы это жестоко ни звучало. Иначе утонут все. Я не хочу тонуть в мутном, пассивном болоте собственного народа. Я презираю ленивых, ничего не умеющих, кроме как сетовать на режим и на страну. Эти люди с сальными волосами, с вечным сигаретным запахом изо рта, с диском группы "Кирпичи " в кармане несут из сумрака своих кухонь кардинально чуждые мне ценности. Они никогда не простят и не поймут, что кто-то умнее, а кому-то просто повезло. Да, ребята, вам не повезло, так примите это достойно»[74].

Это чудовищное по цинизму и социал-дарвинистское по смыслу откровение принадлежит скандально известной в шоу-бизнесе телеведущей К. Собчак, дочери не менее известного «демократа» и антисоветчика А. Собчака. Это он на втором Съезде народных депутатов СССР оклеветал действия Советской Армии во время массовых выступлений жителей г. Тбилиси, организованных контрреволюционерами – националистами и сепаратистами. Генерал армии, боевой офицер, прошедший через войну в Афганистане, И.Н. Родионов даст политическую оценку провокатору Собчаку-папе и назовет его **«ловким и беззастенчивым игроком»,** сочинившим подлый **«пасквиль на свою армию»[75].** Так что удивляться социал-дарвинистскому миросозерцанию Ксении Собчак не следует – это политическая и моральная квинтэссенция детей, выросших и воспитанных в семьях погромщиков социализма.

Поэт, критик, публицист Ю.М. Кублановский считает: «Либеральное воспитание на закате цивилизации. Это когда дети видят в родителях не **источник** дисциплинирующей организации жизни, но – удовольствий и приобретений. Сейчас растет (уже выросло! – **В. С.)** целое поколение, чье младенчество, детство, юность пришлись на десятилетия криминальной революции. Хапуги-отцы вырастили гедонистов-детей, натренированных на то же самое. В одних семьях это не без – даже – флера церковного гламура, в большинстве – просто потребительская масскультурная похабель. Никто из них пальцем не пошевелит для ближнего – не приучены»[76].

Поколение, о котором говорит поэт Ю. Кублановский, не знает, что такое ценности социализма, выросшее в условиях реставрации капитализма, оно впитало в себя весь его дух вещизма, накопительства, гедонизма и кислородом для него стала масскультура. **Это особый вид культуры, создаваемой профессионалами для потребления массами; «культурная индустрия», производящая культурную продукцию, главным образом коммерческую, каждодневно и в больших масштабах, рассчитанную на массовое потребление через технически совершенные средства массовой информации и коммуникации.** Масскультура является мощным средством утверждения господства империализма по всему миру, орудием реставрации капитализма повсюду, в том числе и в России. Когда-то ястреб-антикоммунист, американский политолог Збигнев Бжезинский горделиво сказал: **если Рим дал миру право, Англия – парламентскую деятельность, Франция – культуру и республиканский национализм, то Соединенные Штаты дали миру научно-техническую революцию и массовую культуру.**

Массовая культура в условиях капитализма – это самый распространенный способ и отлаженный механизм управления массами, массовым сознанием. Массовый человек, усредненный, обезличенный, не отличается от сотен тысяч и миллионов других индивидов, он становится потребителем массовой культуры и объектом манипуляции со стороны заказчиков и создателей – профессионалов. Приобретая черты стадности, он утрачивает свою индивидуальность и личную ответственность, погружается в эрзац-атмосферу, усваивая ложные эталоны и ценности. На первый план выходит достижение коммерческого успеха, получение прибыли и наслаждений. Вот как сегодня выглядит вся система масскультуры – самое надежное орудие оглупления народа и реставрации капитализма.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА,
создаваемая для оболванивания масс, вид "культурной индустрии"

I. Субъект-носитель		
I.1. Создатель (и) специалист группы	**I.2. Заказчики**	**I.3. Посредники**
- менеджеры, поэты, писатели, сценаристы, аранжировщики, звуко-, светотехники, редакторы; - "размывание" личного авторства	- представители власти; - финансово-промышленная элита; - управляющий аппарат; - спонсоры	- менеджеры; - шоумены; - антрепренеры; - продюсеры

Масса или массовый человек с нивелированным личным началом, не задействованный в процессе твор-

чества, это – аморфное, инертное, управляемое множество с чертами стадности.

II. Объект (культурный текст), его носитель	III. Функции
- стандартизированность как совокупность повторяющихся шаблонов, клише; -усредненность, ориентация на "человека массы"; - упрощенность, лишение оригинальности, личного творческого поиска; - дегуманизация, превращение человека в стандарт; - мифологизация творчества; - эстетизация ужасного, патологического; - установка на моду	- развлекательная; - коммерческая (получение прибыли); - консьюмериза - установка на получение прибыли; - эскейпизм – бегство от действительности; - социально-адаптационная; - нормативно-регулятивная – формирование норм, ценностей, эталонов; - знаково-семантическая: артефакт как показатель престижа
Формирование типа сознания управляемого, воспринимающего насаждаемые эталоны	

Механизмы передачи:

- опосредованные специальными учебными технологиями, методами;
- использование аудио, видео и электронной техники;
- непосредственная передача культурного текста от лица к лицу.

Разрушительная роль массовой буржуазной культуры давно получила оценку в работах отечественных и зарубежных авторов. «"Массовая культура", – писал Б. Райнов, – это **производство** псевдохудожественного продукта в соответствии с определенными стандартами и требованиями определенного воздействия. Именно потому, что она не творчество, а производство, "**массовая культура"** легко подчиняется шаблонной идейной и технологической программе. Это не только псевдоискусство, но и псевдокультура, потому что она не содержит художественных открытий, не несет по-настоящему глубоких знаний о действительности. Мы считаем, что точнее всего содержание этого феномена можно было бы выразить термином **"массовая буржуазная культура"»**[77].

А «*суть такова,* – говорил Ортега-и-Гассет. – *Европа утратила нравственность. Прежнюю массовый человек отверг не ради новой, а ради того, чтобы, согласно своему жизненному складу не придерживаться никакой». На смену нравственности пришла даже не безнравственность, а «противонравственность», «антимораль», «негатив». Результат – впадение Западной Европы в варварство, нарастающий процесс одичания*[78].

В условиях современного капитализма, пишет профессор Ю.И. Семенов, идет непрерывно нарастающий процесс оскотинивания человека. Особенно наглядно оно проявляется в отношениях между полами. При капитализме происходит снятие всех ограничений и запретов в сфере отношения полов, а это – шаг вспять, движение по пути, ведущему от общества к зоологическому миру и тем самым от человека к животному[79]. «*Секс,* – писал И. Кристол, – *так же как и смерть, – проявление одновременно человеческое и животное. Человеческие чувства и человеческие идеалы составляют часть этого животного проявления. Но когда половой акт совершается на глазах у публики, человек не видит (не может видеть) чувства и идеалы. Он может видеть только животную случку. Когда секс становится публичным зрелищем, человеческие отношения низводятся до животных*»[80].

В современной россии, погружаемой в чрево капитализма, идет губительный процесс эротизации и криминализации культуры, в особенности литературы, театрального и киноискусства. Любимыми героями авторов произведений искусства стали бандиты (киллеры), проститутки (путаны), лесбиянки, гомосексуалисты и другие моральные извращенцы. Поколение «перестройки» и «реформ» утопили в процессах пищеварения и удовлетворения физиологических потребностей. Дефекация и мастурбация стали высшими проявлениями человеческого «я». Не только новую, но и «старую» – великую русскую литературу сегодня опускают до уровня «эстетики» помойки. В январе 2010 года весь мир отметил 150 лет со дня рождения **Антона Павловича Чехова (1860–1904),** определившего развитие литературно-театральной культуры в XX веке и продолжающего оказывать на нее мощное влияние и в веке XXI. Многие театры – как российские, так и зарубежные, – в стремлении «отдать долги» великому новатору сценического языка стали предлагать зрителю и читателю множество самых неожиданных прочтений и трактовок произведений гения русской классической литературы. Один из старейших московских театров взялся за постановку сложнейшей пьесы А.П. Чехова **«Дядя Ваня».** Когда открывался занавес, то зрительный зал видел **«нечто»,** что с трудом воспринимало сознание: «дядя Ваня» занимался онанизмом. Затем главная героиня оказывается в лесбийских отношениях с другой героиней. В другом старейшем театре постановка прославилась иными находками... раздвинутыми ногами – таков Чехов в современном изображении.

Именно так проявляет себя реставрация капитализма в сфере культуры – «второй природы» человека и общества. На наших глазах исчезает русский психологический театр – великая духовная ценность нации, столетиями возвышавшей и утверждавшей человеческое в человеке. Под ударами рыночных «реформ», либеральной идеологии чиновников разного уровня, воинствующего невежества антисоветчиков подрываются сами основы национального театра, закладывавшиеся три столетия и доведенные до совершенства К. Станиславским и В. Немировичем-Данченко. Живой человек исчез со сцены, он заменен псевдохудожественными символами, фирменным знаком стали визуальные средства, лишенные глубокого художественного и нравственно-психологического смысла. Главное – поразить воображение зрителей спецэффектами, цветными фейерверками, развлекательными шоу. Либеральные **«теоретики-критики»** этому разрушительному процессу придумали «научное» обоснование: дескать, вербальный театр себя изжил – да здравствуют инсталляции и перформансы. Ведь так давно живет весь западный театр.

И, конечно, обвинения, проклятья в адрес Советской власти, которая не давала развиваться театру, да и всей культуре в соответствующем направлении. Театральный менеджер и критик П. Руднев утверждает: **«Сегодня, как никогда, мы видим, как пострадала**

российская культура от советской цензуры, системы запретов и культурной изоляции эпохи коммунизма. Сегодня мы видим, как патриархальный театр все еще борется против современной культуры, вооружившись системой табу, которые давно уже преодолены в кино или на рынке живописи. Театр в России часто напоминает музей или хранилище вечных (в кавычках) ценностей, которые надо охранять от засилья современност*и»*[81].

Что же **«потерял»,** от чего **«отстал»** советский театр, по мнению либерального менеджера? Какие ценности прошли мимо советского театрального искусства? **«Из-за культурной изоляции и цензуры,** – резюмирует либерал, – **русский театр не смог пройти через очень важный этап в развитии европейской сцены –** *через театр абсурда* **1960–1970 годов. <.> Русский театр не прошел этого необходимого этапа театральной деконструкции. И поэтому до сих пор в России доминирует театр чеховско-мхатовского типа, русский психологический театр»** (выделено мной – **В. С.).** Менеджера явно не устраивает, что «они» – либералы-контрреволюционеры строят «новое общество», а оно – нынешнее – в своем **«большинстве назовет в качестве идеала советские феномены искусства, полные достоинства, гармонии, имперского величия и самодовольства».** За этой злой иронией кроется признание того, что общество не сдает свои советские и традиционно русские ценности, либеральный **«театр абсурда»** и в узком, и в широком смысле слова очень плохо приживается на российской почве. Если политическую власть контрреволюционеры сумели захватить, если экономику «приватизировали», то культура остается той высотой, штурмуя которую, реставраторы не могут взять.

Из всего сказанного вытекает, на наш взгляд, краткий, но весьма емкий вывод:

а) капитализм как система жизнеустройства исчерпал себя экономически, политически и культурно, он должен освободить место следующей ступени социального прогресса человечества – социализму – таков властный ценностно-смысловой императив истории;

б) насильственное навязывание капитализма народам планеты обрекает их на варваризацию, одичание и даже гибель;

в) контрреволюционная реставрация капитализма в России в любой форме – «дикой», «просвещенной» – это тупиковый путь развития страны, дорога в никуда;

г) оптимистическая, гуманистическая альтернатива капитализму – новый общественный строй, имя которому – **КОММУНИЗМ.**

Иного человечеству не дано.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 8. - С. 6.

[2] Там же. - С. 81.

[3] Энгельс Ф. Письмо К. Марксу, 11 декабря 1851 г // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 27. - С. 347.

[4] Ленин В. И. Речь на митинге красноармейцев на Ходынке 2 августа 1918 г. Полн. собр. соч. - Т. 37. - С. 30.

[5] Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства. Полн. собр. соч. - Т. 36. - С. 383.

[6] Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 7. - С. 7.

[7] Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 1. - С. 598.

[8] Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. Полн. собр. соч. - Т. 27. - С. 62.

[9] К 80-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. Тезисы Центрального Совета Общества «Российские ученые социалистической ориентации». Ответ фальсификаторам Октябрьской революции. Под ред. Р.И. Косолапова и др. - М., 1997. - С. 92.

[10] Ленин В. И. Доклад (Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г.). Полн. собр. соч. - Т. 37. - С. 122–123 и др.

[11] Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 4. - С. 423.

[12] См.: «Совершено секретно»: Лубянка – Сталину. О положении в стране (1922-1934 гг.). Том I, часть 1. - М., 2001. - С. 91-93.

[13] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Крушение «блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. Том 3, книга 1. - М., 2003. - С. V.

[14] Там же. - С. 10-11, 13.

[15] Там же. - С. 32.

[16] Там же. - С. 32, 35.

[17] Там же. - С. 279.

[18] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. Том 3, книга 2. - М., 2003. - С. 19-20.

[19] Там же. - С. 151-152, 156.

[20] Там же. - С. 321, 325.

[21] Там же. - С. 543-544.

[22] Ленин В. И. Доклад (Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г.). Полн. собр. соч. - Т. 37. - С. 122.

[23] См.: Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. - М., 1989. - С. 370-371.

[24] Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Ardis, Ann Arbos. 1988. - С. IV-V.

[25] Там же. - С. 13-14, 17, 23, 40, 62-63, 75.

[26] Там же. - С. 221.

[27] Зиновьев А. А. Гомо советикус. Пара беллум. - М., 1991. - С. 27.

[28] Там же. - С. 29.

[29] Там же. - С. 31, 158, 207-208, 210-211.

[30] Зиновьев А. А. Искушение. Роман. - М., 1994. - С. 467, 470.

[31] Кара-Мурза С. Г. Антисоветский проект. - М., 2002. - С. 10-11.

[32] См.: Колтон Тимоти. Горбачев и политика обновления системы // В кн. «Россия Горбачева и американская внешняя политика». - М., 1989. - С. 186-187, 213.

[33] Там же. - С. 182, 188.

[34] Бялер С. Программа преобразований: истоки, значение, перспективы // В кн. «Россия Горбачева и американская внешняя политика». Выпуск второй. - М., 1989. - С. 325.

[35] Еремин А.М. В дебрях реставрации капитализма: от «перестройки» к деградации экономики // Журнал «ИЗМ», 1997, № 2(13). - С. 57.

[36] Трушков В. В. Товарная демократия в российском исполнении // Журнал «Диалог», 1997, № 1. - С. 9.

[37] Яковлев А. Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. - М., 1992. - С. 6-7.

[38] См.: Новейшие политические партии и течения в СССР (документы и материалы). Изд. Института теории и истории социализма при ЦК КПСС. - М., 1991. - С. 12, 19, 23.

[39] Там же. - С. 420.

[40] Там же. - С. 333.

[41] Там же. - С. 402-403.

[42] Там же. - С. 484.

[43] Там же. - С. 495, 499.

[44] Лукс Леонид. Русские интеллектуалы с Востока и Запада ведут дискуссию о «перестройке» // В кн. «Советская культура в эпоху перестройки. Сборник материалов буржуазной печати». - М., 1989. - С. 36.

[45] Там же. - С. 27.

[46] Яковлев А. Н. Реализм – земля перестройки. Избранные выступления и статьи. - М., 1990. - С. 272.

[47] Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальность. - М., 1991. - С. 90.

[48] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. - М., 1993. - С. 131.

[49] Ленин В. И. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК, 23 декабря 1921 г. ПСС. - Т. 44. - С. 311.
[50] Там же.
[51] Ленин В. И. О кооперации. Полн. собр. соч. - Т. 45. - С. 376.
[52] Яковлев А. Н. Реализм – земля перестройки. Избранные выступления и статьи. - М., 1990. - С. 338.
[53] См.: Горбачев М. С. Наедине с собой. - М., 2012. - С. 339. (Издание осуществлено при финансовой поддержке банка ВТБ24 и персон – Абелева А. Б., Венедиктова А. А., Дымарского В. Н., Зверева С. А., Муратова Д. А. – яростных антисоветчиков).
[54] Ленин В. И. О кооперации. Полн. собр. соч. - Т. 45. - С. 376-377.
[55] См.: Маленькие тайны великого времени // Газета «Аргументы и факты». 2000, № 8. - С. 3.
[56] См.: Семенов В. С. Противоречия процесса становления социализма // В кн. «Социализм: теория, практика, уроки». М., 1990. - С. 52-53; его же: Уроки XX века и путь в XXI век (Социально-философский анализ и прогноз). - М., 2000. - С. 139.
[57] См.: Иного не дано. - М., 1988. - С. 46, 94-95, 368, 411, 491, 547.
[58] Иного не дано. - М., 1988. - С. 48, 176-177, 211, 496-497, 519, 552553, 627.
[59] Гинзбург В. Л. Я сыт по горло коммунистическим «гуманизмом» // «Литературная газета», 2001, № 22, 30 мая – 5 июня.
[60] Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 17. - С. 360-361.
[61] См.: Абалкин Л. И., Бунич П. Г., Лацис О. Р., Тихонов В. А., Богомолов О. Т., Петраков Н. Я., Лукинов И. И., Аганбегян А. Г., Попов Г. Х., Шмелев Н. П. и др. Этот трудный путь. Экономическая реформа. М., «Мысль», 1989.
[62] Этот трудный путь. Экономическая реформа. - М., «Мысль», 1989. - С. 180-182.
[63] Ленин В. И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) на XI съезде партии. Полн. собр. соч. - Т. 45. - С. 91.
[64] Российский статистический сборник. 2010. - М., Росстат. - С. 401402, 414-415, 426.
[65] Кашин В. И., академик РАН. В болоте стагнации // Газета «Правда», 15-18 ноября 2013. - С. 2.
[66] Семенов Ю. И. Философия истории. - М., 2003. - С. 568, 574-575.
[67] Яковенко Олег. Изгои // Газета «Правда», 22-25 ноября 2013, № 129 (30047). - С. 3.
[68] Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. - М., 2013. - С. 148.
[69] Данные приведены по: Лемешев М., доктор экономических наук. Кто вору лестницу подставляет? // «Советская Россия», 27 февраля 2014 , « 22 (13970), приложение «Отечественные записки». - С. 5.
[70] См.: Цапурина Н. Е. Меня трясет от ненависти // «Советская Россия», 8 августа 2013 года, № 87 (13886). - С. 2.
[71] См.: Семенов Ю. И. Философия истории. - М., 2003. - С. 521-522. Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. - С. 29.
[72] Соловей В.Д. Кровь и почва русско истории. – М., 2008. – С. 29.
[73] Шендрик А. И. Думские и президентские выборы в России 2003-2004 годов: политические заметки относительно оценок официальных и неофициальных // Выборы в России: левый взгляд. - М., 2004. - С. 53-55.
[74] Собчак К. Я люблю Петра Авена // Журнал «Тайег». Март 2009, № 3. - С. 73.
[75] См.: Родионов Игорь. Звезды, пронесенные сквозь ад // Газета «Завтра», февраль 2010, № 7 (848). - С. 4.
[76] Кублановский Юрий. Десятый // Журнал «Новый мир», 2013, № 3. - С. 142.
[77] Райнов Б. Массовая культура. - М., 1979. - С. 107.
[78] Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Избранные труды. - М., 1997. - С. 8-110, 161-162.
[79] Семенов Ю. И. Философия истории. - М., 2003. - С. 524.
[80] Кристол И. В конце II тысячелетия. Размышления о западной цивилизации. - М., 1996. - С. 70-71.
[81] Руднев П. Новая пьеса в России // Журнал «Знамя», 2013, № 4. - С. 19.

Комментарий представителей “Коммунистики Эпитеориси” КПГ в Редколлегии МКО к статье «Борьба коммунистов с империализмом как источником войн», представленной РКРП

В начале статьи показана связь капитализма с войной, однако вскоре статья разворачивается вокруг представления РКРП о «фашизме на экспорт». «Фашистскими» называются некоторые из сильнейших империалистических держав (США и ЕС). Далее статья пытается ответить на серьезные возражения, возникшие в связи с этим анализом. Однако с нашей точки зрения остаются важные нюансы этого представления, с которыми мы не сможем согласиться.

2. Прежде всего, мы считаем, что разделение государств международной империалистической системы на профашистские – воинствующие и другие, скрывает причину рождения и укрепления фашистского течения, расположенной в самом монополистическом капитализме и внутри каждой страны.

3. Следовательно, мы не можем согласиться с мнением разделяющим (Не так! Разделяет неравномерность развития капиталистических стран, что отмечено В.И. Лениным в работе "Империализм как высшая стадия капитализма". Товарищи КПГ фактически отвергают оценку Ленина, что кучка стран грабит весь остальной мир, и уводят внимание на капитализм вообще, мол он сегодня весь живет в условиях империализма. Так уводится внимание на источник фашизма – наиболее реакционные элементы финансового капитала в самых сильных странах…)[1] империалистические державы на “плохие” (“фашистские”, “неофашистские”) и на “хорошие”, и с призывами сформировать внеклассовые “антифашистские фронты”, то есть союзы, не основанные на классовых критериях со всеми “прогрессивными и честными людьми”. Это представление разоружает коммунистическое движение и рабочий класс, ведет его к отказу от его исторической миссии и к формированию линии т.н. “оздоровления” империализма от “фашистских” сил. Хотя в некоторых местах говориться о борьбе с оппортунизмом и о необходимости признания диктатуры пролетариата, коммунистическое движение призывается к сотрудничеству с другими силами, буржуазными в том числе, не имеющими отношение с делом социализма. На деле, во имя борьбы с фашизмом открывается путь к сотрудничеству с оппортунизмом, с социал-демократией, с частями буржуазии. Предлагается выбрать среди империалистов. То есть, в региональном или общем военном столкновении, коммунистическое движение окажется на стороне некоторых империалистических сил, под предлогом того, что другие являются “фашистскими”. (Предлагается руками одних буржуев бить других – фашистских элементов и государств. Так поступал СССР и тов. Сталин. А товарищи КПГ фактически предлагают изолироваться и проиграть)[2].

4. В статье используется термин "мировой империализм". Однако когда этот термин используется без ссылки на неравномерности развития, конкуренции между различными империалистическими союзами и центрами, тогда сводится к ультраимпериализму. С нашей точки зрения можно говорить о мировой империалистической системе, в которой каждая капиталистическая страна участвует в соответствии с мощью своей буржуазии. В мировой империалистической системе имеет место жесткая конкуренция и сотрудничество буржуазии разных стран. Напротив, понятие “мировой империализм” не только перечеркивает эту сложную действительность, но и путает. Позиция утверждающая, что «мировой империализм, стал действовать более разнузданно, агрессивно, не оглядываясь на нормы международного права», косвенно пропускает, что некоторые другие капиталистические страны, (например, страны БРИКС), соблюдающие международное право, и поэтому, не принадлежат к “ядру финансового капитала”. С нашей точки зрения такое утверждение является отрывом экономики от политики, поскольку сегодня во всех капиталистических странах господствует финансовый капитал, являющийся слиянием промышленного и банковского капитала. Господствуют монополии – основной признак монополистического капитализма, то есть империализма. (Мол, все империалисты = Греция, Албания, Сирия, … США, Германия, Израиль)[3].

5. Статья также содержит кое-какие противоречия. Так, например, некоторые империалистические державы называются “фашистскими” и источником фашизма на экспорт, поскольку они нарушают международное право. В статье есть формулировка: «***фашизм на экспорт – это неприкрытая, игнорирующая законы и нормы международного права террористическая империалистическая политика насилия и кровавого решения вопросов обеспечения интересов мирового империализма, ядром которого выступает финансовый капитал***». В то же время, в другом месте статьи говорится о том, что «*войны для стран и народов могут быть справедливыми, и вопросы буржуазного права здесь ни при чем*». Однако международное право также является частью буржуазного права. Пока существовал СССР и другие социалистические страны оно формировалось в результате баланса сил между силами капитализма и социа-

[1] В скобках даются возражения автора обсуждаемой статьи по ходу критических комментариев греческих товарищей.

[2] То же.

[3] То же.

лизма, который и тогда был отрицательным и имели место империалистические преступления. После свержения социализма международное право определяется исключительно балансом сил между капиталистическими государствами, оно становится более реакционным и используется ими по усмотрению, в рамках их конкуренции во вред народам.

6. Статья содержит также некоторые другие противоречивые точки зрения по вопросу раздела внутренней от внешней политики буржуазных государств, а также причин порождения фашистского явления.

И хотя статья старается опираться на определение фашизма, данное Коминтерном в 1935 году, мы считаем, что вышеназванные подходы, к которым мы обратили внимание, не исходят из этого определения. Кроме того, следует напомнить, что до этого определения фашизма, Коминтерн в Программе 1928 года дал другое определение, в котором отмечалось «при определенных специфических исторических условиях, буржуазное, империалистическое, реакционное наступление принимает форму фашизма», а признаки фашизма подробно представлены в Резолюции о Международном положении на VI Конгрессе Коминтерна в 1928 году.

Однако статья игнорирует эти позиции и берет за основу определение, данное в других исторических условиях, в период, когда империалистические державы планировали ликвидацию единственного социалистического государства в мире, а СССР стремился повлечь раскол в империалистическом лагере и воспользоваться его противоречиями (Определение берется того времени, когда фашизм достиг такого состояния, когда в полной мере раскрылись все присущие ему качества)[1]. Итак, данное определение берется в отрыве от исторических условий, которые его «породили» и переводится механически и антинаучно в современные условия. Мы не можем согласиться с подобным подходом.

7. Наконец, мы считаем, что кризис коммунистического движения: идейный, политический и организационный в условиях окрепшего оппортунизма невозможно преодолеть, вешая ярлыки. Необходимо серьезное, обоснованное идейно-политическое противоборство, что налагает на нас обязанности за развитие революционной стратегии, позиций и аргументации наших партий, также наших разработок. Иначе борьба с оппортунизмом не будет убедительной и результативной.

Добрый ответ нашим друзьям-комментаторам статьи В.А. Тюлькина "Борьба коммунистов с империализмом как источником войн"

В.А. Тюлькин, М.В. Попов, И.Л. Ферберов [2]

Речь идет о комментариях, сделанных от имени Коммунистической партии Греции к статье «**Борьба коммунистов с империализмом как источником войн»,** опубликованной в № 5 журнала «Международный коммунистический обзор», а так же в данном номере журнала «Марксизм и современность» [3].

Следует заметить, что на вопросы, сомнения и возражения товарищей мы уже давали развернутые обоснования как на заседаниях редколлегии, так и в самой статье, в чем внимательный читатель может легко убедиться. Товарищи вроде бы не находили больше возражений, но вот после публикации непонимание проявилось вновь – и снова по целому ряду пройденных вопросов. Из этого мы делаем вывод, что товарищи не вполне разобрались с **общими вопросами** ленинской теории империализма, а потому далее спотыкаются на вопросах частного характера.

Из таких неправильных истолкований общих вопросов в развернувшейся дискуссии мы выделим два:

- первый: урезанное, неполное понимание и применение ленинской теории империализма;

- второй: недиалектическое понимание и отношение к определению фашизма как выражению **сохраняющегося в изменениях** качества этого явления.

По первому вопросу, прежде всего, считаем необходимым напомнить, что В.И. Ленин в предисловии к работе "Империализм, как высшая стадия капитализма" призывал нас разобраться в экономической сущности империализма: «*Я бы хотел надеяться, что моя брошюра поможет разобраться в основном экономическом вопросе, без изучения которого* ***нельзя ничего понять*** *в оценке современной войны и современной политики, именно: в вопросе об экономической сущности империализма».* Ядро ленинской теории империализма составляет положение о том, что кучка ведущих империалистических держав мира и борющихся за его передел, при империализме грабит все остальные буржуазные страны. Ленин убедительно показывал, как образуется *«солидная основа империалистского угнетения и эксплуатации большинства наций и стран мира, капиталистического паразитизма* ***горстки богатейших государств!»*** (там же, раздел IV). Сегодня сущность империализма не изменилась. Ныне эта ***кучка*** возглавляется Соединенными Штатами Америки, и в нее входят немногие страны Евросоюза – Великобритания, Германия и Франция. Все остальные буржуазные страны являются объектами давления и грабежа. К сожалению, наши дорогие друзья это важнейшее положение ленинской теории империализма о неравномерности развития капиталистических стран и эксплуатации сильнейшими хищниками остального мира неправильно применяют, возможно, и не вполне понимают, поэтому и их комментарий данной статьи, и критика в других работах зачастую носят теоретически ошибочный характер

По второму вопросу заметим, что товарищи выражают несогласие с использованием РКРП определения фашизма, данным Коминтерном в 1935 году. При этом **они своего определения не дают**, а только упоминают, что у Коминтерна, мол, были и более ранние определе-

---

[1] То же.

[2] В.А. Тюлькин, М.В. Попов, И.Л. Ферберов – члены редколлегии журнала «Международный коммунистический обзор» от журнала ЦК РКРП «Советский Союз».

[2] См. «Марксизм и современность». - 2014-2015. - №53-54 . -С. 30-34.

ния, с перечислением различных признаков фашизма, а это последнее дано уже «*в других исторических условиях, в период, когда империалистические державы планировали ликвидацию единственного социалистического государства в мире, а СССР стремился повлечь раскол в империалистическом лагере и воспользоваться его противоречиями»*. Здесь товарищи отходят от марксистской методологии, противопоставляя более развитому определению, данному в период наивысшего развития определяемого явления (фашизма), более ранние и соответственно менее зрелые формулировки, которые не выражали сохраняющееся в изменениях качество, а лишь приближались к его раскрытию и ограничивались перечислениями ряда сопутствующих признаков (и игнорирует важнейший методологический подход к изучаемому явлению конкретно исторический.

Но это в общем. Научная добросовестность требует, однако, разобрать конкретные комментарии по существу, ответить на каждый аргумент. Соответствующие абзацы комментария греческих товарищей мы взяли в кавычки, пронумеровали, выделили курсивом и отвечать будем по порядку.

1. Товарищи начинают: «*В начале статьи РКРП показана связь капитализма с войной, однако вскоре статья разворачивается вокруг представления РКРП о «фашизме на экспорт». «Фашистскими» называются некоторые из сильнейших империалистических держав (США и ЕС). Далее статья пытается ответить на серьезные возражения, возникшие в связи с этим анализом. Однако с нашей точки зрения остаются важные нюансы этого представления, с которыми мы не сможем согласиться».*

Неверно. **Ни одна** страна в статье не называется *фашистской*, а речь идет об анализе современного империализма. При этом показано, что США и ведущие страны Евросоюза, сохраняя в своих странах буржуазную демократию, по отношению к ряду других стран пытаются осуществлять **открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических элементов своего финансового капитала.** После разгрома Югославии, уничтожения Иракского и Ливийского государств только слепой может не видеть, что эти действия подпадают под то определение фашизма, которое дал VII Конгресс Коминтерна. А поскольку внутри этих стран открытого фашизма нет, это явление адекватно характеризовать как *фашизм на экспорт*. И только в Сирии, России и на Юго-Востоке Украины эта политика *фашизма на экспорт* натолкнулась на серьезное сопротивление и противодействие. Комментаторы не понимают, или не хотят, или даже боятся это признать перед лицом той *угрозы фашизма на экспорт,* который может обрушиться и на их страну. Так или иначе, но получается, что товарищи волей-неволей фактически как бы встают на защиту фашистской политики империалистических стран в Ливии, Сирии, Украине, говоря: это плохо, но это не фашизм.

2. Далее товарищи продолжают: «*Прежде всего, мы считаем, что разделение государств международной империалистической системы на профашистские – воинствующие и другие, скрывает причину рождения и укрепления фашистского течения, расположенной в самом монополистическом капитализме и внутри каждой страны».*

Но это не так. Разделяет буржуазные государства при империализме неравномерность развития капиталистических стран, что подчеркнуто В.И. Лениным в работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Товарищи из КПГ, как мы уже отметили, фактически отвергают фундаментальный теоретический вывод Ленина, что кучка крупнейших империалистических держав грабит весь остальной мир. Ильич еще для начала 20-го века отмечал: *«Мир разделился на горстку государств-ростовщиков и гигантское большинство государств-должников».* Сегодня это деление выражено еще более контрастно. А товарищи уводят внимание на капиталистический мир вообще – мол, он сегодня весь живет в условиях империализма, мол, внутри каждой страны есть монополии, порождающие фашизм. Мир действительно живет при империализме, но не надо замазывать, затушевывать или игнорировать принципиальную разницу между империалистическими грабителями и жертвами или объектами грабежа. Анализ соотношения сил сегодняшнего империализма точно так же, как и во времена Ленина, говорит об изощренном многоканальном грабеже большей части мира горсткой наиболее сильных империалистических держав. Наши уважаемые товарищи фактически игнорируют действительный источник фашизма – наиболее реакционные элементы финансового капитала в крупнейших империалистических державах.

3. Они даже увидели в статье опасность оппортунистической измены: «*Следовательно, мы не можем согласиться с мнением разделяющим империалистические державы на “плохие” (“фашистские”, “неофашистские”) и на “хорошие”, и с призывами сформировать внеклассовые “антифашистские фронты”, то есть союзы, не основанные на классовых критериях со всеми “прогрессивными и честными людьми”. Это представление разоружает коммунистическое движение и рабочий класс, ведет его к отказу от его исторической миссии и к формированию линии т.н. “оздоровления” империализма от “фашистских” сил. Хотя в некоторых местах говориться о борьбе с оппортунизмом и о необходимости признания диктатуры пролетариата, коммунистическое движение призывается к сотрудничеству с другими силами, буржуазными в том числе, не имеющими отношение с делом социализма. На деле, во имя борьбы с фашизмом открывается путь к сотрудничеству с оппортунизмом, с социал-демократией, с частями буржуазии. Предлагается выбрать среди империалистов. То есть, в региональном или общем военном столкновении, коммунистическое движение окажется на стороне некоторых империалистических сил, под предлогом того, что другие являются “фашистскими"*.

Здесь, с нашей точки зрения, наблюдается не просто ошибочное мнение, здесь проявляется непонимание исторически себя зарекомендовавшей стратегии борьбы Советского Союза с гитлеровским фашизмом. В нашей статье не говорится о *плохих* или *хороших* странах. Это обывательский, а не теоретический подход. Его, пытаются приписать нам, хотя им страдают сами наши критики. В статье идет речь о борьбе с фашизмом и о мобилизации на эту борьбу тех, **кто на нее способен,** в том числе хотя бы в целях защиты буржуазной демократии. Товарищи почему-то не желают использовать ленинский и сталинский опыт и прием, состоящий в том, чтобы в интересах мирового рабочего класса **руками одних буржуев бить других.** Или товарищи осуждают Советский Союз за то, что он в борьбе с фашизмом пошел на союз с такими крупнейшими империалистическими державами, как США и Великобритания? Так поступал СССР и тов. Сталин. А товарищи фактически

предлагают игнорировать этот исторический опыт вместе с игнорированием того определения фашизма, который дал Коминтерн. Или товарищи обвиняют Советский Союз в оппортунизме и сдаче позиций рабочего класса через победу над фашизмом?

4. Но вот товарищи, наконец, вспоминают про неравномерность развития капиталистических стран: *«В статье используется термин "мировой империализм". Однако когда этот термин используется без ссылки на неравномерности развития, конкуренции между различными империалистическими союзами и центрами, тогда сводится к ультраимпериализму. С нашей точки зрения можно говорить о мировой империалистической системе, в которой каждая капиталистическая страна участвует в соответствии с мощью своей буржуазии. В мировой империалистической системе имеет место жесткая конкуренция и сотрудничество буржуазии разных стран. Напротив, понятие "мировой империализм" не только перечеркивает эту сложную действительность, но и путает. Позиция утверждающая, что «мировой империализм стал действовать более разнузданно, агрессивно, не оглядываясь на нормы международного права», косвенно пропускает, что некоторые другие капиталистические страны, (например, страны БРИКС), соблюдающие международное право, и поэтому, не принадлежат к "ядру финансового капитала". С нашей точки зрения такое утверждение является отрывом экономики от политики, поскольку сегодня во всех капиталистических странах господствует финансовый капитал, являющийся слиянием промышленного и банковского капитала, господствуют монополии – основной признак монополистического капитализма, то есть империализма".*

Термин «мировой империализм» в статье используется в конкретной увязке с его противостоянием социалистическому лагерю, прежде всего в Восточной Европе во главе с СССР, и говорится именно о его ударном отряде в лице империализма США и НАТО, именно они стали действовать более разнуздано и агрессивно. Так что ничто в одну кучу «ультраимпериализма» никто не сваливает, и с пониманием расстановки сил в империалистической системе у нас все в порядке. А вот у товарищей получается, что все в мире, мол, империалисты – и Греция, и Албания, и Сирия, и... США, Германия, Израиль. Вот это как раз и означает непонимание разницы между теми, кого грабят, и теми, кто грабит. И непонимание того, что про страну с теоретической или исторической точки зрения можно говорить как про империю только если целый ряд других стран находится фактически в вассальной зависимости от нее. И то явление, которое раньше называлось колониализмом, теперь называется неоколониализмом. Неужели Ливия была империей? Неужели Сирию и Украину можно назвать империями? Да, в каждой стране господствуют монополии. Но в «империях» господствуют свои монополии, а во всех других странах преимущественно хозяйничают иностранные или транснациональные, базирующиеся в крупнейших империалистических державах. Да, ряд стран (как, например, Россия) подвергаются и грабежу со стороны более мощных империалистов, и в то же время сами пытаются с ними спорить и грабить менее мощных. Однако в целом процессы определяются тем, что одни страны вывозят капитал, а другие страны грабятся первыми с помощью вывоза капитала в эти страны. Хочется пожелать товарищам повнимательнее почитать и хорошенько обдумать фундаментальную работу В.И. Ленина «Империализм как высшая фаза капитализма». Пока наши товарищи не только точных определений не используют, но и фактически игнорируют действительное положение дел, поскольку им мешает это делать ошибочное понимание империализма.

5. Далее товарищи пытаются доказать то, с чем мы и не спорим: «*Статья также содержит кое-какие противоречия. Так, например, некоторые империалистические державы называются "фашистскими" и источником фашизма на экспорт, поскольку они нарушают международное право. В статье есть оценка о том, что «**фашизм на экспорт – это неприкрытая, игнорирующая законы и нормы международного права террористическая империалистическая политика насилия и кровавого решения вопросов обеспечения интересов мирового империализма, ядром которого выступает финансовый капитал**». В то же время, в другом месте статьи приводится оценка о том, что «войны для стран и народов могут быть справедливыми, и вопросы буржуазного права здесь ни при чем». Однако международное право также является частью буржуазного права. Пока существовал СССР и другие социалистические страны оно формировалось в результате баланса сил между силами капитализма и социализма, который и тогда был отрицательным и имели место империалистические преступления. После свержения социализма международное право определяется исключительно балансом сил между капиталистическими государствами, оно становится более реакционным и используется ими по усмотрению, в рамках их конкуренции во вред народам».*

Мы нисколько не сомневаемся в буржуазном характере международного права. Дело в ином – товарищи упорно не хотят видеть различия между войной вообще как вооруженной борьбой наций, классов или государств и войной с фашизмом, который является реакционным не только по сравнению с пролетарской, социалистической демократией, но и по сравнению с демократией буржуазной. Соответственно, они не учитывают и того, что вопрос о союзниках не может решаться без учета конкретного характера войны. Война на Юго-Востоке Украины идет, прежде всего, с американским и западным *фашизмом на экспорт* и его украинскими приспешниками. И не видеть сегодня этого – значит быть теоретически и политически разоруженными.

6. Ближе к концу товарищи подходят к очень важному моменту, о котором мы уже сказали в начале. Они несколько завуалировано, но, все же фактически признаются в своем несогласии с итоговым определением фашизма, данным Коминтерном: *«Статья содержит также некоторые другие противоречивые точки зрения по вопросу раздела внутренней от внешней политики буржуазных государств, а также причин порождения фашистского явления. И хотя статья старается опираться на определение фашизма, заданное Коминтерном в 1935 году, мы считаем, что вышеназванные подходы, к которым мы обратили внимание, <u>не исходят из этого определения. Кроме того, следует напомнить, что до этого определения фашизма, Коминтерн в Программе 1928 года дал другое определение</u>, в котором отмечалось «при определенных специфических исторических условиях, буржуазное, империалистическое, реакционное наступление принимает форму фашизма», а признаки фашизма подробно представлены в Резолюции о Ме-*

ждународном положении на 6-м съезде Коминтерна в 1928 году. Однако статья игнорирует эти позиции и берет за основу определение, данное в других исторических условиях, в период, когда империалистические державы планировали ликвидацию единственного социалистического государства в мире, а СССР стремился повлечь раскол в империалистическом лагере и воспользоваться его противоречиями».

Мы уже отметили, что товарищи отходят здесь от марксистской методологии, противопоставляя более развитому определению, данному в период наивысшего развития определяемого явления, более раннюю и соответственно менее зрелую формулировку. VII-й Конгресс Коминтерна учёл и обобщил всю проведенную ранее работу и по-марксистски, диалектически рассмотрел соответствующее явление в его конкретно-историческом развитии. Поэтому мы, руководствуясь научным подходом и методологией марксизма, настаиваем и доказываем правильность определения фашизма, данного VII-м Конгрессом Коминтерна: «***Фашизм – открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала, особая форма классового господства буржуазии*»**.

7. В заключении товарищи призывают делать то, с чего мы предлагали начать: с определений и научности подхода. Они пишут: *«Наконец, мы считаем, что кризис коммунистического движения: идейный, политический и организационный в условиях окрепшего оппортунизма невозможно преодолеть, вешая ярлыки. Необходимо серьезное, обоснованное идейно-политическое противоборство, что налагает на нас обязанности за развитие революционной стратегии, позиций и аргументации наших партий, а также наших разработок. Иначе борьба с оппортунизмом не будет убедительной и результативной».*

С этим последним тезисом вполне можно и нужно согласиться с уточнением – не отказываясь, разумеется, от точных определений и понятий для характеристики рассматриваемых явлений, не забывая, что **истина есть соответствие понятия объекту.**

Некоторые замечания по существу проблемы, обсуждаемой в данной дискуссии

Аммар Багдаш[1]

Внимательно ознакомился с данной полемикой товарищей и хочу отметить:

1. Ленин писал даже об империалистических нациях. То есть о том случае, когда большинство наций получает пользу от грабежа остальных наций и от экспансионистской политики своих империалистических правительств. А это кучка наций, как вы правильно отметили, и правильно перечислили. Я бы добавил ещё в этот список Израиль, где фашизм по отношению к соседним государствам налицо, хотя внутри соблюдаются атрибуты буржуазной демократии для "избранного богом народа".

2. Что во всех странах сформировался финансовый капитал – это не точный тезис. Он в основном применим только для стран капиталистического центра, а что касается стран периферии, то это верно в отношении Китая, России, Бразилии, ЮАР и Индии. Но эти страны с трудом можно отнести к периферии на данном этапе их развития. Что касается остальных капиталистических стран периферии, то там основной проимпериалистической силой является компрадорская буржуазия, то есть та часть местной буржуазии, интересы которой тесно переплетаются с интересами иностранных монополий и которая является младшим партнёром этих монополий в грабеже своих стран. Именно эта компрадорская буржуазия участвует в становлении профашистских, проимпериалистических режимов. Но, не опираясь на собственную силу, а на силу империалистических монополий, интересы которых она проводит и от которых она зависит.

3. Игнорирование межимпериалистических противоречий означает неумение построения правильной революционной стратегии. Ведь именно на использовании этих противоречий строились успехи международного революционного движения. Так победила Октябрьская революция, так была одержана победа во Второй мировой войне, после которой была построена мировая социалистическая система и разрушена мировая колониальная система.

4. *Что касается различий в определении фашизма между VI и VII Конгрессами Коминтерна*. Если не брать во внимание субъективные факторы, такие как роль Бухарина в VI Конгрессе, ясно, что во время VI Конгресса фашизм не охватывал развитые империалистические страны. Он был в Италии – промышленно-аграрной стране среднего развития, и в Португалии, тогда вообще аграрной стране. Другое дело VII Конгресс, когда фашизм пришёл к власти в стране с очень большой концентрацией капитала, где полностью властвовал финансовый монополистический капитал. Это дало возможность Коминтерну дать чёткую формулировку фашизма как террористической диктатуре империалистических монополий. Это основа, а всё остальное производное. Поэтому дело было не в тактических соображениях советской внешней политики (хотя это сам по себе важный фактор революционной борьбы), а в определении основного звена борьбы мирового революционного процесса.

5. *Это уже на полях.* Напомню, что 7 Конгресс поставил также задачу создания антиколониальных фронтов в колониях и зависимых странах, исходя из ленинского определения национально-освободительных движений как важного фактора антиимпериалистической борьбы.

Вот эти пункты я бы хотел отметить по поводу этой очень важной не только теоретической, но и практической дискуссии.

С коммунистическим приветом!

---

[1] -- генеральный секретарь Сирийской Коммунистической партии

Проблемы истории свободомыслия в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса

З.А. Тажуризина

Эти проблемы тесно связаны с взглядами Маркса и Энгельса на религию, причины ее возникновения и воспроизводства, ее роль в обществе и способы ее преодоления. Коротко: религия – это отражение «превратного» общества, лишающего человека действительного счастья. В то же время религия – оправдание превратного мира, «дух бездушных порядков». Религия может исчезнуть лишь в том случае, если будет преобразовано общество, в котором отношения людей между собой и природой станут «прозрачными и разумными» и установятся социальное равенство и справедливость. Таким образом, критика религии утрачивает самодовлеющий характер, критика неба превращается в критику земли. Маркс в раннем сочинении «К еврейскому вопросу» писал о том, что граждане государства только тогда покончат со своей **религиозной** ограниченностью, когда уничтожат мирские путы. Религия – не причина, а следствие социального гнета. Маркс и Энгельс выступали против бланкистов, анархистов и Дюринга, предлагавших «отменить бога декретом» и, устранив религию административными, насильственными мерами, превратить людей в атеистов по приказу свыше, – это бессмысленно.

Вместе с тем, Маркс и Энгельс полагали, что критикой религии пренебрегать не стоит, – она должна помочь рабочему классу осознать необходимость уничтожения несправедливых порядков. «Упразднение религии как иллюзорного счастья народа есть требование его действительного счастья», **«требование** отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях»[1]. Через много лет, в 1886 г., Энгельс напишет: «...было выдвинуто мировоззрение, отвечающее условиям жизни и борьбы пролетариата: отсутствию собственности у рабочих могло соответствовать только отсутствие иллюзий в их головах»[2]. Это мировоззрение, которое, по словам Энгельса, «совершает теперь свое победное шествие по всему миру», он называл «пролетарским».

Критический анализ религии, таким образом, увязывался с задачей освобождения общества от социального и духовного гнета, и, естественно, свобода связывалась со свободомыслием.

Понятно, что в своей критике религии Маркс и Энгельс должны были опираться на издавна существовавшие культурные традиции, прежде всего, ***традиции свободомыслия***. При этом свободомыслие связывалось с развитием ***материалистических идей.*** Это обнаружилось уже в докторской диссертации молодого Маркса (1841) «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура»[3], хотя он в это время еще оставался гегельянцем. Здесь Маркс выявил диалектичность мысли Эпикура о самопроизвольном отклонении атомов, видя в ней основу для учения о свободе. В предисловии к диссертации он открыто примкнул к атеистической традиции. «Философия, пока в её покоряющем весь мир, абсолютно свободном сердце бьется хоть одна еще капля крови, всегда будет заявлять – вместе с Эпикуром – своим противникам: «Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах». Философия этого не скрывает. Признание Прометея: «По правде всех богов я ненавижу», есть ее собственное признание, её собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов»[4].

Далее, история свободомыслия рассматривается нашими философами в её связи с развитием ***естественнонаучных знаний***: каждое крупное естественнонаучное открытие, по Энгельсу, производило переворот в существующем миропонимании.

Важно, что вольнодумные учения, в том числе материализм и атеизм, Маркс и Энгельс рассматривают как выражение ***общественной потребности главным образом прогрессивных классов*** в обосновании недовольства существующими порядками и притязаний на уничтожение этих порядков.

Кроме того, свободомыслие рассматривается ***не как застывшая однозначная*** доктрина, а как великое разнообразие учений и идей, развивающихся в процессе борьбы против религиозных иллюзий за постижение мира и человека в их реальности. Заметим также, что Маркс и Энгельс выдвинули требование ***диалектического, исторического подхода*** к любым явлениям культуры, что выразилось, например, в различении ими объективного ***содержания*** тех или иных учений и ***формы*** их выражения (социальное содержание в религиозной форме, о чем ниже). Маркс и Энгельс также обращали внимание на необходимость в некоторых случаях различать ***объективное содержание*** учения и ***политические позиции*** мыслителя, которые не всегда совпадают. Это анализируется Энгельсом в письме Конраду Шмидту (27.X.1890): создатели английского материализма XVII в. и французского материализма XVIII в., пишет он, субъективно воспринимали свое учение как аристократическое. Так, «Гоббс был первым современным материалистом (в духе XVIII в.)», будучи при этом сторонником абсолютизма. На деле он и французские материалисты были «настоящими философами буржуазии»[5].

---

[1] Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т. 1. - С. 415.

[2] Энгельс Ф. Юридический социализм / Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т. 21. - С. 498.

[3] Обратим внимание на название (и содержание) диссертации: в – последние десятилетия не раз пытались доказать, что Маркс не имел к философии никакого отношения, а был «просто политэконом».

[4] Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура / Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. - М., 1956. - С. 24.

[5] Энгельс Ф. Конраду Шмидту. Лондон – Берлин. 27 октября 1890 г. / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 37. – С. 419-420.

Но что значило для классиков марксизма свободомыслие в отношении религии? Слово «свободомыслие» употребляется ими не часто, но, судя по всему, **с *понятием свободомыслия*** связывали различные формы оппозиции религии: материализм, атеизм, скептицизм, деизм, пантеизм, ереси, религиозный индифферентизм. ... Соответственно, в работах Маркса и Энгельса фигурируют имена вольнодумцев, – такие, как Демокрит, Эпикур, Лукреций, Лукиан, У. Оккам. Мюнцер, Бёме, Бруно, Ванини, Коперник, Бейль, Гоббс, Гассенди, Гете, Фейербах и многие другие, а также различные оппозиционные господствующей идеологии направления философской и общественно-политической мысли, социальные движения, например средневековые ереси, гуманизм эпохи Возрождения, французский материализм, движение чартистов, Парижская Коммуна, коммунистическое учение в его утопическом варианте и др.

Энгельс иногда употреблял термины «свободомыслие», «материализм», «неверие» как близкие по смыслу понятия, а то и как синонимы. Так, он пишет о распространении во Франции и соседних с нею странах «материализма и вообще свободомыслия», которые противостоят разнообразным верованиям английского среднего класса. Далее он пишет о «торжестве британского респектабельного филистерства над ***свободомыслием*** континентального буржуа». Имея в виду последних, он пишет: «Со своим ***материализмом*** буржуа попали в беду»[1]. В другой работе, говоря о **«*нерелигиозной,*** исключительно политической форме французской революции», Энгельс отмечает: «Вместо протестантов в национальных собраниях заседали ***свободомыслящие.*** Это означало, что христианство вступило в последнюю стадию»[2]. Иными словами, в выделенные нами слова Энгельс вкладывает, если не тождественный, то очень сходный смысл.

Особый интерес для нас представляет идея ***противоречивого развития*** вольнодумных учений, что отразилось, в частности, в несоответствии объективного содержания и формы выражения этих учений в определенные исторические эпохи. Кроме того, Энгельс показал, что учения, в которых содержатся атеистические, материалистические тенденции, в определенном смысле связаны с формами религии, против которых они выступают. Так, античный атеизм не случайно возник на базе открытого материализма. Энгельс писал, что греческая философия, особенно эпикурейская школа, приводила к атеистическому материализму[3]. Это обстоятельство – ***открытый*** материализм – не в последнюю очередь связано с особенностью античной религии, которая была сравнительно слабым противником для философов.

Когда же распространились и укрепились мировые религии (христианство и ислам), – тогда изменяется форма выражения и до некоторой степени содержание учений, оппозиционных – в той или иной степени последовательности – религии. Они носят на себе следы религиозного миропонимания (например, учение Мюнцера). Энгельс обращает внимание и на то, что в эпоху духовной диктатуры церкви борьба против религиозного миропонимания не прекратилась. «Вопрос об отношении мышления к бытию, о том, что является первичным: дух или природа, – этот вопрос, игравший, впрочем, большую роль и в средневековой схоластике, вопреки церкви принял более острую форму: создан ли мир Богом или он существует от века?»[4]. Интересно, что еще в «Святом семействе» Маркс и Энгельс писали о Дунсе Скоте, который «спрашивал себя: не способна ли материя мыслить?», пытаясь апеллировать при этом к всемогуществу божьему, – тем самым, по их словам, Дунс Скот «заставлял самое теологию проповедовать материализм»[5].

Как видим, речь идет о специфике проявления свободомыслия в эту эпоху. Касаясь вопроса о психологии масс в Средние века, Энгельс пишет: «Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей: поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»[6]. Отмечу, что Энгельс, видимо, несколько преувеличил, говоря об ***исключительно*** религиозной пище[7]. Но словосочетания «религиозная одежда», «религиозная оболочка», употребляемые им, в полной мере выражают особенности идеологии «бурных движений» в средние века. Энгельс проявлял большой интерес к крестьянским восстаниям Средневековья. Возможно, требует конкретизации также мнение Энгельса о том, что «все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно «богословские ереси»[8]***.*** Богословы и по сей день любое учение, отклоняющееся от догматов христианства, рассматривают как ересь. Анализируя учение Мюнцера, Энгельс обращает внимание на то, что теология Мюнцера «выходила за пределы господствовавших в то время представлений» и что «религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму»[9]. Более того, Энгельс пишет о мистицизме, усматривая и в нем вид революционной оппозиции феодализму. Через две страницы Энгельс возвращается к вопросу о мистике, говоря, что мистические секты флагеллантов, лоллардов продолжали революционную традицию во времена реакции. Мюнцер, учение которого близко атеизму, многое заимствовал из мистики, пишет Энгельс. На первый взгляд, эти суждения парадоксальны: что может заимствовать революционная идеология из мистики?

Обратим внимание на анализ Энгельсом ересей. Он пишет о великой противоположности между ***бюргерской*** и ***крестьянско-плебейской*** оппозицией феодализму. Ересь оппозиционных городов направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала, требуя, пре-

---

[1] Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 22. - С. 318.

[2] Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 21. – С. 315-316.

[3] Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 19. – С. 308.

[4] Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 21. - С. 283.

[5] Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 2. – С. 142.

[6] Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 21. - С. 314.

[7] Более поздние исследования историков и культурологов показали, что среди народных масс в Средние века были распространены вольнодумные настроения, «вскормленные» их социальными притязаниями и стремлением опираться на реальный опыт политической борьбы.

[8] *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 7. - С. 360.

[9] Там же. - С. 371.

жде всего, дешевой церкви. Крестьянско-плебейская ересь шла дальше, требуя равенства в качестве нормы для светского мира, выступая по существу против христианской идеи равенства во грехе перед Богом. Особое внимание Энгельс обращал на направленность учения Мюнцера «против христианства вообще»[1], хотя в то же время называл его «теологическим».

Но каким образом происходит скачок от учений, протест которых против церкви, а то и против религии, скрыт под религиозной оболочкой? Как объяснить появление удивительной по своему идейному и художественному богатству вольнодумной культуры Возрождения, положившей начало скорейшему распространению секуляризации в Новое время?

Как всегда, многое помогает понять диалектико-материалистический подход, присущий классикам марксизма. В «Диалектике природы» речь идет об изменениях в сфере общественного производства, вызвавших разрушение безраздельной духовной власти церкви, о формировании нового класса – буржуазии, интересы которой пришли в противоречие с феодальным укладом жизни. А ей на первых порах требуется новая идеология, в основе которой лежит отказ от средневековых, догматизированных католической церковью представлений. Она выступает, как мы знаем, в двух формах – в религиозной, представленной протестантизмом, и в более радикальной – светской, культуре Возрождения. «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов…». И именно этим обстоятельством он объясняет появление как бы новой породы людей, продолжая: титанов «…по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености»[2]. И вновь мы сталкиваемся с диалектическим раскрытием исторического парадокса: Энгельс далее высказывает мысль о том, что те, кто основал современное господство буржуазии, «были всем, чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными». Он видит их в фигурах Леонардо да Винчи, Альбрехта Дюрера, Макиавелли и даже в Лютере, «вычистившем авгиевы конюшни» церкви и создавшем текст и мелодию хорала, который стал «Марсельезой XVI века». Это люди, отличающиеся «полнотой и силой характера, которые делают их цельными людьми», свободными от односторонности. Но именно такой тип людей мыслился Марксом и Энгельсом в коммунистическом будущем.

Заметим, что Энгельс видит причины перемен в сознании общества XV-XVI вв. не только в социально-экономических обстоятельствах и в частичной трансформации человеческой природы. Мы помним, как основательно и убедительно в работах по истории первоначального христианства Энгельс воссоздал картину его возникновения, исследовав и социально-политические обстоятельства, и психологию народных масс в Римской империи, и идейные истоки новой монотеистической религии. Идейные же истоки ранней буржуазной культуры, «жизнерадостного свободомыслия» Возрождения, он видит в арабской философии, которая, как известно, отличалась своим вольнодумством, и «в новооткрытой греческой философии». И это свободомыслие, говорит Энгельс, подготовило материализм XVIII века[3].

Он рассматривает еще одну важную сферу духовной деятельности, которой предстояло интенсивно участвовать в создании новой культуры, – исследование природы, в те времена «насквозь революционное», – ведь оно начало освобождаться от теологии благодаря «революционному акту», совершенному Коперником. Великий астроном, по словам Энгельса, хоть и на смертном одре, – «бросил вызов церковному авторитету», дал «отставку теологии». А сама «Диалектика природы» свидетельствует о превосходном знании ее автором истории естествознания. И это дает ему основание сделать вывод о том, что естествознание и философия в XVIII в. выработали плодотворную идею **развития природы**, сменившую представление об абсолютной неизменяемости последней. Высоко оценил Энгельс и роль «Всеобщей естественной истории и теории неба» И. Канта в развитии свободомыслия.

Для нас важна и оценка Энгельсом тогдашней философии, «величайшую заслугу» которой он видит в том, что она, «начиная со Спинозы и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего»[4].

В ряде других работ Энгельс раскрывает сложный, зигзагообразный процесс, в ходе которого «объяснение мира из него самого» происходило посредством преодоления религиозных наслоений в свободомыслии. Речь идет о **пантеизме и деизме** – формах мировоззрения, в которых вызревала материалистическая мысль. В определенных исторических условиях и пантеист, и деист могут представлять материализм и атеизм, – дело здесь в степени их последовательности. Энгельс пишет о наполнении идеалистических систем, пытающихся пантеистически примирить противоположность духа и материи, материалистическим содержанием[5]**.** Напомним, что Энгельс усмотрел даже в учении Мюнцера атеистические моменты («религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму»[6]), а именно в возвеличивании человеческого разума, в идее уподобления человека божеству, в проповеди установления царства Божия, т.е. царства справедливости, – **здесь, на земле.** «Его теолого-философские доктрины были направлены против всех основных догматов не только католицизма, но и христианства вообще. В христианской форме он проповедовал пантеизм… местами соприкасающийся даже с атеизмом»[7].

Процесс преодоления религиозных наслоений обнаруживается классиками марксизма и на примере учения Спинозы. Еще Маркс в письме к Лассалю писал, что действительное внутреннее строение системы Спинозы совершенно отлично от формы, в которой он ее сознательно представил (т.е. от теологической формы)[8].

Другой исторической формой материализма, не свободной от религиозных представлений, был деизм. Энгельс подчеркивает материалистическую сущность деиз-

[1] Там же. - С. 360-363.

[2] Энгельс Ф. Диалектика природы» / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 20. - С. 346.

[3] Энгельс Ф Диалектика природы / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 20. - С. 345.

[4] Энгельс Ф. Там же. - С. 350.

[5] Энгельс Ф. Людвиг Фейербах… / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 21. - С. 285.

[6] Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 7. - С. 371.

[7] Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 7. - С. 370.

[8] Маркс К. – Фердинанду Лассалю. 22 июля 1861 г. / Маркс К. и Энгельс Ф. – Соч. - Т. 30. - С. 499-500.

ма XVII-XVIII вв.: в письме К. Шмидту он пишет о французских материалистах как более последовательных продолжателях английских деистов[1], а во «Введении к английскому изданию "Развития социализма от утопии к науке"» говорит о расцвете материализма в Англии XVII в., о «новой, деистской форме материализма Гоббса и его последователей». Имея в виду деизм XVII в., Энгельс подмечает его антирелигиозную направленность: «Это новое безбожное учение объявило себя философией, единственно подходящей для ученых и светски образованных людей, в противовес религии, которая достаточно хороша для необразованных масс»[2]. Общеизвестно положение Маркса и Энгельса о деизме как удобном и легком способе отделаться от религии. И когда Энгельс пишет о революционном характере материализма XVII-XVIII вв., он имеет в виду не только открытый материализм, но и деизм: «Таким образом, в той или иной форме – как открытый материализм или как деизм – материализм стал мировоззрением всей образованной молодежи во Франции»[3].

В конце концов, деизм уступил место открытому материализму и атеизму. И Энгельс, и Маркс показали, как это происходило. В лице Дидро, Гольбаха, Гельвеция атеизм отбрасывает теологические одежды и приобретает воинствующий характер. Французская буржуазная революция, самая радикальная из всех предыдущих **антифеодальных** революций, уже не нуждалась в религиозных знаменах и первой сбросила теологические одежды. В лице Пьера Бейля, писали они, французский материализм «возвестил появление **атеистического общества,** которому вскоре суждено было начать существовать, посредством **доказательства** того, что **возможно** существование общества, состоящего из одних только атеистов, что атеист **может** быть почтенным человеком, что человека унижает не атеизм, а суеверие и идолопоклонство»[4]. Энгельс называл французскую материалистическую литературу высшим достижением французского духа, она «по содержанию еще и сейчас стоит бесконечно высоко, и по форме все еще остается недосягаемым образцом»[5].

Интересно, что Энгельс, вновь демонстрируя плодотворность диалектической методологии, рассматривал **атеизм как временное знамя** в руках буржуазии. Когда буржуазия утратила прогрессивный характер, когда ее интересы разошлись с интересами трудового народа и развернулась ожесточенная борьба между уже господствующей буржуазией и новым классом, пролетариатом, она поворачивается в сторону религии, – ведь «со своим материализмом буржуа попали в беду». И ей оставалось «отбросить втихомолку свое свободомыслие, подобно тому, как юноша, чувствуя, что его все более и более одолевает морская болезнь, незаметно бросает зажженную сигарету, которой он щеголял на борту корабля. Один за другим богохульники стали принимать внешне благочестивый облик, с почтением говорить о церкви, ее учениях и обрядах и стали даже их соблюдать сами, поскольку нельзя было их обойти. Со своим материализмом буржуа попали в беду...»[6]. Надо сказать, что в этих словах по существу заключено объяснение того, почему буржуазия перестает проповедовать вольнодумные идеи, как только утверждается во власти. Ведь и в нашем отечестве был период (в конце XIX - начале XX веков), когда буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция позволяла себе критиковать официальную церковь, выступать с позиций вольномыслия, правда не всегда последовательного. Тогда буржуазии не пришлось прийти к власти – она взяла ее в начале нашего XXI века, и ее представители ведут себя так же, как их западные предшественники.

В то же время Энгельс в письмах из Англии показал, как стремление к освобождению от религии начинает овладевать новым классом: английский пролетариат – и не только городской, но и сельский – утрачивает религию и позитивное отношение к церкви. Отчасти бессознательно, а отчасти сознательно некоторые слои пролетариата безразличны к религии, многие же рабочие открыто выступают против религии и церковной политики. Заслуга Энгельса заключается и в том, что он дал объективную картину изменений в сознании английского пролетариата под **воздействием** его классовой борьбы, раскрыл некоторые любопытные детали развития чартистского движения: стремление рабочих к овладению знаниями, их борьба за светское образование для детей, круг чтения чартистов, переводы сочинений французских материалистов на английский язык именно для самообразования рабочих, атмосфера рабочих собраний, лидеры и т.д.

Маркс еще в **1844 г.** писал, что «атеизм в качестве снятия бога означает становление теоретического гуманизма, а коммунизм, в качестве снятия частной собственности, означает требование действительно человеческой жизни как неотъемлемой собственности человека». И далее: атеизм и коммунизм «впервые представляют собой действительное становление, действительно для человека возникшее осуществление его сущности, осуществление его сущности как чего-то действительного»[7].

Примерно в тот же период Маркс писал, что критика религии сбросит с цепей украшавшие их **фальшивые** цветы и человечество протянет руку за живым цветком. Она освободит человека от иллюзий, и он станет вращаться не вокруг иллюзорного, а вокруг действительного солнца[8]. А в интервью корреспонденту газеты «Чикаго трибюн» (1878) Маркс скажет: «Религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм. Ее исчезновение должно произойти в результате общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию»[9].

Здесь не раскрыт еще целый ряд проблем, например критика Марксом и Энгельсом предшествующего и современного им материализма и атеизма, критика нигилистических форм неверия, отношение Маркса и Энгельса к Л. Фейербаху, Марксова оценка деятельности парижских коммунаров в отношении религии и церкви и т.д.

---

[1] Энгельс Ф. Конраду Шмидту. 27 октября 1890 /Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 37. - С. 419.

[2] Энгельс Ф. Введение к английскому изданию… / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 22. - С. 311.

[3] Энгельс Ф. – Там же. - Т. 22 – С. 311.

[4] Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 2. - С. 142.

[5] Энгельс Ф. Эмигрантская литература / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 18. - С. 513-514.

[6] Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 22. - С. 318.

[7] Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года //Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. - С. 637.

[8] Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 1. - С. 415.

[9] Маркс К. Интервью корреспондента американской газеты – «The Chicago Tribune" в первой половине декабря 1878 года / Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. - Т. 45. – С. 474.

Марксистское свободомыслие за рубежом в XX веке

З.А. Тажуризина

В истории зарубежного свободомыслия XX века значительное место занимал атеизм, опиравшийся на теоретическое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Уже в XIX в. у Маркса и Энгельса были последователи, наиболее известными из которых были Иосиф Дицген (1828-1888), Август Бебель (1840-1913), Франц Меринг (1846-1919), Поль Лафарг (1842-1912)[1]. Очевидно, что речь пойдет о тех марксистах, которые оставили след именно в критическом рассмотрении проблем религии, хотя в целом свободомыслящими по отношению к религии можно назвать *всех* последователей марксизма, независимо от того, чем они занимались – социологией, педагогикой, этикой, эстетикой, естествознанием, философией и проч.

Отметим, что у марксистского свободомыслия немало общих черт с либеральным (буржуазным) свободомыслием: приобщённость к традиции всемирной вольнодумной культуры, опора на разум, науку в осмыслении мира, антидогматизм, антиавторитаризм, критика религиозных учений и организаций, развитие традиций светского гуманизма, требование отделения церкви от государства, школы от церкви и др.

Специфика же его заключается в том, что это принципиально единое в мировоззренческом плане учение, в основе которого лежит последовательный философский материализм, использующий диалектику в качестве метода исследования любых явлений. Органичной стороной, гранью этого материализма является теоретический атеизм, исходящий из мысли о социальной обусловленности религии, что предполагает рассмотрение религии в ее эволюции, ее бесконечно многообразных связях и отношениях, будь то социальных слоёв или же различных сфер духовной и практической деятельности. И еще важное отличие от либерального свободомыслия – соединение критики религии с социалистическим учением, идеей реального преобразования антагонистического общества в общество социальной справедливости.

Одним из первых последователей Маркса и Энгельса был **Иосиф Дицген** (1828-1888), рабочий-кожевник. Он открыл материалистическую диалектику раньше, чем ознакомился с учениями Гегеля, Маркса и Энгельса, что засвидетельствовано самим Энгельсом. В 1868 г. Дицген опубликовал рецензию на 1-й том «Капитала», которую высоко оценил Маркс. Дицген разрабатывал проблемы материалистической философии, к религии относился как к препятствию на пути социального и культурного развития, резко противопоставлял социализм и религию («Социализм и христианство так же различны, как день и ночь»[2]), популяризировал атеистические идеи в целях приобщения к ним пролетариата.

Основатель германской социал-демократии **Август Бебель** (1840-1913) также пришел к просветительской деятельности из рядов рабочего класса. Его знание и критика религии более обоснованы, чем у Дицгена; ее разноплановому рассмотрению он посвятил ряд работ, в том числе переведенных на русский язык: «Христианство и социализм», «Женщина и социализм», где вопросам религии уделено немалое внимание. Анализ Бебелем происхождения и сущности христианства, основанный на глубоком изучении социальных и идейных предпосылок последнего, предваряет принципиальные положения Энгельса по вопросу о первоначальном христианстве, изложенные им в соответствующих статьях 80-х гг. XIX в. На многочисленных исторических и современных ему примерах Бебель обосновывал положения о тесном единстве интересов господствующих классов и религиозных организаций, о пагубной роли христианства в разрушении дохристианской культуры, о неспособности религии усовершенствовать нравственную жизнь общества. Бебель также показал бесперспективность попыток создания «христианского социализма», вслед за Дицгеном заявив: «Христианство и социализм противостоят друг другу, как огонь и вода»[3].

Поль Лафарг (1842-1911), один из основателей Рабочей партии во Франции, со студенческих лет выступал с атеистических и антиклерикальных позиций, сначала будучи под влиянием идей анархизма, позже, войдя в орбиту марксизма, разрабатывал проблемы марксистской философии, критически анализируя при этом различные виды идеалистической философии и религии, что отразилось в названиях его исследований: «Происхождение и эволюция понятия души». «Вера в бога», «Миф об Адаме и Еве», «Миф о Прометее» и др. В статье «Религия и капитал» он раскрыл механизм отражения природной и социальной жизни людей в религиозных представлениях и обрядах. Лафарг проследил также эволюцию мировоззрения европейской буржуазии от периода яростного отрицания религии до признания и использования последней в качестве оплота своего господства. Прекрасное знание истории и современного состояния религии давало возможность Лафаргу успешно полемизировать с клерикальными противниками марксизма и теологами – апологетами католицизма. Отметим, что с точки зрения последовательного марксизма у Лафарга были недостатки. Так, несмотря на верные суждения о том, что объяснить происхождение и сущность религии можно только проникнув в историю общественного бытия, Лафарг соотносил религиозные представления непосредственно с экономическим базисом, несколько сужая тем самым поле анализа многообразных факторов существования религии. Далее, он преувеличивал индифферентизм рабочего класса по отношению к религии благодаря будто бы постоянному общению рабочих с техникой. Такая позиция приводила к игнорированию атеистического воспитания пролетариата.

Всесторонне образованным марксистом был и **Франц Меринг** (1846-1919), исследовавший проблемы философии, литературоведения, истории, социологии и, конечно, религии. Издатель и комментатор сочинений Маркса и Энгельса, в условиях тогдашней борьбы с ре-

---

[1] См. *Кожурин Я.Я.* Вопросы атеизма в трудах соратников К. Маркса и Ф. Энгельса. – Л., 1977. Как видим, жизнь и творчество Бебеля, Лафарга и Меринга пришлись и на начало XX века.

[2] *Дицген И.* Религия социал-демократии // *Дицген И.* / Избр. филос. соч. – М., 1941. – С. 255. В 1908 г. на русском языке издали «Аквизит философии и письма о логике» Дицгена.; в 1913 – его же «Мелкие философские статьи»; в 1926 – «Против идеализма и поповщины».

[3] *Бебель А.* Христианство и социализм. // Деятели международного рабочего движения о религии и церкви. Под ред. Х.Н. Момджяна и М.М. Персица. – М. 1976. – С. 38. Здесь есть также статьи и фрагменты работ К. Либкнехта, Ж. Геда, А. Лабриолы.

визионизмом Меринг особое внимание уделял защите и развитию материалистического понимания истории, которое являлось основой его подхода к религии: корни религии – в материальных условиях жизни общества. Он глубоко исследовал процесс превращения христианства из общин бедняков в политическую организацию господствующих классов. Меринг показал также, что во взаимоотношениях христианских государств и их верующих решающим был не столько религиозный интерес, сколько политический. То же и при анализе классовой борьбы в разные времена: так, в средние века ереси были выражением протеста против феодализма.

Все вышеназванные последователи марксизма борьбу с религией соединяли с борьбой за социалистические преобразование общества. Церковь же представляли как союзницу капитализма, не отождествляя ее целиком с религией. Не гипертрофируя роли религии как препятствия на пути прогресса, они полагали, что религия сама будет исчезать по мере превращения классового общества в бесклассовое, следовательно, любые насильственные действия против нее лишены смысла.

В начале XX в. деятельность **марксистских свободомыслящих** как движения **рабочего класса** Европы приобрела организованные формы. В 1905 г. возник немецкий «Союз свободомыслия за кремацию» (Общество сторонников кремации), преобразованный в 1908 г в «Центральный союз пролетарских свободомыслящих». В 1918 г. появились организации пролетарских свободомыслящих Австрии, Чехословакии, Франции, Швеции, США, Швейцарии, Дании, Японии, Бельгии и др., объединившиеся на I Конгрессе в г. Тёплице (июль 1925 г.) в Интернационал Пролетарских Свободомыслящих (ИПС). Председателем исполкома ИПС стал австрийский социал-демократ Теодор Гартвиг. Был принят программный документ «Основные линии», куда включили пункт о том, что руководители ИПС должны полностью стоять на позициях марксизма, успехи же борьбы с религией должны быть обеспечены борьбой против капитализма. На II Конгрессе (декабрь 1925) в ИПС вступил Союз безбожников СССР. Гартвиг от имени пролетариев («мы, свободные мыслители-пролетарии…») сделал доклад о том, что рабочих надо привести «от темного классового инстинкта к ясному классовому сознанию», а для этого «разбить веру в авторитет», которая ведет к добровольному повиновению. Примечательно, что Гартвиг далее заявил о том, что, *примыкая к марксизму (*подч. мною – З.Т.), «свободные пролетарии» выступают против марксистской догматики и принимают лишь его метод, противопоставленный всякому догматизму.

ИПС не был однородной организацией, здесь шла борьба между правыми – социал-демократами и левыми – последовательными марксистами. В результате из ИПС под нажимом социал-демократического руководства исключили чехословацкую организацию и левое крыло Немецкого союза свободомыслящих. Но в 1930 г. на IV Конгрессе уже социал-демократов вынудили уйти из ИПС. Вряд ли это было целесообразно, ибо тем самым ослаблялись силы, противостоявшие фашизму. В Италии фашисты уже в 1925 г. разгромили Ассоциацию свободомыслящих «Джордано Бруно», арестовали и посадили в тюрьмы ее руководителей. В 1933 г. был запрещен Немецкий союз свободомыслящих со всеми его отделениями, а в 1944 г. фашисты казнили (отрубили голову) одного из его основателей Макса Сиверса.

В 1936 г. в Праге в связи с угрозой распространяющегося в Европе фашизма ИПС объединился с Брюссельским Союзом Свободомыслящих, образовав Всемирный Союз Свободомыслящих (ВСС). На заседании Исполкома ВСС были определены такие задачи, как пропаганда материалистической философии в целях освобождения сознания масс от религии, популяризация науки, разоблачение реакционной роли церкви, а также союза папства с империализмом и фашизмом. Интересно, что на этом пражском конгрессе пролетарские свободомыслящие обратились к трудящимся христианам с призывом объединиться для борьбы с фашизмом. Эта идея – единство марксистов и верующих трудящихся в борьбе за мир и социализм – станет одной из ведущих в выступлениях деятелей зарубежных компартий. **Морис Торез**, генсек французской Компартии, в 1937 г. в докладе на IX ее съезде подчеркнул особую актуальность идеи «*единства народных масс в борьбе за лучшую жизнь, за свободу и мир.* А это значит, что коммунисты должны не только пропагандировать политику протянутой руки, но также – и это главное – приобщать католиков к своей борьбе»[1].

Установление фашистских режимов в Европе (20-30-е гг.) и Вторая мировая война существенно замедлили рост свободомыслия во всех странах; организации свободомыслящих стали возрождаться только после победы над фашизмом. В этих организациях было немало марксистов, которые вступали в полемику с буржуазными антиклерикалами. Это можно проследить на примере Ассоциации свободной мысли «Джордано Бруно», основанной еще в 1903 г. После войны в ней обнаружилось два течения – марксистское и либеральное, буржуазное. Марксисты во главе с **Джордже Конфорто** настаивали на том, что корни религии – социальные, поэтому нужно бороться с нищетой, эксплуатацией, отсюда необходимость единения неверующих и верующих, религия же – орудие в руках власть имущих для сохранения существующих порядков. Им противостояли буржуазные антиклерикалы, разоблачавшие Ватикан. Они обвиняли Тольятти в сотрудничестве с правительством клерикалов и считали, что ассоциация свободомыслящих должна руководствоваться масонскими идеями, искоренять социальные пороки посредством самопознания и самоусовершенствования. С 1962 г. итальянская ассоциация стала ориентироваться на научный подход к религии. На позициях марксизма стоит и «Союз немецких свободомыслящих», судя по содержанию его журнала «Фрайденкер» («Свободомыслящий»). Эта организация заявляет о тесных связях с соответствующими организациями Австрии, Франции, Швейцарии, Италии и Люксембурга, где, надо думать, сильны позиции марксистов.

Принципами марксистского атеизма руководствовались политики – руководители зарубежных компартий послевоенных лет. Естественно, выступления каждого из них отличались своеобразием, но общим было признание обусловленности религии социальными обстоятельствами, привлечение верующих трудящихся к совместной борьбе за социализм, против войн и любого вида гнета. В сборнике «Зарубежные марксисты о религии» (М., 1975) содержатся статьи и выступления деятелей компартий разных стран: Л. Корвалана (Чили), П. Тольятти, Л. Лонго (Италия), Д. Ибаррури (Испания), М. Тореза, Ж. Марше (Франция), А. Дельгадо (Ко-

[1] *Торез М.* Франция народного фронта и ее роль в мире // Зарубежные марксисты о религии и церкви. – М., 1975. – С. 14.

лумбия), У. Фостера (США) и других, где есть и экскурсы в историю религии, ее происхождения и причин воспроизводства, и ее отношений с наукой, моралью, и анализ современного состояния религиозности, критика деятельности церкви и т.д.

В этом же сборнике – статьи ученых, *специально* занимавшихся исследованием религии и свободомыслия (т.е., религиоведением) с позиций марксизма, – это Т. Стойчев (Болгария), А. Аг (Венгрия), Н. Мизов (Болгария), Я. Гурановский (Польша), Р. Штайгервальд (ФРГ), В. Холличер (Австрия). Понятно, что в сборнике отобраны те статьи ученых, которые имеют выход в политику. Проблемы, рассматриваемые ими, достаточно разнообразны: диалог марксистов и христиан, социальные функции религии, левокатолические организации, теология революции, процесс преодоления религии и управление им, особенности современного свободомыслия. У этих и многих других авторов-марксистов мы найдем и основательные исследования тех или иных специальных религиоведческих проблем.

Во 2-й половине XX века в СССР было издано немало произведений зарубежных атеистов-марксистов. Так, уже в 1958 г. вышла книга **Марселя Кашена**[1] (1869-1958), где он в популярной форме излагал историю борьбы материализма с идеализмом, науки с религией, обосновывал марксистскую диалектико-материалистическую философию доводами от науки, которая, по его словам, «способна удовлетворить все порывы сердца, так же как и требования разума». И далее: «Коммунизм не делает выбора между религиями… Коммунизм не выражает ни презрения, ни ненависти к старым формам донаучной человеческой мысли. Он считает, что нужно внимательно исследовать их происхождение и изучить их историю, чтобы понять их». Кашен был убежден в том, что религия в его время терпит крах и ее позиции завоёвывает наука, целью которой является «создание подлинно человеческой цивилизации»[2].

Интересна книга преемника М. Тореза на посту генсека ФКП **Жака Дюкло** (1896-1975) «Во что я верю» (1975), затрагивающая множество проблем, связанных с религией и свободомыслием, начиная с размышлений о материалистической концепции мира, о марксизме и утопическом социализме, о сущности веры, разных видов страха, порождающих религию, о свободе, собственности, смехе и счастье с точки зрения их социальной функции, и кончая анализом политической карикатуры Гюстава Доре и Оноре Домье, произведений Хемингуэя и Бернаноса, сущности классовой борьбы, а также смысла жизни с точки зрения коммуниста. И если в начале книги Дюкло сообщает о том, во что он не верит (в создание мира сверхъестественным существом, в идеалистическую философию, в незыблемость эксплуататорского общества, в то, что нужно быть покорным любым обстоятельствам), то содержание всей книги свидетельствует о его глубокой убежденности в том, что будущее принадлежит народным массам, творчеством которых обеспечивается развитие общества. «Для меня вера в неизбежную победу социализма не имеет ничего общего с христианской верой. Моя вера в победу социализма проистекает из анализа экономической, социальной политической системы капитализма…»[3].

Роберт Штайгервальд (Германия, род. 1925), жив поныне, пишет марксистские статьи; в книге «Марксизм, религия, современность» (1973) всесторонне рассмотрел марксистскую теорию религии, в частности, процесс эволюции взглядов Маркса на религию, отношения различных социальных слоёв к религии в разные периоды истории, место религии в современной политике и культуре, пути её преодоления в общественном и индивидуальном сознании. Особое внимание Штайгервальд уделил критическому анализу современной католической и протестантской теологий, причем даже в «теологии революции» и «политической теологии» находил черты, препятствующие интересам рабочего класса, – представители этих течений, по его мнению, не приемля марксизм, противопоставляют ему христианскую инициативу[4]. Однако это не означает, что автор отвергает саму мысль о христианах как возможных союзниках марксистов, – таковых он видит в группе Христианской мирной конференции (Р. Римек, Г. Мохальски, Г. Вернер), которая «поддерживает диалог между христианами и марксистами по проблемам революционной практики»; это «действительно левые, стоящие на стороне угнетенных и эксплуатируемых»[5].

Марксисты осмысливали проблемы религии не только в связи с социальными и политическими задачами, но и в ее соотношении с другими формами духовной деятельности, с духовной культурой в целом. В этом плане важно было выявить те сферы деятельности человека, которые, будучи исторически связанными с религией, обладали свойствами адекватного отражения действительности и способностью автономного, внерелигиозного существования. Уже Маркс и Энгельс исследовали роль искусства, литературы, философии, морали, науки в развитии человечества, в постепенном оттеснении ими религии от магистрального пути культуры и обретения человечеством все большей духовной и социальной свободы. В XX в. эти проблемы приобрели особенно острый характер в связи с тем, что гибель огромной массы людей в период двух мировых войн, установление в ряде стран фашистских режимов создавали впечатление о неостановимой деградации культуры и ставили под сомнение надежду на ее спасительную роль. Следовало обратиться к традиции многовековой внерелигиозной культуры, чтобы выявить ее благотворное влияние на жизнь общества.

Одним из ярких мыслителей-марксистов, специально исследовавших значение искусства, эстетического в совершенствовании личности и общества, был венгерский марксист **Дьёрдь (Георг) Лукач** (1885-1971). В фундаментальном четырехтомном труде «Своеобразие эстетического» (1963) он показал, что в возникновении и развитии искусства огромную роль сыграла борьба ис-

---

[1] *Кашен М.* Наука и религия. – М., 1958. Интересно, что текст произведения Кашена предварялся следующим сообщением: *«Перевод, редактирование, оформление, изготовление бумаги, набор и печатание настоящего издания осуществлены в свободное от работы время (в счет «комсомольской копилки») комсомольцами Издательства иностранной литературы, Краснокамского бумкомбината и типографии «Красный пролетарий».*

[2] *Кашен М.* Наука и религия. – М., 1958. – С. 56-57.

[3] *Дюкло Ж.* Во что я верю / – М., 1980. – С. 46. Кстати, у Дюкло есть работа о М. Бакунине и К. Марксе – «Бакунин и Маркс. Тень и свет». – М., 1975, где автор доказывает, что анархизм препятствует успешности борьбы против капиталистических порядков.

[4] *Штайгервальд Р.* Марксизм, религия, современность. – М., 1976. – С. 162-168. Рассмотрев основные идеи статьи Доротеи Зёлле «Право быть другим», автор делает вывод: «временами кажется, что имеешь дело не с рассудительной, умной женщиной из политических левых кругов, а с одним из обычных антикоммунистических пропагандистов» (с. 166-167).

[5] Там же. – С. 167.

кусства за свое освобождение из-под власти религии. По Лукачу, искусство уже по самой своей природе «любой сдвиг сознания в область трансцендентного … снова обращает к земному, посюстороннему, ибо художественное произведение есть то, что оно есть, то есть составная часть реальной жизни человека, симптом сегодняшнего, а именно данного, а не иного бытия»[1]. Последнюю главу работы Лукач посвятил рассмотрению процесса борьбы искусства за свое освобождение. Он обосновал несостоятельность мнения о том, что религия позитивно влияла на искусство: оно развивалось потому, что, борясь за свою самостоятельность, вынуждало церковь к уступкам. Основу этой борьбы он усматривал в социальных обстоятельствах. Наука и искусство, говорит Лукач, – это «инструменты человечества, созданные ими для завоевания действительности, для подчинения ее… Противоположности между наукой и искусством, с одной стороны, и религии – с другой, неустранимы»[2].

Естественно, с обоснованием значимости нерелигиозных форм деятельности возникла потребность в глубоком изучении традиции мирового свободомыслия. В этом плане несомненное влияние на зарубежных марксистов оказала основательная разработка в 20-30-е и 50-80-е гг. советскими теоретиками атеизма проблем истории свободомыслия. В странах Восточной Европы, где в течение нескольких десятилетий существовал социалистический строй, а также в Китае и Индии марксисты выявляли вольнодумные традиции собственных народов, осмысливали и общий путь развития свободомыслия. Профессор университета им. Гумбольдта в Берлине **Герман Лей** (1911-1990) издал пятитомный труд «История просвещения и атеизма» (1966-1988), в котором представил всемирную историю свободомыслия от древности до XX века[3], охватив огромный фактический материал из истории философии, науки, литературы, теологии, психологии народных масс. Румынский марксист **А. Тэнасе** в работе «Культура и религия» раскрыл место и роль светской культуры в период господства религии. **Вальтер Холличер** (1911-1988, Австрия) наряду с исследованием некоторых естественнонаучных (медицинских, биологических, психологических, экологических) проблем с точки зрения марксистской философии[4] выявлял особенности современного свободомыслия. Он исходил из того, что «смысл развития истории раскрывается в свободной сознательной деятельности людей как творцов истории». Он скептически относился к абстрактному либеральному гуманизму, противопоставляя «пассивному свободомыслию» *активное, «гуманизм действия».* «Задача подлинного гуманизма состоит в том, чтобы защищать реальные потребности и интересы народных масс, служить целям их освобождения»[5]. Не поступаясь собственными атеистическими убеждениями, сознавая необходимость преодоления религиозных иллюзий, писал Холличер, марксисты должны сотрудничать с верующими трудящимися в реальных действиях в защиту мира, демократии и гуманизма. «Развитый гуманизм невозможен в условиях погони частных собственников за максимальной прибылью…»[6].

В Китае и Индии марксисты, проявляя интерес к собственной вольнодумной традиции, обосновывали положение о её плодотворности в развитии культуры. Правда, иногда несколько тенденциозно усматривали атеизм там, где его, возможно, не было. **Дебипрасад Чаттопадхъяя** (1918-1993), стремясь показать, что индийский народ не является мистичным по природе, как считали буржуазных индологи, искал элементы вольнодумства в разных философских течениях древней Индии (в его книге «Индийский атеизм» есть даже глава «Атеизм Будды»). «Подавляющее большинство индийских философов были убежденными атеистами. … Подлинные наследники их традиций не могут не принять марксизм, поскольку лишь в марксизме мы находим научное завершение атеистических поисков наших древних и средневековых философов»[7], – писал Чаттопадхъяя. В любом случае постановка вопроса о необходимости при изучении древних культур не упускать из виду свободомыслия, побуждает к новым научным исследованиям.

Коллектив учёных (Шэнь Чжэн, Чжу Итин и др.) из 11 университетов **Китая** в книге «История древнекитайской философии» (1980) основательно исследовал развитие мысли Китая в самых разных ее формах с древности до творчества Сунь Ятсена (1866-1925), усматривая положительное влияние на духовную жизнь китайцев культуры именно вольнодумной, обнаруживаемой в материалистических, диалектических, атеистических, гуманистических идеях, содержащихся нередко даже в идеалистических учениях: «Философские идеи в Китае, берущие начало в глубине веков, чрезвычайно богаты по содержанию и являются огромной кладовой идей в истории познания всего человечества»[8].

* * *

Марксистское свободомыслие, опирающееся на прогрессивные духовные традиции, сделало значительный шаг в понимании каждым народом и человечеством в целом своей культуры как бесконечной многообразной, выходящей за пределы религиозного мировоззрения. Мыслители-марксисты показали, что свободомыслие в отношении религии, как правило, было следствием возрастания социальной свободы и, в свою очередь, способствовало освобождению сознания от религиозной идеологии, закреплявшей власть одних над другими.

Марксизм XIX-XX веков в теоретической форме отразил потребность трудящихся в преобразовании капиталистического строя в общество социальной справедливости. В то же время он воздействовал на сознание масс, стремясь освободить его от религии посредством просвещения, пропаганды научных знаний, приобщения к высшим достижениям мировой культуры.

---

[1] *Лукач Д.* Своеобразие эстетического. – М., 1985. – Т. 1. – С. 20-21.
[2] *Лукач Д.* Своеобразие эстетического. – М., 1987. – Т. 4. – С. 478-479.
[3] На русском языке издана книга *Лей Г.* Очерк истории средневекового материализма. – М.,1963.
[4] См., например, *Холличер В.* Человек и агрессия. З. Фрейд и К. Лоренц в свете марксизма. – М., 1975.
[5] *Холличер В.* Личность и гуманизм. – М., 1984. – С. 69.
[6] Там же. – С. 71.
[7] *Чаттопадхъяя Д.* Индийский атеизм. Марксистский анализ. – М., 1973. – С. 301. Он же был автором фундаментальных работ «Локаята даршана. Исследования индийского материализма», «История индийской философии».
[8] История китайской философии. Под ред. Титаренко М.Л. – М., 1989. – С. 7.

16-я Международная Встреча Коммунистических и Рабочих партий в Гуаякиле, Эквадор, 13-16 ноября 2014 г.

Пресс-релиз Коммунистической партии Греции[1]

13-15 ноября 2014 в Гуаякиле (Эквадор) состоялась 16-я Международная встреча коммунистических и рабочих партий (МВКРП) на тему: «*Роль коммунистических и рабочих партий в борьбе против империализма и капиталистической эксплуатации, которые порождают кризисы, войны, способствуют возрождению фашистских и реакционных сил. За права трудящихся и народа, за национальную и социальную эмансипацию, за социализм*».

В работе встречи приняли участие представители 53 партий из 49 стран. Кроме того, многие партии, которые по той или иной причине не смогли присутствовать на встрече, отправили письменные сообщения и приветствия.

Участники почтили память погибших в связи с 92-й годовщиной со дня всеобщей забастовки в Гуаякиле, известной как "кресты на воде" (15 ноября 1922 года), которая была кроваво подавлена армией и полицией, в результате которой погибли тысячи бастующих рабочих. В ходе работы представители коммунистических и рабочих партий отметили, что и сегодня во многих странах мира продолжаются убийства, угрозы и террор против коммунистов, профсоюзных деятелей и активистов народных движений.

Участники встречи также приветствовали борьбу трудящихся во всем мире. Они выразили свою солидарность с коммунистическими и рабочими партиями, работающими в условиях подполья, сталкивающимися с государственными репрессиями, антикоммунистическими преследованиями и ограничениями, а также с рабочим классом и народом Эквадора, с борьбой рабочего класса и трудового крестьянства, молодежи и других народных слоев всей Латинской Америки, за свои права, за социализм.

Участники подтвердили интернациональную солидарность с социалистической Кубой и ее народом, и пообещали усилить свои действия, направленные на снятие преступного эмбарго США, на отмену общей позиции ЕС, а также действия по освобождению всех кубинских патриотов, безопасному возвращению их на родину.

Они осудили продолжающееся империалистическое вмешательство и угрозы против Венесуэлы и ее народа.

Они осудили военное присутствие США, НАТО и ЕС в регионе и потребовали ликвидировать все иностранные военные базы и в первую очередь незаконную военную базу США в Гуантанамо.

В ходе встречи было отмечено, что необходимым и актуальным является обмен информацией и опытом борьбы коммунистических и рабочих партий, укрепление и улучшение сотрудничества и совместной деятельности, укрепление пролетарского интернационализма, а также использование опыта Международных встреч коммунистических и рабочих партий.

На встрече состоялась плодотворная дискуссия о развитии капиталистического кризиса, об изменениях в международной империалистической системе и обострении межимпериалистических противоречий, а также об опасности масштабных империалистических войн и интервенций. Был обсужден ход классовой борьбы и задачи, стоящие перед коммунистами.

Представители партий подчеркнули, что международная обстановка характеризуется продолжающимся кризисом капитализма во многих регионах земного шара. Подтверждаются выводы предыдущих международных совещаний относительно его природы и эволюции: это кризис перепроизводства и перенакопления капитала, порожденный обострением всех противоречий капитализма, и прежде всего, его основного противоречия между общественным характером производства и частнособственническим характером присвоения. Кризис подтверждает вывод об исторически преходящем характере капиталистической системы.

Наблюдаются изменения в соотношении сил и влияния различных стран и их группировок в международной империалистической системе, основным признаком которых является ослабление США, ЕС, Японии и усиление растущих капиталистических держав. Обостряются противоречия и конфликты, особенно в Восточном Средиземноморье, в Персидском заливе, в Каспийском море, в Африке и регионах южной части Тихого океана. Расширяется империалистическая агрессия и углубляются межимпериалистические противоречия, способствующие умножению очагов войны и созданию угрозы широкомасштабного конфликта на региональном и мировом уровне, о чем свидетельствуют события на Украине, в Восточном Средиземноморье, на Ближнем Востоке и т.д.

Трудности, возникающие в управлении капитализмом, особенно в фазе кризиса, повышают агрессивность капитала и его политических представителей. Усиливаются авторитаризм, государственные репрессии, антикоммунизм, буржуазный национализм и шовинизм. Упраздняются демократические права. В целом буржуазная политическая система становится все более реакционной, она осуществляет маневры и пытается оградить власть монополий. В этом контексте, и в то время, когда революционное рабочее движение не перешло в контрнаступление, вновь возрождается и набирает силы фашизм, нарастают фашистские тенден-

[1] Информационный бюллетень отдела международных отношений ЦК Компартии Греции
Tel: (+30210) 2592111 -Fax: 2592298, - e-mail: cpg.kke@gmail.com - http://inter.kke.gr/ru/firstpage/
http://inter.kke.gr/ru/articles/-16--00003/

ции, которые в полной мере используются империалистическими державами.

Представители многих партий подчеркнули, что положение трудящихся не улучшится даже в фазе наблюдаемого анемического роста капиталистической экономики, который следует за спадом. Дебаты и споры по поводу "подъема" в двух крупных империалистических центрах (США и ЕС) касаются не ситуации с положением рабочего класса и народных масс, а роста рентабельности капитала. Независимо от формы буржуазного управления цель остается прежней – увеличение нормы прибыли путем усиления степени эксплуатации и большей концентрации и централизации капитала.

Была отмечена необходимость укрепления коммунистических и рабочих партий, в первую очередь на рабочих местах, их самостоятельной деятельности, усиления классового рабочего движения. Необходимость еще более решительного ведения рабочей и народной борьбы за трудовые, социальные, демократические и суверенные права, а также за усиление организованности рабочего класса, создание его союза с другими народными слоями, за проявление особой заботы о молодежи, женщинах, иммигрантах.

Также была отмечена необходимость усиления идеологической борьбы против буржуазной идеологии. Решительное противостояние фашизму, который порождает эксплуататорская капиталистическая система, изоляция фашистских, реакционных партий от организованного рабочего, народного движения.

На 16-й Международной встрече продолжилась дискуссия вокруг различных стратегических подходов, которые имеются у коммунистических и рабочих партий: о борьбе за социализм, о критериях и направлении политических союзов, об их позиции по отношению к региональным капиталистическим межгосударственным объединениям, о направлении политического предложения коммунистов, о характере и роли рабочей власти.

Некоторые партии ограничивают империализм только рамками США, и как отметили многие другие партии, не принимают во внимание международную империалистическую систему в целом, острейшую конкуренцию между государствами и их союзами внутри этой системы, а так же многообразные межимпериалистические противоречия, провоцирующие новые вмешательства и войны во многих регионах мира, грозящие перерасти в более широкомасштабную войну.

То же самое можно сказать и о теории «многополярного» мира, которую превозносят некоторые партии. И как было отмечено, она не учитывает классовую сущность капиталистических государств и, в частности, мощных капиталистических государств, которые вмешиваются в международные дела в интересах своих монополий и, конечно, не могут быть выразителями народных интересов.

Некоторые партии также сохраняют ошибочные представления о настоящих причинах капиталистического кризиса, в то время как КПГ и другие компартии говорили о капиталистическом кризисе перенакопления и перепроизводства капитала, который порождает обострение основного противоречия капитализма.

Кроме того, КПГ и значительное число партий отметили в своих выступлениях, что ошибочное положение о «неолиберализме» ограничивает критику рамками только одной из двух основных форм управления капитализмом и таким образом оправдывает социал-демократи-ческую форму управления, классовый антинародный характер капитализма и его экономических законов.

Особая дискуссия шла по поводу событий в Латинской Америке, о «прогрессивных правительствах», об образующихся там межгосударственных союзах. По этим вопросам были высказаны разные позиции о классовой сущности экономической базы, о роли монополий, о классовом характере государства, буржуазной власти, о позиции капиталистических государств и объединений в международной империалистической системе и т.д. Утверждения о “прогрессивности” межгосударственных союзов, а также анализ, приукрашивающий их характер, являются носителем оппортунистической позиции о гуманизации капитализма, а также частью теории о так называемом «социализме XXI века».

КПГ и другие партии отметили ошибочность представления некоторых партий о «промежуточном этапе» между капитализмом и социализмом, поскольку таким образом напрасно идет поиск решения проблем рабочего класса и других народных слоев, удовлетворение народных потребностей на почве капитализма. Как было отмечено, такая позиция негативно сказывается на борьбе за социализм, на борьбе за завоевание власти рабочим классом, за разрешение основного противоречия между трудом и капиталом. Последовательная борьба за социализм, без «этапов», не только не препятствует ежедневной борьбе за отдельные завоевания и облегчение жизни трудящихся, но и усиливает ее, предохраняя от опасных иллюзий и стратегии приспособленчества в рамках варварского капиталистического строя.

КПГ и другие партии подчеркнули необходимость противостояния социал-демократии и укрепления идейно-политического фронта против оппортунизма. Они подчеркнули, что только социализм, который имеет свои закономерности становления и не может быть сведен к буржуазными избирательными процессами, является реальным альтернативным ответом в пользу трудящихся, которые ощущают на себе болезненные последствия капитализма, порождаемых им кризисов и войн. Только социализм может обеспечить выход из кризиса и удовлетворение возрастающих социальных народных потребностей.

Было подчеркнуто, что необходимо выявлять положительный опыт социалистического строительства и подчеркивать достижения социализма, их значение для народов, но, в то же время, необходимо извлекать уроки и делать правильные выводы из ошибок, отклонений и искажений, которые противоречили основным принципам и закономерностям строительства социализма.

Конечно, наличие разных подходов к важным вопросам требуют дальнейшего, более тщательного обсуждения. Но это не помешало проведению Международной встречи и в этом году, как и каждый год, и утверждению плана совместных действий и инициатив коммунистических и рабочих партий по поддержке борьбы трудящихся за трудовые, социальные, демократические права, против антикоммунизма, империалистических войн на следующий год, по празднованию 70-летия Победы над фашизмом, и т.д., которые подробно описаны в документе о плане совместных действий.

Выступление Георгиеса Мариноса – члена политбюро ЦК Компартии Греции

Дорогие товарищи!

Мы благодарим Компартию Эквадора за гостеприимство и организацию 16-й Международной встречи, а также приветствуем компартии, принимающие участие в этой встрече.

Мы выражаем нашу интернациональную солидарность с народом Эквадора, с народами Латинской Америки, с коммунистами и народными движениями, которые сталкиваются с государственными репрессиями, антикоммунистическими нападками и гонениями.

Мы выражаем желание усилить нашу деятельность за освобождение 3-х кубинских борцов, которые еще остаются в тюрьмах США.

События говорят сами за себя – предстоит много работы.

Капитализм становится все более опасным и агрессивным по отношению к народам, он знаменуется повсеместными нападками на трудовые, народные права, кризисами и империалистическими войнами.

Перед коммунистами стоят очень важные задачи, и поэтому необходимы систематический обмен опытом по развитию борьбы на каждом участке своей работы, активизация усилий по координации деятельности, для того чтобы заложить основы для укрепления международного коммунистического движения.

Известно, что **кризис перенакопления и перепроизводства капитала, который возник в 2008 году одновременно во многих странах, порождается анархией капиталистического производства, его противоречиями, обострением основного противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов при господстве монополий, капиталистической собственности на средства производства.**

Реальность показывает, что кризис наступил не потому, что была использована та или иная форма буржуазного правления. Кризис не является продуктом «неолиберализма» или «неконтролируемой деятельности банков», как утверждают оппортунистические силы, Партия европейских левых (ПЕЛ) в Европе. Эти утверждения вводят народ в заблуждение, оправдывают капиталистическую систему и ее экономические законы, культивируют иллюзии о том, что существуют пронародные формы управления капиталистической системы, выступают в защиту социал-демократического варианта правления.

В Греции в ходе капиталистического кризиса осуществляются повсеместные нападки на рабочий класс, народные слои, молодежь, что болезненно сказывается на зарплатах, пенсиях, трудовых, социальных правах.

Безработица превысила 30% трудоспособного населения.

В ходе кризиса сначала правительство, возглавляемое социал-демократической партией ПАСОК, а затем коалиционное правительство, сформированное либеральной партией НД и ПАСОК, приняло жесткие антинародные меры, которые были одобрены в Европейском Союзе (ЕС) и его штабах еще до кризиса; оно продвигает капиталистическую реструктуризацию с целью снизить стоимость рабочей силы, повысить конкурентоспособность и прибыльность крупных предприятий.

Бесспорно то, что, несмотря на разрушение производительных сил и капитала, несмотря на ожидания, которые культивировались, в ЕС и даже в крупных капиталистических державах, таких, как Германия, Италия, Франция, отмечается стагнация и даже рецессия экономики.

Антинародные нападки отмечаются во всех европейских государствах независимо от того, были ли подписаны меморандумы с ЕС и Международным валютным фондом, независимо от уровня дефицита и долга.

Буржуазные центры стремятся дезориентировать народ, предлагая поддержать тот или иной вариант управления, «сдерживающую» или «стимулирующую» экономическую политику, вороша кейнсианскую теорию, преподнося проверенные антинародные догмы в качестве новых. Важным выводом является то, что любая модель буржуазного управления, даже в условиях экономического роста, ориентируется на прибыль монополий, что и в дальнейшем будут приниматься антинародные меры.

Этой линии управления придерживаются не только традиционные буржуазные партии, но и новые социал-демократические, пропитанные оппортунизмом, такие, как СИРИЗА в Греции.

Эта партия стремится произвести впечатление за рубежом и предстать в качестве радикальной силы и здесь, в Латинской Америке.

Но в действительности она является защитницей капиталистического развития, империалистического Европейского Союза и его стратегии, она выступает за сохранение членства Греции в НАТО и раздает обещания США, силам капитала на национальном и международном уровне.

Ее политика основана на укреплении конкурентоспособности и прибыльности капитала и не имеет ничего общего с удовлетворением народных потребностей, возмещением убытков, причиненных трудящимся вследствие кризиса, такая политика выступает за принятие мер по борьбе с безработицей и бедностью, носящих временный и поверхностный характер.

В отличие от нее КПГ пытается организовать рабочую, народную борьбу, поддерживает классовое профсоюзное движение – Всерабочий боевой фронт (ПАМЕ) и другие боевые объединения крестьян, самозанятых города, женщин и молодежи, противодействует силам капитала, антинародной политике правительств и ЕС, способствует организации сопротивления, борется за возмещение убытков, причиненных трудящимся вследствие кризиса, за народное контрнаступление, народный социальный союз, против монополий и капитализма.

Ежедневная борьба КПГ на заводах, предприятиях, в отраслях производства, в народных районах не ограничивается созданием лучших условий для продажи рабочей силы.

Она связана с попыткой реорганизации рабочего движения, усиления классовой ориентации профсоюзов, с их способностью сплачивать силы рабочего класса для противодействия капиталу, его политическим представителям, работодательскому и правительственному синдикализму, который является носителем классового сотрудничества и разоружения трудящихся и несет огромную ответственность за спад рабочего движения.

Наша партия активизирует усилия для того, чтобы рабочий класс – передовой класс общества – смог создать союз с народными слоями, усилить антимонополистическую антикапиталистическую борьбу.

Недавно, 1 ноября 2014 г., тысячи трудящихся, молодежи приняли участие в крупной всегреческой демонстрации в Афинах, организованной Всерабочим боевым фронтом (ПАМЕ) совместно с другими боевыми объединениями крестьян, самозанятых города, женщин, учащихся- студентов, против нападок капитала, антинародной политики, проводимой правительством и ЕС.

Заявку на участие в митинге подали более 1000 профсоюзов и других организаций народного движения. Значительное число профсоюзов, в которых ПАМЕ не имеет большинства, приняли в этой акции участие.

В ходе капиталистического кризиса усиливается империалистическая агрессия, обостряются межимпериалистические антагонизмы.

В Юго-Восточном Средиземноморье продолжается империалистическое вмешательство в Ирак и Сирию под новым предлогом – борьба с «Исламским государством», с джихадистами.

Турция не только продолжает оккупацию значительной части Кипра, но и отрицает суверенные права острова и Греции, нарушает границы. В регионе усиливается борьба за контроль над углеводородами.

Израиль продолжает преступные нападки против палестинского народа и имеет поддержку со стороны США и ЕС, которые обвиняют народное сопротивление в терроризме, отождествляют палача с жертвой.

Вмешательство ЕС, США и НАТО в дела Украины, проникновение реакционных и даже фашистских сил в государственные и правительственные органы страны, в целом антагонизм между евро-атлантическими силами и Россией создал взрывоопасную ситуацию.

Эти события, усиление антикоммунизма, стремление запретить Компартию Украины, запрет компартий в Европе и в других регионах мира требуют большей бдительности и интернациональной солидарности.

Спустя 100 лет после начала Первой мировой войны и 75 лет после начала Второй мировой войны возрастает опасность развязывания обширных военных конфликтов.

Какова нить, соединяющая эти события, каковы истинные причины империалистических войн и интервенций?

Ядром империализма, который является высшей стадией капитализма (а не только выражением агрессивной внешней политики), являются монополии, крупные экономические объединения, борющиеся за расширение своей предпринимательской деятельности, за контроль над рынками, энергетическими ресурсами и трубопроводами, и это выражается и на межгосударственном уровне.

Об этом свидетельствуют старые и новые очаги напряженности и войны. Война есть продолжение политики другими, насильственными средствами.

Коммунисты несут большую ответственность за просвещение, руководство рабочим классом и народными слоями, для того чтобы они смогли избежать разнообразных ловушек, поставленных буржуазией и империалистическими союзами, смогли организоваться и продемонстрировать свою силу.

Любое отступление компартий от самостоятельной политической борьбы, любое втягивание в межбуржуазные противоречия и планы или участие в буржуазных правительствах имеют болезненные последствия для народов.

Массовая борьба против империалистических планов должна сочетаться с организацией борьбы за устранение причин, порождающих войны, за свержение варварского капиталистического строя.

КПГ осуществляет многоплановую деятельность, выступая против империалистических войн, вмешательств и угроз, но этого недостаточно.

19-й съезд партии, состоявшийся в 2013 году, определил линию борьбы, имеющую общее значение, и отметил: «В любом случае, при любой форме участия Греции в империалистической войне КПГ должна быть готова возглавить самостоятельную организацию рабочего, народного сопротивления и вести борьбу за полное поражение буржуазии как местной, так и иностранной, выступающей в качестве агрессора**».**

Бесспорно то, что стратегия компартий, основное направление их борьбы определяется характером нашей эпохи.

Это определяет характер революции и ее движущие силы, линию на сплочение, политику союзов, идейно-политическую работу среди рабочего класса, чтобы борьба была ориентирована на искоренение причин эксплуатации.

Социальный прогресс движется к высшему этапу и не может повернуть вспять вследствие контрреволюции и свержения социализма в Советском Союзе и других социалистических странах.

Весь исторический путь был сопряжен с крупными социальными столкновениями, победами и поражениями авангардных классов, были откаты, но решающую роль сыграла общая закономерность замены старой общественно-экономической формации новой.

Капитализм сформировался, концентрация и централизация капитала привели к появлению монополий, акционерных компаний, созрели материальные предпосылки для построения нового социалистического общества. Это является ключевым элементом для разработки современной революционной стратегии, где центральным вопросом будет социалистический характер революции и разрешение основного противоречия между трудом и капиталом.

Стратегия «промежуточных этапов» между капитализмом и социализмом складывается в рамках капитализма, власть и средства производства остаются в руках буржуазии, сохраняется капиталистическая эксплуатация и анархия.

Эта стратегия вызвала снижение темпов борьбы коммунистического движения, она является элементом кризиса коммунистического движения, который толкает на участие в буржуазных правительствах или к их поддержке, к поиску «левых» буржуазных правительств, что вызывает очень негативные последствия.

Субъективный фактор, компартия и рабочий класс, «воспитываются» в духе поиска решения в капиталистических рамках, и таким образом теряется драгоценное время.

К сожалению, это не осознается. Носители подобных представлений доходят до того, что характеризуют позицию об актуальности социализма как сектантскую.

Ленин в своем труде «Под чужим флагом», говоря о «нашей эпохе», которая началась с Первой мировой войны и Октябрьской социалистической революции 1917 года, которая поставившей буржуазный класс в то же положение, в котором находились в прошлом феодалы, дает характеристику эпохе империализма и империалистических потрясений.

Мы живем в эпоху перехода от капитализма к социализму, и должна развернуться большая дискуссия о стратегии, которая соответствует нашей эпохе.

На своем 19-м съезде КПГ отметила, что в Греции за последние 20 лет ещё больше развились уже созревшие материальные условия для построения социализма. Капиталистические отношения распространились и укрепились в сельскохозяйственном производстве, в области образования, здравоохранения, культуры, спорта, средств массовой информации. Увеличилась концентрация наемного труда и капитала в перерабатывающей отрасли, в сфере торговли, строительства, туризма. С ликвидацией государственной монополии на телекоммуникации и монополизированные отрасли энергетики и транспорта стали развиваться частные капиталистические предприятия.

Доля наемного труда значительно увеличилась в процентном отношении к общей численности занятых.

На этой основе КПГ пришла к выводу, что греческий народ избавится от цепей капиталистической эксплуатации и империалистических союзов, когда рабочий класс со своими союзниками совершит социалистическую революцию и приступит к строительству социализма-коммунизма.

Революционное преобразование в Греции будет социалистическим.

Движущими силами социалистической революции будут рабочий класс как руководящая сила, полупролетарии, угнетаемые народные слои самозанятых города, бедное крестьянство.

КПГ работает над подготовкой субъективного фактора грядущей социалистической революции, хотя период её осуществления определяется объективными условиями — революционной ситуацией (когда «низы» не хотят жить по-старому, а «верхи» не могут управлять по-старому).

Основными направлениями, необходимыми для подготовки партии и рабочего народного движения, являются укрепление КПГ и КМГ, реорганизация рабочего движения, народный союз.

Народный союз выражает интересы рабочего класса, полупролетариев, самозанятых и бедных крестьян, молодёжи и женщин из рабочих, народных слоев, в борьбе против монополий, капиталистической собственности и интеграции страны в империалистические союзы.

Народный союз является социальным и имеет признаки движения, а также чёткую антимонополистическую, антикапиталистическую ориентацию.

В органах Народного союза участвуют руководящие кадры и члены партий, члены их молодёжных организаций, избранные в органы движения и работающие в народных организациях. То есть партии не являются составными частями союза. Это касается и нашей партии.

Рабочее движение, движение самозанятых трудящихся города, бедного крестьянства и форма их союза (Народный союз) с антимонополистическими, антикапиталистическими целями, при руководящей роли сил КПГ в отсутствие революционных условий, являются прообразом для создания в условиях революционной ситуации революционного рабочего – народного фронта.

КПГ внимательно изучает процессы, происходящие в Латинской Америке, развитие рабочего народного движения.

Она поддерживает усилия Кубы направленные на снятие эмбарго США, а также против продолжения всякого рода агрессии, осуждает попытки совершения государственных переворотов, навязывание реакционных идей.

Она выражает свою солидарность с колумбийскими борцами FARC.

Одновременно мы считаем необходимым остановиться на отдельных вопросах, участвуя в дискуссии, которая была развернута международным коммунистическим движением по стратегическим вопросам.

В Латинской Америке широкие народные массы, недовольные антинародной политикой либеральных и социал-демократических правительств, доверили свой голос политическим силам, которые обещали бороться с бедностью, выступали за независимость и суверенитет этих стран, а главное – против неравноправных отношений, зависимости от США.

Как мы оцениваем ситуацию?

Во-первых, нельзя умолчать о том факте, что в этих государствах политическая власть и средства производства остаются в руках буржуазии, прибыль является критерием развития, сохраняется эксплуатация человека человеком.

Это основополагающий вопрос. **“Прогрессивные” правительства, отличающиеся друг от друга в разных странах, управляют капиталистической системой. Некоторые из них принимают меры для борьбы с крайней бедностью народных слоев, меры по обеспечению минимального уровня социальных услуг для воспроизводства рабочей силы, которая продолжает быть товаром**. Некоторые из этих правительств проводят огосударствление ряда частных предприятий, в частности в сфере энергетики и добычи полезных ископаемых.

Но это не означает, что произойдет кардинальное изменение, поскольку страна вписывается в общие капиталистические производственные отношения, а государственная собственность (коллективный капиталист) не меняет эксплуататорскую природу строя.

Во многих капиталистических странах, особенно при социал-демократическом правлении, существовали государственные предприятия и оказывался широкий круг социальных услуг, но степень эксплуатации рабочего класса была высокой, кризисы не были изжиты.

Во-вторых, поскольку сохраняется экономическая основа капитализма, сохраняется и анархия производства, создаются предпосылки для возникновения капиталистического кризиса, роста безработицы, распространения относительного и абсолютного обнищания, ликвидации прав, завоеванных в предыдущий период.

Неумолимое действие законов капитализма привело недавно к резкому повышению уровня инфляции в Аргентине, Венесуэле и т.д., в результате была снижена покупательная способность народных семей. Разрыв между ростом производительности труда и реальной заработной платой увеличивается.

Ссылка на сокращение уровня бедности не может затмить саму проблему массовой бедности, причины, порождающие и воспроизводящие бедность, накопленный капитал, находящийся в руках капиталистов.

Впрочем, программы по снижению бедности реализуются во многих капиталистических странах, для того чтобы избежать социальных взрывов, чтобы манипулировать рабочим классом.

По нашему мнению, задачей компартий является упорная постоянная работа, идеологическое вооружение рабочего класса, для того чтобы он был в состоянии отстаивать производимое им богатство, которое принадлежит ему.

Бразилия является 6-й мировой капиталистической державой.

Она располагает мощной промышленностью и сельскохозяйственным производством, значительной инфра-

структурой, полезными ископаемыми и энергоресурсами. Это страна с многочисленным рабочим классом.

Монополистический капитал расширяет свою деятельность, в частности, в Латинской Америке, Африке и других регионах мира, участвует в международной межимпериалистической конкуренции, используя членство Бразилии в БРИКС.

100 предпринимательских объединений главенствуют в промышленности, в сфере добычи полезных ископаемых, в агропромышленном секторе, в финансово-кредитной системе, в торговле и сфере услуг, имеют высокую рентабельность.

В этом государстве 53 миллиона человек живут за чертой бедности, а 23 миллиона – в крайней нищете. 5% самых богатых людей имеют доход, который превышает доход 50% самых бедных.

Кроме того, события **в Аргентине** показывают, насколько утопическим является культивирование иллюзий о проведении пронародной политики в рамках капитализма.

Значительные отечественные и зарубежные монополистические группы контролируют все динамичные секторы экономики, например, сталелитейную, автомобильную, пищевую промышленность и т.д.

Правительства Аргентины реструктурировали высокий долг, который вырос в ходе (и после) кризиса 2001 года, но за это заплатил и до сих пор платит народ, который не несет никакой ответственности за этот долг, который ему не принес никакой пользы.

Основной политической линией правительства является укрепление капитала Аргентины перед лицом своих конкурентов.

В Латинской Америке и в международной империалистической системе степень эксплуатации рабочего класса возросла.

Правительство продвигает важные экономические соглашения с Китаем, Россией, а также с монополистическими группами США, такими, как известная “CHEVRON”, для эксплуатации богатых месторождений сланцевого газа (vaca muerta).

Говоря о Бразилии и Аргентине, подчеркиваем, что положение рабочего класса, народных слоев в других странах Латинской Америки с более низким положением в империалистической пирамиде, в которых также правят “левые” правительства, ещё хуже.

Решение этих хронических проблем, обеспечение права на труд, бесплатное здравоохранение, образование, то, чего достигла Куба после революции, выявляет необходимость социализма, рабочей власти.

Аргументация о якобы произошедших позитивных изменениях в соотношении сил на благо народов и компартий в Латинской Америке не соответствует реальности. Участие или поддержка "левых" правительств ослабляет радикальные процессы, укрепляет позиции социал-демократии, оказывает негативное влияние на компартии.

В Европе, во Франции и Италии, партии под названием коммунистические, участвовали в “левых” и “левоцентристских” правительствах. Опыт прискорбный. Рабочее движение было отброшено на многие годы назад, была реализована жесткая антинародная политика, эти правительства участвовали в империалистических интервенциях, коммунистическое движение несло за это ответственность, и к нему было утрачено доверие.

Эти “опыты” провалились, они сыграли роль моста, и к управлению вернулись консервативные силы, правые партии, воспользовавшиеся опровержением народных ожиданий, навязали жесткую антинародную политику.

Представление о “прогрессивном характере”, а также анализ, приукрашивающий характер межгосударственных союзов, являются частью так называемого «Социализма 21-го века», с помощью которого предпринимается попытка манипулировать народами, особенно в Латинской Америке.

Речь идёт о носителе оппортунистической позиции относительно гуманизации капитализма, который преклоняется перед парламентаризмом, подрывает революционную борьбу.

С момента своего появления пытается оклеветать научный социализм, социалистическое строительство в Советском Союзе.

Утопия о демократизации буржуазного государства и власти монополий, а также продвижение “смешанной” капиталистической экономики, демонстрируются в качестве новой “модели” социализма.

На месте рабочего класса, передового класса, историческая миссия которого состоит в ликвидации капиталистической эксплуатации, появляются в качестве “революционных субъектов” скопище движений, предлагающих социал-демократическое, кейнсианское управление системой. Вместо необходимой политики союзов компартий, которая может способствовать сплочению и подготовке сил трудящихся, народных сил в антикапиталистическом и антимонополистическом направлении, в качестве решения предлагается сотрудничество компартий с социал-демократией.

КПГ давно борется против НАТО – политико-военного союза, который является вооруженной силой евро-американского империализма и который несет ответственность за десятки интервенций, войн, переворотов. **Наша партия борется за выход страны из НАТО, за то, чтобы народ стал хозяином своей земли.**

Те, кто выступает за «роспуск» НАТО, не связывая это с выходом каждой страны из него, ослабляет борьбу с этой преступной машиной.

КПГ борется против ЕС – межгосударственного империалистического союза в Европе, за выход из него, за переход власти и богатств в руки народа, за развитие взаимовыгодных отношений с другими государствами и народами.

Наша партия открыла фронт против буржуазии и оппортунистических сил, приукрашивающих роль ЕС и поддерживающих его, таких, как Партия европейских левых (ПЕЛ).

Проблема заключается не только в той или иной антинародной политике, проводимой ЕС, но и в его классовой сущности как союза монополий, выступающего против народов.

Нас спрашивают некоторые товарищи, почему КПГ вышла из «Левой фракции» «Европейских объединенных левых / Лево-зелёных Севера» (GUE/NGL).

Мы отвечаем этим товарищам, что ЦК нашей партии пришел к выводу, что эта фракция превратилась в парламентскую фракцию ПЕЛ, поддерживает ЕС; ее силы поддержали империалистические вмешательства и войны, например в Ливии и Сирии; партии, такие, как немецкая Die Linke, СИРИЗА и другие, участвуют в антикоммунистической кампании, в нападках на Советский Союз и исторический ход его развития, участвовали в мероприятиях, которые усилили антикубинские нападки.

КПГ не входит ни в одну политическую группу, ее европарламентская фракция осуществляет разнообразную деятельность в стенах Европарламента и за его

пределами, выступает с многочисленными инициативами и готова помогать другим коммунистическим и рабочим партиям. Те, кто предсказывал изоляцию КПГ и пытался оклеветать ее, и на этот раз просчитались.

Идет дискуссия о БРИКС, и мы должны ответить на важный вопрос.

Что является объективной основой, критериями, определяющими характер БРИКС, межгосударственного сотрудничества Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР?

Сами факты доказывают, что речь идет о капиталистических государствах, важных звеньях империалистической системы, с мощными монополиями, контролирующими экономику.

Ключевым элементом являются неравномерные и неравноправные отношения. Конкуренция БРИКС, например, с США и ЕС, сочетается с конкуренцией между самими государствами БРИКС, так как, например, у Китая политические, экономические и военные возможности и цели одни, а у других государств – другие. Даже те силы, которые поддерживают БРИКС, обеспокоены замедлением темпов в экономике этих стран, и это только одна сторона. Так как неизбежность кризисов заложена в ДНК капитализма.

Открылась дискуссия о характере и роли межгосударственных союзов Латинской Америки. Например, о Союзе южноамериканских наций (UNASUR), об Общем рынке Южного конуса (MERCOSUR), о Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC) и других союзах.

Реальность показывает, что они являются союзами капиталистических государств, независимо от того, называют ли себя “левыми” правительства этих стран; в их основе лежат крупные экономические группы и их интересы. Они являются толчком для торговых и других финансовых операций, продвигаемых среди государств-членов, и в отношениях с другими капиталистическими странами или империалистическими союзами.

Одновременно создание более густой сети межгосударственных капиталистических союзов в регионе укрепляет механизмы сотрудничества между буржуазными государствами в процессе, который в конечном итоге оборачивается против народной борьбы.

В рамках неравномерного развития и неравноправных межгосударственных отношений выявляется господствующая роль Бразилии и Аргентины, использующих эти союзы для продвижения своих монополистических интересов.

Между союзами Латинской Америки, США и ЕС существует конкуренция за контроль над рынками и одновременно осуществляется экономическое и политическое сотрудничество.

Некоторые товарищи задаются вопросом о характере "Боливарианского альянса для Америк» (ALBA), в котором участвует Куба.

По нашему мнению, ключевым элементом, определяющим характер ALBA, является то, что это межгосударственный союз, где преобладают капиталистические государства, и участие Кубы его не меняет.

После свержения социализма в Советском Союзе распространяется концепция о «многополярном мире», в противовес США превозносятся БРИКС и другие межгосударственные союзы.

Объективно речь идет о позиции, опирающейся на бесклассовое видение природы мощных капиталистических государств, старых и восходящих, в которых доминируют монополии, играющие особую роль в экспорте капитала, отстаивающие ведущую роль в регионе и в более широком регионе и занимающие важное место в империалистической системе.

Трактовка многополярного мира как средства обеспечения мира и интересов народа является заблуждением. По существу, такой подход рассматривает противника в качестве союзника, дезориентирует народные силы, предлагая выбирать империалиста или империалистический союз, наносит вред рабочему движению.

С самого начала развертывания контрреволюционных процессов КПГ стремится изо всех сил вносить вклад в реорганизацию коммунистического движения, в его единство на революционной основе и координацию борьбы. Спустя 20 лет после контрреволюционных переворотов кризис коммунистического движения продолжается.

Буржуазные и оппортунистические взгляды влияют на компартии или перенимаются ими, воспроизводя кризис. Если не будет прорыва, если стратегия коммунистического движения не будет адаптирована к объединению и подготовке сил трудящихся, народных сил для борьбы за свержение капитализма, если не будет усиливаться борьба против оппортунизма и не будет осознано, что социализм является единственным решением, которое может удовлетворить народные потребности, – то в ближайшие годы ситуация ухудшится.

«Еврокоммунизм» опирался на логику национальных особенностей, используя их в качестве «фигового листка» для отказа от закономерностей социалистической революции и строительства, и сегодня возникает проблема с выдвижением тех же или подобных аргументов.

Конечно, каждая компартия в своей стране обязана изучать развитие капитализма, социальную структуру, чтобы принять необходимые меры для адаптации своей стратегии и тактики, для развития более эффективной классовой борьбы.

Но это одно, и совсем другое, когда "особенности" используются для того, чтобы оправдать замену революционного пути парламентаризмом, чтобы принизить роль социализма до уровня правительственных изменений буржуазного управления, как, например, поступает Форум Сан-Паулу и другие силы.

Социалистическое строительство – единый процесс, который начинается с завоевания власти рабочим классом, для того чтобы сформировать новый способ производства с полным упразднением капиталистических отношений, с упразднением отношения капитала и наемного труда.

Обобществление средств производства и централизованное планирование являются закономерностями социалистического строительства, необходимыми условиями для удовлетворения народных потребностей.

Различные подходы к серьезным проблемам требуют дальнейшего обсуждения. Это неоспоримо. Но, в то же время, мы обязаны участвовать и поддерживать решительную борьбу рабочего класса и народных слоев, молодежи, использовать любую возможность для координации наших действий.

В этом направлении мы предлагаем вместе рассмотреть некоторые совместные действия на следующий период, среди которых отметим следующие:

- Поддержка рабочей борьбы за трудовые, социальные, демократические права трудящихся. Согласованные действия по проведению Первого мая. Содействие проведению мероприятий к 70-летию ВФП.

- Кампания против развязывания антикоммунизма, кульминацией которой может стать 9 мая 2015 года, день антифашистской победы.

- Усиление борьбы против империалистических войн. Солидарность с народами, сталкивающимися с империалистическими угрозами, вмешательствами и оккупацией, кампания против НАТО и т.д.

Коммунистическая Партия Греции – Центральный Комитет

Это будет долгая и трудная борьба[1]

Рауль Кастро Рус[2]

Товарищи!

Последние дни стали для нас насыщенными и волнующими.

В декабре 2014 года мы успешно провели V саммит КАРИКОМ[3]–Куба, а в прошлое воскресенье – XIII саммит Боливарианского союза для народов Нашей Америки (АЛБА). По этому случаю мы воздаем заслуженную честь его создателям: незабвенному боливарианскому президенту Уго Чавесу Фриасу и Главнокомандующему Кубинской Революции товарищу Фиделю Кастро Рус.

На нынешней сессии вместе с нами находятся Герардо, Рамон и Антонио, что дает всему нашему народу основание для подлинного торжества и радости – об этом важном вопросе я еще скажу подробнее в заключительной части моего выступления. Здесь присутствуют товарищи Фернандо и Рене, родственники Пятерки Героев, а также молодой Элиан Гонсалес, его отец Хуан Мигель и полковник Орландо Кардосо Вильявисенсио, Герой Республики Куба, перенесший суровое заключение на протяжении более чем 10 лет в Сомали.

Как обычно на сессиях нашего парламента, мне надлежит сделать обзор состояния экономики в завершающемся году, плана и бюджета на 2015 г. Эти вопросы уже были предметом глубокого обсуждения депутатами в 10 комиссиях, а также на вчерашней пленарной сессии.

Анализу этих вопросов был посвящен также Девятый пленум ЦК партии, проведенный в прошлый четверг. Поэтому я только вкратце коснусь этих тем.

Уже разъяснялось, что валовой внутренний продукт (ВВП) вырос на 1,3%, что ниже первоначально запланированного. Здесь сказалась недостаточность показателей первого полугодия, на протяжении которого пришлось столкнуться со значительными финансовыми ограничениями из-за невыполнения плана по внешнеэкономическим доходам, неблагоприятных погодных условий и внутренних недостатков управления экономикой. Уже во второй половине года удалось в некоторой мере обратить эту тенденцию вспять, и результат достигнут более высокий.

План на предстоящий год консолидирует и усиливает направленность кубинской экономики к более прочному росту, базирующемуся на большем раскрытии внутренних резервов эффективности, оживлении производственных секторов, особенно обрабатывающей промышленности, более эффективном использовании энергоносителей и увеличении инвестиций в инфраструктуру и материальное производство. В то же время нашему населению обеспечиваются социальные службы, такие, как здравоохранение и образование.

На 2015 год запланирован рост ВВП немного более чем на 4%. Эта цель достижима, учитывая, что с достаточным опережением имеется лучшее финансовое обеспечение по сравнению с началом 2014 г. Это ни в коем случае не означает, что будет легко. Мы должны будем и дальше противостоять последствиям глобального экономического кризиса и североамериканской блокады, которая остается в силе, порождая серьезные препятствия для развития нашей экономики.

В то же время мы продолжим строго выполнять взятые на себя обязательства по реструктурированию задолженности нашим главным кредиторам, и тем самым способствовать постепенному восстановлению международной кредитоспособности кубинской экономики.

Вчера вечером Национальная Ассамблея приняла Закон о Государственном бюджете на 2015 год, который предусматривает дефицит в 6,2% ВВП, что считается приемлемым при нынешних обстоятельствах. Вводятся новые налоги, а налоговая нагрузка на систему предприятий сокращается в соответствии с постепенным введением в действие Налогового законодательства.

В то же время принимаются различные меры для усиления налогового контроля над проявлениями недисциплинированности и уклонения от налогов со стороны юридических и физических лиц. В этой сфере необходимы не только санкции против неплательщиков, поскольку безнаказанность была бы равнозначна поощрению нарушений действующих законодательных норм. Полагаем, что необходимо также воспитывать у учреждений, предприятий, кооперативов и самозанятых работников культуру расчетов с государством, понимание того, что налоги – главная форма перераспределения национального дохода в интересах всех граждан.

С другой стороны, продолжает продвигаться вперед процесс воплощения в жизнь Основных направлений экономической и социальной политики партии и Революции, принятых VI съездом. Как уже сообщалось, в этой сфере мы находимся на качественно высшем этапе, когда приходится браться за крайне сложные задачи, решение которых повлияет на все стороны жизни нации.

Я имею в виду, в первую очередь, процесс валютного объединения, в котором во второй половине нынешнего года удалось добиться прочного прогресса с концептуальной точки зрения, удалось разработать широкую программу мер с целью избежать неблагоприятного воздействия на экономику и население. Гражданами

---

[1] http://prensa-latina.cu/index.php?option=com_content&task=view&idioma=1&id=3387251&Itemid=1

[2] Выступление Рауля Кастро Рус, Председателя Государственного Совета и Совета Министров Республики Куба на закрытии сессии Национальной Ассамблеи народной власти 20 декабря 2014 г.

[3] Карибское сообщество (CARICOM) – региональная интеграционная организация, основанная в 1973 г. Ныне включает 15 членов: Антигуа и Барбуду, Багамские о-ва, Барбадос, Белиз, Гаити, Гайану, Гренаду, Доминику, Монтсеррат (британское владение), Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Кристофер и Невис, Сент-Люсию, Суринам, Тринидад и Тобаго, Ямайку. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

благоприятно воспринято решение вести во всех валютных магазинах продажу товаров за кубинские песо, которая будет постепенно расширяться.

Сейчас подходящий случай подтвердить два положения, которые мы не должны терять из виду.

Первое: валютное объединение не является универсальным и немедленным решением всех проблем, с которыми сталкивается наша экономика. Это важное решение должно дополняться совокупностью макроэкономических мер, способствующих упорядочению денежной системы страны посредством инструментов, обеспечивающих равновесие национальных финансов, что внесет решающий вклад в улучшение функционирования экономики и построение на Кубе процветающего и устойчивого социализма.

Второе, не менее важное положение состоит в том, что будут гарантированы банковские депозиты в иностранной валюте, конвертируемых кубинских песо (CUC) и кубинских песо (CUP), а также наличность, находящаяся у населения и у национальных и иностранных юридических лиц.

Мы знаем, что внутри и вне страны дают себя знать доброжелательные и не очень суждения о темпах процесса актуализации нашей экономической модели.

Также нет недостатка в открытых, исходящих из-за рубежа, призывах поспешить с приватизацией даже главных отраслей производства и услуг, что было бы равнозначно тому, чтобы сложить знамена социализма на Кубе. Похоже, что авторы таких призывов не дали себе труда прочесть Основные направления, где со всей ясностью говорится, цитирую: «*Экономическая система, которая будет преобладать в нашей стране, будет продолжать основываться на социалистической собственности всего народа на основные средства производства, при этом должен действовать социалистический принцип: от каждого по его способностям, каждому по его труду*».

Решения VI съезда Коммунистической партии Кубы мы продолжим воплощать в реальность с твердостью, темпами, которые мы сами здесь самостоятельно выберем, – не ставя под угрозу единство кубинцев, никого не бросая на произвол судьбы, не применяя шоковой терапии и никогда не отказываясь от идеалов социальной справедливости нашей Революции простых людей, совершенной простыми людьми для простых людей[1].

Уже в наступающем году мы начнем подготовительные мероприятия к проведению в апреле 2016 года VII съезда партии, которому будет предшествовать широкое демократическое обсуждение с коммунистами и всем народом хода претворения в жизнь Основных направлений.

В тесной связи с актуализацией модели находится процесс постепенной, повторяю, постепенной децентрализации с передачей полномочий от министерств системе предприятий.

Этого нельзя сделать в кратчайшие сроки, если мы хотим добиться успеха. Требуется разумный промежуток времени, чтобы подготовить и обучить кадры всех уровней, что мы и делаем, чтобы изменить устаревший образ мышления и изжить старые привычки, а также разработать и ввести в действие юридические рамки и точные процедуры, позволяющие контролировать адекватность выполнения решений, своевременно исправлять ошибки и таким образом избегать ненужных отступлений.

В плане расширения автономии социалистического государственного предприятия, в числе других мер, придано больше широты и гибкости его социальному объекту, определен госзаказ и предоставлены полномочия по сбыту производственных излишков. Также принято решение устранить административные лимиты для выплаты зарплаты по результатам труда.

Эти преобразования должны осуществляться постепенно, без поспешности, в обстановке порядка, дисциплины и требовательности.

Справедливое стремление получать больший заработок – вопрос очень чувствительный, в котором мы не можем себе позволить ошибиться или дать себя увлечь желанием или импровизацией.

Нас радует, когда постепенно растет зарплата тех работников, чей труд более эффективен по результатам и дает достижения особого экономического и социального значения.

Однако должно быть совершенно ясно, что нельзя распределить богатство, которое мы пока не в состоянии создать; такая попытка повлекла бы серьезные последствия для национальной экономики и для каждого гражданина. Сорить деньгами направо и налево без соответствующего предложения благ и услуг значило бы порождать инфляцию – явление, которое наряду со многими другими вредными последствиями сокращало бы покупательную способность зарплат и пенсий, нанося удар в первую очередь людям с самыми скромными доходами. А этого мы не можем допустить.

В течение первого года проведения новой политики в области заработной платы нашлось немало предприятий, где происходило нарушение индекса расхода зарплаты на один песо добавленной стоимости – брутто, иначе говоря, платили более высокие зарплаты без соответствующей производственной опоры. Я уже не раз предупреждал, что это надо рассматривать как тяжелое, очень тяжелое нарушение дисциплины, которому должны решительно противостоять административные руководители, а также профсоюзные организации.

Ни для кого не секрет, что в нашей общественной системе профсоюзы защищают права трудящихся, и чтобы действительно достичь этого, они должны первыми заботиться не только об интересах определенного трудового коллектива, но и об интересах всего рабочего класса, которые в сущности те же, что основополагающие интересы всей нации.

Мы не можем давать простор развитию и упрочению эгоизма и алчности среди наших трудящихся. Все мы хотим увеличения зарплаты и нуждаемся в ней, но прежде надо создать богатство, чтобы потом распределить его сообразно вкладу каждого.

Конечно, существует много других вопросов, связанных с актуализацией экономической модели, которые я не затронул. В нескольких из них обнаружились определенные недостатки, которые мы обязаны вовремя исправить, с тем чтобы не пришлось сделать шаг назад, но для этого надо работать с большой серьезностью и ответственностью.

Никто в мире не может отрицать выдающихся свершений Кубы в международном плане за уходящий год. Вызов, который стоит перед нами, кубинцами, очень большой. Надо поднять экономику на высоту политического престижа, который наш маленький карибский ост-

[1] Известные каждому кубинцу слова из речи Фиделя Кастро перед ополченцами, отправлявшимися сражаться против контрреволюционного десанта на Плайя-Хирон в апреле 1961 г.

ров завоевал благодаря Революции, героизму нашего народа и его способности к сопротивлению. Экономика – главное из не сделанных еще дел, и наш долг – окончательно поставить ее на рельсы, ведущие к устойчивому и необратимому развитию социализма на Кубе.

Как я уже сказал вначале, мы, депутаты и весь народ, чувствуем огромное воодушевление и радость от того, что с нами, на Родине, находятся Герардо, Рамон, Антонио, Фернандо и Рене, превращая в реальность то, что обещал товарищ Фидель тринадцать лет назад. Выдающийся пример твердости, жертвенности и достоинства Пятерки наполняет гордостью нацию, которая неустанно сражалась за их освобождение и сегодня встречает их как подлинных героев.

Я должен вновь выразить глубокую и искреннюю благодарность всем движениям и комитетам солидарности, боровшимся за обретение ими свободы, и многочисленные правительства, парламенты, организации, институты и людей, внесших свой мужественный вклад.

Кубинский народ благодарит президента США Б. Обаму за это справедливое решение. Этим устранено одно из препятствий в отношениях между нашими странами.

Весь мир позитивно отреагировал на заявления, сделанные в минувшую среду, оценив их важность для международных отношений, и особенно для отношений США с регионом, что вызвало выступления в их поддержку правительств, президентов и известных людей, которым мы выражаем искреннюю благодарность.

Это стало плодом переговоров на самом высоком уровне, проводившихся строго конфиденциально, при вкладе Папы Франциска и возможностях, предоставленных правительством Канады. Этот результат стал возможен, кроме того, благодаря глубоким переменам, происшедшим в Латинской Америке и Карибском бассейне, где правительства и народы разделяют требование новой политики США в отношении Кубы.

Мы приветствуем постановку вопроса президентом Обамой: открыть новую главу в отношениях обеих стран и внести в американскую политику самые существенные за последние 50 лет перемены.

Мы также признаем выраженное им намерение провести с американским конгрессом дебаты о снятии блокады, а также его стремление достичь лучшего будущего для обоих народов, для нашего полушария и мира.

Мы разделяем ту идею, что между США и Кубой может открыться новый этап, начиная с восстановления дипломатических отношений, которые должны будут основываться на конвенциях о дипломатических и консульских отношениях, регулирующих деятельность дипломатических и консульских миссий и их служащих.

На контакты на высоком уровне между обоими правительствами мы пойдем с конструктивным духом уважения и взаимности, с целью двигаться к нормализации двусторонних отношений.

Как я выразился 17 сентября, сделан важный шаг, но остается еще разрешить главный вопрос – снятие экономической, торговой и финансовой блокады против Кубы, ужесточившейся в последние годы, особенно в сфере финансовых трансакций, с применением огромных незаконных штрафов против банков различных стран.

Наш народ должен понимать, что, при заявленных условиях, это будет долгая и трудная борьба, которая потребует мобилизации, чтобы в международном масштабе и в североамериканском обществе продолжали требовать снятия блокады.

Все данные указывают, что большинство североамериканских граждан и еще более значительное большинство кубинской эмиграции – за нормализацию двусторонних отношений. В конгрессе США, превратившем установления блокады в закон, также растет оппозиция этой политике.

Мы надеемся, что президент США решительно использует свои исполнительные прерогативы, чтобы существенно модифицировать применение блокады в некоторых аспектах, не требующих одобрения конгрессом.

В то же время мы будем изучать масштаб и форму применения позитивных мер исполнительной власти, объявленных президентом Обамой.

Обнадеживает его распоряжение пересмотреть неоправданное включение Кубы в список стран, содействующих международному терроризму. Факты показывают, что Куба была жертвой многочисленных террористических нападений, стоивших нам тысяч погибших и искалеченных; как все мы знаем, многие из их виновников и сегодня остаются безнаказанными.

Предлоги, приводимые с этой целью, абсолютно безосновательны, как известно всей планете. Они служат лишь политическим интересам как фальшивый аргумент для оправдания ужесточения блокады, особенно в финансовом секторе.

Никогда с Кубы не организовывался, не финансировался и не осуществлялся ни один террористический акт против лиц, интересов или какой-либо территории США, и впредь это не будет допущено. Всякий раз, когда нам становилась известна какая-либо информация о террористических планах против США, мы сообщали об этом их правительству, которому уже многие годы предлагаем заключить соглашение о сотрудничестве в этой области.

Мы всегда были готовы к уважительному диалогу на базе равенства, чтобы обсуждать самые разные темы на принципах взаимности, не бросая и тени на нашу национальную независимость и самоопределение и, как подчеркивал Фидель, не отказываясь ни от одного из наших принципов.

Повторяю: продвигаться вперед можно только на основе взаимного уважения, что предполагает соблюдение принципов международного права и Устава Объединенных Наций, в том числе суверенного равенства государств; равноправия и свободы самоопределения народов; улаживания международных споров мирными средствами; воздержания от применения силы или угрозы ее применения против территориальной целостности или независимости любого государства; обязательства не вмешиваться в дела, подлежащие внутренней юрисдикции государств. Отсюда следует, что любая форма вмешательства или угрозы политическим, экономическим и культурным элементам какого-либо государства представляет собой нарушение международного права.

Согласно документу о провозглашении Латинской Америки и Карибского бассейна регионом мира, подписанному 29 января 2014 года главами государств и правительств на саммите CELAC[1] в Гаване, любое государство имеет неотъемлемое право выбирать свою полити-

[1] Сообщество латиноамериканских и карибских государств (CELAC) – созданная в 2011 г., впервые в истории Западного полушария, международная организация, объединяющая все страны Латинской Америки и Карибского бассейна, но в отличие от Организации американских государств – без США и Канады.

ческую, экономическую, социальную и культурную систему без вмешательства в какой бы то ни было форме со стороны другого государства, что составляет принцип международного права. Этот документ был подписан здесь, в Гаване, всеми главами государств и правительств этого континента, за исключением США и Канады, которые не были приглашены на встречу.

Между правительствами США и Кубы есть глубокие расхождения, включающие, в числе других, различие концепций осуществления национального суверенитета, демократии, политических моделей и международных отношений.

Мы подтверждаем приверженность уважительному и взаимному диалогу об этих расхождениях. У нас твердые убеждения, многое из происходящего в США в области демократии и прав человека тревожит нас, и мы согласны разговаривать, на вышеуказанных основаниях, по любой теме, обо всем, что они захотят обсудить, – о происходящем здесь, но также и в США.

Не должно быть претензий на то, что Куба ради улучшения отношений с США откажется от идей, за которые боролась на протяжении более чем столетия, за которые народ пролил много крови и подвергал себя величайшему риску.

Необходимо понимать, что Куба – суверенное государство, чей народ на свободном референдуме по Конституции принял решение о своем социалистическом курсе и политической, экономической и социальной системе.

Так же, как мы никогда не предлагали США изменить их политическую систему, мы требуем уважения к нашей.

Оба наши правительства должны принять взаимные меры, чтобы избегать фактов, могущих повредить прогрессу в двусторонних отношениях, основанному на уважении законов и конституционного порядка сторон.

Мы не упускаем из вида яростную критику, которую президент Обама, по причине упомянутых заявлений, вынужден выдерживать со стороны сил, выступающих против нормализации отношений с Кубой, включая законодателей кубинского происхождения и главарей контрреволюционных группок, противящихся утрате поддержки, которую им до сих пор обеспечивали десятилетия конфронтации между нашими странами. Они сделают все возможное, чтобы саботировать этот процесс, не исключая всякого рода провокационных акций. С нашей стороны будет доминировать поведение благоразумное, умеренное и гибкое, но твердое.

На Кубе существуют многочисленные и разнообразные массовые организации – профсоюзные, крестьянские, женские, студенческие, писательские и художественные, социальные, – представленные даже в Госсовете, и неправительственные, многие из которых представлены депутатами в нашей Ассамблее. Для них было бы оскорблением, если бы их смешивали с немногими сотнями индивидов, получающих деньги, инструкции и «кислород» из-за рубежа.

В многосторонних организациях, таких, как ООН, мы будем продолжать защиту мира, международного права и дела справедливости, а также заявлять об угрозах выживанию человеческого рода, создаваемых изменением климата и ядерными арсеналами.

Мы продолжим добиваться осуществления всеми людьми человеческих прав, включая экономические, социальные и культурные права и право народов на мир и развитие.

Кубинская Революция глубоко признательна народам, партиям и правительствам, которые оказали и оказывают ей неизменную и постоянную солидарность, и будет и впредь ориентировать свою внешнюю политику на непоколебимых основах верности принципам.

Символом сказанного являются особые отношения, поддерживаемые нами с Боливарианской Республикой Венесуэлой. Мы продолжим оказывать ей поддержку перед лицом попыток дестабилизировать законное правительство, возглавляемое товарищем президентом Николасом Мадуро Моросом, и отвергаем претензии навязывать санкции этой братской нации.

Как я уже подчеркивал несколько дней назад, у нас есть намерение сотрудничать с Соединенными Штатами на многосторонней и двусторонней основе перед лицом угроз, требующих коллективных и действенных гуманитарных ответов, которые никогда не должны были бы подвергаться политизации.

Так обстоит дело с противостоянием болезни Эбола в Западной Африке и ее предотвращением в обеих Америках, о чем заявил недавний Чрезвычайный саммит АЛБА, проведенный нами в Гаване в минувшем октябре месяце.

Как я уже заявлял на недавних саммитах КАРИКОМ и АЛБА, я благодарю президента Панамы Хуана Карлоса Варелу за приглашение участвовать в VII Саммите Америк и подтверждаю, что приму в нем участие, чтобы выразить наши позиции с искренностью и уважением ко всем главам государств и правительств без исключения.

Участие Кубы – результат твердого и единодушного согласия Латинской Америки и Карибского бассейна, которые переживают новую эпоху и объединились, при своем многообразии, в Сообщество латиноамериканских и карибских государств (CELAC), в котором Куба в прошлом году удостоилась чести быть председателем.

Мы не забываем, что АЛБА, в результате упорных требований и при поддержке всех стран региона, добилась устранения старых и позорных санкций против Кубы, введенных в 1962 г. Организацией американских государств, на саммите в Республике Гондурас, где всего месяц спустя свергли, путем государственного переворота, президента этой страны, товарища Селайю.

Товарищи!

Через несколько дней мы будем праздновать Новый год и 56-ю годовщину победы Революции. А всего два дня назад, 18 декабря, исполнилось 58 лет со встречи с Фиделем в Синко-Пальмас-де-Викана в Сьерра-Маэстре (*аплодисменты*), в сердце Сьерра-Маэстры[1], и его вошедшего в историю восклицания при известии, что у нас вместе насчитывается семь винтовок, чтобы возобновить борьбу: «*Теперь-то мы точно выиграем войну!*».

Непоколебимая вера в победу, которую вдохнул в нас Фидель, будет и дальше вести весь наш народ в защите и совершенствовании дела его Революции.

Поздравляю с Новым годом!

Приветствуем новый, 57-й год Кубинской Революции!

Большое спасибо!

[1] Речь идет о встрече двух групп партизан во главе с Фиделем и Раулем Кастро, сохранивших бойцов и оружие после первого неудачного боя с карателями Батисты.

Великий социалистический трибун
К 155-летию рождения и 100-летию гибели Жана Жореса

А.В. Харламенко

Раскаленным летом 2014 года – в канун 100-летия Первой мировой войны, неустанно «актуализируемого» известиями из Донецка и Луганска, Дамаска и Газы, Багдада и Триполи, – немногие вспомнили, что первому всемирному военному преступлению империализма непосредственно предшествовало другое злодеяние. 31 июля 1914 г. пули наемного убийцы оборвали жизнь одного из виднейших деятелей социалистического и рабочего движения не только его родной Франции, но и всей Европы, всего мира.

Человека, во многом воплощавшего эпоху, закончившуюся в последний день июля 1914 года, звали Жан Жорес. Этот человек противоречив, как сама эпоха. Противоречиво и отношение потомков к его личности и исторической роли. В молодой Советской стране детям давали имя Жорес, подобно именам Спартак, Марат или Тельман. Но в советских же учебниках Жореса называли лидером правого, оппортунистического крыла французского рабочего движения, противостоявшего «левым ортодоксам» во главе с Жюлем Гедом. Нельзя сказать, что для такой оценки не было оснований: «ортодокс» Гед вместе с левыми социал-демократами всей Европы осудил вхождение социалиста Мильерана в буржуазное правительство, а Жорес, хоть и после долгих сомнений, поддержал этот шаг. Но как быть с тем, что именно Жорес, а не его «левые» оппоненты, решительно осудил ревизионизм Бернштейна, давшего мильерановщине «теоретическое» обоснование? Что на конгрессах II Интернационала Жорес не раз выступал вместе с самым непримиримым врагом оппортунизма – В.И. Лениным? И, главное, с тем, что «оппортунист» Жорес до конца боролся против империалистической войны, пока его не заставили замолчать выстрелами в голову, а лидер «ортодоксов» Гед одним из первых стал на путь защиты буржуазного отечества, за что был вознагражден министерским креслом…

Исторический путь социалистов Франции пролег «*от Мильерана до Миттерана*»[1]. Ф. Миттеран сделал политическую карьеру в партии, ведущей родословную от великого трибуна, и занял Елисейский дворец при поддержке всех трех политических течений, многим обязанных Жоресу: социалистического, радикального и коммунистического. И ему же предстояло санкционировать неолиберальные «реформы», положившие конец той, во многом определившей лицо Франции XX века, системе социально-политических союзов и компромиссов, у истоков которой стоял великий трибун.

Символический факт: почти столетие в городе Альби действовал стекольный завод, принадлежавший рабочему кооперативу; его двор украшала бронзовая статуя того, без чьей самоотверженной поддержки предприятие вряд ли было бы создано. 1993-й – год гибели российских Советов – стал последним и для прообраза рабочего управления на юге Франции: завод, при президенте-социалисте Миттеране задыхавшийся «*во все более враждебной атмосфере*», был проглочен одной из частных корпораций. Это событие не без оснований называют «*второй смертью Жореса*»[2].

В наши дни легендарного трибуна на его родине называют «забытым». Правда, улицы и станции метро, названные в его честь, не переименованы – это все же не Венгрия, не Украина и даже не РФ. Но мало кто из людей, которые каждый день проходят по этим улицам и станциям, сможет вспомнить, чем прославлено имя, написанное на табличках.

Впрочем, нельзя сказать, что французские социалисты обошли молчанием столетие гибели отца-основателя своей партии. Памятные мероприятия, хоть и не особенно заметные, продолжались почти полгода. Еще в марте выставку, посвященную Жоресу, открывал лично премьер (впрочем, вскоре вынужденный уступить место специалисту по шоковым реформам). Через месяц «сам» президент Ф. Олланд, ненадолго оторвавшись от войны в Мали, бомбежек Ближнего Востока и санкций против России, побывал в городке Кармо, где рабочие выбирали Жореса в парламент, а он не раз приходил им на помощь в классовых боях. И, наконец, 31 июля президент почтил своим присутствием кафе «Круассан», где оборвалась жизнь трибуна. Глава государства, символически сопровождаемый германским вице-канцлером, возложил венок к мемориальной доске. На вопрос журналистов, какой «мессидж» покойного он считает актуальным, президент дал обтекаемый ответ: «*Мир и единство, единство Республики*». После чего изволил выпить чашечку кофе за тем самым мраморным столиком, на который пролилась кровь убитого…

Еще весной, выступая в Кармо, Олланд произнес симптоматичную фразу: «*Жорес, человек социализма, – сегодня человек всей Франции, его все оспаривают друг у друга*». Действительно, постмодернистская манера сваливать взаимоисключающие идеи в одну кучу не щадит никого и ничего. Еще в президентскую кампанию 2007 г. кандидат правых Н. Саркози часто цитировал великого трибуна. А через два года даже ультраправый «Национальный фронт» писал на своих плакатах перефразированные высказывания того, от чьих злейших врагов ведет родословную. Лидер блока радикальных левых Ж.-Л. Меленшон с полным основанием назвал все это «*еще одним способом убить его*»[3].

Жорес как никто олицетворял политику, идеологию, психологию единства ***левых*** – в исходном значении данного термина, ныне изрядно дискредитированного, но возникшего именно во Франции в годы ее Великой революции как обозначение политических сил, *так или иначе, в той или иной мере* выражающих интересы *трудящих-*

[1] Согласно точной формулировке нашего покойного товарища Е.Н. Харламенко.

[2] http://www.asturiasemanal.es/jaures150.htm

[3] http://www.milenio.com/internacional/Francia-homenaje-socialista-Jean-Jaures_0_345565815.html

ся, в противоположность ***правым*** как выразителям интересов *эксплуататоров*. Тенденция единства левых, детерминируемая глубинными закономерностями эпохи империализма, носит международный характер. Однако специфика Франции – социальная, политическая, культурно-идеологическая – обусловила особую актуальность этой политической линии, по крайней мере, до 80-х гг. XX века. С нею связаны и победы французского рабочего класса, базировавшиеся на его гегемонии в антифашистской борьбе, и поражения, обусловленные оппортунистическим перерождением его партии. Каждый этап французского и международного рабочего движения, до его упадка в конце XX в., порождал новых Жоресов и новых Мильеранов. Когда движение шло на подъем, казалось, открывая шанс выхода за буржуазные рамки, – были востребованы имя и дело Жореса. Когда же наступал спад, приходило время Мильеранов. Расплатой за их ренегатство становилось очередное издание левого сектантства, склонного винить в поражении линию единства как таковую и Жореса как ее провозвестника, не считаясь с тем, что и ее истоки, и пределы ее возможностей носят конкретно-исторический, в основе объективный характер.

На столетие первого убийства Жореса откликнулась испанская и латиноамериканская печать, в основном левая. Это понятно ввиду сходства многих черт Франции его времени с последующими этапами ибероамериканской истории, особенно с «левым поворотом» конца XX столетия. В этом свете далеко не случайно глубинное родство Ж. Жореса как человека и политика с такими крупнейшими фигурами новейшей истории Латинской Америки, как С. Альенде, Д. Ортега, У. Чавес, Л.И. Лула да Силва, Э. Моралес, Р. Корреа.

Российские СМИ хранят о Жоресе глухое молчание. Власти РФ стремятся придать побольше торжественности столетию Первой мировой войны, и им незачем вспоминать о политике, отдавшем жизнь в борьбе против нее. Националисты всех мастей не могут ему простить нелицеприятных высказываний о самодержавии, интернациональной солидарности с российской революцией. Не зря его имя вместе с другими великими именами стерли со стелы в Александровском саду.

Иным же продолжателям традиций коммунистического движения он, видимо, все еще представляется соглашателем, ревизионистом, пацифистом. Подобную интерпретацию нетрудно подкрепить цитатами из Энгельса и Ленина, а относиться к высказываниям классиков конкретно-*исторически* способны, увы, немногие.

Парадоксы и загадки, связанные с фигурой Жореса, попытался объяснить Н.Н. Молчанов, написавший его развернутую научную биографию[1]. Советский историк обратил внимание на уникальное для эпохи обстоятельство: в противоположность большинству лидеров II Интернационала, эволюционировавших в политике «*слева направо*», Жорес двигался «***справа налево***». Подмечено совершенно верно. Но сам этот феномен, единственный в своем роде, требует марксистского объяснения.

1. От республиканизма к пролетарскому социализму

Жореса не понять отдельно от его родины. Пожалуй, даже двух – большой и малой.

Большая родина – Франция, первое в Старом Свете крупное государство с республиканской формой правления, более столетия (1789–1904) служившее Европе и всему миру политической лабораторией. Совершив несколько революций, трудовой народ Франции выработал высокую политическую культуру, социальную активность, чувство собственного достоинства. Но минувшая эпоха оставила и иное наследство – длительное преобладание, особенно в деревне и небольших городах, мелкобуржуазного уклада, что сдерживало развитие крупной промышленности, консервировало мещанскую ограниченность во многих сферах жизни, ослабляло страну перед лицом более динамичных держав. Затянувшуюся экспроприацию крупным капиталом мелких производителей отражали характерные для мелкохозяйской среды идейно-политические движения – как реакционные, предшествующие фашизму, так и леводемократические, сближавшиеся с рабочим движением. Вплоть до XX в. крупный капитал Франции не мог осуществлять свою диктатуру без мелкобуржуазных союзников; но сложится ли этот блок в крайне реакционном или относительно демократическом варианте – решалось в напряженной борьбе, сформировавшей Жореса как политика и мыслителя.

Малая родина – южнофранцузский Лангедок, страна горячего солнца, виноградников и свободолюбия. Здесь издавна сложился своеобразный уклад хозяйства и жизни – с широким распространением полукустарной текстильной промышленности, немалым числом зажиточных крестьян и большим влиянием «новой знати», в противоположность северофранцузским дворянам не гнушавшейся предпринимательства. На протяжении столетий на юге находили поддержку все, кто выступал против церковного и королевского гнета: еретики-альбигойцы, гугеноты, фрондеры. Жан с юных лет впитал вольнолюбие и народный здравый смысл своих земляков, их оптимизм и юмор, любовь к родной литературе, особенно поэзии, и к пришедшему из римских времен ораторскому искусству.

Будущий лидер социалистов родился 3 сентября 1859 г. в городке Кастр департамента Тарн[2]. Семья с буржуазными корнями сохранила важные связи (кузены отца дослужились до адмиралов, и в дальнейшем Луи, младшему брату Жана, удастся повторить их карьеру), но сильно обеднела. Отец, потерпев неудачу в коммерции и подорвав здоровье, еле смог на приданое жены купить ферму. Жоресы жили скорее по-крестьянски, чем по-буржуазному. Любовь к сельской жизни и труду на земле Жан сохранил на всю жизнь.

Детство пришлось на годы Второй империи – период бурного роста капитализма. Лангедок пересекали железные дороги, как грибы росли филиалы крупных банков. Текстильная мануфактура не могла устоять против крупной промышленности. Тогда же край постигло бедствие – завезенная из Америки корневая тля-филлоксера стала губить виноградники. Сыновей разорявшихся ремесленников и крестьян ждал каторжный труд в угольных шахтах и на стекольных заводах баронов Солажей – господ всей округи.

Жану едва исполнилось одиннадцать, когда империя Луи Бонапарта потерпела унизительный разгром в войне с Пруссией. Жорес вспоминал, как страдал от того, что не мог ничего сделать для родины. Мало что могли и взрослые южане: от Парижа, где решалась судьба страны, Лангедок был отрезан оккупантами. Слишком долго

[1] Молчанов Н.Н. Жорес. - М.: Молодая гвардия, 1969.

[2] Департамент Тарн поныне не утратил традиций народной активности: осенью 2014 г. там произошли молодежные протесты против политики правительства, жестоко подавленные полицией.

добирались сюда вести о голодной блокаде столицы, провозглашении Коммуны, ее геройской гибели. Но эта, трагическая для рабочего Парижа, ситуация имела и иную сторону: пролетариат и другие республиканско-демократические силы французского юга не испытали разгрома, победа контрреволюции при всей жестокости не стала тотальной и в перспективе во многом оказалась пирровой.

Школьные годы Жана выпали на сумрачное время «республики без республиканцев». Социализм, как злорадно говорят враги, похоронен во рвах кладбища Пер-Лашез. Президентствует генерал Мак-Магон, один из виновников военного разгрома и ярый монархист. Даже родные Жана мечтают о реставрации «Генриха V», и только отказ претендента признать трехцветное знамя не позволяет вернуть страну в прошлое.

Небогатой семье удалось определить сыновей сначала лишь в захудалый пансион местного аббата, откуда Жан вынес нелестное мнение о педагогике слуг божьих. Помогла протекция дяди-адмирала: стипендию в коллеж Кастра разделили на двоих. Все годы учебы Жан был первым учеником; по убеждению преподавателей, столь талантливого питомца коллеж не имел никогда. Но в Кастре его ждала разве что должность почтового чиновника. К счастью, в кои-то веки провинциальный коллеж посетил инспектор министерства просвещения; произвели впечатление знания Жана или консерватизм семьи, но старый монархист (ирония судьбы) выхлопотал будущему социалисту стипендию в лучший вуз Франции – «Эколь нормаль».

И вот кипящий водоворотом Париж – для современников столица не одной Франции, но и Европы и даже мира. Денег в обрез, но библиотеки бесплатны, и этим достижением республики Жан пользуется сполна. Среди сокурсников – будущие мэтры: буржуазной социологии – Э.Дюркгейм, этнографии – Л. Леви-Брюль и субъективно-идеалистической философии – А.Бергсон. Жорес и сам выбирает специальностью философию, но профессоров шокирует тема исследования – «*О реальности чувственного мира*». Это далеко еще не последовательный материализм, но уже начало переворота в мировоззрении. Юноша расстается с католической верой, впитанной в деревенском детстве. Еще один знак судьбы: преподавательскую работу довелось начать в лицее недалекого от родных мест города Альби, давшего в XIII веке имя ереси, потопленной в крови крестоносцами и преданной огню папскими инквизиторами…

Тем временем республикой, провозглашенной большинством в *один* голос, все же овладели республиканцы. Мак-Магону после провала затеянного им переворота пришлось уйти (не на арестантской барже в заморскую тюрьму, как коммунарам, а всего лишь в отставку). Крупная буржуазия почла за лучшее расстаться с миражом монархии и вступить в блок с мелкобуржуазной демократией, представлявшей тогда большинство французов. Республиканский блок узаконил права и свободы, провозглашенные еще Великой революцией. День взятия Бастилии стал официальным праздником, а «Марсельеза», за исполнение которой раньше грозила тюрьма, – национальным гимном. Социалистическое движение вышло из подполья: в 1879 г. съезд под руководством Ж. Геда и П. Лафарга заявил о создании Рабочей партии, поставившей целью переход средств производства и политической власти в руки пролетариата.

Жорес начал политический путь не в Рабочей партии, а в движении республиканцев. На то были объективные причины: глубокая провинция, из которой он вышел, еще толком не знала других взглядов, не считая монархическо-клерикальных. Если парижских республиканцев можно было считать выразителями интересов средней и мелкой буржуазии, то в большей части страны их последователи составляли многоклассовый блок, во многом предвосхищавший популистские движения Латинской Америки XX века. Республиканское движение притягивало к себе людей разного социального облика – от буржуазной интеллигенции до крестьян и рабочих – борьбой за светскую школу, признанием профсоюзов, расширением местного самоуправления и не в последнюю очередь тем, что сформированное им правительство объявило демократический строй не подлежащим пересмотру.

Конечно, Жорес не мог не видеть, как республиканцев, в те годы впервые назвавших себя «оппортунистами», затягивает болото коррупции. Но, научившись уже улавливать главный нерв политического момента и отторгать демагогию, он не пошел за лидером партии радикалов Ж. Клемансо, пленявшим мелких буржуа и часть рабочих шумной критикой «оппортунизма». Бывшему ученику легендарного О. Бланки, успевшему отречься от социализма, Жан предпочитал республиканцев, у которых помимо грехов были реальные достижения. Понимал он и то, что расколом демократического лагеря не преминут воспользоваться ярые реакционеры. Это было особенно явственно в его родном Тарне, где на выборах 1885 г. республиканцам противостояла «команда» барона Рея, владельца угольных шахт Кармо. Монархисты и церковники травили республику как порождение революции.

Жорес положил в основу кампании идею, актуальную и в наши дни: «*Говорят, что республика совершала ошибки. Но является ли это достаточной причиной, чтобы отказаться от нее? Нет, сто раз нет! Единственная форма правления, которая может ошибаться без непоправимого вреда, – это республика, режим народного контроля, обсуждения и свободы*»[1]. Но, в отличие от буржуазных республиканцев, он призывал к социальным реформам – в эпоху европейской реакции это было уже немало. На выборах, в масштабах страны неудачных для республиканцев, Жорес собрал голосов больше любого кандидата, обогнав даже хозяина здешних мест.

И вот снова Париж, Бурбонский дворец – по иронии судьбы резиденция Палаты депутатов. Будто нарочно сделано все, чтобы затруднить серьезное отношение к парламентской работе: в зале душно, между скамьями еле можно втиснуться, приходится сидеть скорчившись, на узеньких пюпитрах некуда положить листок бумаги. 26-летний Жорес, из депутатов самый молодой, но не отличавшийся железным здоровьем, был чуть не единственным, кто не пропускал ни одного заседания, следил за всеми дебатами, внимательно изучал обсуждаемые материалы. У него уже репутация отличного оратора, но на трибуну он не спешит – присматривается, с кем идти. Только через год выступает в защиту светской школы, сразу вызвав неодобрение оппортунистов. При обсуждении вопроса о таможенных пошлинах на импорт зерна – «ради крестьян» и в ущерб рабочим – напоминает собранию: две трети земли принадлежат не кре-

[1] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 69-70.

стьянам, а рантье, субсидией им и окажутся пошлины. Вносит резолюцию, близкую к резолюции социалистов; обе, разумеется, отвергнуты.

С тех пор всякий раз, когда вносились законопроекты, в чем-то облегчающие жизнь трудящихся, в палате звучал голос Жореса. Сердце и разум его восставали против «порядка», при котором рабочие гнули спину по 12-14 часов в день за мизерную плату. Он уже не видел для себя идеала кроме социализма, хотя понимал его пока наивно, в духе Дон Кихота XIX века, горячо взывающего к совести и гуманности буржуазных коллег. Предлагал создать пенсионные фонды из взносов предпринимателей и рабочих, ввести компенсацию жертвам несчастных случаев на производстве, контролировать состояние шахт с участием рабочих делегатов – но все его предложения парламент проваливал либо выхолащивал до неузнаваемости.

И все же ему было нелегко встать на сторону рабочих, когда те бастовали почти без шансов на победу, проливали кровь в схватках с полицией, иной раз и расправлялись с ненавистным начальством, подвергая себя каре «закона и порядка». Жана удерживали не собственнические интересы и предрассудки, как многих республиканцев, – этому он, бессребреник по натуре, всегда был чужд, – а опасение, что эксцессы, пусть морально оправданные тяжелым положением рабочих, могут сыграть на руку реакции, готовой растоптать демократический строй. До конца жизни он будет стремиться связать социальное освобождение трудящихся с защитой демократических завоеваний французского народа.

Жорес раньше многих понял опасность для страны, исходившую от креатуры Клемансо – военного министра Буланже. Генерал, участвовавший в подавлении Коммуны, а теперь носивший в петлице красную гвоздику, обрел массу поклонников, даже из социалистов. Но весь его радикализм сводился к демагогии насчет правительственной коррупции, обещаниям «сильной руки» и реваншистской войны с Германией, обрекавшей лишенную союзников Францию на разгром. На страницах печати Жорес вовремя изобличил «*движение, использующее ультрапатриотизм и выдвигающее расплывчатую программу, обещающую что-то каждому из недовольных; движение, являющееся непосредственной угрозой республике и свободе*». Крайне правые, предупреждал он, «*сделали из человека на коне не реформатора, а фасад для консерватизма*». Попытки правых и «левых» вменить коррупцию в вину республиканскому строю Жорес отвергал с позиций вполне социалистических: «*Пока общество базируется на частной собственности и эгоизме, политическая жизнь неизбежно будет отражать капиталистическую мораль. Ответ на коррупцию заключается не в отказе от республики или разоблачении нескольких продажных политиков, а в изменении социальной системы*»[1].

«*Буланжистское недоразумение*» (Ж. Жорес) не смогло поколебать республиканский строй. Но под предлогом борьбы с ним правительство в самый канун столетия Великой революции провело закон о замене выборов по спискам мажоритарной системой (один депутат в каждом округе), остающейся и поныне на вооружении буржуазии, не только французской. Тщетно Жорес клеймил позором этот избирательный порядок, благоприятствующий местным воротилам, обладателям больших денег и рычагов воздействия на «своих» избирателей. На первых же выборах по новой системе в сентябре 1889 г. Жан испытал на себе ее гнетущую силу. Ведь он выступал за государственный контроль над капиталистическими предприятиями, создание независимых профсоюзов и системы социального обеспечения, и субсидировать его кампанию было некому. Он обратился к рабочим, призвал даже к «*пролетарскому крестовому походу против правящего капитала*». На митингах, собранных врагами, ему устраивали овацию. Но на выборах неорганизованные рабочие, во всем зависевшие от хозяев – барона Рея и маркиза Солажа, – к тому же обрабатываемые церковниками, голосовали как те прикажут; шла в ход и фальсификация бюллетеней. Жан был побежден. Утешало лишь то, что в целом по стране поражение потерпели правые.

Жорес возвращается в родной Лангедок. Читает лекции в университете и работает над второй диссертацией. Тема исследования – об истоках немецкого социализма, – и многочисленные статьи свидетельствуют о пристальном интересе к марксизму. Внимательно, с карандашом в руках, Жан штудирует «Капитал». Вскоре после основания в 1889 г. II Интернационала он окончательно становится социалистом.

1 Мая 1891 г. в городке Фурми власти учинили расстрел безоружных рабочих. За доверие правительству, организовавшему бойню, вместе с оппортунистами голосовали монархисты и клерикалы. Папа римский выступил с энцикликой в пользу «христианского социализма» и с осуждением социализма подлинного. Жорес ответил резкой отповедью: «*Папа заговорил только после демонстраций 1 Мая повсюду на земле. Церковь повернулась к слабым только после того, как они начали становиться силой*»[2].

В марте 1892 г. в Лангедок с публичными лекциями приехал Ж. Гед. Жорес проговорил с ним ночь напролет. Программу Рабочей партии одобрил, но вступать в нее не стал. Слишком удручала раздробленность социалистов: *семь* партий, объединявших *полпроцента* рабочих, боролись не столько с общим противником, сколько между собой. Не привлекали и утопические представления Геда о будущей революции, которая «*отдаст всем производителям все, что они производят*».

Тем временем на малой родине многое менялось. Рабочие Кармо впервые объединились в профсоюзы, создали кружок по изучению социализма, и для хозяев кончилась спокойная жизнь. Одного из профлидеров, шахтера Кальвиньяка, даже избрали мэром. В мае 1892 г. профсоюз потребовал от администрации отпускать мэра с работы, чтобы он мог выполнять новые обязанности. Взбешенные хозяева уволили Кальвиньяка, хотя после гибели его отца в шахте сами же обязались обеспечить сына работой пожизненно. Они нагло демонстрировали, что закон не для рабочих: или не лезь в политику, или помирай с голоду. Шахтеры ответили забастовкой. Стачечная касса пополнялась рабочими не только Франции, но и других стран: Кармо стал символом борьбы за права рабочих и демократию.

Борьба шла два с половиной месяца. В городок стянули жандармов и войска. Некий анархист предлагал забастовщикам устроить динамитные взрывы, обещая большие деньги; удирая от разгневанных рабочих, провокатор оставил чемодан с визитными карточками банкира Ротшильда и герцогини из окружения Буланже.

[1] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 99-100.

[2] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 125.

В те месяцы Жорес впервые принял непосредственное участие в борьбе организованного пролетариата. Много выступал на рабочих собраниях и митингах. Освоил новый, понятный пролетариям язык. Впервые столкнулся с реальной угрозой расправы. Честный и человечный, но наивный демократ стал другим человеком, вдохнув полной грудью воздух классовой борьбы.

В тот раз задушить стачку не удалось; посредничать пришлось самому премьеру. Солаж, признав поражение, отказался от парламентского мандата. На досрочных выборах в январе 1893 г. по инициативе Кальвиньяка республиканцы-социалисты выдвинули «*на основе программы Рабочей партии*» кандидатуру Жореса. На сей раз он одержал победу.

Познав славу и политическое влияние, Жорес остался верен делу рабочих. В 1894-1896 гг. ему довелось выступить уже не только активным участником, но и организатором борьбы пролетариев. Депутат встал на защиту своих избирателей, когда хозяин стекольного завода в Кармо решил уничтожить профсоюз. Добившись смещения мэра-шахтера Кальвиньяка, делец вызывающе уволил профсоюзных делегатов, чтобы спровоцировать забастовку. Жорес знал, что шансов на ее успех нет, и убедил стекольщиков уступить, но хозяева все же устроили локаут. Классовое противостояние снова вышло за пределы провинциального городка: во всей Франции рабочие и студенты собирали средства в помощь бастующим, а буржуазия поддерживала показательный разгром профсоюза. «Большая пресса» травила рабочих и депутата-«подстрекателя». В Кармо опять были введены жандармы и войска. Жореса и других депутатов подвергли незаконному обыску. На суде над забастовщиками прокурор кричал судьям: «*Накажите их беспощадно. Надо, чтобы рабочие знали, что они всегда будут сурово наказаны, пока их представителем остается этот злосчастный человек*!» Даже жандармы предупреждали Жана, что его хотят убить, а рабочие не раз закрывали его своими телами. Враги намеревались не только расправиться с бастующими и их защитником, но и спровоцировать реакционный переворот. Жорес заявил в парламенте, что события вокруг Кармо «*угрожают существованию самой республики*».

На сей раз соотношение сил оказалось неблагоприятным для рабочих. Забастовка потерпела поражение, двести «смутьянов» остались за воротами. Владельцы всех стекольных заводов страны отказали им в найме. Оставался один выход – создать новый завод, принадлежащий рабочим. Жорес сознавал, что кооперативные предприятия не могут быть альтернативой капитализму. Но, убедившись, что стекольщики горячо поддерживают идею рабочего завода, увидел в ней выражение солидарности пролетариев и их способности самим налаживать производство. В споре с Гедом он настоял, чтобы завод считался собственностью не двухсот стекольщиков, но *всего рабочего класса Франции*. Жорес как депутат организовывал сбор средств. Ни один банк не давал кредита; помогли рабочие кооперативы. Стекольщики за 16 километров ходили к месту строительства в Альби, где трудились землекопами и каменщиками. Вопреки всему завод был сооружен и оборудован. На его открытии самым дорогим гостем рабочих был Жорес. Под красными флагами, под лозунгом «Да здравствует социалистическая республика!» они вместе пели яростную «Карманьолу» Великой революции.

Став в пролетарском движении своим, Жорес не соглашался с Гедом, связывавшим будущее только с рабочими. Жан считал, что в социализме заинтересованы все, кого угнетает крупный капитал: крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, массовая интеллигенция. Он не принимал «бескомпромиссной», без учета конкретных условий, борьбы гедистов со всеми буржуазными партиями, на деле часто превращавшейся в революционную фразу. Жан полагал, что в условиях буржуазной легальности трудящимся нельзя отказываться от компромиссов, позволяющих добиться хотя бы частичных уступок.

Выборы 1894 г. принесли социалистам небывалый успех, вскружив многие головы. Гед, еще недавно отвергавший участие в парламенте, теперь, став депутатом, назвал выборы «истинной революцией», а место своего избрания – «священным городом социализма». Но главным парламентским трибуном стал Жорес, соединивший традиции республиканизма и рабочего социализма. Ему удалось сплотить депутатов, тяготевших к разным социалистическим течениям, в одну группу. Еще не состоя в Рабочей партии, он участвовал в ее конгрессе. П. Лафарг откровенно признавался Энгельсу: «*Это не мы помогли Жоресу занять его место; он занял его сам, и он является одним из наиболее авторитетных ораторов палаты. До сих пор его действия были полезны благодаря его манере представлять социализм. Он сделал возможным его проникновение в круги, где мы не имели бы успеха*»[1]. Действительно, выступления знаменитого оратора, будто бенефис выдающегося актера, жадно слушали и смотрели даже многие буржуа, не говоря об интеллигентах. Ромен Роллан, только начавший тогда посещать заседания палаты, вспоминал: «*Жорес… вел в атаку свое войско – социалистическую партию… В нем впечатляло спокойствие и умение владеть собой. Он выступал без всяких записей, и никакие реплики с мест не могли нарушить ход его мыслей. Как раз наоборот: любая реплика только стимулировала его мысль, подстегивала и вдохновляла его*»[2].

Попытка кабинета Дюпюи ввести полицейские законы против социалистов как «вожаков и подстрекателей» классовой борьбы натолкнулась на гневный отпор трибуна: «*Да, между нами война, война всеми признанная, официально объявленная, беспощадная… Главные вожаки, главные подстрекатели находятся прежде всего среди самих капиталистов*…». Жан предложил резолюцию с формулировкой, поныне сохраняющей актуальность: «***Правительство не может бороться с социализмом, не отказываясь от республиканских принципов***»[3]. Прежде чем проект был поставлен на голосование, кабинет пал (его глава, правда, был избран… председателем парламента). Это было первое правительство, свергнутое Жоресом, но далеко не последнее.

Растущее социалистическое движение привлекло немало молодых политиков, разочаровавшихся в буржуазных партиях. Позже многие из них, жаждавшие любой ценой сделать карьеру, «сменят кожу» еще раз. Об ощущении Жоресом этой опасности и понимании им логики классовой борьбы свидетельствуют верные и сегодня слова: «***Социализм не может согласиться на частицу власти: надо, чтобы он получил всю власть целиком***. *Партия, которая предлагает*

[1] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 165.
[2] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 167.
[3] См.: Молчанов Н. Н. – С. 149-152. Здесь и далее выделено мною.

полную реформу общества, замену одного принципа собственности другим принципом, может согласиться только на полную власть. Если она получит только часть ее, она не получит ничего, ибо частичное влияние будет нейтрализовано господствующими принципами существующего общества»[1].

Во всей политической биографии Жореса проявилась общая закономерность: возможность реализации демократических прав трудящихся и уровень их политической культуры в условиях капитализма непосредственно зависят от степени их классовой организованности и успехов в совместной борьбе. На уровне своего времени Жоресу удалось реализовать и другую сторону той же закономерности – связать защиту прав трудящихся с защитой демократии.

Сдвиги в политической жизни Франции не миновали проницательного взора Энгельса. В его переписке 1893-1895 гг. все чаще появляется имя Жореса. Сначала Энгельса настораживал стремительный рост популярности трибуна при слабом знании им марксистской теории. Ветерану, видевшему крах многих политических карьер, Жан показался было очередным невежественным фразером. Но чем дальше, тем больше его занимали статьи Жореса, за эволюцией которого он следил «*с интересом*»[2]. В последний год жизни Энгельс писал: «*Жорес, кажется, в самом деле исполнен доброй воли, он развивается и несколько медленно, но это, может быть, преимущество и для него, и для нас. Что же касается экономических вопросов, то он, действительно, нуждается в их дальнейшем изучении. Проекты немедленных реформ, выдвинутые им…, требуют от буржуазии жертв, несовместимых с развитием капиталистической промышленности, так что для нее лучше уж была бы немедленная экспроприация*»[3]. И вот прощальное напутствие: «*Жорес стоит на верном пути. Он* ***учится*** *марксизму, и не следует его слишком торопить. И он уже сделал довольно большие успехи, гораздо большие, чем я мог ожидать*»[4].

2. На переломе эпох

Жорес принадлежал к первому поколению лидеров, возглавлявших рабочее и социалистическое движение в условиях буржуазной легальности. Вместе с Августом Бебелем он стал первопроходцем парламентской деятельности рабочих партий, но, в отличие от него, не в условиях «*обшитого парламентскими формами военного деспотизма*»[5], как сказал Маркс о прусско-германской империи**, а в обстановке буржуазно-демократической республики. В этом опыте впервые выявились, осознанно или интуитивно, возможности и пределы использования рабочей партией буржуазной демократии, достижимые на этом пути завоевания и подстерегающие на нем опасности. Обозначилось, хотя и не было еще адекватно понято, изменение объективной роли буржуазной демократии по мере вступления капитализма в империалистическую стадию.**

Вернувшись в палату депутатов, Жан столкнулся с небывалым скандалом, породившим новое нарицательное имя – «панама». Проект межокеанского канала, еще вчера оптимистический символ технической мощи цивилизации XIX века и французского влияния в мире, обернулся беспрецедентной по масштабам финансовой аферой. Стало известно, что предшественники Мэдоффа и Мавроди, обобравшие чуть не всю мелкобуржуазную Францию, подкупали и лидеров республиканских партий, и редакции газет.

Даже самыми прозорливыми современниками еще не было осознано, что перед ними не просто грязная клоака коррупции, а один из первых симптомов кончины «свободной конкуренции» и вступления капитализма в новую, монополистическую, эпоху; что на историческую арену вступает финансовая олигархия нового, империалистического, типа. Пока что политический вопрос дня состоял в том, кто воспользуется небывалым банкротством в прямом и переносном смысле: монархо-клерикалы или социалисты.

Непревзойденный оратор и публицист, связанный с рабочим движением, был на вес золота. С лихвой оправдав ожидания, он вместе с лидерами социалистов объезжает многие города, сотрудничает в их газете. Восемь раз выступает в палате против «панамистов». Жан не просто обличал коррупционеров, а вскрывал истоки зла: «*В современном социальном порядке с новым размахом производства и деловой активности наблюдается растущий разрыв между собственностью и трудом. Ныне невозможно ясно отличить честность от бесчестия, нормальную деятельность от мошенничества. Мы наблюдаем своего рода социальный распад, когда уже невозможно сказать, в чем проявляется законная деятельность и в чем она сближается с преступлением…* ***Внутри государства демократического образовалось новое финансовое государство, обладающее собственным могуществом и ресурсами, своими органами и секретными фондами****. Необходимо бороться с этим новым государством…*».

Поставленный Жоресом «диагноз» предвосхитил многие черты монополистической стадии капитализма в ее французском варианте, охарактеризованном Лениным как ***ростовщический империализм***[6], – в том числе и ту фундаментальную черту, что эта стадия – исторически последняя: «***Это начался процесс отмирания нынешнего социального строя****».*

От имени социалистов Жан предложил резолюцию: «*Решительное и методическое проведение социалистической политики есть единственное средство положить конец скандалам, являющимся естественным и неизбежным следствием современного экономического режима*»[7]. Естественно, она не могла пройти в палате, во многом укомплектованной по принципу: «кто украл сто франков – вор, кто украл сто тысяч – депутат».

Финансовая олигархия, начавшая понимать, какого получила врага, отреагировала быстро. Уже через две недели в парламенте прогремел динамитный взрыв (правда, слегка поцарапало лишь одного из депутатов, в панике попрятавшихся под скамьи); через полгода был убит президент республики. Расследование привело к анархистам, но буржуазная прес-

[1] См. Молчанов Н. Н. – С. 221-222.
[2] Энгельс Ф. – Л. Лафарг, 28 июля 1894 г. / Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд. – Т. 39. – С. 235.
[3] Энгельс Ф. – П. Лафаргу, 22 января 1895 г. / Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд. – Т. 39. – С. 324.
[4] Энгельс Ф. – Г.В. Плеханову, 26 февраля 1895 г. / Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд. – Т. 39. – С. 344.
[5] Маркс К. Критика Готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд. – Т. 19. – С. 28.
[6] Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма / ПСС. – Т. 27. – С. 362.
[7] См. Молчанов Н.Н. – С. 143-144.

са начала истерическую кампанию против социалистов, не имевших к терактам никакого отношения. Вскоре выяснилось, что террористов финансировали финансовые олигархи, бомба делалась в полицейской лаборатории, от полиции получали деньги и анархистские газеты. Несмотря на все это, парламент принял «злодейские» законы, сформулированные так туманно, что под них можно было подвести кого угодно.

Жорес спрашивал с трибуны: не подрывают ли высокопоставленные коррупционеры уважение к власти и избирательному праву похлеще любых анархистов? И вообще: «*Вся эта горячая пыль анархистского фанатизма, ослепившая некоторых жалких людей, является родной сестрой грязи капитализма и политиканства*». Трибун предложил дополнить закон статьей, актуальной для любого капиталистического государства: «*Все политические деятели, министры, сенаторы, которые будут торговать своим мандатом, брать взятки и участвовать в нечестных финансовых делах, или будут фигурировать в административных советах компаний, осужденных органами юстиции, или восхвалять указанные действия в прессе, будут рассматриваться в качестве лиц, вызывающих акты анархистской пропаганды*». Сила доводов и красноречия была такова, что парламент отверг поправку большинством… в *один* голос. Через три дня палата была распущена, ибо, по словам Дюпюи, «*пришла в такое нервное состояние, которое может оказаться опасным*»[1].

На место убитого президента тем же парламентом был избран главный фигурант «панамы», наследник династии ростовщиков К. Перье, уже побывавший премьером и главой парламента, инициатор «злодейских» законов. Социалисты объявили ему войну. Выступая на суде над журналистом, обвиненным в оскорблении президента, Жорес предал огласке преступления «почтенного» семейства. На замечание председателя: «*Вы сравниваете дом президента республики с домом терпимости*» – трибун ответил: «*Я не сравниваю, я ставлю его ниже*». Социалисты издали речь громадным тиражом. Осужденного журналиста избрали в парламент, и его пришлось освободить; незадачливому президенту оставалась только отставка.

С середины 1890-х гг. реакция нащупала последний резерв, способный найти отклик среди озлобленных военным поражением и «панамой» мелких буржуа. Главное – направить обывательское чувство национальной ущемленности на «чужих». Среди «панамистов» нашлось несколько финансистов еврейской национальности. Что с того, что евреев во Франции менее ста тысяч, да и среди финансовой олигархии – явное меньшинство? Антисемитская пропаганда полилась зловонным потоком.

В сентябре 1894 г. – между убийством одного президента и отставкой другого, в разгар борьбы вокруг «злодейских» законов – французская контрразведка, работавшая в германском посольстве, откопала шпионское донесение. Откопала в буквальном смысле: список секретных документов, полученных от тайного агента, немцы почему-то не сожгли, а лишь разорвали и выбросили в мусорную корзину (до боли похоже на нынешние паспорта и ноутбуки террористов, целенькими «извлекаемые» из-под развалин). Провокацию заподозрил бы любой, кроме… ее участников. Шефы контрразведки решили, что почерк указывает на офицера генштаба Альфреда Дрейфуса, происходившего из еврейских буржуа Эльзаса. Хотя только двое из пятерых экспертов подтвердили мнение начальства, Дрейфус был немедленно предан военному суду и приговорен к высшей для офицера мере наказания – пожизненной каторге. В декабре 1894 г. военный министр внес законопроект о смертной казни «за измену», направленный против республиканцев и социалистов. Стоило Жоресу напомнить о массовых казнях коммунаров, выступить за равенство офицеров и солдат перед законом, как он был «временно исключен» из палаты депутатов.

Трудно сказать, как развернулись бы события, не перехвати новый начальник контрразведки шпионскую корреспонденцию подлинного автора донесения, выходца из семьи венгерских графов Эстергази, издавна служившей поработителям своей родины – австрийским Габсбургам. Потомственный ренегат, даже состоя на жаловании республики, не скрывал ненависти к ней и к французскому народу. Классический вопрос римских юристов – «кому выгодно?» – получил как будто однозначный ответ. Но в политических делах доводы права и логики становятся решающими лишь постольку, поскольку подкрепляются организованной общественной силой.

13 января 1898 г. всемирно известный писатель Э. Золя обратился к президенту и стране с открытым письмом – знаменитым «Я обвиняю». Заведомо подводя себя под закон о «диффамации», Золя назвал генералов и судей «воплощением и носителями социальной несправедливости», а свой отчаянный шаг – «революционным средством». Так и было: Франция пореволюционному раскололась на два лагеря – дрейфусаров и антидрейфусаров. Спустя 22 года В.И. Ленин констатировал: «*Достаточно оказалось… "неожиданного" и такого "мелкого" повода, как одна из тысяч и тысяч бесчестных проделок реакционной военщины ("дело Дрейфуса"), чтобы* ***вплотную подвести народ к гражданской войне***»[2]. Что в этих словах нет преувеличения, подтверждает свидетельство беспартийного Р. Роллана: «*В мгновение ока все мы оказались в горящем костре дела Дрейфуса. И все как будто рухнуло вокруг. Какой хаос пламени и копоти, какая это была ночь безумия, какой кошмар! Семьи, друзья, вся страна оказались разъединенными, когда тысячи людей, мирно живших бок о бок, вдруг обнаружили, что их, как непримиримых врагов, разделяет бездна, и преисполнились взаимной смертельной ненависти*»[3]. Каждый, кто соприкасался с гражданской войной, почувствует в этих словах ее обжигающее дыхание.

При первом парламентском выступлении Жореса по «делу Дрейфуса» правые набросились на трибуна и его друзей с кулаками. С министром внутренних дел Луи Барту пришлось, в соответствии с нравами эпохи, стреляться на дуэли (никто никого не ранил, но, по недоброй иронии истории, оба впоследствии погибли от пуль ультраправых). Не ограничиваясь парламентскими баталиями, Жан печатно призвал солдат к бдительности в отношении генералов, мечтавших задушить республику, потопить в крови рабочее движение.

Большинству социалистов оказалось нелегко определить свою позицию. «Умеренных» во главе с Мильераном заботило одно: «*Вмешательство в это темное и опасное дело может подорвать наши шансы на*

[1] См. Молчанов Н.Н. – С. 157-159.

[2] Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС. – Т. 41. – С. 83.

[3] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С.184.

выборах». Опасения имели почву: на выборах в мае 1898 г. большинство избирателей поддалось националистической истерии и правительственному давлению, сам Жорес потерпел поражение в своем Кармо. «Левые» школы Геда прикрывали нерешительность «классовыми» соображениями: и дрейфусары и антидрейфусары принадлежат к буржуазной среде, зачем же пролетариату ввязываться в конфликт между ними? В итоге фракция социалистов призвала свой класс по существу к пассивности: «*Пролетарии, не присоединяйтесь ни к одному из лагерей в этой буржуазной гражданской войне*!».

Заслуга Жореса состояла в том, что он видел политическую самостоятельность социалистической партии не в сектантской замкнутости, а, наоборот, в способности активно воздействовать на ход политического кризиса в интересах рабочего класса. Эту его позицию поддерживали лидеры международной социал-демократии: Г.В. Плеханов, Р. Люксембург, К. Каутский. Участие в борьбе против беззакония милитаристов было для него первоочередной задачей и моральным долгом: «*Бывают моменты, когда в интересах самого пролетариата помешать окончательной интеллектуальной и моральной деградации буржуазии*». По его инициативе в манифест парламентской группы социалистов вошло принципиально важное положение: «***Пролетариат, обязанный одновременно защищать свои высшие классовые интересы и наследство человеческой цивилизации, которую он завтра возглавит**, не должен быть равнодушен к несправедливости, даже если от нее страдает представитель враждебного класса*»[1].

На взгляд Геда, происходившая борьба не касалась рабочего класса и участие в ней лишь отвлекло бы его от социалистической революции. Жорес настаивал на более широком понимании классовых интересов: «*Социалисты, которые хотят раскопать до дна позорные и преступные тайны, занимаются* ***если не делом одного рабочего, то делом всего рабочего класса****. Кому больше всего угрожает сегодня произвол генералов, постоянно прославляемое насилие военных репрессий? Пролетариату. … Так как на этот раз они, сбитые с толку классовой борьбой, применили свою систему насилия и лжи к представителю буржуазии, то этим самым буржуазное общество более глубоко взволновано и потрясено, и мы должны использовать это потрясение для того, чтобы уменьшить моральную силу и наступательную мощь тех реакционных генеральных штабов, которые являются прямой угрозой для пролетариата. Это значит служить не только человечеству, но и непосредственно рабочему классу*».

Гед и его последователи заявляли, что в условиях буржуазного общества справедливость и право – пустые слова и бороться за них нет смысла. Жорес отвечал им: «*Существует две стороны в капиталистической и буржуазной законности. Существуют законы, которые освящают привилегии капиталистической собственности, эксплуатацию наемного труда классом собственников… Существуют другие законы, которые воплощают в себе убогие успехи человечества, скромные гарантии, которые оно мало-помалу завоевало путем многовековых усилий и длинного ряда революций…* ***В противовес националистам, которые желают сохранить из буржуазной законности все то, что охраняет капитал, и выдать генералам все то, что охраняет человека, мы, социалисты и революционеры, желаем из нынешней законности уничтожить капиталистическую долю и спасти долю человеческую***»[2].

К сентябрю 1898 г. политический кризис достиг кульминации: раскрылась фальсификация военным министерством документов по «делу Дрейфуса». Одновременно Париж потрясла забастовка строителей и железнодорожников. Правительство ввело в столицу крупные силы армии. Антидрейфусары проводили шумные демонстрации, добиваясь переворота. Новый военный министр Кавеньяк – внук палача парижских рабочих 1848 г. – готовил арестные списки, где «почетное» место предназначалось Жоресу. Но уже нацеленное оружие правых дало осечку: Кавеньяку и начальнику генштаба пришлось подать в отставку, правительству – согласиться на пересмотр «дела».

Всю первую половину 1899 г. шовинисты бесчинствовали на улицах, подбивая военных на захват власти. 11 июня по призыву Жореса рабочие, ремесленники, студенты ответили провокаторам стотысячной манифестацией в защиту республики. Кабинет того же Дюпюи снова ввел в столицу войска. Это не помогло ему удержаться: начался долгий правительственный кризис. Народ был настроен защищать республику. Быстро набирало силу стачечное движение. Но личный авторитет и влияние народного трибуна не могли возместить отсутствие политической организации, способной возглавить борьбу.

В итоге часть буржуазии решила спустить «дело» на тормозах и заодно обуздать рабочее движение. Среди социалистов нашелся подходящий партнер: Мильеран согласился «*только для спасения демократии и свободы*» войти в кабинет Вальдека-Руссо вместе с палачом Коммуны генералом Галифе. Жорес, поставленный в известность задним числом, уговаривал Мильерана отказаться. Но кандидат в премьеры настаивал: «*Только Галифе может поддержать меня перед армией, весь кабинет, республику перед Европой. Если социалисты не согласятся, то произойдет самое худшее*»[3]. Односторонний шаг Мильерана исключил все промежуточные варианты – скажем, оказать правительству парламентскую поддержку без вхождения в него. Теперь дезавуировать Мильерана означало сыграть на руку правым, поставить под угрозу республику и, быть может, мир в Европе. После долгих колебаний Жорес решил отойти от прежней позиции и поддержать участие социалиста в правительстве.

Создание 22 июня кабинета Вальдека ознаменовало перелом в ходе политического кризиса. Правительство объявило о раскрытии «обширного заговора, имеющего целью ниспровергнуть парламентскую республику». Вожаки ультраправых отправились в изгнание или за решетку, генералы-антидрейфусары – в отставку, духовенству запретили использовать проповеди для антиправительственной пропаганды. Дрейфус был помилован президентом, хотя реабилитирован лишь спустя семь лет.

Хуже обстояло дело с социальными реформами, под предлогом которых Мильеран стал министром. Тут Франция отставала от стран с более сильным рабочим движением – Великобритании и Германии. В 1900 г.

[1] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 194-196.

[2] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 209-210.

[3] См. Молчанов Н.Н. – С. 224.

рабочий день был ограничен 11 часами с обещанием сокращения еще на час через четыре года. Пока же создавались «советы труда» из представителей хозяев и рабочих, призванные с помощью чиновников предотвращать забастовки. Посредничество не помогало: волна стачек нарастала, сотни тысяч пролетариев выходили на улицы под красными флагами, жандармы и при «правительстве социальных реформ» продолжали проливать рабочую кровь.

Левые социал-демократы всей Европы резко осудили «казус Мильерана». Критика усиливалась тем, что он был взят за образец ревизионистами типа Э. Бернштейна. В этой связи В.И. Ленин, характеризуя «достижения» Мильерана как «*громкие* ***проекты*** *мизерных реформ, мизерных до того, что у буржуазных правительств удавалось добиться большего*», особенно остро чувствовал грозящее «*развращение социалистического сознания рабочих* ***масс*** *– этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу*» [1].

Неприятие отступлений от классовой пролетарской линии наложило отпечаток на ленинское отношение к Жоресу. Даже много лет спустя, вспоминая тогдашнюю полемику, Владимир Ильич счел возможным поставить его в ряд «*виднейших представителей оппортунизма*», вместе с Мильераном и Бернштейном[2]. Такого рода суждения, высказанные в пылу идейно-политической борьбы, не могли не отразиться на восприятии Жореса советской наукой.

Однако в единственной ленинской работе, содержащей развернутую оценку «жоресизма» как политического направления, между Мильераном и Жоресом проводится четкая грань. Критикуя «*затвердивших антижоресистские словечки*» противников любого участия социалистов в буржуазно-демократическом правительстве, Владимир Ильич полагал, что Жорес пошел на неоправданные уступки буржуазии, переоценив угрозу справа: «*Субъективно, Жорес хотел спасать республику, вступая для этого в союз с буржуазной демократией. Объективные условия этого «опыта» состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило, – что рабочий класс имел полную возможность развития самостоятельной классовой политической организации и недостаточно пользовался этой возможностью под влиянием, отчасти, как раз обилия мишурных парламентских упражнений его вожаков, – что на деле перед рабочим классом объективно выдвигались уже историей задачи социалистического переворота, от которого* ***отманивали*** *пролетариат Мильераны посулом крохотных социальных реформ*»[3].

Ленинская критика ревизионизма, выдающего действительную или воображаемую нужду за добродетель, актуальна и сегодня. Но, что касается конкретной ситуации во Франции 1899 и последующих лет, правомерно будет спросить: ограничился ли бы Владимир Ильич своим прежним анализом впоследствии, когда уже располагал концепцией империализма? В конце XIX – начале XX века угроза республике мыслилась лишь как реставрация абсолютизма или бонапартизма, и такая угроза для Франции действительно канула в Лету. Здравомыслящим современникам представлялись буйнопомешанными толпы «патриотов», готовых под вопли: «Смерть евреям!» линчевать любого несогласного. Но последующий опыт истории ставит перед нами вопрос: не столкнулась ли «политическая лаборатория Европы» в канун XX века с «***протофашизмом***», объективно представлявшим уже не силы позавчерашнего дня, а самую реакционную часть капитала нового, монополистического, типа? Не стояла ли Франция перед реальной опасностью войны типа испанской 1936-1939 гг., грозившей уже тогда разрастись в европейскую и мировую? Не послужил ли неформальный блок радикальной буржуазии, мелкобуржуазной демократии и пролетариата, сложившийся перед лицом этой угрозы, прообразом Народного фронта 30-х гг.?

Так или иначе, есть основания считать объективным итогом событий конца 1890-х гг. относительное «вакцинирование» страны от бацилл фашизма. Выработанный тогда «иммунитет» в итоге помог осуществлению коммунистами Франции в 1944-1947 гг. еще одного жоресовского прогноза: «*Я глубоко убежден, что наступит час, когда объединенная, крепко организованная социалистическая партия отдаст приказание одному или нескольким ее членам вступить в буржуазное правительство с целью контролировать механизм буржуазного общества, с целью насколько возможно противодействовать реакционным стремлениям и способствовать осуществлению социальных реформ*»[4].

3. Раскол или единство?

Французская «политическая лаборатория» предвосхитила еще одну черту, ставшую характерной и для других романских стран, особенно Испании и Латинской Америки, а ныне вышедшую далеко за их пределы. Это – проблема единства рабочего движения в условиях, когда его дробление не носит принципиального характера, а большей частью связано с наслоениями пройденных этапов идейно-политической борьбы. Такого рода разобщенность не ведет к размежеванию революционного и оппортунистического направлений, а топит это размежевание в болоте сектантства, становясь не путем подъема «класса в себе» до «класса для себя», а дополнительным препятствием на этом пути. В подобных случаях единство движения оказывается первоочередным условием его прогресса, что, конечно, не отменяет идейной борьбы за ту или иную основу объединения.

Жорес в этом вопросе проявил себя как политический новатор. И сегодня нельзя не признать горькой правды в его словах: «*Подобно тому, как индивидуальная и корпоративная собственность должна превратиться в собственность общественную, и социализм стремится к тому, чтобы перестать быть личной собственностью отдельных групп.* ***Прежде чем обобществить все другое, социализм сам должен быть обобществлен***»[5].

Однако его призывы к объединению социалистов долгое время не находили понимания ни у правых, ни у «левых». Мильеран не видел нужды в единстве, заявляя, что «*специфика французского социализма образуется элементами свободы, разнообразия и гибкости*». Гед на словах допускал объединение, но под

[1] Ленин В.И. Что делать? / ПСС. – Т. 6. – С. 8-9.
[2] Ленин В.И. Государство и революция / ПСС. – Т. 33. – С. 105.
[3] Ленин В.И. Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства / ПСС. – Т. 10. – С. 25.
[4] См. Молчанов Н. Н. – С. 246-247.
[5] Цит. по: См. Молчанов Н.Н. – С. 236.

невыполнимым условием вхождения всех в его партию и подчинения ее сектантскому курсу.

Углубление раскола стало политической ценой вынужденного компромисса Жореса с буржуазной властью в условиях «казуса Мильерана». Гедисты и еще две левые группы заявили о выходе из общей фракции и 14 июля 1899 г. обнародовали манифест: «*Социалистическая партия является классовой партией, и она не может, не рискуя самоубийством, превратиться в министериалистскую партию. Она не может делить власть с буржуазией, в руках которой государство является только орудием консерватизма и социального угнетения*». Манифест исключал «*какое-либо соглашение между теми, кто скомпрометировал честь и интересы социализма, и теми, кто решил их защищать*»[1].

Повторяя общие тезисы, верные на все случаи жизни, лидеры Рабочей партии не смогли самокритично признать, что сами же, уклоняясь от насущных политических вопросов, не оставили Жоресу перед лицом реакции иного союзника, кроме буржуазного правительства, по его словам, «*поддерживаемого нами лишь как меньшее зло*».

Большинство рабочего движения Франции не приняло линии Геда. Видимо, преобладавшее настроение масс, не забывших разгром Коммуны, интуитивно уловил Жорес. В конце 1899 г. на конгрессе социалистов, где впервые звучал «Интернационал», он говорил: «*Пролетариат должен организоваться в классовую партию, чтобы вырвать у класса собственников все привилегии. Но в этой борьбе вопрос о том, может ли социалистическая партия уклоняться от ответственности за власть, является вопросом тактики… Оставаясь безусловными революционерами по отношению к буржуазному государству, борьбу с ним надо вести не издалека, но проникая, насколько это возможно, в самое сердце вражеской крепости*»[2]. В другой раз он выразил эту мысль, спустя годы подхваченную А. Грамши, еще образнее: «*Все великие революции в мире осуществлялись потому, что новое общество задолго до своего полного развития проникло во все поры и расщелины старого общества и укрепилось в его почве всеми своими корнями*»[3].

Попытки создания единой партии, предпринятые Жоресом на V конгрессе II Интернационала и двух конгрессах социалистов Франции, лишь углубили раскол. Третий конгресс в 1901 г. провозгласил Французскую социалистическую партию, в ответ гедисты и бланкисты учредили Социалистическую партию Франции. Показательная деталь: Жорес предлагал создать народные университеты для рабочих, а «ортодокс» Гед блистал сомнительным остроумием: «*Пытаться просветить умы при капиталистическом режиме – это все равно, что сделать негра белым*». «Левые» опускались даже до травли Жореса в желтой прессе, не брезгуя ни газеткой, «бескорыстно» предоставленной миллионером-авантюристом, ни клеветническими выпадами клерикалов. Численность и влияние обеих партий снижались, в рабочем движении нарастало влияние анархо-синдикализма.

Идейно-психологическую основу союза демократических сил Жорес искал в освободительных традициях своего народа. Он обессмертил бы свое имя, даже если бы не создал ничего кроме пятитомной «*Социалистической истории Французской революции*». Именитые историки поражались, как политик, загруженный многими делами, смог за 4-5 лет выполнить работу, на которую профессионал потратил бы жизнь. Конечно, политический опыт и помогал Жоресу-исследователю, позволяя с полуслова понимать революционеров прошлого. Другим преимуществом он сам называл «*чутье, развившееся даже у самых скромных среди нас благодаря грандиозным концепциям Маркса, прогрессу социализма и трудам французской и русской исторической школы*»[4]. Первая марксистская работа о самом грандиозном событии XVIII века была написана в популярной форме и издавалась с 1900 г. небольшими книжечками для рабочих.

Исследование Жореса стало вехой подлинно исторического восприятия событий, олицетворявших даже для многих революционеров разгул насилия, осуждаемого с позиций абстрактной морали. Вокруг «ужасов» якобинской диктатуры целое столетие нагнеталась истерика, превзойденная только «антисталинистским» психозом XX века. Жан не пытался оправдывать все эксцессы: «*Пролетарии, помните, что жестокость представляет собой остаток рабства*». Но объективную необходимость революционного насилия, включая якобинский террор, он принимал безоговорочно: «*Кратковременное насилие освободительного часа лишь устраняет медленное и темное насилие веков*»[5]. Исследуя величайшую из буржуазных революций, автор внимательно прослеживал в ней истоки классовой борьбы пролетариата. Ленин назвал его произведение «*полезнейшим*»[6].

Жорес не успел написать фундаментальной работы о своем времени, хотя и мечтал «*в точности определить, что именно представляет собой социализм в начале XX века, выяснить сущность, тактику и программу его*». Вышел в свет лишь сборник статей о тактике. В предисловии автор выступает как приверженец научного социализма: «*Слава Маркса в том, что он самым точным и решительным образом положил конец всему, что в рабочем движении было эмпирического, а в идее социализма – утопического*». В то же время Жорес, как и Энгельс в последние годы жизни, полагал, что тактика «Манифеста Коммунистической партии» неприменима в промышленно развитой стране, где буржуазно-демократическая революция уже совершилась. Отвергая полуанархистские представления о восстании пролетариата как следствии безысходной нищеты, он видел залог социалистической революции в том, чтобы за нее сознательно выступило большинство народа. В условиях своего времени он не видел иного пути, кроме борьбы за реформы в союзе с буржуазными демократами, но в отличие от ревизионистов типа Бернштейна и Мильерана стремился не упускать из виду революционную цель. «*В настоящее время*, – писал он, – *пролетариат подготовляет, распространяет, организует свою революцию открыто, на широком поле, предоставляемом ему демократическими законами и всеобщим избирательным правом*»[7].

---

[1] См. Молчанов Н.Н. – С. 227.
[2] См. Молчанов Н.Н. – С. 238.
[3] См. Молчанов Н.Н. – С. 246.
[4] См. Молчанов Н.Н. – С. 271.
[5] См. Молчанов Н.Н. – С. 273-274.
[6] Ленин В.И. Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства / ПСС. – Т. 10. – С. 28.
[7] См. Молчанов Н.Н. – С. 275-276.

Политическая жизнь республиканской Франции, казалось, подтверждала эти установки. На выборах 1902 г. партия Жореса добилась успеха, применяя тактику блока с самой левой из буржуазных партий – Радикальной: кандидатура, получившая меньше голосов, во втором туре снималась в пользу союзника. Правительство сформировал радикал Э. Комб, земляк Жореса. Считая его честным и искренним демократом, Жан не видел необходимости участия социалистов в правительстве: непосредственной опасности для республики теперь не было. Отношения с новым кабинетом он стремился выстроить так, чтобы, не сливаясь с ним, «*взять на себя роль силы, подталкивающей радикалов, пока они не выдохнутся*»[1].

Проводимая Жоресом линия помогла нанести поражение ударному отряду реакции – клерикалам, достичь программной цели социалистов – отделения церкви от государства и школы от церкви. Правительство Комба закрыло сотни религиозных школ, ликвидировало десятки монашеских конгрегаций, подчас преодолевая вооруженное сопротивление фанатиков. Жорес неустанно разоблачал происки «черной партии». Враги объявили его главным врагом церкви, хотя к верованиям большинства народа он относился тактично, проводя четкую грань между чувствами простых людей и политическим клерикализмом. Премьер Комб долго не решался отменить наполеоновский конкордат с Ватиканом и, даже получив папскую ноту, посягавшую на суверенные права Франции, держал ее в тайне. Лишь когда Жорес заполучил и обнародовал взрывоопасный документ, правительству пришлось внести в парламент законопроект, отменявший субсидирование церкви из госбюджета.

Политическое влияние Жореса росло. Став неформальным лидером не только социалистов, но и левых радикалов, он одно время фактически возглавлял парламентское большинство и решал судьбу кабинета. Радикалы охотно приняли бы его как лидера своей партии и главу правительства. Но он оставался верен делу рабочего класса. Этого нельзя сказать о многих парламентариях-социалистах, иным из которых предстояло ценой ренегатства выйти в премьер-министры. Мильеран сообразил, что от Жореса ему не дождаться министерского кресла, и стал его злейшим врагом. Он демагогически обвинял правительство Комба в забвении ради борьбы с клерикализмом «дела социальной реформы». Исключенный из «своей» партии, он, как и подобает оппортунисту, не сложил депутатских полномочий. Бывший «спаситель республики» от националистов и клерикалов теперь заодно с ними голосовал за недоверие правительству. Другой будущий премьер, А. Бриан, с досадой говорил третьему, Р. Вивиани: «*Жорес? Он не осмеливается оторваться, выступить против народа. Это его постоянная черта… Вот он уже согласился с вашим мнением, он даже обнаруживает в нем мудрость. Но стоит лишь какому-нибудь человеку в рабочей блузе сказать ему что-то противоположное, как он немедленно отказывается от вас и соглашается с простым шахтером*!»[2].

Без блока Жореса с радикальным правительством вряд ли родилась бы «Юманите» – будущий орган французских коммунистов. Первый номер вышел в апреле 1904 г. Газета подробно сообщала обо всех пролетарских выступлениях, призывала к солидарности с ними. Ни один акт репрессий против рабочих не оставался без разоблачения.

Но балансировать между поддержкой правительства и требованиями бастующих рабочих становилось все труднее. Французский вопрос стал основным на Амстердамском конгрессе II Интернационала в августе 1904 г. Как Жорес ни доказывал необходимость защиты демократических завоеваний Франции и бесплодность «левого» сектантства, Гед стоял на своем: «*Вы хотите, чтобы ваш социализм возник из республики, тогда как мы считаем, что он явится следствием эволюции капитализма*». Лидер «левых» провозгласил якобы марксистский принцип, никогда не выдвигавшийся основоположниками научного социализма: «*Страна, которая первой достигнет полного развития капитализма, первой придет и к коммунистическому режиму*»[3].

Вместо конкретного критического анализа, применительно к конкретным условиям Франции, плюсов и минусов «левоблокизма» Гед предложил взять за основу решение Дрезденского съезда германских социал-демократов, в общих выражениях осуждавшее ревизионизм Бернштейна. Резолюция, составленная в духе К. Каутского, на которого и ссылалась, по сути прикрывала левыми фразами политическую пассивность: «1) *Партия слагает с себя всякую ответственность* (?) *за политические и экономические условия, проистекающие из капиталистического способа производства… поэтому она не может оправдывать таких средств, которые обусловлены поддержанием господствующего класса у власти; 2) социал-демократия… не может стремиться к участию в правительственной власти в пределах буржуазного общества*». С другой стороны, всеобщая политическая забастовка – всего за год до ее успешного проведения пролетариатом России – объявлялась «*практически невыполнимой*» на основании буржуазно-обывательского представления, будто она «*делает невозможным всякое существование, а, следовательно, и существование пролетариата*»[4].

В ответной речи, которую переводила Роза Люксембург, Жорес едва ли не первым предостерег сильнейшую партию II Интернационала от зазнайства и перерождения: «*Главный порок Дрезденской резолюции состоит в том, что она навязывает другим такие правила действия или скорее бездействия, которые характерны сейчас для германской социал-демократии. У вас нет ни революционного, ни парламентского действия… Ваш парламент – половина парламента, он не имеет власти… Вы скрыли от своего пролетариата, от международного пролетариата вашу беспомощность, неспособность действовать за непримиримостью теоретических формул. … И поскольку у вас самих нет революционной традиции, то вы с недовольством смотрите на народы, у которых она есть*».

Вопреки возражениям Жореса, конгресс принял «Дрезденскую резолюцию». Также было единогласно постановлено: «*Необходимо, чтобы во всех странах перед лицом буржуазных партий существовала только одна социалистическая партия, как существует только один пролетариат… Социалисты обязаны приложить все усилия для осуществления социалистического единства на основе принципов, принятых международными конгрессами, в интересах*

[1] См. Молчанов Н.Н. – С. 280.
[2] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 309-310.
[3] См. Молчанов Н.Н. – С. 306.
[4] Цит. по: http://www.komintern-online.com/trotm160.htm

пролетариата, перед которым они несут ответственность за роковые последствия раскола»[1].

Выполняя решение высшего форума Интернационала, две крупнейшие партии социалистов, возглавляемые Жоресом и Гедом, в апреле 1905 г. объединились во «Французскую секцию рабочего Интернационала». Это был шаг вперед: объединенная организация провозглашалась партией не реформ, а классовой борьбы и революции, коренной и непримиримой оппозиции классу буржуазии и его государству. Как подчеркивал Жорес, социальные проблемы страны, где 220 тысяч владели богатством в 105 миллиардов франков, а 15 миллионов – только рабочими руками, не поддавались решению без экспроприации экспроприаторов – мирной, если буржуазия согласится на компенсацию, или насильственной, если она не проявит благоразумия. Чувствуя растущий накал классовых противоречий, Жорес писал: «*Если некоторые – как враги, так и друзья – думали, что мы стараемся остановиться лишь на программе простой демократии и отвлечь пролетариат от его коммунистических требований, то они ошиблись*»[2]. «Независимые социалисты» оппортунистического толка – Мильеран, Бриан, Вивиани и им подобные – остались вне партии. Но ее идейная и организационная разнородность не была преодолена.

Вряд ли отвечало долгосрочным интересам пролетариата и принятое в Амстердаме решение о разрыве блока французских социалистов с радикалами. Жорес подчинился дисциплине Интернационала, хотя Комб предупреждал, что без поддержки социалистов будет вынужден уйти. В январе 1905 г. премьер подал в отставку, и хотя это не помешало отделению церкви от государства стать законом, исполнительная власть перешла к ставленникам Ротшильдов. После мощных шахтерских выступлений весны 1906 г. правительство возглавили радикалы, сильно сдвинувшиеся вправо; нашлось в нем место и ренегатам из «независимых социалистов». Постаревший «тигр» Клемансо, став министром внутренних дел, а затем премьером, показывал клыки всем, кто ждал от радикалов понимания и диалога: бастующим рабочим, бедствующим виноградарям, солдатам, отказавшимся стрелять в народ. Жорес не давал покоя бывшим союзникам, цитируя с парламентской трибуны их обещания и показывая, что при их правлении рабочим приходится тяжелее прежнего. Но радикалы, добившиеся успеха на выборах, больше не нуждались в поддержке соцпартии.

Особую подлость проявили министериабельные «независимые социалисты»: министр образования Бриан издал приказ о разгроме профсоюза учителей, не отставал от него министр труда Вивиани. Жорес в парламенте буквально высек обоих, напомнив, что они сами еще недавно призывали трудящихся к забастовке и чуть ли не восстанию: «*Они выступали с такими ясными призывами, толкали людей на такие конкретные действия, что теперь, когда они преследуют за такие действия, их можно обвинить в том, что они устроили западню для рабочего класса!*»[3]. Но с тех была словно с гуся вода: обличения трибуна становились для ренегатов свидетельством благонадежности в глазах буржуазии.

Непревзойденный мастер парламентских баталий на горьком опыте убеждался, как мало они значат в политике, если партия остается внутренне слабой, рыхлой, способной главным образом на избирательные кампании. Численность социалистов за десять лет удвоилась, но вступали в основном мелкие торговцы, ремесленники, крестьяне. Рабочие уважали ум, честность и мужество «дядюшки Жана», как прозвали уже немолодого трибуна, прислушивались к его суждениям. Но возглавляемая им партия отталкивала пролетариев своей засоренностью парламентскими карьеристами из мелкобуржуазной среды. Не предлагало реальной альтернативы и левое, точнее левосектантское, крыло партии, чье состояние точно характеризуют слова столь сурового критика «жоресизма», как Ленин: «*Не умирало ли у всех на глазах* ***направление*** *Геда в образцово безжизненном, бездарном, не способном занять самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу гедистском журнале «Социализм»*?»[4].

Рабочее движение большей частью перешло под контроль анархо-синдикалистов. Они задавали тон в полумиллионной Всеобщей конфедерации труда (ВКТ), хотя их линия на «прямое действие» нередко приводила рабочих к поражениям. Ситуация усугублялась тем, что руководство ВКТ не доверяло социалистам, а конгрессы соцпартии по настоянию Геда принимали резолюции против сотрудничества с ВКТ.

В том, что раскол все же не привел рабочее движение Франции к развалу, что в дальнейшем большинству соцпартии удалось перейти на коммунистические позиции, а ВКТ – вырасти в настоящий классовый профцентр, крупная заслуга Жореса. Именно он предоставил профлидерам трибуну в «Юманите», неустанно призывал партию не отрываться от профсоюзов. Если приходилось критиковать ошибки профлидеров, Жан всегда старался действовать взвешенно, тактично, с целью не разругаться, а прийти к единству действий. Главное же – во всех классовых конфликтах принимал сторону рабочих, даже если был не согласен с их тактикой. Все это помогло во многом преодолеть разрыв между социалистической партией и главной силой профсоюзного движения Франции.

Проблема единства трудящихся имела и иной аспект – национальный. Высокая степень политической централизации Франции способствовала отождествлению государства и нации; этническим меньшинствам отказывалось в самоуправлении и даже в признании родных языков. Особенно это относится к провансальской народности Лангедока. Жорес, свободно владевший одним из провансальских диалектов, не разделял децентрализаторских устремлений некоторых земляков, но защищал право провансальского, баскского, бретонского народов на автономию, изучение родных языков в школе. Во многом благодаря авторитету Жана его земляки, не утрачивая самобытности, в полной мере почувствовали себя частью французской нации. В том, что в Лангедоке сегодня нет ничего подобного «Ломбардской лиге», шотландскому или каталонскому сепаратизму, есть и заслуга Жореса.

Лидер социалистов стал столь видной фигурой французской политики, что правые истерически называли его диктатором Франции. Разумеется, влияние прославленного трибуна носило не принудительный, а идейно-политический и моральный характер. Он оставался, прежде всего, полномочным представителем рабочего движения.

[1] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 309.
[2] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 324.
[3] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 336.
[4] Ленин В.И. Крах II Интернационала / ПСС. – Т. 26. – С. 244.

4. Война войне

Подход Жореса к международным задачам рабочего движения, как и все в этом человеке, сочетал наследие прошлого и ростки будущего. В чем-то он продолжал традицию просветителей, якобинцев и социалистов-утопистов, полуосознанно пытаясь опереться на некие общие всему человеческому роду основы разума и морали, будто бы заложенные в «природе человека» и противопоставляемые мерзостям эксплуататорского строя. Отсюда упорные попытки достучаться до здравого смысла и чувства справедливости даже своих недругов. Людям XX века эти попытки зачастую представлялись наивными, но эпоха неолиберальной реакции наполняет актуальным содержанием слова Жореса: «*Думаю, что угашение пламени энтузиазма в сердцах людей представляет опасность, а если мы также убьем силу идеала, которая воодушевляет поэта, и силу надежды, которая поднимает трудящихся, то мы рискуем получить общество без души, без мужества, без веры*»[1].

Смысл названия своей долгожданной газеты – «*Человечество*» – Жорес связывал с конечной целью социалистического движения, как он ее понимал, следуя идее Маркса о переходе от предыстории человечества к подлинно человеческой истории. В редакционной статье в первом номере «Юманите» Жан подчеркивал, что в мире социальных и международных антагонизмов еще рано говорить о подлинном человечестве. Создать его под силу только социализму, и столь великая цель может быть достигнута под руководством рабочего класса. «*Возвышенное усилие международного пролетариата состоит в примирении народов посредством универсальной социальной справедливости. Тогда и только тогда человечество сможет задуматься о своем высшем единстве в живом разнообразии дружественных и свободных наций*»[2].

Жорес проявлял пристальное внимание к проблеме, актуальной и поныне, – соотношению интернационализма, патриотизма и национализма. На его родине национально-патриотические чувства глубоко укоренились в сознании масс. Для нескольких поколений французов, со времен Великой революции, борьба за демократию и социальное освобождение связывалась с защитой независимости Отечества. Вся сознательная жизнь Жана прошла в обществе, постоянно ощущавшем угрозу агрессии Германской империи, которая не скрывала враждебности к соседней республике. Национальное чувство болезненно растравлялось и тем, что по условиям мира 1871 г. страна лишилась Эльзаса-Лотарингии – родины «Марсельезы», поливавшейся французской кровью на протяжении веков. На чувствах народа поочередно спекулировали Буланже, антидрейфусары и националистические группировки вроде «Аксьон франсэз» («Французского действия»), которым предстояло обагрить руки кровью народного трибуна, а позже, при гитлеровской оккупации, докатиться до коллаборационизма.

Современники Жореса, даже выдающиеся, были склонны воспринимать патриотизм и интернационализм как полярные противоположности, и очень редко эти противоположности мыслились как диалектические. Жан, идя не столько от теории, сколько от огромного политического опыта, упорно стремился снять это противоречие. С социалистической перспективой он связывал подлинные интересы родины, отечества, националистическую ограниченность считал одним из худших врагов родины, интернациональное сотрудничество пролетариев – необходимым условием ее прогрессивного развития. С другой стороны, интернационализм мог стать действенным, только глубоко укоренившись в истории, политике, культуре родины. Таков смысл по-жоресовски емкой формулы: «***Интернационализм поверхностный уводит от родины, интернационализм глубокий приводит к ней; патриотизм поверхностный уводит от Интернационала, патриотизм глубокий приводит к нему***»[3].

Из международных дел, наиболее значимых для судеб Франции, Жорес выделял отношения с Россией. Обострение международных противоречий в конце XIX в. имело парадоксальное следствие: царская империя стала стратегическим союзником республики. Даже социалисты, согласившись на участие в буржуазном правительстве, вынуждены были приветствовать в Париже Николая II; Мильеран мог так поступать из чистого оппортунизма, но и Жорес не видел тогда иного противовеса кайзеровской угрозе.

К чести лидера социалистов, он принимал, за неимением лучшего, союз с имперской Россией лишь до тех пор, пока ее народы не начали брать свою судьбу в собственные руки. Сразу же после Кровавого воскресенья социалисты и радикалы отказали в доверии новому правительству, поспешившему заверить Николая II в своей поддержке.

Вот когда Жоресу пришлось пожалеть о падении кабинета Комба! Продержись левоцентристский блок еще буквально несколько дней, радикальному правительству пришлось бы решительно отмежеваться от царизма. В таком случае кредиторы Николая Кровавого – банковские монополии Франции – выступили бы против правительства; вызванный этим общенациональный кризис по революционному потенциалу, вероятно, превзошел бы «панаму» и «дело Дрейфуса» (тогда еще не законченное). Как близка была Франция к подобной ситуации, свидетельствует размах движения солидарности с народом России. Демонстрации охватили всю страну. «Юманите» собирала средства в фонд помощи. Манифест солидарности подписали по инициативе Жореса десятки деятелей культуры. Трибун посвятил российской революции множество выступлений и публикаций. 23 января 1905 г. «Юманите» вышла под огромным заголовком «*Революция в Петербурге*». Опубликованная в том же номере статья Жореса «*Смерть царизма*» сжигала все мосты: «***Между царем и его народом отныне река крови***. *Удар, который нанес царизм русским рабочим, смертельно поразил его самого*»[4]. В выступлении под недвусмысленным названием «*Конец союза*» лидер социалистов резко осуждал «помощь» французских банкиров и дипломатов царизму как соучастие в его преступлениях, а союз республики с Россией обусловливал победой ее народа. Он приветствовал декабрьское вооруженное восстание 1905 г. и глубоко скорбел о его поражении.

В отличие от большинства лидеров западноевропейской социал-демократии, Жорес был свободен от

[1] Цит. по: http://www.pagina12.com.ar/diario/elmundo/4-251971-2014-08-01.html

[2] Цит. по: http://www.pagina12.com.ar/diario/elmundo/4-251971-2014-08-01.html

[3] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 353.

[4] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 313.

высокомерия по отношению к «отсталой» России. Он одним из первых осознал громадное международное значение опыта российского рабочего движения. Французских социалистов он призывал учиться у русских революционеров: «*Им неведомо большинство наших слабостей, большинство наших срывов. Они не знают, что весьма часто мы были недостойны их уважения*»[1]. О согражданах – врагах русской революции – Жан говорил, что это и враги своей родины. Именно в 1905 г. «Юманите» чуть не довели до банкротства, втихомолку суля Жоресу заем у Ротшильда или субсидии царского посольства, исправно поступавшие буржуазным газетам: ругайте нас как хотите, только молчите о кредитах! Но не на того напали – Жорес гневно выступил в парламенте против займа, предоставленного французскими банкирами Николаю Кровавому для подавления революции. Уже незадолго до гибели Жан принялся за изучение русского языка, отвечая товарищу на вопрос, зачем это нужно: «*Россия, быть может, накануне того, чтобы сыграть выдающуюся роль в жизни Европы*!»[2]

В последние годы жизни Жореса на первый план выдвинулась борьба против угрозы мировой военной катастрофы. Вопросы войны и мира давно волновали Жана. Он ясно понимал органическую связь военной угрозы с господством капитала. Еще в марте 1895 г., выступая в палате депутатов, он бросил в лицо противникам слова, памятные всем борцам против империалистических войн целое столетие: «***Ваше общество,*** *жестокое и хаотическое, даже когда оно желает мира, даже когда оно находится в состоянии кажущегося покоя,* ***всегда таит в себе войну, как повисшая в небе туча таит в себе грозу!***»[3]

На Амстердамском конгрессе 1904 г. Жорес горячо спорил с лидерами германской социал-демократии, которые, осуждая его союз с радикалами для защиты республики от реакции, сами уже тогда допускали участие рабочей партии в буржуазном правительстве ради «защиты отечества». Будущий социал-шовинист Фольмар откровенно заявил: в случае войны «*все немцы пойдут как один*». За десять лет до краха II Интернационала прозвучало, но осталось неуслышанным предупреждение Жореса: «***Неужели министериализм станет допустимым при условии его дополнения национализмом, неужели пролетариат может пожертвовать классовой борьбой ради сотрудничества в обороне той самой родины, которая управляется и особенно эксплуатируется буржуазным классом?»[4].***

Летом 1905 г., когда из-за первого марокканского кризиса обострилась опасность нападения Германии на Францию, Жорес собирался приехать в Берлин, чтобы совместно с германскими социал-демократами выступить в защиту мира. Канцлеру пришлось лично просить знаменитого трибуна не пересекать границу. Но непроизнесенная речь, опубликованная в социалистической прессе обеих стран, получила еще больший резонанс. Многие ее слова как будто адресованы и нам, людям следующего столетия: «*Страшная тревога, нагрянувшая вдруг среди полного спокойствия, напоминает народам, пролетариям, насколько в современном обществе мир хрупок и непрочен. Она напоминает европейскому рабочему классу, всему мировому пролетариату о его долге международного единства и бдительности. Необходимо, чтобы он являлся силой устойчивой, неусыпно бдительной, способной контролировать события при их зарождении, выявлять в зародыше первые же конфликты, которые, развиваясь, могут вызвать войну*».

Жорес не только протестовал против взаимоистребления народов и убийства пролетариями друг друга, но и обоснованно опасался, что последствиями военной катастрофы воспользуется крайняя реакция. Вслед за Энгельсом он пророчески предупреждал: «***Если случится европейская война, то может вспыхнуть революция****, и правящие классы хорошо сделают, если подумают об этом.* ***Но из нее могут также возникнуть на долгое время кризисы контрреволюции, бешеной реакции, ожесточенного национализма, удушающей диктатуры, чудовищного милитаризма, длинная цепь реакционных насилий и низкой ненависти, репрессий и рабства****. Мы не желаем в этой кровавой игре судьбы подвергать риску уверенность в освобождении пролетариата*»[5].

Стремясь склонить общественное мнение к миру, лидер социалистов обращал внимание современников еще на одно последствие грозившей войны, которое тогда мало кто видел: «***Если Англия и Германия передерутся и ослабят друг друга, они назавтра окажутся лицом к лицу с окрепшим могуществом США, которые, воспользовавшись их распрей, расширят свои рынки сбыта, опутают мир своими сетями***»[6].

Жорес сыграл видную роль на Штутгартском конгрессе II Интернационала (август 1907 г.), где вопрос мира и войны стоял как один из главных. Конгресс отверг якобы ортодоксальную, на деле же шовинистскую, позицию Геда: война – неизбежный спутник капитализма, поэтому до победы социализма нечего с ней бороться, а надо… защищать капиталистическое отечество. Был отклонен и прожект любителя полуанархистской фразы Г. Эрве (в будущем тоже социал-шовиниста) отвечать на любую войну забастовкой и восстанием. Принята была резолюция лидера германской социал-демократии А. Бебеля, доработанная при активном участии Жореса. Вопреки возражениям Бебеля, не считавшего возможным даже перед лицом войны нарушать «законность», в резолюцию вошли поправки В.И. Ленина и Р. Люксембург о необходимости использовать кризис, созданный войной, для победы над капитализмом. «*Кроме того, Жорес предложил счастливый план: вместо указания средств борьбы (стачка, восстание) указать исторические примеры борьбы пролетариата против войны, начиная с демонстраций в Европе и кончая революцией в России…* – констатировал Владимир Ильич. – *Вышла резолюция… действительно богатая мыслями и точно указывающая задачи пролетариата. В этой резолюции строгость ортодоксального, т.е. единственно научного марксистского анализа соединилась с рекомендацией рабочим партиям самых решительных и революционных мер борьбы*»[7]. Лидер французских со-

[1] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 315.
[2] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 378.
[3] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 287.
[4] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 307-308.
[5] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 321-322.
[6] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 359.
[7] Ленин В.И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте / ПСС. – Т. 16. – С. 73.

циалистов назвал конгресс первостепенным историческим событием.

В августе 1910 г. Жорес вновь встретился с Лениным на следующем, Копенгагенском, конгрессе Интернационала. Штутгартская резолюция была подтверждена, но из-за противодействия немецкой и австрийской делегаций не удалось дополнить ее положением о всеобщей стачке как средстве борьбы против милитаризма.

На родине Жорес развернул широкую пропагандистскую кампанию. Не ограничиваясь партийной, парламентской и газетной трибуной, выступал в одном городе за другим. От имени Интернационала призывал пролетариат «*действовать и парламентским и революционным путем, чтобы раздавить в зародыше очаги губительных войн*». Попытки буржуазных либералов наложить на милитаризм правовые ограничения (международный арбитраж, Гаагская конвенция 1907 г. о нормах ведения войны) Жан охарактеризовал лаконичной формулой: «***Лицемерное миролюбие правительств – это дань, воздаваемая глубокому стремлению к миру международного рабочего класса***»[1]. В то же время он предлагал использовать и буржуазный пацифизм на благо мира и революции: «*Элементарный долг трудящихся всех стран – поймать на слове правительства и сказать им: если вы хотите международный арбитраж, то и мы тоже… Если же вы не хотите, то вы докажете тем самым, что вы правительство негодяев, правительство убийц. И тогда долг пролетариев – восстать против вас, взять то оружие, которое вы дали им в руки…*».

Жорес внес в палату депутатов законопроект, прямо предупреждавший: «*Любое правительство, которое вступит в войну, не использовав предварительно открыто и лояльно возможность разрешения конфликта с помощью арбитража, будет рассматриваться в качестве предателя Франции, врага отечества и его населения. Любой парламент, который одобрит такое действие, будет виновен в измене и подлежит роспуску.* ***Конституционная и национальная обязанность граждан будет состоять в том, чтобы свергнуть такое правительство****…*»[2]. Фактически это был прямой призыв к революции. Неудивительно, что буржуазное большинство палаты не допустило законопроект даже к обсуждению.

И при его жизни, и позже многие считали Жореса пленником иллюзий буржуазного пацифизма. Но и в этой части его взглядов многое, представлявшееся наивным, оказалось предвосхищением грядущей эпохи, поставившей перед передовым классом задачу борьбы против «*общей гибели борющихся классов*»[3], которой империализм угрожает человечеству.

Объективные причины усиления военной угрозы в эпоху империализма тогда еще были не вполне осознаны даже левой социал-демократией. Хотя В.И.Ленин работал над этой проблемой по крайней мере с 1913 г., его концепция империализма получила известность лишь в то время, когда Жореса уже не было в живых. В попытках защитить мир ему случалось допускать серьезные ошибки. Так, он не понял позиции большевиков в отношении русско-японской войны, что было расценено Лениным как «*квазисоциалистическая кампания в пользу мира вообще*»[4]. В 1908 г. в интервью немецкой либеральной газете он охарактеризовал создание англо-франко-российской Антанты как «*гарантию мира*». Это, как подчеркивала в открытом письме Жоресу Р. Люксембург, противоречило его же солидарности с российскими революционерами, было неверно и по существу: «*Если милитаризм – дитя капитализма, то и войны не могут быть уничтожены интригами правителей и дипломатов, и задача социалистов не будить иллюзий на этот счет, а, наоборот, постоянно разоблачать лицемерие и бессилие дипломатических «мирных шагов»*»[5].

Жорес быстро исправил ошибку: во время очередной поездки царя в Европу он был одним из депутатов, которые по призыву Международного социалистического бюро «*заявили перед всем миром о той ненависти, о том презрении, с которыми относится рабочий класс к Николаю-погромщику, к Николаю-вешателю…*»[6].

Показательно, что в том же 1908 г. В.И. Ленин высоко оценил антимилитаристскую позицию Жореса. Когда немецкий оппортунист Фольмар стал отвергать антимилитаристскую пропаганду как опасную для партии, Владимир Ильич назвал справедливым «*замечание Жореса, что германская с.-д., выдержавшая в своей молодости, в тяжелую годину исключительных законов против социалистов, тяжелую руку графа Бисмарка, теперь, несравненно выросши и окрепнув, могла бы не бояться преследований со стороны нынешних правителей*»[7].

Отвергая шовинизм, Жорес не относился нигилистически к интересам национальной обороны. Первым из социалистов после Энгельса он специально изучал войну и армию. Итогом этой работы стал проект военной реформы, изложенный в книге «*Новая армия*» (1910). Обороноспособность страны он предлагал укрепить не путем милитаристской гонки, а путем изменения военной организации и принципов комплектования армии, упрочения ее связей с народом. Гарантию подлинной безопасности страны видел в социалистической организации общества.

Уже тогда Жорес сознавал, что социализм не обязательно победит одновременно во всей Европе и революционной стране, «***несомненно, придется вступить в борьбу со всем остальным реакционным и капиталистическим миром***»[8]. Не зря «Новая армия» была переведена и издана в красном Петрограде 1919 г. В самой Франции ее идеи увлекли передовых офицеров, а в годы Второй мировой войны воплотились в военной организации Сопротивления.

С началом эпохи империализма Жорес, в молодости отдавший дань иллюзиям о цивилизаторской роли европейцев в Азии и Африке, все решительнее обличал преступления колонизаторов. Он стремился «*заставить Францию задуматься над тем, какие семена гнева, страдания и ненависти сеет она там и какую печальную жатву соберет она рано или поздно*»[9]. Выступая против кредитов на колониальные авантюры, Жан с полным основанием видел в них угрозу всеоб-

[1] Молчанов Н.Н. – С. 348.
[2] Цит. по: Молчанов Н.Н. – С. 348-353.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / Соч., 2-е изд. – Т. 4. – С. 424.
[4] Ленин В.И. Падение Порт-Артура / ПСС. – Т. 9. – С. 157.
[5] Ленин В.И. Воинствующий милитаризм / ПСС. – Т. 17. – С. 195.
[6] Ленин В.И. ПСС. – Т. 19. – С. 54.
[7] Ленин В.И. Воинствующий милитаризм / ПСС. – Т. 17. – С. 194.
[8] Молчанов Н.Н. – С. 354.
[9] Молчанов Н.Н. – С. 357.

щему миру. Десятки речей и сотни статей он посвятил Марокко – детонатору двух международных кризисов.

Жорес внес реальный вклад и в налаживание связей европейского рабочего движения с трудящимися Латинской Америки. По просьбе аргентинских социалистов он в июле-сентябре 1911 г. посетил их страну, Бразилию и Уругвай. Проездом побывал в Лиссабоне, где недавно произошла буржуазная революция; министр иностранных дел республиканского правительства счел необходимым встретиться с ним. Лекции Жореса (только в Аргентине – восемь) имели огромный успех. Буэнос-айресская газета «Ла Насьон» назвала его, наряду с Ллойд-Джорджем и Т. Рузвельтом, одним из влиятельнейших политиков мира, добавив: «*Из них троих у него одного есть преимущество: он направляет политику Франции, оставаясь в оппозиции*»[1].

По возвращении из-за океана Жорес принял активное участие в европейской кампании социалистов за мир. Однако лидеры II Интернационала спустили антивоенное движение на тормозах. Когда в 1912 г. Италия захватила Ливию, Жорес потребовал от Международного социалистического бюро расширить протесты. Стареющий Бебель ответил, что вопрос «не представляет интереса». Лишь когда к ливийской войне добавилась балканская, призывы Жореса были услышаны. На самом массовом антивоенном митинге в Берлине он выступал дважды. Чувствуя приближение катастрофы, лидер французских социалистов настаивал на неотложности высшего форума Интернационала. Наконец удалось добиться решения о созыве чрезвычайного конгресса в швейцарском Базеле, близ границ Франции и Германии – противников в назревавшей войне.

5. По ком звонит колокол?

По-зимнему холодным ноябрьским утром 1912 года над старинным городом плыл звон колоколов. Последний перед войной международный форум социалистов открывался антивоенным митингом, которому власти отвели кафедральный собор. Жорес говорил о великой ответственности Интернационала: «*Мы должны помешать конфликту распространиться, перерасти в пожар, пламя которого охватит всех трудящихся Европы*». Призвав противопоставить войне «*пролетарское действие*», он предупредил: «***Народы могут прийти к выводу, что своя революция будет им стоить меньше жертв, чем чужая война***». В то же время он вновь подчеркнул: «*Интернационал должен позаботиться о том, чтобы его призыв к миру был услышан повсюду, должен повсюду разворачивать легальные или революционные действия, которые предотвратят войну, или же потребовать к ответу ее зачинщиков*».

Лидер французских социалистов стал одним из авторов Базельского манифеста, где подверждалось положение, одобренное по инициативе Ленина в Штутгарте: пролетариат должен использовать военный кризис для свержения капитализма. Манифест, изданный во Франции полумиллионным тиражом, одобрялся на многих рабочих митингах. Итоги базельского форума Жан воспринял как призыв Интернационала к революционной борьбе против войны. Он считал вполне вероятным, что война, навязанная народам, превратится в гражданскую: «*Правительства Европы не могут безнаказанно развязать катастрофу.* ***Война создаст революционную ситуацию*** *во всех умах, во всех сердцах, во всем. Миллионы вооруженных людей, осужденных на взаимную бессмысленную войну, в конце концов поступят правильно, повернув оружие везде в Европе против европейского режима безумия и смерти*»[2]. Но, пока катастрофа не разразилась, Жорес считал долгом социалистов сделать все возможное для ее предотвращения.

Во Франции вопрос о мире выдвинулся в центр политической борьбы. О назревании кризиса свидетельствовала чехарда в верхах. В 1912 г. правительство радикалов сменил правый кабинет Р. Пуанкаре, с ходу попытавшийся перевести балканскую войну в мировую. В январе 1913 г. этот деятель был избран президентом; предшественник, сдавая дела, угрюмо вымолвил: «*Я уступаю место войне*». Соучастниками «Пуанкаре-войны» стали социал-ренегаты.

В марте 1913 г. Мильеран, экс-социалист Мильеран, он же военный министр (!) в правительстве Бриана, внес законопроект об увеличении срока обязательной армейской службы до трех лет. Копируя германскую военную организацию, он вводил в войсках подобие прусской муштры, о чем давно мечтали реакционные генералы и правые националисты. «Юманите» немедленно заявила о начале широкой кампании против «закона о трех годах». Социалисты и ВКТ, преодолев вражду, действовали совместно. Общие митинги под красными знаменами собирали сотни тысяч человек. Под заявлением протеста за три месяца было собрано 700 тысяч подписей. Активная работа велась среди солдат. При этом социалисты в полной мере учитывали интересы безопасности страны, выдвигая жоресовский проект армии нового типа, единой с народом. При его обсуждении в парламенте никто из военных не смог с профессиональной точки зрения обнаружить в речи лидера социалистов ни единого изъяна. Впоследствии генералы признавали, что Жорес точно предсказал ход военных действий на франко-германском фронте Первой мировой войны.

«Закон о трех годах» все же был принят. Но социалисты сделали его критику основой своей предвыборной кампании, добившись в апреле 1914 г. небывалого успеха: 1400 тыс. голосов, 103 депутатских места. Рабочее движение выросло в первостепенную политическую силу. Один из «премьеров на час» звал лидера социалистов в свой кабинет, обещая ему «полную свободу действий». Но Жорес не стал уподобляться Мильерану.

Выступления трибуна, принимавшие все более революционный характер, вызывали ярость даже у недавних союзников. Размежевание общества и накал страстей напоминали времена дрейфусиады. «Аксьон Франсэз» открыто сколачивала отряды боевиков под недвусмысленным названием «Королевские парни». Лжепатриотическая пресса уже давно обзывала Жана, как несколько лет спустя Владимира Ильича, немецким шпионом (заодно призывая учиться патриотизму у… германских социал-демократов). Теперь же «патриоты» печатно призывали «*всадить ему в голову кусок свинца*». В парламенте Жан отвечал язвительно: «*Люди, отличающиеся любовью к порядку, к доброте и к нашей щедрой цивилизации, охотно угрожают нам тюрьмой, расстрелом и гильотиной*». В узком кругу признавал: «***Не пройдет и шести месяцев, как нач-***

[1] Молчанов Н.Н. – С. 366.

[2] Молчанов Н.Н. – С. 370-372.

нется война. Я получаю столько писем с угрозами, что не удивился бы, если бы оказался ее первой жертвой»[1].

Вскоре после сараевских выстрелов президент республики Пуанкаре и премьер Вивиани поспешили в Петербург – подтолкнуть Россию к войне. Жорес выступил в парламенте против финансирования вояжа. Через несколько дней вместе с Вайяном предложил конгрессу соцпартии резолюцию, дополнявшую базельские решения призывом к одновременной всеобщей забастовке во всех европейских странах. Резолюция была принята, но почти половина делегатов по предложению Геда голосовала против. Вчерашний вожак «левых» и завтрашний министр договорился до того, что «*всеобщая стачка, даже международная и одновременная, была бы преступной изменой социализму*»[2]. Ультраправой прессе достаточно было отбросить последнее слово…

Жан понимал, что и большинство партии, подчинившееся его авторитету, вряд ли готово на столь решительную меру. Настаивая на своем предложении, он рассчитывал на дальнейшее сближение с ВКТ, представлявшей рабочие массы; их активные действия могли изменить настроение социалистов. Скорее всего, Жорес знал о секретном правительственном плане ареста руководства соцпартии и профсоюзов в случае войны. Не потому ли он особо подчеркивал, что действовать надо до начала военных действий – потом будет поздно?

Помнил он и о том, что на нескольких конгрессах Интернационала германские социал-демократы отклоняли вносимое им и Вайяном предложение о всеобщей политической стачке против угрозы войны. Неминуемо вставал вопрос: что если во Франции забастовка начнется, а кайзер, не встретив организованного противодействия германских рабочих, вторгнется в республику?

Решений о совместных действиях Жорес ожидал от очередного конгресса Интернационала, который должен был собраться в Вене 23 августа. Оптимизм питали вести из Петербурга: Пуанкаре и Вивиани, искавших поддержку своих воинственных планов, рабочие встретили всеобщей забастовкой, краснознаменными демонстрациями и баррикадами. Жорес писал в «Юманите», что через голову франко-русской реакции народная Россия взывает к народной Франции: «*Какое это предупреждение для европейских держав! Революция повсюду стучится в дверь. Почва колеблется под всеми режимами угнетения и привилегий, и, если произойдет военное потрясение, многие из них рухнут*»[3].

О разрыве Австро-Венгрией дипломатических отношений с Сербией Жан узнал в пригороде Лиона, где участвовал в избирательной кампании. Вместо предвыборного выступления прозвучала страстная речь, разоблачавшая «тайну, в которой рождается война». Небывало откровенно и резко он подчеркивал, что за угрожающую миру опасность ответственна буржуазия всех европейских держав, в том числе Франции. «*Остается только одна возможность сохранения мира и спасения цивилизации; она состоит в том, чтобы пролетариат сплотил все свои силы, включающие множество братьев: французских, английских, немецких, итальянских, русских; в том, чтобы мы призвали эти тысячи людей объединиться, и единодушное биение наших сердец отдалило ужасный кошмар … Наш долг, долг всех вас – не упускать ни одной возможности наглядно показать, что вы – с международной социалистической партией, представляющей сейчас, в начале бури, единственную вестницу возможности мира или восстановления мира*»[4].

Жорес спешит в Париж. На полпути поезд сходит с рельсов – случайность из-за предвоенной перегрузки дороги или умысел? На этот раз обошлось, но доехать удастся только завтра. Телеграммой он созывает всех депутатов партии на экстренное заседание, из редакции местной газеты по телефону диктует статью в «Юманите».

Рано утром 28-го приходит сообщение: войска Австро-Венгрии перешли сербскую границу. Жорес уже в Париже разъясняет депутатам: секретные статьи союзного договора обязывают Францию воевать на стороне России. Чтобы локализовать конфликт, надо добиться, чтобы правительство вовремя удержало союзника. Парламентская группа социалистов принимает резолюцию с протестом против секретных статей договора. Президент и премьер еще не вернулись из Петербурга, и Жан требует от и.о. премьера созвать экстренное заседание палаты.

Вечером лидеры партии выезжают в бельгийскую столицу. Утром, на заседании Исполнительного бюро Интернационала, инициатор его созыва, как всегда, излучает волю к борьбе: «*Правители ведут народы к краю пропасти, но в последний момент они колеблются… Необходимо, чтобы это колебание мы использовали для поддержания мира*»[5]. Но немцы и австрийцы уклоняются от осуждения своих правительств и отвергают идею всеобщей забастовки. Решено лишь – опять по предложению Жана – созвать конгресс не 23-го, а уже 9 августа в Париже. Выступая на брюссельском антивоенном митинге, он еще раз высказывает надежду на благоразумие французских и посредничество британских правителей. Что это – наивность? Скорее, рассчитанный шаг опытного политика, избравшего для дипломатической инициативы именно Бельгию, чей нейтралитет гарантирован Лондоном. Почти теми же словами, что некогда Энгельс, Жорес предостерег правящие круги обеих сторон от иллюзорных упований на «войну до осеннего листопада»: «*Когда тиф довершит дело, начатое снарядами, когда воцарится смерть и нищета, отрезвленные люди обратятся к немецким, французским, русским и итальянским правителям и спросят их, во имя чего нагромождены такие горы трупов? И тогда освобожденная от оков революция скажет им: «Ступайте прочь!*»

На обратном пути, в предпоследний день жизни Жореса, Гед задает ему вопрос, не раз разделявший революционеров XX века:

- ***Почему вы так боитесь войны, она же приблизит революцию***?

- ***При условии, что мы будем бороться против войны***, – таков ответ Жана.

В Париже полиция разгоняет антивоенные митинги, срывает плакаты. Обыватели штурмуют магазины. В парламенте о войне говорят как о факте. Передают слова военного министра: «*Победа обеспечена. Когда*

[1] Молчанов Н.Н. – С. 377-378.
[2] Молчанов Н.Н. – С. 382.
[3] Молчанов Н.Н. – С. 380-81.
[4] Цит. по: http://www.asturiasrepublicana.com/Jaures2.html
[5] Цит. по: Строгович М.С. Судебный процесс над убийцей Жана Жореса. – М.:, 1971. – С. 19.

я был в России, они мне все показали. Через месяц или шесть недель русские будут в Берлине». Жорес восклицает: «*Какое легкомыслие*!»[1].

Премьер Вивиани, некогда товарищ и почти друг, после разговора с германским послом принимает лидера оппозиции. Успокаивает, заверяет в миролюбии, просит не осложнять положение правительства.

Утром 31 июля выходит номер «Юманите» с последней статьей Жореса. Она озаглавлена «*Хладнокровие*». Жан призывает не терять голову. Настаивает на посредничестве Лондона. Неужели искушенному в политике автору неведомо, что британская дипломатия не посредничает, а провоцирует войну? Скорее, он рассчитывает, что в дипломатические дела вмешается другая реальная сила. Мысль, созвучная ключевым словам «Интернационала» – «*своею собственной рукой*», – ясно выражена в концовке статьи: «***Опасность велика, но она не непреодолима, если мы сохраним ясность мысли, твердость воли, если сумеем проявить и героическое терпение, и героизм в борьбе. Ясное сознание долга дает нам силы его выполнить***». За словами, достойными народного вождя эпохи Великой революции, следует указание: все социалисты Парижа *должны* в воскресенье 2 августа явиться на «*собрание, посвященное международному положению и действиям, которых ждет от нас Интернационал*». Встреча мыслилась не как разовая: «*Такие собрания не позволят ни на минуту ослабнуть воле и мысли пролетариата и подготовят ту мощную – я уверен – демонстрацию, которая должна предшествовать открытию конгресса Интернационала.* ***Самое главное – непрерывно действовать, настойчиво будить мысль и сознание рабочих масс. В этом наш истинный оплот. В этом и только в этом гарантия будущего***»[2].

Судя по последнему выступлению Жореса в печати, за оставшуюся до конгресса неделю он предполагал провести целый каскад протестных выступлений. Они должны были постоянно наращивать давление на правительство, лишая его необходимой предпосылки начала войны – спокойного тыла, – и одновременно переломить настроение в социалистических партиях, в рабочих массах Франции, а затем и других стран. Несомненно, Жан рассчитывал также на свои обширные связи в политических партиях и среди военных – ведь ему не раз удавалось свергать правительства и президентов.

Прежде всего, требовалось хоть немного оттянуть катастрофу. И утром последнего дня своей жизни, последнего дня европейского мира, Жорес с другими лидерами партии опять отправляется к премьеру. Но тот отказывается их принять – у него посол кайзера. Министр иностранных дел тоже занят, оппозиционеров принимает заместитель. Жорес настаивает, чтобы Франция потребовала от России согласия на британское посредничество. Тем, кто не сделает для мира все возможное, трибун угрожает испытанным оружием – публичным обвинением. Чиновник спрашивает: «*Что будет делать социалистическая партия, если обстановка будет еще более грозной?*» Жорес говорит откровенно: «*Мы будем продолжать нашу кампанию против войны*». И получает не менее ясный ответ: «***Но вас убьют на первом же углу***». Выходя, произносит: «*Все кончено*!» Что он имеет в виду: международный мир, компромиссы с правительством или свою жизнь?

В последний раз Жан едет в «Юманите». Неосторожно сообщает: «*Сегодня ночью я напишу статью, в которой разоблачу всех виновников готовящегося преступления. Я должен выступить, как некогда Золя. Это будет новое «Я обвиняю»*»[3].

Кто-то из коллег напоминает: пора пообедать. Другой, встревоженный репликой замминистра, советует сменить кафе – возле любимого всей редакцией «Круассана» замечены молодчики из «Аксьон франсэз». Но Жан настаивает: «Это наше место». Когда поздний обед подходит к концу, из-за занавески протягивается рука с револьвером. Почти в упор – выстрел, другой, третий…

Почему Жорес, как многие известные истории жертвы индивидуального террора, не прислушался к предупреждению? Полагаю, к смертельной игре с судьбой могла подсознательно подвести невыносимая тяжесть выбора. Он не мог стать, как большинство лидеров II Интернационала, соучастником преступления против человечества. Не мог и отступить, дожидаясь более благоприятного соотношения внутренних и международных сил, – для такого маневра нужна сплоченная закаленная партия, иначе шовинизм захлестнет все. Обладая уникальным авторитетом и поистине магнетическим влиянием на массы, он, пожалуй, мог выступить подобно Золя в «деле Дрейфуса», однако в пролетарском варианте – спутать карты поджигателей войны, подняв профсоюзы на политическую забастовку. Но что дальше? То, что едва удалось предотвратить пятнадцать лет назад: военное положение, аресты лидеров, террор националистов, разгром рабочих организаций? Или гражданская война? Готовы ли внуки коммунаров превзойти дедов в организованности и умении воевать с вышколенным врагом? А если буржуазия, забыв свой патриотизм, сдаст родину интервентам, как поступала в прошлом (и снова поступит спустя четверть века), – сможет ли европейский пролетариат поддержать товарищей? И достанет ли сил для победы? Не повторится ли кровавый парижский май 1871 г. – десятикратно в общефранцузском масштабе и стократно в международном? На эти вопросы летом 1914-го слишком трудно было ответить...

6. «Не умирают для политики»

1 августа сограждане читали на стенах два воззвания, подписанные премьером Вивиани. В первом сообщалось о всеобщей мобилизации. Второе с прискорбием извещало о подлом убийстве «*республиканца-социалиста, который всегда боролся за благородное дело, а в эти трудные дни в интересах мира поддерживал (!) патриотическую акцию правительства*». Рабочему классу рекомендовалось «*не усугублять публичные эмоции агитацией, которая привела бы к беспорядкам в столице*»[4].

Два дня спустя для Франции начнется мировая война. Еще через сутки, во время прощания с Жаном, рабочие, ждавшие от лидеров социалистов и ВКТ принципиальной позиции, услышат о «национальном единстве» и прекращении классовой борьбы во имя защиты отечества. Позже станет известно: еще до гибели Жореса правительство отменило намеченный на случай войны арест нескольких тысяч видных социалистов и

[1] Молчанов Н.Н. – С. 387-388.
[2] Молчанов Н.Н. – С. 389.
[3] Молчанов Н.Н. – С. 390.
[4] http://www.asturiasrepublicana.com/Jaures1.html

профлидеров. Выстрелы в кафе «Круассан» должны были показать всем, что ждет непокорных. Как констатирует современный нам историк, организаторы преступления справились и с этой задачей: «***Его гибель уничтожила сопротивление поддержке войны, существовавшее среди французских левых в соцпартии и профсоюзах.*** *Она позволила совершиться «Священному союзу», торжественно провозглашенному в палате депутатов воинственным президентом Р. Пуанкаре именно в день похорон Жореса*»[1].

Как не раз бывало с покойными вождями трудящихся, которым господствующие классы при жизни «*платили… постоянными преследованиями… самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы*», с мертвого Жореса принялись писать «*безвредные иконы*»[2]. Буржуазные газеты, еще вчера изливавшие на него потоки грязи, накануне похорон признали «*абсолютную честность*» убитого. Не только ренегаты со стажем вроде Мильерана и Вивиани, но и такие лидеры социалистов, как Ренодель, Гед, Самба, Тома, до рокового часа находившиеся рядом с Жоресом, вошли в империалистическое правительство. Того, кто уже не мог им ответить, они теперь перелицовывали по своему образу и подобию.

Продолжением убийства стал и процесс по делу его исполнителя. На месте преступления был задержан некто Виллен – сын судейского чиновника, «вечный студент», ожидавший призыва в армию. «Аксьон франсэз» поспешила отмежеваться от него. Как обычно бывает в делах о терактах против тех, кто неугоден хозяевам капиталистического мира, юстиция вопреки логике держалась версии «фанатика-одиночки». Если верить обвинительному заключению, Виллен бывал у националистов, но активной роли не играл; имел скромные доходы, но широко разъезжал по Европе; Жореса не слушал и не читал, но убил... вместо французского премьер-министра (!) или кайзера Вильгельма II (!!), которого пощадил как знатока искусства (!!!). Свидетели, бывшие с Жоресом в «Круассане», видели, как за ними с улицы наблюдала группа лиц, потом некто дал сигнал к стрельбе. Виллен еще накануне следил за квартирой Жореса, заранее обзавелся оружием и патронами, но роковые выстрелы были сделаны из другого револьвера, неизвестного происхождения. Расследовано не было ничего. Свидетели защиты живописали неуравновешенность Виллена, чья душевнобольная мать уронила его в детстве из окна (прямо как персонажа фильма «Праздник святого Йоргена»). А сам он, находясь в тюрьме в военное время, имел возможность письменно инструктировать свидетелей и даже угрожать властям (неужели от своего имени?): если его адвокаты «*начнут нападать на прежние правительства (а в этом может возникнуть необходимость), то священное единение нации понесет тяжелый урон*»[3].

Уважив просьбу Виллена, суд отложили, а его оставили в комфортабельной камере, пока сверстники, в том числе сын убитого, гибли на фронте. Закончилась мировая война, шовинисты упивались реваншем, в Германии были убиты К. Либкнехт и Р. Люксембург, в оккупированной Одессе французская контрразведка учинила бессудную расправу над своей соотечественницей Ж. Лябурб и другими интернационалистами. Лишь тогда, в марте 1919 г., дело об убийстве Жореса довели до суда.

Классовый характер процесса бросался в глаза. Все присяжные были подобраны из средней буржуазии: ни одного интеллигента, не говоря уже о рабочем. Прокурор (!) настраивал жюри на снисхождение к обвиняемому. Председатель суда, пользуясь диктаторской властью, предоставленной еще действовавшим процессуальным кодексом Наполеона, пресекал любую попытку участников что-либо спросить или ответить по существу. П. Вайян-Кутюрье писал: «*Того, кого мы так нежно любили и кого мы никогда не перестанем оплакивать, там не было. Нам был представлен какой-то новый Жорес, ущербный… жалко разукрашенный*»[4]. Свидетели от соцпартии заверяли, что Жорес с началом войны непременно вошел бы в правительство и «*объединял вокруг французского знамени всех граждан*». Защита ловила их на слове, требуя оправдать обвиняемого во имя «национального согласия». (Одному из адвокатов Виллена впоследствии предстояло защищать белоэмигранта Горгулова, убившего президента Франции за развитие отношений с СССР.)

Может, и не все присяжные приняли спектакль всерьез, не все прониклись враждебностью к жертве и симпатией к убийце. Но кто из обывателей рискнет бросить вызов властям, видя, как бывшие товарищи убитого отрекаются от дела, за которое тот отдал жизнь?

Финал фарса достоин скрижалей империалистического «правового государства»: 14 присяжных из 15 вынесли *оправдательный* вердикт; с вдовы убитого, как проигравшей стороны, взыскали судебные издержки. Фашисты из «Аксьон франсэз», взявшие «не связанного» с ними Виллена на денежное содержание, назвали решение суда «вердиктом милости, мудрости и разума».

А со страниц «Юманите» раздавался голос всемирно известного писателя Анатоля Франса, друга погибшего: «*Рабочие, Жорес жил для вас, он умер за вас! Чудовищный вердикт объявляет, что его убийство не есть преступление. Этот вердикт ставит вне закона и вас, и всех тех, кто защищает ваше дело. Рабочие, будьте бдительны!*»[5].

300 тысяч пролетариев вышли на улицы протестовать против оправдания террориста. Земляки не пустили его в родной город. Кара настигла Виллена в пылающей Испании через семнадцать лет.

Еще меньше смогла открыто торжествовать над своей жертвой буржуазная Франция. В 1920 г. большинство «Французской секции рабочего Интернационала» образовало Коммунистическую партию, заявив в учредительном манифесте о стремлении быть достойными Жореса. «Пуанкаре-война», одержавший пиррову победу, и «тигр» Клемансо, обломавший клыки о Советскую Россию, бесславно ушли. Их преемникам пришлось изменить официальное отношение к грозному противнику, павшему в бою, но не умершему для политики. Многие муниципалитеты назвали в его честь улицы и площади, а в Париже и Лионе – станции метро. В 1924 г. горняки Кармо, одетые в шахтерские спецовки, торжественно внесли Жореса в Пантеон, усыпальницу самых выдающихся людей Франции.

---

[1] http://www.elperiodico.com/es/noticias/opinion/jean-jaures-asesinato-sin-crimen-3421174

[2] Ленин В.И. Государство и революция / ПСС. – Т. 33. – С. 5.

[3] Строгович М.С. – С. 55.

[4] Строгович М.С. – С.40-41.

[5] Строгович М.С. – С. 62.

Закономерно, что грани его образа особенно широко открылись нашей стране, принявшей у его родины эстафету великих революций. В России и СССР переводились, особенно в первые советские годы, многие произведения Жореса. В 1961 г. вышел сборник его речей и статей «Против империалистической войны и колониализма». В 70-е гг. была вновь издана «Социалистическая история Французской революции».

Особо надо отметить два литературно-публицистических портрета, чьи авторы знали трибуна не понаслышке и не с пожелтевших страниц.

В первую (и вновь в третью) годовщину гибели Жореса очерк о нем опубликовал Л.Д. Троцкий[1]. Сосредоточившись на парламентских выступлениях Жореса и даже не упомянув о его тесной связи с рабочим движением, автор очерка приписывает его личности прямо-таки сверхчеловеческую мощь. «С*амого гениального сына современной Франции*», «*самого большого человека третьей республики*», «*самую выдающуюся фигуру в политической жизни Франции*» он ставит и на «*одно из первых мест в европейском социализме*». Но едва от полуницшеанских эпитетов и журналистских красот приходится переходить к политическим оценкам, сразу выявляется центристская позиция автора. Безапелляционно заявляя, будто «*вся борьба пролетариата в эту эпоху была проникнута духом реформизма, приспособления к существующему строю*», Троцкий дал герою очерка оценку, политически двойственную: «*По существу своих воззрений Жорес был и оставался реформистом. Но он обладал удивительной способностью приспособления, – в том числе и к революционным тенденциям движения*». Но если бы ***вся*** борьба пролетариата была проникнута реформизмом, откуда было бы взяться революционным тенденциям?

В очерке отражена специфика мировоззрения и деятельности знаменитого трибуна: «*В первоначальной жоресовской «умеренности» были уже огромные источники действенного социального гуманизма, который легко развернулся в социалистическом направлении. С другой стороны, его социализм никогда не принимал резко очерченного классового характера и никогда не порывал с гуманитарными и естественно-историческими предпосылками, глубоко заложенными во французскую политическую мысль эпохой Великой Революции».*

Выявляя во взглядах Жореса реальные противоречия, Троцкий, однако, склонен превращать их в неразрешимые коллизии сродни кантовым антиномиям. Вполне в духе Геда он пишет: «*Социализм не был для него теоретическим выражением классовой борьбы пролетариата.* ***Наоборот****, пролетариат оставался в его глазах исторической силой на службе права, свободы и человечности*». Между тем, Жорес, недвусмысленно разъяснявший «левым» свою позицию: «***Борьба классов – это принцип, база, основной закон нашей партии***»[2], – никогда бы не поставил здесь слово «наоборот». Для него каждый из упомянутых аспектов не исключал, а предполагал другой. Пусть интуитивно, но он стремился *соединять* противоположности, без чего вообще не бывает серьезной политики, – и в этом он ближе не превозносящему его Троцкому, а подчас сурово критикующему Ленину.

Недиалектичность мышления автора очерка (по той же причине не принимавшего ленинской концепции гегемонии пролетариата в демократической революции) лишает убедительности и его попытку реконструировать нереализованную историческую перспективу: «*Мировая война должна была поставить Жореса лицом к лицу с теми вопросами, которые раскололи европейский социализм на два непримиримых лагеря. Какую позицию занял бы он? Несомненно, патриотическую*». Такая оценка, при господствовавшей тогда трактовке понятия «патриотизм», смыкалась с позицией правых социалистов. Но тут же делается реверанс влево, хотя в довольно уклончивых выражениях: «*У нас есть полное право предполагать, что в грядущей революции великий трибун безошибочно определил бы свое место и развернул бы свои силы до конца*». По существу же вопрос остается открытым: *«Бессмысленный кусок свинца освободил Жореса от величайшего политического испытания».*

Иначе напишет о нем и о главной причине его гибели А.В. Луначарский, хорошо знавший Жореса: «*Надо сказать, что он все время рос как революционер. Конечно, было бы преувеличением сказать, что к объявлению войны мы имели бы в Жоресе человека, совершенно подготовленного к роли революционного лидера французских и вообще западноевропейских рабочих, к роли партнера нашего великого Ленина. Может быть, это и не так, но буржуазия правильно опасалась, что этот человек с гигантским ораторским талантом, огромным, полным всяких ухищрений и шахматных ходов политическим умом, человек, полюбившийся массе, может стать во время войны чрезвычайно опасным».* Луначарский выражал уверенность в том, что *«если не сразу, то постепенно, по мере развертывания ужасов войны, Жорес должен был прийти к каким-то чрезвычайно левым, радикальным позициям… Будь жив Жорес, его могучая рука подняла бы над Европой красное знамя… Он сошел в могилу как великий социалистический трибун*»[3].

Спустя столетие судьба Жореса являет нам и иное сходство двух наших стран, совершивших великие революции. За грандиозным историческим приливом пока что с объективной закономерностью всегда следовал реакционный отлив. И для нас, все еще вынужденных разбирать развалины, многое в нынешнем безвременье напоминает французскую Третью республику – возведенную на руинах пролетарской революции ценою национального унижения и хронической угрозы войны, обреченную мучительно изживать позор предательства и коррупции, корчи националистического и клерикального мракобесия, обывательскую ностальгию по потерянной короне, убожество оппортунизма и бесплодие «левого» сектантства.

Пусть же нам придаст толику оптимизма судьба Человека, сумевшего в сумерках безвременья найти путь к передовому классу своей эпохи, встать в борьбе на его сторону, передать эстафету прошлых революций людям будущего, до конца сражаться против тех, кто убивает будущее.

---

[1] http://www.komintern-online.com/trotm160.htm

[2] Молчанов Н.Н. – С. 235.

[3] Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. – М., 1968. – С. 71-72.

Борьба против современных оппортунизма и ревизионизма

Из опыта венгерских коммунистов

Дюла Тюрмер[1]

В 2004 году Венгерская Коммунистическая Рабочая партия **как раз** отмечала свой пятнадцатилетний юбилей, когда началось серьезное политическое и идеологическое наступление против партии. Такой сильной атаки оппортунистических сил в своих рядах, которая чуть не привела к гибели партии, партия еще не испытывала. В течение пятисот дней шла напряженная борьба внутри партии и вне её, пока не удалось победить эту угрозу. В результате партия ослабла, но уничтожить партию не смогли.

Венгерские коммунисты сделали целый ряд выводов из происшедшего, подтвердили марксистско-ленинский характер партии, укрепили руководство, обновили систему партийной учебы, модифицировали название партии (тогда партия получила имя Венгерская Коммунистическая Рабочая партия)[2], вышли из Партии европейских левых и в 2012 году приняли новую программу партии.

Из кого состояла оппортунистическая внутрипартийная оппозиция?

В 2004-2005 годах внутрипартийная оппозиция, возглавляемая тогдашним заместителем председателя партии Аттилой Вайнаи, перешла в наступление против политического курса партии.

Рассадником оппортунистической партийной оппозиции стали в основном ряд местных парторганизаций. Во-первых, в городах, где Рабочая партия сотрудничала с Венгерской социалистической партии (ВСП) в органах самоуправления (например, Печ, Эгер, Комаром, Кечкемет, Батоньтерене и многие другие). Политика Рабочей партии всегда состояла в том, что по конкретным вопросам, затрагивающим интересы трудящихся, можно и нужно сотрудничать с другими партиями, включая и ВСП. Это, однако, не означало стратегического сотрудничества.

Попавшие в органы самоуправления наши товарищи получили общественное признание, должности и – будем откровенны – значительные для наших скромных условий денежные доходы. Мы не отнеслись достаточно серьезно к тому, какое влияние могут оказать деньги. ВСП сумела, в самом прямом смысле этого слова, купить часть депутатов от Рабочей партии.

Другим рассадником оппортунизма стали круги столичной будапештской интеллигенции. Почти все до одного руководители оппортунистической оппозиции вышли из числа руководящих деятелей периода Яноша Кадара. Бывшие заведующие отделами ЦК, первые секретари обкомов, государственные руководящие работники, полковники и генералы, доценты и профессора Высшей партийной школы. Они не уставали повторять, что у них много друзей в рядах ВСП. Не соглашались признать тот факт, что ВСП превратилась в буржуазную, правую социал-демократическую партию.

Чего добивалась оппортунистическая внутрипартийная оппозиция?

Оппортунистская внутрипартийная оппозиция хотела сменить стоявшее на марксистских позициях руководство партии и полностью изменить марксистский характер партии, ее стратегию, тактику, организационную структуру, внешнеполитическую ориентацию.

Естественно, эти намерения проявились не сразу и не полностью, да и амбиции основных действующих лиц не во всем совпадали. Это затрудняло борьбу с ними. Какие конкретные цели и принципы они провозглашали?

1. «Объединение левых сил»

Главным лозунгом оппортунистов стало «объединение», единство с социал-демократией, «со всеми левыми силами». На словах они, правда, принимали позицию большинства членов Рабочей партии, согласно которой в Венгрии существует капиталистический строй и две главные политические группировки буржуазии: с одной стороны – социал-демократическо-либеральная, а с другой – националистическо-консервативная.

В то же время они утверждали, что победа националистическо-консервативных сил влечет за собой усиление крайне правых, более того – фашизм, поэтому в интересах недопущения этого Рабочая партия должна сотрудничать с социал-демократией и конкретно с Венгерской социалистической партией.

2. «Объединенная левая партия»

В планах оппортунистов намечалось создание такой организации, в которую вошли бы часть Рабочей партии, левые социалисты, аграрная интеллигенция, разочаровавшиеся в своих ожиданиях предприниматели, государственные служащие. В качестве примера приводили испанскую партию Izquierda Unida (Объединенные левые) или финский Левый союз (Vasemmistoliitto).

Одновременно с пропагандой идеи создания «объединенной левой партии» в Интернете началась деятельность по организации так называемого «обновленного форума рабочего движения». Они определяли свой курс как «политику, находящуюся левее социал-демократической и ищущую альтернативу неолиберальной политике». Причем особое ударение инициаторы делали на том, что это начинание не зависит от Рабочей партии. Они стали грубо, превосходя даже буржуазную прессу, нападать на политику и руководителей Рабочей партии.

Оппортунисты использовали временное отступление рабочего класса для доказательства того, что отныне и впредь главное противоречие, а, следователь-

[1] Дюла Тюрмер - Председатель Венгерской коммунистической рабочей партии.

[2] С мая 2013 года партия называется Венгерская Рабочая партия. См. Приложение 1.

но, и борьба, существует уже не между трудом и капиталом, а между капиталом, глобализацией, с одной стороны, и, по их выражению, «организациями, ищущими альтернативу неолиберальной политике».

3. Вместо революционной борьбы «трансформация капитализма»

Главное, к чему стремилась оппортунистическая оппозиция, было достижение политических целей – смена марксистского руководства партии и завоевание Рабочей партии, но они выдвигали и идеологические установки. Ссылаясь на левые движения в Латинской Америке, а также на примеры движения социального форума, они провозглашали ненужность классовой борьбы и возможность «преодолеть эксплуататорский режим, используя формы непосредственной демократии». Подчеркивалось, что в современных условиях собственность на средства производства уже потеряла свое значение и самое главное для нас не собственность на средства производства, а возможность держать последние под своим контролем.

4. Главная опасность – фашизм

Оппортунисты переняли и повторяли доводы социал-демократии и либеральной буржуазии, по мнению которых в Венгрии наблюдается усиление крайне правых, более того – фашизма, и победа на выборах консервативно-националистической партии открывает путь фашизму.

Эти партии по – существу борьбу с фашизмом свели к борьбе против антисемитизма и отрицания холокоста, оставляя без внимания то, что фашизм – это только следствие, осложнение, а не главная болезнь. Болезнь, которая вызывает фашизм, это сама капиталистическая система.

В Венгрии в 2004 году имелись крайне правые силы, которые традиционно использовали два фактора для нагнетания националистических настроений с целью усиления своего влияния: с одной стороны, то, что в Венгрии из 10 миллионов населения 700-800 тысяч составляют цыгане, которых капиталистический строй лишил возможности иметь место работы, сделав, таким образом, цыганское население источником серьезных социальных конфликтов. С другой стороны, и тот факт, что в Венгрии проживает одна из самых многочисленных в Европе еврейских общин.

Однако говорить о непосредственной угрозе фашизма было еще нельзя. Началу практике принятия антикоммунистических законов действительно положили консервативные партии, запретив в 1993 году публичное использование красной звезды и серпа и молота. Однако и сменившие их у власти социал-демократические правительства ничего не сделали для изменения этого положения.

5. «Демократическая, открытая партия»

Оппортунисты были против принципа демократического централизма. Они заявляли, что постановления Центрального Комитета не имеют обязательного характера, а являются лишь рекомендациями. Подчеркивали, что меньшинство не должно считать для себя обязательными решения большинства. Представители этих взглядов вместо боевой организации, служащей интересам рабочих, хотели создать нечто организационно аморфное, например, носящий характер социальной сети дискуссионный форум, базирующийся на Интернете.

Руководство трех из девятнадцати областных организаций (области Бараньа, Бач-Кишкун и Шомодь) в своих официальных постановлениях и действиях регулярно выступало против курса Центрального Комитета партии.

Оппозиция пыталась превратить Комитет по партийной этике в параллельный руководящий орган партии, противостоящий Центральному комитету.

Планировали изменить структуру партии и на место дисциплинированной централизованной партии поставить рыхлый союз отдельных организаций.

Вместо тройного требования, предъявляемого к членам партии: принятие программы партии, конкретная работа в первичной организации, уплата партийных взносов, они впустили бы в партию всех, кто лишь симпатизировал ей, а также поддерживали возможность вступать в партию через интернет.

Вместо целенаправленной агитации и пропаганды в партийной печати они провозглашали важность интернет форумов и общественных сайтов.

6. Социальные форумы и другие движения гражданского общества

Руководители оппортунистов побывали на многих мероприятиях европейского социального форума. Они все больше склонялись к тому, что коммунистическая партия должна идентифицироваться с гражданскими организациями и движениями.

Такие взгляды означали, что основной силой революционной борьбы признавался бы уже не рабочий класс, а на тот момент более активные в политике интеллигентские и средние слои, которые в основном и представлены в гражданских движениях.

7. Союз с Партией европейских левых

Оппортунистические силы не щадили и систему международных связей Рабочей партии. Они утверждали, что Рабочая партия должна поддерживать не проводящееся ежегодно Международное совещание коммунистических и рабочих партий, а укреплять сотрудничество с Партией европейских левых и фракцией Европейские объединённые левые/Лево-зелёные Севера (ЕОЛ/ЛЗС) Европейского парламента.

Что сделало возможным появление и укрепление оппортунизма?

Появление и укрепление оппортунизма стало возможным в результате совместного действия ряда факторов, часть которых связана с предыдущим в стране периодом социализма, а часть является продуктом последних двух десятилетий.

1. Большинство членов Рабочей партии выросло в годы социализма, когда официальная идеология формировалась на основе решений оппортунистического XX съезда КПСС.

В системе партийной учебы вопросы классовой борьбы трактовались **в духе** теоретических «новаций» этого съезда, которые под видом творческого развития марксизма в действительности означали его коренную ревизию: о якобы ослаблении классовой борьбы по мере успешного строительства социализма, более того, что при социализме она вообще прекращается и имеет место только на международном уровне. Провозглашалось, что в социально – экономической сфере, в области национальных отношений в социалистическом обществе уже на данном этапе преодолены противоречия и его дальнейшее развитие идет на основе господства отношений «товарищеского сотрудничества», «общенародных интересы «всего общества».

Большинство членов Рабочей партии в то время учило, что нужно сотрудничать с социал-демократией. Стало догмой многократно повторявшееся утверждение, что якобы даже можно было бы, предотвратить приход к власти Гитлера, если бы коммунисты сотрудничали с социал-демократами.

Отношения капиталистических и социалистических стран согласно догме, принятой XX съездом, представлялись **как лишь не всегда** отношения «мирного сосуществования», забывая, что капитализм **всегда** стремился и стремится к уничтожению социализма.

Питательной почвой для подобных утверждений были в первую очередь ревизионистские материалы XX съезда КПСС.

2. Большинство членов Рабочей партии не имело опыта классовой борьбы.

Венгерское коммунистическое движение в 1956 году вынуждено было столкнуться с тем фактом, что существовали контрреволюционные силы, стремившиеся к свержению рабоче-крестьянской власти. Опыт 1956 года закалил тогдашнее поколение. Однако у пришедших им на смену поколений такого опыта не было.

3. В политике Рабочей партии долгое время присутствовала неоднозначная, амбивалентная оценка ВСП.

На базе бывшей Венгерской Социалистической рабочей партии (ВСРП) осенью 1989 года создалось две партии – социал-демократическая Венгерская социалистическая партия (ВСП) и коммунистическая Рабочая партия. Члены Рабочей партии, а долгое время и часть ее руководства, питали иллюзии, считая, что в борьбе против капитализма, в интересах трудящихся возможно сотрудничество с ВСП.

В этом отношении решающим стал 2002 год. На парламентских выборах 2002 года Рабочая партия в восьми одномандатных округах во втором туре отозвала своих кандидатов, тем самым содействовав победе на выборах социалистов и приходу к власти правительства ВСП во главе с Меддеши. Руководство Рабочей партии впоследствии не раз выступало с самокритикой: «Мы знали, что принимаем неправильное решение, но члены партии верили в ВСП, а руководство побоялось пойти против течения».

В конце 2002 года XX съезд Рабочей партии изменил свою позицию по отношению к ВСП. Съезд заявил: мы не считаем ВСП ни другом, ни естественным союзником. ВСП – одна из венгерских буржуазных партий, которая выступает за капитализм. Решение съезда стало поворотным пунктом в жизни партии.

4. В усилении оппортунизма и в затянувшейся борьбе с ним сыграла свою роль и идеологическая неподготовленность партии.

Этому способствовала и узкая база Рабочей партии среди интеллигенции. В 1989-1990 годах большая часть бывших ученых-марксистов присоединилась не к Рабочей партии, а к социал-демократии. Отчасти потому, что такое решение было для них легче и удобнее, отчасти потому, что ВСП могла обеспечить их материально[1], а Рабочая партия сделать это была не в состоянии.

А те немногие ученые-марксисты, которые присоединились к Рабочей партии, к 2004 году уже или ушли из жизни или были в очень преклонном возрасте.

Проблема была и в том, что идеологическая работа не стала делом всей партии. Решения ЦК давали четкий марксистский анализ, но до очень многих членов партии они просто не доходили. Часть членов партии попала под антимарксистское влияние.

Серьезным недостатком Рабочей партии было то, что она не сумела создать систему партийной учебы. Попыток было сделано очень много, но все они оказались безуспешными. Выяснилось, что на основе старого, использовавшегося при социализме учебного материала, уже было недостаточно, а то и

невозможно обучать марксизму. Необходимы были новые методы, новые учебники, новые учителя, однако для этого требовалось время.

5. Значительная часть членов партии долгое время не хотела верить в возможность возникновения оппортунистической группировки.

Многие не уставали повторять, что «нужно принимать во внимание то, что нас объединяет, а не то, что разделяет». Многие считали, что и речи нет о каких-то злых намерениях, а всего лишь о стремлении молодых партийных руководителей к модернизации. К сожалению, даже часть президиума партии не сразу поняла, что речь идет не об отдельных заблуждениях молодых руководителей, а о широком идеологическом и политическом наступлении, цель которого разбить Рабочую партию.

6. Сыграли свою роль разочарованность и пессимизм части членов партии.

Члены партии тяжело привыкали к тому, что с 1989 года Венгрия стала капиталистической страной. С трудом понимали, что значит утрата власти. Очень многие не переставали надеяться на то, что период спада в коммунистическом движении скоро пройдет и если даже социализм и не вернется, партия окрепнет. Многие не понимали, почему Рабочая партия, невзирая на 15 лет нелегкой и упорной борьбы, не может попасть в парламент, в то время как греческие, португальские, чешские и другие коммунисты добиваются хороших результатов на выборах.

7. Усиление оппортунизма внутри партии всячески поддерживалось извне ВСП.

Руководители социал-демократии осознали, что Рабочая партия в недалеком будущем может означать угрозу для позиций ВСП. Что свидетельствовало об этом?

Во-первых, Рабочая партия хотя и не могла попасть в парламент, так как набираемые ею 2,2-3,9 % были недостаточны для преодоления 5%-го барьера, но, несмотря на это, в 2002 году во многих избирательных округах голоса сторонников Рабочей партии решили исход выборов. Если бы в 2002 году во втором туре Рабочая партия не поддержала ВСП, то ВСП по всей вероятности проиграла бы выборы. Тогда по спискам ВСП набрала 42%, а ее соперник, Фидес – 41,07%.

Во-вторых, в 2004 году Рабочая партия выступила с инициативой проведения всенародного референдума с тем, чтобы больницы и другие лечебные учреждения, обслуживающие население, оставались в собственности государства и местных органов власти. Эта инициатива была открыто направлена против ВСП, ведь тогда ВСП находилась у власти и было принято решение приватизировать здравоохранение. Рабочая партия, несмотря на зимние холода и снег, собрала необходимые для проведения референдума 200 тысяч подписей граждан (более того, всего было собрано 300

[1] Все имущество бывшей ВСРП перешло к ВСП, объявленной ее официальным правопреемником.

тысяч подписей). В то время ни одна партия не была способна на подобное. Это свидетельствовало об организационной силе Рабочей партии.

В-третьих, XX съезд Рабочей партии, состоявшийся в конце 2002 года, изменил политику партии по отношению к ВСП, в результате чего на следующих парламентских выборах любые формы поддержки ВСП со стороны Рабочей партии исключены.

Инициатива Рабочей партии о проведении всенародного референдума мешала ВСП, они попытались «купить» Рабочую партию. ВСП поручила Дьёрдю Яношши, бывшему тогда председателю совета ВСП, убедить Рабочую партию и лично Аттилу Вайнаи в том, чтобы Рабочая партия не подавала собранные подписи. И к тому же отказалась бы и от выдвижения своих кандидатов на выборы в Европейский парламент. В «оплату» обещались позиции в органах самоуправления и хорошо оплачиваемые посты в государственных учреждениях. Руководство Рабочей партии заявило: «Рабочая партия не продается!» Наша партия подала собранные подписи и до конца отстаивала необходимость проведения всенародного референдума.

Руководства ВСП знало, что на выборах 2006 года в лице Фидеса они будут иметь очень сильного соперника, поэтому каждый голос имел для них большое значение. ВСП никогда не намеревались на всевенгерском уровне сотрудничать с коммунистической Рабочей партией. Целью их всегда оставалось завоевание голосов сторонников Рабочей партии с помощью лозунга «перед угрозой фашизма все левые силы должны объединиться».

8. В усилении оппортунизма сыграла свою роль и Партия европейских левых (ПЕЛ).

Рабочая партия являлась одним из учредителей Партии европейских левых, хотя с самого начала воспринимала линию ПЭЛ с определенными оговорками, не во всем соглашаясь с ней. ПЕЛ оказала серьезное негативное влияние на членов Рабочей партии, особенно на ее интеллигентский состав. Правда, влияние это было несколько ограничено языковым барьером.

В декабре 2004 года Будапешт посетил Фаусто Бертинотти, тогдашний председатель ПЕЛ, и попытался убедить руководство Рабочей партии в важности «новой европейской политической культуры», которая, по его мнению, была призвана заменить «устаревшее» понятие классовой борьбы. Руководство партии Бертинотти убедить не удалось, но оппортунистическая оппозиция почувствовала, что их взгляды и действия одобряются «на европейском уровне».

В январе 2005 года Аттила Вайнаи, тогда еще остававшийся заместителем председателя партии, предложил провести внутрипартийное голосование для подтверждения членства Рабочей партии в Партии европейских левых. Его намерение было очевидным – под прикрытием лозунгов «европейкости» и «современности» привлечь партию на свою сторону. Центральный Комитет идею внутрипартийного голосования отверг.

Каковы были последствия деятельности внутрипартийной оппортунистической оппозиции?

Атаки оппортунистической внутрипартийной оппозиции имели тяжелые последствия для венгерского коммунистического движения и Рабочей партии.

1. Атаки оппортунистической оппозиции полностью сковали силы Рабочей партии, ее организаций и членов на протяжении 500 дней.

Ослабили партию перед парламентскими выборами 2006 года. Хотя по всем прогнозам казалось, что Рабочая партия будет в состоянии получить голоса тех, кто за четыре года разочаровался в ВСП.

2. Оппортунисты ослабили Рабочую партию и в организационном отношении. Так как им не удалось завоевать руководство партией, в 2005 году они вышли из Рабочей партии, и в 2006 году зарегистрировала новую партию под названием «Рабочая партия Венгрии – 2006». Из партии тогда ушло около 20% членов. Часть из них присоединилась к новой партии, большинство же, разочаровавшись, оставили коммунистическое движение.

Руководство 4 обкомов из 19 перешло на сторону оппортунистов. В этих областях значительная часть первичных партийных организаций запуталась в создавшейся ситуации и стала пассивной.

3. Оппортунисты нанесли вред авторитету венгерского коммунистического движения, демонстрируя, что «и здесь нет единства, и здесь только тем и занимаются, что спорят друг с другом». Это оттолкнуло от партии многих сочувствующих как из среды молодежи, так и более старших поколений.

4. Действия оппортунистов возвратили на исходные позиции начавшееся укрепление влияния коммунистов в профсоюзах и гражданских движениях.

В борьбе против оппортунизма

Рабочая партия предприняла целый ряд политических, идеологических и организационных шагов в борьбе против оппортунизма и тем самым спасла себя от гибели.

1. Рабочая партия дала марксистскую оценку нападению оппортунистов.

В 2005 году XXI съезд партии завершил этот процесс. Съезд заявил: «XXI Коммунистический съезд Рабочей партии осуждает выступление отдельных членов и организаций партии против решений Центрального Комитета Рабочей партии. Их деятельность была направлена на то, чтобы безосновательно обвиняя в терпимом отношении к правым, добиться снятия партийного руководства, расшатать Рабочую партию и подчинить ее Венгерской Социалистической партии. Фракционеры нанесли серьезный ущерб Рабочей партии, отвлекли силы партии от предвыборной и организационной работы. Съезд подтверждает решения Центрального Комитета в отношении внутрипартийной оппозиции, одобряет исключение внутрипартийной оппозиции из рядов Рабочей партии и роспуск руководства обкома области Бараньа. Съезд этим закрывает дискуссию, связанную с внутрипартийной оппозицией. XXI Коммунистический съезд призывает членов и организации партии повсюду восстановить партийную дисциплину».

2. В 2005 году Рабочая партия приняла решение впредь называться Венгерская Коммунистическая Рабочая партия.

Подчеркнув этим как на внутриполитической сцене, так и перед лицом международного рабочего движения, что наша партия – это марксистско-ленинская коммунистическая партия.

3. Состоявшийся в 2009 году XXIII съезд ВКРП почти полностью сменил состав Центрального Комитета и Президиума партии.

В руководство из реальной жизни пришли свежие, новые силы, среди них рабочие, трудовая интеллигенция. Средний возраст членов ЦК составил 50 лет.

4. Руководство партии стало осуществлять непосредственный контроль над средствами партийной пропаганды, центральным органом партии газетой «Сабадшаг», деятельностью в интернете.

Партия организовала внутрипартийную курьерскую службу, которая доставляет в местные организации газету «Сабадшаг» и одновременно обеспечивает обмен информацией между центром и местными организациями.

5. Рабочая партия в 2011 году создала Академию им. Эрвина Сабо[1]. Среди 80 слушателей Академии все члены ЦК, руководители областей и районов, руководящие активисты партии, руководители молодежной и женской организаций.

6. Рабочая партия провела значительную теоретико-идеологическую работу.

В 2006 году ЦК подготовил полный анализ уроков контрреволюционных событий в Венгрии в 1956 году. В 2007 году к 90-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции ЦК подготовил анализ коммунистического движения за девяносто лет.

В 2010-2011 годах прошла работа над тезисами Новой программы ВКРП. В рамках этого на основе новых знаний и опыта, используя новые средства, был дан анализ четырех десятилетий социализма в Венгрии, причин, приведших к контрреволюции 1989 года. Этот материал был обсужден в самых широких рядах членов партии. В это же время ЦК принял тезисы к 100-летию со дня рождения Яноша Кадара, где по-новому оценил деятельность товарища Кадара и опыт венгерского социализма.

Президиум партии и его коллегии подготовили целый ряд материалов, в которых разработаны конкретные вопросы пенсионной системы, политики занятости, экономической политики, партийного строительства.

На основе всего этого была подготовлена Новая программа ВКРП, принятая XXIV съездом партии в мае 2012 года.

7. Рабочая партия концентрировала все свои силы на конкретную работу.

Мы исходили из того, что идеологическое и политическое развитие партии возможно только тогда, когда она проверяет свои принципы в конкретной работе, обобщает опыт конкретной работы и использует его в идеологической и политической деятельности. Партия принимает участие в мероприятиях профсоюзов, организует акции на улицах и площадях городов и населенных пунктов, направляет свои кадры на работу в гражданских организациях и движениях.

8. Рабочая партия углубила свои связи с марксистско-ленинскими партиями мира, изучает их опыт. ВКРП является активным участником ежегодных встреч коммунистических и рабочих партий.

***

[1] Эрвин Сабо (1877-1918) – деятель венгерского рабочего движения, теоретик марксизма, историк и социолог.

В ходе этой борьбы Рабочая партия научилась тому, что партия должна быть готова не только к атакам капиталистических сил справа. Мы должны сознавать, что силы капитала наряду с антикоммунистическими кампаниями считают оппортунизм одним из главных орудий борьбы против коммунистического движения.

Капиталистическая система, включая и венгерский капитализм, переживает кризис. Кризис этот вытекает из сути капитализма и, похоже, что капиталистические страны не в состоянии разрешить этот кризис. Буржуазия повсюду ответила на кризис снижением расходов на социальные и другие общественные нужды, ограничением прав трудящихся. Это увеличило сопротивление масс.

Венгерская Коммунистическая Рабочая партия – хотя трудности еще далеко не позади – сумела устоять в ходе испытаний прошедших двух десятилетий, и является одной из действительных и признанных сил венгерской политической жизни. И в венгерском обществе все больше и больше начинают понимать, что политика и идеология примирения с капитализмом никуда не ведут. Есть один истинный путь: борьба против капитализма, перспектива социалистической революции.

Приложение 1.

Коммунистическим и Рабочим партиям мира

Товарищи!

11 мая 2013 года в Будапеште состоялся XXV Чрезвычайный съезд Венгерской Коммунистической Рабочей партии.

Мы изменили название партии. Наша партия будет теперь называться Венгерская Рабочая партия.

Изменение названия партии не означает каких-либо изменений в политике и идеологии партии. Но нашу борьбу против капитализма мы хотим продолжать вести открыто, а не быть вынужденными переходить на нелегальное положение. Вот почему съезд принял решение модифицировать название партии, чтобы она могла быть зарегистрирована как Венгерская Рабочая партия.

И хотя наше название изменится, наши принципы останутся прежними. Мы остаемся марксистско-ленинской коммунистической партией, борющейся против капитализма.

Товарищи!

Мы были вынуждены созвать этот съезд, так как венгерское правительство начало новую и очень серьезную атаку на нашу партию. 19 ноября 2013 года парламент в Будапеште принял новый закон, запрещающий публичное использование имен и названий, связанных с «авторитарными режимами XX века».

Этот закон вступил в силу 1 января 2014 года. Согласно Конституции Венгрии и политике, проводимой нынешним правительством, «авторитарные режимы» означают фашистскую диктатуру во главе с Ференцом Салаши, существовавшую с октября 1944 года по апрель 1945 года, и все правительства периода строительства социализма с 1948 года по 1990 год. И, заметьте, не означают диктатуру Миклоша Хорти, длившуюся с 1919 года по 1944 год.

Согласно этому закону никакие политические партии, компании, органы массовой информации, улицы, площади или публичные места не могут иметь названия, включающие «имена лиц, игравших ведущую

роль в основании, развитии и поддержании авторитарных политических режимов XX века, или слова и выражения, или названия организаций, которые могут быть непосредственно отнесены к авторитарным политическим режимам XX века».

Это значит, что должны быть переименованы 43 улицы Ленина, 36 улиц Карла Маркса, 6 улиц Красной Звезды. Новое название должны получить 44 улицы Освобождения, названные в свое время в память освобождения Венгрии от гитлеровского фашизма. Сюда же относятся 53 улицы Эндре Шагвари, названные в честь одного из самых известных венгерских борцов-антифашистов, убитого в 1944 году хортистской полицией. Его имя запрещено. Не должно больше быть проспектов и улиц Народной Армии, Народного фронта и Народной республики. Недавно была переименована и одна из главных площадей Будапешта – площадь Москвы.

Практически закон запретил публичное использование таких слов и категорий как «коммунизм», «социализм», «освобождение» и многих других.

Почему прокапиталистические силы нападают на нашу партию? Потому что Венгрия находится в кризисе. Число официально зарегистрированных безработных достигает 500 тысяч – больше 11 % работоспособного населения. Почти столько же молодых людей вынуждено искать работу в других странах ЕС, прежде всего в Британии, Австрии и Германии, так как они не могут найти работу дома. И даже при этом уровень безработицы среди молодежи (в возрасте до 25 лет) в Венгрии превышает 28 %.

Возглавляемое премьер-министром Виктором Орбаном правительству партии Фидес (Гражданский Союз) хорошо известны эти факты – реальность, которая состоит в том, что многие простые люди живут гораздо хуже, чем когда-либо раньше – но вопреки этому провозгласило «Венгерское чудо».

Прокапиталистические силы в Венгрии прекрасно понимают, что только наша партия предлагает реальную альтернативу массовой безработице, бедности и колониальной оккупации Венгрии мультинациональными компаниями.

Все больше и больше людей пробуждаются и начинают понимать, что в их бедах виновны не только отдельные капиталистические правительства. Не срабатывает сама капиталистическая система в целом – по крайне мере в их случае. И люди ценят, что венгерские коммунисты всегда были на стороне трудящихся. Наша партия накопила значительный моральный капитал в венгерском обществе.

Дорогие товарищи!

Спасибо за вашу солидарность с нашей борьбой. Мы просим вас информировать членов ваших партий о ситуации в Венгрии и сообщить им, что они могут рассчитывать на поддержку венгерских коммунистов и в будущем.

С товарищеским приветом!

Дюла Тюрмер – Председатель Венгерской коммунистической рабочей партии.

Контрреволюция в ГДР и современные коммунистические организации в ФРГ

Вилли Франке[1]

Сила и слабость немецкого рабочего движения была и остается тесно связанной с первым социалистическим государством на немецкой земле. Контрреволюция 1989-го года в ГДР нанесла рабочему движению Германии тяжелый удар, от которого оно не оправилось и по сей день. До сих пор не удается добиться единства марксистов-ленинцев. Как и прежде, в Германии не существует единой организации, которая могла бы выражать их общее мнение. Марксисты-ленинцы раздроблены или лишены голоса в ревизионистских партиях.

История ГДР: краткий экскурс.

В противовес Потсдамскому соглашению четырех стран-победителей, которое предполагало "мирную, демократическую, антифашистскую и единую Германию", 23 мая 1949 года западные зоны оккупации отделились, образовав "Федеративную республику Германия". Западные оккупационные силы и связанные с ними немецкие милитаристы хотели сохранить за собой хотя бы половину Германии ради собственных агрессивных планов.

7 октября 1949 года была основана ГДР. В этом государстве Потсдамское соглашение было осуществлено гораздо более последовательно. Фашисты не попадали на высшие государственные должности, а получили заслуженное наказание. Земельная реформа лишила собственности сельскохозяйственных магнатов, которые наряду с промышленниками и банкирами были опорой Гитлера. Те, кто нажился на войне, были лишены собственности без компенсации. И затем началось строительство социализма.

Власти ФРГ, государства, созданного как оплот антикоммунизма, не пришли от этого в восторг. Было объявлено, что ГДР не переживет 1950-й год. ГДР называли "зоной", "срединной Германией", страной в кавычках или "так называемой ГДР". В нарушение Потсдамского соглашения западные оккупационные силы обосновались в Западном Берлине, который вообще-то был частью ГДР. Лишь на время оккупации Советский Союз допускал создание западными союзниками собственных управлений в Берлине. И этот Западный Берлин стал центром агентурной деятельности против ГДР. Акты саботажа, торговля людьми и шпионаж координировались оттуда. ФРГ бессовестным образом пыталась провести в Западном Берлине денежную реформу – фактически в центре ГДР! Таким образом они собирались переполнить ГДР дешевыми деньгами, чтобы разрушить хозяйственную систему.

17 июня 1953 года была предпринята попытка уничтожить правительство ГДР с помощью путча. Ко-

[1] Вилли Франке (Willi Franke) - Член Коммунистической Инициативы. Германия.

ординация этих событий велась из Западного Берлина. Фактически это был прототип того, что спустя десятилетия назовут "цветными революциями", но тогда он провалился. Однако опасность войны в связи с постоянно тлеющим очагом Западного Берлина, не была устранена. Немецкий империализм продолжал заниматься поджигательством, разрабатывались многочисленные планы, как вырвать ГДР военными средствами из Варшавского договора, при необходимости – и с помощью ядерного оружия. Самый известный из этих планов – Deco II.

Чтобы устранить опасность войны, 13 августа 1961 года ГДР создала антифашистскую защитную стену. Разделение Германии, которое было осуществлено западными силами совместно со старыми немецкими империалистами, теперь нашло архитектурное воплощение. Западный Берлин, эта бомба с часовым механизмом – была заэкранирована. Непосредственная опасность войны, которая могла бы снова погрузить Германию в инферно через 16 лет после окончания Второй Мировой, была предотвращена благодаря действиям ГДР. Политика "Обратного хода коммунизма" провалилась. ГДР стала оплотом мира в Германии.

В ФРГ закончилась эра Аденауэра, чье имя образно воплощает эту агрессивную стратегию против ГДР. После интермеццо с Людвигом Эрхардом эра агрессии сменилась "новой восточной политикой" Вилли Брандта. Эта политика заключалась в тонкой и осторожной борьбе против социализма. То, что империализм ФРГ был принужден все-таки вступить в какие-то отношения с ГДР, можно рассматривать как успех ГДР.

Теперь ради разрушения государственного строя ГДР империализм ФРГ стал рассчитывать на идеологические средства. Для этого спецслужбами ФРГ была разработана концепция так называемого «третьего пути». То был еще один подвид «демократического социализма». Он подавался как идея улучшения социалистического общества, на самом же деле был изобретен исключительно с одной целью – как средство уничтожения социализма. К сожалению, СЕПГ также увязла в мутном ревизионистском болоте.

Ревизионизм оказался той идеологической трещиной, которой с нетерпением ожидал империализм, чтобы разрушить социализм. Эта трещина разрасталась. При этом ревизионизм действовал не только в области идеологии, но распространялся и на экономику. ГДР постепенно начала испытывать хозяйственные трудности, если задерживались обещанные поступления нефти из Советского Союза, или резко возрастали цены. В этом случае ГДР была вынуждена закупать остро необходимую нефть на крайне невыгодных условиях в капиталистических странах. Дополнительно это вызвало задолженность ФРГ и зависимость от нее. С момента основания ГДР сталкивалась с проблемой отсутствия в стране как сырья, так и сырьевой промышленности. Рурская область, богатая ископаемыми, оказалась в руках западногерманских концернов. Несмотря на эти трудности, ГДР смогла буквально из ничего создать собственную сырьевую промышленность, однако это не могло решить проблему недостаточного поступления нефти.

Другая серьезная проблема – отсутствие в СЕПГ необходимых чисток. Наоборот, карьеризм поощрялся тем, что СЕПГ была преобразована в массовую партию, и каждого, кто хотел чего-то добиться в жизни, убеждали в нее вступить. Кроме того, с тех пор, как Вальтера Ульбрихта сменил Эрих Хоннекер, в Центральном Комитете стало значительно меньше дискуссий. Контакт партии с рабочим классом ухудшился.

Самые страшные последствия, такие, как горбачевские «перестройка» и «гласность», не были введены, однако в 1986-м году СЕПГ на совместном мероприятии с западногерманской СДПГ заявила о способности империализма к мирному сосуществованию.

Решающий момент настал, когда в октябре 1989 года Эрих Хоннекер был удален из ЦК сомнительными фигурами вроде Шабовски и Кренца. Гигантская подлость была запущена. Цветная революция победила под музыку повального бегства на запад, подстегиваемого сладкими речами западного телевидения. СЕПГ окончательно пала жертвой ревизионизма. В так называемом докладе Шюрера1 с помощью неверных интерпретаций, а также сознательных передергиваний и ложных вычислений, была представлена картина катастрофической задолженности ГДР капиталистической загранице. Это способствовало тому, что новое руководство стало охотнее сближаться с ФРГ.

Согласно официальной истории ФРГ 9 ноября 1989 года был днем, когда народ ГДР восстал против "авторитарного режима" и "пробил себе дорогу к свободе". Однако если посмотреть на факты, совершенно очевидно, что распадающаяся СЕПГ самостоятельно и радостно распахнула двери для капитализма.

При этом капитализм назывался не собственным именем, а "демократическим социализмом" или "обновлением". В этом можно убедиться, если посмотреть передачу "Актуальная камера" от 8 ноября 1989 года. В этой передаче "несчастная преследуемая" правозащитница Криста Вольф получила возможность открыто и свободно призвать к "истинно демократическому обществу"2 прямо на телевидении ГДР! Кроме этого, было объявлено о создании новых партий.

Это ведущие ревизионисты-функционеры СЕПГ после провокации западноберлинских пожарников и технической службы 9 ноября 1989 года открыли антифашистскую защитную стену. С другой стороны уже стояли организованные RIAS, подготовленные демонстранты, а также любопытные и зеваки, представляющие материал для съемок камерам западных журналистов.

Ворота теперь были открыты, и западногерманские концерны, словно грифы, распотрошили народные предприятия ГДР. Язвы капитализма вернулись также и в эту часть Германии. И хотя ФРГ с тех пор (и до тех пор, конечно, тоже!) делала все, чтобы оболгать ГДР, не стесняясь ни перед какими искажениями, все равно ей не удается уничтожить реальные воспоминания о первом социалистическом государстве на немецкой земле.

Путь коммунистических партий. Превращение СЕПГ в ПДС/Линке.

СЕПГ потеряла дееспособность. Один из тогдашних карьеристов, Грегор Гизи, использовал момент и перестроил СЕПГ в ПДС. Это сокращение от идеоло-

---

[1] http://www.klaus-blessing.de/media/ddr_pleite.pdf

[2] Aktuelle Kamera vom 8.11.1989 http://www.youtube.com/watch?v=BIrJ0z4kinM

гически контрреволюционного названия «Партия демократического социализма»! ПДС стала плюралистической социал-демократической партией. Судьба, аналогичная той, которую испытали и другие бывшие компартии, павшие жертвами ревизионизма, например, итальянская, австрийская или французская компартии. Далее произошло дистанцирование от марксизма-ленинизма и демократического централизма. Или, как это провозглашается данной партией: «дистанцирование от сталинизма». Честные коммунисты, которые, как впоследствии и Эрих Хоннекер, признали гибельность этого пути, присоединились к заново основанной в восточной Германии КПГ(ост) или же вступили в ГКП, до тех пор существовавшую лишь на Западе.

Внутри ПДС, согласно плюралистическим принципам, возникли различные платформы. Помимо прочих, там существовала также Коммунистическая платформа. Впрочем, она подчиняется партийной дисциплине и не придерживается принципов марксизма-ленинизма. Кроме того, она также частично поддерживает клевету в отношении защитных органов и мероприятий ГДР. Сегодня (2014 год) ПДС носит название «Линке». Она стала социал-демократическим резервом правящей буржуазии. В восточной Германии она уже принимала участие в различных правящих коалициях на городском и земельном уровне, и при этом вместе с буржуазными партиями проводила политику социальных сокращений. Грегор Гизи по-прежнему занимает видное место в руководстве партии. Партия входит в немецкий Бундестаг, на выборах 2013 года она получила 8,6% голосов. В 2009-м голосов было 11,9%. Некоторые из депутатов Линке уже согласны на применение Бундесвера за границей. Так, 23 из 64 (в данный момент) депутатов партии в Бундестаге проголосовали "за" или воздержались в вопросе применения Бундесвера в совместной акции уничтожения сирийского химического оружия и таким образом, приветствовали разоружение этой антиимпериалистической нации[1].

КПГ

Эта партия была основана после контрреволюции на территории бывшей ГДР. Согласно программе, она осталась верной принципам марксизма-ленинизма. Она последовательно считает Сталина четвертым классиком марксизма и поддерживает Демократическую Народную республику Корея. КПГ существует до сих пор, но она не смогла достичь сколько-нибудь значимой величины. Кроме того, она много раз пыталась объединиться с различными другими партиями – например, с ревизионистской Линке, или искала сближения с различными маоистскими и постмаоистскими сектами.

[1] Artikel der KI vom 11.04.2014 http://kommunistische-initiative.de/index.php/nachrichten/national/24-aussennpolitik/1722-syrien-23-der-64-abgeordneten-von-die-linke-stimmten-fuer-den-sozialchauvinismus

ГКП

Наиболее представительной коммунистической партией Германии до сих пор является ГКП.

Она возникла в 1968 году в ходе дискуссии между буржуазией ФРГ и представителями КПСС. Советский Союз не мог и не хотел устанавливать экономические отношения со страной, где была запрещена коммунистическая партия. Буржуазия к тому моменту начала видоизменять свою антикоммунистическую тактику. В США уже пришли к выводу, что стратегия крайне правых – открытая конфронтация, уничтожение коммунизма – не ведет к успеху.

Поэтому также и в ФРГ после ухода канцлера Аденауэра перешли к более умеренным методам борьбы против социализма. Это было так называемое «изменение через сближение», политика Вилли Брандта. К тому же в течение нескольких месяцев сильное преследование коммунистов, типичное для предыдущих лет, сошло на нет, и студенческие левые протесты создали ситуацию, в которой компартия снова могла быть разрешена.

Поэтому некоторые части Центрального Комитета нелегальной КПГ переформировались, чтобы снова вернуться к легальной деятельности. Но юстиция ФРГ поставила условия: отказ от революции как средства достижения цели, признание и поддержка основного закона ФРГ, внутренняя структура партии, построенная по критериям буржуазных партий и отказ от диктатуры пролетариата как пути к социализму.

Подавляющая часть нелегальной КПГ согласилась с этим, и несмотря на государственные репрессии, основала новую партию – ГКП. Другая ее часть осталась на нелегальном положении или присоединилась к маоистским группировкам, обосновывая свою позицию тем, что в партии не могла быть проведена открытая дискуссия о ревизионистских тенденциях в Советском Союзе и Китае.

Возникли несколько десятков маленьких маоистских, троцкистских и левых партий, которые называли себя «КПГ» и видели главного врага в Советском Союзе, ГДР или в ГКП – к примеру, Коммунистический Рабочий Союз Западной Германии, который позже развился в МЛПГ («марксистско-ленинскую партию Германии»).

В 1970-1980-е гг. в ФРГ не было единой подлинно марксистско-ленинской партии/организации. Но, все же, ГКП до 1989 года, несмотря на усиление ревизионистских тенденций, можно было назвать самой прогрессивной партией в Федеративной Республике.

С 1985 года все более широкие круги ГКП тяготеют к поддержке политики «нового мышления» – закамуфлированного предательского курса Михаила Горбачева.

В результате в партию вступило множество буржуазных элементов из антивоенного движения, что еще более ослабило ГКП. В 1989-1990-м гг. во время контрреволюции в ГДР более 80% членов вышли из рядов партии. Осталась лишь группа численностью приблизительно 5 000 членов, в которой основная роль принадлежала ревизионистам, однако сохраня-

лась и сильная марксистско-ленинская/левая оппозиция.

Несмотря на внутрипартийное сопротивление ГКП медленно, но верно превращалась в ревизионистскую партию. Это началось с демонизации Сталина и закончилось новым принятием учения Каутского о «транснациональных концернах». Кроме этой основной линии идейного – теоретического перерождения, в ГКП развились и другие идеалистические представления.

С 1990 до 2010 года левое крыло ГКП много раз имело исторический шанс разоблачить ревизионистов, вытеснить их из партии и перенаправить ГКП на верный путь. Не только эти шансы были пропущены, но левое крыло позволило загнать себя в угол. «Если вы настаиваете на своих позициях, партия рухнет, ... тогда вы будете виноваты в уничтожении ГКП» – подобные угрозы нередко заставляли левое крыло ГКП действовать по указке ревизионистов.

Пока ревизионисты основывали собственные газеты, строили внепартийные структуры, чтобы укрепить свои позиции, левые в ГКП позволили запретить делать то же самое себе. Хотя существовало содержательное сопротивление против ревизионистов, но его голос замолкал как раз в решающие моменты, например, во время голосования и выборов внутри партии.

Левая оппозиция в ГКП окончательно прекратила свое существование в конце 2000-х гг., но отдельные товарищи продолжают мужественную скрытую борьбу. Еще хуже то, что с 2008-2009 гг. центристы – то есть те, кто пытаются прикрывать социал-демократическую политику словами Маркса или Ленина – стремятся «сохранить единство партии», не обращая внимания на то, какие позиции занимают ее отдельные фракции, и при этом для для видимости выступают как «Новые левые в ГКП». В 2013 году они попали в руководящий орган партии.

Как и раньше, со стороны ГКП сохраняется «Постановление о несовместимости» с Коммунистической Инициативой, на основе которого некоторые товарищи из КИ были исключены из ГКП. Это еще более ослабило шанс на организованную антиревизионистскую борьбу внутри ГКП.

Правые, такие, как Лео Майер, поднимают на знамя неверные тезисы Каутского под предлогом «развития марксистско-ленинской теории». В точности по Каутскому Майер повторяет в эру «глобализации» и «неолиберализма» старые песни о финансовом капитале, который преодолел межимпериалистические противоречия и эксплуатирует мир как единое целое. Работа Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» для Майера устарела.

Правые в ГКП стремятся к союзам практически с кем угодно, например, с Левой партией, с Европейской Левой партией в Европарламенте или с греческой Сиризой. Последняя, разумеется, представляется в буржуазных СМИ как «леворадикальная группировка», но фактически является социал-демократическим резервом господствующего класса, вроде Линке в Германии.

Новое руководство ГКП

В 2013-м году был избран новый состав руководства партии. У многих это пробудило оптимистические надежды. У некоторых товарищей из разных организаций эти выборы вызвали к жизни давнюю мечту о том, что наконец-то наступит поворот внутри ГКП.

Председателем ГКП теперь стал Патрик Кёбеле. Кроме этого, в партийном руководстве, состоящем из 30 человек, находятся Нина Хагер, Ханс Петер Бреннер и Вера Рихтер, которые также считаются носителями левой надежды. Мы подвергли позиции этих четырех человек проверке. Как обычно, наиболее четко ревизионистские взгляды проявляются в вопросе сталинизма и в рассмотрении так называемых его «преступлений».

„Я участвую в ЛЛ-демонстрации1 уже в течение многих лет не под портретами Сталина или Мао. Их поклонники всегда были на демонстрации в меньшинстве и не определяли ее лица… Да, эти имена связаны также с преступлениями и деформациями!2 (Патрик Кёбеле).

„Сюда же относится, разумеется, и дискуссия о выводах из крушения реального социализма в Европе, вопрос, как при новой попытке избежать исторических деформаций и преступлений»3 (Патрик Кёбеле).

„Кроме того, вы еще приводите аргумент (sic!), что я/мы питаем «некоторую слабость к вопросу сталинизма". Вы не доказываете своих утверждений. Если вы имеете в виду, что я требую материалистически-диалектического подхода, то вы правы. Если вы ставите в вину, что я отрицаю преступления, на историческую роль СССР и его тогдашнего руководства, без которого мы, рожденные позже, сегодня деформации, которые стоили также жизни многим товарищам, то вы ошибаетесь»4 (Патрик Кёбеле).

Следует констатировать, что эти его высказывания делаются именно в духе буржуазного, несоциалистического гуманизма. При этом он отрицает или как минимум, принижает роль чисток в партии в борьбе против ревизионизма, в особенности при отражении фашистского вторжения, и распространяет привычные мифы антисталинизма, о которых мы должны будем высказаться позже более детально.

„Да, эти имена (Сталина и Мао) также связаны с преступлениями и деформациями – и, несмотря на это, они тоже часть истории революционного рабочего движения. Слова Эрнста Тельманна «Сталин сломает Гитлеру хребет» указывают не могли бы ни говорить о демократии, свободе и социализме, ни ходить на демонстрации"[5] (Патрик Кёбеле).

Но тот, кто празднует победу над фашизмом, как он, не может одновременно клеветать на условия, обеспечившие эту победу!

Нина Хагер и Ханс-Петер Бреннер занимают еще худшие позиции в сталинском вопросе. В их общей статье с Робертом Штайгервальдом Сталин в духе обычного антисталинизма обвиняется в таких «преступлениях», как советско-германский Пакт о ненападении, а также выдача Гитлеру немецких антифашистов. Вот цитата из подлинника: «*Указание на реальные условия двадцатых и тридцатых годов, которые были*

---

[1] ЛЛ-демонстрация – традиционная для немецких коммунистов демонстрация в середине января, в память убитых Розы Люксембург и Карла Либкнехта (прим. пер.).

[2] Neues Deutschland от 15.12.2012 в интернете из блога Сеппа Айгнера http://kritische-massen.over-blog.de/article-patrik-kobele-zur-ll-demo-anbiederung-an-den-zeitgeist-113559684.html

[3] Там же.

[4] DKP-Dresden online от 15.02.2013 http://www.dkp-dresden.de/index.php/eine-antwort-von-patrik-koebele.html

[5] Там же.

продиктованы империализмом и фашизмом, условия жесточайшей международной классовой борьбы при построении социалистического общества в Советском Союзе ни в коем случае не могут и не могли быть индульгенцией для злоупотреблений властью, которые не связаны с социалистическими законами и с пролетарской моралью и этикой»[1].

Они не стесняются использовать марксистско-ленинскую терминологию для проповеди буржуазной морали, чтобы дискредитировать революционное насилие, которое использовалось для защиты Советского Союза. Фактически они встают на колени перед буржуазными органами дезинформации, дискредитирующими социализм, чтобы в собственных капиталистических интересах заклеймить оборону социалистических стран от различных нападений как «неправомерную». Этой лжи коммунисты должны противопоставить правду в ее диалектическом видении. Авторов вышеупомянутого текста Курт Госсвайлер справедливо называет «лицемерными апостолами морали»[2], возражая им в собственной статье.

Патрик Кёбеле позволяет себе такие же грязные приемы. В 2010 году в Эссене он произнес речь перед последователями так называемой «Зеленой революции», которая в то время бушевала в Иране. И перед этими поклонниками шаха в новом обличье[3] он на полном серьезе говорил о демократии и правах человека для народа Ирана, и требовал отстранения «реакционного», по его мнению, «режима»[4]. Представители буржуазных партий не могли бы сформулировать это лучше.

О позициях этих носителей левой надежды можно сказать следующее:

Длительное время ревизионистское перерождение ГКП связывалось только с такими личностями, как Штер, Майер и др. В ГКП всегда существовала толерантность по отношению к этому явлению, она в особенности проявлялась в поведении при голосовании. При голосованиях члены партии, считающие себя левыми, снова и снова избирали ревизионистов, держа при этом фигу в кармане. Снова и снова – только из опасения, что в противном случае наступит раскол партии.

Отсутствие решительности у нового руководства при удалении некоторых правых членов партии с их постов (так например, хотя правый член партии Клаус Вайсманн после выборов нового партийного руководства был удален со своего поста ответственного секретаря ГКП, но в качестве основания были названы расплывчатые формулировки – фракционизм и недостаточная надежность[5]) демонстрирует, что это «опасение раскола партии» все еще сохраняется, хотя если бы настоящая чистка была политически подготовлена и обоснованна, то ситуацию понял бы каждый настоящий коммунист.

По-прежнему остается привилегией ревизионистов создавать собственные публицистические площадки. Так после выборов новое партийное руководство потребовало, чтобы интернет-сайт kommunisten.de, который ведет группа ультраревизионистов Майера и Штера, был передан избранному партийному органу, «компания» попросту проигнорировала это требование! В противоположность этому товарищи из КИ были исключены сразу же после того, как стало известно об исполнении ими долга марксистов-ленинистов, а именно, как учил Ленин, развертывании образовательной программы и открытых дискуссий

В октябре 2013 года ГКП опубликовала проект программы на выборы в Европарламент[6]. Так как в программе используется марксистско-ленинский лексикон, мы позитивно приняли ее и оценили как небольшой шаг в верном направлении[7]. Патрик Кёбеле в программе четко отмежевался от позиций партии Линке, которая утверждает, что возможно демократическое «переустройство» ЕС.

„Никогда не существовало «социальной и демократической начальной фазы», к которой сегодня можно было бы «вернуться», как утверждают некоторые левые. Социальное, экологическое и демократическое переустройство Европы предполагает вначале революционный слом капиталистических фундаментов ЕС и разрыв с существующими до сих пор властными структурами крупного и финансового капитала и его властным аппаратом.

В партийной программе ГКП об этом сказано, что дальнейшее развитие Европейского Союза будет зависеть от того, насколько профсоюзному и политическому рабочему движению и другим антимонополистическим движениям, всем демократическим силам удастся сдвинуть власть и доминирующее влияние финансового и монополистического капитала на институты ЕС.

При этом ясно, что империалистический характер конструкции ЕС делает иллюзорным ожидание, что этот Европейский Союз без полной смены его общественных отношений мог бы стать демократической, гражданской и солидарной альтернативой империализму США»[8].

Не только характер ЕС был правильно определен, но проведено также дистанцирование от ошибочных предположений собственной партийной программы. В своем реферате Патрик Кёбеле дополнил: *„Мы – сила, которая уникальна потому, что мы утверждаем: ЕС – империалистический союз государств и поэтому не может быть реформирован в прогрессивную сторону. Это, конечно, не означает, что ни на уровне ЕС, ни на уровне отдельных государств нельзя и не нужно добиваться никаких реформ. Напротив, эта борьба, прежде всего, как оборонительная борьба, находится сегодня на первом плане. Вопрос в другом – и*

---

[1] Kommunisten.de (DKP) от 14.02.2011 http://www.kommunisten.de/index.php?option=com_content&view=article&id=2721:ueber-fatale-irrtuemer-des-genossen-hans-heinz-holz&catid=104:meinungen&Itemid=249

[2] . Ответ Курта Госсвайлера http://dkp-owl.de/sites/default/files/Gossweiler%20Dreigestirn_0.pdf http://dkp-owl.de/sites/default/files/Gossweiler%20Dreigestirn_0.pdf

[3] Журнал offen-siv, июль-август 2009 http://www.offen-siv.net/2009/09-04_Juli-August.shtml#i13

[4] Ютубе видео с приветственной речью Кёбеле от 16.01.2010 http://www.youtube.com/watch?v=dnU6i5C_Ff0

[5] Замечания по освобождению Уве Фриша (ГКП) от поста ответственного секретаря. http://www.kommunisten.de/attachments/3990_Anmerkungen_zu_Uwe_Fritsch.pdf

[6] Проект программы для выборов в Европарламент 2014 от 08.10.2013 http://www.dkp-online.de/pv/4pv2013/entwewpr.pdf

[7] Наша статья от 01.12.2013. http://kommunistische-initiative.de/theorie/artikel/1653-das-neue-europa-programm-der-dkp.html

[8] Проект программы для выборов в Европарламент 2014, стр. 9 http://www.dkp-online.de/pv/4pv2013/entwewpr.pdf

здесь мы кардинально отличаемся от Левой партии: можно ли в итоге создать стратегию прогрессивной трансформации ЕС? Мы говорим – НЕТ, мы считаем это иллюзией»[1].

Все это верно и хорошо. Но, к сожалению, мы нашли также и пассажи, которые снова разжигают иллюзии. В реферате Кёбеле: *„Это не означает, что мы сегодня в Германии считаем правильным требование выхода из ЕС. Но это означает, что мы считаем важным и достойным защиты право любого другого народа на выход из ЕС.*

Во всяком случае, мы видим для стран периферии немного других альтернатив, если там удастся позитивно изменить соотношение сил»[2].

Что конкретно мы должны понимать под неясной формулировкой «право любого другого народа на выход из ЕС»?

Предположим следующее: в какой-то стране, например, в Греции рынок империалистической ФРГ уничтожен революцией. Эта страна вырывается из империалистического захвата и потеряна для его стремления к экспансии. Соответственно, новая власть, диктатура пролетариата, аннулирует все запросы империалистов и их объединений. «Право на выход» естественно будет завоевано, когда будет свергнута национальная монополистическая буржуазия. Кто еще должен предоставлять это «право на выход», кроме классовых интересов пролетариата? Таким образом, борьбу Кёбеле за «право любого другого народа на выход из ЕС» можно понять лишь как благое пожелание милосердия от империалистов.

В проекте программы также возникает подобная иллюзия: *„Списание долгов для все более погружающихся в нищету стран – слабых членов ЕС – списание за счет банков и концернов! В этом смысле ГКП поддерживает требования рабочего и профсоюзного движения и коммунистических партий, например, Греции, Португалии и Кипра»*[3].

Списание долгов при нынешней ситуации остается иллюзией и ничем не отличается от надежды на демократическое переустройство ЕС, которая совершенно правильно осуждается в проекте программы. Современное «право» в условиях империализма прямо происходит из реального соотношения классовых сил. Таким образом, «списание долгов за счет банков и концернов» возможно лишь в том случае, если будет уничтожена власть капитала! Вообще использование термина «списание долгов» как символа ограбления трудящихся в этих странах, довольно сомнительно.

На 4-й странице проекта значится: «Мы, коммунисты, считаем суверенным правом *каждого народа, ограбленного крупными державами ЕС, отказаться от участия в этой насильственной империалистической конструкции и сказать «нет» ей и ее валюте, евро».*

Эта интерпретация «права любого другого народа на выход из ЕС», соответственно, может означать лишь то, что капиталистические основы нации (не народа!) останутся нетронутыми. Таким образом, ГКП всего лишь поддерживает стратегию национальной монополистической буржуазии, которая решает для себя, останется ли она в ЕС или выйдет.

Помимо этого пассажа, вновь создающего иллюзии, важно и то, кого, собственно, выдвигает ГКП на выборы в Европарламент в своем списке. Ни кто иной, как Нина Хагер, одна из «лицемерных апостолов морали» (Курт Госсвайлер), находится на первом месте в этом списке.

Эта программа партии еще больше усилила необходимость чистки от некоммунистических элементов, но кроме предупреждающих слов[4] Кёбеле, снова ничего не произошло. Даже осуждение греческой ККЕ группы Майера-Штера (kommunisten.de) за искаженное представление о переговорах ничего не изменило[5]. Правые вокруг Майера/Штера могут прекрасно и дальше встречаться с Сиризой, чтобы загнать ГКП в организацию Европейских Левых.

Совсем недавно в газете ГКП «Унзере Цайт» (ZU) можно было снова заметить, как все еще велико в ней влияние правых. В газете было опубликовано сообщение об участии ГКП в 36-м съезде ревизионистской коммунистической партии Австрии. Без всяких комментариев были также перепечатаны злобные высказывания КПА в отношении Корейской народно-демократической республики: *«Авторитарная и репрессивная экономическая и политическая система Северной Кореи ни в коей мере не отвечает нашим представлениям об обществе, которое мы хотим построить»*[6].

Несмотря на то, что правые в ГКП сделали все, чтобы навредить делу коммунизма, извратить марксистскую науку и присоединиться к «демократическому социализму», что программа ГКП резко не отличается от программы Левой партии, так остро необходимая, последовательная чистка не проводится. Ультраревизионистская фракция по своему содержанию соответствует социал-демократической партии Линке и не должна присутствовать в рядах коммунистической партии,однако складывается впечатление, что влияние этой фракции слишком велико, чтобы исключить ее из партии.

Правые в ГКП также отказали в солидарности Донецкой и Луганской народным республикам.

«Последние события, связанные с обстрелом гражданского самолета над территорией «Донецкой народной республики» еще раз четко показывают, что в этом конфликте невозможно ясно сориентироваться, если односторонне указывать лишь на «борьбу против украинского ультранационализма» и не замечать или отрицать «руку России». Однако и украинское прави-

---

[1] Реферат Патрика Кёбеле от 20.10.2013, стр. 2 http://www.dkp-online.de/europawahl/2014/131020pk.pdf

[2] Там же

[3] Проект программы. С. 8.

[4] Предупреждение Кёбеле по отношению к правому крылу ГКП: „Поэтому изложение новостей на сайте kommunisten.de напоминает мне скорее бывших «кремлевских астрологов», которые намеренно выпячивали имеющиеся противоречия, поскольку были заинтересованы в их углублении. Наша греческая партия-сестра, как вы можете установить по документам, имеет все основания к возмущению. Я лично должен заметить, что нахожу спекуляции вокруг опубликования моей речи настолько смехотворными, что можно сказать, уровень Эрнста-Отто Мецке, ныне покойного специалиста по коммунизму из FAZ (прим. КИ – печатный орган крупной буржуазии), был выше, чем уровень Михаэля Меркса». Реферат по теме коммунальных выборов 18.11.2013, стр. 7. http://www.dkp-online.de/pv/5pv2013/ref_pk.pdf

[5] Коммунистическая партия Греции Griechenlands (KKE) онлайн: http://de.kke.gr/de/articles/Die-provokatorische-Rolle-der-Website-kommunisten.de-gegen-die-KKE/

[6] Unsere Zeit vom 24.10.2014 http://www.dkp-online.de/uz/4643.pdf

тельство не демонстрирует поведения, которое позволило бы верить, что оно действительно решит проблему конфликта в стране без того, чтобы высшим приоритетом были интересы олигархов[1].

Другая часть ГКП, не имеющая отношения к правым, принимала участие в общих мероприятиях солидарности вместе с другими левыми. И хотя проявление солидарности левых Германии с сопротивлением народных республик Юго-Востока Украины выглядит очень слабым, надо признать, что и 3 500 членов ГКП (без ее правых) не смогли или не захотели сделать больше.

Марксистско-ленинская партия Германии (МЛПГ)

MLPD
Marxistisch-Leninistische Partei Deutschlands

Название этой партии особенно вводит в заблуждение, поскольку на самом деле речь идет об еще одной маоистской секте. Расцвет подобных сект пришелся на время студенческих протестов в ФРГ в конце 60-х гг. МЛПГ возникла в 1982 году из рядов организации-предшественницы «Коммунистический рабочий союз Германии» (1972–1982), который, однако, не следует путать с «Рабочим союзом за восстановление КПГ».

В целом МЛПГ не интересуют антиимпериалистические союзы. В империалистических агрессиях против Ливии и Сирии они видят возможность непосредственного начала «народной революции»[2]. Любая партия, разумеется, может в чем-то ошибаться и неправильно оценить какую-то ситуацию. Так, в Ливии до бомбардировок НАТО МЛПГ видела назревающую «народную революцию». Но важно увидеть и исправить свои ошибки. Однако так называемая марксистско-ленинская партия повторяет одно и то же перед каждым нападением империалистов на очередную независимую страну.

Сегодня они рассматривают Иран как фашистскую страну[3]. Выкрикивая ультралевые лозунги, они участвуют в травле антиимпериалистических государств, пользуясь при этом словарем крупных проимпериалистических монополистских газет.

Советский Союз для МЛПГ с 1956 года – хрущевской «перестройки» – перестал быть социалистической страной, он с этого момента был «социал-империалистическим» государством «бюрократического капитализма». Вообще верно, что ревизионизм Хрущева сыграл решающую роль в негативном повороте СССР, но интерпретация МЛПГ попросту безумна. Поворот 1956 года, в конце концов, не вышвырнул в одночасье из КПСС всех честных коммунистов. Они продолжали вести ожесточенную борьбу против ревизионизма.

Однако в партийной программе МЛПГ 1982 года заявляется следующее: «*Советский Союз ... сегодня наряду с США мощнейший источник мировой реакции, эксплуатации и империалистического милитаризма*».

МЛПГ также не может объяснить, каким образом Советский Союз и другие социалистические государства, как ГДР, внезапно экономически превратились в страны «бюрократического капитализма[4].

Странные капиталисты у МЛПГ, вместо стремления к наибольшей прибыли использовали слишком высокий процент аккумуляции средств для повышения удовлетворения потребностей рабочего класса.

А вот почему классовый враг в Германии особенно доволен поведением МЛПГ: империалистическую аннексию ГДР западной Германией они празднуют как «воссоединение».

В её партийной программе стоит следующее:

„...*глубокое разочарование народных масс, и в 1989 году развилось широкое демократическое народное движение. Оно было направлено против разрушения окружающей среды и атомного оружия Советского Союза на территории ГДР. Осенью 1989 года массовые демонстрации этого движения достигли высшей точки и вынудили режим Хонекера сдаться. 9 ноября пала Берлинская стена, символ разделенной Германии. Воссоединение было следствием демократического народного движения в ГДР и глубокого чаяния всего немецкого народа преодолеть расщепленность нации. Таким образом, национальный вопрос в Германии был решен мирным путем. Существенным внешнеполитическим условием мирного воссоединения было падение господства советского социал-империализма»*[5].

Даже в ревизионистские времена Советский Союз осуществлял большую помощь национально-освободительным движениям во всем мире, но, тем не менее, МЛПГ рассматривает его как «социал-империалистическое», «неоколониалистическое» и точно такое же империалистическое государство, как США. Кубинские группы солидарности в Анголе МЛПГ рассматривает как «наемников»[6].

---

[1] Kommunisten.de vom 20.07.2014 http://www.kommunisten.de/index.php?option=com_content&view=article&id=5101:die-ostukrainischen-separatisten-sind-keine-sozialisten-&catid=77:analysen&Itemid=154

[2] . Так оценивала МЛПГ в 2011 году довоенную ситуацию в Ливии: «Смехотворный самозванный «вождь революции» Каддафи сражается с невиданной жестокостью за сохранение собственного 42-летнего господства против самоотверженно борющихся народных масс. В городах Бенгази и Триполи были настоящие массовые побоища, убито более 400 человек». http://www.mlpd.de/2011/kw08/libyen-die-tage-der-herrschaft-von-gaddafi-scheinen-gezaehlt А вот как в 2012 году оценивала МЛПГ ситуацию в Сирии: «Борьба за свержение этого режима (Асада), если она ведется народом в демократическом и антиимпериалистическом направлении, полностью оправдана и заслуживает солидарности всех демократов, интернационалистов и революционеров в мире». http://www.mlpd.de/2012/kw23/nahost-solidaritaet-gegen-imperialistische-einmischung

[3] Так оценивала МЛПГ в 2012 году Иран: «Повод для экономической войны против Ирана – предполагаемая атомная программа фашистского режима, который отреагировал на это угрозой нефтяной катастрофы». http://www.mlpd.de/2012/kw42/tuerkische-regierung-spielt-mit-dem-feuer

[4] Актуальная программа МЛПГ, с декабря 1999 г. http://www.mlpd.de/partei/parteiprogramm/lehren-aus-der-restauration-des-kapitalismus-in-den-ehemals-sozialistischen-landern

[5] Актуальная программа МЛПГ, с декабря 1999 г. http://www.mlpd.de/partei/parteiprogramm/lehren-aus-der-restauration-des-kapitalismus-in-den-ehemals-sozialistischen-landern

[6] „В 70е годы под советским давлением в Анголу были направлены кубинские наемники». Книга МЛПГ «Социализм в конце», стр. 52, цит. по письму Курта Госсвайлера к МПЛГ:

Даже после настоящей реставрации капитализма в 1989-1990 гг. в ГДР и Советском Союзе МЛПГ не смогло понять, что настоящее уничтожение социализма привело к огромному ослаблению и рабочего, и национально-освободительного движения во всем мире. МЛПГ продолжает свой объективно контрреволюционный курс, дискредитируя далее существующие ныне и бывшие социалистические страны. Их позиции в отношении нового бюрократического капитализма также сильно напоминают троцкистские пасквили.

На словах, в персональных беседах, МЛПГ стремится к единству. Но в связи с перечисленными позициями МЛПГ, основа, на которой должно строиться это «единство», представляется сомнительной. Такие позиции доказывают лишь то, что левый и правый оппортунизм – две стороны одной медали.

К сожалению, МЛПГ ведет особенно серьезную работу с молодежью, и таким образом с помощью левооппортунистических фраз направляет революционную энергию юных борцов в пустоту.

Другие малочисленные организации

Коммунистическое движение раздроблено в огромной степени. Помимо уже упомянутых партий, есть еще множество других очень мелких групп. Помимо МЛПГ, существуют и другие организации, которые ведут происхождение от маоистских сект. Наиболее известная из них – Секартс, которая имеет также некоторое влияние внутри ГКП. Важнейшая часть их работы направлена на защиту деятельности государства Израиль. Похожи на Секартс по содержанию такие группы, как «Рабочий союз за восстановление КПГ», его молодежная организация ССНМ и так называемая «Коммунистическая рабочая газета» (KAZ).

Журнал Оффен-зив. Попытка создания единства марксистов-ленинистов

offen-siv Как и ранее, перед немецкими коммунистами стоит проблема раздробленности или же лишения голоса в ревизионистских партиях.

В начале 1990-х гг. внутри Коммунистической платформы ПДС развилось также марксистско-ленинское образование, и это создало некоторое сопротивление. В 1993 году был основан журнал Оффен-зив, ставший рупором этого сопротивления и объединивший марксистов-ленинистов всей Германии из многих левых партий на единой теоретической коммунистической основе. За это Оффен-зив был изгнан из ПДС (позже Линке) в 2002 году.

Это изгнание было тогда обосновано «несолидарной критикой других левых»[1] и «культурой дискуссии, которая по содержанию не соответствует принятой в Коммунистической платформе»[2]. Естественно, это были лишь формальные поводы, выдвинутые ревизионистами, которые не собирались терпеть самостоятельную агитацию марксистов-ленинистов против их реформистского течения.

Но они не достигли цели. Вместо того чтобы тихо скончаться, в конце 2002 г. Оффен-зив начал собственную публицистическую деятельность.

Влияние Оффен-зива на сближение и объединение марксистов-ленинцев было заметным, оно увенчалось совместными научными конференциями коммунистов из различных партий и организаций, а также неорганизованных. Журнал завоевал огромный авторитет у марксистов-ленинцев в Германии.

До сих пор старый Оффен-зив вплоть до перелома, начавшегося в мартовском издании 2012 года, служит нам незаменимым надежным источником знаний, в особенности партийный выпуск 2002-го года. Многие товарищи в КИ получили марксистско-ленинское образование на очно-заочных курсах, организованных Оффен-зивом.

Уже на этих курсах Оффен-зива стало ясно, что те, кто получил здесь марксистко-ленинское образование, крайне ограниченно могут применить эти знания в существующих коммунистических организациях вроде ГКП. Выпускаемый в Ганновере журнал Оффен-зив таким образом стал организатором и необходимым помощником при появлении Коммунистической Инициативы в 2008-м году.

Эта выдающаяся роль Оффен-зива, которую он играл, несмотря на ограниченный круг читателей – что обусловлено общим состоянием коммунистического движения в ФРГ – на наш взгляд, находится сегодня в серьезной опасности. Издатель Оффен-зива Франк Флегель весной 2012 года вышел из Коммунистической Инициативы.

Но еще до его выхода в Коммунистической Инициативе возникло недоумение по поводу спецвыпуска Оффен-зивом тетради Германа Якобса, в которой преуменьшалась роль ревизионизма в контрреволюции в Советском Союзе.

„Сначала рассмотрим вопрос возможного отношения между относительной и абсолютной критикой/уничтожением Советского Союза и социализма в Европе. Рассмотрим еще раз вопрос ревизионизма, внутриэкономической критики реального социализма. Здесь самое важное: было ли его появление, возникновение причиной разрушения социализма? Но если бы это было так, то надо признать, что ревизионизм сильнее, чем марксизм/коммунизм? Нет, этот ответ, это общее приписывание вины ревизионизму в случае социализма было бы слишком простым (подчеркивание авторское). Что помешало марксизму оказаться сильнее, чем ревизионизм? Ведь власть была у него, а не у ревизионизма. Нет, такого значения ревизионизм – в его втором историческом проявлении, в экономическом – не имел. Вопрос ревизионизма следует отделить от вопроса разрушения социализма[3].

Теперь для Оффен-зива пишут и другие ревизионистские авторы.

Например, это Инго Вагнер, который в 2008-м году составил общий памфлет «Марксистского форума». Этот памфлет носил громкое название «Легенда о ревизионистском повороте»[4]. Вагнер обвиняет Сталина в догматизме и упрощении ленинизма.

---

http://www.kurt-gossweiler.de/index.php/diskussionen-und-positionen/53-zu-den-positionen-der-mlpd-november-1994

[1] offen-siv http://www.offen-siv.net/2002/02-10.htm

[2] Там же.

[3] offen-siv Ausgabe März 2012, Seite 14 http://www.offen-siv.net/2012/12-03_Jacobs.pdf

[4] Marxistisches Forum Heft 56, Juni 2008 http://www.die-dkp-leipzig.de/Dokumente/Marxistisches%20Forum%20Heft%2056.pdf

Сталин обвиняется в том, что в конечном итоге именно его догматизм вызвал реакцию в виде ревизионизма Хрущева. Сталин правил партией с помощью террора. Благодаря его смерти, Советский Союз смог просуществовать несколько дольше, в противном случае его политика привела бы к уничтожению страны.

Вагнер повторяет все известные мифы, которые опроверг Людо Мартенс в своей известной книге «Сталин другими глазами».

Вот несколько цитат из Инго Вагнера:

«То, что Сталин, без сомнений, имел определенные заслуги в сложном деле построения социализма, ни в коем случае не исключает признания того факта, что отход от ленинских норм партийной жизни был в конечном итоге основной внутренней причиной поражения социализма в Европе, насколько я понимаю, в определенном смысле еще задолго до смерти Сталина (1953). Далеко идущее искоренение внутрипартийной демократии привело к господству аппарата, а в итоге к господству над партией единственной личности в роли генерального секретаря и к догматическому упрощению марксистской теории»[1].

«Результат моих многолетних интенсивных размышлений и исследований – особенно в области истории и теории научного социализма – то, что Сталин, в связи с процессом отрицания ленинских норм партийной жизни (вначале) частично, а затем широко использовал террор как метод руководства. Сталин, несомненно, несет главную ответственность за Большой Террор и массовое уничтожение кадров советского государства и коммунистической партии, а также другие беспримерные преступления. По существу речь идет объективно о частичной контрреволюции, хотя он никогда не стремился реставрировать капитализм. Но его преступные действия причинили огромный вред делу социализма. Уже и так очень ограниченный уровень социалистической демократии был полностью разрушен»[2].

«Не нужно быть пророком, чтобы предположить, что гибель социализма наступила бы значительно раньше, если бы и после смерти Сталина его политико-идеологическая концепция продолжала неограниченно господствовать»[3].

Старый Оффен-зив соответствовал принципам марксистско-ленинского издания, которые требуют соблюдать научный принцип и не допускать фракционности.

С того момента, как в Оффен-зиве терпят и привечают таких авторов, как Якобс и Вагнер, там допускаются и даже желаемы фракции и плюрализм мнений. Франку Флегелю следовало бы помнить о печальном примере ГКП, где ультраревизионистская фракция вокруг Майера/Штера подвергается со стороны левых центристов лишь мягкой предупредительной критике на словах.

Выводы и предстоящие задачи КИ

В данный момент ни одна коммунистическая или называющая себя коммунистической организация не имеет сколько-нибудь заметного влияния на массы. По численности наиболее крупной организацией все еще является ГКП (около 3 500 членов), во всех других организациях состоит значительно меньшее число членов. Но на этой основе – численном превосходстве- претензия ГКП быть единственной и главной коммунистической партией Германии является несостоятельной, прежде всего из-за научной нечеткости, доминирования в ней ревизионистских позиций.

Однако и КИ не может и не стремится считать себя революционной партией немецких коммунистов, поскольку создание такой партии является пока нашей целью.

Несмотря на попытки давления и клеветы, КИ все же существует. Мы понимаем серьезную ответственность, лежащую на нас, в том, чтобы сохранять марксистско-ленинскую ясность, как необходимый зародыш для создания в будущем настоящей единой революционной коммунистической партии в Германии.

Для товарищей, разочарованных в болоте ревизионизма, нет другого пути, кроме КИ.

Помимо или одновременно с созданием единой партии, нам и всем другим коммунистам предстоит большая работа по преодолению тех ран, которые оставила нам эпоха контрреволюции и тяжелейшей реакции. В число этих задач входит, например, завоевание доверия пролетариата в реформистских профсоюзах.

Работа с СМИ как средством агитации и пропаганды также лишь постепенно начинается.

Из-за пресловутого 5%-го барьера коммунистам со времени запрета КПГ ни разу не удавалось использовать для себя парламентскую трибуну.

Со времени контрреволюции коммунисты не могут и возглавить антифашистское и антивоенное движения.

Необходимо создание единой партии, которая разорвет этот порочный круг, делающий эти непосредственные задачи для коммунистов в Германии крайне трудновыполнимыми.

КИ принимает этот сложнейший вызов – определить, когда и как могут быть преодолены при выполнении этих задач постоянные, повторяющиеся маргинализация и раскол среди коммунистов.

КИ готова выполнить свою часть этой работы. Она и дальше будет поддерживать сопротивление в других коммунистических организациях и партиях ревизионизму, а так же тех, кто шаг за шагом отходит от ревизионизма..

[1] Там же. - С. 9.
[2] Там же. - С. 10.
[3] Там же. – С. 17.

Доклад голого короля

В.В. Головин

"Бывают моменты, обязывающие поставить вопрос в упор и назвать вещи их настоящим именем, под угрозой причинения непоправимого зла и партии, и революции".

В.И. Ленин [1]

В октябре 2014 года состоялся VI пленум ЦК Коммунистической партии Российской Федерации по вопросу "Положение рабочего класса в России и задачи КПРФ по усилению влияния в пролетарской среде".

Он не прошел незамеченным, подобно множеству других. Одни назвали его "историческим" за наполненность текста давно забытыми в КПРФ словами о прогрессивной и решающей роли рабочего класса, о его революционности, о признании диктатуры пролетариата, об оппортунистичности отказа от классовой борьбы, за всколыхнувшиеся надежды на перемены в партии. Другие, в их числе автор данной статьи, тоже признали его таковым, но за межеумочные метания меж смыслов этих слов, уже плохо понимаемых. Ответы на вопрос для коммунистического движения наиважнейший и судьбоносный, данные в докладе Г.А. Зюганова и пленумом, в этот раз оказались на диво неадекватными. Будто целью было стирание остатков исторической памяти партии посредством, во-первых, извращения сути проблемы "коммунистическая партия – рабочий класс", во-вторых, ущербности средств, предложенных для её решения, в-третьих, фантастичности сроков, назначенных для выполнения, – год до подведения итогов. И всегда-то опусы Зюганова вызывали массу недоумений, но никогда прежде их концентрация столь сильно не превышала предельно допустимые нормы неприличия. Марксова теория всемирно-исторической миссии пролетариата, как и марксистско-ленинская теория коммунистической партии, превращена в ассорти из трюизмов и банальностей. Поставлен, так сказать, "исторический" рекорд уничижения марксизма.

Важнее вопроса, чем о природе и тенденциях развития рабочего класса и о своём взаимодействии с ним, для коммунистов нет. Строго говоря, само коммунистическое движение является лишь особым и единственным, марксистским ответом на этот вопрос. История мирового коммунистического движения доказала, что ответ этот нужен прежде образования коммунистической партии, лишь имея его она может стать коммунистической. Русское коммунистическое движение к моменту образования РСДРП в 1903 году имело многолетние наработки по этому вопросу. Вклад Плеханова и Ленина, не будь он забыт, мог бы служить и поныне.

Суть их ответа в том, что только союз рабочего движения и коммунистической партии, если она является носителем марксистской теории, есть единственная реальная сила, способная вырвать человечество из череды классовых эксплуататорских обществ и обеспечить ему бесклассовое будущее. Овладение наукой марксизма есть непременное условие, при котором коммунистическая партия способна придать стихийной борьбе пролетариата направленность и цель. Если этого нет, то назовись партия хоть трижды коммунистической, она таковой не будет.

Предметом партийной науки является исследование всего общественного развития и поведения всех его субъектов, в том числе пролетариата, с точки зрения коренных интересов последнего. "*Марксизм,* – говорил Сталин, – *есть научное выражение коренных интересов рабочего класса*"[2]. Будучи положенным в основу политики коммунистической партии, он превращает эту политику в деяние, направленное на уничтожение буржуазного общества. В любом ином случае классовая борьба рабочих, вспыхивающая под действием экономических сил капитализма, не может выйти за его пределы. Множество партий рабочего класса, не имевших в основе политики марксистского научного обоснования, и потому неспособных осознать коренные интересы класса и выработать стратегию их защиты, неизменно вырождались в основанные на компромиссах с буржуазией группы. Погоня за голосами избирателей, дешевая демагогия, интриги, карьеризм и засилье партийной бюрократии неизбежно становились их характерными чертами, превращали их в буржуазные партии по сути. Их пролетарский классовый состав не мешал, но даже помогал им становится *"лучшими защитниками буржуазии, чем сами буржуа"* (Ленин).

Если успех партий вообще зависит от их способности понимать и выражать в политике интересы классов и социальных групп, то успех коммунистических партий в большей мере зависит от способности понимать и защищать коренные интересы рабочего класса, в том числе от него самого, ибо текущие интересы класса могут противоречить удовлетворению коренных. Эта задача актуальна как в период борьбы за политическую власть рабочего класса, так и после неё, в период социализма. "Необходимость политической партии пролетариата отпадает лишь вместе с полным уничтожением классов. <...> *Но коммунистическая партия* растворится полностью в рабочем классе лишь тогда, когда коммунизм перестанет быть объектом борьбы, и весь рабочий класс станет коммунистическим"[3], – утверждала резолюция II конгресса Коминтерна "Роль коммунистической партии в пролетарской революции". Другое дело, что фронтом её борьбы после завоевания политической власти пролетариатом должны стать регрессивные, а порой и контрреволюционные потенции рабочего класса, существующие до момента уничтожения рабочим классом "собственного способа присвоения" и "уничтожения труда". Забвение КПСС основополагающих идей марксизма об этих коренных интересах рабочего класса привело к утрате социализма.

Отсюда очевидно, что былая уверенность «официальных теоретиков» от научного коммунизма об окончании социальной революции в пределах переходного периода от капитализма к социализму, не вполне обоснована. Пока существует отчуждение труда (а оно существует до тех пор, пока сохраняется разделение труда), победа над частной собственностью на средства производства не может быть окончательной, а её восстановление остаётся возможным. "Труд. .. есть та сила, которая стоит над индивидами; и пока эта сила существует, до тех пор должна существовать и частная

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 343.

[2] Сталин И.В. Соч. – Т. 13. – С. 377.

[3] Коминтерн в документах. – М., 1933. – С. 109.

собственность"[1]. Она действует во весь период существования отчуждённого труда, и существует в латентном виде при социализме. Именно отсюда у классиков убеждённость о необходимости двух этапов коммунистической революции, в которой после победы над буржуазией необходима победа пролетариата над собой, уничтожение собственного способа присвоения. Чередой антисоциалистических контрреволюций точность вывода полностью доказана.

Постановка вопроса о положении рабочего класса и своих отношениях с ним на исходе почти четверти века после образования КПРФ означает, что партией коммунистической в марксистском смысле слова она до сих пор не была, а теоретическое содержание доклада Г.А. Зюганова убеждает, что уже и не будет. Доклад Зюганова оказался лишен марксистской мировоззренческой основы. Важнейший для коммунистов вопрос возвращён из небытия каким-то дурным ремейком – наподобие тех поделок, которые лепят нынешние киношники по мотивам бессмертной классики кино. Получилось бегство от реальности в мир домыслов и иллюзий.

Постановлением пленума следование иллюзии стало обязанностью членов партии. Им предписано считать, что: а) "КПРФ оценивает реставрированный в России капитализм как регрессивный и паразитический, олигархический и компрадорский. Как следствие, он нежизнеспособен и исторически обречён"; б) "марксизм-ленинизм доказал, а практика подтвердила, что рабочий класс более всех способен к организации, к осознанной борьбе против капитала. Высокая концентрация рабочих на производстве остаётся важным фактором влияния партии коммунистов в пролетарской среде"; в) "исторически доказано, что только благодаря собственной партии рабочий класс может осознать свои коренные интересы, чётко определить цели и последовательно их добиваться".

Предназначенные к тому средства оказались ущербны. Докладчик предложил всего лишь "обновить образ КПРФ". "Образ партии протестных действий необходимо дополнить образом партии пролетарской борьбы", – сказал он. Постановление же обязало все организации партии, сверху донизу, "считать своей первоочередной задачей укрепление связей с рабочим классом и внесение социалистического сознания в пролетарские массы", а также предписало "каждому партийному комитету в течение полугода избрать секретаря по рабочему движению либо возложить его обязанности на одного из действующих секретарей". Поскольку никто не возразил, что не о торговом бренде идёт речь, что "партии пролетарской борьбы" создаются не пропагандой "образов", а процессом реальной борьбы за интересы класса в коей КПРФ мало заметна, что вносить сознание можно лишь имея его в себе, (а такая задача никогда не решалась), то возникает убеждённость, что в КПРФ существует полное непонимание самой сути проблемы "коммунистическая партия и пролетарская борьба", а новым секретарям поручили "пойти туда, не знаю куда, и сделать то, не знаю что". Итоги легко предсказуемы.

Ни прошлое поражение, ни нынешнее бессилие коммунистов, обусловленное действиями по этой схеме, авторов постановления не смутили. Относительно причин победы "исторически обречённого" строя над классом, который "кровно заинтересован в социализме", авторы умолчали. Связь между высокой концентрацией и влиянием коммунистов доказывать не стали. Почему "высокая концентрация", например, шахтеров в угольных бассейнах страны, не стала помянутым "важным фактором", не задумались. Что значит "собственная партия" разъяснить забыли. Факт, что "собственная партия" в лице КПРФ, оказалась ненужной классу, тоже прошёл мимо сознания. Как и факт, что никогда чисто бюрократические затеи, вроде назначения специальных секретарей, решению мировоззренческих проблем пользы не приносили. Понятие "коренные интересы", мелькавшее на страницах доклада, осталось не раскрытым.

Выразив сожаление, что рабочий класс России "по своему уникален – не имеет никакой более или менее тесной связи ни с одной из политических партий, не исключая и правящую партию", что "рабочие сегодня не готовы вести активную политическую борьбу", решили, что это якобы из-за непонимания своих классовых интересов, как сказал первый секретарь Воронежского обкома[2]. Первый же секретарь Иркутского обкома предположил, что классовое сознание пролетариата сформируется, если партии решит "главную задачу, заключающуюся в том, чтобы показать пролетариату его силу" (!?). Дружно поудивлявшись отсутствию активных действий рабочего класса, участники пленума не вспомнили мысль в марксизме основополагающую: "Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь идею [своей – В.Г.] гегемонии. Пролетарий, сознавший эту задачу, есть раб, восставший против рабства. Пролетарий, не сознающий гегемонии своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения; в лучшем случае это – раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, а не за свержение рабства"[3].

Участники пленума не стали размышлять и о том, что у союза партии и класса есть собственная диалектика. Союз представляет не раз и навсегда свершившийся факт, а процесс постоянной борьбы за его поддержание, исход которой вовсе не предопределен. История показала и возможность победы союзных сил, и их сокрушительного поражения. Борьба внутри самого союза происходит по той главной причине, что, с одной стороны, в неизбывной борьбе между коренными и повседневными преходящими интересами в классе не всегда побеждает понимание коренных. Тогда класс отворачивается от партии. С другой стороны, то же самое возможно в коммунистической партии при недостатке у неё теоретического знания. Тогда она становится ненужной классу. Отрешенность членов пленума от этих проблем означает, что в партии давно прекратился процесс воспроизводства теоретического знания, в том числе о закономерностях собственного развития партии. В ней оказались отключёнными механизмы защиты от мировоззренческой перекодировки и скатывания к оппортунизму; её элита превратилась как бы в клан жрецов. Молиться на рабочий класс могут, помочь ему – нет. Пленум ЦК продемонстрировал, что идеологи КПРФ не знают ни о факте единственности верного ответа, ни его содержания. Поэтому вопрос о типе коммунистической партии, об адекватности задачам её организационных принципов и дееспособности её структур, давших на выходе нищету философии и ничтожность результатов, поставлен не был.

Но именно отрешенностью от реалий пленум оказался полезен. Он доказал кризис коммунистического

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 3. – С. 50.

[2] "Советская Россия". 21 октября 2014 г.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 20. – С. 308.

сознания тем, что в 150-тысячной партии уже не нашлось нескольких десятков человек, знакомых с теорией вопроса, который взялись обсуждать, способных сделать внятный экскурс в его историю, сравнить себя с построившими социализм предшественниками, а также самокритично признать, что у партии теперь нет ответов ни о классе, ни о себе. Партия обнаружила непонимание природы рабочего класса, диалектики и основных тенденций его развития, наличия в нём социально прогрессивных и социально регрессивных потенций, а также своих обязанностей по отношению к нему. Никто вопросов о том не ставил, и сомнений в собственной адекватности, тем более докладчика, не высказал.

Бегство от реальности – тяжелая болезнь. Пленум предложил лечить болезнь с помощью пополнения рядов рабочими. Что даст рабочее пополнение? – вот в чём вопрос. Им может оказаться та же самая реформистки настроенная масса. Реформизм родился вместе с рабочим классом, постоянно живёт в нём, и исчезнет вместе с ним. В силу этого пролетарская партия имеет свою внутреннюю, так сказать, "мелкую буржуазию" идеологически похожую на ту, которая поддерживает капитализм. Она тщеславна, но не умна. Она бездумно твердит: "Пролетариат – это величайшая сила! Пролетариат непобедим! Ничто не остановит его на пути к социальному прогрессу!" Однако не способна она не способна увидеть распространённую в массе тягу к реакции, причина которой в стремлении оградить свой приватный интерес от общего, интерес минуты противопоставить возможности развития,

Коммунистичность мировоззрения партии определяется не столько социальным составом ее членов, сколько научной обоснованностью и принципами политики. А также способностью партии повышать интеллектуальный уровень своих членов, чтобы сначала нейтрализовать, а потом сделать "вполне своими" тех, кто не обладает должной политической подготовкой и не имеет представления о марксистском учении. Как неоднократно отмечал Ленин, "является ли партия действительно политической рабочей партией или нет, это зависит не только от того, состоит ли она из рабочих, но также от того, кто ею руководит и каково содержание ее действий и ее политической тактики. Только это последнее и определяет, имеем ли мы перед собой действительно политическую партию пролетариата"[1].

С этой точки зрения КПРФ давно и насквозь обуржуазилась. Её социальный состав, где нет трудящихся, считай, нет, не смог воспрепятствовать тому, что ею руководят реакционеры, действующие вполне в духе буржуазии, но специализирующиеся на систематическом обмане народа с применением специфических методов. Вполне вероятно, что и новое рабочее пополнение будет ими "переварено", и поставлено на службу буржуазии.

Обвинение это не безосновательно. Изменение положения КПРФ в политической системе страны подтверждает даже её бывший противник. Ордена, полученные Зюгановым от Путина и патриарха Кирилла летом 2014 года, означают признание в лице КПРФ нового союзника, даже более надёжного, чем взятые все вместе партии буржуазии, поскольку те невольно порождают, а КПРФ мощно гасит силу классового протеста, обрекая его на политическую импотенцию. Во всяком случае, в президентском наградном документе признано, что орден дан за "достигнутые трудовые успехи, значительный вклад в социально-экономическое развитие РФ, реализацию внешнеполитического курса РФ". Предстоятель же Русской Православной Церкви при вручении своего ордена выразил надежду, что "плодотворная деятельность лидера КПРФ и в дальнейшем будет способствовать продвижению социально значимых инициатив и нравственному преображению общества".

Ордена знаменуют перемену тактики буржуазной власти по отношению к КПРФ. Буржуазия, противясь целям коммунистов, всегда вела против них войну на уничтожение. В постсоветской истории России примеров тому тоже немало. Поскольку никакого раскаяния за результаты своего социально-экономического курса правящий режим ни в какой форме никогда не выражал, церковь тоже, то награды есть признание ими полезности соучастия КПРФ в их делах. Нужды кривить душой, вручая ордена Зюганову, который некогда оный режим именовал "антинародным" и даже "оккупационным", у главы режима и у патриарха, не было. Значит награждения означают, что правящий режим добился желаемого результата, изменил роль и значение КПРФ в политическом процессе в современной России. Она стала неопасной для власти, но опасной для народа. За это орденов не жаль. Принятие же их Зюгановым означает признание *соучастия* в делах режима. Понять, что орденами ставится клеймо предательства и на партию, и на него самого, у лидера ума не хватило. Интересно, висели ли ордена на его пиджаке во время выступления на пленуме?

Доклад Зюганова стал своего рода инструкцией по методам вульгаризации марксизма. Посмотрим её, начав со стиля. Опус скроен из разнородных кусков, выбранных случайным образом, лишенных логики и доказательств. Читатель в его тексте, как среди рядов колючей проволоки и спиралей Бруно. Куда бы ни шла его мысль, её неизбежно цепляют крючки слов, не объясняющих проблемы, но в клочья рвущих сознание при попытках выбраться к руководящей идее, вокруг которой группируются мысли относительно класса и относительно партии. Частенько даже короткие фразы строятся по принципу "начал про Фому, а кончил про Ерёму", что делает безуспешным намерение понять их. А если нельзя понять, то нельзя и опровергнуть. Полагаем, такой стиль сыграл не последнюю роль в онемении членов пленума и всей партии. Говорят, "стиль – это человек". Стиль Зюганова – это стиль недюжинного демагога, озабоченного не пропагандой научного знания, а одурачением легковерных и доведением партии до нищеты философии.

Несколько примеров навскидку. Докладчик сказал: "Задача перехода от капитализма к социализму отражает не только многовековую мечту народов о социальном равенстве. Как установил марксизм-ленинизм, эта потребность вытекает из объективного развития производительных сил. Общественная собственность формируется только тогда, когда частное владение и распоряжение производственными системами становятся социально невыгодными".

Первое предложение вызывает вопрос: если "не только", то что ещё? Во втором предложении мечта успела смениться потребностью. Когда? Если кто уловил, пусть и нам поможет. "Вытекающие потребности" для русского уха дико звучит. Но ладно, простим, не всем дано знать родной язык.

А вот ссылку на марксизм-ленинизм проверим с помощью Энгельса, который говорил: "Связь между исторически данным распределением и исторически данны-

[1] Ленин В.И. Полн. собр. Соч. – Т. 41. – С. 261.

ми материальными условиями существования того или иного общества настолько коренится в природе вещей, что она постоянно находит своё отражение в народном инстинкте. Пока тот или иной способ производства находится на восходящей линии своего развития, до тех пор ему хвалу воздают даже те, кто остаётся в убытке от соответствующего ему способа распределения. <...> Лишь когда данный способ производства прошёл уже немалую часть своей нисходящей линии, когда он наполовину изжил себя... лишь тогда всё более возрастающее неравенство распределения начинает представляться несправедливым, лишь тогда люди начинают апеллировать от изживших себя фактов к так называемой вечной справедливости"[1].

Выходит, непричастен марксизм-ленинизм к появлению малограмотной нелепицы. Социальное равенство в нём – это не мечта, не потребность, а результат. Считать его константой бытия социально опасно. Он не одинаков для эксплуататоров и эксплуатируемых, и разно выглядит в разные эпохи. Чью мечту имел в виду Зюганов?

Третье предложение породило обратный вопрос: не формируется ли частная собственность тогда, когда общественная становится социально невыгодной? Нет ли у последней восходящей и нисходящей линии? Какую "выгоду" получили те, в чьём сознании возникла "мечта" и "потребность" в чуде, творимом "эффективным собственником", при передаче ему "производственных систем"? Но докладчик до ответов не снизошёл, а горестный опыт СССР, когда здравый смысл народа ломали мифами о якобы несправедливых привилегиях партгосноменклатуры, не вспомнил.

Далее докладчик изрёк: "...Буржуазия не выступает противником капиталистического жизнеустройства. За изменения отношений собственности, за социалистическое переустройство общества может выступать только класс, противостоящий буржуазии. Имя этого класса – пролетариат. Каковы же перспективы его борьбы? Каково соотношение классов современного российского общества?"

Соотношение классов докладчик показал. Было сказано, что пролетариев, т.е. работающих по найму, в России 66,5 миллиона человек против примерно 850 тысяч собственников средств производства или 1,2% занятого населения. Однако о перспективах борьбы промолчал.

Как ни невероятно, но теза второго предложения заставляет думать, что докладчик никогда не слышал о существовании множества "социализмов". Уже в «Манифесте Коммунистической партии», с которым он вроде бы знаком и который цитирует, перечислены: реакционный социализм; мелкобуржуазный социализм; немецкий, или "истинный", социализм; консервативный, или буржуазный социализм и критически-утопический социализм. С тех пор их не стало меньше. За каждым из них стоит класс или большая социальная группа, и все выступают за изменение отношений собственности. Как говорил герой романа Булгакова в подобных случаях: "Поздравляю вас, гражданин, сговравши..."

Каждому "социализму" классиками дана характеристика. Лидеру КПРФ полезно бы их знать до доклада. Нам нравится высказывание по поводу феодального социализма: "Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собой народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на её заду старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным хохотом"[2]. Если бы "Манифест" был дочитан до конца и вдумчиво, автору, как представителю партийной бюрократии, когда-то классом жестоко потрёпанной, но восстановившей прежние замашки и претензии на руководство им, удалось бы избежать столь же непочтительного хохота в свой адрес.

Хоть и произнесено пафосно – "имя этого класса – пролетариат", – однако, в действительности класс оказался вовсе иным, и породил буржуазию. Для объяснения этого факта партии было предложено думать, что в крахе социализма в СССР "злую шутку сыграла живучесть сознания советского рабочего. Классовая борьба для него была далёким и абстрактным понятием. Советское общество не знало антагонистических противоречий". Ничего позорнее, как объяснить величайшую трагедию класса "злой шуткой" судьбы, придумать невозможно. Но Зюганов смог, да ещё добавил "шутку" (=издёвку) собственную. "Из всех социальных групп рабочий класс – единственный последовательный сторонник социализма", – изрёк он. – <...> "Отказ КПСС на втором этапе перестройки (1987–1991 годы) от опоры на рабочий класс стал важнейшим фактором поражения партии и утраты социализма".

Нужно обладать каким-то особым бесчувствием к реалиям жизни и запредельным неуважением к слушателям, чтобы навязывать им мысль о пролетариате как "последовательном стороннике социализма", зная об участии части рабочих в уничтожении его в целом ряде стран. Как можно утверждать отсутствие антагонистических противоречий в обществе после краха общественного строя? Как не заметить, что "живучесть сознания" класса проявилась именно в *борьбе* за свои интересы, в чем бы они в тот момент ни заключались?

Борьба рабочего класса – не феномен, возникающий и исчезающий время от времени под влиянием обстоятельств, а сам способ существования класса. Она шла и будет идти впредь до "полного уничтожения классов". Идёт в разных формах, часто подспудно, но постоянно и отнюдь не абстрактно, даже в самые благополучные времена. Только при слепоте разума можно сказать об отказе КПСС от опоры на рабочий класс, несмотря на очевидный факт, что именно верхушка КПСС высвободила его реакционные потенции для уничтожения партии и страны. Если коммунистами исключены даже малые попытки понять поведение пролетариата в годы крушения социализма, то грош цена их нынешним претензиям на руководство рабочим классом.

Ещё пример. "Только социализм избавляет его [рабочий класс – В.Г.] от капиталистической эксплуатации. Именно в силу этого рабочие – единственный класс современного общества, объективно заинтересованный в научном осмыслении общественно-политических процессов", – говорит докладчик. Первое утверждение верно. Но второе отнюдь не вытекает из первого. Где факты, подтверждающие второе? *Объективно* в научном осмыслении заинтересованы и другие классы. Отсюда наличие у каждого из них своих идеологов. Иное дело, качество их науки.

В тексте сказано: "Рабочие – это единственный класс, который не заинтересован использовать нашу партию в целях, не связанных с борьбой за социализм. Только во взаимоотношениях с ним у партии коммунистов выработаны исторические традиции и плодотворный опыт тесного взаимодействия".

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 20. – С. 153.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 4. – С. 448.

Очень неряшливо сказано. Почему "только", если плодотворный опыт взаимодействия существует и в отношении крестьянства? Ещё загадочней первое предложение. Как его понять? Что рабочий класс есть субъект, способный "использовать" партии в разных целях, и что КПРФ им *избрана* для социализма? Как доказать это? Если класс действительно выбирает, то не означает ли его отстранённость от КПРФ неверие в её борьбу за социализм? Или речь идёт о принципиальной возможности использования КПРФ другими классами? Непозволительно обращаться со словами столь неряшливо и тем туманить мозги.

Докладчик знает, что "авторы "Манифеста Коммунистической партии" называли пролетариатом *"класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят её лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя поштучно, представляют собою такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка".*

Курсивом цитату Зюганов зачем-то выделил, но сноску не дал, наверное почувствовав, что отрезанная часть цитаты грозит неприятностями. Мы дадим её для показа подмены смыслов путём усекновения цитаты: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., – Т. 4. – С. 430. Там сказано: "В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т.е. капитал, развивается и пролетариат..." Далее цитированный текст.

Смысл полной цитаты в том, что "оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии", и это оружие в руках пролетариата. Логично было бы показать само оружие. Но Зюганов пошёл другим путём. Смысл усеченной цитаты – сокрытие соучастия КПРФ в делах того самого капитализма, который назван "нежизнеспособным и обречённым". Помощью является, в частности, закон о промышленной политике, в разработке которого, как гордо сказал Зюганов, "мы вышли на финишную прямую". Закон он назвал "ещё одним шагом в борьбе за вторую индустриализацию нашей страны. А возрождение отечественной индустрии позволит расширить ряды рабочего класса. Так партия наглядно демонстрирует тесную связь патриотизма и классового подхода в своей работе". Чуть дальше сказал: "Настойчиво выступая за восстановление и развитие отечественной промышленности, мы, коммунисты, исходим из диалектического характера этого процесса**.** Наш подход не имеет ничего общего с заботой об укреплении диктатуры капитала. Свои силы мы прилагаем для пользы рабочего класса и нашей Родины".

Срезанная часть цитаты явно мешает этой "демонстрации". Знающий её может догадаться о желании Зюганова сделать российский капитализм жизнеспособным, а не обречённым. Не знающий может счесть вторую индустриализацию столь же славным делом, как и первую 30-х годов. Называется эта недостойная манипуляции с текстом – подлог и передергивание смыслов. За такую фразу лидеру КПРФ от режима нужно бы еще медальку.

Мы можем ошибаться относительно умысла с цитатой, может и впрямь автор был озабочен экономией места, однако сам закон свидетельствует об утрате интеллектуальной независимости от буржуазии и социальной ответственности перед рабочим классом его авторами из фракции КПРФ в Государственной Думе. Объективно они озабочены не оружием рабочего класса, не расширением его рядов, а расширением массы эксплуатируемых. Так что не марксизмом продиктован закон, а теорией "кормления воробьёв посредством кормления лошади".

Удивительно, как желание хоть чем-то потрафить "регрессивному", "реакционному" и "паразитическому" (все определения из доклада) капитализму, напрочь отбивает способность трезво соображать. Если, как утверждается в докладе, "интереса к формированию национального рынка у него [российского капитализма – В.Г.] не было изначально", то что означает проталкиваемый закон? Заставить буржуазию сим интересом обзавестись? Строить капитализм вместо капиталистов – вот суть такой странной и чудовищной диалектики, и иезуитской логики. Она не менее страшна по последствиям, чем логика либералов, вывозящих доходы российского государства за рубеж, ссылаясь на пользу для народа. Как известно, двух классовых диктатур в одной стране быть не может. Если не укреплением диктатуры капитала озабочен лидер КПРФ, настаивая на второй индустриализации, то чем? Какое невероятное бесстыдство упоминать при этом о пользе рабочего класса!

Очевидцы рассказывали, что в 1996 году лидер компартии Украины П. Симоненко уверял участников заседания Совета СКП-КПСС, (тогда еще под председательством О.С. Шенина), в необходимости *защитить марксизм от ортодоксии.* Обернулось дело "защиты" атомизацией его партии и распадом его страны. Теперь Зюганов, похоже, защищает диалектику от марксизма в момент, когда его партия и страна тоже стоят у последней черты.

К классическому определению пролетариата докладчик присовокупил: "Когда создавался "Манифест…", пролетариями, как правило, считались рабочие. Научно-техническая революция ситуацию серьёзно изменила**.** Вместе с пролетариями физического труда класс эксплуатируемых работников стал включать огромную армию пролетариев умственного труда". "Основная часть работников, производящих интеллектуальные ценности, является наёмной и потому угнетаемой", – признаётся в докладе. – Её пролетарскую принадлежность подметили ещё в XIX веке. Д.И. Писарев назвал этих людей "мыслящим пролетариатом". Ф. Энгельс говорил о "пролетариате умственного труда" и подчёркивал, что для освобождения рабочего класса понадобятся специалисты: "*…ибо дело идёт о том, чтобы овладеть управлением не только политической машиной, но и всем общественным производством, а тут уж нужны будут не звонкие фразы, а солидные знания".*

Можно добавить сюда и Г.В. Плеханова, который примерно тогда же писал: "Рабочий класс в широком смысле этого слова. Т.е. сюда относятся и работники умственного труда: бухгалтеры, инженеры, управляющие. Предпри-ниматель – сам работник, поскольку он исполняет функцию работника, инженера, коммивояжера и т.д."[1]. Оценка эта марксистами никогда не отвергалась.

Факты верные. Но коли известны так давно, то зачем пристёгивать к "научно-технической революции", начавшейся много позже? Похоже затем, что доктор философии не понимает, что рабочий класс есть не субъект, обзаведшийся чем-то вроде нового костюма, ибо старый стал мал, а процесс, в котором возникли новые

[1] Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. – М., 1973. – Т. I. – С. 51.

противоречия. Если это лишь несколько располневший прежний субъект, нет нужды думать о его новых потребностях и интересах в политике, и менять её. Если же это процесс, то необходимо исследовать и осмысливать новые тенденции его развития.

Традиционный рабочий класс быстро меняется. Пролетариат физического труда постепенно исчезает из общественного производства, заменяясь автоматами и роботами. От современного рабочего требуется сила знаний и квалификации, а не мышц. Кочегары и молотобойцы навсегда уходят в прошлое. На смену пришли наладчики и операторы. Кто придёт им на смену? Какие социальные коллизии возникнут с их приходом? Какими будут их повседневные интересы, а какими коренные? Останутся ли прежними или будут совсем иными? Писарев, Энгельс, Плеханов отвечали на этот вопрос своевременно. Марксизмом в пролетариат включалась та часть общества, которая в настоящем в наибольшей степени выражает интерес будущего. И потому победившая социалистическая революция не осталась без интеллигенции.

Зюганов отказывается даже размышлять на тему: интерес какой из социальных групп общества будет в наибольшей степени совпадать с потребностями прогресса, а какой в наименьшей. Ему не нужно понимание перспектив развития класса, а достаточно "пролетарского образа" КПРФ. Не потому ли столь непривлекательна партия в глазах тех, кто в силу образованности понимает, что КПРФ предлагает им не лекарство, а пустышку – плацебо.

Походя и по случаю докладчик поменял и своё личное кредо. В 1996 году, истово желая стать доктором философии и напористо прорываясь в первые ряды идеологов-государственников, он уверял партию, что "нуждается в уточнении и корректировке многое в марксистской доктрине, в том числе даже учение о безвозмездно отчуждаемой капиталистами прибавочной стоимости, об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса, теория пролетарской революции с её выводом о диктатуре пролетариата"[1].

Теперь, похоже, счёл, что как "Париж стоит мессы", так место кормчего большой партии с его обильными хлебами стоит признания, что обнищание пролетариата есть факт, что "обнищание может быть как относительным, так и абсолютным. Относительное обнищание трудящихся имеет место на всех стадиях развития капитализма. Оно характеризуется уменьшением доли рабочего класса в национальном доходе. Однако в капиталистической России наблюдается и абсолютное обнищание рабочего класса, то есть неуклонное день ото дня понижение его жизненного уровня".

Вынужденно вспомнив о диктатуре пролетариата, докладчик её определение и задачи дал с помощью цитат из Ленина и Сталина. И высказал мысль, что "идея диктатуры пролетариата оболгана и осквернена буржуазной пропагандой. Она объявлена идеей кровавого насилия. Но история учит обратному".

За своё участие в «оболгании» не повинился. Наоборот, исхитрился "опустить" идею до невинной демократической процедуры. Сначала правильным указанием на то, что "заинтересованность рабочего класса в мирном освобождении России от ига капитала бесспорна. Сделать это мирно и без потерь – значит иметь лучшие стартовые условия для строительства нового общества, для перехода к социализму". Потом ссылкой на программу КПРФ, где сказано: "КПРФ выступает за мирный переход к социализму. Но содержится в ней и напоминание о Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН. Этот документ определяет, что власть обязана заботиться о нуждах народа, дабы он "*не был вынужден прибегать в качестве последнего средства к восстанию против тирании и угнетения"*.

Здесь заметим, если рассматривать первую мысль безотносительно к положению в стране, она верна. Если соотнести её с тезой доклада, что "современная Россия левеет. Более того, она радикализируется", что "происходит осознание необходимости активной борьбы трудящихся за свои интересы", то высказал лидер КПРФ пожелание не превращать радикализацию в стремление к диктатуре; суть последней он подменил способом достижения. Вместо призыва помнить, что способ установления диктатуры зависит не столько от желания пролетариата, сколько от силы сопротивления буржуазии, и надо быть готовым к отпору ей, ссылкой на программу КПРФ сделал вид, что он давно предусмотрен. Факт, что правящий в России режим уже сделал всё необходимое и достаточное для замены его диктатурой пролетариата, оставил без рассмотрения. Потому упоминание о декларации ООН есть верноподданническая уловка, позволяющая снизить стремление класса к власти напоминанием об неких якобы обязанностях власти перед народом.

Только катастрофическая нехватка марксистски подготовленных кадров может объяснить, что состав пленума безмолвно внемлет нелепицам и трюизмам, очевидным любому социологу и просто грамотному человеку. Она же не позволяет заметить, что руль партийной "науки" переложен на 180 градусов, а курс проложен не по лоциям марксизма, что бессовестная и безответственная легкость, с которой это сделано, гарантирует, что перемена галсов будет повторяться вновь и вновь, даже в период крепчайших социальных штормов.

Без тени сомнения в своей логике, лидер КПРФ произносит во всеуслышание: "После буржуазной контрреволюции отечественный рабочий класс снова стал неотъемлемой частью пролетариата, его ядром. Он оказался в системе производственных отношений, которых не было при социализме. Осмыслить их не стихийно, а глубоко и всесторонне способна лишь Коммунистическая партия, владеющая научной теорией марксизма-ленинизма".

На осмысление вместо партии претендовать не будем, но осмысление самой фразы доступно и нам. О каких субъектах тут речь? Судя по докладу, Зюганов согласен с выводом "Манифеста Коммунистической партии", где сказано: "Пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят её лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал". Наверное согласен он и с собственным выводом: "Когда создавался "Манифест…", пролетариями, как правило, считались рабочие. Научно-техническая революция ситуацию серьёзно изменила. Вместе с пролетариями физического труда класс эксплуатируемых работников стал включать огромную армию пролетариев умственного труда".

Не странно ли, в возрасте для партии уже не юном, заметить очевидное и в очередной раз пообещать это очевидное "глубоко и всесторонне осмыслить"? А по-

[1] Зюганов Г.А. "Россия – родина моя. Идеология государственного патриотизма". – М., 1996. – С. 285.

обещав, тут же запутать вопрос в конец. Между выводами есть противоречие, даже три: а) вывод "Манифеста" однозначен: пролетариат – синоним класса современных рабочих. Вывод Зюганова не таков. Словечко "как правило" – отсебятина, подразумевающая некие исключения, которых нет; б) какую ситуацию "серьёзно изменила" НТР? Расширила ряды пролетариата за счёт новых отрядов? Да, несомненно. Изменила зависимость труда от капитала? Ничего подобного, а это главное в определении класса; в) "неотъемлемая часть" и "ядро" не есть синоним понятия "пролетариат". Значит, по логике, ныне пролетариат существует отдельно, его "ядро" тоже отдельно? Чем же был советский рабочий класс до контрреволюции, если после неё стал "ядром"? Чем был пролетариат до оной же, если в СССР его не было?

Представляется, что если до сих пор ответов нет, если нелепица громоздится на нелепицу, то способность к осмыслению даже столь простых вещей лидером КПРФ утрачена. Помнится, даже М.С. Горбачеву было ясно, что "плюрализм мнений в одной голове – это шизофрения". А тут мнений три....

Не удержаться от ещё одного примера его "плюрализма". По мнению Зюганова, "марксизм-ленинизм доказал, а практика подтвердила, что рабочий класс более всех способен к организации, к осознанной борьбе против капитала. Эти качества формирует само крупное производство. Оно требует концентрации рабочей силы и высокой дисциплины труда. Постоянно растут производственно-технические требования к культурно-образовательному уровню рабочего. Эти условия его труда и жизни складываются объективно, воспитывая дух антибуржуазной взаимовыручки и солидарности".

Точка зрения это привычная, но науку и партию оглупляющая. Классики доказывали, что если чему и помогает концентрация рабочих на крупных предприятиях, то не "осознанию" необходимости борьбы против капитала, а облегчению агитации и пропаганды среди рабочих. Размышляя о способах их ведения на заводах, Ленин говорил так: "Вся главная сила движения – в организованности рабочих на *крупных* заводах, ибо крупны заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью"[1]. Чтобы завод стал партийной "крепостью", продолжал он, "рабочая организация должна быть также конспиративна внутри себя, также "ветвиста" вовне, как всякая революционная организация"[2]. И годами пропагандировать рабочим в ином случае недоступное знание.

Мысль Ленина во всём противоположна мысли Зюганова. Не "само крупное производство" порождает "осознанную борьбу", а партия. Если бы было по Зюганову, не случилось бы ему сказать в докладе, что "в одной только Москве с экономической карты города исчезли автомобильные предприятия ЗИЛ и АЗЛК, металлургический завод "Серп и молот", Второй часовой завод и десятки других крупных предприятий".

Бедная партия! Человек, отрицающий свой теоретический вывод своими же примерами, призывает её "осмыслить не стихийно, а глубоко и всесторонне" тезу о превращении рабочего класса в "ядро", а также тезу о "воспитании духа антибуржуазной взаимовыручки и солидарности" крупными заводами. Однако, судя по отсутствию реакции на задолго заранее опубликованный доклад, она достойна такого "вождя".

И ещё сказано нашим доктором философии: "Тот, кто считает, что рабочий класс может обойтись без КПРФ, без марксистско-ленинской идеологии, тот или совсем не понимает истинных интересов рабочих, или сознательно пытается их исказить".

Признаемся, что автор данной статьи именно так и считает. Но опирается, во-первых, на фундаментальный факт, что рабочий класс давно обходится и без КПРФ, и без этой идеологии; материалы пленума вопиют об этом. Во-вторых, без неё обходится сама КПРФ, и потому "истинные интересы" рабочих для неё тайна. В-третьих, нет связи между идеологией КПРФ и идеологией марксизма-ленинизма; вторая отрицает первую. Кроме того, идеология всегда имеет целью управление людьми путем воздействия на их сознание; это система субъект-объектных отношений. Если нет ни объекта, ни субъекта, то идеология отсутствует. Так что искать виновного в "сознательном искажении" доктору философии нужно бы перед зеркалом.

Ещё автор доклада просветил товарищей о том, что "у нас есть строго научный критерий отнесения человека и к рабочему классу, и к буржуазии – его место в системе производственных отношений. Прежде всего – это место в системе отношений собственности, а также в общественной организации труда, в распределении и потреблении создаваемого продукта". Здесь он сослался на Ленина.

Определение с ленинским схоже, но с натяжкой. Из контекста же ясно, что слова о производственных отношениях, определяющих принадлежность к классу для доктора философии не то же самое, что для Ленина. Поясним это с помощью другой тезы Зюганова. Он утверждает, что "опираясь на учение Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, КПРФ имеет своей стратегической целью смену производственных отношений и ликвидацию эксплуатации труда**.** Для этого предстоит ликвидировать частную собственность на средства производства. Сама буржуазия не откажется добровольно от эксплуатации труда капиталом, от погони за прибылью. Чтобы решить эту великую историческую задачу, трудящимся во главе с рабочим классом нужна власть. А её даст только борьба под руководством коммунистов, в союзе с широким блоком народно-патриотических сил".

Относительно опоры именно на это учение возникают бо-о-льшие сомнения. Опора подразумевает знание его фундаментальных основ. Но сама эта фраза являет собой пример невежества. Учение марксизма и названные цели несовместимы.

О каких "производственных отношениях" идёт речь? В марксизме это совокупность отношений между людьми в процессе общественного производства и движения общественного продукта от производства до потребления. "В производстве люди вступают в отношения не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство", – считал Маркс[3]. "В общественном производстве своей жизни, – писал он же, –

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 7. – С. 15.
[2] Там же. – С 16.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 6. – С. 441.

люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания"[1].

Отсюда очевидно, что в процессе труда складываются, во-первых, отношения, обусловленные потребностями техники, технологии и организации производства, например, отношения между рабочими различных специальностей, между организаторами и исполнителями, связанные с технологическим разделением труда внутри производственного коллектива или в масштабах общества. Это – производственно-технические отношения. Они неизбежны и непреходящи, пока существует производство. Они меняются во времени, но перемены идут как естественноисторический процесс, и не зависят от чьей бы то ни было воли. Значит, *смена* реального базиса не может быть целью, а запасного базиса у людей нет.

Во-вторых, в производстве между людьми складываются также производственно-экономические отношения. Они, в отличие от производственно-технических, выражают отношения людей через отношения собственности на средства производства. Если средства производства находятся в руках частных собственников, то утверждаются отношения эксплуатации человека человеком, при которых собственник присваивает результат неоплаченного прибавочного труда работника. Если средства производства находятся в общественной собственности, как при социализме, между членами общества складываются отношения сотрудничества и взаимопомощи, какое-то время сосуществуя с прежними отношениями в разных пропорциях. Но возможен и возвратный процесс. Не оговорив тип производственных отношений, которые собирается менять, докладчик запутывает дело, чем демонстрирует недостатки своего образования.

Предположим, докладчик оговорился, но имел в виду второй тип производственных отношений. Что говорит марксизм о возможности решить проблему предложенным Зюгановым способом? Марксизм говорит решительное: "Нет!" Не *эксплуатация труда*, а эксплуатация рабочей силы – великое открытие и центральная идея политэкономии Маркса. В отличие от экономистов XVIII века, полагавших, что товаром выступает сам труд, Маркс доказал, что рабочий продает не труд, а рабочую силу, т.е. свою *способность к труду.* Как всякий товар, товар рабочая сила, по Марксу, имеет *потребительную стоимость* и *стоимость. Стоимость* этого товара равна стоимости жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы, а его *потребительная стоимость* определяется для покупателя-капиталиста способностью рабочей силы создавать большую стоимость, чем стоимость самой рабочей силы. Эта разница составляет *прибавочную стоимость* – источник дохода капиталиста. В её безвозмездном присвоении суть капиталистической эксплуатации. Отсюда у Маркса следовал вывод о необходимости революционной борьбы с условиями, порождающими её. Слова же Зюганова о борьбе с *эксплуатацией труда* есть плод невежества и незнакомства с марксизмом, плод весьма вредный.

В одном месте доклада Зюганов сказал, что "нежелание знать источники приводит к шарлатанству". Правильно сказал, видно не понял, что говорит о себе. Знай их, прочел бы, что ликвидировать *эксплуатацию труда* можно только одним способом – *прекращением* процесса труда. Если бы члены пленума поняли, к чему их зовёт лидер, настаивая дважды в одной фразе на ликвидации эксплуатации труда, то не выйти бы ему из зала. И поделом. Представляется, что даже буржуазный суд оправдал бы всех. После Маркса лишь самые оголтелые и дремучие идеологи буржуазии пытаются опровергать теорию прибавочной стоимости, но таких уже сторонятся, как зачумлённых, за порождение сомнений в умственных способностях. .. капиталистов.

Каковы последствия путаницы и незнания сущности понятий для коммунистов? В том, что пока коммунисты считают стратегической целью ликвидацию *эксплуатации труда,* они не способны осознать, что по логике марксизма конечная ликвидация эксплуатации человека человеком требует не только уничтожения частной собственности, но и уничтожения труда. Пока знания об их неразрывной взаимосвязи нет, коммунисты – не борцы, а невежды, кладущие кусок железа под компас, показывающий истинное направление и содержание борьбы рабочего класса.

Есть коммунисты, и коммунисты. Одни ведут к высотам мысли, другие – к пределам её падения. Первые показывают куда идти, вторые – с какого дна нужно подниматься. Доклад Зюганова – это дно, результат хаотизации коммунистического сознания. Он – свидетельство утраты частью коммунистов способности адекватно понимать социальную науку, имя которой на её знамени.

Это дно покрыто слоем фантазий, утопий и заклинаний относительно пролетариата, сцементированных убеждением, что "рабочий класс кровно заинтересован в социализме"; "условия его труда и жизни складываются объективно, воспитывая дух антибуржуазной взаимовыручки и солидарности"; "экономические и политические интересы рабочего класса не совместимы с капитализмом"; "стратегические цели рабочего класса связаны с заменой капитализма социализмом". Везде в докладе Зюганова пролетариат выступает как самодостаточный субъект, от природы лишенный отрицательных качеств. Это лейтмотив всех его суждений о рабочем классе и основа всех расчётов на него.

Распространённость подобных представлений в среде коммунистов имеет силу давней и прочной традиции. Зюганов – не основоположник её. Он – её адепт и популяризатор. Его вина не в закладке основ традиции, а в нежелании оградить КПРФ от иллюзий относительно класса, распространить подлинное марксистское учение о его исторической миссии в партии, и оградить его от фальсификаций.

Нам уже приходилось подробно рассматривать проблему обоснования исторической миссии пролетариата классиками в статье "Ещё раз о главном в учении Маркса" в журнале "Марксизм и современность" №1-2 за 2012 год. Прозвучавшее на пленуме заставляет коротко напомнить систему доказательств.

Марксистский анализ всемирно-исторической роли пролетариата начинался с констатации факта, что "из отношения отчужденного труда к частной собственности вытекает.., что эмансипация общества от частной соб-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. – Т. 13. – С. 6-7.

ственности и т.д., от кабалы, выливается *в политическую форму эмансипации рабочих*, причем дело здесь не только в их эмансипации, ибо *их* эмансипация заключает в себе общечеловеческую эмансипацию; и это потому, что кабала человечества в целом заключается в отношении рабочего к производству и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого"[1] (курсив документа).

Вывод о кабале всех, как следствие отношения к производству каждого, объяснён наличием жесткой взаимосвязи частной собственности и отчужденного труда. В формуле о кабале человечества, как вынужденном следствии отчуждения труда, две стороны. Во-первых, указание на необходимость освободить всё общество от частных собственников, буржуазии, прежде всего; во-вторых, на необходимость изменить условия общественного бытия так, чтобы пролетариат перестал воспроизводить частную собственность. Именно пролетариат. Эти две задачи поставлены уже в "Манифесте Коммунистической партии". Там сказано: "Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретенное ими положение в жизни, подчиняя все общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом"[2]. О другой стороне проблемы сказано так: "Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наёмный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность – частная собственность"[3].

Указания на "уничтожение собственного способа присвоения" достаточно для понимания, что победа пролетариата в борьбе с капиталом является лишь предпосылкой его победы над самим собой, и если она не последует, возможен вариант, когда угнетенные станут угнетателями. Следовательно, социализм отнюдь не является неизбежным следствием классовой победы пролетариата над буржуазией, а факт завоевания власти пролетариатом вовсе не означает, что тем самым будет положен конец всякому классовому угнетению. Приняв следствие за причину, коммунисты встали на путь заблуждений.

Не будем отвлекаться здесь на расшифровку понятия "собственный способ присвоения". Приведём лишь одну цитату из Ленина, поясняющую суть и объем задачи. "Марксизм требует ясного разграничения программы-максимум и программы-минимум. Максимум, это – социалистическое преобразование общества, невозможное без уничтожения товарного производства. Минимум, это – преобразования, возможные еще в рамках товарного производства. Смешение того и другого неизбежно приводит ко всякого рода мелкобуржуазным и оппортунистическим или анархическим извращениям пролетарского социализма, неизбежно затемняет задачу социальной революции, осуществляемой посредством завоевания политической власти пролетариатом"[4].

Здесь заметим, что Ленин, написавший эти слова в 1906 году, считал постановку задачи уничтожения товарного производства своевременной, поскольку ею выражается коренной интерес рабочего класса. Зюганов о ней доселе не подозревает, и в упор не видит, даже читая "Манифест коммунистической партии". КПРФ никогда, и ни в какой форме задачу борьбы с "собственным способом присвоения" не ставила.

Необходимость второй победы менее очевидна, чем необходимость первой. Стратегия и тактика достижения первой были полно и глубоко проработаны классиками, особенно Лениным. Время для разработки того же для достижения второй победы наступило лишь по завершении переходного периода от капитализма к социализму. Однако случилось так, что коммунисты, в первую очередь коммунисты СССР, с обязанностью возглавить борьбу пролетариата с самим собой не справились. Даже не осознали её. Вместо научных разработок проблем второй победы, опирающихся на марксистскую методологию, уверовали в *окончательную* победу социализма и убедили себя в отсутствии социальных сил внутри страны, способных свергнуть его.

Это повлекло ряд негативных следствий. Первое из них – рассматривать пролетариат как некий субъект, имеющий неизменные характеристики, и подверженный лишь количественным изменениям. Доклад Зюганова полон статистических сведений о них, однако простая мысль, что количественные перемены ведут к качественным скачкам в силе класса, его поведении и мировоззрении, в голову лидеру КПРФ не пришла.

Марксизм, напротив, рассматривает состояние класса как естественноисторический процесс, движимый борьбой внутренних противоречий. Противоречия в пролетариате порождаются ростом рядов рабочего класса, изменениями в профессиональной, национальной, расовой, половозрастной, конфессиональной структуре, появлением новых и исчезновением старых отраслей народного хозяйства, международным разделением труда и т.д. и т.п. Кроме того, производственной стороне жизнедеятельности рабочего противостоит сторона экономически-бытовая. Процесс труда формирует в нем коллективиста, процесс присвоения – индивидуалиста. И так будет продолжаться до тех пор, пока отношения людей будут опосредованы деньгами.

Деньги являются следствием всё более дробного разделения труда, которое порождает необходимость обмена между людьми. Однако, как было известно ещё совсем молодому Марксу, "мотив, которым руководствуются обменивающиеся между собой люди, это – не *человеколюбие*, а *эгоизм*. <...> В цивилизованном состоянии каждый человек является *торговцем*, а общество является *торговым обществом*"[5] (курсив Маркса). Это, в свою очередь, разрушительно воздействует на сознание трудящихся, порождая их отчуждение друг от друга.

Субъектом класс является лишь взятый в отношении к другим классам. "Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противо-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 42. – С. 98.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 4. – С. 434.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 2. – С. 39.
[4] Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 13. – С. 397.
[5] Маркс К., Энгельс Ф. соч. – Т. 42. – С. 143.

стоят друг другу в качестве конкурентов"[1]. Это не единственное марксистское определение класса, но это лучше других выражает его главную качественную характеристику.

Несомненно, пролетарское единство фактически существует. Но существует лишь потому, что существует единство капиталистов. Оценивая класс без иллюзий, классики указывали, что "рабочие образуют рассеянную и раздробленную конкуренцией массу"[2], что даже "сплочение рабочих масс. .. является еще не следствием их собственного объединения, а лишь следствием объединения буржуазии, которая для достижения своих собственных политических целей должна, и пока еще может, приводить в движение весь пролетариат"[3]. Кроме того, "буржуазия знает, что в этом расколе пролетариев заключается подлинная тайна сохранения её могущества"[4].

Способом его сохранения также является поддержка многочисленных политических партий пролетариата. Одним из них буржуазия платит из бюджета, как это происходит в России, другие содержатся при помощи олигархата и церкви. В силу наличия этих коллизий классики марксизма отрицали способность рабочего класса к целеполаганию. Противоречивость бытия класса такова, что от него бессмысленно ждать "на выходе" антикапиталистический результат.

Только незнание и непонимание такого марксизма позволяет делать вывод о безусловной антикапиталистической устремлённости рабочего класса. Да, классики признавали в рабочем классе самую крупную и постоянно растущую социальную силу, но никогда не забывали, что эксплуатируемая масса "даже в самых передовых и наиболее демократических буржуазных республиках забита, темна, невежественна, запугана, разрозненна"[5]. В силу этого класс способен на предательство. Правда, как говорил Ленин, "обвинение это выражает ясное сознание того, что немецкий пролетариат совершал предательство русской (и международной) революции, когда душил Финляндию, Украину, Латвию, Эстляндию. Обвинение это направляется, прежде всего и больше всего, не против массы, которая всегда забита, а против вождей, которые. .. не исполняли своего долга революционной агитации, революционной пропаганды, революционной работы в массах против их косности, которые действовали фактически наперерез революционным инстинктам и стремлениям, всегда тлеющим в глубине массы угнетённого класса"[6].

Словами "тлеющий инстинкт" полно и точно описано обычное состояние классового сознания пролетариата. Другое сознание возникает лишь в периоды общенациональных кризисов и революционных ситуаций. Но и в этом случае, по словам Ленина, "в каждом классе, даже в условиях наиболее просвещенной страны, даже в самом передовом и обстоятельствами момента доставленном в положение исключительно высокого подъема всех душевных сил, всегда есть – и, пока существуют классы, пока полностью не укрепилось, не упрочилось, не развилось на своей собственной основе бесклассовое общество, неизбежно будут – представители класса не мыслящие и мыслить не способные. Капитализм не был бы угнетающим массы капитализмом, если бы это не было так"[7].

Несомненно, что как процесс рабочий класс есть не броуновское, хаотическое движение страстей и интересов. У него есть тенденция – борьба с собственником средств производства и борьба с отчуждением. Их наличие и позволяет время от времени, при осознании классом своей "обесчеловеченности" до степени "самого себя упразднения"[8], выстраивать множество отдельных воль членов класса в равнодействующую силу с той или иной направленностью. В противном случае его сила остаётся просто разрушительной. "Последовательная революционность" пролетариата, о существовании которой Зюганов уверяет партию, есть иллюзия вульгарного марксизма, что очевидно из всей истории рабочего движения, и доказано его участием в целом ряде антисоциалистических контрреволюций прежде и теперь.

Несколько слов об истоках традиции бездумного поклонения классу. Полагаем, её основу заложила третья программа КПСС 1962 года. В ней иллюзия о рабочем классе обрела силу партийного закона и стала основой идеологии и пропаганды КПСС.

"Главная движущая сила революционного преобразования мира, – сказано в программе, – рабочий класс, самый последовательный революционный класс. В ходе классовых битв он организуется, создает свои профсоюзы и политические партии, ведет экономическую, политическую и теоретическую борьбу против капитализма. Осуществляя историческую миссию революционного преобразователя старого общества и созидателя нового строя, рабочий класс становится выразителем не только своих классовых интересов, но и интересов всех трудящихся. Необходимым условием победы социалистической революции и построения социализма являются диктатура пролетариата и руководство марксистско-ленинской партии. Высший принцип диктатуры пролетариата – прочный союз рабочего класса и трудящихся масс крестьянства под руководством рабочего класса"[9].

Эти программные положения стали основой идеологической работы КПСС с рабочим классом. Ему приписывались все мыслимые и немыслимые достоинства, но противоречиями в развитии класса и исследованием их причин не занимался никто. Они остались незамеченными. То, что не укладывалось в пафосные оценки класса, отвергалось или замалчивалось, в том числе и сама марксистская теория в части объяснения всемирно-исторической роли пролетариата. Вместо реального класса КПСС имела дело с его сусальным, надуманным и ею же созданным образом. Исследование диалектики развития пролетариата как класса, имеющего в себе не только социально прогрессивные, но и социально регрессивные потенции, заменили панегириками в его адрес. Объективная необходимость продолжения пролетарской революции иными средствами, путём уничтожения условий, порождающих отчуждение по причине разделения труда, а также "своего собственного способа присвоения, а тем самым и всего существовавшего до сих пор способа присвоения в целом", была предана забвению. Полвека мощной пропаганды – достаточный срок, чтобы эта иллюзия стала традиционной основой

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 3. – С. 54.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 4. – С. 432.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 4. – С. 432.
[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 16. – С. 437.
[5] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. .37. – С. 262-263.
[6] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 302-303.
[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч., – Т. 41. – С. 52-53.
[8] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 2. – С. 39.
[9] КПСС в резолюциях... - М., 1972. – Т. 8. – С. 200.

отношений партии и класса. Перерождение коммунистической партии в свой антипод, оказалось лишь делом времени. Приняв программу якобы строительства коммунизма, XXII съезд подписал смертный приговор советскому социализму, а XXVII съезд в 1986 году её новой редакцией поставил в приговоре последнюю точку. Приведение его в исполнение оказалось отсроченным на небольшой срок лишь потому, что партия еще сохраняла научный и нравственный потенциал, доставшийся от предшественников, а руководящие кадры в какой-то мере сохраняли инерцию защиты пролетарских классовых и государственных интересов.

Второе следствие – уверенность в исключительно созидательных потенциях рабочего класса. На самом деле это не так. Марксизм исходит из того, что труд и эксплуатация связаны между собой прямой причинно-следственной связью. «"*Труд"* есть живая основа частной собственности, частная собственность как творческий источник себя самой, – говорит Маркс. – Частная собственность есть не что иное, как *овеществленный* труд. Если частной собственности хотят нанести смертельный удар, то нужно повести наступление на частную собственность не только как на *вещественное состояние,* но и как на *деятельность,* как на *труд.* Одно из величайших недоразумений – говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде без частной собственности. "Труд" по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность. Таким образом, упразднение частной собственности становится действительностью только тогда, когда оно понимается как упразднение "*труда"* (такое упразднение, которое, конечно, сделалось возможным только в результате самого труда, то есть в результате материальной деятельности общества, и которое никоим образом нельзя понимать как замену одной категории другою). Поэтому некая "организация труда" есть противоречие. *Той* наилучшей организацией, которую может получить труд, является его теперешняя организация, свободная конкуренция, разложение всех его прежних мнимо "общественных" организаций»[1] (курсив документа).

Мысль Маркса здесь совершенно ясная, но докладчику и большинству коммунистов ныне явно незнакомая. Дабы нам не пеняли, пугаясь её крамольного звучания, что мысль взята из малоизвестной работы Маркса «О книге Фридриха Листа "Национальная система политической экономии"», и потому могла оказаться случайной, укажем, что она много раз повторена и в работах широко известных. Например, в "Немецкой идеологии", считающейся философским обоснованием коммунистического движения, она – лейтмотив. В неё неоднократно звучит: "Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы свободный труд уничтожить"[2]. И ещё раз, чтобы стало понятно, что это не случайные оговорки, а квинтэссенция революционной науки: "...Пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования, которое является в то же время и условием существования всего предшествующего общества, т.е. должны уничтожить труд. Вот почему они находятся в прямой противоположности к той форме, в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое, а именно к государству, и должны низвергнуть государство, чтобы утвердить себя как личности"[3]. Подобные высказывания есть и ещё.

Об идее "низвержения государства" разговор здесь вести не будем, но надеемся, что у читателя она, как и идея уничтожения труда, отложится в памяти как стратегическая цель определённая марксизмом. До тех пор пока коммунисты не проникнутся ими, все их попытки обобществления средств производства и ликвидации эксплуатации будут обречены на конечную неудачу.

Уже на исходе советской эпохи наиболее проницательные из ученых указывали, что идеи Маркса об "уничтожении частной собственности", "уничтожении производственных отношений" и "уничтожении труда" именно вследствие развития социализма обретают простой, осязаемый смысл. Например, С. Платонов писал, что "у*ничтожить то или иное производственное отношение, означает заменить отношение между людьми в процессе производства отношением между неодушевленными элементами производительных сил.* Такое "погружение" в производительные силы одного слоя производственных отношений за другим означает, с одной стороны, постепенное вытеснение людей из сферы производства, а с другой – качественное преобразование производительных сил, их превращение в своего рода искусственную природу, автономно, без участия человека в производстве обеспечивающую удовлетворение всех его материальных потребностей"[4] (курсив документа).

Позднее советское общество имело для начала таких процессов всё необходимое и достаточное. Однако идеологам КПСС не хватило знания о теории уничтожения частной собственности и уничтожения труда. Как следствие, закон новой исторической эпохи, состоящий в том, что общественное развитие перестаёт быть естественноисторическим процессом, и становится результатом сознательной деятельности руководящего субъекта на основе познания объективной необходимости уничтожения и частной собственности, и труда, осознан не был. Непонимание необходимости постановки этих целей сыграло не последнюю роль в торможении научно-технической революции во второй половине XX века. Она оказалась лишенной истинного смысла, а понимание прогресса общества оказалось ограничено рамками количественного роста потребительских благ. Впрочем, неверные цели социального развития искажали и их структуру, вели к бессмысленному накопительству, которое в свою очередь, провоцировало недовольство масс.

170 лет назад, когда проблемы будущего капитализма были видны много хуже, чем сейчас, Маркс предложил способ их решения в виде теории уничтожения частной собственности и теории уничтожения труда. Так случилось, что на первом плане в силу обстоятельств оказалась теория уничтожения частной собственности. Теория уничтожения труда осталась в её, как бы сказать, глубокой тени. Однако история социализма показала, что одной первой теории оказалось недостаточно для разрешения коллизий социума. В советское время установить одновременность их действия не удалось. Современное коммунистическое движение, во всяком случае в лице самой численно крупной из российских

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 42. – С. 242.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 3. – С. 192.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 3. – С. 78.
[4] Платонов С. После коммунизма. – М., 1989. – С. 241.

компартий – КПРФ, тоже не готово к осознанию необходимости уничтожения труда.

Судя по докладу Зюганова, в КПРФ просто не понимается суть проблем. "Сила транснациональных компаний превышает возможности многих государств, – говорит он. – Научно-техническая революция ускорила данный процесс. Она резко усилила автоматизацию производства. К. Маркс не только предсказал появление таких производительных сил, но и обосновал, что они являются технологической предпосылкой достижения социального равенства. Таким образом, материальная основа наступления коммунистической формации продолжает формироваться и расширяться".

Маркс, действительно, предсказал это. И потому материальная основа коммунистической формации была создана в основном. Пока коммунисты следовали за Марксом, к концу 70-х – началу 80-х годов социальное равенство в СССР, если иметь в виду отношение людей к средствам производства, стало практически свершившимся фактом, а социальное неравенство – исчезающе мало. Но предвидел Маркс и то, что "труд по своей сущности есть обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность". Однако эта идея осталась непонятой. К ней сначала КПСС, а теперь и КПРФ не прибавили ни строчки, скорее, вычеркивали и вымарывали её. Пренебрежение наукой об отчуждении жестоко мстит непониманием коренных интересов трудящихся и ныне.

Наиболее важным в докладе Зюганова является раздел "Два коренных вопроса". Они сформулированы так: – "зачем рабочему классу и его пролетарскому ядру нужна Коммунистическая партия?" – "почему Коммунистическая партия нуждается в рабочем классе?"

Формулировки это некорректные и непростительные для доктора философии. Первая подразумевает, что рабочий класс есть субъект, имеющий осознанные политические интересы и потребности. Вторая предполагает, что партия вольна нужды в рабочем классе не иметь. Будь лидер КПРФ внимательнее к реалиям, понял бы, что: 1) рабочему классу и его ядру пока не нужна КПРФ, что подтверждено его отношением к ней. Фактов, доказывающих нужду, нет. Утверждение Зюганова, что "российский рабочий класс нуждается в Коммунистической партии прежде всего для осознания своих коренных интересов и чёткого определения стратегических целей", голословно. Никогда и нигде никакие рабочие в массе своих коренных интересов не понимали. Знать их может только наука. Поэтому вопрос некорректен.

Несомненно, что партии являются средством создания коллективной воли масс, вместо их спонтанного движения, поскольку через распространяемые партиями идеи массы обретают чувство духовной связи и цели, и потому служат определенной гарантией защиты ими своих интересов, особенно в случае завоевания политической власти. "Без партий нет развития, без размежевания нет прогресса", – считал Маркс[1]. Ленин также признавал, что "самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий"[2].

Но не потому появляются партии, что класс выражает нужду в их них, а потому, что социальная наука, рожденная вне класса, указывает ему возможности более успешной борьбы, возникающие при появлении партий. "Именно для того, – говорил Ленин, – чтобы масса определенного класса могла научиться вести свою политику, именно для этого необходима организация передовых элементов класса немедленно и во что бы то ни стало, хотя бы вначале эти элементы составляли ничтожную долю класса"[3]. Наука может быть воспринята классом, однако классовый характер партий определяется не их социальным составом, а способностью понимать и выражать в политике интересы определённого класса или социальной группы. Если нет науки, то нет и нужды в партиях.

Второй вопрос тоже некорректен. КПРФ не нуждается в рабочем классе. За почти четверть века своего существования она ничем не доказала свою нужду в рабочем классе и не стала пролетарской по своему составу. Его классовых стратегических целей определить не смогла. Она начинала с поворота в сторону надклассовой идеологии государственного патриотизма. Без каких-либо оснований и изучения в её первой программе появилась буржуазная "теория устойчивого развития". О рабочем классе упоминалось лишь то, что "...складывается передовой отряд, ядро современного рабочего класса. Дальнейшее пополнение его рядов всё новыми и новыми категориями трудящихся, развитие его лучших качеств и будут означать постепенное изживание классового деления общества. В этом обновляемом содружестве людей труда коммунисты находят свою социальную базу"[4].

Действующая программа КПРФ эти порочные фантазии – "теорию устойчивого развития" и "постепенное изживание классового деления общества" – сняла, однако особой нужды в рабочем классе не показала, задач по отношению к нему не сформулировала и его стратегических целей не обозначила. "Капитализм сам создает предпосылки для установления более совершенного общественного строя, – говорится в ней. – Главная материальная основа неизбежного наступления социализма состоит в обобществлении производства". И т.д.

Убежденность, что "капитализм сам создает предпосылки", а "социализм неизбежно наступает", снимает даже мысль об обязанностях партии перед классом. Идей, обращённых к классу, и раскрывающих его перспективы, так и не появилось. Вместо этого КПРФ взяла курс на решение "русского вопроса". "Русский социализм – ответ на русский вопрос" стал её руководящей идеей. Не будем здесь отвлекаться на критику этой пустышки, которую за много лет не удалось наполнить никаким внятным смыслом. Однако пока КПРФ блуждала под знаменем "русского социализма", ей недосуг было заметить существование рабочего класса и понять его текущие, тем более коренные интересы. Последние, неоднократно помянутые на VI пленуме, они так и остаются "terra incognita" для коммунистов.

Нужно быть доктором философии, чтобы не видеть ответ "нет" на первый вопрос. Нужно быть лидером партии, живущей за счёт государственного бюджета, получающей из него 1 миллиард 340 миллионов рублей ежегодно, и потому обязанным отработать деньги охмурением класса, чтобы скрывать ответ на второй вопрос.

Отвечая на собственные вопросы, Зюганов заявил: "Рабочий класс является для КПРФ той социальной базой, которая предъявляет к коммунистам высокие требования и помогает партии противостоять оппортунизму и реви-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 1. – С. 113.
[2] Ленин В.И. ПСС. – Т. 12. – С. 137.
[3] Ленин В.И. ПСС. – Т. 24. – С. 37.
[4] КПРФ в резолюциях – М., 1999. – С. 99.

зионизму. Рабочие – главная социальная группа, которая способна оценить достижения и успехи Коммунистической партии, указывать ей на недоработки и ошибки. Отношение рабочих к Компартии, как лакмусовая бумажка, определяет её верность марксистско-ленинской идеологии и своему исконному предназначению".

Здесь лидер КПРФ неосторожно запустил руку в сокровищницу марксизма, но вытащил из неё свидетельство о. ..нищете мысли. Два последних предложения – это изощрённое издевательство над здравым смыслом и наукой. На месте правящего режима и за них бы тоже орденок дать, а в наградном документе написать: за уничижение марксистско-ленинской теории коммунистической партии и теории о всемирно-исторической миссии пролетариата.

Поясним. Коммунистическая партия, являясь организационным выражением революционной воли пролетариата, появляется на той стадии развития рабочего класса, когда его социально прогрессивные и социально реакционные потенции вступают в борьбу между собой. Обе они порождаются естественной объективной закономерностью действия экономических сил. Отсюда коммунистической партией является лишь та, которая в политике защищает коренные интересы рабочего класса, но защищает и от него самого. Только не забывая об этом можно послойно снимать противоречия существования рабочего класса. Предназначение коммунистической партии в том, чтобы осознать трагизм положения рабочего класса, который идеологически никогда не может отрешиться от почвы капитализма, которой он порождён и которой "генетически запрограммирован", и придать его революционной потенции *направленность и цель*. Эти последние не появляются в результате спонтанного творчества хотя бы и лучших представителей класса. Их порождает не борьба класса как таковая, а социальная наука, которая существует вне класса. Наука на этом этапе становится одной из главных движущих сил борьбы класса, но её развитие – удел не класса, а групп партийной интеллигенции. В силу этих причин и незнания науки рабочий класс не может указывать партии на недоработки и ошибки. Он может верить или не верить ей, но по причинам, лежащим вне противостояния оппортунизму и ревизионизму. Сама мысль поручить классу борьбу с оппортунизмом глубоко порочна и возмутительно нелепа.

Для сравнения напомним, что программы РСДРП и РКП(б), а также программа Коминтерна формулировали отношение партии к рабочему классу совершенно иначе. В программе РСДРП (1903 год), сказано: "Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и равно выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета и капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата"[1].

Вторая программа РКП(б) 1919 года, действовавшая до 1961 года, этот абзац из первой повторила дословно. Лишь слова "международная социал-демократия" были заменены на "международная коммунистическая партия"[2]. Повторение слов "сделать пролетариат способным" партией, уже завоевавшей власть и уже международной означает, что отношение к классу осталось прежним.

Слов "сделать пролетариат способным" более чем достаточно для понимания, что большевизм исходил из факта признания рабочего класса силой не только разрушающей капитализм, но и силой его стабилизирующей. Цепи отчуждения, в которых пребывает пролетариат, могут быть разорваны только силой его собственного прозрения, но оно не рождается внутри самого класса. Задача партии виделась в том, чтобы, закрепив политическую победу над буржуазией, создать условия для начала следующего этапа социальной революции, для победы рабочего класса над собой.

Имеет смысл вспомнить и программу Коминтерна 1928 года, которая обязывала коммунистов всех стран понять, что "роль организатора нового человеческого общества предполагает культурное вызревание самого пролетариата, переделку им самим своей собственной природы, постоянное выделение им новых кадров, способных овладеть всеми средствами науки, техники и управления в целях строительства социализма и новой социалистической культуры".

Необходимость переделки "собственной природы" была объяснена тем, что "будучи в капиталистическом обществе классом, экономически эксплуатируемым, политически угнетенным и культурно задавленным, рабочий класс лишь в переходный период, лишь после завоевания им государственной власти, лишь разрушая буржуазную монополию образования и овладевая всей наукой, лишь на опыте величайшей строительной работы переделывает свою собственную природу"[3].

Как видим, Зюганов предлагает решать задачу обратную – переделывать с помощью рабочего класса природу коммунистической партии. Он предлагает не поднимать класс до научного знания, а науку проверять *мнением* масс. И делает это, несмотря на отсутствие фактов подтверждающих саму такую возможность.

Зюганов постоянно произносит слова, которые в его докладе оправданы только тем соображением, что "любовь народная есть сила, заключающая в себе нечто съедобное" (Щедрин). В докладе появились такие слова: "Велик опыт большевиков в противостоянии всевластию капитала.. .. Освоение этого наследия превращается сегодня из теоретической задачи в практическую потребность.. .. Предстоит сформировать новое поколение политических вожаков – тех, кто возьмёт на себя бремя преодоления капиталистической реставрации, кто станет частью и авангардом массового рабочего движения".

Большевики – имя в народе славное, почетное. Как не попользоваться. Однако зря помянул их всуе лидер КПРФ. Сам подставился и партию под сравнение подставил. Воспользуемся случаем.

Начинался большевизм с ответа на тот самый вопрос, который вынесен на VI пленум КПРФ, и оказался камнем преткновения для нашего доктора философии.

---

[1] КПСС в резолюциях – М., 1970. – Т. 1. – С. 62.
[2] КПСС в резолюциях – М., 1970. – Т. 2. – С. 39.
[3] Коминтерн в документах – М., 1933. – С. 27, 28.

Ответ был рождён в жесткой полемике между Лениным и Плехановым.

В 1904 году в статье "Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция" Плеханов вопрошал: "...Откуда взял он [Ленин – В.Г.], будто "история всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское"? Она ни о чем подобном не "свидетельствует". Она показывает совсем не то, что увидел в ней Ленин. Да оно и неудивительно. Если верно то коренное положение исторического материализма, которое гласит, что *"мышление"* людей определяется их *"бытием",* и если не обманывает нас та основная теорема научного социализма, которая говорит, что социалистическая революция явится необходимым следствием противоречий, свойственных капитализму, то ясно, что на известной стадии общественного развития рабочие капиталистических стран пришли бы к *социализму* даже в том случае, если бы они были предоставлены своим собственным силам. Маркс и Энгельс прекрасно понимали и выясняли это. Еще в 1845 году Маркс, споря с Бруно Бауэром, указывал на то, что пролетариат, как пролетариат, т.е. в силу своего положения в капиталистическом обществе, вынужден будет прийти к отмене частной собственности, т.е. совершить социальную революцию".

Здесь же Плеханов уточнял: "Спорный вопрос заключается именно в том, существует ли такая экономическая необходимость, которая вызывает у пролетариата "потребность в социализме", делает его "инстинктивным социалистом" и толкает его, – даже в том случае, когда он предоставлен "собственным силам", – на путь социалистической революции, несмотря на упорные и беспрерывные усилия буржуазии подчинить его своему идейному влиянию. Ленин отрицает это, вопреки ясно выраженному мнению всех теоретиков научного социализма. И в этом заключается его огромная ошибка, его теоретическое грехопадение..."

Отсюда ясно, что Плеханов носителем социалистической идеи, хотя и несколько заторможенным из-за тяжких условий бытия, считал сам рабочий класс. Он исходил из того, что по мере хода истории нарастают социально прогрессивные потенции рабочего класса. Социалистическую революцию он видел естественным результатом этого процесса. Поэтому партию видел как пропагандистскую организацию, способную ускорить рост классового сознания пролетариев. Задачи партии представлялись не выходящими за пределы переходного периода от капитализма к социализму.

Ленин исходил из того, что в рабочем классе всегда присутствуют потенции социального регресса. Носителем социалистического сознания по этой причине он считал пролетарскую партию. Выработка классового сознания есть её долг, обязанность и предназначение. Сам пролетариат на это в принципе не способен. Когда выплеснется поток социального гнева и возникнет революционная ситуация, предугадать нельзя, но обеспечить с помощью партии победу потенций социального прогресса можно. Понимание партией противоречий класса, предвидение на этой основе вариантов его поведения – относительная гарантия этого. Необходимость партии, считал Ленин, сохраняется далеко за пределами переходного периода, вплоть до победы пролетариата над собственным способом присвоения.

Этот спор осложнялся и ужесточался множеством производных и конкретных вопросов, и предопределил остроту борьбы в РСДРП на годы после рождения партии. История 1917 года приняла ленинское доказательство "основной теоремы научного социализма", и показала "грехопадение" его противников. Ленин и большевики возглавили социалистическую революцию. Плеханов и меньшевики выступили вместе с её ярыми врагами. Но сам вопрос и после того возникал вновь и вновь в новых обличьях. Как видим до сих пор.

Судя по сказанному Зюгановым в докладе, он совмещает эти непримиримые позиции. Полагаем, по незнанию ни той, ни другой. Иначе бы понял, что как сидеть меж двух стульев опасно для некоторых частей тела, так выводы Плеханова доказывать цитатами из Ленина опасно для реноме. А будь озабочен ещё и судьбой пролетариата, то начинал бы и продолжал бы строительство КПРФ с изучения доказательств "основной теоремы" марксистской науки.

Ленинское доказательство "основной теоремы" привело к появлению большевизма. Он стал исключительным и доныне непревзойдённым по эффективности субъектом всемирного политического действия, обусловившим великие достижения в освободительной борьбе российского и мирового рабочего класса в XX веке; первым, и пока единственным актором мировой истории, сумевшим теорией марксизма предсказанную возможность и необходимость революционного перехода от социальных систем, где "общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно" сменить реальностью социалистического общества, где те же силы в руках ассоциированных производителей начали превращаться из "демонических повелителей в покорных слуг".

Менее двадцати лет потребовалось большевикам, чтобы стать самой влиятельной политической силой в царской России, возглавить социалистическую революцию, установить в стране диктатуру пролетариата, защитить её завоевания в гражданской войне и в войне с интервентами, и основать Коммунистический Интернационал – единую мировую коммунистическую партию. "Большевизм, если даже рассматривать его лишь как дерзновенную попытку, без которой конечный успех был бы просто невозможен, все равно заслуживает благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества", – так оценил достижения большевиков за два года их пребывания у власти Бертран Рассел, английский лорд и Нобелевский лауреат в предисловии к своей книге "Практика и теория большевизма". Она вышла после вояжа философа в Советскую Россию в 1920 году и часовой беседы с Лениным.

В последующие тридцать пять лет большевизм сумел осуществить великие социально-экономические преобразования в интересах трудящихся. В их далеко не полном перечне:

- воссоединение народов распавшейся империи в единое государство – СССР;
- преодоление его отставания на 50-100 лет в экономическом и технико-технологическом развитии от развитых стран капитализма;
- уничтожение в военном и идеологическом противостоянии ударной силы мирового империализма – фашизма;
- стремительное послевоенное восстановление народного хозяйства и быстрый рост благосостояния народа;

- выход СССР к началу 50-х годов на самые передовые рубежи научно-технического прогресса и обеспечение военного паритета с лагерем империализма.

Большевиками же была создана мировая система социализма и оказано самое всестороннее положительное влияние на социальный прогресс всего человечества. Эти факты очевидны и неоспоримы. То, что Б. Расселу виделось "дерзновенной попыткой", в успех которой он не верил, оказалось вполне реалистичным научно обоснованным проектом, в целом давшим ожидаемые результаты. К середине XX века перспективы капитализма выглядели мрачно.

Ленин определил большевизм как течение политической мысли и как политическую партию одновременно[1]. Как течение мысли большевизм отличало "применение революционного марксизма к особым условиям эпохи"[2], как партию – особенные принципы организации. Большевизм появился в эпоху идейной смуты в среде социал-демократов России, но вышел из неё в высокой степени готовым к грядущей революции, выявил её содержание и движущие силы, сам стал её субъективным фактором, обеспечив перерастание революции из буржуазной в пролетарскую.

Большевизму был присущ безупречный научный анализ противоречий развития своей страны и всего мира, способность усилиями партии поддерживать развитие революционной теории, адекватно отвечавшей на вызовы времени, что придавало его политике целеустремлённость, последовательность и результативность. Никогда до и никогда после большевизма не существовало столь полного единения коммунистической науки с политической партией. Важнейшей чертой большевизма была непримиримая борьба с оппортунизмом и ревизионизмом в рядах российской и европейской социал-демократии, а позже в советском и мировом коммунистическом движении. Им были доказаны великие возможности пролетарской классовой борьбы при условии руководства ею авангардом, воплощающим в себе единство революционной теории и адекватной ей организации. По результатам большевизм являет собой организационный идеал и по праву стал эталоном коммунистической партии.

Нет, не стоило бы Зюганову упоминать о большевизме в целях самосохранения. Жалкой выглядит КПРФ на его фоне, и бесчестными уверения лидера, что "ленинизм остаётся источником нашей силы, ленинская методология помогает нам понять сущность политической борьбы в современных условиях, выработать верную стратегическую линию. Это наше главное преимущество в тяжелом противостоянии силам реакции, пытающимся повернуть историю вспять"[3].

"В том, что у рабочего класса неразвито политическое сознание, есть и наша вина. Работа партии по внесению в массы социалистического сознания явно недостаточна" – признал в докладе Зюганов. Вроде бы признал грех перед классом, но со словечком "недостаточна" признание получилось в духе той девушки, считавшей свой грех очень маленьким, потому что родила она очень маленького ребеночка.

На самом деле вина громадна. КПРФ нечего вносить в массы. Скажем даже так: чем меньше своего она "внесёт", тем лучше будет классу. Если бы партия имела социалистическое сознание, то знала бы, что носителем классового сознания являются не массы, а коммунистическая партия, овладевшая революционным марксизмом. В истории это доказано большевизмом, не ждавшим манны небесной в виде развитого классового сознания, а сумевшим дать много более темным массам, чем ныне, перспективу и цель в неизмеримо более сложных условиях. Другое дело, что момент революции, зависит не от пропагандистских усилий партии, а от появления революционной ситуации.

Сегодня сознание класса тоже существует, но в форме морального отторжения бюрократизированных и оторванных от масс продажных и контрреволюционных по сути разного рода партийных структур, слишком часто переходящих на службу режиму. Пока КПРФ одна из них, пока являет собой специфическую часть буржуазного государственного аппарата, получающую "зарплату" из казны, пока поднимает к руководству собой чудищ безграмотности, пока порождает отупение и немоту низов, рабочий класс обходился, и будет обходиться без неё. Даже в случае социального взрыва, как это случилось на Украине, где КПУ оказалась влиять на массы.

Нет худа без добра. Помянув большевиков, Зюганов указал тем самым, что проблема не в поиске вожаков, а в сложившемся типе коммунистической партии. Большевики стали большевиками, поскольку хорошо понимали, что условием выполнения партией своих функций является наличие адекватных им организационных форм. И создали их. Не отсутствие вожаков, а организационные принципы и структуры КПРФ, не позволяющие им появляться, – вот что должно было быть главным вопросом доклада.

Сказав, что освоение большевистского наследия "превращается сегодня из теоретической задачи в практическую потребность", Зюганов ещё раз подтвердил непонимание смысла произносимых их слов. Главным средством, превратившим большевизм в то, чем он был, являлась идейная фракционная борьба. Зюганов думает иначе: “История борьбы с фракционностью в КПРФ, а сегодня мы уже с полным основанием можем говорить, что такая история сложилась, требует от нас анализа произошедшего. И, в частности, научного изучения фракционности как определенного явления в недрах российского коммунистического движения. Причем цель такой работы сегодня не связана с ведением какой-либо дискуссии с фракционерами, которая просто бессмысленна“[4].

За словами Зюганова угадывается очень давняя традиция считать, что "в борьбе за власть батальоны партии с железной дисциплиной – залог победы", что "партийная дисциплина неразрывно связана с идейным единством коммунистических рядов", что основными организационными принципами коммунистов являются демократический централизм и запрет фракционности. Поскольку успехи КПРФ велики только в поддержке режима, то поневоле засомневаешься, что большевики совершили свой исторический подвиг, пользуясь этими методами партстроительства в условиях капитализма. Факты и логика марксизма усиливают сомнения.

В основу партийного строительства большевиков была положена марксистско-ленинская теория коммунистической партии. Большевизм был не только результатом применения этой теории, но и способом её развития. Партия понималась не как статичный субъект, а как

[1] См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 6.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 13.
[3] Зюганов Г.А. "Ленин, Сталин, Победа!" – Москва: ИТРК, 2010. – С. 8.
[4] Зюганов Г.А. Смотреть вперед. – М., 2004. – С. 57.

процесс, идущий борьбой противоречий "в полном соответствии с законами диалектического развития"[1]. Борьба противоречий в партии есть “мотор“ и условие её развития.

"В России, – говорил Ленин, – полное отделение революционно-социал-демократических пролетарских элементов от мелкобуржуазно-оппортунистических подготовлено всей историей рабочего движения. Самую плохую услугу оказывают те, кто отмахивается от этой истории и, декламируя против "фракционности", лишает себя возможности понять действительный процесс образования пролетарской партии в России, складывающейся в многолетней борьбе с различными видами оппортунизма"[2].

"Действительный процесс образования пролетарской партии" – вот ключевые слова при попытках понять феномен большевизма. Что за ними? Для Ленина совсем не всегда и *не всякое* проявление фракционности было злом. Дооктябрьский период – это время постоянной фракционной борьбы большевиков, благодаря которой стали возможны их великие политические и научные достижения. “Пусть на деле будут у нас единые организации партии с чисто идейной борьбой различных течений… внутри них. <…> …Мы должны добиваться полного и последовательного осуществления этого организационного идеала“, – звал Ленин[3]. В 1906 году на IV (объединительном) съезде, в разгар первой русской революции, большевики заявляют: "Против тех решений съезда, которые мы считаем ошибочными, мы должны и будем идейно бороться"[4]. "…Долг всякого социал-демократа стремиться к тому, чтобы идейная борьба внутри партии по вопросам теории и тактики велась как можно более открыто, широко и свободно, но чтобы она ни в каком случае не нарушала и не затрудняла единства революционных выступлений…"[5]. Это единственное ограничение масштабов борьбы, которое большевики признают.

Считать *всякую* фракционность злом есть ещё большее зло. Отказ от идейной борьбы внутри партии реакционен даже во имя единства. Энгельс однажды заметил, что единство партии "прекрасная вещь, пока возможно, но есть вещи поважнее единства"[6]. Какие? – Сама возможность существования партии как коммунистической. Летом 1909 года, когда большевики были меньшинством в партии, совещание редакции газеты "Пролетарий" (в то время Центральный Орган) принимает написанный Лениным документ. В нем говорится: "Большевизм представлен у нас большевистской *фракцией* партии. Фракция же не есть партия. Партия может заключать целую гамму оттенков, из которых крайние могут даже резко противоречить друг другу. …В партии фракция есть группа единомышленников, составившаяся с целью влиять, прежде всего, на партию в определенном направлении, с целью проводить в партии в возможно более чистом виде свои принципы. Для этого необходимо действительное единомыслие. Это различие требований, предъявляемое нами к единству партии и единству фракции…" (курсив документа)[7]. И далее: "Речь ни в коем случае не идет, само собой разумеется, о каком-то растворении большевистской фракции в партии… Большевистская фракция как определенное идейное течение в партии должна существовать по-прежнему"[8].

Как видим, отнюдь не к беспощадности к фракционерам стремились большевики, но к единству политических действий. Для них фракционность была проявлением либо ортодоксии и верности принципам марксизма-ленинизма, либо теории и практики оппортунизма. Ленин исходил из того, что фракционностью может быть неизбежная реакция здоровых сил партии на ее оппортунистическое перерождение в условиях, когда в партии побеждает антинаука в любом её виде: ревизионизма, догматизма, вульгаризации марксизма и т.д. Для ленинцев существование фракции оправдано верностью марксизму, следовательно, коренным интересам трудящихся и всего общественного прогресса. Единство партии здесь вторично.

Есть немало людей, объясняющих победы большевизма *победой над* оппортунизмом. Полагаем эту точку зрения крупной ошибкой, тем более опасной, что она опирается на давнюю традицию. "...При каждом повороте в развитии классовой борьбы, при каждом обострении борьбы и усилении трудностей разница во взглядах, в навыках и настроениях различных слоёв пролетариата должна неминуемо сказаться в виде известных разногласий в партии, а давление буржуазии и её идеологии неминуемо должно обострить эти разногласия, дав им выход в виде борьбы внутри пролетарской партии"[9], – считал Сталин. Эта мысль верна и применительно к современности. Возрождение оппортунизма – это автохтонный процесс, это часть жизнедеятельности партии. Причиной успехов коммунистов является не окончательная победа над оппортунизмом, которой не может быть, а постоянная борьба с ним.

Она невозможна без организационных условий. Ленин, например, считал необходимым "не только гостеприимно открывать страницы партийного органа для обмена мнений, но и давать возможность систематически излагать даже "догмы ревизионизма", "чтобы дать возможность всей партии взвесить глубину или незначительность разногласий". Для обеспечения свободы мнений он призывал "сделать все возможное – вплоть даже до некоторых отступлений от красивых схем централизма и от безусловного подчинения дисциплине"[10].

"На вопрос: "чего не делать?" (чего не делать вообще и чего не делать для того, чтобы не вызвать раскола), – писал он, – я ответил бы прежде всего: не скрывать от партии возникающих и нарастающих поводов к расколу, не скрывать ничего из тех обстоятельств и происшествий, которые являются такими поводами. Более того, не скрывать не только от партии, но, по возможности и от сторонней публики". И далее: "Пора… в партии, опирающейся на массы, – выдвинуть решительный лозунг: *побольше света,* пусть партия знает *все*, пусть ей будет доставлен *весь,* решительно *весь материал* для оценки всех и всяческих разногласий, возвращений к ревизионизму, отступлений от дисциплины и т.д."[11]. И это о партии подполья, о партии вне закона! Для Ленина опасность была не в том, что будет внутрипартийная полемика и идейная борьба, а в том, что их не будет.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 35. – С. 312.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 264.
[3] Ленин В.И.. Полн. собр. соч. – Т. 13. – С. 61.
[4] КПСС в резолюциях. – Т. 1. – С. 169.
[5] КПСС в резолюциях. – М., 1970. – Т. 1. – С. 166.
[6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 35. – С. 320.
[7] КПСС в резолюциях. Т. 1. – С. 268-269.
[8] КПСС в резолюциях. Т. 1. – С. 271.
[9] Сталин И.В. Соч. – Т. 9. – С. 11.
[10] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 8. – С. 94.
[11] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 8. – С. 94-95.

Поскольку борьба с оппортунизмом является закономерностью *развития* партии, то у неё не может быть конечного результата. Оппортунизм нельзя победить методом исключения членов. Как известно, пиррова победа была не триумфом, а трагедией победителя – он остался без армии. Партийная армия создается только идейной борьбой. Отметая ее железной рукой запретов *всякой* фракционности, как Зюганов, он претендует на печальную славу древнего царя побежденного своей победой. Если бы он был честен с собой, то признал бы, что отсутствие вожаков после двадцати лет существования партии есть закономерное следствие организационных принципов. В партии, где ничто и никогда не обсуждается, а если обсуждается, то формально и в кулуарах ЦК, никто и никак не может заявить о себе перед партией.

Если считать злом *всякую* фракционность, что предлагает лидер КПРФ, то, как это ни парадоксально, "фракционер" Ленин и вся фракция большевиков были бы изгнаны из КПРФ за нарушение программы и на основании её устава. Не будь Ленин главным фракционером в истории коммунистического движения России, не было бы ни самого движения, ни социалистической России. Понять роль фракционности значит объяснить успехи большевиков в первой половине XX века, и их утрату во второй.

Диалектика существования коммунистической партии такова, что внутреннее препятствие (оппортунизм), создающее невозможность полного развертывания её положительных потенций, одновременно выступает в качестве условия необходимого для их реализации. Это не парадокс и не оговорка. Когда убирается препятствие, внутреннее противоречие, когда прекращается идейная борьба, то в итоге получается не бесконечный импульс к позитивному развитию, а наоборот, исчезает критерий отбора, который порождал, и которому одновременно мешал оппортунизм. Научный и политический потенциал, рождающийся в борьбе с оппортунизмом, не проявляется вне борьбы с ним; он рассеивается втуне. Это не значит, что нужно поощрять оппортунизм. Наоборот, с ним нельзя прекращать борьбу.

Борьба с оппортунизмом была самым мощным оружием большевиков в период подготовки социалистической революции. Не единственным, конечно, но самым мощным. Результатом бесчисленных и жестких идейных схваток с оппортунизмом стала когорта из "нескольких тысяч вполне своих" (Ленин). Они посвятили свои жизни изучению политических и экономических наук; на практике досконально исследовали все проблемы революции; в неравном поединке с царской властью, пройдя через каторги, ссылки и изгнания, воспитали в себе характер, твёрдый как сталь, и обрели четкое и ясное сознание лежащей на них ответственности и за дело, и за каждое слово. Борьба с оппортунизмом была для них как разведка боем на фронте. Ею была вскрыта система идейного сопротивления врага, все его опорные и огневые точки. Интеллекту, отточенному в этих схватках, никто не мог противостоять. В них же появлялось умение превращать темные, забитые и бессознательные массы в мощную и целеустремлённую силу в дни национальных кризисов. 1917 год доказал, что фракционная борьба была не напрасной.

В период Гражданской войны, организационные принципы дооктябрьского периода вынужденно были заменены милитаризацией партийных структур, а метод споров и обсуждений сменился методом отдачи боевых приказов. Новые методы тоже обеспечили победу, однако после неё быстро обнаружились новые противоречия развития партии: централизация развивала тенденцию к бюрократизации; система боевых приказов принимала извращённые формы ненужного нажима; необходимое свёртывание партийных органов вело к ослаблению духовной жизни партии, а оно, в свою очередь, к внутреннему партийному кризису.

Его предотвратила резолюция X съезда РКП(б) "О партийном строительстве". Ею был сформулирован один из главных постулатов теории партии. Он гласит: “партия революционного марксизма отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса формы партийной организации, а равно и методов её работы. Наоборот, форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают. …Всякая организационная форма и соответствующие методы работы могут с изменением объективных условий развития революции превратиться из форм партийной организации в оковы этого развития; и обратно, сделавшаяся негодной организационная форма может снова стать необходимой и единственно целесообразной при возрождении соответствующих условий“[1].

КПРФ никогда не была озабочена вопросом о соответствии этих форм быстро меняющимся задачам.

Победа контрреволюции, первоначальное накопление капитала путем массового ограбления народа и присвоения новой буржуазией общенародной собственности и т.д. – вот череда, которая не нашла никакого отражения в организационных формах КПРФ. Впрочем, последние слова не вполне верны. В её уставах появилась обязанность финансово отчитываться перед государством, допускать на свои мероприятия государственных контролеров, а также меры по укреплению партийной бюрократической властной вертикали и сужению партийной демократии. Сегодня КПРФ превращена в электоральную машину, лишь на словах озабоченную задачами классовой борьбы и идейно-политической подготовкой своих членов, уже не имеющих представления о марксистском учении.

Завершая статью, признаемся, при чтении доклада не шла из головы сказка Андерсена "Новое платье короля". Она о том, что собственная дурь и свита так заморочили голову тщеславному властителю некоего королевства россказнями о ткани, обладающей чудесным свойством становиться невидимой для всякого человека, который не на своем месте сидит или непроходимо глуп, что оказался он голым в торжественном шествии. Все были в совершенном восторге от платья из неё. "Это великолепно! Чудесно! Превосходно!" – только и слышалось со всех сторон. Пока, наконец, малый ребенок не воскликнул прилюдно и недоуменно: "А король-то голый!" Король и сам это понял, но выступал еще величавее, свита несла за ним шлейф, которого не было, а толпа лишь глухо роптала. Грустный конец.

Но хорошая иллюстрация доклада. "Платье" из новых в лексиконе Зюганова слов не одевают, а раздевают его. Не доклад, а стриптиз получился, однако. К сожалению, остаются восхищенная лидером свита, бессильные пленумы, угрюмая партия, пока не реагирующая на непотребство. И нет в ней «смышлёного ребенка».

---

[1] КПСС в резолюциях. – М., 1970. – Т. 2. – С. 206.

К истории политэкономического термидора в СССР. К пятидесятилетию проекта ОГАС[1]
Кибернетика и коммунизм.

В.В. Пихорович

Имя В.М. Глушкова было известно практически всем его современникам. Не так уж много советских ученых удостоилось такой популярности: Королев, Курчатов, Патон-старший, – вот, пожалуй, и все. Причина такого всенародного почитания – даже не научные достижения сами по себе, были ученые, у которых они были никак не меньше. Причина в том, что, будучи крупнейшими величинами в своих отраслях науки, эти ученые, кроме этого, оказались еще и на самом переднем крае борьбы между социализмом и капитализмом. Каждый на своем участке, они обеспечивали нашу обороноспособность и способность не отстать в экономическом соревновании[1].

Но даже среди этих людей Глушкова следовало бы выделить особо. В.И. Ленин в работе «О едином хозяйственном плане», рассуждая о неумении многих коммунистов-руководителей организовать работу буржуазных специалистов в рамках плана ГОЭЛРО, призывал помнить, «…что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки, что по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т.д. Коммунист, – продолжает дальше Ленин, – не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца»[2]. Конечно, за десятилетия Советской власти положение изменилось. «Буржуазных специалистов» в старом смысле слова больше не осталось. Подавляющее большинство крупных ученых сами были членами партии. Но проблема сама по себе не исчезла, а только видоизменилась.

Сегодня не нужно особо разъяснять, что быть членом коммунистической партии и быть коммунистом – далеко не одно и то же. Одно дело – «признавать» коммунизм (в 50-е-60-е годы даже самые лютые враги Советской власти не могли позволить себе сомневаться в его неизбежности), и совсем другое – самому **реально быть** коммунистом. Ведь каждому отдельному человеку все равно нужно было до него «доходить по-своему». Членов партии среди ученых тогда было очень много, но для подавляющего большинства из них это было скорее «общественной нагрузкой», не связанной непосредственно с их научными занятиями. Большинство из них становились членами партии еще до того, как они становились учеными, а из тех, кто вступал в партию, уже достигнув в науке определенного положения, немалая часть руководствовалась при этом далеко не научными, а, например, карьерными соображениями. Во многом коммунизм и специальные науки все годы социализма так и продолжали существовать отдельно, соединяясь скорее организационно, чем идейно.

Видимо, будучи натурой цельной и последовательной, привыкнув до всего доходить своим умом (именно умом, а не просто чувствами), не умея и не желая фальшивить в принципиальных вопросах, Глушков чувствовал искусственность и некоторую натянутость такого положения вещей. Скорее всего, именно поэтому членом партии он стал довольно поздно, в 1958 году, уже будучи руководителем Вычислительного центра АН УССР, который имел статус научно-исследовательского института.

Но даже в это время настоящее научное «признание» Глушковым коммунизма было еще впереди. По-настоящему, «через данные своей науки», В.М. Глушков пришел к коммунизму двумя-тремя годами позже. К 1962 году он был полностью уверен, что настоящее применение кибернетики как науки – в управлении плановой социалистической экономикой. Только здесь она реализует себя в полную мощь.

Уже к началу 60-х годов стало очевидно, что планировать советскую экономику и эффективно контролировать исполнение планов из единого центра становится все труднее и труднее по причине катастрофического увеличения количества экономической информации, которую необходимо при этом обрабатывать.

Подавляющее большинство экономистов в это время склоняется к мысли о необходимости дальнейшей децентрализации управления, что неизбежно вело к необходимости усиления роли рыночных рычагов для управления хозяйством, то есть к возврату назад, к господству товарного хозяйства. В принципе, экономистов можно при желании понять. Ведь политическая экономия сама по себе не обладала средствами борьбы с назревающим кризисом управления. Выход мог быть найден исключительно на путях изменения технической базы управления.

В.М. Глушков был не первым в СССР, кто обратил внимание на необходимость применения вычислительной техники в управлении народным хозяйством. Еще в 50-х годах подобные идеи выдвигались некоторыми специалистами в области вычислительной техники, например А.И. Китовым, а также экономистами, в частности академиком В.С. Немчиновым.

Но именно В.М. Глушков оказался самым горячим энтузиастом этого дела и больше всего сделал для его реализации. Идея Общегосударственной системы автоматизированного управления (ОГАС) стала делом его жизни.

---

[1] *Из книги "Очерки истории кибернетики в СССР. М. URSS. 2014")*

[2] Ленин В.И. О едином плане хозяйственных работ - ПСС. - Т. 45. - с. 346.

Некоторые биографы В.М. Глушкова строят нехитрую концепцию, согласно которой идею ОГАС похоронила бюрократия, которая не была заинтересована во внедрении современных методов управления. Эта концепция подкупает своей простотой и очевидностью. Но это та простота, которая, как говорят, хуже воровства.

Глушкова в вопросе об ОГАС не очень понимали не только бюрократы, но даже ближайшие соратники, не говоря уже о так называемых «хозяйственниках» и экономистах. Его охотно признавали как крупнейшего организатора науки, как гениального ученого, то, что сам Глушков считал главным – ОГАС, многие считали его не очень серьезным увлечением, а то и просто, блажью. При этом такие люди считали себя очень практичными, а Глушкова – мечтателем. На самом деле этим «практикам» просто не хватало широты кругозора и, если хотите, фантазии. Глушков смотрел намного дальше, чем все специалисты. Он видел не только то, что есть, но и то, что будет. Мощности электронно-вычислительных машин, которые имеются сегодня, в сотни, тысячи и в миллионы раз превышают те, которые нужны были для организации ОГАС. Но эти мощности используются вовсе не с той целью, чтобы освободить человека от рутинного изнуряющего труда для творчества и развития своих способностей. Они используются в основном для усиления эксплуатации людей, для их дебилизации, для их морального и интеллектуального развращения, для усиления господства капитала над трудом.

Идея ОГАС выходила далеко за пределы не только кибернетики, но и за пределы науки как таковой. Это был тот случай, когда наука получала шанс во всеобщем масштабе превратиться в непосредственную производительную силу общества, а, соответственно, производительные силы получали шанс вырваться из стихии товарно-рыночных отношений и развиваться далее исключительно на научной, рациональной, разумной основе. Общество получало возможность осуществлять полную власть над своими собственными производительными силами и производить уже не «наобум Лазаря», а точно зная свои сегодняшние потребности и имея возможность прогнозировать их изменение на завтра и намного лет вперед. Притом можно было прогнозировать не просто возможности кошельков потребителей, а действительные разумные потребности людей и общества.

Когда разрабатывался план ГОЭЛРО, появился ленинский афоризм «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Сегодня ясно, что эта формула точно отражала специфику только первой фазы коммунизма. Вторая фаза – полный коммунизм был неосуществим без автоматизации управления социалистическим хозяйством. Увы, этого не смогли понять тогда – в середине 60-х.

Глушков мечтал о том, чтобы ОГАС получила такую же поддержку, как и ядерная и ракетная программа. Только усилий она бы потребовала побольше, поскольку затрагивала все отрасли хозяйства и общественной жизни вообще. Но и эффект от внедрения этой системы обещал быть небывалым. Здесь мы бы не просто оборонялись и догоняли США. ОГАС – это было оружие экономического и социального наступления, применение которого не оставляло капитализму никаких шансов в экономической борьбе с нами. Обгонять, не догоняя, – такой принцип предложил Глушков. Выставить какие-либо принципиальные возражения против ОГАС никто не мог. Но идею автоматизированного управления экономикой и не пытались рассмотреть с точки зрения принципов. Ее рассматривали в первую очередь с точки зрения выгоды. Она, конечно, обещала быть выгодной, но не скоро, да и неизвестно – получится или нет. Типичная точка зрения мелких лавочников. А тут нужно было принимать именно принципиальное решение. Не экономическое, а политическое, точнее политэкономическое. Глушков это ясно понимал. Не зря, отвечая на вопрос «Комсомольской правды»: «Какое ленинское изречение, какую ленинскую мысль вы помните всегда», Виктор Михайлович сказал: «Мысль о том, что принципиальная политика есть единственно правильная политика. … Стараюсь всегда следовать этой мысли».

Эффективность ОГАС должна была измеряться совершенно не теми масштабами, которыми мыслили тогдашние экономисты-рыночники и управленцы послесталинской эпохи.

К слову сказать, Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР», говоря о рентабельности тогдашней социалистической экономики, писал, что рентабельность с точки зрения отдельных предприятий и отраслей производства не идет ни в какое сравнение с той высшей рентабельностью, которую дает социалистическое производство, избавляя нас от кризисов перепроизводства и обеспечивая нам непрерывный рост народного хозяйства с его высокими темпами.

Но идеи Сталина к тому времени уже были не в почете. Среди экономистов В.М. Глушкова полностью поддержал академик В.С. Немчинов, который, как уже упоминалось, сам раньше высказывал сходную идею. Но верх взяли экономисты-рыночники, среди которых оказались и ученики В.С. Немчинова. Собственно, экономическая реформа 1965 года означала не что иное, как официальное принятие рыночной ориентации в политической экономии. Противники усиления рыночных методов в экономике, те, кто старался усовершенствовать централизованное управление экономикой за счет внедрения современной техники и новых методов планирования, были вытеснены из сферы управления экономикой и фактически лишены влияния на политику партии и государства.

Отличительной чертой характера Глушкова была невероятная работоспособность и настойчивость в достижении поставленных задач: как тех, которые он ставил перед собой лично, так и тех, которые стояли перед коллективом, перед страной в целом. Впрочем, личное, коллективное и общественное в нем органически соединялись. Глушков умел растворяться в деятельности руководимого им коллектива. Но на такое способны хоть и далеко не все, но многие, что нередко приводит только к тому, что такого рода руководители интересы коллектива стараются поставить выше интересов общества. Глушков умел еще и деятельность своего коллектива всецело подчинить решению задач, стоящих перед обществом в целом. Но «подчинить» для него означало находиться на переднем крае, вести за собой, увлекать, заставлять двигаться вперед. В этом состояла коммунистичность В.М. Глушкова – не словесная, а действительная, практическая, деятельная.

Партия объявила, что коммунизм будет построен за 20-25 лет, и Глушков немедленно выдвигает идею ОГАС, включавшую в себя первоначально, кроме всего прочего, и систему безденежных расчетов населения. И это был не просто прожект. Все было продумано в

деталях: технических, экономических, даже психологических. Позже, уже в 70-х годах, в вошедших в книгу В. Моева «Бразды управления» беседах Виктор Михайлович расскажет о своей идее потребительских ассоциаций по месту жительства, которые за счет того, что все их члены друг друга знают лично, поскольку живут по соседству и каждый день встречаются, позволили бы как исключить стремление обмануть друг друга в условиях безденежного распределения, так и избежать кажущегося неизбежным при решении подобной задачи вмешательства в личную жизнь каждого отдельного члена общества. Продуман был и финансовый механизм постепенного перехода к безденежному распределению.

Увы, таких людей, как В.М. Глушков, не оказалось в достаточном количестве ни в руководстве науки, ни в руководстве партии. Даже не попробовав выполнять программу партии, за принятие которой они сами же единогласно голосовали, руководители партии сочли ее невыполнимой. Вместо того чтобы думать, как осуществить обещанное народу и что нужно предпринять для этого на тех или иных участках общественной жизни, руководство партии думало только о том, как облегчить себе жизнь, чтобы и руководить, и в то же время особо не напрягаться. Вполне понятно, что люди с таким настроем с большим энтузиазмом восприняли шарлатанские идеи экономистов-рыночников, утверждавших, что усиление рыночных стимулов в экономике автоматически разрешит все проблемы.

Если академика Глушкова его наука привела прямиком к «признанию коммунизма», то среди специалистов в области политической экономии почти что не оказалось таких, которых бы их наука вела туда же. Советских экономистов их «наука», наоборот, неумолимо тянула в болото товарности, рыночной стихии, по существу, к капитализму.

Все дело, наверное, в том, что не всякого ученого, специалиста вообще, его дело ведет к коммунизму. К коммунизму наука ведет только настоящих ученых и специалистов, которые умеют быть последовательными и настойчивыми, отдают всего себя своему делу, а дело ставят на службу прогрессу общества, а не просто превращают его в род бизнеса или, наоборот, тяжкой, ненавистной поденщины. К сожалению, в советских научных и хозяйственных низах таких преданных своему делу людей было гораздо больше, чем в научных и партийных верхах.

Впрочем, о партийных верхах и их отношении к науке – разговор особый. Дело не в том, что там не было ученых. Проблема была в том, что те, кто оказывался наверху, не хотели учиться. Особенно не желали овладевать именно той наукой, без которой немыслимо успешное управление в условиях социализма – марксизмом. Для них марксизм был скорее религиозным ритуалом, чем наукой.

Владей они хотя бы азами экономического учения Маркса, проповедников «рыночного социализма», провокаторов «экономической реформы 1965 года» никто бы и слушать не стал, поскольку с точки зрения экономического учения марксизма все это – совершенно безграмотная антикоммунистическая вульгарщина.

Впрочем, как знать, может, наоборот, это была хорошо продуманная тонкая игра внешнего противника. Вряд ли случайно со временем основные идеологи «реформы 1965 года» оказались за границей.

Если это была игра, то расчет был на одно – на марксистскую неграмотность руководства партии, да и партии в целом. В таком случае нам придется признать, что расчет этот полностью оправдался.

Огромное преимущество

В 2011 году в интернете появился русский перевод интереснейшей статьи сотрудника Института истории науки им. И. Ньютона при Массачусетском технологическом институте В. Геровича «Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть»[1].

Интересна эта статья именно тем, что это взгляд на ОГАС «оттуда». И этот взгляд окажется весьма неожиданным для многих, кто привык пренебрежительно относиться к достижениям советской экономики и науки.

Конечно, есть в этой статье и места типа «в 1953 году, когда умер Сталин, советская экономика "напоминала измотанное животное"»[2].

Но, видимо, как когда-то в брежневском СССР ученые обязательно в начале статьи или книги к месту и не к месту цитировали материалы очередного съезда КПСС, так в США даже самая умная статья об СССР обязательно должна содержать определенные ритуальные критические положения в адрес исследуемого предмета. Но даже самые завзятые советские «слава-капэсэсники» не позволяли себе пользоваться в научных трудах заведомо ложными данными. Поэтому вызывают удивление заявления типа «с 1959-го по 1964 год выпуск промышленной продукции неуклонно снижался» со ссылкой на все того же Judy R. Возможно, у этого самого Джуди свои собственные представления о статистике и научной добросовестности, но ведь В. Герович имеет добротное советское образование и должен понимать, что такие данные не могут соответствовать действительности. По советским официальным данным, выпуск промышленной продукции к 1965 году по сравнению в с 1958 вырос на 84%. Допустим, что уважаемый В. Герович по каким-то причинам не склонен доверять советской статистике. Это его право, хотя такое недоверие желательно обосновывать. Но разве это значит, что можно безоговорочно доверять данным этого удивительного Judy R.? Ведь они, как минимум, очень резко расходятся с тем, что говорил об этой эпохе в советской истории американский президент Кеннеди. Например: «Хоть кто-нибудь объяснил бы мне, как обогнать! Пусть это будет хоть дворник там

---

[1] http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-75-1-2011/8691-inter-net-pochemu-v-sovetskom-soyuze-ne-byla-sozdana-obshhenacionalnaya-kompyuternaya-set.html

[2] Так изволил оценить состояние советской экономики в 1953 году некто Judy R. The Soviet Economy: From Commissars to Computers // International Journal. - 1967. - Vol. 22. - P. 642. И это при том, что уже к 1950 году уровень промышленного производства в СССР превысил довоенный на 73 %, а в 1952 году среднегодовой прирост промышленного производства равнялся 10%. СССР к этому времени ликвидировал монополию США не только в области ядерного оружия, но и в области электронно-вычислительной техники. Интересно, как бы этот умник назвал состояние экономики США, которая, несмотря на то, что она невероятно разжирела на второй мировой войне, уже в 1948-49 году пережила серьезный кризис со спадом производства на 17%? Подъем 1950 года был связан в основном с войной в Корее, к концу которой американская экономика медленно вползла в очередной кризис, который длился еще дольше, чем предыдущий, и привел к падению производства на 9%.

у вас, если он знает, как! Для нас нет ничего более важного!».

Эти слова, если верить книге H. Sidey. Kennedy: a portrait of a President, произнес Кеннеди в конце апреля 1961 года на совещании с руководителями НАСА. Касалось это только полета Гагарина в космос, но очень несложно догадаться, что между полетами в космос и развитием промышленности существует некоторая связь. Прямо удивительно, что среди дворников НАСА не нашлось человека с уровнем мышления Judy R., который бы успокоил американского президента и разъяснил ему, что догнать СССР очень просто – нужно сначала довести экономику до «состояния загнанного животного», а потом организовать дело так, чтобы «выпуск промышленной продукции неуклонно снижался».

Но такие, ничем не обоснованные положения оценочного характера касательно советской экономики, которые встречаются в статье В. Геровича, вполне простительны, если учесть, что в статье идет речь о вещах весьма неприятных для гордых американцев, уверенных в том, что они всегда и везде были «впереди планеты всей», а в вычислительной технике – в особенности.

В данном материале автор рассказывает о советском проекте, который вполне мог поставить американцев в такое же неприятное положение, в какое их поставила советская космическая программа. Мало того, успешная реализация этого проекта могла оказать решающее влияние на исход соревнования между СССР и США в экономической области и сделать продолжение этого соревнования невозможным для США.

Вот какие свидетельства на этот счет приводит В. Герович:

«ЦРУ создало специальный отдел для изучения советской кибернетической угрозы. Этот отдел выпустил целый ряд секретных докладов, где отмечал, среди прочих стратегических угроз, намерение Советского Союза создать «единую информационную сеть» [7]. На основе докладов ЦРУ в октябре 1962 года ближайший советник президента Джона Кеннеди написал секретный меморандум о том, что «советское решение сделать ставку на кибернетику» даст Советскому Союзу «огромное преимущество»;

«…к 1970 году СССР может иметь совершенно новую технологию производства, охватывающую целые предприятия и комплексы отраслей и управляемую замкнутым циклом обратной связи с использованием самообучающихся компьютеров».

И если Америка будет продолжать игнорировать кибернетику, заключал эксперт, «с нами будет покончено» [8]»[1].

Возможно, в этих документах имеется некоторое преувеличение опасности, которую несло для США внедрение ОГАС в СССР, но оценка, что в случае реализации проекта эта угроза была бы именно стратегической, скорее всего, верна. Дело в том, что этой угрозе США ничего противопоставить не могли в принципе.

И не только по причине «игнорирования кибернетики», но и потому, что никакая кибернетика не в состоянии была сделать американскую экономику управляемой. Ведь для того, чтобы построить систему автоматизированного управления, мало иметь достаточное количество машин и правильно построенные информационные сети (машин в США всегда было гораздо больше, чем в СССР, да и правильное построение сети не могло составлять для них проблемы). Но между созданием общенациональной сети и созданием общенациональной автоматизированной системы управления экономикой общего не больше, чем между обращениями «милостивый государь» и «государь»[2]. Проблема состояла в том, что для того чтобы построить автоматизированную систему управления, необходимо, как минимум, определить объект управления. В отличие от СССР, где существовал единый народнохозяйственный комплекс, в США ничего подобного не было, а, соответственно, и управлять было нечем.

Разумеется, это вовсе не исключало внедрения автоматизированных систем управления теми или иными процессами, скажем технологическими, или, допустим, в сфере экономического учета, но и здесь автоматизация сталкивалась с неожиданными проблемами.

Так, согласно данным IFR[3] – международной федерации робототехники, по состоянию на 2005 год, на 10 000 человек, занятых в обрабатывающей промышленности, использовалось в Японии 352 робота, в Южной Корее – 173. 171 робот на 10000 занятых использовался в обрабатывающей промышленности Германии, в Италии – 130, в Швеции – 117. В Финляндии плотность составила 99. И аж за ней идут Соединенные Штаты с 90 роботами на 10 000 работающих в промышленности. Сразу за США шли Испания (89), Франция (84). В середине октября 2008 года по данным IFR, в промышленности Японии на десять тысяч рабочих приходилось 310 роботов, в Германии – 234, Южная Корея (185), США (116) и Швеция (115). Как видите, «плотность» использования роботов в Японии упала, в США же выросла, но значительно меньше, чем в Германии. В этом отношении США сильно отстают даже от Европы в целом. Если продажи индустриальных роботов в Европе за 2007 год выросли на 15%, то в США – на 9.

А ведь внедрение промышленных роботов и автоматизация производства, дающая возможность иметь «совершенно новую технологию производства, охватывающую целые предприятия и комплексы отраслей и управляемую замкнутым циклом обратной связи с использованием самообучающихся компьютеров» – это еще далеко не одно и то же. Можно с уверенностью сказать, что, идя по пути внедрения отдельных роботов и даже отдельных автоматизированных линий, в принципе невозможно достичь такой «совершенно новой технологии производства».

Что же касается внедрения собственно экономических автоматизированных систем управления, то здесь проблемы оказались еще более острыми.

Вот что пишет Стивен Зарленга, брокер, который находился на основной площадке нью-йоркской фондовой биржи в дни финансового кризиса 1987 года: «Некоторые крупнейшие фирмы с Уолл-Стрит осозна-

---

[1] Источники, на которые ссылается В. Герович, пронумерованы, как в его статье:

[7] Conway F., Siegelman J. Dark Hero of the Information Age: In Search of Norbert Wiener, the Father of Cybernetics. New York: Basic Books, 2005. - P. 318, 391.

[8] Arthur Schlesinger, Jr., to Robert Kennedy, 20 October 1962. Schlesinger Personal Papers. John F. Kennedy Library (Boston, Mass.). Box WH-7. «Cybernetics».

[2] В этой связи не может не вызывать удивления, что В. Герович, который явно очень хорошо понимает эту проблему, почему-то дал своей статье о проблеме построения Общегосударственной автоматизированной системы управления название, явно не отражающее ее истинное содержание.

[3] http://robots.steelsite.ru/robots_201110060929.php

ли, что не могут остановить свои заранее запрограммированные компьютеры, работающие по алгоритмам торговли деривативами. Мне рассказывали, что некоторым приходилось вырывать провода из электрической сети или обрезать их – ходили слухи, что кто-то даже использовал пожарные топоры с лестничных пролетов. Дело в том, что компьютеры нельзя было выключить, а они отправляли указания по покупке и продаже прямо на торговую площадку».

Правда, это, так сказать, эмпирический факт, хотя и весьма показательный. Но в дипломной работе студентки Московской высшей школы экономики А.Д. Романюхи «Оценка взаимосвязи между ипотечным кризисом в США и динамикой фондового рынка» (из которой мы позаимствовали этот сюжет) содержится и теоретическое обобщение, указывающее на принципиальную несовместимость автоматизированных систем управления и американской финансовой системы, которая единственная скрепляет бесконечное количество частных производителей и потребителей в некое подобие единого целого. Притом принадлежит оно не кому-нибудь, а Алану Гринспену – человеку, которому нельзя не доверять в этом вопросе, ибо именно он, будучи назначенным в том же 1987 году председателем совета управляющих федеральной резервной системы США, лучше всего разбирался в механике американского хозяйства. Вот что он пишет:

«Расширенные базы данных прямого доступа, широкие каналы связи, вычислительные и телекоммуникационные возможности позволяют получать информацию о состоянии рынка и кредитных особенностях практически моментально, что позволяет заемщику самостоятельно анализировать кредитоспособность, разрабатывать и применять сложные торговые стратегии хеджирования рисков. Это, – продолжил Гринспен, – наносит прямой ущерб кредитоспособности финансовых учреждений и одновременно ведет к появлению новых конкурентных преимуществ суррогатных ценных бумаг, таких, как коммерческие векселя, ипотечные бумаги и даже автомобильные займы»[1].

Конечно, Гринспен лукавит, когда обвиняет информатизацию в «появлении новых конкурентных преимуществ суррогатных бумаг». Разумеется, что спекуляции с деривативами, вследствие чего надуваются и лопаются огромные финансовые пузыри, возникли вовсе не вследствие введения информационных технологий, но то, что информатизация подрывает монополию банков на информацию о состоянии рынков, а соответственно, их монополию на финансовые махинации, – это факт. Именно забота о сохранении этой монополии банков и является основным и непреодолимым препятствием на пути внедрения общегосударственных автоматизированных систем управления в США, и именно она обрекает страну на периодические все усиливающиеся финансовые, кредитные, торговые и т.п. кризисы, которые в своей сущности являются кризисами управления, устранять причины которых – то есть полное господство транснациональных финансово-промышленных корпораций и конкуренцию между ними – в США никто никогда и не собирался. Поэтому кибернетика там игнорировалась, продолжает игнорироваться до сих пор, и, судя по всему, руководители США надеются, что смогут игнорировать ее и в будущем.

[1] Anderson, Jenny, Goldman Runs Risks, Reaps Rewards, The New York Times, June 10, 2007.

Впрочем, то, что кибернетика игнорировалась в США и других капиталистических странах, успели подметить уже классики кибернетики.

Вот как эту проблему видит Норберт Винер в книге «Кибернетика и общество»:

«Удел информации в типичном американском мире состоит в том, чтобы превратиться в нечто такое, что может быть куплено или продано.

В мою задачу не входит скрупулезный разбор того, является ли эта торгашеская точка зрения моральной или аморальной, невежественной или разумной. Моя задача состоит в том, чтобы показать, что эта точка зрения приводит к неправильному пониманию информации и связанных с ней понятий и к дурному обращению с ними»[2].

А вот как основатель кибернетики видит выход из ситуации:

«Выход один – построить общество, основанное на человеческих ценностях, отличных от купли-продажи. Для строительства такого общества потребуется большая подготовка и большая борьба, которая при благоприятных обстоятельствах может вестись в идейной плоскости, а в противном случае – кто знает как?»[3].

Стаффорд Бир:

«Мир богатых никогда не признавал кибернетику как инструмент управления и поэтому до смешного неверно к ней относился»[4].

Что касается К. Цузе, создателя первой работающей полнофункциональной программируемой в двоичном коде вычислительной машины, то он прямо заявлял о своем стремлении поставить компьютеры на службу социалистической экономике будущего. Совместно с Арно Петерсом[5] они разрабатывают идею «эквивалентной экономики», которую последний излагает в вышедшей в 2000 году книге с красноречивым названием «Компьтерный социализм. Беседы с Конрадом Цузе».

Конечно, можно предположить, что приведенные выше факты выбраны произвольно, а мнения отцов кибернетики были предвзятыми, но невозможно игнорировать тот факт, что после разрушения СССР, несмотря на невероятное увеличение мощностей компьютерной техники и на то, что компьютерными сетями фактически уже опутан весь мир, никто даже на ставит задачи использования всех этих возможностей для решения задач разумного управления развитием экономики и социальными процессами. И это, несмотря на то, что межкризисные периоды становятся все короче, а время кризисов все длиннее. Последний из них длится уже с 2008 года, но пока все говорят только о том, что дальше будет еще хуже.

Этот, как и все прочие кризисы, именуют поразному: сначала говорили, что это кризис ипотечный, потом, что кредитный, дальше финансовый, но очевидно, что в первую очередь – это кризис управленческий. Он свидетельствует, что такой инструмент управления, как «железная рука рынка», который худобедно, но справлялся со своими функциями в эпоху паровой машины, явно устарел, как устарела паровая машина, его породившая. Развитие науки и техники за

[2] Винер Н. Кибернетика и общество. - М., 1958. - С. 120.
[3] Винер Н. Кибернетика – М.: Наука, 1983. - С. 80.
[4] Бир Стаффорд Мозг фирмы. - М., 2005. - С. 256.
[5] Арно Петерса считал своим учителем Хайнц Дитерих, бывшего советником у президента Венесуэлы Уго Чавеса и считающегося одним из вдохновителей программы “Социализма XXI века”, в которой важное место занимают идеи “IT-социализма”.

последние полтора столетия ушло вперед невероятно, и наивен тот, кто думает, что этот факт можно игнорировать и продолжать полагаться в деле управления этой громадной глобальной силой исключительно на здравый смысл и на то, что конъюнктура на бирже будет складываться благоприятно.

В СССР в начале 60-х годов была предпринята попытка построить систему управления экономикой, альтернативную рыночной. Систему, которая бы позволила осуществлять прогнозирование, планирование экономического развития и управление им на научной основе. Именно в этом состояла суть ОГАС. В этом смысле цитируемый В. Геровичем американский рецензент сборника «Кибернетику – на службу коммунизму», отметивший, что смысл этой системы состоит в том, чтобы «создать полностью интегрированную и управляемую экономику», на наш взгляд, очень точно отражает не только суть ОГАС, но и задачу, без решения которой современный объективно глобализированный мир вряд ли сможет долго балансировать на грани скатывания в хаотическое состояние.

Сегодняшний мир «интегрирован» в основном финансово, в частности тем фактом, что доллар является мировой валютой, и «управляется» мировая экономика через манипуляции с долларом. Но сегодня является очевидным, что закат этой системы не за горами. Даже Национальный разведывательный Совет США не оспаривает этой очевидности, а только старается смягчить формулировки. Вот что написано в его докладе, изданном в 2009 году:

«Несмотря на недавние вливания в долларовые активы и повышение стоимости доллара, к 2025 году он может утратить свой статус в качестве уникальной ключевой мировой валюты...»[1].

Представляется крайне наивным полагать, что место доллара займет какая-либо иная валюта или «рыночная корзина валют». Не нужно забывать, что доллар обеспечивается, в первую очередь, мощью вооруженных сил США. Никакая иная валюта не может и мечтать о подобной обеспеченности, и если уж и она оказывается недостаточной, это может означать только одно: что старая «система интеграции» мира исчерпала себя полностью и нужно искать ей замену. Пока в этом деле ясно одно – что оставлять управление мировой экономикой в руках специалистов по финансовым спекуляциям и людей, склонных решать мировые экономические проблемы с помощью военных авантюр, опасно. Управление экономикой, точно так же как и управление в любой другой сфере современной жизни, должно строиться на научной основе.

И думать над такой заменой нужно уже сегодня. Опыт СССР (как положительный, так и отрицательный) может сослужить хорошую службу тем, кто будет разрабатывать управленческие системы будущего и применять их на практике.

Судьба СССР в этом отношении очень поучительна. Почти все, кто пишет об этой истории, винят в провале проекта по созданию Общегосударственной автоматизированной системы управления экономикой руководство СССР, и, видимо, такая вина была. Но обычно умалчивается, в чем именно состояла эта вина.

Она состояла в том, что советское руководство в последний момент предпочло хлопотному и затратному проекту создания единой общегосударственной автоматизированной системы управления, которая могла бы содействовать созданию «полностью интегрированной и управляемой экономики», проект экономистов-рыночников, суть которого состояла в отказе от совершенствования методов централизованного управления экономикой и внедрении так называемых «экономических», то есть рыночных, методов, означавших фактически отказ от сознательного управления экономическими процессами[2].

Экономическая суть этой реформы сводилась к максимальной децентрализации управления. У такого стремления было объективное основание, которое В.М. Глушков зафиксировал в своей теории «информационных барьеров», состоящее в том, что уже было невозможно охватить единым взглядом все взаимосвязи частей единого хозяйства и иерархия управления в этом мало помогала. Глушков предлагал преодолевать этот барьер с помощью общегосударственной автоматизированной системы управления. Экономисты-рыночники — путем децентрализации управления, передачи максимального количества управленческих функций от центра к периферии.

Говорили, что таким образом уменьшается бюрократизация. На самом же деле таким способом под бюрократическую систему управления подводилась материальная база. Если раньше бюрократическая система управления не имела под собой никакой собственной экономической опоры и поэтому не только любой бюрократ, но и любой бюрократический орган всецело зависел от политической конъюнктуры, то теперь ситуация радикально менялась. Местная бюрократия (особенно на уровне республик) значительно усиливалась, целостность народно-хозяйственного комплекса существенно нарушалась, поскольку в условиях, когда прибыль и объем продаж объявлялись главными показателями эффективности деятельности предприятия, центр экономической жизни смещался в сторону отдельного предприятия и таким образом закладывались основы центробежных тенденций, приведших впоследствии к разрушению СССР.

Формально после реформы, как и до нее, собственность на средства производства оставалась в руках государства, но реально интерес коллектива отдельного предприятия начинал доминировать над интересом всего общества в целом, а уж о таком вопросе, как перспектива мировой революции, что было центральным вопросом в первые годы Советской власти, в это время уже и вспоминать было неприличным. Такие идеи принципиально не вписывались в концепцию «экономической» реформы.

Подход, при котором интерес «первичных коллективов» выдвигается на первый план, в марксизме называется анархо-синдикализмом, который Ленин охарактеризовал как «смертельную болезнь коммунизма».

Увы, и здесь классик оказался убийственно прозорлив.

[1] «Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. - М. Издательство «Европа», 2009.

[2] Глушков В.М. Пионер кибернетики. - К., 2003. – 326 с.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Материалы научно-практической конференции, посвященной 135-ой годовщине со дня рождения И.В. Сталина:

"И.В. СТАЛИН – руководитель государства диктатуры пролетариата"

Материалы научно-практической конференции, посвященной 135-ой годовщине со дня рождения И.В. Сталина: «И.В.Сталин – руководитель государства диктатуры пролетариата». Под редакцией доктора философских наук, профессора, руководителя Ленинградского отделения Фонда Рабочей Академии А.С. Казеннова.

Ленинград – Пушкин. 20 декабря 2014 года
Библиотека Фонда Рабочей Академии. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2015. – 123 с.

Предлагаемый вниманию читателя сборник материалов подготовлен по итогам проведения 20 декабря 2014 года научно-практической конференции, посвященной проблемам изучения истории и теории государства диктатуры пролетариата, руководителем которого был И.В. Сталин. Книга будет полезна и интересна всем, кто изучает философию и политологию, экономику и социологию, историю страны и теорию диктатуры пролетариата, кто стремится словом и делом приближать возрождение Советской власти в России.

Издание осуществлено при поддержке Фонда Рабочей Академии.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2015

ISBN 978-5-7422-4024-2

Содержание

Предисловие	5
Вступительное слово	8
Гавшин Б. Н. И.В. Сталин о значении крупного машинного производства для социализма	11
Галко В.И. Сталинская экономика	15
Герасимов И.М. И.В.Сталин – организатор оборонной промышленности СССР	18
Дегтерев Д.Б. Роль И.В.Сталина в создании системы общественного здравоохранения в СССР	23
Казеннов А.С. И.В.Сталин – организатор великих побед мирового пролетариата	32
Ковальчук Ю.К. Три теоретические модели Ленина-Сталина	39
Кузьмин Д.В. Сталинское наследие и демократия	51
Огородников В.П. Современный национализм в свете учения И.В.Сталина о нации и национальном вопросе	54
Попов М.В. Сталинская политика снижения цен	64
Пронин В.В. Особенности сталинской пропаганды	71
Станиглаз Т.В. Политика монополии внешней торговли в СССР	79
Тюлькин В.А. О немарксистском «сталинизме»	88
Шабусов К.К. Итоги первой сталинской пятилетки	96
Юрков К.В. И.В. Сталин – руководитель многонационального Советского государства	103
Рекомендации конференции	107
Приложение 1. Мао Дзэдун «К ВОПРОСУ О СТАЛИНЕ»[1]	109

[1] С данной статьей можно ознакомиться в электронной версии журнала «Марксизм и современность» за 2014-2015 № 53-54 (сайт: http://marksizm.ucoz.ru).